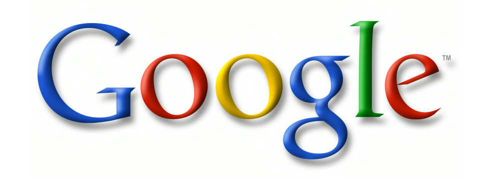
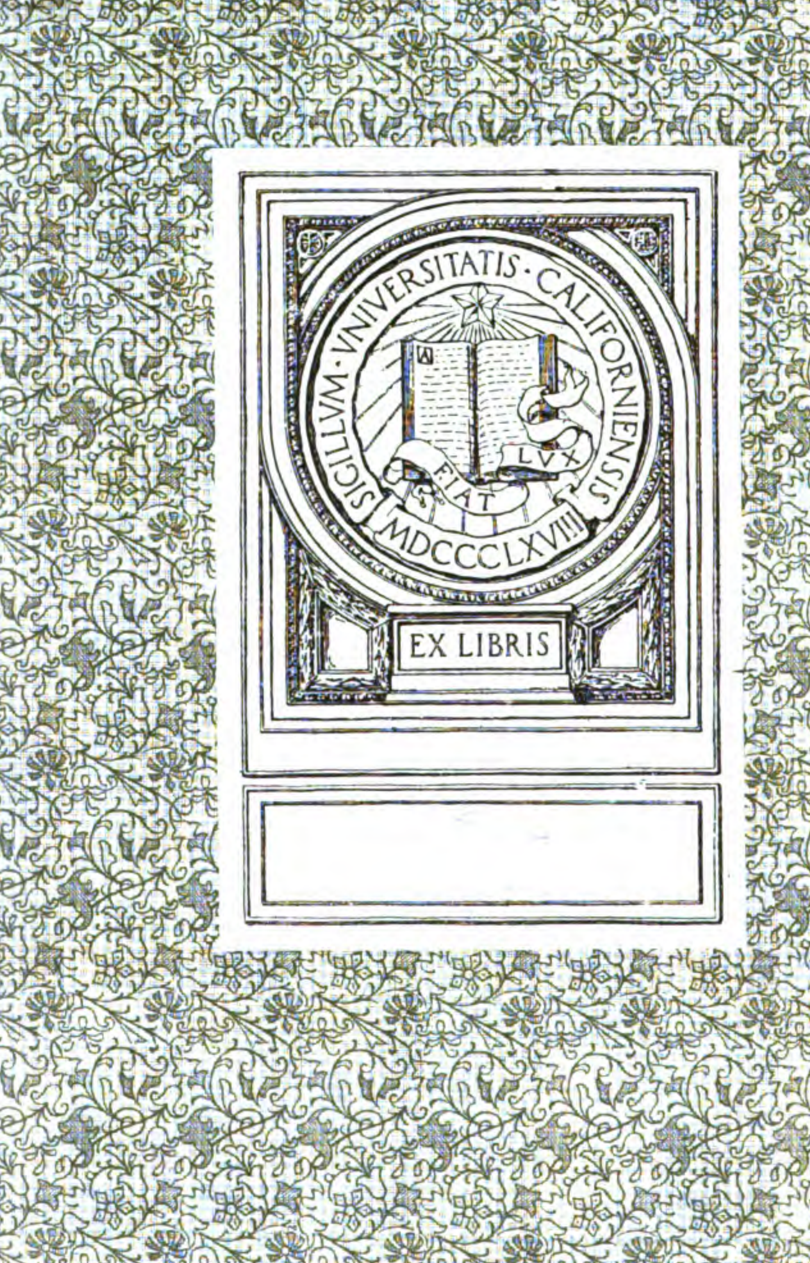


UC-NRLF
B 3 833 072


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

N 9

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

СЕНТЯБРЬ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговка, 44.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

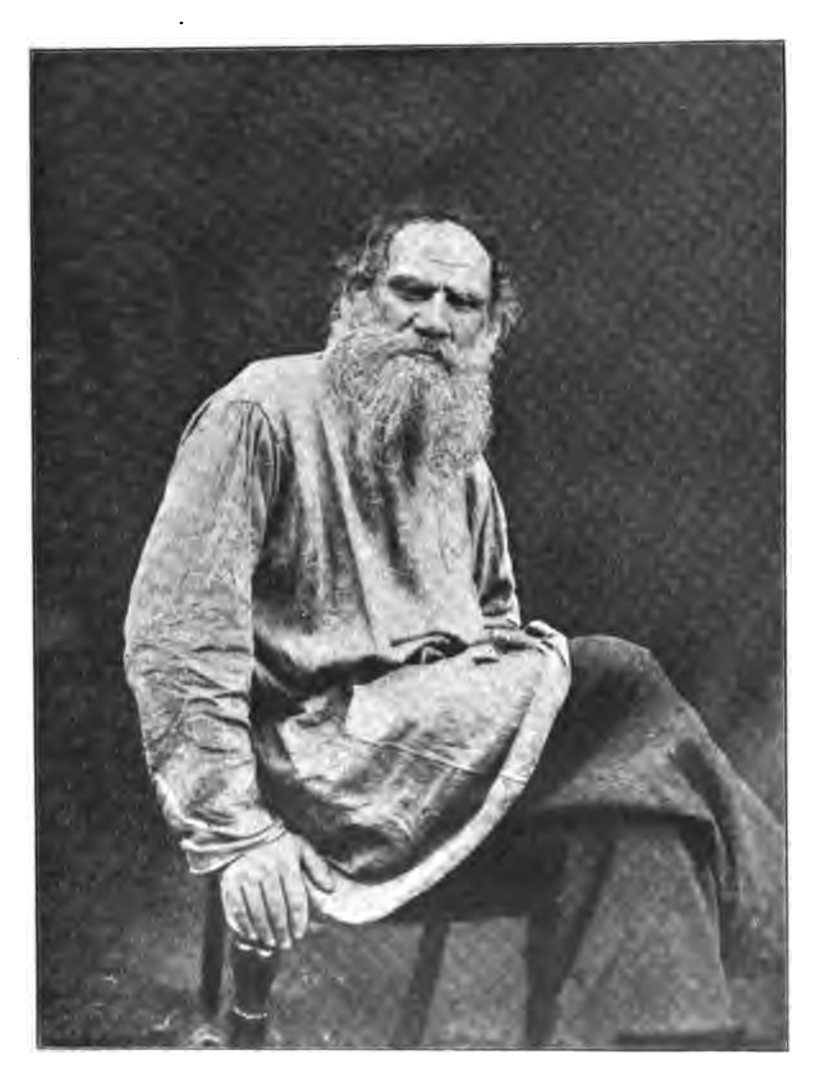
3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.
1908.



Не обращавшійся въ публикѣ портретъ Л. Н. Толстого, снятый въ началѣ девяностыхъ годовъ.

Подлинникъ съ подписью великаго писателя поступитъ въ Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

Союзъ русскихъ писателей и Л. Н. Толстой.

Въ 1901 году происходили, какъ извѣстно, во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, такъ называемые, „студенческіе безпорядки“. Для противодѣйствія этимъ „безпорядкамъ“ правительство вздумало заимствовать тогда мѣру изъ приснопамятныхъ временъ царствованія императора Николая Перваго: оно издало „временныя правила“, въ силу которыхъ виновные въ участіи въ безпорядкахъ студенты подлежали сдачѣ „въ солдаты“. Всѣмъ еще памятно то впечатлѣніе, которое произвело на общество изданіе „временныхъ правилъ“. Многіе считали эти правила лишь угрозою для учащейся молодежи и не хотѣли вѣрить, чтобы они были приведены въ исполненіе. Жизнь вскорѣ показала, однако, обратное: нѣсколько десятковъ студентовъ кіевскаго университета подверглись дѣйствію „временныхъ правилъ“ и были зачислены рядовыми въ армію. Это вызвало бурный протестъ части русскаго общества и въ особенности учащейся молодежи. Въ Петербургѣ произошла 4 марта извѣстная демонстрація на Казанской площади, окончившаяся свирѣпымъ избіеніемъ полиціей демонстрантовъ и многочисленными арестами. Въ числѣ пострадавшихъ на Казанской площади были и русскіе писатели: побоямъ подвергся Н. Ф. Анненскій, аресту—П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій и другіе. Всѣ эти событія подняли общественное настроеніе еще на большую высоту. 9 марта состоялось общее собраніе членовъ Союза русскихъ писателей, на которомъ единогласно было принято рѣшеніе (протоколъ собранія былъ подписанъ 155 писателями) обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ протестомъ противъ дѣйствій властей на Казанской площади и тѣхъ условій, которыя вызываютъ такія событія, какія имѣли мѣсто 4 марта. Въ отвѣтъ на посланное Союзомъ писателей въ этомъ смыслѣ министру внутреннихъ дѣлъ заявленіе уже 12 марта отъ петербургскаго градоначальника Клейгельса въ Комитетъ Союза поступила бумага такого содержанія: „По распоряженію господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, изложенному въ предложеніи отъ 12 сего марта за № 2814, союзъ взаимопомощи русскихъ писателей закрыть, о чемъ объявляю комитету для свѣдѣнія и соотвѣтствующихъ распоряженій“.

Такъ окончилъ дни свои Союзъ писателей. По поводу этого факта на имя уже отдѣльныхъ членовъ Союза (общее собраніе не было разрѣшено даже для ликвидаціи дѣлъ Союза) стали притекать изъ разныхъ мѣстъ Россіи привѣтствія съ выраженіемъ сочувствія Союзу. Одно изъ такихъ привѣтствій Союзу, полученное изъ Москвы, нынѣ покойнымъ П. И. Вейнбергомъ (онъ былъ тогда предсѣдателемъ Комитета Союза), гласило:

„Съ искреннимъ сочувствіемъ узнали мы о протестѣ петербургскихъ писателей противъ звѣрскихъ поступковъ полиціи 4-го марта и послѣдовавшемъ отъ Союза Русскихъ Писателей заявленіи. Заявленіе это повлекло за собою закрытіе Союза. Мы думаемъ, что закрытіе это будетъ скорѣе полезно, чѣмъ вредно для тѣхъ цѣлей, которыя дороги русскимъ писателямъ. Закрытіемъ Союза администрація признала себя виновной и, не будучи въ состояніи оправдать свои незаконные поступки, совершаетъ еще новый актъ насилія, тѣмъ самымъ еще болѣе ослабляя свое и усиливая нравственное вліяніе борящагося съ ней общества. И потому мы отъ всей души благодаримъ васъ за то, что вы сдѣлали, и надѣемся, что дѣятельность ваша, несмотря на насильственное закрытіе Союза, не ослабнетъ, а окрѣпнетъ и продолжится въ томъ же направленіи свободы и просвѣщенія, въ которомъ она всегда проявлялась среди лучшихъ русскихъ писателей“.

Привѣтствіе это, покрытое многими подписями, было открыто подписью:

Далѣе слѣдовали подписи графини С. А. Толстой, И. Л. Толстого, г-на и г-жи Крандіевскихъ, г-жи Маклаковой, князя С. И. Шаховскаго, С. А. Скирмунта и многихъ другихъ.

Покойный П. И. Вейнбергъ долго хранилъ этотъ историческій документъ у себя и затѣмъ подарилъ его въ собранные нами большія коллекціи документовъ историческаго и историко-литературнаго характера. Съ своей стороны мы, конечно, передадимъ его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими предметами въ устраиваемый въ Петербургѣ Литературный Домъ—Музей имени Л. Н. Толстого. Документъ съ подписью Льва Николаевича Толстого подъ такимъ обращеніемъ къ русскимъ писателямъ, содержаніе котораго воспроизведено выше съ буквальною точностью, долженъ будетъ, конечно, занять въ музеѣ Толстого надлежащее мѣсто.

В. Богучарскій.

Л. Н. Толстой и „Толстовство“ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Въ восьмидесятыхъ годахъ всѣ сознательные слои русскаго общества болѣе чѣмъ когда-либо сознавали, что только усилія самого народа могутъ спасти его отъ всѣхъ ужасовъ нищеты, невѣжества и рабства. Хотѣлось вѣрить, что Россія не погибнетъ, и потому вѣрили въ народъ; вѣрили, что въ немъ заложены огромныя потенціальныя силы; нужно лишь сумѣть вызвать ихъ къ жизни.

Въ то время еще не было русской соціалъ-демократіи, возложившей свои надежды, преимущественно, на фабрично-заводскій пролетаріатъ. Рабочій народъ мыслился какъ одно цѣлое, гдѣ бы онъ ни трудился на своемъ ли убогомъ надѣлѣ, въ батракахъ ли у помѣщика или въ городѣ на фабрикѣ. Вѣрили въ мощь всего трудящагося народа, и эта вѣра, какъ лучъ свѣта въ капляхъ воды, отражалась различными переливыми и оттѣнками въ призывахъ нашихъ писателей-народниковъ. Всѣ они звали туда—въ народъ, для того чтобы, слившись съ трудящимся народомъ, воспринять въ себя мощь его духа и передать ему въ свою очередь научное знаніе.

Нѣкоторые изъ писателей, призывавшихъ интеллигенцію въ деревню, какъ, напримѣръ, Энгельгардъ въ „Письмахъ изъ деревни“, особенное значеніе придавали именно этимъ знаніямъ и тому, чтобы народъ воспринялъ ихъ въ себя; для этого они и звали молодежь на землю.

Другіе же на первый планъ выдвигали тѣ духовныя сокровища, которыми, по ихъ мнѣнію, обладаетъ народъ, и пріобщиться къ которымъ должна интеллигенція, чтобы не оставаться безпочвенной, безплодной и безсильной.

Объ этомъ писали Глѣбъ Успенскій и Златовратскій; но съ особою яркостью и съ особой страстностью сталъ настаивать на этомъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Златовратскій, въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, совершенно вѣрно отмѣтилъ, что къ Толстому привлекала его проповѣдь необходимости идти на землю для того, чтобы тамъ въ трудѣ понять то, чѣмъ живетъ народъ и, понявъ это, найти новый смыслъ жизни.

Проповѣдь Толстого о непротивленіи злу насиліемъ не останавливала на себѣ вниманія: къ ней относились какъ къ чудачеству, которое можетъ позволить себѣ великій человѣкъ.

Въ 1886 году ни я, ни мой пріятель, жившій со мной А. Б. не составили себѣ опредѣленныхъ взглядовъ и рѣшеній. Было ясно, что слѣдуетъ кончить медицинскій факультетъ, а тамъ будетъ видно. Во всякомъ случаѣ, если пойдемъ въ деревню, то не съ пустыми руками, а съ знаніями, внѣ сомнѣнія, необходимыми для народа.

Мы были на 2-мъ курсѣ. Въ это время А. Б. получилъ письмо изъ Сибири отъ своего, высланнаго административно старшаго брата Анатолія, въ которомъ тотъ писалъ, что на него произвели громадное впечатлѣніе послѣднія произведенія Толстого; что еще раньше, не познакомившись съ этими произведеніями, подъ вліяніемъ всего пережитаго и передуманнаго за годы ссылки онъ пришелъ къ тѣмъ же мыслямъ, которыя находилъ теперь въ сочиненіяхъ Л. Н.

На моего пріятеля это письмо произвело огромное впечатлѣніе; оно ему было непріятно: ему казалось, что братъ чему-то измѣняетъ.

Скоро предстояло свиданіе: лѣтомъ Анатолій долженъ былъ вернуться въ Россію.

Покончивъ съ экзаменами, мы отправились съ А. Б. въ Тулу, чтобы оттуда ѣхать къ нему въ имѣніе.

Въ Тулѣ мы встрѣтили вернувшагося изъ ссылки Анатолія Б.

Стоило немного познакомиться съ нимъ, чтобы понять, что онъ не могъ быть революціонеромъ. Это былъ человѣкъ, по преимуществу, созерцательнаго склада ума. Въ его натурѣ не было ничего боевого. Во всѣ времена такіе люди уходили въ сторону отъ жизненныхъ бурь. Революціонеромъ онъ могъ быть лишь временно, пока способенъ былъ поддаваться гипнозу убѣжденій, чуждыхъ его душѣ.

На другой же день послѣ пріѣзда въ Тулу мы отправились въ Ясную Поляну и прибыли туда около полудня. Л. Н. мы не застали дома. Онъ былъ въ полѣ. Вмѣстѣ съ дочерью, Марьей Львовной, и еще однимъ молодымъ человѣкомъ, проживающемъ на деревнѣ въ Ясной Полянѣ И. Ф., Левъ Николаевичъ полол лугъ, т. е. выдергивалъ изъ него стебли конскаго щавеля.

Наскоро поздоровавшись съ нами, Л. Н. предложилъ помочь намъ

дополоть лугъ, что мы охотно исполнили. Общими усиліями работа скоро была окончена, и всѣ мы отправились въ домъ.

Толстой не сталъ намъ излагать своихъ взглядовъ, а лишь спросилъ, читали ли мы его послѣднее произведеніе „Въ чемъ моя вѣра". Анатолій не читалъ этой книги, а мы съ А. Б. рѣшили перечитать ее еще разъ, болѣе внимательно, и Л. Н. вручилъ намъ единственный, бывшій у него, печатный экземпляръ съ тѣмъ, чтобы мы вернули его черезъ 2 недѣли.

Толстой много и подробно разспрашивалъ Анатолія о его жизни въ ссылкѣ, о политическихъ, а потомъ сталъ разсказывать о Джоржѣ Кенанѣ, который заѣзжалъ къ нему проѣздомъ изъ Сибири.

На насъ произвело громадное впечатлѣніе не столько содержаніе самого разговора, сколько чарующая простота обращенія, атмосфера душевной теплоты, та страстность, съ которой обсуждались затрагиваемые вопросы.

Когда разговаривали о революціонерахъ, то Л. Н. замѣтилъ: „Русскій народъ по своей природѣ не склоненъ къ революціи. Если въ Россіи и будетъ когда-нибудь революція, то это будетъ революція пассивная".

Признаюсь, что только теперь, послѣ октябрьскихъ дней 1905 года, я понялъ всю глубину этой фразы.

И. Ф. дополнялъ и усиливалъ общее впечатлѣніе. Видно было, что этотъ человѣкъ ничему не умѣетъ отдаваться наполовину. Новое ученіе всецѣло завладѣло его страстной, сильной душой. Онъ хотѣлъ воплотить въ жизни евангельское ученіе во всей его чистотѣ и цѣлости. Поселившись въ пустой хатѣ, въ деревнѣ, съ женой и маленькимъ ребенкомъ, онъ работалъ тамъ, гдѣ видѣлъ, что въ его работѣ нуждаются, о пищѣ же для себя и семьи онъ не заботился. Онъ былъ увѣренъ, что они будутъ сыты; и дѣйствительно, сердобольныя сосѣдки приносили кто молока, кто хлѣба, но все же семья Ф. жила впроголодь, а сосѣдки, дѣлая свои приношенія, возмущались на Ф. за то, что онъ сильный, здоровый мужчина, оставляетъ жену и дѣтей безъ хлѣба.

Эти подробности мы узнали впослѣдствіи, а тогда при первомъ знакомствѣ мы были поражены тѣмъ духовнымъ подъемомъ, который наблюдался въ Ф. Казалось, что этотъ подъемъ есть лучшее доказательство того, что тутъ, дѣйствительно, найдена истина.

Анатолій уѣхалъ отъ Толстого совсѣмъ очарованнымъ, А. Б. утверждалъ, что нельзя измѣнить своихъ взглядовъ въ одинъ день. Но у него уже не было охоты спорить. Меня все видѣнное и слышанное заставило сильно задуматься о такихъ вещахъ, о которыхъ я раньше вовсе не думалъ. Прежде всего я поставилъ себѣ вопросъ: правъ ли Толстой въ своемъ объясненіи Евангелія? Дѣйствительно ли въ Евангеліи излагаются тѣ пра-

вила, слѣдуя которымъ можно теперь, сейчасъ же, стать на путь, ведущій къ безусловному счастью всѣхъ людей?

Если это такъ и если все то, о чемъ говорится въ Евангеліи, практически легко выполнимо, тогда должно быть обязанностью каждаго изучить Евангеліе, воплотить его въ своей жизни, научить этому возможно большее число людей. Самое заманчивое, какъ казалось, было то, что на этомъ поприщѣ не будетъ взаимнаго непониманія между нами и народомъ. Напротивъ, мы будемъ взаимно учиться другъ у друга. Народъ у насъ будетъ учиться новому, болѣе простому, но и болѣе осмысленному пониманію Евангелія, а мы будемъ стараться заразиться способностью народа ставить выше всего религіозные интересы.

Когда я читалъ въ первый разъ „Въ чемъ моя вѣра“ Толстого, еще не будучи лично съ нимъ знакомъ, эта книга не произвела на меня почти никакого впечатлѣнія. Въ Евангеліи, подъ вліяніемъ гимназіи и офиціальнаго его изученія, я привыкъ видѣть что-то въ родѣ сборника невѣроятныхъ легендъ въ перемѣжку съ непонятными разсужденіями о Богѣ Отцѣ и нравственными поученіями, совершенно неприложимыми къ обыденной жизни. Первое чтеніе „Въ чемъ моя вѣра“ не перемѣнило моего взгляда. Мнѣ казалось, что Толстой видѣлъ въ Евангеліи не то, что тамъ есть, а то, что онъ хотѣлъ тамъ видѣть.

Личное знакомство съ Толстымъ и не столько сила его доводовъ, сколько обаяніе его личности поколебало это мнѣніе. Я рѣшилъ основательно познакомиться съ Евангеліемъ.

Пріѣхавъ въ деревню, я сталъ читать Евангеліе параллельно съ краткимъ изложеніемъ Евангелія Толстого. И по мѣрѣ того, какъ я читалъ и вдумывался въ прочитанное, передо мной, какъ живая, выростала могучая личность Христа, всецѣло завладѣвавшая воображеніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Евангеліе становилось все болѣе понятнымъ, и казалось, что стоитъ только рѣшиться, и легко можно выполнить всѣ заповѣди Христа, согласно тому, какъ онѣ понимаются Толстымъ. Но все же были и сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, казался страннымъ поступокъ Христа, изгонявшаго бичемъ торгующихъ изъ Храма. Какъ примирить это съ проповѣдью о непротивленіи насиленіемъ. Приходилось допустить, что или Христосъ противорѣчилъ на дѣлѣ своему ученію,—но тогда пропадало все обаяніе его могучей личности, или же допустить, что этого факта не было на самомъ дѣлѣ,—но тогда гдѣ же критерій вѣрности того, что излагается въ Евангеліи? Наконецъ, можно было сдѣлать и еще одно допущеніе, именно то, что Христосъ вовсе не проповѣдывалъ непротивленія насиліемъ, и что Толстой въ этомъ пунктѣ совершенно не правъ.

Въ связи съ такимъ допущеніемъ стояло и то мѣсто въ Евангеліи,

гдѣ Христосъ говоритъ ученикамъ, чтобы они запаслись оружіемъ. Было еще одно мѣсто въ Евангеліи, которое меня сильно смущало. Это именно запрещеніе Христомъ развода. Мнѣ казался болѣе нравственнымъ взглядъ Бѣлинскаго, который писалъ, что бракъ безъ взаимной любви превращается въ развратъ. Запрещая безусловно разводъ, Христосъ, значитъ, наталкивалъ на развратъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было любви между супругами.

Съ этими недоумѣніями я рѣшилъ обратиться непосредственно къ Л. Н.

Представился хорошій случай: надо было возвратить взятую у Толстого книгу и я взялся ему ее доставить. Я рѣшилъ сдѣлать путь пѣшкомъ. Надо было пройти около 40 верстъ. Вставъ рано утромъ, часамъ къ 5-ти вечера я уже былъ въ Ясной Полянѣ. Былъ дождливый день; я по дорогѣ сильно измокъ. Меня сейчасъ же переодѣли, накормили, а послѣ обѣда я, оставшись вдвоемъ съ Л. Н., предложилъ ему свои вопросы. Относительно изгнанія торгующихъ изъ храма бичемъ онъ, на основаніи греческаго текста Евангелія, сталъ доказывать, что бичемъ былъ изгнанъ лишь мелкій скотъ, что же касается того мѣста, гдѣ Христосъ совѣтывалъ ученикамъ запасаться оружіемъ, то Толстой отрицалъ возможность такого факта и думалъ, что здѣсь искаженіе подлиннаго текста, тѣмъ болѣе, что этотъ фактъ приводится только у одного Евангелиста Луки. И. Б. Ф. объяснялъ это мѣсто иначе: онъ говорилъ, что Христосъ, какъ человѣкъ, поддался временной слабости и хотѣлъ посредствомъ борьбы избѣжать своей участи. Онъ говорилъ, что подобная слабость, проявленная Христомъ, дѣлаетъ его болѣе человѣчнымъ и болѣе близкимъ и потому еще болѣе плѣняетъ.

На вопросъ о разводѣ Толстой сталъ отрицать реальность того, что называется любовью между мужчиной и женщиной. Онъ говорилъ, что этой любви придаютъ излишнее значеніе, что это происходитъ отъ сытой и праздной жизни, что ничего подобнаго нѣтъ въ народѣ. Повидимому, этотъ отвѣтъ не удовлетворялъ и его самого. Я заключаю объ этомъ потому, что въ одно изъ нашихъ слѣдующихъ свиданій Л. Н. самъ возвратился къ этой темѣ и сталъ разсказывать о томъ, что ему недавно пришлось говорить объ этомъ съ однимъ посѣтителемъ, по мнѣнію котораго критерій истинной любви заключается въ томъ, что мужчина и женщина только тогда рѣшаются на бракъ, когда будутъ увѣрены, что этотъ бракъ принесетъ любимому человѣку наибольшее счастье.

Разъясненія Толстого меня не удовлетворили, но обаяніе его личности и всей атмосферы, создавшейся тогда вокругъ него, дѣйствовали сильнѣе доводовъ разсудка. Казалось, что, идя по его указаніямъ, отдаешься чему-то великому.

Тогда начали уже появляться интеллигентныя земледѣльческія общины. Объ одной изъ такихъ общинъ, гдѣ-то въ приволжскихъ губерніяхъ, разсказывалъ Толстой и тутъ же совѣтовалъ бросить университетъ и ѣхать туда. Этотъ совѣтъ казался мнѣ непрактичнымъ. Что сталъ бы я дѣлать въ общинѣ, не умѣя работать, и почему же, поселившись въ деревнѣ, не запастись медицинскими знаніями?

Я рѣшилъ кончить университетъ и на каникулахъ учиться земледѣльческимъ работамъ.

Толстой въ своихъ разсужденіяхъ часто проводилъ ту точку зрѣнія, что многія вещи недоступны для пониманія не трудящемуся человѣку, и что, ставъ въ условія труженика, начинаешь видѣть новые широкіе горизонты. Эта идея все болѣе завладѣвала мною. Начавъ изысканія—нельзя было остановиться на полу-пути; надо было идти до конца. Какія бы трудности не встрѣтились, но ради отысканія истины надо было стать въ условія жизни крестьянина-землепашца, своимъ трудомъ добывающаго себѣ хлѣбъ. Кромѣ того, казалось безспорнымъ и такое разсужденіе: „мы хотимъ принести людямъ пользу, хотимъ научить чему-то народъ, просвѣтить его, а начинаемъ съ того, что беремъ себѣ плоды народнаго труда и пользуемся ими еще прежде, чѣмъ начнемъ приносить кому-либо пользу; и невъ правѣ ли народъ отвергнуть наше просвѣщеніе, сказавъ: „чему вы можете научить насъ, тунеядцы?“

Подобные доводы казались неотразимыми.

Въ то лѣто намъ не пришлось больше увидѣться съ Л. Н. Мы заѣзжали на обратномъ пути въ Ясную Поляну, но Толстого не видѣли, потому что онъ былъ боленъ.

Зимою я занялся, помимо медицины, чтеніемъ всѣхъ критическихъ статей, какія появлялись тогда по поводу послѣднихъ произведеній Толстого. Все, что выставлялось тамъ противъ идей Л. Н., мнѣ казалось очень мало убѣдительнымъ. Я думаю, это происходило отъ того, что въ этихъ статьяхъ совсѣмъ почти не касались тѣхъ сторонъ ученія Толстого, которыя меня особенно привлекали, именно: его глубокаго народничества. Полемика шла по преимуществу по вопросу о непротивленіи злу насиліемъ. По этому вопросу у меня сложилось слѣдующее мнѣніе: человѣкъ долженъ работать надъ собой въ томъ направленіи, чтобы сдѣлать какое-либо насиліе для него было столь же немыслимо, какъ, напримѣръ, ѣсть человѣческое мясо. Если человѣкъ дойдетъ въ этомъ направленіи до того, что не въ состояніи будетъ употребить насиліе даже для защиты своей жизни, то только въ этомъ случаѣ онъ будетъ правъ, не прибѣгнувъ къ насилію для защиты другого человѣка.

Въ тѣхъ полемическихъ статьяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, я не на-

ходилъ возраженій противъ такого воззрѣнія на непротивленіе злу насиліемъ, такъ что полемика противъ Толстого не могла пошатнуть моихъ симпатій къ его ученію. Однако, въ воззрѣніяхъ Толстого былъ одинъ пунктъ, съ которымъ я никогда не могъ согласиться, именно: его пренебрежительное отношеніе къ естественнымъ наукамъ. Мнѣ всегда казалось, что оно проистекаетъ въ силу того, что Толстой знакомъ съ ними лишь поверхностно.

При первомъ же свиданіи зимою въ Москвѣ съ Л. Н. у насъ съ нимъ возникъ на этой почвѣ очень длинный ожесточенный споръ. Какъ ни старалась Софья Андреевна успокоить Л. Н., напоминая ему, что уже поздно и уговаривая не спорить, онъ горячился все больше и больше. Мы проспорили часовъ до 2-хъ ночи, оставшись каждый при своемъ. Надо замѣтить, что въ Москвѣ Л. Н. не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія неотразимой обаятельности, какъ въ деревнѣ. Противная его натурѣ городская жизнь и обиліе навѣщавшихъ посѣтителей дѣйствовали на его нервы и дѣлали его, видимо, раздражительнымъ. Послѣ такого спора навѣстить Толстого въ эту зиму еще разъ мы не рѣшились.

Перейдя на 4-й курсъ я уѣхалъ на лѣто въ глухой хуторъ моего знакомаго въ Смоленской губерніи и тамъ учился работать.

Но это обученіе подвигалось впередъ туго. Физическій трудъ мнѣ не былъ пріятенъ. Меня больше тянуло къ книгамъ и я бывалъ радъ, когда проливные дожди позволяли уйти въ комнату и засѣсть за чтеніе. Однако я рѣшилъ переломить себя. По цѣлымъ днямъ я косилъ, корчевалъ и взрыхлялъ мотыгой землю. Къ концу лѣта я сталъ немного свыкаться съ физическимъ трудомъ.

Осенью, по пріѣздѣ въ Москву, я познакомился съ М. А. Н., восторженнымъ поклонникомъ Толстого.

Поводомъ для знакомства послужила изданная имъ на гектографѣ брошюра Толстого „Николай Палкинъ". М. Н. говорилъ мнѣ, что книга „Въ чемъ моя вѣра" произвела на него потрясающее впечатлѣніе,—ему казалось, что всѣ вопросы рѣшены, что вся истина найдена. Страшно общительный по характеру, Н. скоро сходился съ людьми. Онъ любилъ новыя знакомства. Мы очень скоро съ нимъ сблизились.

У него въ квартирѣ я встрѣчалъ много толстовцевъ. Тутъ былъ и З., который только что отбылъ 2-хъ годичный срокъ заключенія въ дисциплинарномъ баталліонѣ за свой отказъ отбывать воинскую повинность. Здѣсь же я познакомился и съ Л. П. Н., бывшемъ нечаевцемъ, уже немолодымъ, но очень горячимъ. Его горячность въ спорахъ даже ошеломляла. Впрочемъ, больше всѣхъ любилъ говорить А. В. А., большой пріятель М. Н., бывшій народоволецъ. Часто встрѣчалъ я у Н. еще его товарища по гимназіи Л. Н. М. Онъ не былъ послѣдователемъ Толстого, но го-

рячо симпатизировалъ идеѣ интеллигентныхъ земледѣльческихъ поселковъ—общинъ. Самъ онъ въ такой общинѣ селиться не хотѣлъ, потому что ему, по его словамъ, какъ теоретику-ученому нечего будетъ дѣлать въ общинѣ. Но если въ общинѣ сойдутся врачъ, юристъ, учитель или учительница, то они могутъ принести громадную пользу населенію. Трудясь физически, они будутъ ближе къ народу и лучше поймутъ его нужды, лучше сумѣютъ отвѣтить на его запросы. Былъ тутъ и еще одинъ, почти постоянный посѣтитель, нѣкго Ѳ. А. К. Онъ ушелъ изъ университета, сталъ отбывать воинскую повинность и теперь кончалъ срокъ. Это былъ человѣкъ съ очень глубокимъ, философскаго склада умомъ, обладавшій необыкновенно сильною волей. Мы знали, что его уходъ изъ университета и отбываніе воинской повинности былъ актъ самопожертвованія, и уважали его за это, не менѣе чѣмъ З. за отказъ отъ воинской повинности. К. не былъ послѣдователемъ Т.; онъ относился къ Л. Н. отрицательно и даже не хотѣлъ съ нимъ познакомиться, несмотря на всѣ доводы и просьбы М. Н.

Большинство собиравшихся у М Н. намѣревались въ скоромъ времени поселиться въ земледѣльческихъ общинахъ. Намѣчалось двѣ общины. одна въ Тверской губ. на землѣ, купленной Н., другая въ Смоленской губ. на землѣ, принадлежавшей А. В. А.

Съ Толстымъ нашъ кружокъ связывало, главнымъ образомъ, народничество Л. Н. Вышедшее тогда въ свѣтъ сочиненіе Бондырева „Торжество земледѣлія“ съ предисловіемъ Толстого до такой степени намъ нравилось, что А. В. А. даже говорилъ, что онъ Бондарева ставитъ выше Толстого.

Вопросъ о непротивленіи злу рѣшался въ нашемъ кружкѣ приблизительно такъ же, какъ понималъ его я. Мы не хотѣли участвовать ни въ какомъ насиліи и потому ушли въ сторону отъ революціонной дѣятельности; но съ другой стороны, мы не хотѣли участвовать и въ насиліи государственномъ и потому признавали для себя невозможнымъ участіе въ военной службѣ, въ судахъ и т. п.

Съ этой-то стороны, со стороны отрицанія государственнаго насилія, намъ и было дорого ученіе о непротивленіи насиліемъ. Мы считали, что наши убѣжденія болѣе революціонны, чѣмъ убѣжденія революціонеровъ, что, впрочемъ, не мѣшало намъ относиться къ нимъ съ большой терпимостью и симпатіей.

Такъ, напримѣръ, М. Н. долго, съ большимъ восторгомъ, читалъ *всѣмъ своимъ знакомымъ* письмо одного сосланнаго революціонера къ Л. Н. Это письмо было написано очень горячо, въ немъ въ каждой строчкѣ сказывалась великая, любящая душа автора, который полемизировалъ тамъ съ ученіемъ Т. о непротивленіи злу насиліемъ. По разсказамъ Л. П. Н.,

знавшаго его лично, авторъ этого письма до такой степени обладалъ любящей душой и до такой степени вѣрилъ въ силу добра, что жилъ въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, извѣстнымъ ему за шпіона. Онъ хотѣлъ силою добра довести шпіона до раскаянія. И когда этотъ господинъ, которому онъ сдѣлалъ много добра, все же на него донесъ, то онъ повторялъ лишь одно: „я былъ съ нимъ недостаточно добръ".

Въ ту зиму какъ-то вошло въ обыкновеніе собираться по вторникамъ у Толстого. Приходилъ и весь нашъ кружокъ, за исключеніемъ лишь Л. Н. М. и Ф. А. К., которые, какъ я сказалъ, не раздѣляли воззрѣній Толстого и не хотѣли съ нимъ знакомиться.

Въ эти дни происходили жаркіе споры между Толстымъ и нами. Застрѣльщиками были обыкновенно М. Н. и А. В. А.

Какъ сейчасъ я помню Л. Н., выпрямившагося во весь ростъ съ сверкающими глазами, упорно отстаивающаго свою точку зрѣнія противъ нашихъ нападеній. Какъ поразителенъ онъ былъ въ эти мгновенія и какъ жаль, что тутъ не было художника, который срисовалъ бы его въ это время.

Въ Толстомъ совмѣщается вмѣстѣ, съ одной стороны, народникъ и политическій мыслитель съ оттѣнкомъ анархизма, и, съ другой стороны, философъ-моралистъ, отыскивающій пути для новой, очищенной отъ всѣхъ суевѣрій религіи. Самъ Толстой болѣе всего цѣнилъ свои религіозно-философскія идеи. Народническія и политическія воззрѣнія лишь вытекали у него изъ его религіознаго міросозерцанія и не были на первомъ планѣ. Для насъ же въ то время важнѣе всего были именно эти народническія и анархическія идеи. Его же религіознымъ воззрѣніямъ мы не придавали особенно большого значенія. Эта-то разница и служила причиною всѣхъ нашихъ споровъ. Мы съ своей точки зрѣнія не могли допустить, чтобы послѣдователь Толстого, сдѣлавшись таковымъ, продолжалъ жить прежнею, барскою жизнью. Л. Н. отстаивалъ ту точку зрѣнія, что важнѣе всего сохранить хорошее отношеніе къ окружающимъ тебя въ настоящій моментъ людямъ, и если для этого требуется остаться въ условіяхъ прежней богатой жизни, то слѣдуетъ лучше принести въ жертву свой душевный покой, чѣмъ причинить зло и огорченіе окружающимъ тебя близкимъ людямъ.

А. В. съ особенной рѣзкостью возражалъ Толстому. „Враги человѣку близкіе его"—приводилъ онъ текстъ Евангелія. „А если для спокойствія этихъ близкихъ людей понадобится, чтобы я участвовалъ въ разбоѣ, неужели же я долженъ въ немъ участвовать?" задавалъ онъ негодующій вопросъ. Напрасно возражалъ Толстой, что все опредѣляется степенью религіознаго сознанія. Мы оставались при прежнемъ воззрѣніи и при каждой новой встрѣчѣ споръ возгорался съ новой силой.

Такимъ образомъ, все яснѣе намѣчались два теченія въ толстовствѣ. Одно, на сторонѣ котораго стоялъ нашъ кружокъ, собиравшійся у Л. Н., можно было назвать народническимъ. Другое было скорѣе религіозное.

Сторонники этого послѣдняго теченія были духовно ближе къ Толстому; онъ считалъ, что они лучше его понимаютъ, чѣмъ сторонники перваго ученія. Въ свою очередь и представители религіознаго теченія относились къ Толстому съ большимъ уваженіемъ, доходящимъ до благоговѣнія. Для нихъ была безспорной, истинной почти всякая мысль, выраженная Л. Н.

Въ то время какъ народники-толстовцы, не взирая ни на какія трудности, сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы воплотить въ жизнь ученіе Толстого, представители другого направленія, по большей части, не измѣнили своей прежней внѣшней жизненной обстановки, за исключеніемъ лишь того, что тѣ, кто служилъ въ военной службѣ, вышли въ отставку. За то они очень много сдѣлали для распространенія идей Толстого. Я не буду въ дальнѣйшемъ изложеніи говорить о толстовцахъ этого направленія; ихъ жизнь, съ внѣшней стороны, мало отличалась отъ жизни заурядныхъ обывателей, а въ ихъ писаніяхъ на всѣ лады варіировались мысли, уже высказанныя Толстымъ.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсказу замѣчу, что послѣдователи Толстого, близкіе къ нему по его религіозно-философскимъ воззрѣніямъ, и до сихъ поръ остались вѣрны своимъ взглядамъ; не такъ обстоитъ дѣло съ народниками-толстовцами: лишь не многіе изъ нихъ и теперь еще стоятъ на томъ же пути, по которому пошли 20 лѣтъ тому назадъ, большинство же измѣнило свои воззрѣнія и пошли другими путями.

Къ плану устройства интеллигентныхъ земледѣльческихъ общинъ Л. Н. относился довольно сочувственно. Впрочемъ, не довѣряя всему создающемуся искусственно, онъ предупреждалъ о могущей постигнуть насъ неудачѣ.

Собираясь почти ежедневно у М. Н., мы много толковали объ устройствѣ будущихъ общинъ; но все же у насъ не было выработано еще ничего опредѣленнаго; отчасти потому, что мы не хотѣли заранѣе что-либо предрѣшать. Впрочемъ, наши собранія прекратились совершенно внезапно и неожиданно.

Н. посѣщалъ одинъ молодой телеграфистъ, считавшій себя революціонеромъ по убѣжденіямъ, М. И. Т. Съ революціонерами онъ знакомъ не былъ и въ ихъ дѣлахъ никакого участія не принималъ. Кто-то познакомилъ его съ Сергѣемъ Зубатовымъ, который тогда еще ловилъ на свою

удочку неопытныхъ юнцовъ. М. И. Т. былъ въ восторгѣ отъ этого знакомства. Зубатовъ ему страшно понравился. Онъ хотѣлъ познакомить съ нимъ меня и А. Б. Я отъ знакомства уклонился, а А. Б. пошелъ и проспорилъ съ Зубатовымъ цѣлый вечеръ; причемъ Зубатовъ разыгрывалъ изъ себя убѣжденнаго революціонера и А. Б. стоялъ за толстовское ученіе о непротивленіи насиліемъ; вернувшись домой, А. Б. разсказалъ мнѣ о спорѣ и при этомъ сообщилъ, что Зубатовъ ему очень не понравился. М. И. Т. передалъ Зубатову одинъ экземпляръ „Николая Палкина" и при этомъ имѣлъ неосторожность сообщить, что эту брошюру издалъ М. Н.

Вскорѣ М. Н. былъ арестованъ. Его мать была этимъ страшно потрясена. Она, со слезами на глазахъ, просила меня сходить къ Толстому и попросить его, чтобы онъ показалъ, если его спросятъ, что брошюра была издана съ его согласія. Я зналъ, что этого не было: М. Н. письменно обращался къ Л. Н. съ просьбой разрѣшить изданіе брошюры; но отвѣта на свое письмо не дождался и издалъ брошюру, не получивъ согласія Толстого. Порученіе было тяжелое. Но я все же пошелъ къ Толстому и передалъ ему просьбу матери М. Н. Съ замѣчательной мягкостью и тактичностью Л. Н. поспѣшилъ разсѣять мое смущеніе. „Конечно, съ моего согласія, заявилъ онъ, я всегда радъ, когда распространяютъ мои сочиненія". „Передайте матери Н., что я такъ и скажу, если кто-нибудь меня спроситъ".

Черезъ нѣсколько дней Толстой получилъ приглашеніе явиться къ какому-то высокому сановнику (не помню къ какому именно), Л. Н. отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакого дѣла къ этому господину, и что если тотъ его хочетъ видѣть, то онъ самъ можетъ къ нему придти. Сановное лицо само не пошло, а послало своего чиновника, молодого человѣка. Послѣдній былъ принятъ любезно, какъ и всякій посѣтитель; причемъ Толстой все время говорилъ ему о безнравственности его службы [1]).

Вскорѣ М. Н. былъ освобожденъ; но ему былъ запрещенъ въѣздъ въ Москву, и онъ уѣхалъ въ Тверскую губ. искать подходящаго для общины имѣнія.

А. В. А. къ этому времени уже поселился въ своемъ хуторѣ въ Смоленской губ. вмѣстѣ съ семьей своего двоюроднаго брата А. Е. А.

Такимъ образомъ, нашъ кружокъ распался.

Былые споры у Л. Н. прекратились. Я продолжалъ бывать у него

---

[1]) Я потому такъ подробно остановился на этомъ инцидентѣ, что со стороны офиціальныхъ представителей православія много позднѣе эта исторія излагалась въ искаженномъ видѣ и, хотя М. Н. писалъ опроверженіе, но врядъ ли многіе его прочитали. *В. Р.*

довольно часто. Онъ тогда писалъ свою книгу „Ученіе о жизни“. Какъ-то разъ онъ зашелъ къ намъ (я жилъ вмѣстѣ съ А. Б.) и принесъ корректурный оттискъ этой книги. „Даю вамъ, сказалъ онъ, всего на два дня“. Я читалъ его книгу не отрываясь; она произвела на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ его другія произведенія. Въ ней совмѣщалась удивительная простота изложенія съ глубиною содержанія. Когда я отдавалъ книгу Толстому, онъ спросилъ: „Ну, какъ вы думаете, пропуститъ цензура?“

„Тутъ есть мѣста, которыя слѣдовало бы измѣнить, чтобы ихъ пропустила цензура“, отвѣтилъ я. „Нѣтъ я не измѣню ни строчки“, сказалъ Л. Н. и прибавилъ: „Да что же тутъ такого, чтобы можно было запретить?“

Черезъ нѣсколько дней, когда опять я былъ у него, книга уже была уничтожена. Л. Н. съ сокрушеніемъ разсказывалъ объ этомъ. „Я видѣлъ сонъ, сказалъ онъ, немного помолчавъ и улыбаясь, будто бы всѣ власти изгнаны изъ страны и стало такъ хорошо и я такъ радовался во снѣ, а утромъ узнаю, что мою книгу уничтожили“.

Въ эту зиму въ университетѣ были большіе безпорядки. Университетъ былъ закрытъ на два мѣсяца. Начались усиленныя репрессіи. Атмосфера была сильно сгущенная и настолько тягостная, что нѣкоторые студенты не выдерживали и уходили изъ университета.

Было сильное искушеніе сдѣлать то же самое, бросить университетъ, но благоразумie взяло верхъ, и я остался, тѣмъ болѣе, что приближалось лѣто, а потомъ надо было пробыть въ Москвѣ еще одинъ годъ.

Лѣтомъ, живя въ имѣніи брата въ Калужской губ., я сдѣлалъ значительный успѣхъ въ искусствѣ косьбы и пахоты и даже сталъ находить въ полевой работѣ нѣкоторое удовольствіе.

На пятомъ курсѣ приходилось усиленно готовиться къ выпускнымъ экзаменамъ. Впрочемъ, съ Л. Н. видались довольно часто.

Много говорили объ образовавшихся уже тогда общинахъ. Толстой относился къ нимъ попрежнему съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ, но все же не особенно вѣрилъ въ успѣхъ.

Нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Москву М. Н., который уже устроился въ купленномъ хуторѣ. У него жили сначала З., недавно женившійся, и врачъ П. Но они скоро не поладили другъ съ другомъ. П. угнеталъ М. Н. своей необыкновенной молчаливостью. Кончилось тѣмъ, что и З. и П. уѣхали. Потомъ у Н. поселились Ф. А. К., уже отбывшій срокъ своей службы, и нѣкто Е. И. П. По складу своего характера Е. И. примыкалъ скорѣй къ толстовцамъ съ религіозно-аскетическимъ оттѣнкомъ.

Физическая работа его очень тяготила; онъ переходилъ изъ общины въ общину, вездѣ оставался недолго, работалъ мало и въ концѣ концовъ уѣхалъ куда-то на югъ.

Ѳ. А. К. тоже на первыхъ порахъ не удовлетворяла жизнь въ общинѣ; проживъ въ ней мѣсяца два, онъ уѣхалъ, о чемъ мы съ М. очень сожалѣли.

Толстому хотѣлось встрѣтиться съ М. Н. Рѣшили свидѣться у насъ на квартирѣ. Въ назначенное время пришли М. Н., Ѳ. А. К., Л. Н. М., а потомъ и Л. Н. и съ нимъ еще двое или трое его знакомыхъ. Л. Н. былъ очень радъ увидѣть, наконецъ, Ѳ. А. и Л. М., т. к. много объ нихъ отъ меня слышалъ и, видимо, ими интересовался. Онъ тотчасъ же къ нимъ подсѣлъ и завязалъ съ ними бесѣду. Между тѣмъ М. Н. въ разговорѣ съ другимъ гостемъ, молодымъ писателемъ изъ народа, сказалъ какую-то неодобрительную фразу объ одномъ изъ тѣхъ толстовцевъ, которые продолжали жить прежней барской жизнью. Къ несчастью, эту фразу Толстой услыхалъ; онъ тотчасъ же съ жаромъ вступилъ въ разговоръ, и опять разгорѣлся прежній споръ. На этотъ разъ горячились особенно сильно. Доходили почти до колкостей. Уходя съ своими спутниками, Л. Н. сказалъ: „Мы пойдемъ и по дорогѣ не будемъ плохо о васъ отзываться, смотрите же и вы тутъ не говорите о насъ плохо“. Эта фраза нѣсколько облегчила то непріятное тягостное чувство, которое получилось у всѣхъ присутствующихъ послѣ этого спора.

Приблизительно около этого времени Толстой бросилъ курить и выступилъ походомъ противъ алкогольныхъ напитковъ. Онъ написалъ очень горячую статью въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, съ призывомъ къ студенчеству не праздновать 12-е января поголовнымъ пьянствомъ въ московскихъ трактирахъ. Какъ извѣстно, этотъ призывъ успѣха неимѣлъ. Однако Толстой этимъ не смутился,—онъ даже началъ организовывать общество трезвости.

Въ нашемъ кружкѣ это новое настроеніе Л. Н. не встрѣтило сочувствія. Мы боялись, что Толстой погрузится въ тину мелкой будничной морали. Какъ-то разъ Л. П. Н. откровенно высказалъ это опасеніе самому Толстому. „Мы русскіе, сказалъ онъ, привыкли говорить: „Мы плохи, но у насъ есть великій старецъ, и на этого старца мы уповаемъ“,—а этотъ старецъ занимается какими-то обществами трезвости“. Услыхавъ эту отповѣдь, я думалъ, что Л. Н. вскипитъ, и начнется споръ, но онъ въ отвѣтъ только весело расхохотался.

Мнѣ часто приходилось встрѣчать въ печати мнѣніе, что въ то время мысли Толстого приняли явно аскетическое направленіе.

Я лично никогда не могъ подмѣтить у Л. Н. наклонности къ аскетизму. Мнѣ кажется, что аскетизмъ совершенно чуждъ его натурѣ. Если

онъ возставалъ противъ куренія, противъ употребленія спиртныхъ напитковъ, противъ мясной пищи, то въ основѣ этой проповѣди лежалъ не аскетизмъ, а требованія гуманности и морали. Вѣдь все это приносило такъ очевидно и такъ много непосредственнаго зла.

Къ половому вопросу въ бесѣдѣ съ Толстымъ возвращались довольно часто. Онъ, попрежнему, относился отрицательно къ половой любви. Я помню, какъ-то разъ онъ сказалъ такую фразу: «Жениться изъ за любовной страсти не хорошо, а жениться по холодному расчету, въ основу котораго положены даже лучшія намѣренія, еще хуже».—„Но какъ же жениться?", спросилъ я его. Онъ ничего не отвѣтилъ. Въ то время онъ уже начиналъ обдумывать тему „Крейцеровой Сонаты", но еще не пришелъ къ своимъ крайнимъ выводамъ: къ проповѣди абсолютнаго воздержанія.

Въ эту-то зиму Л. Н. задумалъ писать свой знаменитый романъ „Воскресеніе". Онъ сообщилъ намъ объ этомъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: какъ-то разъ вечеромъ у него, кромѣ другихъ посѣтителей, былъ проф. Массарикъ и Эртель. Среди разговора Толстой, обратясь къ Эртелю, сказалъ: „вотъ вы, молодые писатели, все жалуетесь, что нѣтъ темъ, тогда какъ ихъ очень много; вотъ, напримѣръ, тема — случай изъ дѣйствительной жизни, который сообщилъ мнѣ одинъ знакомый юристъ" [1]). И затѣмъ Л. Н. разсказалъ содержаніе „Воскресенія". Эртель отвѣтилъ: „куда ужъ намъ браться за такія темы; съ ней могъ бы справиться развѣ только Достоевскій, да вотъ вы, Л. Н." Толстой на это ничего не отвѣтилъ. Мнѣ съ А. Б. пришлось идти домой вмѣстѣ съ проф. Массарикомъ и всю дорогу мы говорили о томъ, какъ хорошо было бы, если бы Толстой дѣйствительно написалъ повѣсть на эту тему. Черезъ нѣсколько дней, придя съ А. Б. къ Л. Н., мы стали разсказывать ему нашъ разговоръ съ Массарикомъ. Потомъ недѣли двѣ спустя, когда мы опять были у Толстого, онъ сообщилъ намъ: „а вѣдь я уже рѣшилъ писать повѣсть и уже написалъ письмо, прося разрѣшенія использовать тему".

На Страстной недѣлѣ Толстой съ нѣсколькими друзьями ушелъ изъ Москвы пѣшкомъ въ Ясную Поляну.

Сдавъ выпускные экзамены [2]), я тотчасъ же уѣхалъ въ Тверскую губ. къ М. Н., который въ это время жилъ одинъ въ своемъ хуторѣ. Докторъ П., живя въ общинѣ, купилъ на средства Н. медикаменты и наиболѣе необходимые инструменты. Ближайшая земская больница была въ 17 верстахъ. И потому, какъ только узнали, что пріѣхалъ докторъ, стало приходить много больныхъ.

---

[1]) Теперь извѣстно, что этотъ юристъ былъ А. Ф. Кони, разсказавшій недавно самъ объ этомъ фактѣ въ печати.

[2]) Мы кончали еще по старому университетскому уставу.

Мое положеніе сразу стало очень тяжелымъ. Не было опытности, чувствовались пробѣлы въ знаніяхъ; надо было бы читать, пополнять эти пробѣлы, а тутъ спѣшныя полевыя работы: пашня, сѣвъ гречихи и ячменя, участвовать въ которыхъ я считалъ своею обязанностью. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я чувствовалъ необходимость въ основательномъ пополненіи своихъ медицинскихъ познаній.

Вскорѣ къ намъ пріѣхали двѣ учительницы—барышни, которыя сначала хотѣли пробыть у насъ только лѣто. Вслѣдъ за ними явился П. Н. Г., семинаристъ изъ Твери, очень симпатичный молодой человѣкъ; онъ объявилъ, что рѣшилъ бросить семинарію и навсегда у насъ поселиться. Работа пошла успѣшнѣе. Это лѣто мы жили дружно и весело. Въ серединѣ августа пріѣхалъ опять Ѳ. А. К., чему мы всѣ были очень рады. Онъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся за работу. Глядя со стороны, можно было подумать, что она доставляетъ ему громадное наслажденіе. Двѣ спѣшныхъ и большихъ работы сѣнокосъ и жатву мы не рѣшились выполнить своими силами, а нанимали для этого крестьянъ. Всѣ остальныя работы производили сами.

Скотъ пасъ маленькій, нанятый М. Н., пастушокъ, лѣтъ 9-ти. Но съ нимъ намъ было много хлопотъ. Бывало, пойдемъ звать его обѣдать и не находимъ ни скота, ни пастуха. Разыщешь по кустамъ коровъ и телятъ, но никакъ не можемъ отыскать пастуха. Оказывается, что онъ спитъ гдѣ-нибудь, свернувшись въ клубочекъ, и пройдешь нѣсколько разъ мимо него, не замѣчая и принимая его за камень.

Осенью одна изъ учительницъ, В. П. П., уѣхала въ свою школу, а другая, М. В. Ч., рѣшила остаться у насъ.

Покончили со всѣми полевыми работами, съ молотьбой и выкопали картофель. Времени свободнаго стало оставаться больше. Меня, какъ занятаго медициной, вовсе освободили отъ всякихъ работъ. Но теперь, когда можно было уже всецѣло отдаться медицинѣ, я сталъ еще больше тяготиться своей недостаточной подготовленностью. Однако, я не рѣшался бросить общину и уѣхать учиться въ Москву. Наконецъ, я не выдержалъ и уѣхалъ изъ общины, чтобы вдали отъ больныхъ принять то или другое рѣшеніе.

Пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, я отправился въ Ясную Поляну. Былъ октябрь, стояла чудная осенняя погода. Кромѣ меня, въ Ясной полянѣ въ это время не было никакихъ гостей. Вставали въ 8 часовъ утра и послѣ утренняго чая Л. Н. уходилъ работать въ свой кабинетъ, а я или читалъ наиболѣе интересныя изъ получаемыхъ имъ писемъ, или переписывалъ для общины „Крейцерову Сонату“, которую Л. Н. тогда окончательно отдѣлывалъ. Такъ длилось до завтрака—въ 12 ча-

совъ,—послѣ чего мы съ Л. Н. отправлялись въ лѣсъ; распиливали поваливщіеся или сухостойныя деревья и затѣмъ привозили ихъ домой, справляясь вдвоемъ со всей работой. Мы работали до обѣда, т. е. до 5 часовъ. Трудно передать содержаніе нашихъ бесѣдъ во время этого продолжительнаго совмѣстнаго пребыванія.

Болѣе всего Л. Н. очаровывалъ своей искренностью, тѣмъ, что онъ, казалось, дѣлился самыми своими интимными мыслями.

Послѣ обѣда Л. Н. любилъ оставаться одинъ. За вечернимъ чаемъ, въ 9 часовъ вечера, собиралась вмѣстѣ вся семья; послѣ чая не расходились до 11—12 часовъ. Въ это время, по большей части, Л. Н. что-нибудь громко читалъ. Преимущественно читали „Обломова"; иногда Л. Н. садился за піанино и что-нибудь игралъ.

Время шло чрезвычайно пріятно.

Я былъ въ атмосферѣ обаянія личностью Л. Н. и того громаднаго впечатлѣнія, которое производило на меня чтеніе „Крейцеровой Сонаты".

Я мало еще зналъ жизнь и не могъ судить, насколько правъ Толстой. Былъ ли несчастный бракъ Позднышева лишь спорадическимъ случаемъ или же всякій бракъ несетъ за собою разочарованіе, горечь и страданіе. Являлся вопросъ: любовь, столь опоэтизированная романистами, не есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, лишь иллюзія, которая проходитъ вслѣдъ за удовлетвореніемъ?

Мнѣ кажется, что идея „Крейцеровой Сонаты", особенно послѣсловія, съ необходимостью вытекаетъ изъ нежеланія Толстого придавать какое-либо значеніе половой любви. Допуcтивъ ту ложную точку зрѣнія, что эта любовь есть только иллюзія или выдумка праздныхъ господъ, онъ неминуемо долженъ былъ придти къ положеніямъ, высказаннымъ въ послѣсловіи.

Въ общинахъ „Крейцерова Соната" произвела громадное впечатлѣніе и породила много споровъ, особенно въ Смоленской общинѣ, гдѣ у А. В. А. въ это время собралось болѣе 20 человѣкъ общинниковъ. Самъ А. В. А. очень увлекся идеей общинъ; онѣ, по его словамъ, должны быть тѣми свѣточами, къ которымъ, какъ къ кострамъ въ степи въ темную ночь, отовсюду будутъ приходить люди.

Но необходимо устроить ихъ на болѣе прочныхъ началахъ. Для этого онъ хотѣлъ ввести въ общинахъ что-то въ родѣ обязательнаго устава. Абсолютное половое воздержаніе предполагалось, какъ непремѣнное условіе пребыванія въ общинѣ. Съ этими планами А. рѣшилъ объѣхать всѣ бывшія тогда общины [1]). Когда онъ пріѣхалъ въ Москву и разсказалъ свои планы Л. Н. М—у, тотъ пришелъ въ ужасъ, потому что ни минуты не сомнѣ-

[1]) Кромѣ Смоленской и Тверской еще были общины въ Харьковской и Тамбовской губ.

вался въ томъ, что если подобныя предложенія будутъ приняты въ общинахъ, то общины въ очень скоромъ времени прекратятъ свое существованіе. У М. была одна надежда на меня, онъ думалъ, что я помѣшаю А убѣдить доводами своего краснорѣчія нашихъ тверскихъ общинниковъ. М. написалъ мнѣ въ Ясную Поляну самое отчаянное письмо, прося немедленно вернуться въ общину, что, какъ писалъ онъ, необходимо для ея спасенія.

Мнѣ дѣйствительно пора было уѣзжать и на другой же день я распростился съ Толстымъ. Когда я пріѣхалъ въ общину, А. В. А. тамъ уже не было. Было большое оживленіе. П. Г., М. Н. и Ф. А. К. всѣ трое наперерывъ разсказывали мнѣ то, о чемъ говорилъ А—й, но при этомъ сильно другъ другу противорѣчили.

Вскорѣ я получилъ отъ А—ія письмо, въ которомъ онъ выставлялъ свои главныя положенія: 1) утвержденіе истины жизнью, 2) подчиненіе личной воли общему дѣлу, 3) подчиненіе плоти духу. Въ своемъ отвѣтѣ на его письмо я напалъ, преимущественно, на второе положеніе и проводилъ ту мысль, что мы подчиняемъ личную волю не общему дѣлу, а волѣ Бога, и что это подчиненіе и есть наше общее дѣло, но что оно должно совершаться вполнѣ свободно, что не должно быть никакого давленія со стороны—ни моральнаго, ни логически философскаго.

Мое письмо, кажется, всѣмъ понравилось и всѣхъ успокоило, за исключеніемъ М. В. Ч., которая не хотѣла допустить въ своемъ лексиконѣ слова „Богъ“.

А. В. А. подъ этимъ словомъ разумѣлъ истину. Федоръ вѣрилъ мистически въ живаго Бога. Михаилъ говорилъ: „Богъ есть любовь и истина“. Петръ же отмалчивался и утверждалъ, что все это темно, а ясны и понятны только пять заповѣдей, выставленныхъ Толстымъ, и для него этого вполнѣ достаточно.

Лично я развивалъ слѣдующую теорію: Богъ есть истина, только не та истина, которую мы видимъ, а абсолютная истина, полноты которой мы знать не можемъ, а видимъ только отблескъ ея, вмѣстѣ съ тѣмъ Богъ—это любовь и первопричина всего сущаго.

Но мы не можемъ имѣть никакого отношенія къ Богу, понимаемому какъ отвлеченная идея. Я вѣдь не знаю сущности вещей, но я знаю мое отношеніе къ вещамъ и принимаю это отношеніе въ повседневной жизни такъ, какъ будто бы оно и есть самая сущность вещей. Точно также, я, не зная сущности Божества, могу относиться къ нему только какъ къ лицу и принимать это отношеніе, какъ сущность. Это разсужденіе всѣмъ нашимъ очень понравилось, и даже М. В. начало примирять съ словомъ „Богъ“.

Смыслъ жизни я хотѣлъ найти въ постепенномъ совершенствованіи своего духа. Я писалъ объ этомъ Л. Н., прося его высказать свое мнѣніе.

Онъ очень скоро прислалъ отвѣтъ; онъ писалъ, что ростъ духа, вѣроятно, бываетъ, но что дѣлать это цѣлью и смысломъ жизни нельзя. Что цѣлью жизни можетъ быть только исполненіе воли Бога, которая всегда ясна.

Въ это время были длинные ноябрьскіе вечера, которые мы проводили за чтеніемъ.

У М. Н. была очень недурно подобранная библіотека.

День уходилъ у меня на медицину, у другихъ на работу по уходу за скотомъ, на пилку и колку дровъ и т. п.

Окружающіе крестьяне сначала относились къ намъ отчасти недовѣрчиво, отчасти насмѣшливо. Но осенью, когда мы принялись за работу очень серьезно, это недовѣріе смѣнилось нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Мы въ это время, послѣ уборки картофеля, занялись очень тяжелой работой.

Земля въ общинѣ была по преимуществу песчаная; и вотъ мы рѣшили навозить на нее перегноя изъ сосѣдняго болота. Землю изъ болота вывозили по доскамъ на тачкахъ, потомъ наваливали въ телѣги и везли на поле. Эта работа, по своей трудности и очевидной полезности, особенно удивляла крестьянъ. Ихъ удивляло то, что мы сразу взялись за такую работу, которая имъ не приходила и въ голову.

Какъ-то разъ пріѣхалъ становой, посмотрѣлъ на эту работу и сказалъ: „Ну, васъ не испугаешь каторгой, вы сами тутъ себѣ устроили каторжныя работы". Къ моему лѣченію относились съ благодарностью, и эту благодарность распространяли на всѣхъ.

Невдалекѣ жилъ молодой сектантъ, крестьянинъ-пашковецъ. Онъ часто къ намъ приходилъ и очень съ нами сблизился. Это былъ очень симпатичный и стойкій юноша. Общее у насъ съ нимъ отрицаніе внѣшняго богопочитанія заставило крестьянъ считать насъ за пашковцевъ. Что такое пашковщина, объ этомъ они не имѣли, конечно, ни малѣйшаго понятія, и объ этомъ ходили у нихъ самые разнообразные толки.

Были такіе крестьяне, которые приходили, толковали съ нами, старались намъ поддакивать, но все это въ надеждѣ, подольстившись къ намъ, чѣмъ-нибудь поживиться. Наконецъ, было нѣсколько человѣкъ болѣе развитыхъ. Они составили себѣ о насъ такое мнѣніе: „Хотятъ спасти свою душу, на свой собственный манеръ". При встрѣчѣ, они выказывали къ намъ большое уваженіе, вообще же насъ сторонились.

Въ то время у насъ шла переписка съ нѣкіимъ В., который хотѣлъ переселиться къ намъ изъ Донской области съ своимъ семействомъ. Начали уже заготовлять лѣсъ подъ постройку. Деревья вывозили изъ своего лѣсного участка десятинъ въ 30, который принадлежалъ къ имѣнію и находился въ отдѣльномъ кускѣ въ 3-хъ верстахъ отъ усадьбы.

Для переговоровъ пріѣхалъ братъ В. Ему у насъ не понравилась

скудость земли (почти голые пески, дававшіе всего самъ третей урожая). Такимъ образомъ, планъ поселенія В. разстроился. Тогда крестьяне ближняго села Перхова стали просить, чтобы мы продали имъ заготовленный лѣсъ. Но тутъ я поднялъ такой вопросъ: „Мы считаемъ своимъ лишь то, надъ чѣмъ трудились и что необходимо намъ для труда. Этотъ лѣсъ, взятый изъ участка, отстоящаго отъ нашего имѣнія за 3 версты, развѣ намъ нуженъ? А если онъ намъ не нуженъ, то на какомъ основаніи мы считаемъ его своимъ? Онъ принадлежитъ тѣмъ, кому онъ нуженъ, т. е. перховскимъ крестьянамъ, которые хотятъ его купить. Но если такъ, то этотъ лѣсъ надо отдать даромъ. Пусть только выплатятъ тѣ деньги, которые мы потратили на его вывозку“.

Разсуждая такъ, я хотѣлъ быть послѣдовательнымъ до конца, а главное, изъ опыта жизни узнать, куда приведутъ насъ наши взгляды: „Всякая собственность, не необходимая для личнаго труда, говорилъ я, поддерживается и сохраняется лишь насиліемъ и потому, признавая ее, мы тѣмъ самымъ признаемъ и поддерживаемъ принципъ насилія. Но что же такое вся наша жизнь, какъ не протестъ противъ насилія? И если мы станемъ признавать и поддерживать принципъ насилія актомъ продажи совершенно ненужнаго намъ лѣса, то какой смыслъ будетъ имѣть вся наша жизнь?“

Этими разсужденіями я убѣдилъ моихъ товарищей.

Мы собрали всѣхъ перховцевъ, желавшихъ купить лѣсъ, и въ краткихъ, но ясныхъ словахъ сказали имъ, что такъ какъ лѣсъ растили не мы, а Богъ, такъ какъ лѣсъ намъ не нуженъ, а нуженъ имъ, то пусть они его и берутъ, только съ тѣмъ, чтобы отдали по 20 коп. за бревно, которые мы истратили на вывозку и очистку лѣса.

Крестьяне, убѣдившись, что мы не сошли съ ума и говоримъ серьезно, крайне обрадовались и не замедлили увезти бревна. Но они были тоже логичны: „Значитъ, и тотъ участокъ, изъ котораго привезенъ лѣсъ, вамъ не нуженъ; онъ Божій и изъ него можетъ всякій рубить сколько кому надо“. Не могли же мы сказать: „Нѣтъ“. „Да, и всякій можетъ рубить, кому сколько надо“, отвѣтили мы.

Результатъ этихъ словъ былъ поразителенъ.

Въ тотъ годъ (1890) весна была ранняя, зима подходила къ концу. Въ нашъ лѣсъ поѣхали крестьяне со всѣхъ деревень; всѣ спѣшили воспользоваться послѣднимъ саннымъ путемъ. Кто пріѣхалъ на одной подводѣ, кто на пяти. Вскорѣ прибѣжалъ крестьянинъ изъ сосѣдней деревни и съ ужасомъ сталъ разсказывать, что въ лѣсъ съѣхалось такое множество народа, что уже началась изъ-за него свалка, что необходимо устроить очередь и не пускать всѣхъ разомъ. Признаюсь, мы струхнули, мы боялись,

чтобы не дошло дѣло до драки и до убійствъ. Было очень стыдно и досадно; получилось ощущеніе чего-то пошлаго и гадкаго. Пришлось попятиться назадъ. Назначили этого крестьянина сторожемъ и стали пускать въ лѣсъ по очереди. Но сами въ лѣсъ не ѣздили, намъ было стыдно. А крестьянинъ-сторожъ, какъ мы узнали потомъ, пускалъ въ лѣсъ лишь тѣхъ, кто ему платилъ. Нами были всѣ недовольны. Кто уже взялъ—былъ недоволенъ, что взялъ мало, кто не взялъ—былъ недоволенъ, что не успѣлъ взять... Крестьяне толпами приходили и просили дать пропускъ въ лѣсъ. Приходилось имъ отказывать, но это было очень мучительно. Лучшіе изъ крестьянъ насъ осуждали. „Если хотѣли сдѣлать доброе дѣло, говорили они, то раздѣлили бы лѣсъ бѣднѣйшимъ. А то теперь богатые, у которыхъ много лошадей, вывезли много, а бѣднякамъ ничего не досталось".

Нашъ поступокъ логически вытекалъ изъ нашихъ принциповъ, и если онъ привелъ къ нежелаемымъ результатамъ, то въ чемъ кроется причина этого? Доказываетъ ли это несостоятельность нашихъ убѣжденій? или же нами была допущена какая-нибудь ошибка? Эти вопросы не давали намъ покоя.

Въ это время П. Н. Г. получилъ телеграмму о смерти своего отца и уѣхалъ къ своимъ роднымъ поддержать ихъ въ горѣ.

Н. М. съ Ѳ. А. К. рѣшили поѣхать въ Смоленскую общину подѣлиться своими впечатлѣніями и думами. Въ душѣ Федора опять совершался какой-то мучительный разладъ. Я на время остался одинъ и съ помощью М. В. Ч. и В. П. П. [1]) управлялся со всѣми работами и лѣчилъ попрежнему больныхъ.

Теперь вопросъ о лѣсѣ приходилось рѣшать мнѣ одному; попрежнему приходили просить пропуска въ лѣсъ. Я рѣшилъ никого больше въ лѣсъ не пускать: „Пусть тѣ, у кого есть срубленныя деревья, ихъ увезутъ, но новыхъ рубщиковъ я больше не пущу". Такъ заявлялъ я тѣмъ, которые приходили просить пропуска въ лѣсъ.

Мое одиночество продолжалось не долго. Недѣли черезъ двѣ явился Г., а потомъ и Н. съ К. Съ ними пріѣхала изъ Смоленской губ. еще дѣвушка, М. Ф. С., очень молодая и наивная, и М. И. П., бывшій управляющій имѣніями. Онъ говорилъ, что признаетъ въ толстовствѣ только ученіе о томъ, что надо жить трудами своихъ рукъ, „а все остальное метафизика и чепуха", добавлялъ онъ.

Начались разсказы о Смоленской общинѣ. Тамъ собралось нѣсколько дѣвушекъ и мужчинъ. Жила семья С., но они уѣхали.

А. В. А. все старался „поднять, по его словамъ, какъ можно выше

---

[1]) Она около Рождества бросила школу и пріѣхала къ намъ съ тѣмъ, чтобы навсегда у насъ остаться. *В. Р.*

томъ". Онъ много толковалъ о безбрачіи. Причемъ настаивалъ на томъ, что безбрачіе должно быть непремѣннымъ условіемъ пребыванія въ общинѣ. Нѣкоторые члены общины возмущались этой попыткой насиловать свободную волю личности, и потому отношенія въ общинѣ были натянутыя; нѣкоторые изъ общинниковъ уходили, какъ, напримѣръ, М. Ѳ. С. и М. И. П. Эти вѣчные разговоры о бракѣ были неумѣстны. Одна дѣвушка въ Смоленской общинѣ даже признавалась, что она до этихъ поръ никогда объ этомъ не думала, а теперь послѣ разговоровъ о половомъ воздержаніи мысль о бракѣ неотступно ее преслѣдуетъ. И она вскорѣ потомъ вышла замужъ за человѣка, котораго не любила, даже не уважала, просто потому, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе; въ своемъ замужествѣ она была очень несчастлива.

Въ общемъ идеи, положенныя въ основу „Крейцеровой Сонаты", вліяли разрушающе на общинную жизнь. Было много неестественнаго въ этомъ стремленіи къ безбрачію тамъ, гдѣ жили вмѣстѣ молодые люди обоего пола, которымъ ничто не мѣшало вступить въ бракъ. Мое душевное состояніе въ это время было очень тяжелое. Не говоря уже о томъ, что исторія съ лѣсомъ меня порядочно измучила, я все больше убѣждался, что нельзя одновременно и заниматься медициной и работать физически. „Нельзя служить двумъ господамъ", какъ я говорилъ. Но зарабатывать себѣ пропитаніе медициной при той малой степени знаній, которыя у меня были, я считалъ недобросовѣстнымъ. Надо было или бросить медицину или ѣхать куда-нибудь учиться, пополнять свои знанія. Я рѣшилъ лѣто проработать въ общинѣ, а на зиму поѣхать куда-нибудь заняться медициной, подъ руководствомъ опытнаго врача. Но жить лѣтомъ въ Тверской общинѣ я рѣшительно не хотѣлъ; это значило разрываться еще цѣлое лѣто между работой и медициной. Въ виду этого я въ концѣ марта направился въ Смоленскую общину. Ѳ. А. К., о настроеніи котораго уже было упомянуто, какъ-то заявилъ, что уходитъ отъ насъ.

Онъ уѣхалъ въ Москву еще раньше меня. Со мною вмѣстѣ рѣшилъ уйти М. И. П., которому у насъ не понравилось. Я хотѣлъ заѣхать въ Москву и въ Ясную Поляну. До Торжка верстъ 80 мы шли пѣшкомъ вмѣстѣ съ М. И. П., а потомъ разъѣхались: я поѣхалъ въ Москву, а онъ въ Смоленскую общину. Въ Москвѣ я встрѣтился съ Ѳ. А. К. „Жить разумомъ,—говорилъ онъ, — мнѣ нельзя. И неудовлетворенность общинной жизни, которая у насъ ясно чувствовалась, происходила оттого, что мы свое міровоззрѣніе построили на доводахъ одного только разума. Нашъ разумъ ограниченъ и заблуждается. Въ основу жизни можно положить лишь вѣру въ Бога живаго. Только при непосредственной вѣрѣ въ Бога, при непосредственномъ съ нимъ общеніи въ молитвѣ, возможна религіозная жизнь.

Вѣра не вытекаетъ изъ разума, напротивъ: разумъ разрушаетъ вѣру, а потому онъ долженъ быть низвергнутъ съ своего пьедестала. Необходимо подчинить разумъ авторитету высокихъ нравственныхъ личностей, каковы отцы церкви". Такимъ образомъ, Ѳ. А. К. считалъ отцовъ церкви лучшими авторитетами въ дѣлѣ религіи, а православіе считалъ необходимымъ въ дѣлѣ вѣры.

Меня все это страшно поразило. Православіе я зналъ лишь изъ катехизиса Филарета, который еще въ гимназіи казался мнѣ явно лживой книгой. „Легко сказать, думалъ я, подчинить разумъ вѣрѣ, но какъ это сдѣлать?"

На Ѳ. К. оказалъ большое вліяніе В. Ѳ. О. Онъ былъ уже старикъ, но обладалъ большимъ краснорѣчіемъ. Ѳ. свелъ меня къ нему. Мы проговорили нѣсколько часовъ подрядъ. Говорилъ, впрочемъ, исключительно В. Ѳ. О.; его краснорѣчіе вліяло почти неотразимо. Я чувствовалъ, какъ онъ убѣждаетъ меня помимо моей воли. Онъ говорилъ на тему о вѣрѣ въ евангельскія чудеса, причемъ правдивость написаннаго доказывалъ совершенно новымъ для меня аргументомъ, именно художественностью Евангелія.

Для примѣра онъ передалъ разсказъ о воскрешеніи Лазаря. Дѣйствительно, съ его комментаріями этотъ разсказъ показался мнѣ исполненнымъ самой высокой художественности.

Невѣріе современнаго намъ общества онъ приравнивалъ къ невѣрію Мароы, которая послѣ всего того, что видѣла раньше, все-таки плачетъ и ни минуты не думаетъ о томъ, что Христосъ можетъ воскресить Лазаря. Невѣріе современнаго общества онъ объяснялъ его невѣжествомъ, „т. к. оно вѣритъ въ матеріальныя гипотезы о происхожденіи міра, лишенныя всякаго смысла".

„Возможно ли жить спокойно, говорилъ онъ, зная, что вся наша жизнь куплена цѣною десятковъ тысячъ мученій и смерти лучшихъ людей, если не думать, что всѣ они воскреснутъ къ новой лучшей жизни". Я вышелъ отъ него съ головой, полной думъ.

На Ѳ. А. К. эти разсужденія вліяли такъ сильно, что вскорѣ послѣ Пасхи онъ рѣшилъ пойти въ какой-нибудь монастырь съ тѣмъ, чтобы тамъ пожить, а можетъ быть, и совсѣмъ остаться.

Я распростился съ нимъ тотчасъ послѣ Пасхи и отправился пѣшкомъ въ Ясную Поляну, такъ какъ у меня не было денегъ на билетъ по желѣзной дорогѣ.

Ходить по Россіи пѣшкомъ хорошо можетъ быть только лѣтомъ, когда можно ночевать гдѣ-нибудь въ сараѣ, на чистомъ воздухѣ.

Въ остальное время года ночевки представляютъ изъ себя порядоч-

ное мученіе. Несмотря на страшную усталость, вы не можете уснуть отъ ужаснаго воздуха въ крестьянской хатѣ и отъ цѣлой арміи насѣкомыхъ. Кромѣ того одолѣваютъ распросы: „Куда же это ты, милый, идешь?" Не могу же я сказать, что я, докторъ, иду изъ одной толстовской общины въ другую. Ничего бы не поняли и не повѣрили бы; приходилось выпутываться изъ неловкаго положенія, переплетая правдоподобную дѣйствительность съ правдоподобными выдумками: „Иду, молъ, къ родственникамъ".— „А ты по какой же части будешь? мастеровой?"—„Я лѣчу людей".— „Значитъ фельдшеръ", догадывается собесѣдникъ. „Что-жъ, мѣста идешь искать?"—„Да". „А въ Москвѣ-то у тебя есть ли родные?".—„Есть дядя родной".—„И что же это онъ тебѣ на дорогу денегъ не далъ?" Дальше слѣдуютъ соболѣзнованія и брань по адресу всѣхъ моихъ родственниковъ. И это повторялось, съ небольшими варіаціями, на каждомъ ночлегѣ. Въ концѣ пути я немного попривыкъ къ этой роли враля. А сначала было очень неловко.

Въ Ясную Поляну я пришелъ очень усталый. Когда я разсказалъ Л. Н. о нашемъ свиданіи съ В. Ѳ. О. и объ разговорахъ съ Ѳ. А. К., онъ только замѣтилъ: „Какъ васъ этотъ К. разстроилъ".

Потомъ я разсказалъ исторію съ лѣсомъ. Я думаю, что я былъ слишкомъ утомленъ дорогой и безсонными ночами и не могъ толково передать Толстому руководившихъ нами мотивовъ. По крайней мѣрѣ, онъ видимо меня не понялъ и замѣтилъ, что нами, вѣроятно, руководило тщетное желаніе того, чтобы насъ хвалили за щедрость. Это замѣчаніе въ устахъ Толстого мнѣ показалось прямо таки обиднымъ и я, кажется, отвѣтилъ какой-то рѣзкостью, такъ что мы разстались довольно холодно.

Прежде чѣмъ идти дальше, я нуждался въ отдыхѣ и потому остался недѣли на двѣ въ имѣніи у А. Б. За двѣ недѣли полнаго отдыха я достаточно окрѣпъ и опять пѣшкомъ отправился въ Смоленскую общину. Пройдя полъ пути и убѣдившись, что моихъ денегъ хватитъ на остальную дорогу, я сѣлъ на поѣздъ и на другой день уже былъ въ Смоленской общинѣ.

Идеи мистицизма были совсѣмъ чужды моей натурѣ. Отдыхая въ имѣніи у А. Б., я разобрался въ нихъ и совершенно пересталъ думать о православіи. Я не могъ отказаться отъ разума и не хотѣлъ насиловать и ломать себя. Я пришелъ къ тому убѣжденію, что можно и должно жить не разумомъ и не вѣрой, а любовью ко всѣмъ людямъ, той любовью, какъ она изображена у ап. Павла въ посланіи къ Коринѳянамъ, той любовью, которая не ищетъ своего, а заставляетъ всецѣло переселяться въ другого человѣка въ его страданія и радости, забывая при этомъ о себѣ. Научиться

такой любви, думалъ я, можно посредствомъ непрерывнаго упражненія и это гораздо легче и естественнѣй, чѣмъ научиться подчинять свой разумъ велѣніямъ вѣры.

Когда я, на обратномъ пути, зашелъ къ Толстому и подѣлился съ нимъ этими мыслями, онъ отнесся къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ.

Въ Смоленскую общину я пришелъ 1-го мая. По этому поводу въ общинѣ не работали. Обо мнѣ всѣ уже слышали и встрѣтили меня какъ человѣка давно знакомаго.

А. В. А. не было дома, онъ уѣхалъ въ Полтавскую губ., чтобы перевести оттуда къ себѣ въ общину И. Б. Ф. съ семьей.

Въ общинѣ были слѣдующія лица: во-первыхъ, знакомая мнѣ еще въ Москвѣ Т. В. Т.; она въ своей жизни испытала уже много перемѣнъ; была и революціонеркой, пробовала заниматься серьезно наукой и ничто ее не удовлетворяло. Въ общину она пришла просто съ отчаянія, какъ въ послѣднее прибѣжище. Полной ея противоположностью была А. П. О., всегда жизнерадостная, улыбающаяся; она уже была въ одной толстовской общинѣ на Кавказѣ, но осталась ею очень недовольна. Уйдя изъ общины, она поселилась на фабрикѣ въ качествѣ простой работницы, гдѣ пользовалась общей любовью своихъ товарокъ. Ее розыскалъ А. В. А. и убѣдилъ пріѣхать въ свою общину.

Мужчинъ было 6.

М. И. П., о немъ уже была рѣчь. Затѣмъ бывшій студентъ-юристъ С. Д. Р., онъ ушелъ добровольно изъ университета во время послѣднихъ студенческихъ волненій, не вынеся гнета сгустившейся асмосферы наступившихъ репрессій. Это былъ мягкій, молчаливый человѣкъ. Онъ собирался уходить изъ общины, потому что непріятно чувствовать на себѣ, какъ онъ говорилъ, нравственный гнетъ А. В. А.

Затѣмъ С. И. Р.—изъ мелкихъ чиновниковъ. Пока что онъ наслаждался деревней и физической работой, дававшей отдыхъ измученнымъ неправильной сидячей жизнью нервамъ. Но непривычная работа давала себя знать. Онъ весь былъ покрытъ чирьями, которые переносилъ довольно стойко. Не особенно развитой, застѣнчивый, но очень чуткій и добрый, онъ съ благоговѣніемъ слушалъ разглагольствованія А. В. А.

Затѣмъ тутъ былъ еще братъ А. В. А., бывшій ученый, почти уже профессоръ. Усомнившись въ томъ, имѣетъ ли онъ право заниматься наукой, когда для этого его ближній долженъ на него работать, онъ бросилъ свою лабораторію и, пріѣхавъ въ общину, сразу сталъ такъ работать, какъ будто бы работалъ всю свою жизнь. Онъ очень мало говорилъ, но то, что онъ говорилъ, имѣло всегда большое значеніе. Замѣчательнѣе всего была его улыбка, которая сразу всѣхъ очаровывала.

Еще были два брата, Н. Г. и П. Г. Х., всегда молчаливые, всегда державшіеся въ сторонѣ отъ другихъ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Н. раньше былъ сельскимъ учителемъ, а П. студентомъ-техникомъ.

Въ Смоленской общинѣ старались очень тщательно провести принципъ управляться со всей работой самимъ. Впрочемъ, этого принципа приходилось держаться и поневолѣ, такъ какъ денегъ въ общинѣ почти не было. Поэтому работали очень много, съ большимъ напряженіемъ. А между тѣмъ питаніе было довольно скудное.

Хотѣли скопить масло на продажу, чтобы имѣть хоть какія-нибудь деньги для необходимыхъ хозяйственныхъ надобностей. Кашу ѣли съ постнымъ масломъ, молоко пили только снятое, но его было не особенно много. Главнымъ питаніемъ былъ ржаной хлѣбъ. Чай пили только по субботамъ, даже не чай, а ячменный кофе съ молокомъ и это считалось большою роскошью. Въ общинѣ рабочій день, за вычетомъ отдыховъ, былъ не менѣе 12-ти, 13-ти часовъ.

По воскресеньямъ не работали.

Я рѣшительно не могъ подмѣтить, чтобы кого-нибудь угнеталъ этотъ суровый режимъ.

Недовольны были совсѣмъ другимъ: женщины были больше всего недовольны постоянными пріѣздами новыхъ лицъ, которые, поживъ немного, уѣзжали; во-первыхъ, имъ прибавлялось много лишняго непріятнаго дѣла въ стряпнѣ, а во-вторыхъ, получалось, какъ онѣ говорили, впечатлѣніе, что живешь не дома, а какъ будто на постояломъ дворѣ.

Кого здѣсь только не перебывало. Недѣли черезъ двѣ послѣ моего прихода вернулся А. В. А. и съ нимъ пріѣхалъ, со своей семьей, И. Б. Ф., съ которымъ я раньше видѣлся у Толстого, когда Ф. еще жилъ въ Ясной Полянѣ. Онъ жилъ передъ этимъ въ Полтавской общинѣ вмѣстѣ съ Анатоліемъ Б.

Община распалась отчасти по недостатку въ матеріальныхъ средствахъ, а отчасти потому, что нѣкоторые изъ общинниковъ заявляли, будто бы Ф. всѣхъ слишкомъ подавляетъ, какъ бы гипнотизируетъ и подчиняетъ себѣ. Эти-то заявленія и заставили Ф. уѣхать изъ общины, которая затѣмъ вскорѣ совсѣмъ распалась. Б. уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе и сдѣлался здѣсь пчеловодомъ.

Гостилъ у насъ недѣли двѣ и Л. Н. М., потомъ пришелъ Ѳ. А. К., который все-таки не попалъ въ монастырь. Пройдя верстъ 150, онъ нашелъ, что не готовъ для монастырской жизни и пошелъ въ Смоленскую общину. Но здѣсь ему не понравилось, онъ нашелъ, что всѣ слишкомъ духовно подчинены А. В. А. Приходило еще много и другихъ молодыхъ людей изъ Петербурга и Москвы; кто оставался на нѣсколько дней, кто

жилъ по недѣлямъ и больше. Пріѣзжалъ еще одинъ братъ А. В. А., М. В. А., художникъ по профессіи. Онъ жилъ въ общинѣ въ Харьковской г. съ двоюроднымъ братомъ А. Е. А. Объ этой общинѣ я знаю мало. Нѣкоторыя изъ общинницъ Смоленской губ. туда ѣздили, но ужиться тамъ не могли.

Съ пріѣздомъ А. В. А. и И. Б. Ф. начались безконечные разговоры и споры. Больше всѣ говорилъ А.,—онъ могъ, кажется, говорить нѣсколько сутокъ подрядъ.

Онъ былъ увлеченъ теперь аскетизмомъ и говорилъ, что Будду ставитъ выше Христа. Эти взгляды мнѣ были очень тяжелы. Къ аскетизму я относился крайне отрицательно, и потому не было свободной минуты, когда бы мы не спорили съ А. Но общинники все болѣе и болѣе съ нимъ соглашались и не потому, какъ мнѣ казалось, чтобы онъ ихъ убѣждалъ, а потому, что они, дѣйствительно, были духовно ему подчинены. Меня все это очень тяготило и я съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія лѣтнихъ работъ, когда хотѣлъ уйти.

Лѣчить мнѣ здѣсь не приходилось, потому что окрестное населеніе не знало, что въ общинѣ есть врачъ, и я просилъ всѣхъ никому объ этомъ не говорить. Я ушелъ раньше, чѣмъ думалъ. Въ серединѣ іюля я получилъ письмо отъ своей сестры, которая была замужемъ за А. Б., что М. И. П. [1]) у нихъ и что онъ почти убѣдилъ ихъ переселиться въ Закавказье, такъ какъ тамъ земледѣліе можетъ дать гораздо больше и прожить въ матеріальномъ отношеніи легче.

Но я по опыту зналъ, что Б. рискуетъ погубить тамъ своихъ дѣтей благодаря закавказской лихорадкѣ. Поэтому я тотчасъ же поѣхалъ къ нимъ, чтобы отговорить ихъ отъ этого шага.

А. Б. съ семьей поселился на хуторѣ въ имѣньи отца, чтобы тамъ самому работать. Я скоро уговорилъ ихъ не уѣзжать на Кавказъ и тогда принялись за озимый сѣвъ. М. И. П. вскорѣ уѣхалъ опять въ Смоленскую общину, а я, покончивъ съ сѣвомъ, отправился въ Тверскую общину съ тѣмъ, чтобы, побывъ тамъ нѣсколько дней, уѣхать въ г. Крестцы, Новгородской губ., гдѣ я думалъ работать въ больницѣ, подъ руководствомъ знакомаго опытнаго врача.

Къ сожалѣнію, у меня было немного денегъ, и я ихъ очень берегъ, а потому отъ станціи желѣзной дороги въ Крестцы пришелъ пѣшкомъ съ котомкой за плечами. Это былъ неосторожный шагъ съ моей стороны. На другой же день весь маленькій городокъ узналъ и говорилъ съ тревогой о томъ, что въ городъ пришелъ пѣшкомъ докторъ, и хочетъ работать въ

[1]) Онъ ушелъ изъ Смоленской общины вскорѣ послѣ моего туда прихода.

больницѣ. „Навѣрное соціалистъ“, рѣшилъ предсѣдатель управы и категорически запретилъ пускать меня въ больницу.

Поселиться въ Москвѣ или Петербургѣ съ моими средствами было немыслимо и я вернулся по-неволѣ въ Тверскую общину.

Вскорѣ сюда пришелъ и Ѳ. А. К. Его православіе никого не задѣвало, и мы жили съ нимъ очень мирно. Сюда пріѣхали новые люди, именно семья С. съ треия дѣтьми. Присутствіе дѣтей всѣхъ оживило. В. И. С. лѣтъ 30, очень сильный, хорошій работникъ. Онъ работаетъ съ 16 лѣтъ. Устраивалъ общину у себя въ имѣніи въ Псковской губ., но она была не долговѣчна, работалъ у Энгельгардта, потомъ на Кавказѣ; былъ въ Смоленской общинѣ и теперь рѣшилъ устроить свою общину. Вскорѣ онъ нашелъ подходящеѐ имѣніе верстахъ въ 12 отъ насъ и переѣхалъ въ него.

Его пріѣздъ внесъ большое оживленіе въ нашу жизнь. Въ свободное время навѣщали другъ друга; приходили помогать другъ другу въ трудныхъ работахъ,—такъ, напримѣръ, совмѣстно набивали ледники.

Смоленская община въ это время распалась. А. В. А. былъ недоволенъ общиной, онъ ушелъ съ тѣмъ, чтобы „слить, какъ онъ выражался, свою жизнь съ общей народной жизнью“. Онъ заходилъ къ намъ, а потомъ ушелъ на югъ.

Послѣ того А. много ходилъ по разнымъ сектантамъ, былъ на Афонѣ, въ Одессѣ работалъ на пристаняхъ. За А. стали расходиться и другіе. Послѣднимъ ушелъ его молчаливый братъ: онъ поселился у С.

Всѣ мы уже втянулись въ работу, и наша жизнь шла довольно гладко; но въ это время одно обстоятельство опять заставило насъ задуматься надъ вопросомъ о противленіи злу насиліемъ. Насъ стали обкрадывать: украли сбрую, украли двухъ лошадей. Надо было что-либо предпринять. Скрѣпя сердце, завели большіе крѣпкіе замки, цѣпную собаку; но мы понимали, что становимся на скользкій путь компромиссовъ. Опять началась тяжелая внутренняя работа. Я по опыту зналъ, что физическая работа и медицина не дадутъ мнѣ времени думать и потому рѣшилъ пойти познакомиться къ доктору Таирову, который жилъ въ качествѣ вольнаго врача въ деревнѣ въ 130-ти верстахъ отъ насъ. Я шелъ не спѣша и дорогой много думалъ.

Я пришелъ къ тому выводу, что Толстой въ своемъ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра“ неправильно толковалъ нагорную проповѣдь Христа: „Христосъ не давалъ никакихъ заповѣдей. Во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ Онъ училъ лишь достиженію Царствія Божія, „которое внутри насъ есть“, и въ нагорной проповѣди онъ объяснялъ лишь сущность этого Царствія Божія. То, что Толстой называлъ заповѣдями, было лишь идеаломъ, ука-

зывающимъ путь, по которому надо идти". Съ этой точки зрѣнія все Евангеліе становилось понятнѣе и проще. Я написалъ объ этомъ новомъ своемъ пониманіи Евангелія письмо къ Л. Н. Онъ очень скоро мнѣ отвѣтилъ, что не только онъ самъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, но получилъ еще письмо отъ своего друга П. И. Б. и Д. А. Х., которые склоняются къ тому же. Это письмо меня очень обрадовало. Я думалъ, что окончательно расхожусь съ своемъ пониманіи съ Толстымъ, а между тѣмъ оказывалось, что эти опасенія не оправдались.

Моихъ товарищей эти вопросы, впрочемъ, волновали мало. Ѳ. А. К., какъ я сказалъ, былъ увлеченъ православіемъ. М. Н. въ это время хотѣлъ осуществить новый планъ устройства жизни. Онъ говорилъ, что земледѣліе слишкомъ сложное дѣло и слишкомъ поглощаетъ человѣка; онъ рѣшилъ поселиться отдѣльно съ М. В. Ч. и жить сапожничествомъ. „У меня не будетъ, говорилъ онъ, ни сбруи, ни лошадей, ни телѣгъ; нечего у меня будетъ красть, и я буду чувствовать себя болѣе свободнымъ".

Меня такое рѣшеніе не удовлетворяло, я искалъ общаго принципіальнаго разрѣшенія вопроса, а не только личнаго, частнаго.

Молчаливый братъ А. попрежнему молчалъ, и мы не знали, что онъ думаетъ по этому поводу; а В. И. С. говорилъ, что звать полицію, чтобы искать вора онъ не будетъ, но если воръ попадется ему въ руки, то онъ за себя не ручается.

Совершенно особенный взглядъ защищалъ П. Н. Г. Онъ былъ всецѣло увлеченъ чарующей личностью Сютаева [1]), который доказывалъ, „что надо спасаться міромъ, а не въ одиночку" или, говоря другими словами, что долженъ быть переустроенъ весь укладъ государственной общественной жизни на коммунистическихъ началахъ.

П. Н. Г. самъ ходилъ къ Сютаеву, жившему въ 80 верстахъ отъ насъ, и вернулся къ намъ съ Сютаевымъ, который гостилъ у насъ три дня. Вскорѣ наше вниманіе было отвлечено очень серьезной болѣзнью П. Н. Г., его пришлось отвезти въ Тверь въ больницу. Я поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Здѣсь въ Твери жилъ съ своей семьей нашъ старый знакомый Л. П., съ которымъ я встрѣчался въ Москвѣ у М. Н. Я остался въ Твери и сталъ ходить работать въ губернскую земскую лѣчебницу.

Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ, и я чувствовалъ, что мои медицинскія знанія становятся болѣе прочными.

Въ маѣ мѣсяцѣ Л. П. Н. переѣхалъ съ семьей въ свой хуторъ, только что имъ купленный, въ которомъ былъ небольшой домъ, располо-

---

[1]) О Сютаевѣ см. статью „Крестьянинъ-коммунистъ", „Мин. Годы" Августъ.

женный. очень живописно межъ двухъ горъ, и всего 5 десятинъ земли. Мнѣ пришлось уѣхать изъ Твери, хотя П. Н. Г. все еще былъ боленъ.

Въ нашей общинѣ за мое отсутствіе произошли большія перемѣны: Ѳ. А. К. и В. П. П. уѣхали на Кавказъ въ Криницу.

Изъ Петербурга пришли пѣшкомъ два новыхъ общинника: И. Д. Р. и О. А. С., которые оба раньше были уже въ Смоленской общинѣ. Кромѣ того, пріѣхалъ съ дочерью и внукомъ Сютаевъ. Тогда М. Н. съ М. В. Ч. перебрались опять въ общину. Къ нимъ же присоединился и молчаливый братъ А.

У С. жилъ теперь одинъ изъ братьевъ Х.—Н. Х. и еще А. И. К., бывшая раньше тоже въ Смоленской общинѣ. Это былъ прямо таки необыкновенный человѣкъ. Замѣчательно кроткая, она обладала громадной силой воли и способностью къ поразительной самоотверженности. Она была очень прямолинейна, слово и мысль у нея никогда не расходились съ дѣломъ.

Вернувшись, я нашелъ, что С. труднѣе будетъ справляться съ работами, чѣмъ у насъ въ общинѣ, такъ какъ Н. Г. Х., по слабости здоровья, не могъ быть настоящимъ работникомъ. Потому я остался работать у С.

Опять началась эта жизнь, когда приходилось разрываться между работой и медициной. Я не хотѣлъ больше мириться съ этимъ и, проживъ у С. до конца покоса и жатвы, уѣхалъ въ село Богородское, Нижегородской губ., гдѣ рѣшилъ поселиться въ качествѣ вольнопрактикующаго врача. Тутъ было много молоканъ, которые меня давно интересовали. Между ними я нашелъ нѣсколько выдающихся людей. Съ однимъ изъ нихъ, старикомъ лѣтъ 70, Иваномъ Егоровичемъ, я даже очень сблизился, часто къ нему заходилъ, и мы подолгу съ нимъ бесѣдовали.

Наступилъ голодный 1891 годъ. Толстой, думая сначала заняться въ небольшихъ размѣрахъ кормленіемъ голодныхъ въ одной столовой, гдѣ онъ могъ бы помогать преимущественно своимъ личнымъ трудомъ, ходомъ событій принужденъ былъ взять въ свои руки громадное дѣло кормленія голодающихъ. И вотъ къ нему на помощь съѣхались всѣ бывшіе общинники. Тутъ были и братья А. и М. А., и М. Н., и выздоровѣвшій П. Н. Г., даже В. И. С., оставивъ на время семью, пришелъ сюда. Сюда пріѣхалъ и Ѳ. А. К. и многіе другіе. Начались безконечные разговоры по вечерамъ. А. В. А., побывши у разныхъ сектантовъ, сталъ вдругъ на сторону православія. Къ нему присоединились, кромѣ Ѳ. А. К., еще и М. Н., М. В. Ч. и В. Н. П. На нихъ большое вліяніе, повидимому, имѣлъ докторъ, живущій не подалеку отъ нихъ, убѣжденный православный, человѣкъ очень начитанный, съ очень глубокимъ пытливымъ умомъ.

Безконечные споры, повидимому, сильно утомляли Л. Н. Между нимъ

и тѣми толстовскими общинниками, которые склонялись къ православію, все болѣе росло отчужденіе.

М. Н. и М. В. Ч. вернулись послѣ закрытія столовыхъ въ общину. Вернулся также В. И. С. и Н. Г.

Осенью, послѣ холеры 1892 года, я заѣзжалъ въ общину и, они даже просили меня у нихъ остаться, но я твердо рѣшилъ поселиться въ деревнѣ, въ качествѣ вольнопрактикующаго врача. Я хотѣлъ поѣхать въ лукояновскій уѣздъ, гдѣ въ прошлую зиму кормилъ голодающихъ.

Кромѣ того, было такое чувство, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

Ѳ. А. К. послѣ недолгой и неудачной попытки устроиться на отдѣльномъ хуторѣ самостоятельнымъ хозяйствомъ, поступилъ на медицинскій факультетъ.

Вскорѣ наша бывшая община прекратила свое существованіе.

Тогда В. И. С. рѣшилъ перебраться въ Закавказье вмѣстѣ съ своимъ новымъ другомъ Б. Къ нимъ присоединился и М. В. А. На Кавказѣ же они встрѣтились съ княземъ Георгіемъ Александровичемъ Дадіани.

Объ этихъ новыхъ попыткахъ устройства земледѣльческихъ поселеній на Кавказѣ я уже писалъ въ своемъ очеркѣ: „Воспоминанія о князѣ Георгіи Александровичѣ Дадіани“ и потому говорить о нихъ здѣсь больше не буду; прибавлю только, что С. и П. Н. Г. и до сихъ поръ живутъ земледѣльческимъ трудомъ на Кавказѣ. Дѣти С. стали уже взрослыми, довольны своей жизнью и не хотятъ ее мѣнять.

В. Р.

Іюль, 1908.

Болѣзнь Л. Н. Толстого въ 1901—1902 годахъ.

Помню, какъ 22 года тому назадъ я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ потерялъ тестя, ждалъ потери жены, которой доктора предсказывали неблагополучные роды, и затѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія потерялъ сына, скончавшагося въ страшныхъ мученіяхъ.

Я былъ молодъ, полонъ вѣры въ себя, жизнерадостенъ, но тутъ какъ-то все у меня померкло, жизнерадостность куда-то улетучилась и передо мной вставало все то, о чемъ я раньше не думалъ, вставали самые естественные вопросы о жизни, о цѣли существованія моего, и, какъ будто бы я взбирался куда-то по узенькой каменистой тропинкѣ, подъ моими ногами вырывались, скользили камешки, падали въ бездну и мнѣ казалось, что вотъ, вотъ и я соскользну туда.

На столѣ стоялъ маленькій гробикъ, я собирался сегодня хоронить моего первенца, единственнаго сына, съ которымъ я прожилъ мѣсяцъ, наблюдая, какъ въ этомъ маленькомъ, невинномъ существѣ жизнь боролась со смертью. Страдалъ я ужасно. Я чувствовалъ, что я виноватъ во всемъ, чувствовалъ, что жизнь не то, что я такъ легкомысленно радостно рисовалъ себѣ раньше и, безъ слезъ, я мучительно страдалъ. Вопросы вырывались за вопросами, а отвѣты къ нимъ не приходили, и этотъ грозный, мрачный рядъ вопросовъ, казалось, сейчасъ задавитъ меня, задавитъ и уничтожитъ безслѣдно, и я съ отчаяніемъ глядѣлъ въ окно на улицу, видѣлъ толпы прохожихъ, видѣлъ, что вокругъ совершается еще жизнь, но мнѣ все было чуждо. Я глядѣлъ на этотъ совершенно чуждый мнѣ міръ, ничего не замѣчалъ и чувствовалъ, что надо отсюда уйти и этимъ прекратить дальнѣйшее зло, которое я дѣлалъ жизни, превращая ее изъ радости въ страданіе, изъ красоты въ мерзость.

Подъ окномъ стоялъ почтальонъ и, очевидно, долго уже обращалъ безуспѣшно мое вниманіе на себя. Наконецъ, я взялъ у него квадратный синій конвертъ, надписанный совершенно незнакомымъ мнѣ размашистымъ, длиннымъ почеркомъ, вскрылъ его и, не понимая отъ кого бы это могло

быть, розыскалъ на послѣдней четвертой страницѣ подпись имени того человѣка, который такъ дорогъ мнѣ сталъ въ теченіе остальной моей жизни—Левъ Толстой.

Эта мрачная шеренга тяжелыхъ, грозныхъ вопросовъ, которые съ такимъ упрямствомъ и настойчивостью наступали на меня, какъ будто заколебалась. Я поднялъ голову, я вдругъ увидѣлъ, что я, безоружный и совершенно обезсиленный, получилъ подкрѣпленіе и въ мои руки вложили мечъ и, кажется, мечъ добрый, и, когда я поднялся и встряхнулся окончательно, врага не было. Оставалась мучительная, разламывавшая меня тяжесть напряженія, но я готовъ былъ идти дальше, готовъ былъ бороться...

И вотъ прокатилось уже 22 года, какъ я знаю этого человѣка. И когда я вспоминаю эти годы, вспоминаю разныя событія, время отъ времени встряхивавшія меня, погружавшія иногда въ пучину отчаянія, безвыходности, снова встаетъ предо мною тотъ же человѣкъ. Когда, казалось, я долженъ былъ задохнуться отъ грязи и мерзости, въ которую попалъ, когда все, казалось, ужъ отвернулось отъ меня, дышать было нечѣмъ, просвѣта не было и спасенія тоже, я опять услыхалъ голосъ того же человѣка, пробуждавшій меня къ жизни, снова ее чувствовалъ и начиналъ жить.

За эти 22 года я пережилъ періоды близости къ тому, кто неизгладимо, неразрывно вплелся въ мою жизнь такъ, что иногда, мнѣ казалось, я не чувствовалъ своей жизни и за это время я часто и неоднократно могъ наблюдать интимную жизнь, день за днемъ, часъ за часомъ того человѣка, котораго весь міръ называлъ великимъ. Говорятъ, что когда наблюдаешь вблизи великаго человѣка, его повседневную жизнь, то величіе это значительно исчезаетъ. Великій человѣкъ является обыкновеннымъ, съ недостатками, страстями, мелочами и т. п., и постепенно перестаешь цѣнить тотъ брилліантъ, которымъ онъ умѣетъ сверкать передъ другими при особенномъ освѣщеніи.

Тогда, слѣдовательно, Л. Н. Толстой не былъ этотъ великій человѣкъ.

И дѣйствительно, я не могъ и не могу относиться къ этому человѣку, какъ къ тому великому, какимъ его считаетъ міръ. Та удивительная, кристальная чистота его души, то высокое напряженіе духовной жизни въ немъ, которое приходилось мнѣ наблюдать и, наблюдая, какъ бы нечаянно заглядывать въ лучшій, невѣдомый еще намъ міръ духа, не позволяютъ мнѣ уже видѣть того величія, которое видятъ другіе.

Въ величіи, которое одни приписываютъ другимъ, кроется всегда та фальшь отношеній, при которой возможно всегда отдалиться отъ этого „великаго" человѣка, считать его чуждымъ, считать, что то, что онъ говоритъ, недосягаемо для

насъ. Величіе это патентъ на то, чтобы отдалить отъ насъ этого человѣка. Но не то со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Онъ такъ страстно шелъ къ источнику жизни, такъ вѣрилъ и видѣлъ въ людяхъ одну высшую жизнь, что, идя самъ къ ней неизмѣнно, неуклонно, каждый моментъ своей жизни, открывалъ и другимъ ее, каждому старался отдернуть ту завѣсу, которая скрываетъ этотъ другой, высшій въ насъ міръ, видя который мы только и можемъ быть счастливы. Раздувая въ себѣ этотъ огонь Божеской жизни, онъ спѣшилъ къ каждому помочь сдѣлать то же. Онъ страдалъ, когда видѣлъ, что другіе не дѣлаютъ этого. И чѣмъ онъ выше, чище становился, тѣмъ тѣснѣе вплетался своей жизнью въ жизнь другихъ.

Каждый день, каждый часъ, каждый моментъ своей жизни этотъ удивительный человѣкъ уходилъ отъ себя, и когда бывалъ съ нами, какъ бы боялся показаться въ томъ видѣ, въ какомъ онъ только что пришелъ, въ которомъ онъ только что былъ, потому что, если бы мы увидали его такимъ, намъ стало бы нестерпимо стыдно за свою мерзость и грязь. И въ особенности это было поразительно и ярко, когда онъ хворалъ, хотѣлъ совсѣмъ оставить насъ здѣсь, а мы, не видя и не зная, куда онъ идетъ, какъ безсмысленныя букашки копошились около него, „помогали" ему и не понимали того, чѣмъ онъ живетъ и что видитъ.

Болѣзнь представляетъ для огромнѣйшаго большинства людей несчастье, страданіе, а приближеніе къ смерти—еще худшее бѣдствіе. Но эти-то пробные камни были тѣмъ точиломъ, которое только оттачивало у Л. Н. Толстого его мечъ, съ которымъ онъ безбоязненно разрубилъ препятствія этой временной тѣлесной жизни и шелъ къ другой—внѣвременной.

И вотъ одинъ изъ такихъ періодовъ жизни его, когда чистота и высота его духовной жизни особенно отдаляли его отъ людей, мнѣ и хотѣлось бы припомнить теперь насколько можно подробнѣе.

Въ іюнѣ 1901 года я находился въ Москвѣ, вмѣсто того, чтобы быть за Орломъ въ имѣніи Кочеты у Сухотиныхъ, куда меня приглашала дочь Льва Николаевича Толстого, Татьяна Львовна, находившаяся замужемъ за Сухотинымъ, и гдѣ въ это время гостилъ Левъ Николаевичъ. Но дѣла меня задержали, и я все собирался выѣхать, хотя боялся, что не застану въ Кочетахъ Льва Николаевича. Тогда я рѣшилъ выѣхать, по крайнѣй мѣрѣ, навстрѣчу Льву Николаевичу,—я зналъ, что онъ былъ не совсѣмъ здоровъ и хотѣлъ доставить

ему хотя бы удобный переѣздъ по дорогѣ, такъ какъ имѣлъ возможность пользоваться при проѣздѣ по этой дорогѣ отдѣльнымъ вагономъ.

Съ этой цѣлью я написалъ Татьянѣ Львовнѣ просьбу извѣстить меня о днѣ предполагаемаго выѣзда Льва Николаевича и каждую минуту поджидалъ отъ нея телеграммы. Но отвѣта не было и, какъ-то утромъ я заглянулъ къ женѣ Льва Николаевича, Софьѣ Андреевнѣ, бывшей въ то время въ Москвѣ, узнать, въ чемъ дѣло. Софья Андреевна только что получила изъ Кочетовъ отъ дочери письмо, которая писала, что Левъ Николаевичъ въ этотъ день выѣзжаетъ и тутъ же объясняла, что не сообщила мнѣ объ этомъ потому, что Левъ Николаевичъ, зная о томъ, что я начну хлопотать доставить ему удобства въ дорогѣ, запретилъ ей это. Мнѣ было очень грустно, что, по своей обычной скромности и щепетильности, Левъ Николаевичъ отклонялъ мои услуги, а между тѣмъ онъ чувствовалъ себя настолько нехорошо, что Татьяна Львовна не знала, какъ его доставить на станцію желѣзной дороги въ 15 верстахъ отъ ихъ имѣнія: въ экипажѣ было для него мучительно вслѣдствіе колчеватой дороги, верхомъ тоже боялись.

— Ну, вотъ вамъ, сказала Софья Андреевна, Лёвочка опять разстроилъ ваши планы, я такъ и знала заранѣе. Теперь ужъ дѣлать нечего.

Но я сообразилъ, что еще возможно было кое-что сдѣлать, возможно было встрѣтить его станціи за двѣ до Орла и, по крайней мѣрѣ, доставить ему спокойную ночь, которая, вѣроятно, въ общемъ вагонѣ была бы мучительна, тѣмъ болѣе, что опять изъ этой же скромности Левъ Николаевичъ поѣхалъ бы въ 3-мъ классѣ или, самое большее, во 2-мъ.

Не теряя времени, я поѣхалъ на вокзалъ, далъ телеграмму въ Орелъ, предупреждая, что я буду ждать Льва Николаевича за нѣсколько станцій отъ Орла, такъ какъ въ Орлѣ я уже не успѣлъ бы его встрѣтить, взялъ отдѣльный вагонъ и немедленно выѣхалъ.

Въ 10 ч. вечера я былъ на станціи своего назначенія, а черезъ полчаса подошелъ и встрѣчный поѣздъ, въ которомъ долженъ былъ ѣхать Левъ Николаевичъ. Хотя я и вышелъ разыскивать его по вагонамъ, боясь, что онъ не получилъ моей телеграммы, но оказывается онъ ее получилъ и облегчилъ мое затрудненіе, самъ выйдя изъ вагона съ своей спутницей, художницей И. Видъ его былъ крайне измученъ, кромѣ того, на пальцѣ руки я замѣтилъ перевязку.

— А вы все-таки перехватили меня—сказалъ онъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ, вѣрный признакъ волненія или физическаго страданія,—и я очень радъ сейчасъ, очень благодаренъ, и нездоровится и очень усталъ...

Оказалось, путешествіе Льва Николаевича отъ Кочетовъ

до станціи желѣзной дороги было очень тяжело и мучительно. Въ виду того, что ѣхать въ экипажѣ было очень болѣзненно, Левъ Николаевичъ предпочелъ пойти на станцію пѣшкомъ, выйдя заблаговременно. Провожатаго онъ отказался взять, не желая стѣснять другихъ, и, разспросивъ дорогу, пустился въ путь. Но пройдя часа полтора, онъ усталъ и кромѣ того, желая взять прямое направленіе, которымъ онъ сократилъ бы версты 3—4, сбился съ дороги. Наступали сумерки. Левъ Николаевичъ карабкался съ холма на холмъ, терялъ силы, видѣлъ, что сбивается совсѣмъ съ первоначальнаго направленія. Спустилась ночь, и невдалекѣ отъ себя Левъ Николаевичъ услыхалъ лай собакъ, онъ направился туда и нашелъ пастуховъ на заброшенномъ хуторѣ. Здѣсь онъ узналъ, что значительно отклонился отъ дороги, что до станціи еще верстъ шесть. Тогда онъ сталъ просить достать гдѣ-нибудь лошадь,—лошади не было. Не возмется ли кто-нибудь проводить его до станціи или, по крайней мѣрѣ, вывести на дорогу? Никто не соглашается, боятся,—въ этой мѣстности много волковъ и рисковать выходить въ эту темень никто не хотѣлъ. Указали направленіе и съ Богомъ.

Въ темную ночь, усталый уже, не зная дороги, но полагаясь на свои старыя охотничьи привычки, Левъ Николаевичъ пустился въ путь, снова выбираясь и спускаясь по холмамъ. Наконецъ, ноги его нащупали наѣзжанную дорогу. Онъ остановился и сталъ оріентироваться въ темнотѣ. Видно было, что онъ попалъ на скрещеніе нѣсколькихъ дорогъ. Куда теперь было идти? Зная, что земство въ этой мѣстности ставило на перекресткахъ дорогъ столбы съ надписями направленій, онъ нащупалъ столбъ, но надписи прочесть нельзя было. Къ счастью, оказались въ карманѣ спички, и, зажегши спичку, Левъ Николаевичъ узналъ, наконецъ куда надо было идти.

Пройдя немного по найденной дорогѣ, Левъ Николаевичъ услыхалъ стукъ экипажа по дорогѣ и сталъ ждать, надѣясь, что ѣхавшій подвезетъ его къ станціи. Оказалось, что это везли на станцію его же багажъ, и, сѣвъ на линейку, онъ „благополучно“ добрался черезъ полчаса до станціи. Измученъ онъ былъ ужасно. Разболѣлся животъ отъ тряски, все болѣло. Отправившись въ уборную на станціи, онъ къ тому же какъ-то неловко облокотился на дверь съ блокомъ, палецъ попалъ въ дверную щель, и дверь съ тяжелымъ блокомъ захлопнулась и размозжила палецъ. Ко всей усталости и прежнимъ болямъ прибавилась еще мучительная боль раненнаго пальца. Вотъ почему была перевязана рука, перевязку сдѣлали уже черезъ нѣсколько станцій въ Орлѣ.

Какъ я и предполагалъ, Левъ Николаевичъ не поѣхалъ въ I классѣ и его уговорили, чтобы послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудностей въ пути, онъ поѣхалъ, хотя бы, во второмъ

классѣ. Но и тутъ ѣхать было очень неудобно, какъ разсказывала сопровождавшая его И. Вагонъ былъ полонъ, спинки для спанья были уже приподняты, оставалось нѣсколько мѣстъ внизу, и Левъ Николаевичъ кое-какъ примостился на одномъ изъ такихъ мѣстъ въ ногахъ у лежавшей на диванѣ дамы, сгорбившись въ этой дырѣ съ поднятой надъ нимъ спинкой дивана. Объ отдыхѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Кромѣ того, лежавшая пожилая, но молодящаяся дама, самымъ пошлымъ образомъ кокетничала съ сидѣвшимъ напротивъ господиномъ. Было накурено, душно и гадко.

— Но, разсказывала И., мы очень терпѣливо къ этому относились, получивъ въ Орлѣ вашу телеграмму и зная, что намъ осталось терпѣть всего часа полтора.

Когда Левъ Николаевичъ вошелъ въ ожидавшій насъ вагонъ, я былъ пораженъ происшедшей въ немъ перемѣной. Видимо, онъ сильно страдалъ, но, какъ и всегда, не показывалъ этого. Съ удовольствіемъ раздѣлся онъ, снова промыли и перевязали раненный палецъ, и тотчасъ же онъ ушелъ и легъ въ своемъ отдѣленіи.

Нашъ вагонъ отцѣпили въ Ясенкахъ, и Левъ Николаевичъ могъ провести спокойно остатокъ ночи, хотя, какъ оказалось, онъ не спалъ. Рано утромъ мы перевезли его, больного, въ Ясную Поляну, и въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ въ Москву.

Сказался ли данный случай или вообще болѣзнь уже прокрадывалась ко Льву Николаевичу, но послѣдующія извѣстія о немъ изъ Ясной Поляны были самыя тревожныя.

1 іюля 1901 г. я получилъ въ Москвѣ письмо отъ второй дочери Льва Николаевича, Марьи Львовны Оболенской, которая находилась тѣмъ лѣтомъ въ Ясной Полянѣ. Она писала, что вообще послѣ пріѣзда изъ Кочетовъ Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя нехорошо. Хотя онъ и перемогался, хотя старался не поддаваться, повидимому, происходившей уже въ немъ болѣзни, все время занимаясь своею статьею „Единственное средство“, но ему, очевидно, было дурно. Дальше она добавляла, какъ была напугана въ тотъ же день (письмо писано 29 іюня): Левъ Николаевичъ, по обыкновенію, послѣ завтрака пошелъ гулять и отправился по аллеѣ, ведущей отъ дома къ башенкамъ на выѣздъ изъ усадьбы. Дойдя туда, онъ почувствовалъ сильную слабость, и подоспѣвшая Марья Львовна постелила ему тутъ же пальто и уговорила его лечь отдохнуть. Что являлось тревожнымъ признакомъ,— это неправильная дѣятельность сердца, пульсъ былъ частъ, съ перебоями и слабъ.

Письмо это очень взволновало меня. Хотя послѣ этого припадка слабости прошло уже два дня и неполученіе извѣстій изъ Ясной Поляны могло указывать на то, что тамъ сравнительно благополучно, я съ ночнымъ поѣздомъ выѣхалъ туда.

На станціи Козловка Засѣка первый вопросъ мой къ встрѣтившему меня кучеру изъ Ясной Поляны: не слыхалъ ли онъ чего-нибудь про здоровье графа?

— Чтой-то, говорятъ, графъ дюже плохъ. Гулять не выходютъ, вчера за дохтуромъ въ Тулу ѣздили, отвѣчалъ онъ.

Въ Ясной Полянѣ я былъ пораженъ унылой обстановкой. Вышедшая въ столовую Софья Андреевна показалась очень измученной и взволнованной, она разсказала, что Левъ Николаевичъ очень слабъ, совсѣмъ почти не спитъ, жаръ у него и, очевидно, лихорадка, что бывшій вчера докторъ ничего опредѣленнаго не сказалъ, нашелъ, что у него сильный упадокъ дѣятельности сердца, что повышена температура и вообще это состояніе можетъ быть слѣдствіемъ ревматизма и бывшей раньше лихорадки, но въ его годы такая неправильная дѣятельность сердца, съ повышеніемъ температуры, убійственна.—Хотя Левъ Николаевичъ не хотѣлъ звать доктора, жаловалась Софья Андреевна, но нельзя же было и я выписала изъ Тулы; теперь нуженъ покой, уходъ.

Отказъ Льва Николаевича отъ доктора, несмотря на то, что ему становилось все хуже, людямъ, близкимъ къ нему, былъ вполнѣ понятенъ и во всякомъ случаѣ его нельзя приписать тому сектанству, которое многіе, не знающіе Льва Николаевича, склонны въ немъ видѣть. Въ призываніи доктора, въ томъ, что обыкновенно мѣшаютъ болѣть, онъ при напряженной духовной дѣятельности во время болѣзни, видѣлъ досадную помѣху человѣку отдаться вполнѣ уносившимъ волнамъ новой, высокой, духовной жизни. И, обыкновенно, отказывался онъ отъ доктора не потому, что, какъ говорится, „не вѣрилъ въ докторовъ“, а потому, что вѣрилъ въ жизнь, въ посланничество человѣка на землѣ, въ то, что человѣкъ, при всякихъ обстоятельствахъ, долженъ стараться исполнять волю пославшаго, и если воля эта заключалась въ томъ, чтобы тѣло страдало, то побороть въ себѣ подчиненіе тѣлу, возвысить свой духъ и воспользоваться этими страданіями тѣла для лучшей дистилляціи духа. И если за страданіями должна была слѣдовать гибель тѣла, то воспользоваться ими, чтобы очистить свой духъ и передать его въ руки Отца чистымъ, не запятнаннымъ остатками тѣлесной жизни, волненій, желаній, страстей.

Когда я вошелъ ко Льву Николаевичу, я былъ пораженъ происшедшей въ немъ перемѣной. Голосъ былъ у него совсѣмъ слабый и надо было нагибаться къ нему, чтобы слышать то, что онъ говорилъ. Но лицо было спокойное и ласковое, трогательная улыбка. Онъ все-таки нашелъ силы проговорить мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ, говоря, что ему хорошо: „чувствую, что ужъ на пути“... У меня подступила къ горлу спазма, и я поспѣшилъ выйти.

Марья Львовна разсказала мнѣ, что, придя съ прогулки 29 іюня, когда ему стало плохо, Левъ Николаевичъ слегъ и ужъ больше не вставалъ; ночь на сегодня была очень тревожна, но сегодня ему какъ будто лучше,—очевидно, это былъ пароксизмъ лихорадки, и я попалъ въ хорошій день.

Дѣйствительно, днемъ Левъ Николаевичъ позвалъ меня и слабымъ голосомъ, держа дрожавшими руками листы рукописи, продиктовалъ мнѣ небольшую поправку къ „Единственному средству". Это продолжалось минутъ десять, онъ, очевидно, очень усталъ, и я, взявъ у него рукопись, ушелъ занести эти поправки.

Домъ сталъ, какъ говорится, полонъ народа. Пріѣхали не только сыновья, но и внуки. Льву Николаевичу это было извѣстно. Видѣть больного нельзя было всѣмъ, необходимо было давать ему въ этомъ положеніи полный покой. И всѣ, обыкновенно, толпились въ большой залѣ Яснополянскаго дома и съ жадостью набрасывались на то лицо, которое пobывало въ комнатѣ больного и могло сообщить какія-нибудь свѣдѣнія, впечатлѣнія о немъ. Левъ Николаевичъ, очевидно, волновался тѣмъ, что онъ является источникомъ такого интереса и у стольких остается неудовлетвореннымъ желаніе повидать его. И одного за другимъ онъ просилъ къ себѣ въ комнату и каждому находилъ сказать нѣсколько ласковыхъ словъ, каждаго утѣшить, узнавъ про какое-нибудь огорченіе. Выходившіе отъ него бывали очень растроганы и передавали остальнымъ подробности свиданія. Когда его разспрашивали, какъ онъ чувствуетъ себя, онъ, обыкновенно, говорилъ съ доброй улыбкой: „все хорошо, все какъ надо"...

Марьѣ Львовнѣ онъ сказалъ какъ-то, когда ему стало немного лучше: „Уже экипажъ былъ поданъ и оставалось только сѣсть и уѣхать, но вдругъ лошади повернули, и экипажъ былъ отосланъ, а жаль, путь былъ прекрасный, санный, а теперь, когда снова придется ѣхать, дорога можетъ оказаться колчеватая".

Но хотя, повидимому, и наступило улучшеніе, оно было слишкомъ временнымъ. Пріѣзжавшій снова врачъ не скрылъ того, что считаетъ положеніе его крайне опаснымъ. И дѣйствительно, 3 іюля утромъ Левъ Николаевичъ былъ особенно слабъ, говорить почти не могъ, пульсъ былъ очень частъ, ходившей за нимъ Софьѣ Андреевнѣ онъ сказалъ, что „стоитъ на перепутьи и что по той и по другой дорогѣ одинаково хорошо идти". Но послѣ полудня ему снова стало лучше, и онъ прочелъ нѣсколько полученныхъ писемъ, при чемъ одно письмо индуса-брамина особеннно тронуло и заинтересовало его, и онъ много говорилъ о немъ съ окружающими.

Для всѣхъ окружающихъ его состояніе его здоровья было тяжело и даже безнадежно, зналъ и онъ объ этомъ и

для его сильнаго, здороваго организма положеніе слабости и дурноты еще ярче обнаруживало, чѣмъ для насъ, эту безнадежность, и при всемъ этомъ въ немъ шла, очевидно, самая напряженная жизнь, независимо отъ тѣхъ страданій и слабости, которыя наблюдали окружающіе. Ему ярко рисовалось положеніе тѣхъ милліоновъ людей, которыхъ отъ рожденія и до смерти обманываютъ, насилуютъ и грабятъ, и въ тишинѣ своей комнаты, вдали отъ суеты и, благодаря болѣзни, еще болѣе ушедшій въ чистую высшую жизнь, онъ обдумывалъ лучшее выраженіе того, какъ формулировать этотъ ужасный обманъ, какъ ярче представить его обманываемымъ людямъ, какой выходъ изъ него указать имъ. И въ то время, когда всѣмъ казалось, что ему дурно, что онъ слишкомъ плохъ, вѣроятно, въ душѣ его шла работа, вѣроятно, мысль неустанно работала, такъ какъ тотчасъ же, какъ у него наступало то, что мы назвали „лучше“, передышка отъ болѣзни, онъ звалъ кого-нибудь и диктовалъ поправки и дополненія къ статьѣ „Единственное средство“, какъ будто оставляя этимъ свое завѣщаніе людямъ [1]).

Въ одинъ изъ дней, когда Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя получше, онъ позвалъ пріѣхавшаго 6—7 лѣтняго внука, который съ удивленіемъ, тихо уставился на своего больного дѣдушку. Тогда дѣдушка сталъ выдумывать и говорить ему сказки. Но скоро усталъ и объявилъ, что продолженіе будетъ въ слѣдующій разъ. Внукъ, очевидно, слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ, придя къ намъ, съ блестѣвшими глазенками, передалъ очень подробно всю услышанную имъ часть сказки.

Такъ какъ положеніе Льва Николаевича не улучшалось, а если и были временныя улучшенія, то за ними слѣдовало чрезвычайно опасное ухудшеніе, грозившее его жизни, то всѣ семейные и близкіе, очень волнуясь и страдая за него, рѣшили выписать изъ Москвы врача, лѣчившаго его въ предыдущую трудную болѣзнь въ Москвѣ въ 1899 году и хорошо изучившаго свойства организма больного. Пріѣхавшій врачъ нашелъ положеніе очень серьезнымъ и склоненъ

---

[1]) И дѣйствительно, если припомнить то, что Левъ Николаевичъ писалъ въ это время, а также во время послѣдующей болѣзни въ Крыму, то можно видѣть, что онъ писалъ настоящее завѣщаніе людямъ. „Для того, чтобы рабочіе избавились отъ своего угнетенія и рабства, имъ надо воспитать въ себѣ религіозное чувство, запрещающее все то, что ухудшаетъ общее положеніе ихъ братьевъ, хотя бы это ухудшеніе было и незамѣтно имъ. Имъ надо религіозно воздерживаться... во-первыхъ, отъ работъ на капиталистовъ, если только онъ можетъ прожить безъ этого; во-вторыхъ, отъ предложенія работы по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ она установилась; въ-третьихъ, отъ улучшенія своего положенія переходомъ на сторону капиталистовъ, служеніемъ имъ; и въ-четвертыхъ, главное, отъ участія въ правительственномъ насиліи—будетъ ли это полицейская, таможенная или общая военная служба“.

(Единственное средство).

былъ къ опредѣленію грудной жабы и къ тому, что единственнымъ леченіемъ, въ данномъ случаѣ, было—увезти больного въ теплый климатъ за границу или, въ крайнемъ случаѣ, на южный берегъ Крыма. По его мнѣнію, Левъ Николаевичъ долженъ былъ быть окруженъ самымъ тщательнымъ уходомъ, избѣгать всякаго напряженія, волненія, вести „старческій“ образъ жизни, на что больной такъ трудно поддавался. Ему необходимъ былъ воздухъ, легкое движеніе, прогулки, но, при его болѣзни, врачъ находилъ, что оставаться здѣсь было крайне неудобно и вредно. Къ тому же лѣто было холодное и дождливое, приближалась осень. Ясная Поляна окружена была запущеннымъ паркомъ, сырости было хоть отбавляй, гулять и пользоваться воздухомъ, какъ совѣтовалъ врачъ, при этихъ условіяхъ, было бы трудно здѣсь.

Всѣ эти изслѣдованія и совѣты уѣхать, лѣчиться были мучительны для Льва Николаевича, и я помню, какъ онъ неоднократно и мнѣ, и другимъ своимъ близкимъ друзьямъ жаловался на то, что не дадутъ спокойно умереть; помню, какъ завидовалъ судьбѣ мужика, у котораго нѣтъ средствъ звать ни докторовъ, ни думать о теплыхъ краяхъ и только одно средство—готовиться хорошо умереть и думать объ этомъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ дѣлъ. Смерть витала уже въ Ясной Полянѣ, всѣ чувствовали какъ-то невольно ея присутствіе, всѣмъ намъ жутко было и невыразимо больно, а Левъ Николаевичъ этого не только не чувствовалъ, а говорилъ о „ней“, называлъ уже ее и готовился къ ней.

Быстрая и рѣшительная, энергичная Софья Андреевна, послѣ одного изъ припадковъ у Льва Николаевича, когда мы всѣ боялись, что онъ не переживетъ этой ночи, рѣшила ѣхать въ Крымъ. Ѣхать за границу и думать было нечего, во-первыхъ, очень долгая дорога, которую трудно было представить, чтобы больной могъ перенести, а во-вторыхъ, на заграничное путешествіе труднѣе было склонить и Льва Николаевича.

Начали обдумывать, въ какое мѣсто въ Крыму ѣхать. Это было одно изъ затрудненій и довольно большихъ. Обычная курортная жизнь была бы невыносимо мучительна для Льва Николаевича, привыкшаго въ Ясной Полянѣ къ тишинѣ и уединенію. Но, къ счастью, вспомнили о милой графинѣ Паниной, у которой было имѣніе около Ялты, и рѣшили обратиться къ ней, не можетъ ли отдать въ наймы домъ въ немъ. Я же взялъ на себя всю, такъ сказать, перевозочную часть.

Съ этого момента стали говорить ужъ открыто о поѣздкѣ въ Крымъ и, такъ какъ всѣ какъ будто сговорились видѣть въ этомъ спасеніе Льва Николаевича, то онъ тихо и покорно подчинился, отдался въ руки своихъ близкихъ и старался равнодушно относиться къ тому, что хотятъ дѣ-

лать съ нимъ. „Я такъ живо чувствую, говорилъ онъ, большое путешествіе, которое совершаю и въ которомъ проѣзжаю послѣднюю станцію, что эти измѣненія въ способѣ путешествія мало занимаютъ меня".

Но, разумѣется, перевозить его въ томъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, и думать нельзя было. Числа 11-го іюля онъ всталъ съ постели и могъ „бродить" по комнатамъ. Всѣ оживились въ домѣ, когда Левъ Николаевичъ появился, наконецъ, въ большой залѣ, у всѣхъ промелькнула невольная мысль: слава Богу, выздоравливаетъ, но Левъ Николаевичъ назвалъ это выздоровленіе только отсрочкою и даже нѣсколько морщился на эту отсрочку, говоря, что такъ было хорошо, когда онъ съ такой легкостью взобрался на высокую гору и пріотворилъ уже дверь „туда"...

Возможность ходить и сидѣть, двигаться, прибыль силъ Левъ Николаевичъ тотчасъ же использовалъ, сталъ много заниматься и 12 іюля совершенно закончилъ и отослалъ за границу въ печать „Единственное средство", сталъ отвѣчать на письма, которыхъ скопилось у него много за эту болѣзнь, при чемъ его особенно трогало отношеніе къ нему его старшаго брата. Въ письмахъ и разговорахъ сквозило одно искреннее удовлетвореніе (чтобы не сказать удовольствіе) пережитой болѣзнью, въ теченіе которой сознаніе духовной жизни, освобожденной отъ обычныхъ заботъ о тѣлѣ, было особенно радостно ему, и когда все то, что прежде казалось ему трудно разрѣшимымъ, такъ легко и хорошо разрѣшалось для него всеобщей духовной панацеей: осужденіемъ себя, смиреніемъ и любовью. Это настроеніе было особенно дорого ему, и онъ боялся, выздоровѣвъ, потерять его. Во время болѣзни онъ особенно часто вспоминалъ любимый стихъ изъ Ев. Луки: „отвергнись себя, возьми крестъ свой *на каждый день* и слѣдуй за мной". И это кроткое, умиленное, высокое настроеніе Левъ Николаевичъ старался поддержать въ себѣ, когда почувствовалъ себя здоровѣе, старался какъ бы не расплескать его.

Болѣзнь Льва Николаевича, какъ помнятъ многіе, стала извѣстна всему читающему міру, скоро также стало извѣстно намѣреніе перевезти его на южный берегъ Крыма. Со всего міра сыпались запросы о ходѣ болѣзни, предложенія ѣхать за границу и, судя по тому сердечному сочувствію, съ которымъ иностранцами дѣлались предложенія ѣхать за границу, можно было заключить, что всякая страна гордилась бы тѣмъ, что такой больной отправится туда, и сдѣлала бы все возможное, чтобы доставить ему всякія удобства.

Скоро получился отвѣтъ отъ графини Паниной, которая съ величайшей радостью предоставляла свое имѣніе въ распоряженіе семьи Льва Николаевича и уже сдѣлала распоряженіе о томъ, чтобы домъ былъ приготовленъ для поселенія

въ немъ больного. Получилъ и я любезное разрѣшеніе отъ бывшаго тогда министра путей сообщенія кн. Хилкова взять любой удобный для перевозки больного вагонъ и прицѣпить его къ любому поѣзду, чтобы безпересадочно доѣхать до Севастополя и, въ случаѣ надобности, отцѣплять его отъ поѣзда и жить въ немъ въ дорогѣ. А это являлось крайне важнымъ, такъ какъ положеніе Льва Николаевича было такъ плохо, что никто не могъ съ полной увѣренностью сказать, что онъ вынесетъ этотъ длинный путь.

Весь этотъ періодъ (іюль и августъ) Левъ Николаевичъ изрѣдка только покидалъ постель. Припадки болѣзни и мучительной слабости чередавались съ короткими періодами сравнительнаго улучшенія. Всѣ вокругъ суетились и отдались планамъ устройства поѣздки, устройства на новомъ мѣстѣ, но Левъ Николаевичъ продолжалъ жить обычной напряженной духовной жизнью и въ обычной своей трудовой обстановкѣ. Если онъ бывалъ въ силахъ, то самъ писалъ, если же не было для этого силъ, диктовалъ свои мысли большею частью своимъ двумъ дочерямъ Марьѣ и Александрѣ Львовнѣ, много читалъ и справлялся съ своей обширной корреспонденціей. Какъ казалось ни было трудно послѣднее, такъ какъ у него никогда не было секретаря, но онъ бывалъ чрезвычайно аккуратенъ въ отвѣтахъ на письма, если видѣлъ, что искренность, сердечность корреспондентовъ требовали отвѣта. Въ смыслѣ работы, общенія съ другими для него не существовало болѣзни и страданій и, думаю, что тѣ его корреспонденты, которые получали въ это время письма отъ Льва Николаевича, не могли бы никакъ представить себѣ, что человѣкъ этотъ не только былъ нездоровъ, но постоянно въ это время находился на рубежѣ смерти.

Кончивъ свою статью „Единственное средство", Левъ Николаевичъ, очевидно, сталъ думать о продолженіи своей работы. Еще въ іюлѣ Левъ Николаевичъ сталъ читать разные источники по вопросу о религіи, а какъ-то въ серединѣ августа, выйдя къ друзьямъ, онъ особенно долго и трогательно говорилъ о томъ, что такое истинная религія и истинно религіозный человѣкъ. Этотъ ходъ его мыслей можно прослѣдить и по перепискѣ, которую онъ велъ, и по тому, напр., что онъ особенно много вниманія посвящаетъ письмамъ къ священникамъ, какъ къ представителямъ господствующей религіи. Въ это время онъ получилъ два письма,—одно отъ православнаго священника, другое отъ французскаго пастора. Обоимъ онъ отвѣчаетъ длинными письмами и, какъ видно изъ послѣдняго письма, писаннаго почти наканунѣ выѣзда изъ Ясной Поляны въ Крымъ (26 авг. 1901 г.), въ немъ уже совершенно созрѣлъ планъ его новаго произведенія „О религіи". „По моему, глав-

нѣйшій смыслъ христіанскаго ученія есть возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человѣкомъ", писалъ онъ. Эта мысль легла въ основу написаннаго уже въ Гаспрѣ произведенія „О религіи", и это онъ обдумывалъ во время царившей вокругъ него суеты, приготовленій къ отъѣзду и самого отъѣзда.

Въ одну изъ темныхъ, холодныхъ ночей августа, одѣвъ Льва Николаевича въ шубу, отправились въ Тулу, за 15 верстъ отъ Ясной Поляны. Дорога была ужасна, небольшое разстояніе отъ усадьбы до шоссе съ версту пришлось ѣхать, освѣщая дорогу факелами. Со Львомъ Николаевичемъ отправились: Софья Андреевна, дочь его Марья Львовна съ своимъ мужемъ кн. Оболенскимъ, третья дочь Александра Львовна и ходившая за Львомъ Николаевичемъ во время болѣзни его въ 1899 г. художница И., близкій другъ семьи.

Часовъ въ 10 вечера пріѣхали, наконецъ, на станцію и тотчасъ же перевели Льва Николаевича въ ожидавшій вагонъ. Здѣсь собрались проститься съѣхавшіяся остальныя дѣти его. Поѣздъ отходилъ часа въ 3 ночи. Вспоминаю ясно, какая это была мучительная ночь. Отъ дороги Льву Николаевичу стало значительно хуже, онъ сталъ задыхаться, снова появился жаръ, и мы всѣ съ тревогой составили спѣшный консиліумъ: что дѣлать, можно ли рискнуть везти больного въ такомъ состояніи дальше. Рѣшили въ 12 ч. ночи вызвать изъ города врача, который пришелъ, посмотрѣлъ и отнесся неопредѣленно. Какая-то, однако, вѣра таилась у меня, что если больному необходимо тепло и солнце, то завтра мы будемъ за Курскомъ и увидимъ вмѣсто этого дождя, холода и тумана, мрака, яркое солнце, тепло и больному будетъ лучше. Я, кажется, заразилъ своей вѣрой остальныхъ, а затѣмъ подумали также о томъ, что везти сейчасъ обратно 15 верстъ по этой отвратительной дорогѣ, хуже, чѣмъ провезти 500 верстъ въ тепломъ, сухомъ вагонѣ. Рѣшили ѣхать.

Никто почти не спалъ эту трудную, памятную ночь и со страхомъ прислушивались къ малѣйшему шороху въ отдѣленіи, которое занималъ Левъ Николаевичъ. Къ утру ему стало немного лучше, а въ 10 часовъ мы были въ Курскѣ, гдѣ, дѣйствительно, было и тепло, и сухо, и свѣтло. Стало гораздо лучше и больному, и всѣ мы повеселѣли, явилась надежда благополучно доѣхать до мѣста.

Въ такомъ бодромъ и приподнятомъ настроеніи, надѣясь на все лучшее, подъѣхали мы къ Харькову, гдѣ всѣ надѣялись хотя немного поѣсть во время долгой 20-минутной остановки поѣзда. Мы распредѣлили уже между собой роли, кто пойдетъ на станцію, что принести въ вагонъ, кто останется со Львомъ Николаевичемъ. Стоя въ отдѣленіи Льва Николаевича и глядя въ окно на платформу станціи,

когда останавливался поѣздъ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ скопленіемъ народа на платформѣ. Что больше всего поразило меня, такъ это то, что даже на перекладинахъ навѣса надъ платформой какимъ-то чудомъ торчали люди съ напряженными, возбужденными лицами, вглядываясь въ нашъ поѣздъ.

Вдругъ меня осѣнила мысль.

— Левъ Николаевичъ,—сказалъ я,—да вѣдь эта толпа на вокзалѣ, должно быть, собралась по случаю вашего проѣзда.

— Что вы? не можетъ этого быть,—возразилъ онъ. Потомъ, подумавъ мгновеніе, сказалъ:—задерните, пожалуйста, на всякій случай окно. Вѣдь это было бы ужасно.

И я увидѣлъ, какъ какая-то тревога мгновенно охватила его, и онъ сразу ослабѣлъ.

Между тѣмъ, снаружи, сквозь гудѣніе толпы, раздавались иногда голоса: Толстой, Толстой... въ этомъ поѣздѣ... послѣдній вагонъ и т. д. Когда я вышелъ изъ отдѣленія и хотѣлъ пройти на платформу, то сдѣлать этого ужъ было невозможно: все было забаррикадировано толпой. Возбужденныя лица стояли на площадкѣ вагона, на ступенькахъ, что-то говоря Софьѣ Андреевнѣ, и толпа обратила взоры на нашъ вагонъ. Какой-то студентъ умолялъ допустить его ко Льву Николаевичу передать привѣтъ депутаціи, за нимъ стоялъ господинъ въ штатскомъ и одновременно съ нимъ что-то говорилъ, а за этими виднѣлась фигура офицера, тоже пытавшагося что-то говорить. Софья Андреевна умоляюще просила ихъ успокоиться, говорила имъ, что Левъ Николаевичъ очень плохъ, очень слабъ, что онъ взволнуется, если приметъ ихъ, а волненіе для него убійственно. Мнѣ жалко было смотрѣть на этихъ волнующихся людей, очевидно, искренно жаждавшихъ увидѣть человѣка, котораго горячо чтили. Снова пошелъ я въ отдѣленіе ко Льву Николаевичу. Онъ былъ очень взволнованъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это ужасно,—проговорилъ онъ.—Зачѣмъ это они? Послушайте, нельзя ли какъ-нибудь устроить, чтобы мы поскорѣе тронулись дальше...

Но это было невозможно, мы ѣхали съ добавочнымъ курьерскимъ поѣздомъ, и пока первый курьерскій поѣздъ не дошелъ до слѣдующей станціи, насъ не могли отправить. Я сказалъ объ этомъ ему, а также и о томъ, что, по моему мнѣнію, слѣдовало бы принять просившихъ объ этомъ.

— Ахъ зачѣмъ это, зачѣмъ, все это лишнее, и я просто не могу, простоналъ онъ, какъ-то безпомощно еще глубже забившись въ уголъ дивана.

Оставалось минутъ десять до отхода поѣзда. Толпа какъ-то растерянно смотрѣла на нашъ вагонъ и по ней проносилось: боленъ, заболѣлъ опасно, лежитъ... Въ тамбуръ ва-

гона проникло нѣсколько человѣкъ и снова умоляли Софью Андреевну допустить ихъ къ больному, клянясь, что они не взволнуютъ его и т. д. Графиня отправилась ко Льву Николаевичу и уговорила его принять. Ихъ впустили и, путаясь въ выраженіяхъ, они пробормотали нѣсколько словъ, что явились привѣтствовать его, какъ представители огромнаго числа его почитателей, что онъ всѣмъ дорогъ, что всѣ крайне взволнованы извѣстіями о его болѣзни, жаждутъ услышать хорошія вѣсти о его поправленіи на благо всего человѣчества и т. п.

Левъ Николаевичъ спросилъ ихъ, кто они, и, узнавъ что одинъ изъ нихъ студентъ, пожелалъ, чтобы они сохранили въ себѣ тотъ чистый юношескій пылъ, которымъ горятъ теперь, попросилъ благодарить за участіе къ нему тѣхъ, кто ихъ послалъ.

Едва они вышли изъ вагона, какъ еще нѣсколько человѣкъ просили впустить и ихъ, допустили и этихъ. Когда же они ушли и передали свои впечатлѣнія окружавшимъ ихъ, послышались голоса: „просимъ Льва Николаевича на минуту, хоть на минуту показаться у окна, просимъ, просимъ...“ Все затихло вокругъ, все заволновалось.

Уговорили Льва Николаевича показаться у окна. Слабый, взволнованный, онъ приподнялся, оперся о подоконникъ и раскланялся. Мгновенно все стихло, головы обнажились и всѣ почтительно и благоговѣйно глядѣли на этого слабаго, больного, безпомощнаго человѣка, который такъ титанически будилъ самое лучшее въ душахъ людей. Это была такая картина, которая по своей величественности, торжественности, по той дисциплинѣ душевнаго напряженія, сковывшаго всю эту толпу, врѣзалась у меня въ памяти на всю жизнь. Раздался третій звонокъ. И какъ будто изъ однихъ устъ раздалось тысячеголосное „ура“. Всѣ махали платками, шапками, кричали: „поправляйтесь, возвращайтесь здоровымъ, храни васъ Богъ“... поѣздъ нашъ медленно тронулся и, наконецъ, мы снова остались одни.

Проводникъ вагона держалъ три бутылки молока и спрашивалъ, что дѣлать съ ними. Увидавъ молоко, я понялъ, откуда эта манифестація. Узнали о проѣздѣ Льва Николаевича только благодаря этому молоку.

Когда я подошелъ ко Льву Николаевичу, онъ сидѣлъ совершенно ослабѣвшій, разстроенный, глаза были влажны, какъ всегда въ моменты сильнаго душевнаго напряженія.

— Откуда могли узнать о моемъ проѣздѣ? проговорилъ онъ вопросительно. Вѣдь, кажется, никто не зналъ объ этомъ, и мы сами не знали.

Дѣйствительно, трудно было узнать о проѣздѣ Льва Николаевича ужъ по одному тому, что русское правительство распорядилось въ это время черезъ цензурные комитеты,

чтобы въ газетахъ не писалось ничего о его болѣзни, и распоряженіе это было отмѣнено уже значительно позже, теперь же никто не могъ узнать изъ газетъ о проѣздѣ. Тогда мнѣ пришла догадка (и это, какъ потомъ оказалось, дѣйствительно было такъ). Когда стало окончательно извѣстно, что мы выѣзжаемъ изъ Ясной Поляны на слѣдующій день и когда, обдумывая питаніе Льва Николаевича въ дорогѣ, безпокоились, что не достанутъ ему въ дорогѣ на станціяхъ свѣжаго молока, я написалъ въ Харьковъ моей знакомой писательницѣ Е. просьбу доставить къ извѣстному поѣзду молоко для Льва Николаевича. Письмо она могла получить только въ день его пріѣзда. Такимъ образомъ, я оказался невольнымъ виновникомъ этой манифестаціи.

Когда я вспоминаю теперь объ этомъ, не могу не удивляться предъ тѣмъ жаднымъ и страстнымъ интересомъ къ личности Толстого, бывшимъ у русскаго общества, при которомъ только и можно объяснить появленіе толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, когда о проѣздѣ было извѣстно только въ тотъ день и только совершенно частному человѣку. Я разсказалъ Льву Николаевичу обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, вызвали эту толпу. Левъ Николаевичъ долго ахалъ и корилъ меня и спрашивалъ,. на какихъ станціяхъ еще будетъ молоко. Стали шутить, я успокаивалъ его, говоря, что теперь путь до Севастополя свободенъ и т. п., но черезъ нѣсколько времени больному стало хуже и хуже, начались перебои сердца, стала ползти температура, и мы всѣ опять пріуныли. Всѣ были голодны, никто не успѣлъ запастись въ Харьковѣ пищей и подкрѣпиться, но все это, разумѣется, были пустяки въ сравненіи съ мрачными мыслями о томъ, что дѣлать, если ухудшеніе будетъ продолжаться. Везти въ безнадежномъ состояніи не рѣшались, но кто опредѣлитъ, насколько безнадежно состояніе. Доктора можно было достать только въ Лозовой, да и можно ли? Если есть тамъ докторъ, то желѣзнодорожный, который всегда можетъ быть въ отлучкѣ. И такъ какъ Льву Николаевичу становилось все хуже, то мы рѣшили, поискать въ Лозовой доктора, дать телеграмму въ Екатеринославъ моему знакомому врачу, чтобы онъ выѣхалъ въ Синельниково, за 40 верстъ отъ Екатеринослава, и посовѣтовалъ намъ, что дѣлать, продолжать поѣздку или вернуться.

Но подъѣзжая къ Лозовой, Льву Николаевичу стало опять лучше, пульсъ сталъ ровнымъ, температура понизилась, и онъ даже могъ выпить молока. Снова мелькнула надежда доѣхать до Севастополя, и мы, перекусивъ на станціи, провели послѣ мучительно напряженныхъ сутокъ спокойную ночь.

Когда проснулись на слѣдующій день, въ окна глядѣло ослѣпительно яркое южное солнце, а внизу по обѣимъ сто-

ронамъ пути разстилался Сивашъ. Было тепло, даже жарко. Подъѣзжая къ Симферополю открыли окна вагона и жадно дышали теплымъ, нѣжнымъ воздухомъ. Левъ Николаевичъ провелъ ночь сравнительно хорошо, видъ у него былъ хорошій, и онъ, видимо, съ наслажденіемъ вдыхалъ этотъ воздухъ и уже думалъ о томъ, чтобы, по усвоенной имъ за всю жизнь привычкѣ, сѣсть заниматься въ эти бодрые, утренніе часы. Онъ досталъ свою записную книжку, сталъ вписывать туда; затѣмъ попросилъ достать листки своей послѣдней работы и удалился къ себѣ работать. Но очевидно шумъ и тряска поѣзда, непривычная обстановка и безпокойство близкихъ, что, послѣ пережитыхъ волненій, онъ дѣлаетъ опять вредное напряженіе, заставили его скоро покончить работу и присоединиться къ намъ.

Въ Симферополѣ мы купили прекраснаго винограда, шасла и изабелла, и соблазнили Льва Николаевича принять участіе въ нашемъ пиршествѣ. Всѣ оживились, были веселы и Левъ Николаевичъ также раздѣлялъ наше настроеніе, и когда мы проѣзжали станціи, напоминавшія ему по названіямъ севастопольскую кампанію, онъ вспоминалъ прошлое и подробно разсказывалъ намъ событія, происходившія тутъ во время Севастопольской обороны и эпизоды изъ своей жизни въ то время.

Въ Севастополѣ насъ ждала снова манифестація, но на этотъ разъ очень скромная, собрались почти исключительно дамы, которыя разсказали, что вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ толпы народа ежедневно собирались на вокзалъ, ожидая встрѣтить Льва Николаевича, но наконецъ, извѣрившись въ его пріѣздѣ, перестали мало-по-малу собираться и только эти остатки были вѣрны себѣ и дождались. Но когда я выглянулъ изъ окна станціи, то увидалъ, что и передъ станціей была толпа, а передъ толпой расхаживало нѣсколько полицейскихъ офицеровъ. Когда мы вышли садиться въ экипажъ, то одинъ изъ нихъ, полицмейстеръ, сѣлъ въ свою коляску и понесся впереди насъ. Очевидно, полиція работала во всю, показывая свое усердіе, и представитель ея поспѣшилъ дальше, чтобы предупредить „незаконное сборище толпы".

Теплый, нѣжный, безвѣтренный день, ослѣпительное солнце, казавшееся еще болѣе ослѣпительнымъ отъ бѣлыхъ домовъ, известковыхъ камней мостовой и темное синее бездонное небо, бодрость больного, который старался даже не пользоваться помощью другихъ, когда выходилъ изъ коляски, все было такъ хорошо, такъ ободрительно дѣйствовало, что, казалось, можно было пуститься въ дальнѣйшій путь въ Ялту безъ передышки. Но такъ какъ было уже поздно, мы не могли бы доѣхать на лошадяхъ до сумерекъ, то рѣшено было, если все также будетъ благополучно, двинуться въ дальнѣйшій путь завтра въ 10 час. утра.

Часовъ около двухъ дня всѣ вышли погулять. Это былъ обычный часъ прогулокъ Льва Николаевича и, почувствовавъ въ себѣ силы, онъ захотѣлъ пройти хотя бы въ расположенный около гостиницы Киста, гдѣ мы остановились, приморскій бульваръ. Отдохнувъ немного на бульварѣ, Левъ Николаевичъ захотѣлъ попробовать прогуляться по городу и, опираясь на мою руку, пошелъ по улицѣ вверхъ по направленію къ музею Севастопольской обороны. Когда мы дошли до музея, который хотѣлось посмотрѣть Льву Николаевичу, то оказалось, что мы опоздали уже, онъ открытъ только до 2-хъ часовъ и насъ не пустили. Возвращаясь назадъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ музея, повстрѣчался офицеръ, который сначала изумленно взглянулъ на Льва Николаевича, потомъ вдругъ остановился, отдалъ честь и, подойдя къ нему, попросилъ позволенія представиться.

— Позвольте, графъ, представиться, капитанъ N.

Левъ Николаевичъ подалъ ему руку и сталъ припоминать—Вы N? да вы не сынъ ли того N?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Да, да, помню, проговорилъ Левъ Николаевичъ, мы еще съ вашей матушкой танцевали тутъ же въ Севастополѣ... какъ же помню... что же вы дѣлаете здѣсь?

N. оказался очень любезнымъ и, узнавъ, что насъ не пустили въ музей, вызвался проводить туда, и мы повернули обратно и поднялись по отлогимъ ступенькамъ величественной колонады зданія, посвященнаго воспоминаніямъ о защитникахъ, одинъ изъ которыхъ теперь спустя 45 лѣтъ послѣ пережитыхъ и описанныхъ имъ ужасовъ, подымался теперь въ совершенно иной обстановкѣ.

Капитанъ водилъ по комнатамъ Льва Николаевича, дѣлая разныя объясненія. Въ свою очередь и Левъ Николаевичъ припоминалъ разные эпизоды, расположеніе батарей, нѣкоторыхъ защитниковъ. Въ одной изъ комнатъ былъ его портретъ, капитанъ съ особымъ удовольствіемъ обратилъ на него вниманіе, но Левъ Николаевичъ съ видимымъ неудовольствіемъ отвернулся отъ портрета, какъ-то сразу притихъ,— очевидно, другая группа воспоминаній и другое настроеніе замѣнили первоначальное возбужденіе, и онъ, жалуясь на утомленіе, предложилъ вернуться въ гостиницу.

— Какъ это жалко, говорилъ онъ дорогой, зачѣмъ это дорогое зданіе, это тщательное собираніе всѣхъ старыхъ пуговицъ, осколковъ. Забыть надо весь этотъ ужасъ, это озвѣреніе, этотъ позоръ, а они стараются разжигать воспоминанія... ужасно, ужасно...

Вернулся онъ въ гостиницу измученнымъ, усталымъ и какимъ - то увядшимъ. Но, немного отдохнувъ, принялся за работу, сталъ писать, а мы, видя, что ему хорошо, стали готовиться къ путешествію въ экипажахъ на завтра, заказали

лошадей, двѣ коляски и остатокъ дня спокойно провели въ гостиницѣ.

Утро слѣдующаго дня было великолѣпно, мы успѣли запастись свѣжимъ молокомъ, хлѣбомъ, виноградомъ, фруктами и къ 10 ч. утра уже двинулись на двухъ экипажахъ въ Ялту. Левъ Николаевичъ оглядывалъ проѣзжаемую нами мѣстность и объяснялъ намъ расположеніе редутовъ, войскъ во время Севастопольской обороны. Чувствовалъ онъ себя хорошо и во время первой перемѣны лошадей около Балаклавъ пошелъ немного пѣшкомъ по шоссе размяться. Въ Байдарахъ мы сдѣлали часовой привалъ, чтобы приготовить незамысловатый обѣдъ Льву Николаевичу. Всѣ энергично принялись за дѣло: кто топилъ плиту въ сосѣдней съ почтовой станціей пристройкѣ, кто спѣшно все распечатывалъ и доставалъ, а Софья Андреевна была энергичной кухаркой. Мы торопились и всѣ работали дружно, боясь, что опоздаемъ пріѣхать къ мѣсту до захода солнца, а везти его послѣ захода солнца было опасно, при его расположеніи къ лихорадкѣ, это время считалось въ Крыму самымъ опаснымъ для больныхъ.

Наконецъ, мы перевалили Байдарскія ворота. Подъѣзжая къ нимъ, повстрѣчались двѣ коляски, и, очевидно, ѣхавшіе были предупреждены о проѣздѣ Льва Николаевича, такъ какъ вмѣстѣ съ шумными привѣтствіями его забросали цвѣтами. Внизу подъ Байдарскими воротами тоже ожидали группы любопытныхъ.

На первой остановкѣ послѣ Байдарскихъ воротъ, пока перемѣняли лошадей, Левъ Николаевичъ пошелъ снова размяться вдоль шоссе и сталъ припоминать мѣстность. Онъ нѣкогда возилъ сюда больного князя Урусова, своего большого друга и извѣстнаго, между прочимъ, своимъ прекраснымъ переводомъ „размышленій Императора Марка Аврелія“. Такъ какъ Левъ Николаевичъ не могъ въ точности припомнить лежавшихъ внизу по берегу мѣстъ, то обратился къ остановившемуся на шоссе молодцу, не то приказчику, не то изъ мелкихъ торговцевъ или арендаторовъ. Тотъ, видя бѣдно одѣтаго въ странную блузу старичка, сталъ съ достоинствомъ и нескрываемымъ презрѣніемъ отвѣчать на вопросы. Я наблюдалъ эту сцену, и меня чрезвычайно смѣшило такое высокомѣрное достоинство этого молодца, видно было, что онъ дорого цѣнилъ то, что снизошелъ до разговора съ этимъ сѣренькимъ человѣкомъ. Наконецъ, подъѣхала коляска съ Софьей Андреевной, и Левъ Николаевичъ, поблагодаривъ незнакомца, сѣлъ и уѣхалъ, а я остался подождать слѣдующей коляски. Незнакомецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вслѣдъ уѣхавшей коляски.

— Не знаете, кто такой—этотъ старичокъ? спросилъ онъ меня.

— Это графъ Толстой, отвѣчалъ я.

— Какъ, воскликнулъ онъ, это тотъ самый графъ Толстой, писатель?

— Тотъ самый.

— Боже мой, Боже мой! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ и, почему-то схвативъ съ головы фуражку, швырнулъ ее на пыльное шоссе.—И я такъ говорилъ съ нимъ! Всё бы, кажется, отдалъ въ жизни, чтобы только повидать его и вотъ... и я, подлецъ, такъ говорилъ съ нимъ, думалъ, такъ странничекъ какой-нибудь, ой, ой, ой...

Я сѣлъ въ подъѣхавшій экипажъ, и мы долго видѣли, какъ этотъ несчастный стоялъ безъ фуражки на шоссе и все смотрѣлъ вслѣдъ экипажу, увозившему человѣка, съ которымъ онъ „такъ говорилъ".

Подъѣзжая къ Мисхору, солнце зашло и быстро спускались крымскіе сумерки или, вѣрнѣе, ночь. Мы попросили кучеровъ не мѣнять лошадей на этой станціи и ѣхать поскорѣе въ Гаспру, имѣніе гр. Паниной, которое было уже недалеко, верстахъ въ 3—4. Наконецъ, и Гаспра, ворота открыты, ждутъ, большой домъ, „дворецъ" освѣщенъ и милый, любезный нѣмецъ, управляющій К. Х. Классенъ, столько заботливости и услугъ оказавшій затѣмъ и Льву Николаевичу и его семьѣ, стоялъ съ хлѣбомъ солью у дверей дома.

Любопытно вспомнить, съ какимъ до нѣкоторой степени страхомъ глядѣлъ Левъ Николаевичъ на этотъ домъ. Это былъ богатый, хорошо отдѣланный и оборудованный домъ, одинъ изъ тѣхъ палаццо, который считаетъ долгомъ имѣть всякій богатый европеецъ на берегу Средиземнаго моря или иномъ курортѣ. Но Левъ Николаевичъ, привыкшій къ скромной, простой, чтобы не сказать, бѣдной обстановкѣ Ясной Поляны, гдѣ полы были во многихъ комнатахъ некрашеные, изношеные, рамы въ окнахъ подгнили, краска сошла и надо было обсуждать вопросъ, смѣнять ли ихъ сейчасъ или еще можно подождать до слѣдующаго года,—и вдругъ здѣсь необыкновенное великолѣпіе и чистота по сравненію съ яснополянскимъ домомъ. Дѣйствительно, чувствовалось какъ-то не по себѣ, и всѣ ходили, растерявшись, по этимъ огромнымъ заламъ. Левъ Николаевичъ, глядя со страхомъ на огромныя вазы по угламъ, предупреждалъ насъ, чтобы мы были осторожны, и видно было, что ему совсѣмъ не по себѣ. Помѣстился онъ въ нижнемъ этажѣ направо, въ комнатѣ, прилегавшей къ залѣ и окнами выходившей на западъ и на югъ, но съ юга была крытая терраса, защищавшая отъ солнца. Это была не вполнѣ подходящая комната, но самая покойная въ нижнемъ этажѣ, въ верхнемъ же этажѣ было неудобно потому, что туда неизбѣжно было подниматься по лѣстницѣ, которая для больного была вредна.

Слѣдующіе ясные, солнечные дни крымской чудной

осени были великолѣпны, и у Льва Николаевича не было ни лихорадки, ни неправильной дѣятельности сердца. Онъ сталъ совершать небольшія прогулки, при чемъ въ виду трудности вездѣ въ Крыму избѣжать горныхъ прогулокъ и несносности пыльнаго шоссе, онъ полюбилъ въ особенности прогулку по, такъ называемой, „горизантальной тропинкѣ", проложенной отъ сосѣдняго съ Гаспрой дворца великаго князя Александра Михайловича (Ал. Тодоръ) почти до самой Ливадіи. По этой тропинкѣ любилъ гулять покойный государь Александръ III, и, кажется, она и была проложена для него. Она, дѣйствительно, шла все время, на протяженіи верстъ 5, горизонтально и съ нея отрывался чудесный видъ на Ялту. Такъ какъ нужно было ходить черезъ владѣнія Александра Михайловича и удѣльныя, то Классенъ попросилъ соотвѣтствующее разрѣшеніе, и оно было дано. Упоминаю объ этомъ потому, что впослѣдствіи, когда болѣзнь Льва Николаевича привлекла особое вниманіе правительства, разрѣшеніе это было взято обратно, и ему было запрещено пользоваться этой „горизонтальной тропинкой".

Черезъ нѣсколько дней Льва Николаевича посѣтилъ жившій въ то время въ Ялтѣ А. П. Чеховъ. Левъ Николаевичъ любилъ его произведенія и очень цѣнилъ художественный талантъ Чехова. Впослѣдствіи, когда онъ составлялъ „Кругъ чтенія", онъ включилъ въ него разсказъ Чехова „Душечка", снабдивъ его своимъ предисловіемъ.

Это свиданіе было какое-то натянутое. Милый, остроумный Чеховъ чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ, разговоръ былъ вялый, и онъ вскорѣ уѣхалъ. Чеховъ, вообще съ уваженіемъ и любовью относившійся къ Толстому, слегка иронизировалъ надъ его моральнымъ отношеніемъ къ жизни, желая подъ этой формой скрыть то, что безъ сомнѣнія мучило его самого въ неразрѣшимости жизненныхъ вопросовъ, въ отсутствіи центральной идеи, въ отсутствіи Бога.

Послѣ свиданія съ Чеховымъ (съ которымъ онъ, между прочимъ, снятъ въ этотъ пріѣздъ на верхней террасѣ дома) Левъ Николаевичъ говорилъ, что ему очень жаль Чехова именно потому, что въ немъ, при всемъ его недюжинномъ художественномъ дарованіи, не было религіознаго сознанія, и отъ этого все писанное имъ покрыто какимъ-то пессимистическимъ флеромъ, скрывавшимъ пустоту содержанія. Чеховъ въ то время былъ тяжело боленъ туберкулезомъ, всѣ это знали, невольно глядѣли на него съ состраданіемъ и, видя рядомъ этихъ людей, стучавшихся въ другую жизнь или, вѣрнѣе, къ которымъ смерть протягивала свои объятья, невольно напрашивались сравненія. Одинъ готовъ былъ идти безтрепетно, видя за скрытой дверью что-то лучшее, привлекательное и старавшійся благоговѣйно прислушиваться къ своему внутреннему голосу, прибрать свой внутренній

храмъ,—другой съ какимъ-то недоумѣніемъ глядѣлъ туда и цѣплялся за эту внѣшнюю оболочку, не хотѣлъ даже представить себѣ того, что онъ близокъ къ этому послѣднему этапу жизни, послѣднему столбику у нея.

Жизнь стала входить въ свою колею. Левъ Николаевичъ принялся за свои занятія, въ это время онъ снова принялся за свою повѣсть Хаджи Муратъ и какъ-то въ одну изъ прогулокъ, осматривая въ Алупкѣ дворецъ кн. Воронцова, съ особымъ вниманіемъ останавливался на портретахъ Воронцовыхъ и разсказывалъ намъ разныя подробности о нихъ. Его острый взглядъ какъ бы запечатлѣвалъ всѣ штрихи и оттѣнки глядѣвшихъ изъ рамъ портретовъ лицъ и затѣмъ мастерской рукой онъ передавалъ эту живопись въ Хаджи Муратѣ, оживляя, дѣлая ее одухотворенной.

Но занимался онъ Хаджи Муратомъ какъ бы въ видѣ отдыха отъ другихъ работъ, болѣе важныхъ. Онъ даже какъ будто стыдился этого своего занятія „художественнымъ" произведеніемъ, за которымъ ему дышалось должно быть также легко и свободно, какъ орлу въ поднебесьѣ. Душа его была занята все тѣмъ же вопросомъ, который сталъ передъ нимъ уже давно—обманомъ людей подъ видомъ религіи, соблазненіемъ ихъ участвовать въ насиліи-солдатчинѣ и т. п. И онъ одновременно съ „Хаджи Муратомъ" пишетъ статью „О религіи", а прочтя присланную кѣмъ-то изъ друзей „Солдатскую Памятку" генерала Драгомирова, составляетъ свою „солдатскую памятку". И въ эти работы онъ входитъ весь, нить мыслей о нихъ ужъ не рвется ни на минуту, какъ бы потомъ ему ни было плохо.

Когда затѣмъ онъ прочелъ въ газетахъ рѣчь М. Стаховича на миссіонерскомъ съѣздѣ, которая затрагивала такой дорогой для него вопросъ, вопросъ жегшій ему душу—о религіи, терпимости, онъ не могъ удержаться, чтобы не откликнуться на то ложное положеніе, въ которомъ находились и Стаховичъ, и съѣздъ миссіонеровъ—и пишетъ статью „О вѣротерпимости".

И Крымъ, принеся Льву Николаевичу сравнительное улучшеніе здоровья, далъ ему, кромѣ того, и больше возможности уединиться и спокойнѣе работать, такъ какъ здѣсь не было той массы посѣтителей, какая бывала въ Ясной Полянѣ, и онъ могъ больше предаваться *своей* жизни.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ къ себѣ на сѣверъ, съ счастливымъ сознаніемъ и вѣрой въ то, что Левъ Николаевичъ избѣгъ угрожавшей ему опасности и теперь на пути къ поправленію. Мое настроеніе, кажется, раздѣлялось и всѣми другими. Когда я уѣзжалъ, то Левъ Николаевичъ попросилъ меня заѣхать по пути въ Кочеты къ его дочери Татьянѣ Львовнѣ и успокоить ее, передавъ, какъ благополучно доѣхалъ и что теперь „здоровъ, какъ всегда".

Послѣдующія извѣстія изъ Гаспры были самыя утѣшительныя. Приступы болѣзни грудной жабы не повторялись, Левъ Николаевичъ работалъ, какъ обыкновенно, наслаждался природой, бывалъ у моря и публикѣ извѣстна одна фотографія, снятая съ него съ младшей дочерью въ ту осень 1901 г. на берегу моря; совершалъ довольно большія прогулки, хаживая пѣшкомъ въ Ялту—это верстъ 12 отъ Гаспры—навѣщать жившую тамъ съ мужемъ свою вторую дочь Марью Львовну Оболенскую и вообще на горизонтѣ не было никакихъ зловѣщихъ тучъ.

Въ декабрѣ 1901 г. на Рождество я отправился въ Гаспру навѣстить Льва Николаевича и засталъ его совершенно поправившимся, окрѣпшимъ, бодрымъ и много работавшимъ. Въ это время онъ кончилъ уже „Солдатскую памятку". Онъ весь, казалось, горѣлъ волненіемъ и негодованіемъ, какъ могли найтись люди, какъ Драгомировъ, такъ кощунственно пользовавшіеся текстами Евангелія и извращавшіе ихъ для проповѣди убійства и насилія.

— Нѣтъ, вы посмотрите, говорилъ онъ мнѣ съ особымъ волненіемъ и съ характерной спазмой голоса, какъ будто рыдая,—можно ли это написать и безъ стѣсненія распространять рядомъ съ трогательными словами Христа о любви, о братствѣ. Вы прочтите вотъ это: и Левъ Николаевичъ показалъ мнѣ мѣсто солдатской памятки Драгомирова: „Всегда бей, никогда не отбивайся. Сломался штыкъ, бей прикладомъ; прикладъ отказалъ—бей кулаками; попортили кулаки—*вцѣпись зубами*"... Нѣтъ, это ужасно, говорилъ онъ, это что-то до невѣроятія звѣрское... „вцѣпись зубами".

Это волненіе, съ которымъ Левъ Николаевичъ относился къ тому, о чемъ писалъ, это страданіе за жизнь другихъ, въ которую онъ такъ чутко и полно переносился, отражались, несомнѣнно, на его здоровьи. Онъ *не могъ* вести тотъ „старческій" образъ жизни, о которомъ говорилъ докторъ лѣтомъ въ Ясной Полянѣ. И пульсъ его нѣтъ-нѣтъ, да и указывалъ на то, что здоровье его не находится внѣ опасности, что каждый день можно ждать взрыва. Каждая его прогулка вызывала безпокойство у всѣхъ близкихъ, тѣмъ болѣе, что Левъ Николаевичъ старался всегда уходить одинъ,—только такъ онъ использовалъ лучшимъ образомъ свое общеніе съ природой, которая щедро и ярко открывала ему то, что было закрыто намъ.

Помню, что какъ разъ въ день Новаго года, когда мы отправились на прогулку въ горы и вернулись уже передъ сумерками, мы застали всѣхъ въ большомъ волненіи: Левъ Николаевичъ не возвращался еще съ своей прогулки и боялись, что съ нимъ могло быть дурно. Мы тотчасъ же разошлись по разнымъ направленіямъ, и одинъ изъ насъ встрѣтилъ Льва Николаевича недалеко отъ Гаспры на шоссе, онъ

дѣйствительно усталъ, и опоздалъ потому, что почувствовалъ на прогулкѣ дурноту и долго отдыхалъ.

Послѣ такихъ дней, если здоровье позволяло Льву Николаевичу остаться съ нами, вечеромъ кто-нибудь читалъ вслухъ въ большой гостиной, освѣщенной только двумя лампами и потому бывшей всегда полутемной, и среди чтенія Левъ Николаевичъ вставлялъ иногда свои замѣчанія, или кто-нибудь изъ присутствовавшихъ начиналъ вспоминать прошлое и увлекалъ его въ эти воспоминанія, и онъ начиналъ живо и образно передавать цѣлые эпизоды изъ своей жизни. Или, случалось, иногда пріѣзжалъ московскій піанистъ Г., очень любившій Льва Николаевича, и игралъ ему мастерски его любимыя пьесы, и Левъ Николаевичъ сидитъ гдѣ-нибудь въ темномъ углу, и я вижу, какъ онъ волнуется, слезы выступаютъ у него на глазахъ. И въ музыкѣ онъ видѣлъ тѣ же душевныя движенія, жилъ тогда. И когда затѣмъ начинался разговоръ о музыкѣ, когда говорили объ „интересной“ музыкѣ, о новѣйшей, Левъ Николаевичъ замѣчалъ, что „истинная музыка не можетъ быть интересна“, а можетъ или трогать, или возвышать душу, или просто доставлять удовольствіе, успокоеніе и тогда она исполняетъ свое назначеніе“...

Наступало 10 часовъ и начинали расходиться по своимъ комнатамъ. Каждый уносилъ съ собой тихое, возвышенное настроеніе...

На другой день Новаго года я поѣхалъ обратно на сѣверъ. Почему-то въ особенности грустно было уѣзжать въ этотъ разъ. Грустно было покидать эту мирную, хорошую, возвышающую душу обстановку, грустно было и то, что, несмотря на всѣ благопріятныя условія, у Льва Николаевича прорывалась сердечная болѣзнь и была угроза, отъѣхавши далеко, разстаться съ нимъ навсегда. Я условился съ окружавшими Льва Николаевича, что мнѣ дадутъ знать, если ему будетъ сколько-нибудь плохо. Уѣзжалъ я часовъ въ 8 утра на дилижансѣ, который проходилъ изъ Ялты мимо Гаспры, но Левъ Николаевичъ захотѣлъ проводить меня до Мисхора пѣшкомъ и говорилъ все о томъ, что жить осталось мало, а дѣлать надо много. Говорилъ о нашемъ посланничествѣ на землѣ, о томъ, что жизнь наша тогда только можетъ быть полна, когда мы узнаемъ волю пославшаго насъ сюда и будемъ стараться ее исполнять, а исполнять надо много.

Въ Мисхорѣ насъ догналъ дилижансъ, я сѣлъ въ свое мѣсто и долго еще растроганный и умиленный провожалъ глазами этого удивительнаго человѣка, полнаго любви къ людямъ, страдавшаго ихъ страданіями, такого чистаго и возвышеннаго душой, такъ строго глядѣвшаго на остатокъ своей жизни, на свое посланничество...

Числа 27 января 1902 г. я получилъ письмо отъ кн. Марьи Львовны Оболенской, которое меня совсѣмъ напугало. Она

сообщала, что Левъ Николаевичъ провожалъ одного изъ сыновей на пароходъ, очень усталъ, тѣмъ не менѣе пѣшкомъ пришелъ къ нимъ отдохнуть, еще болѣе усталъ, идя въ гору, и съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ сердцебіенія и удушья, бывавшій лѣтомъ въ Ясной Полянѣ. Онъ былъ очень плохъ, всѣ напугались, вызвали лѣчившаго Марью Львовну врача, гинеколога Альтшуллера, больной былъ слишкомъ слабъ и его нельзя было перевезти даже въ Гаспру.

Въ ту же ночь я получилъ телеграмму изъ Гаспры, съ извѣщеніемъ, что Левъ Николаевичъ очень боленъ, и тотчасъ же выѣхалъ въ Гаспру.

Пріѣхалъ я въ Ялту 30-го января и встрѣтившій меня у парохода Классенъ сначала успокоилъ: всѣ эти дни, говорилъ онъ, было графу очень плохо, но сегодня лучше и стали надѣяться, что все обойдется благополучно. Отъ него же я узналъ, что у Льва Николаевича стали появляться припадки сердцебіенія и слабости уже недѣли три тому назадъ, но послѣ нихъ наступали и дни здоровья, и онъ, нисколько не остерегаясь, по обыкновенію, много гулялъ.

Дѣйствительно, какъ я узналъ уже потомъ въ Гаспрѣ отъ семьи, настоящее сердечное положеніе Льва Николаевича только явилось сильнымъ обостреніемъ болѣзни, отъ которой онъ страдалъ—грудной жабы. Это обостреніе особенно сильно стало проявляться съ начала января. Почти не было ни одного дня, когда бы онъ чувствовалъ себя бодро и здорово. Повышенная температура и неправильная дѣятельность сердца часто не позволяли ему подняться съ постели, но первое улучшеніе его положенія,—и онъ старался вести обычный образъ жизни здороваго человѣка, дѣлалъ напряженіе, которое, какъ, напр., въ послѣднихъ числахъ января въ Ялтѣ, чуть не стоило ему жизни.

Разумѣется, Левъ Николаевичъ самъ сознавалъ, что онъ боленъ, это видно и изъ письма, которое онъ писалъ въ это время одному знакомому: „Физически здоровье мое все плохо, но душевно мнѣ очень хорошо и могу работать и работаю какъ умѣю, болѣе серьезно, въ виду близкаго конца". Но это сознаніе болѣзни и опасности нисколько не измѣняло, какъ и лѣтомъ, привычнаго образа его жизни и даже въ мелочахъ онъ оставался вѣренъ себѣ [1]).

[1]) Деликатность не позволяла ему оставлять безъ отвѣта писемъ и обращеній къ нему и еще до января, когда ему было очень плохо, онъ все-таки отвѣтилъ шведскому обществу, возмущенному тѣмъ, что не ему была присуждена Нобелевская премія и обратившемуся къ Л. Н. по этому поводу съ адресомъ. Левъ Николаевичъ отвѣтилъ:

„Милостивые государи. Назначеніе не мнѣ Нобелевской преміи было вдвойнѣ мнѣ пріятно: во-первыхъ, тѣмъ, что избавило меня отъ тяжелой необходимости такъ или иначе распорядиться деньгами, которыя считаются всѣми очень нужными и полезными предметами, мною же—источникомъ всякаго рода зла; во-вторыхъ, тѣмъ, что послужило поводомъ къ выраженію мнѣ своего сочувствія уважаемыхъ мною людей, за которое ото всей души благодарю".

Въ Гаспрѣ я засталъ всѣхъ очень взволнованными, и у всѣхъ сквозь волненіе, пережитое эти дни, проглядывала сегодня надежда на лучшее. Измѣнился домъ, не было уже того удивительно спокойнаго состоянія, которое такъ недавно еще царило здѣсь. Теперь была какая-то растерянность, недоумѣніе, что дѣлать. Вотъ уже недѣли двѣ, какъ серьезно болѣнъ Левъ Николаевичъ, но что за болѣзнь, трудно было понять [1]). Началось у Марьи Львовны, какъ я и сказалъ выше, съ продолжительнаго припадка сердцебіенія съ высокой температурой. Навѣщающій докторъ Альтшуллеръ нашелъ воспаленіе легкихъ, и подъ этимъ впечатлѣніемъ всѣ продолжали находиться, но въ день моего пріѣзда болѣзнь какъ будто бы остановилась, температура стала нормальной, пульсъ хорошъ и всѣмъ не хотѣлось вѣрить въ правильность поставленнаго діагноза. Въ это время, кромѣ Альтшуллера, за Львомъ Николаевичемъ наблюдалъ и земскій врачъ въ сосѣднемъ съ Гаспрой Кореизѣ, Волковъ.

Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда я пошелъ навѣстить больного. Онъ лежалъ въ большой комнатѣ, рядомъ съ той, которую обыкновенно занималъ. Снова онъ измѣнился ужасно,—только изъ-подъ нависшихъ бровей, изъ впадинъ горѣли тѣ же глаза.

— Опять васъ понапрасну напугали, мой другъ, заговорилъ онъ слабо, едва слышно,—а мнѣ снова лучше. А, главное, хорошо быть въ такомъ положеніи... всегда надо готовиться и надо только радоваться этому...

Предупрежденный о томъ, что больному нельзя давать много говорить, я прервалъ его, передалъ ему нѣкоторыя новости о друзьяхъ и поспѣшилъ выйти, скрывая душившее меня волненіе и слезы. Снова я видѣлъ дорогого человѣка въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ заставлялъ такъ волноваться и бояться за его жизнь прошлымъ лѣтомъ.

Однако, черезъ часъ Левъ Николаевичъ снова позвалъ меня записать кое-что подъ диктовку, но долго писать не пришлось, онъ усталъ и, указывая мнѣ на пачку писемъ,

---

[1]) Любопытно отмѣтить здѣсь это недоумѣніе передъ опредѣленіемъ болѣзни Льва Николаевича. Когда-нибудь, вѣроятно, появятся воспоминанія врачей, лѣчившихъ его и слѣдившихъ за болѣзнью. Я, какъ профанъ въ этомъ дѣлѣ, такъ же, какъ и многіе другіе, относился съ полнымъ недоумѣніемъ къ врачебнымъ опредѣленіямъ болѣзни его. Насколько мнѣ не измѣняетъ память, докторъ Усовъ опредѣлилъ у него въ Ясной Полянѣ лѣтомъ 1901 г. грудную жабу, затѣмъ въ началѣ 1902 г. врачи въ Ялтѣ, а за ними пріѣхавшій изъ Москвы Щуровскій, нашли воспаленіе легкихъ, затѣмъ весной 1902 г. онъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, но помню навѣщавшій его въ Гаспрѣ весной 1902 г. докторъ Бертенсонъ скептически относился къ этимъ опредѣленіямъ.

Какъ бы то ни было лѣченіе болѣзни состояло главнымъ образомъ только въ любовномъ, тщательномъ уходѣ врачей и благодаря сопротивленію Льва Николаевича къ пріему разныхъ лекарствъ и уваженію врачей его воли, это лѣченіе, даже при неправильномъ опредѣленіи болѣзни, не могло имѣть вредныхъ послѣдствій для его здоровья.

лежавшихъ на столикѣ, просилъ меня отвѣтить на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ это время онъ почти закончилъ „О религіи“ и „О вѣротерпимости“ и, по свойственной ему строгости къ своимъ произведеніямъ, продолжалъ отдѣлывать ихъ. Лежа одинъ, онъ, очевидно, вновь все передумывалъ и съ удивительной памятью того, что и гдѣ онъ писалъ, дѣлалъ поправки и вставки, не имѣя передъ глазами рукописи.

Этотъ интересъ къ жизненнымъ дѣламъ, къ дѣятельности, утѣшалъ насъ больше всего. Страшило всѣхъ его окружавшихъ эти дни полное его равнодушіе ко всему,— онъ даже равнодушно относился къ приходу докторовъ и ихъ выслушиванію, что всегда ему было непріятно въ другое время. Онъ уходилъ совершенно въ другой міръ. Это равнодушіе смущало и лѣчившихъ его докторовъ, которые видѣли въ немъ дурной признакъ.

Но послѣ этого сравнительно хорошаго дня, поселившаго въ насъ надежду на то, что онъ станетъ поправляться, слѣдующіе дни разсѣяли ее и ни у кого ужъ не оставалось сомнѣнія, что положеніе не только не улучшается, а наоборотъ, надо считаться съ затяжной болѣзнью, крайне опасной въ возрастѣ Льва Николаевича. На слѣдующій день, 31 января, температура снова повысилась, доктора ясно и опредѣленно говорили о воспаленіи легкихъ, хотя и пульсъ и общее состояніе были сравнительно удовлетворительны, только былъ сильный упадокъ силъ. Оставалось терпѣливо ожидать разсасыванія воспаленія и больше всего бояться неправильной дѣятельности сердца и упадка ея. За Львомъ Николаевичемъ теперь былъ организованъ правильный уходъ. Нанимать когонибудь для ухода нечего было и думать, такъ какъ посторонній человѣкъ крайне стѣснялъ бы больного и заставлялъ бы его все время конфузиться принимать его услуги. Мы всѣ обратились въ сидѣлокъ и сестеръ милосердія и распредѣлили между собой денное и ночное дежурство. Къ этому времени переселилась изъ Ялты въ Гаспру Марья Львовна съ мужемъ и матерью мужа, и пріѣхалъ изъ Москвы старшій сынъ Сергѣй Львовичъ. Ночное дежурство выпало мнѣ и Сергѣю Львовичу и, кромѣ насъ, былъ еще кто-нибудь изъ мужчинъ, который спалъ, и мы будили его только въ случаѣ необходимости переворачивать больного и т. п. Впослѣдствіи, когда положеніе Льва Николаевича стало еще серьезнѣе и тревожнѣе, къ дежурившимъ ночью присоединился и врачъ. Къ двумъ упомянутымъ мною врачамъ прибавился и Елпатьевскій, и каждый изъ нихъ съ необыкновенной любовью и готовностью, какъ близкіе, родные люди пріѣзжали и ходили за этимъ дорогимъ человѣкомъ.

Когда опредѣлилось, что у Льва Николаевича одна изъ самыхъ тяжелыхъ и затяжныхъ формъ воспаленія легкаго—ползучее, семья рѣшила пригласить изъ Москвы врача

Щуровскаго, и лѣчившіе доктора поддержали эту мысль, очевидно, страшась брать на себя всю отвѣтственность и сами желая использовать все, что возможно.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Щуровскій, но не обрадовалъ, не подалъ никакой надежды, нашелъ положеніе крайне серьезнымъ, болѣе того—опаснымъ и сказалъ, что теперь все будетъ зависѣть отъ того, насколько у больного будетъ силъ бороться съ жаромъ и съ постоянной слабостью дѣятельности сердца. Почти ежедневно около 4 часовъ дня происходили консиліумы всѣхъ находившихся около больного врачей и почти ежедневно переходили отъ надежды къ отчаянію: разрѣшался фокусъ, воспаленіе стало разсасываться, температура понижаться, но на слѣдующій день появлялся новый фокусъ, снова начиналось воспаленіе, снова повышалась температура, снова также угроза жизни.

Левъ Николаевичъ большую часть времени испытывалъ такую слабость, что не могъ даже говорить. Иногда ночью, заслыша стонъ его, войдешь къ нему въ комнату и не поймешь сразу, спитъ ли онъ или нѣтъ, подойдешь и увидишь слабое движеніе губъ или вѣкъ. Поправишь подушки, подашь питье, увидишь глаза, въ которыхъ свѣтится ласка, благодарность, и уйдешь совершенно растроганный. Иногда, бывало, нужно что-нибудь перемѣнить у больного, оправить его, сдѣлать то, для чего требовалась помощь другого дежурившаго, и Левъ Николаевичъ начиналъ просить, нельзя ли не будить другого, а обойтись безъ него, самъ начиналъ стараться помочь, и, помню, какая необходима бывала „строгость", чтобы запретить ему это напряженіе. Стараешься въ такихъ случаяхъ щадить его доброту къ другимъ, сдѣлать ему все, не безпокоя другого, и зная, какъ этотъ другой и прочіе, будутъ упрекать тебя завтра за это.

Помню эти ночи. Спать, конечно, не можешь, не спитъ и Левъ Николаевичъ, и часы медленно, медленно тянутся. Надо дать лѣкарство), даешь и Левъ Николаевичъ справляется, который часъ. Часа 3 ночи. Наконецъ, снаружи засѣрѣло, чирикнула какая-то птичка, и Левъ Николаевичъ говоритъ, что должно быть разсвѣтаетъ, проситъ открыть штору, чтобы встрѣтить новый, нежданный уже имъ день жизни. Наступаетъ утро, и Левъ Николаевичъ старается при помощи другихъ (женское дежурство) умыться, причесаться, привести себя въ порядокъ, какъ будто ничего нѣтъ, нѣтъ этой болѣзни, постели и онъ сейчасъ начнетъ свою обычную работу или заканчивать ту, которая творилась въ немъ въ этой ночной тиши...

Онъ никакъ не могъ видѣть въ болѣзни того ужаса, который видѣли мы всѣ, его окружающіе, какъ можно видѣть изъ того, что онъ записывалъ (т. е. диктовалъ) въ это время.

„Огонь и разрушаетъ и грѣетъ, также и болѣзнь. Когда здоровый старается жить хорошо, освобождается отъ пороковъ, соблазновъ, то это дѣлаешь съ усиліемъ и то какъ бы приподнимаешь одну давящую сторону, а все остальное давитъ. Болѣзнь же сразу приподнимаетъ всю эту грязную чешую и сразу дѣлается легко и такъ страшно думать, что, какъ знаешь это по опыту, какъ только пройдетъ болѣзнь, она (эта чешуя) опять наляжетъ всей своей тяжестью".

Иногда, когда сидишь вечеромъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ полутемной комнаты и наблюдаешь за малѣйшимъ движеніемъ больного, чтобы помочь, или когда кажется, что онъ уснулъ и ждешь его пробужденіе, чтобы дать ему лекарства, и подходишь съ лекарствомъ, когда видишь слабое движеніе руки, Левъ Николаевичъ вдругъ остановитъ.

— Не надо пока этого, говоритъ онъ, указывая на лѣкарство. И, видя умоляющій взглядъ, добавляетъ: потомъ, возьмите, другъ мой, бумаги, запишите.

И начинаетъ диктовать вдругъ поправки или дополненія къ своимъ послѣднимъ произведеніямъ. Какъ-то въ февралѣ уже, когда его статья „О вѣротерпимости" была отослана за границу для печати, онъ продиктовалъ длинную поправку, прося отослать ее вслѣдъ за статьей и, если успѣется, то, чтобы печатали ее съ исправленіями [1]).

Въ часы улучшенія Левъ Николаевичъ просилъ читать ему получаемыя письма, говорилъ, что отвѣчать, и записывалъ свои мысли въ дневникъ, диктуя ихъ обыкновенно Марьѣ Львовнѣ. Я помню, какъ однажды вечеромъ, когда ему было плохо, онъ подозвалъ меня и попросилъ, записать въ дневникъ. Когда онъ сталъ диктовать своимъ слабымъ,

---

[1]) Насколько велико было напряженіе его въ эти минуты слабости, можно судить изъ этой поправки. Вотъ она: „церковь, соединенная съ властью, всегда употребляла насиліе,—скрытое насиліе,—но тѣмъ не менѣе самое опредѣленное и дѣйствительное: она собирала подати со всѣхъ насильно, не справляясь съ ихъ согласіемъ или несогласіемъ съ государственнымъ вѣрованіемъ, но требовала отъ нихъ исповѣданія его.

Собравъ насильно деньги, она этимъ путемъ устраивала сильнѣйшую гипнотизацію для утвержденія только своей вѣры среди дѣтей и взрослыхъ. Если же этого средства не доставало, она употребляла прямо насиліе власти. Такъ что въ церкви, поддерживаемой государствомъ, не можетъ быть никакой рѣчи о вѣротерпимости. И это не можетъ быть иначе до тѣхъ поръ, пока церкви будутъ церквами.

Скажутъ: церкви въ родѣ квакеровъ, веслеянцевъ, шекеровъ, мормоновъ и въ особенности теперь католическія конгрегаціи—безъ насилія власти собираютъ деньги со своихъ членовъ и потому, поддерживая свои церкви, не употребляютъ насилія. Но это несправедливо: тѣ деньги, которыя собраны богатыми людьми, а въ особенности католическими конгрегаціями въ продолженіе вѣковъ гипнотизаціи посредствомъ денегъ, не суть свободныя жертвы членовъ церкви,—а результатъ самаго грубаго насилія. Деньги собираются посредствомъ насилія и всегда суть орудія насилія. Для того, чтобы церковь могла считать себя вѣротерпимой, она должна быть свободна отъ всякихъ денежныхъ вліяній. „Даромъ получили,—даромъ и давайте" („О вѣротерпимости").

невнятнымъ голосомъ и я, волнуясь, что онъ въ такомъ трудномъ состояніи, когда ему нуженъ полнѣйшій покой, дѣлаетъ напряжаніе,—записывалъ за нимъ и, не разслышавъ одного слова, пропустилъ его, отчего смыслъ сталъ совершенно неясенъ и мнѣ показалось, что онъ бредитъ. Я съ испугомъ остановился, сталъ глядѣть на него, но онъ, спокойно заставивъ меня перечитать, нашелъ пропущенное мною, и когда я снова перечиталъ, то увидѣлъ, что это былъ вопль души его, тотъ вопль, который въ послѣднее время все прорывался въ томъ или иномъ видѣ, когда онъ писалъ объ угнетенномъ классѣ людей.

Во время болѣзни Левъ Николаевичъ совершенно не занимался художественными произведеніями. Чѣмъ труднѣе было его положеніе, тѣмъ онъ дѣйствительнѣе „жилъ", т. е. уходилъ отъ той иллюзіи, которой жили другіе, къ источнику истинной жизни. Только этимъ можно объяснить его спокойное состояніе, состояніе кротости и любви, при самыхъ мучительныхъ боляхъ. И въ этомъ состояніи вопросы жизни являлись ему проще, яснѣе и, находясь на рубежѣ жизни, когда клапанъ чуть-чуть мерцавшей въ немъ жизни могъ захлопнуться въ немъ навсегда, онъ занятъ все однимъ,—какъ бы открыть другимъ людямъ ясно то, что представлялось яснымъ ему.

Ему ясенъ былъ обманъ жизни и несчастье какъ обманываемыхъ, такъ и обманывающихъ людей. Уходя изъ этой жизни, онъ дѣлалъ усиліе открыть глаза другимъ на этотъ обманъ и, написавъ свое „Завѣщаніе" людямъ, онъ пишетъ другое „Завѣщаніе" — письмо на самый верхъ государства россійскаго. Въ этомъ письмѣ онъ указывалъ на необходимость отдать землю крестьянамъ, тѣмъ людямъ, которые на ней работаютъ, которымъ она принадлежитъ...

Когда прошло достаточно времени для того, чтобы судить, что письмо не возымѣло своего значенія, а положеніе Льва Николаевича становилось все хуже и хуже, около часу дня 8 февраля онъ позвалъ меня и продиктовалъ мнѣ предисловіе къ солдатской и офицерской памяткамъ. Послѣ этой диктовки онъ до такой степени ослабѣлъ, что какъ бы впалъ въ полную прострацію. Всѣ окружающіе приходили въ ужасъ отъ того, что онъ теряетъ послѣднія силы. До 9 ч. вечера онъ находился въ такомъ состояніи, но въ это время опять позвалъ меня, попросилъ меня прочесть продиктованное днемъ, и, боясь очевидно, что ему не суждено уже сказать людямъ того, что его такъ мучило, собралъ послѣднія силы и продиктовалъ поправки и измѣненія къ тому, что было написано днемъ.

Вотъ это:

„Всякій мыслящій человѣкъ нашего времени не можетъ не видѣть, что изъ того тяжелаго и угрожающаго положенія,

въ которомъ мы находимся, есть только два выхода: первый, хотя и очень трудный—кровавая революція, второй — признаніе правительствами ихъ обязанности не идти противъ закона прогресса, не отстаивать стараго или, какъ у насъ, возвращаться къ древнему,—а, понявъ направленіе пути, по которому движется человѣчество, вести по немъ свои народы.

„Я попытался указать на этотъ путь въ двухъ письмахъ. . . . .
Первое было написано въ періодъ самыхъ напряженныхъ волненій 1900—1901 г.г., второе я писалъ теперь, въ началѣ января, но, къ сожалѣнію, мысли, выраженныя мною въ первомъ письмѣ, были приняты какъ легкомысленная мечта не знающаго жизни и глубокомысленной науки государственнаго управленія, фантазера.

„Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ о томъ, что кромѣ представленія народу возможности свободнаго религіознаго движенія и таковаго же свободнаго общенія мысли, по моему мнѣнію, единственный путь къ разрѣшенію соціальнаго вопроса состоитъ у насъ въ Россіи въ уничтоженіи права собственности земли (что уничтоженіе это возможно переводомъ всѣхъ податей на землю, прекрасно изложено и разработано Генри Джорджемъ и его послѣдователями). Очень можетъ быть, что я ошибаюсь,—вопросъ этотъ касается всѣхъ и потому долженъ быть разрѣшенъ всѣми, — одно несомнѣнно, что дѣло правительства не заботиться только о томъ, чтобы не измѣнилось его положеніе, а смѣло взять центральную идею прогресса и всѣми силами, которыми оно обладаетъ, проводить ее въ жизнь. Только тогда правительства получатъ въ наше время какой-нибудь смыслъ и перестанутъ быть предметами ненависти, отвращенія и презрѣнія всѣхъ тѣхъ людей, которые или не пользуются ихъ привиллегіями, или не понимаютъ значенія правительственной дѣятельности.

А такіе люди теперь почти всѣ.

„Я сдѣлалъ попытку во второмъ письмѣ открыть глаза
. . . .
Но до сихъ поръ у меня нѣтъ данныхъ надѣяться на то, что попытка эта не только достигла своей цѣли, но и была бы принята во вниманіе. И потому, въ виду неизбѣжности перваго выхода, т. е. революціи, представляю къ распространенію теперь эти двѣ памятки, надѣясь на то, что мысли, содержащіяся въ нихъ, уменьшатъ братоубійственную бойню, къ которой ведутъ теперь правительства свои народы“ [1]).

Это было задолго до конституціи, до Думъ...

И когда, бывало, выходишь изъ комнаты Льва Нико-

---

[1]) Предисловіе это, насколько извѣстно, не было напечатано вмѣстѣ съ солдатской и офицерской памяткой, которыя были изданы въ Англіи и текстъ его остался неизвѣстнымъ публикѣ.

лаевича растроганный тѣмъ, что передъ тобой открылась часть завѣсы, скрывавшей отъ другихъ истинно великую душу, когда совершенно забываешь, что находился у тяжко больного, а чувствуешь одно, что былъ у того, въ которомъ бьется пульсъ всего человѣчества, то, помню, какое горькое разочарованіе всегда ожидало. Сейчасъ же разспрашивали, что Левъ Николаевичъ и, узнавъ о томъ, что онъ диктовалъ, приходили въ волненіе, и докторъ отправлялся потихоньку щупать пульсъ больного и давать укрѣпляющее для сердца лѣкарство.

Обыкновенно давалась настойка корня digitalis, но скоро вынуждены были отказаться и отъ этого. Дѣятельность сердца все падала, мучительные поты все изнуряли больного, начали вспрыскивать камфору и давать по глотку шампанское. Для всѣхъ было очевидно, что минуты больного сочтены, дальше ужъ не было средствъ поддержать дѣятельность сердца, а воспаленіе было все въ томъ же видѣ: прежніе фокусы разрѣшались, появлялись новые. Въ Гаспру собрались всѣ дѣти, и катастрофа ожидалась съ часу на часъ.

Опасное положеніе, въ которомъ находился Левъ Николаевичъ, стало извѣстно, разумѣется, и публикѣ и, я помню, была получена уже одна англійская газета, въ которой былъ напечатанъ некрологъ о немъ. Было извѣстно это положеніе и русскому правительству. Въ семьѣ обсуждался вопросъ о погребеніи. Считались съ волей Льва Николаевича, который не желалъ, чтобы были какія-нибудь хлопоты съ его тѣломъ, и поэтому пришли къ заключенію, что погребеніе должно было совершиться тутъ же въ Крыму, а, въ виду послѣдующихъ событій, для этого былъ купленъ по сосѣдству небольшой участокъ земли.

Узнавъ о возможности близкой смерти Льва Николаевича, Побѣдоносцевъ принялъ самыя неожиданныя и невѣроятныя мѣры. Нужно сказать, что къ дому въ Гаспрѣ, который занималъ Левъ Николаевичъ съ семьей, прилегала домовая церковь, которая, разумѣется, могла посѣщаться духовенствомъ. И вотъ въ самыя тревожныя минуты, которыя переживались окружающими, послѣдній актъ Побѣдоносцева, который показалъ этимъ, какъ мало онъ стѣснялся средствами, состоялъ въ томъ, что онъ отдалъ распоряженіе мѣстному духовенству, чтобы, какъ только станетъ извѣстно о кончинѣ Льва Николаевича, священникъ вошелъ въ домъ, занимаемый имъ (а на это онъ имѣлъ право, какъ я только что сказалъ) и, выйдя оттуда, объявилъ окружающимъ его и дожидающимся у воротъ лицамъ, что графъ Толстой передъ смертью покаялся, вернулся въ лоно православной церкви, исповѣдался и причастился; и духовенство, и церковь радуются возвращенію на лоно церкви блуднаго сына.

Эта чудовищная ложь должна была облетѣть всю Россію

и весь міръ и сдѣлать то дѣло, котораго не могла сдѣлать за десятки лѣтъ ни русская цензура, ни гоненія на сочиненія Льва Николаевича.

Распоряженіе Побѣдоносцева по этому поводу стало извѣстно окружающимъ Льва Николаевича, и я не могу передать здѣсь того чувства негодованія, возмущенія, которыя мѣры эти вызвали у всѣхъ, въ особенности въ эти тяжелыя минуты. Много думали надъ тѣмъ, какъ помѣшать совершиться этому возмутительному акту лжи, нѣкоторые горячіе люди не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы насильно помѣшать духовенству проникнуть въ усадьбу и домъ, но, наконецъ, остановились на слѣдующемъ: если свершится катастрофа, скрыть кончину Льва Николаевича ото всѣхъ и въ это время дать условныя телеграммы за границу и въ столицы Россіи и объявить о смерти только тогда, когда получится извѣстіе объ опубликованіи вездѣ совершившагося. Только такимъ образомъ, казалось, и возможно было предотвратить готовившійся памяти Льва Николаевича ударъ.

Помню одну бурную, тревожную ночь, въ концѣ февраля, когда я не былъ дежурнымъ и спалъ у себя въ комнатѣ. Ночью я былъ разбуженъ громкимъ топотомъ ногъ нѣсколькихъ человѣкъ. Мнѣ показался этотъ шумъ слишкомъ необычнымъ въ той тишинѣ, которая всегда соблюдалась въ домѣ, и я въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ вскочилъ, сердце выскакивало изъ груди, чувствовалось ужасное... Когда я выскочилъ изъ комнаты и наткнулся на кого-то, причина шума объяснилась: у невѣстки Льва Николаевича наступили неожиданно роды, потребовалась помощь акушерки, доктора.

Но эта тревожная, бурная ночь, когда въ городскомъ саду въ Ялтѣ вырвало съ корнемъ деревья, была какъ бы окончательнымъ переломомъ въ болѣзни Льва Николаевича.

Могучій организмъ его поборолъ болѣзнь и вышелъ побѣдителемъ. Воспалительные фокусы въ легкихъ стали прекращаться, начался процессъ разсасыванія и, хотя при этомъ была страшная слабость, но появилась надежда на выздоровленіе. Наконецъ, явилась возможность перенести больного на верхъ, гдѣ было больше свѣта, воздуха и покоя. Левъ Николаевичъ сталъ выздоравливать, но былъ въ высшей степени слабъ, съ неправильной дѣятельностью сердца, нуждался въ постоянномъ досмотрѣ врача. Семья рѣшила, несмотря на противодѣйствіе больного, пригласить постояннаго врача, который жилъ бы у нихъ въ домѣ и слѣдилъ за Львомъ Николаевичемъ, и когда, въ началѣ марта, я уѣзжалъ на сѣверъ, то съ порученіемъ семьи пріискать такого врача, который вскорѣ и нашелся въ лицѣ Д. В. Никитина, проведшаго со Львомъ Николаевичемъ остатокъ года.

Послѣдующія извѣстія изъ Гаспры были утѣшительны и, наконецъ, я получилъ извѣстіе, что Левъ Николаевичъ передвигался въ креслѣ и могъ такимъ образомъ совершать прогуки по парку. Мнѣ любопытно отмѣтить при этомъ одну черту Льва Николаевича, что даже и въ этомъ состояніи безпомощности и физической слабости, когда помощь спеціально нанятаго лица для того, чтобы возить его въ креслѣ, не могла бы, кажется, никакъ подать ему повода къ осужденію себя, онъ не могъ согласиться на нее и пользовался только услугами своихъ родныхъ и друзей, которые наперерывъ готовы были услужить ему.

Вскорѣ на Пасху я пріѣхалъ снова навѣстить Льва Николаевича. Онъ могъ уже ходить самъ, опираясь на палку, былъ бодръ и ясенъ и много работалъ. Однажды часа въ 2 дня я отправился съ нимъ совершить маленькую прогулку въ экипажѣ, поѣхавъ въ Оріанду. Погода была великолѣпная, и Левъ Николаевичъ, видимо, наслаждался природой, наслаждался зеркальной поверхностью моря, легкой дымкой тумана, заволакивающей Ай-Петри. Изъ Оріанды мы возвращались домой рано и, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи оставалось еще болѣе получаса, а самочувствіе у Льва Николаевича было превосходное, жалко было ѣхать къ себѣ, и я уговорилъ его проѣхать въ Олизъ, гдѣ мы могли бы быть у самаго берега моря. Когда мы пріѣхали туда, то вышли изъ экипажа и подошли къ самому берегу. Стояла удивительная тишина. На берегу старикъ рыбакъ турокъ съ своимъ молодымъ товарищемъ возились надъ лодкой, и у меня, подъ вліяніемъ чудесной прогулки, этой удивительной тишины и спокойствія моря, возникла смѣлая мысль—прогуляться со Львомъ Николаевичемъ въ лодкѣ, чего онъ еще не пробовалъ въ Крыму. Онъ, очевидно, заразился отъ меня тѣмъ же настроеніемъ и быстро согласился. Старикъ турокъ, подхвативъ ловко Льва Николаевича, какъ перышко перенесъ его въ лодку, и мы отчалили. Чѣмъ дальше мы отплывали, тѣмъ очаровательнѣй, красивѣй становилась панорама. Никакой качки, никакихъ звуковъ, только изъ-подъ лодки доносился шумъ плескавшейся о борты лодки воды, при взмахѣ веселъ. Мы сидѣли словно очарованные. — „Надо поворачивать назадъ, сказалъ Левъ Николаевичъ, мы, пожалуй, опоздали и о насъ будутъ безпокоиться, и такъ, кажется, достаточно нашалили".

Въ этотъ мой пріѣздъ стали обдумывать и планъ возвращенія въ Ясную Поляну. Хотя Льву Николаевичу и нравилась крымская природа, тѣмъ не менѣе его замѣтно тянуло въ Ясную Поляну, гдѣ все было проще и ближе. Да къ тому же надо было воспользоваться и наиболѣе подходящимъ временемъ года, когда переѣздъ на сѣверъ не отразился бы вредно на его здоровьѣ. Я снова взялъ на себя хлопоты по доставленію удобствъ переѣзда, и снова любез-

ный князь Хилковъ предоставилъ больному отдѣльный вагонъ для обратнаго путешествія.

Я сидѣлъ въ Москвѣ и поджидалъ извѣстія, когда Левъ Николаевичъ настолько окрѣпнетъ, чтобы можно было его перевезти. Но вмѣсто этого я въ началѣ мая получилъ письмо, что Левъ Николаевичъ снова захворалъ и, кажется, на этотъ разъ брюшнымъ тифомъ. И прошло около мѣсяца, когда наконецъ-то онъ сталъ оправляться и отъ этой болѣзни и можно было его перевозить.

Въ началѣ іюня я получилъ извѣщеніе, что готовы выѣзжать и тотчасъ же отправился въ Севастополь. Льва Николаевича я засталъ недавно оставившимъ постель, совершенно слабаго, съ трудомъ двигавшагося и, разумѣется, нельзя было и думать совершить этотъ длинный путь до Севастополя на лошадяхъ. Надо было ѣхать на пароходѣ. Около недѣли прошло въ томительномъ ожиданіи: то море было не спокойно, то Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя хуже. Наконецъ, мы тронулись въ путь. На пароходѣ капитанъ предоставилъ больному удобную каюту, хотя море было тихо, покойно и погода была такъ хороша, что въ ней не было надобности и Левъ Николаевичъ провелъ все время на палубѣ, сидя въ креслѣ. По пріѣздѣ въ Севастополь, для избѣжанія тряски во время переѣзда отъ пристани до вокзала по ужаснѣйшей мостовой, перевезли больного въ лодкѣ и, наконецъ, часовъ около 4 дня благополучно достигли ожидавшаго насъ вагона, и Левъ Николаевичъ легъ отдохнуть; до отхода поѣзда оставалось часа четыре.

Стояла нестерпимая жара, крыша вагона ужасно накалилась, дышать было нечѣмъ, и Левъ Николаевичъ захотѣлъ выйти на воздухъ. Я зналъ, что рядомъ со станціей былъ тѣнистый желѣзнодорожный садикъ, и еще раньше спросилъ у станціоннаго начальства, можно ли будетъ, въ случаѣ надобности, воспользоваться этимъ садикомъ. Начальство было очень любезно: все, что хотите, вездѣ, куда хотите, все къ вашимъ услугамъ.

Взявъ подъ руку Льва Николаевича, мы тихонько побрели къ этому садику, достигли, наконецъ, его, и Левъ Николаевичъ съ удовольствіемъ присѣлъ на скамейку отдохнуть подъ тѣнью. Хотя мы прошли и небольшое разстояніе, онъ очень усталъ, и я уже сталъ обдумывать, какъ бы устроить ему возможность прилечь тутъ. Но едва мы просидѣли тутъ нѣсколько минутъ, какъ съ балконана ходившагося въ саду дома сошла дама, съ очень серьезнымъ, важнымъ видомъ и попросила насъ удалиться.

Я запротестовалъ, говоря, что намъ позволили побыть въ этому саду.

Но дама съ очень внушительнымъ видомъ замѣтила

мнѣ: „это садъ начальника дистанціи и здѣсь не позволяется шататься всякимъ".

— Но позвольте же, взмолился я, указывая на Льва Николаевича, больному-то хоть немного отдохнуть.

— Проходите, проходите, продолжала она безапелляціоннымъ тономъ, иначе я позову сторожа.

Я не хотѣлъ сдаваться, но Левъ Николаевичъ поднялся и усталымъ голосомъ замѣтилъ мнѣ: „Оставьте, зачѣмъ дѣлать ей неудовольствіе, я могу идти".

Дѣлать было нечего, побрели мы изъ садика и остатокъ времени провели въ душномъ вагонѣ. Ко времени отхода поѣзда на вокзалъ набилось очень много народа, хотѣли въ послѣдній разъ посмотрѣть его, проводить. Около вагона была невообразимая давка, трудно было пройти и приходилось пробираться къ себѣ въ вагонъ черезъ другіе вагоны. Минутъ за 5 до отхода поѣзда въ дверяхъ вагона стояли двѣ дамы и умоляли впустить ихъ повидать гр. Толстого. Проводникъ вагона позвалъ меня. Лицо одной дамы показалось мнѣ знакомымъ. Я спросилъ, что имъ нужно. Тогда эта дама стала съ мольбой, униженно объяснять мнѣ: „Я хочу просить у него прощенія, ахъ, какъ это ужасно, поймите, онъ былъ у насъ сегодня въ саду и вы вѣдь, кажется, были съ нимъ? и я же сама сказала ему, что въ саду нельзя быть. Я простить себѣ не могу", говорила она съ отчаяніемъ, „но я никакъ не могла думать, что это былъ самъ Толстой".

Мнѣ было смѣшно и досадно, я узналъ теперь эту важную даму, видъ ея былъ жалокъ. Но пройти ей ко Льву Николаевичу нельзя было: въ вагонѣ была суета, давка, стояли вещи, черезъ которыя и намъ трудно было перебираться. Наконецъ, пробилъ второй звонокъ, и я безнадежно развелъ передъ ней руками. „Такъ, по крайней мѣрѣ, передайте хоть этотъ букетъ изъ нашего сада и попросите отъ меня прощеніе".

Черезъ нѣсколько минутъ мы уѣзжали изъ Севастополя, и черезъ два дня Левъ Николаевичъ благополучно прибылъ въ Ясную Поляну.

Б—е.

Л. Н. Толстой и Вильямъ Фрей.

(Изъ біографическихъ матеріаловъ [1]).

Очеркъ.

I.

Я намѣренъ въ этомъ небольшомъ очеркѣ разсказать свои воспоминанія и привести нѣкоторые документы, рисующіе намъ знакомство, переписку и вообще отношенія Л. Н-ча Толстого и Вильяма Фрея, человѣка очень замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ и, къ сожалѣнію, мало извѣстнаго русской публикѣ.

Говоря объ отношеніи двухъ людей, я долженъ бы былъ сначала нарисовать образъ каждаго изъ нихъ. Но личность Л. Н-ча Толстого я принимаю уже какъ извѣстную русскимъ людямъ, по крайней мѣрѣ, настолько извѣстную, что лишь краткая характеристика, допустимая въ настоящемъ очеркѣ, ничего не прибавитъ новаго къ уже хорошо сложившемуся образу Льва Николаевича Толстого. [2])

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка я пользовался слѣдующими матеріалами:

1) Письма В. Фрея къ Л. Н. Толстому, изд. Элпидина, Женева, 1887.

Въ этой брошюрѣ помѣщено только 1-ое письмо Фрея къ Л. Н-чу; при этомъ есть введеніе В. Фрея, написанное имъ для заграничнаго русскаго журнала „Общее Дѣло“.

2) Письма Фрея къ Толстому, хранящіяся частью въ оригиналѣ, частью въ копіяхъ въ библіотекѣ Импер. Академ. Наукъ.

3) Статьи объ Огюстѣ Контѣ и о В. Фреѣ въ Энциклопед. словарѣ Брокгауза и Ефрона.

4) Статьи о позитивизмѣ Миля, Льюиса и Спенсера, изд. „Книжнаго Дѣла“. СПБ.

5) Célestin de Bligniéve. Exposition de Cu philosophie et de la religion positives. Paris. 1857.

6) Частныя письма Л. Н. Толстого о Фреѣ и др. матеріалы, хранящіяся въ моемъ біографическомъ архивѣ. *П. Б.*

[2]) Желающимъ поближе ознакомиться съ жизнью и писаніями Л. Н-ча Толстого я могу указать на составляемую мною полную біографію въ 3 томахъ Л. Н-ча, I и II томы которой уже изданы „Посредникомъ“.

О личности же Фрея я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, считая ихъ не лишними.

Вильямъ Фрей, настоящее имя котораго было Владимиръ Константиновичъ Гейнсъ, русскій по рожденію, воспитанію и по началу своей общественной дѣятельности, воспитывался въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, служилъ въ финляндскомъ полку, прошелъ двѣ военныя академіи, артеллерійскую и генеральнаго штаба; уже съ молоду онъ отличался выдающимися способностями, исполнялъ порученія по самымъ точнымъ математическимъ работамъ и, кромѣ своего спеціальнаго образованія, обладалъ всесторонними научными познаніями. Пренебрегши открывавшейся ему блестящей карьерой, онъ, движимый высшими нравственными побужденіями, эмигрировалъ въ 1868 году въ Сѣверную Америку, гдѣ основалъ земледѣльческую ферму на коммунистическихъ началахъ. Коммуна Фрея черезъ нѣсколько лѣтъ распалась; тогда онъ перешелъ въ новую коммуну, основанную въ 70-хъ годахъ въ Канзасѣ русскими эмигрантами: Чайковскимъ, Маликовымъ, В. И. Алексѣевымъ и другими. Въ этой коммунѣ, кромѣ сильнаго, нравственнаго вліянія своей личности, Фрей проявилъ себя и какъ лекторъ-популяризаторъ научныхъ знаній. Эта коммуна тоже распалась, и Фрей, послѣ долголѣтнихъ скитаній, во время которыхъ онъ прошелъ самыя разнообразныя стадіи, т. наз., «черпаго труда», переселился въ Англію.

Поѣхавъ въ Америку соціалистомъ-коммунистомъ, онъ вернулся оттуда ортодоксальнымъ позитивистомъ, т. е. послѣдователемъ Огюста Конта, основателя «религіи человѣчества». Фрей принялъ не только положенія Конта въ его позитивной философіи и классификаціи наукъ, но и всѣ положенія его позитивной политики, морали и религіи, отвергаемыхъ большей частью европейскихъ ученыхъ и раздѣляемыхъ теперь небольшой группой людей, составляющихъ особую церковь, сохранившую, къ сожалѣнію, подъ новыми названіями почти весь католическій культъ и католическую іерархію.

Въ фактѣ принятія этой религіи Фреемъ сказалась его сильная нравственная потребность подчинить всю современную науку общественнымъ стремленіямъ и религіозно-нравственнымъ идеаламъ. Въ этомъ стремленіи согласовать субъективный, по существу, методъ религіозный съ объективнымъ, по существу же, методомъ положительной науки и въ невозможности достигнуть этого, лежитъ весь трагизмъ безпримѣрно чистой и сильной души этого замѣчательнаго человѣка.

Мы полагаемъ, что это же неразрѣшимое противорѣчіе и вытекающая изъ этого безплодность его пропаганды заставила его обратиться за помощью къ Льву Николаевичу Толстому.

Вотъ что говоритъ Фрей объ обстоятельствахъ этого обращенія въ предисловіи къ женевскому изданію его перваго письма ко Л. Н. Толстому.

«Еще въ Америкѣ, извлекая изъ этой соціальной лабора-

торіи въ теченіе 17 лѣтъ добровольной ссылки все, что могло вмѣститься въ мою душу,—я успѣлъ освѣтить и усилить религіей человѣчества мои лучшія симпатіи и стремленія. Я имѣлъ случай видѣть громадное нравственное вліяніе этой религіи на многихъ русскихъ, проживающихъ въ Америкѣ. И чѣмъ болѣе выяснялась въ моихъ глазахъ готовность русскихъ принять новую религію и нравственность въ руководство своей жизни, тѣмъ мучительнѣе становилось при мысли, что такъ много энергіи и жизни тратится порою почти безплодно въ борьбѣ съ правительствомъ, въ то время, когда самоотверженіе и альтруизмъ борющихся такъ необходимы для другой борьбы (болѣе дѣйствительной, по моему), гдѣ надо бороться противъ зла не его орудіями, но гдѣ надо противопоставлять этимъ орудіямъ смѣлую и непоколебимую рѣшимость посильно служить человѣчеству, несмотря ни на какія послѣдствія, ни на чьи предписанія. Разумѣется, я никогда не разсчитывалъ переубѣждать людей, всецѣло и беззавѣтно кинувшихся въ революціонное движеніе; но я зналъ по опыту, что многіе стоятъ въ рядахъ ихъ только потому, что не знаютъ другого лучшаго пути для осуществленія своего идеала. И вотъ, чтобы облегчить такимъ людямъ выходъ изъ разъѣдающей ихъ тоски и раздвоенія, я рѣшился оставить Америку, побывать въ Россіи, если возможно, и во всякомъ случаѣ поселиться гдѣ нибудь поближе къ Россіи, чтобы быть ближе къ несчастнымъ соотечественникамъ.

«Лѣтомъ прошлаго года я поѣхалъ въ Россію и тамъ только впервые узналъ о дѣятельности Л. Н. Толстого, о его громадномъ вліяніи на живую часть русскаго общества, о его рукописяхъ, распространяющихся въ тысячахъ экземпляровъ въ Россіи. До этого времени я не зналъ ничего. Изъ трактатовъ Л. Н. Толстого я могъ только смутно догадываться о его міросозерцаніи, но игнорировать такой силой я не могъ ни въ какомъ случаѣ. Я написалъ ему а) исповѣданіе моей религіи, чтобы уже оттуда вывести б) мой критицизмъ его ученія. Письмо мое, вопреки моимъ ожиданіямъ, стало быстро распространяться въ публикѣ, и Л. Н. Толстой, немедленно по полученіи его, просилъ меня пріѣхать къ нему» [1]).

II.

Письмо это во многихъ отношеніяхъ замѣчательно, и мы позволяемъ себѣ привести изъ него нѣсколько выдержекъ.

Во-первыхъ, Фрей даетъ намъ нѣкоторыя автобіографическія данныя, искренность которыхъ прибавляетъ нѣсколько драгоцѣнныхъ чертъ къ его характеру.

Мы видимъ изъ нихъ, что онъ не безъ колебаній вступилъ въ переписку со Л. Н—чемъ. Когда онъ прочелъ его Исповѣдь,

---

[1]) Письма В. Фрея къ Л. Н. Толстому, Geneve. M. Elpidine. Librairi-editons, 1887 г., стр. 4.

онъ написалъ ему письмо, предупреждая его объ опасности, которая грозила ему, по мнѣнію Фрея, отъ мистицизма, куда онъ, казалось ему, приближается; но прочитавъ «Въ чемъ моя вѣра», Фрей увидалъ, что мистицизма Толстому бояться нечего.

Тогда Фрей уничтожилъ написанное письмо и хотѣлъ, было, совсѣмъ не обращаться къ Льву Николаевичу, но потомъ все-таки рѣшилъ написать ему новое большое письмо.

«Вы лучше поймете состояніе моего духа, говоритъ Фрей въ этомъ письмѣ, обращаясь ко Л. Н—чу, когда узнаете, что я тоже принадлежалъ къ числу людей ищущихъ разрѣшенія вопросовъ жизни, что я еще 27-ми лѣтъ (въ 1866 году) пришелъ къ тому же заключенію, которое душило и васъ кошмаромъ въ теченіе долгаго времени, а именно, что жизнь есть безсмыслица, и что самоубійство—лучшій исходъ изъ нея. Къ счастью, мы оба, повинуясь высшимъ инстинктамъ, не убили себя и продолжали искать другого исхода.

«Разница между нами заключалась въ томъ, что вы, какъ глубокій психологъ, рѣшили вопросъ съ чисто личной точки зрѣнія. «Что нужно для моего счастья?»—спрашивали вы,—а я, только что вышедшій изъ рядовъ соціалистовъ, рѣшалъ вопросъ: какимъ путемъ возможно осуществленіе наилучшей жизни для массы страждующихъ и угнетенныхъ? Вы, работая въ психическихъ сферахъ, могли оставаться въ Россіи; за то, оставаясь какъ бы въ глухой тюрьмѣ, вы не могли познакомиться со многими фазисами подобной же работы въ Европѣ и, несмотря на гигантскія усилія своего духа, остановились на очищенномъ, возобновленномъ христіанствѣ. Я же, понявши невозможность разрѣшить поставленный себѣ вопросъ въ Россіи, бросилъ свое общественное положеніе, карьеру, друзей, родныхъ и поѣхалъ въ 1868 г. въ Америку, чтобы самому пройти всѣ степени тяжелаго, чернаго труда. Быть можетъ, я повредилъ себѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отрываясь отъ родины, за то я очутился въ великой соціальной лабораторіи всѣхъ идей и стремленій, волнующихъ современный міръ, я имѣлъ случай критически отнестись ко всевозможнымъ проявленіямъ человѣческаго духа въ этомъ направленіи и, несмотря на свое относительное ничтожество, имѣлъ болѣе матеріаловъ для разрѣшенія своихъ сомнѣній. Черезъ девять, десять лѣтъ и я нашелъ свой спасительный якорь въ ученіи Огюста Конта.

«Работая въ различной обстановкѣ, повидимому, подъ различныя знамена, мы имѣемъ много общаго. Мы оба пришли къ тому убѣжденію, что религія есть единственный ключъ для разрѣшенія вопросовъ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества; мы оба пришли къ ученію альтруизма и нашли рѣшеніе нашихъ сомнѣній въ жизни другихъ, не нуждаясь ни въ легендарныхъ погремушкахъ, ни въ приманкѣ вѣчной жизни. Да-

же въ мелкихъ деталяхъ этики мы имѣемъ много общаго, поэтому мы можемъ понять другъ друга» [1]).

Конечно, все это было достаточнымъ поводомъ и давало Фрею нравственное право искать сближенія съ Толстымъ.

Предпосылая различныя оговорки, вполнѣ рисующія необычайную скромность, даже робость этого человѣка, Фрей приступаетъ къ изложенію своихъ религіозныхъ взглядовъ.

На многихъ страницахъ онъ обстоятельно излагаетъ эволюцію различныхъ религіозныхъ системъ и такимъ образомъ подходитъ къ изображенію картины нашего переходнаго времени по отношенію къ его религіозному сознанію:

«Разумѣется, если переходъ отъ одного міросозерцанія къ другому не можетъ совершаться легко и скоро у отдѣльныхъ личностей, то въ обществѣ переходъ отъ одной религіозной системы къ другой тянется иногда столѣтія и сопровождается мучительными симптомами. Мы переживаемъ теперь время, когда передовая часть человѣчества не можетъ болѣе удовлетвориться легендами и фантазіями прежнихъ монотеистическихъ религій. Онѣ были подвергнуты критикѣ чистаго разума и рухнули безповоротно; онѣ могутъ еще удовлетворить міросозерцанію лицъ, находящихся на теологической степени развитія, но онѣ уже отвергнуты истинно-образованною частью общества. Для европейской цивилизаціи наступило время подобное тому, которое переживалось Римскою имперіею въ послѣдніе вѣка ея существованія. Люди, отрѣшившись отъ старыхъ религіозныхъ формъ, не создаютъ еще новыхъ, а вмѣсто того, чтобы, въ силу умственнаго превосходства, быть во главѣ прогресса, все болѣе падаютъ нравственно, все глубже погрязаютъ въ болотахъ индивидуализма (т. е. служенія личному я). Погоня за личнымъ счастіемъ, богатствомъ, почетомъ такъ ослѣпила ихъ, что они не видятъ пропасти, къ которой стремятся. Даже страшные признаки общественнаго разложенія—всеобщее недовольство, нищета массъ, безпрерывно возрастающая цифра сумасшествій и самоубійствъ—даже такіе факты кажутся имъ какъ бы результатомъ дурныхъ правительственныхъ формъ.

«Многіе изъ индивидуалистовъ, чтобы какъ-нибудь удовлетворить высшимъ стремленіямъ, къ счастью, никогда не исчезающимъ совершенно, со всею злобою узкаго фанатизма, накидываются на правительства, обвиняютъ ихъ, требуютъ перемѣны политическихъ и экономическихъ формъ; но они не видятъ, что причина зла заключается не въ формахъ жизни, а въ нихъ самихъ, въ нравственной негодности людей, составляющихъ общество. Да, мы переживаемъ страшное время. Утѣшаться нужно только тѣмъ, что періоды нравственной неустойчивости не могутъ продолжаться долго. Даже въ современномъ Бедламѣ можно видѣть лучи восходящаго спасенія» [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 9.
[2]) Тамъ же, стр. 17.

Затѣмъ Фрей приводитъ выдержки изъ «Основныхъ Началъ» Спенсера, въ которыхъ этотъ ученый преклоняется передъ непостижимой тайной первопричины; наконецъ, Фрей приходитъ къ Огюсту Конту и къ его основнымъ принципамъ.

Высшее органическое существо или Человѣчество въ его цѣломъ—есть предметъ культа позитивной религіи или религіи человѣчества.

Все ученіе «религіи человѣчества» сконцентрировано ея основателемъ въ слѣдующую формулу:

«Во имя Человѣчества—любовь нашъ принципъ, Порядокъ —основаніе и Прогрессъ—цѣль нашей дѣятельности. Жить для другихъ. Жить открыто» [1]).

Далѣе идетъ развитіе каждаго положенія этой формулы.

Любовь исключаетъ насиліе:

«...Насиліе противъ отдѣльнаго человѣка, говоритъ Фрей, становится такъ же ужасно, какъ надъ той или другой частью любимаго существа.

Братство, полное, безусловное братство всѣхъ людей, замѣняетъ для насъ то половинчатое братство, которое было реализировано христіанствомъ.

Равенство перестаетъ быть отдаленною возможностью будущаго: оно становится несомнѣннымъ фактомъ въ настоящемъ для всякаго, кто понимаетъ, что всѣ отправленія общественнаго организма одинаково необходимы и полезныя для жизни цѣлаго» [2]).

Это, казалось бы, абсолютное отрицаніе насилія сейчасъ же, впрочемъ, ослабляется оговоркой, что онъ несогласенъ съ нѣкоторыми крайними положеніями Толстого и признаетъ насиліе, какъ средство для защиты слабаго; этимъ признаніемъ онъ, конечно, разрушаетъ всю силу своего положенія и даетъ широкій просторъ всяческому «вмѣшательству» во имя защиты слабаго.

Порядокъ означаетъ подчиненіе законамъ природы, независимо отъ того, нравятся ли они намъ или нѣтъ.

Легко понять, что это правило, на первый взглядъ весьма естественное, легко можетъ повести къ полному индиферентизму въ сферѣ общественной.

И дѣйствительно, Фрей дѣлаетъ изъ этого положенія такой выводъ: «Наши антипатіи къ суду, къ современному экономическому строю, къ войнѣ должны умѣряться историческими и психологическими соображеніями, отчасти высказанными раньше. Мы видимъ въ нихъ факторы общественнаго воспитанія, безусловно необходимые вначалѣ, условно полезные теперь и долженствующіе перейти въ другія, высшія формы» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 24.
[2]) Тамъ же, стр. 24 и 25.
[3]) Тамъ же, стр. 29.

Къ соблюденію «Порядка» относится правило о цѣлесообразномъ употребленіи умственныхъ способностей и знаній и исполненіе на дѣлѣ тѣхъ принциповъ, которые проповѣдуются на словахъ.

Наконецъ, къ «Порядку» относится и дѣятельность вообще научная, выработка новыхъ законовъ, утвержденіе несомнѣнныхъ истинъ и безусловная терпимость въ тѣхъ областяхъ, гдѣ наука еще не пришла къ безспорнымъ и безусловнымъ утвержденіямъ.

Прогрессъ — цѣль нашей дѣятельности. Каждый человѣкъ долженъ участвовать въ общемъ прогрессѣ, способствовать ему и одно изъ главныхъ средствъ къ этому есть нравственное самоусовершенствованіе.

Жить для другихъ: въ этомъ принципѣ Фрей считаетъ себя совершенно солидарнымъ со Львомъ Николаевичемъ и полемизируетъ уже не съ нимъ, а съ тѣми европейскими учеными и философами-индивидуалистами, которые, видя неосуществимость непосредственную даннаго идеала въ практической жизни, откидываютъ его какъ безполезную мечту.

Наконецъ, онъ переходитъ къ послѣднему положенію—«*Жить открыто*».

«Это значитъ, говоритъ Фрей, что каждый, исповѣдующій религію человѣчества, долженъ прежде всего стараться о соотвѣтствіи своихъ словъ съ поступками, съ тѣмъ, чтобы никогда не унижаться до уровня современныхъ «дѣятелей», которые, подобно ворамъ и мошенникамъ, стыдятся и прячутъ свою частную жизнь отъ другихъ. Самая святость частной жизни, о которой такъ много говорятъ индивидуалисты, служитъ только добавочнымъ аргументомъ для того, чтобы она по возможности ярче свѣтилась для блага и назиданія другихъ. Такимъ образомъ, жизнь каждаго искренняго слуги человѣчества должна быть переведена изъ темныхъ тайниковъ индивидуализма въ свѣтлый, прозрачный домъ позитивной нравственности и стать открытою для взора каждаго. Но этого мало.

Если человѣкъ желаетъ искренно поддержки и совѣтовъ отъ другихъ, чтобы узнать отъ нихъ оцѣнку своей жизни и своихъ поступковъ, онъ долженъ открыть двери своего прозрачнаго дома для всѣхъ, которые могутъ быть ему полезны, исповѣдь перестанетъ тогда быть частнымъ дѣломъ между Богомъ и человѣкомъ; она станетъ его обязанностью передъ обществомъ. И чѣмъ болѣе люди сходятся въ своемъ міросозерцаніи, въ своихъ стремленіяхъ и взглядахъ на неразрѣшенные вопросы жизни, тѣмъ полнѣе они должны открываться другъ другу, потому что только при этомъ условіи они сумѣютъ поддерживать другъ друга и наилучшимъ образомъ опредѣлять границы возможнаго осуществленія ихъ общаго идеала» [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 52.

Изъ этого положенія естественно вытекаетъ стремленіе къ самому широкому общенію:

«Первые христіане, продолжаетъ Фрей, привлекали къ себѣ массы чистотою личной жизни, выработанной духовнымъ общеніемъ въ церквахъ и братствахъ вѣрующихъ. То же самое мы замѣчаемъ при распространеніи всякаго религіознаго ученія, и позитивная заповѣдь общенія, констатируя факты прошлаго, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніемъ на лучшій способъ осуществленія этого ученія въ настоящемъ и пропаганды его въ будущемъ» [1]).

III.

Изложивъ, такимъ образомъ, сущность позитивной религіи, Фрей переходитъ къ критикѣ взглядовъ Л. Н-ча. И надо сознаться, что критика эта очень слаба.

Во-первыхъ, часть этой критики занята рѣшеніемъ вопроса, къ какой стадіи развитія принадлежитъ Л. Н—чъ: къ теологической, метафизической или позитивной. Отрицаніе Л. Н-чемъ божественности Христа кажется Фрею достаточнымъ основаніемъ, чтобы перевести Л. Н-ча изъ класса теологіи въ классъ метафизики, затѣмъ онъ колеблется, оставить ли Л. Н-ча въ классѣ метафизиковъ или перевести въ классъ позитивистовъ, и вопросъ этотъ такъ и остается нерѣшеннымъ.

Затѣмъ критика его направлена на самое названіе взглядовъ Л. Н-ча христіанскими. Для Фрея христіанство есть историческій фактъ, дѣло прошлаго; возстановленіе христіанства, хотя бы въ самомъ чистомъ видѣ, есть анахронизмъ и, стало быть, тормазъ прогресса.

Религія человѣчества, говоритъ Фрей, относясь съ большимъ уваженіемъ къ христіанству, включаетъ его въ себя, дополняя всѣмъ тѣмъ, что пережило и выработало съ тѣхъ поръ человѣчество.

Затѣмъ онъ нападаетъ на идеализмъ Христа, считая его непрактичнымъ, и утверждаетъ уже совершенно противно Толстому, что если христіанство дало что-нибудь міру, то только благодаря тому, что апостолъ Павелъ приспособилъ его къ жизни.

Мы знаемъ совершенно противоположный взглядъ Толстого, выражающій ту мысль, что если истинное христіанство еще такъ мало распространено въ мірѣ, такъ это благодаря искаженію его апостоломъ Павломъ, который, не понявъ и не усвоивъ хорошенько мало знакомое ему ученіе Христа, сталъ проповѣдывать какую-то новую государственную религію подъ именемъ христіанства съ требованіемъ безусловнаго подчиненія властямъ, и со всѣми тѣми компромиссами, которые вытравили изъ него весь

---

[1]) Тамъ же, стр. 55.

духъ Христова ученія и привели человѣчество къ ужаснымъ извращеніямъ христіанства.

Наконецъ, Фрей, коснувшись пагубнаго вліянія субъективизма въ ученіи Л. Н-ча, снова предлагаетъ ему взамѣнъ его объективный методъ религіи человѣчества.

Разбирая затѣмъ нѣкоторыя болѣе распространенныя возраженія противъ религіи человѣчества, Фрей, защищая агностицизмъ позитивистовъ, приводитъ интересную аналогію, заимствуя ее у Спенсера.

«Мы отказываемся навсегда отъ фамильярныхъ отношеній къ Богу, отъ непосредственныхъ сношеній съ нимъ, отъ приписыванія ему какихъ-либо человѣческихъ качествъ; но мы совершенно отрицаемъ общераспространенное мнѣніе, будто съ развитіемъ науки уменьшается значеніе Бога: напротивъ, мы видимъ въ наукѣ самое лучшее средство для постепеннаго выполненія идеи Бога во всей чистотѣ и мощи. Пользуясь прекраснымъ уподобленіемъ Спенсера, мы можемъ сравнить науку съ шаромъ, растущимъ въ безпредѣльномъ пространствѣ неизвѣстнаго. Какъ бы быстро ни росъ этотъ шаръ, онъ никогда не заполнитъ безконечности; но съ ростомъ шара будетъ увеличиваться его поверхность, т. е. точки его соприкосновенія съ непостижимымъ. Такимъ образомъ, сознаніе о тайнѣ, окружающей насъ со всѣхъ сторонъ, не только не уменьшается съ прогрессомъ науки, а напротивъ, увеличивается.

Мало того. Прежде, когда наука въ метафизическомъ обольщеніи стремилась постигнуть сущность вещей, люди думали, что силы сцѣпленія, притяженія, электричества и другія свойства міровой энергіи вполнѣ объясняютъ явленія природы, и тайна считалась какъ бы отступающею передъ наступательнымъ движеніемъ науки. Но позитивная наука ясно показала намъ, что всѣ эти силы суть только научные термины для прикрытія нашего полнаго невѣжества. При настоящемъ положеніи человѣческихъ знаній, мы ясно видимъ, что тайна не только окружаетъ науку со всѣхъ сторонъ, но и остается полнымъ владыкою, такъ называемыхъ, разъясненныхъ истинъ. «Въ простомъ паденіи камня мы видимъ необъяснимую тайну», говоритъ Спенсеръ. Въ настоящее время мы можемъ повторить слова Христа, хотя и исправленныя отъ антропоморфизма: «Ни одинъ волосъ не падетъ съ нашей головы безъ участія безконечной силы и ея законовъ» [1]).

Обращаясь въ заключеніи снова ко Льву Николаевичу съ убѣдительной просьбой прочесть внимательно его письмо и высказывая свое полное уваженіе къ нему, Фрей заканчиваетъ письмо слѣдующими словами:

«Окажемся ли мы идущими по одной дорогѣ или сочтемъ за лучшее идти къ нашей общей цѣли различными путями—вы

---

[1]) Тамъ же, стр. 82.

всегда разсчитывайте на меня, какъ на глубокопреданнаго и почитающаго васъ брата въ человѣчествѣ» [1]).

С.-Петербургъ, 5-го сентября, день смерти Огюста Конта.

IV.

Получивъ это большое письмо Фрея, Л. Н-чъ поспѣшилъ пригласить его въ Ясную Поляну.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Фрей въ слѣдующемъ большомъ письмѣ своемъ, обращенномъ уже не ко Л. Н-чу, а къ русскому обществу, съ отчетомъ о свиданіи и бесѣдѣ съ Толстымъ. Письмо это названо имъ: «Дополненіе къ первому письму Л. Н-чу Толстому».

«Вскорѣ послѣ полученія моего письма, Левъ Толстой написалъ мнѣ братское приглашеніе пріѣхать къ нему, чтобы словесно разобраться въ недоразумѣніяхъ, всегда сопровождающихъ сжатое изложеніе новаго мнѣнія. Я поспѣшилъ воспользоваться его приглашеніемъ и провелъ съ нимъ пять незабвенныхъ для меня дней (отъ 7—12-го октября), въ теченіе которыхъ мы ясно поняли другъ друга и отчетливо увидали, что большая часть нашихъ несогласій имѣетъ временный, несущественный характеръ. Немногія различія, стоящія до сихъ поръ какъ бы препятствіемъ къ полному духовному объединенію, должны быть приписаны только индивидуальнымъ качествамъ и своеобразнымъ ходамъ развитія мысли у каждаго изъ насъ, и вовсе не представляютъ тѣхъ несоизмѣримостей, которыя происходятъ отъ различія въ преобладающемъ мотивѣ» [2]).

И далѣе въ той же главѣ:

«Пять дней было достаточно, чтобы разъяснить наши сходства и различія по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Мы не только поняли другъ друга, но разстались скрѣпленные духовнымъ родствомъ, взаимнымъ уваженіемъ и глубокою симпатіей, при которой разница во мнѣніяхъ не только перестаетъ раздражать другъ друга, но, напротивъ, признается естественнымъ и необходимымъ факторомъ въ усиліяхъ человѣчества разрѣшить жизненные вопросы нашего времени» [3]).

Разсказывая далѣе о своихъ бесѣдахъ съ Толстымъ, Фрей, по своей добросовѣстности, кается въ томъ, что, не зная достаточно его и проповѣдуемаго имъ ученія, онъ просилъ Толстого, въ первомъ письмѣ къ нему, прекратить свою проповѣдь.

«Послѣ свиданія съ Толстымъ», пишетъ Фрей, «я съ удовольствіемъ и радостью отказываюсь отъ этого выраженія».

Говоря о сочувствіи Толстого нѣкоторымъ, выраженнымъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 92.
[2]) Библіот. Импер. Академіи Наукъ. Отдѣлъ рукописей. № 53. 7. 6.
[3]) Тамъ же.

Фреемъ, основнымъ положеніямъ религіи Человѣчества, Фрей замѣчаетъ:

«Онъ и теперь видитъ въ ученіи позитивистовъ великое пособіе для нравственнаго возрожденія людей, онъ и теперь отъ всей души одобряетъ и соглашается съ великимъ изреченіемъ Конта, когда тотъ, въ противность общераспространенному мнѣнію, сказалъ: «Существованіе Человѣчества есть реальный фактъ, существованіе же отдѣльнаго человѣка есть не больше, какъ абстракція». И вотъ за такое сочувственное, братское отношеніе къ позитивизму, за согласіе въ самыхъ существенныхъ чертахъ нашего ученія, мы должны быть навсегда и глубоко признательны Л. Толстому, если бы онъ и не пошелъ далѣе по пути сближенія съ нами» [1]).

Переходя къ изложенію мнѣнія Толстого объ отдѣльныхъ нравственныхъ принципахъ, Фрей передаетъ интересное мнѣніе Л. Н—ча объ этическомъ правилѣ Конта: «жить открыто».

«До какой степени ученіе Толстого отличается отъ общепринятаго христіанства, какъ далеко оно отъ узкой исключительности и нетерпимости теологическихъ и метафизическихъ системъ, какъ сильно бьется въ его истолкователѣ живая потребность критически и научно относиться ко всему окружающему и постоянно совершенствоваться, можно видѣть изъ того, что Л. Толстой почти съ первыхъ словъ нашего свиданія заявилъ свою признательность Конту за этическое правило «жить открыто», такъ какъ имъ (далѣе я почти буквально приведу слова Толстого) превосходно пополняется пробѣлъ въ нравственномъ ученіи Христа и потому послѣдняя заповѣдь позитивизма должна стоять рядомъ съ пятью заповѣдями Христа. Человѣкъ, который съ готовностью пополняетъ свое ученіе изъ другихъ источниковъ, который видитъ въ духовномъ общеніи людей высшій контроль частной жизни и лучшее средство для опредѣленія границы возможно полнаго осуществленія законовъ нравственности, который признаетъ въ братскомъ общежитіи вѣрующихъ лучшую школу для самоусовершенствованія—такой человѣкъ не можетъ быть упрекаемъ въ попыткѣ воскресить прежнее іерархическое окаменѣлое христіанство» [2]).

И въ заключеніи этого письма Фрей снова призываетъ Толстого къ проповѣди религіи Человѣчества.

V.

Л. Н—чъ также остался очень доволенъ свиданьемъ и знакомствомъ съ Фреемъ. Вотъ въ какихъ словахъ онъ выражаетъ это въ письмѣ къ сестрѣ жены своей, Т. А. Кузминской.

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

... Безъ тебя былъ Фрей,—ты слышала—онъ интересенъ и хорошъ не однимъ вегетарьянствомъ. Жаль, что ты не была при немъ. Ты бы многое узнала. У меня отъ него осталось самое хорошее воспоминаніе. Я много узналъ, научился отъ него и многое—мнѣ кажется—не успѣлъ узнать. Онъ интересенъ тѣмъ, что отъ него вѣетъ свѣжимъ, сильнымъ, молодымъ, огромнымъ міромъ американской жизни...

... Онъ 17 лѣтъ прожилъ большею частью въ русскихъ и американскихъ коммунахъ, гдѣ нѣтъ ни у кого собственности, гдѣ всѣ работаютъ не «головой», а руками и гдѣ многіе, и мужчины и женщины, счастливы очень» [1]).

Еще интереснѣе отзывъ Л. Н—ча о Фреѣ въ письмѣ ко мнѣ, въ которомъ Л. Н—чъ говоритъ о Фреѣ, какъ о будущемъ цѣнномъ сотрудникѣ предполагавшагося тогда къ изданію народнаго журнала.

«Поблагодарите А. М. за Фрея. Какъ мнѣ кажется, она оцѣнила его больше всѣхъ. Онъ пробылъ 4 дня и мнѣ жаль было и тогда, и теперь всякій день жалко, что его нѣтъ. Во-первыхъ, чистая, искренняя, серьезная натура, потомъ, знаній не книжныхъ, а жизненныхъ, самыхъ важныхъ о томъ, какъ людямъ жить съ природой и между собой—бездна.—Я его просилъ быть сотрудникомъ нашего фантастическаго пока журнала—и онъ обѣщалъ. Онъ могъ бы вести три отдѣла: 1) Гигіена народная для бѣдняковъ, практическая гигіена—какъ съ малыми средствами въ деревняхъ и особенно въ городахъ людямъ здорово жить.—По моему, онъ знаетъ по этой части больше, чѣмъ всѣ медицинскіе факультеты. Онъ обѣщалъ это. 2) Техника первыхъ орудій работы, топора, пилы, кочерги, стиральныхъ прессовъ, снарядовъ для мѣшенія хлѣбовъ и т. п. Мы говорили съ вами про это. Этого онъ не обѣщалъ, и, по моему, надо искать такого человѣка, только не теоретика, а такого, который бы, какъ Фрей, самъ все передѣлывалъ, употребляя самъ тѣ снаряды и пріемы, которые онъ описываетъ. 3) Это его записки о жизни въ Америкѣ, о трудѣ, пріученіи себя къ нему, жизни фермерской, о жизни въ общинахъ. Онъ обѣщалъ, но сомнительно, чтобы онъ написалъ это скоро. Онъ былъ въ школѣ со мной на вечернемъ чтеніи и началъ разговоръ съ мужиками. Надо было видѣть, какъ разинули рты на его разсказы» [2]).

Съ обѣихъ сторонъ, повидимому, установилась прочная дружба, основанная на уваженіи другъ къ другу и на чувствѣ личной симпатіи.

Послѣ этого свиданія Фрей отправился на югъ Россіи, откуда вернулся черезъ 2 мѣсяца и засталъ Л. Н—ча уже въ Москвѣ.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Арх. П. И Б—ва..

VI.

Въ это время Л. Н—чъ съ увлеченіемъ писалъ о наукѣ и искусствѣ въ послѣднихъ главахъ своей книги: «Такъ что же намъ дѣлать?»

Въ 29-й главѣ этой книги Л. Н—чъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ религіозныхъ и философскихъ системъ, удовлетворявшихъ требованію толпы, т. е. потакавшихъ, оправдывавшихъ ея уклоненія отъ праведной жизни.

Такою системою было ученіе о грѣхопаденіи и искупленіи человѣка, ставшее на мѣсто обличительнаго ученія Христа, такой же замѣною было въ области философіи распространеніе системы Гегеля, съ ея принципомъ «все существующее разумно», восторжествовавшей надъ обличительными ученіями Руссо, Паскаля, Спинозы, Шопенгауера и другихъ.

На смѣну гегельянству явилась новая научная система позитивной философіи.

И вотъ вся 30-я глава посвящена уничтожающей критикѣ этого ученія.

Когда Фрей снова пришелъ ко Л. Н—чу въ Москвѣ, Л. Н—чъ прочелъ ему эти главы.

Такъ какъ одно изъ главныхъ положеній того ученія, которому слѣдовалъ Фрей, было подчиненіе научной дѣятельности религіозно-нравственнымъ принципамъ, то Л. Н—чъ надѣялся встрѣтить сочувствіе Фрея къ изложенію своихъ мыслей о томъ, какъ научная система заняла мѣсто религіи и уничтожила руководящій нравственный принципъ.

И Фрей, дѣйствительно, весьма сочувственно отнесся къ 29 главѣ, т. е. къ той, гдѣ подвергаются критикѣ вообще всѣ религіозныя и научныя системы, исключающія нравственное руководство людей, но при чтеніи 30 главы, въ которой Л. Н—чъ причисляетъ Огюста Конта къ числу такихъ же основателей, оправдывающихъ заблужденія толпы, ученій, какъ Мальтусъ, Дарвинъ, Спенсеръ и др.—Фрей возмутился и, оставшись ночевать у Л. Н—ча въ кабинетѣ, всталъ на другой день рано утромъ и тутъ же, за столомъ Л. Н—ча, написалъ ему 2-ое письмо съ убѣдительной просьбой уничтожить всю 30 главу и исправить 29, не называя «позитивной» царствующую, оправдательную научную теорію и выдѣливъ Огюста Конта изъ числа основателей такихъ теорій.

Но доводы Фрея не убѣдили Л. Н—ча, и 29 и 30 главы остались въ книгѣ «Такъ что же намъ дѣлать?» въ прежнемъ видѣ.

У насъ случайно сохранились двѣ редакціи этихъ главъ, та, которую читалъ Фрей, и позднѣйшая редакція, со многими исправленіями, но не одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ доводамъ Фрея.

Къ счастью, это теоретическое разногласіе Толстого и Фрея, хотя отчасти и разочаровало послѣдняго, но не повліяло на ихъ дружескія отношенія.

Дѣло въ томъ, что Л. Н—чъ цѣнилъ во Фреѣ сердечнаго, умнаго, нравственнаго человѣка, только по какому-то недоразумѣнію основывшагося всѣ свои религіозно-нравственныя воззрѣнія на позитивной философіи. А Фрею, цѣнившему во Л. Н—чѣ также эти качества и преклонявшемуся, кромѣ того, передъ его художественнымъ геніемъ, именно и хотѣлось подставить подъ взгляды Толстого основы позитивной философіи, въ чемъ онъ совершенно искренно видѣлъ залогъ успѣха его проповѣди нравственнаго обновленія человѣчества.

Послѣ этого Фрей вернулся въ Петербургъ.

Здѣсь мнѣ пришлось много разъ видѣть его и бесѣдовать съ нимъ и испытать на себѣ доброе вліяніе его мягкой, привлекательной личности.

VII.

Въ февралѣ 1886 года Фрей уже сталъ собираться уѣзжать въ Англію. Миссія его въ Россіи была окончена, хотя и не дала большихъ видимыхъ результатовъ. Онъ успѣлъ заинтересовать небольшой кружокъ интеллигенціи своими взглядами и, вѣроятно, посѣялъ добрыя сѣмена, такъ какъ онъ вездѣ вызывалъ къ себѣ большую личную симпатію и, уѣзжая изъ Россіи, оставилъ тамъ много друзей.

Но главная цѣль его пріѣзда въ Россію—привлеченіе Толстого къ пропагандѣ религіи Человѣчества—не была достигнута, и вотъ онъ, передъ отъѣздомъ, дѣлаетъ еще одну, послѣднюю попытку и пишетъ Толстому третье большое письмо, въ которомъ онъ съ новою силою и обстоятельностью излагаетъ свои взгляды и, доказывая ихъ превосходство, убѣждаетъ Толстого примкнуть къ нимъ.

Въ концѣ письма онъ резюмируетъ все высказанное имъ въ нѣсколькихъ тезисахъ и проситъ Толстого категорически отвѣтить на эти тезисы или согласіемъ на нихъ и, въ такомъ случаѣ, принять ихъ, или отмѣтить и мотивировать свое разногласіе.

Письмо это Фрей просилъ меня отвезти Л. Н—чу, и для этого просилъ меня письмомъ отложить мой отъѣздъ въ Москву, куда я собирался ѣхать.

Я отложилъ свой отъѣздъ, но Фрей такъ долго писалъ письмо, что я не могъ дождаться и уѣхалъ безъ письма, которое уже было послано по почтѣ или привезено однимъ изъ друзей Фрея.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву я получилъ отъ Фрея слѣдующее письмо:

Понедѣльникъ. 8-го февраля 1886 г.

«Только что получилъ вашу postal card. Жалѣю, что не зналъ раньше объ вашей отсрочкѣ, а то, быть можетъ, и окончилъ бы свою работу къ завтрашнему числу. Поклонитесь отъ меня Л. Н—чу, скажите, что скоро онъ получитъ отъ меня письмо... и главное, узнайте отъ него, насколько можно, обстоятельнѣе, какого онъ мнѣнія по поводу моего дополненія къ первому письму (которое было послано изъ Крыма). Согласенъ ли онъ со всѣмъ, что я говорю въ немъ? Повезите съ собой копію, если нужно, и прочтите ему это дополненіе, если нужно. Затѣмъ перейдите ко второму письму, которое было писано у него въ кабинетѣ, и спросите, не лучше ли ему прежде чѣмъ отдавать другимъ прибавочныя главы къ ему послѣднему трактату—измѣнить 30 и отбросить совсѣмъ 31 главу [1]). Право, будетъ много лучше. До свиданья. Желаю Вамъ здоровья и успѣха въ вашихъ дѣлахъ» [2]). W. F.

Я не помню теперь, въ какой полнотѣ я исполнилъ порученіе Фрея, но, вѣроятно, я сообщилъ ему благопріятный отзывъ о его «Дополненіи къ третьему письму», такъ какъ во введеніи къ женевскому изданію своихъ писемъ Фрей говоритъ, что онъ получилъ отъ лица, передававшаго Толстому его запросъ, письмо и изъ этого письма цитируетъ въ ковычкахъ слова Толстого:

«Что онъ это дополненіе прекрасно помнитъ, что вездѣ, гдѣ его цитируютъ, цитаты вполнѣ ему симпатичны, что онъ не только никогда не отречется отъ нихъ, но, напротивъ, радъ имъ и дороги онѣ ему» [3]).

VIII.

Третье и послѣднее письмо Фрея къ Толстому начинается такой характеристикой ихъ отношеній:

«Нашъ первый рядъ свиданій въ Ясной Полянѣ окончился моимъ полнымъ примиреніемъ съ вашимъ ученіемъ, но для того я долженъ былъ убѣдиться, что вы чужды міра теологіи и абсолюта. Нашъ второй рядъ свиданій въ Москвѣ окончился вашимъ полнымъ примиреніемъ съ религіей Человѣчества, послѣ того какъ вы убѣдились, что это ученіе не только чуждо высокомѣрнаго преувеличенія значенія науки, но даже борется съ этимъ заблужденіемъ, считая развитіе и усиленіе нравственныхъ и религіозныхъ импульсовъ неизмѣримо выше и важнѣе развитія ума или образованія.

Мы оба поняли другъ друга, мы оба стремимся къ одной цѣли, одинаково работаемъ за реформу изнутри и противъ ре-

[1]) Фрей упоминаетъ здѣсь, какъ и въ большомъ письмѣ, о 30 и 31 главѣ. Но въ позднѣйшей редакціи Л. Н—чемъ измѣнены номера главъ, и эти главы считаются 29 и 30; эту нумерацію мы и приняли въ нашей статьѣ.

[2]) Архивъ П. И. Б—ва.

[3]) Письма В. Фрея къ Л. Н. Толстому, изд. М. Элпидина. Женева, стр. 6.

формы насильно прививаемой извнѣ. Наше духовное объединеніе, одинаковость взглядовъ на жизнь, даже личная дружба, крѣпко установившаяся между нами—все, повидимому, показываетъ, что намъ остается только одно: разставшись другъ съ другомъ, продолжать каждому свою работу еще съ большей бодростью и вѣрою въ скорое торжество нашихъ идей, потому что каждый изъ насъ видитъ въ другомъ пособника тому же святому дѣлу нравственнаго возрожденія, на которомъ построены всѣ надежды на улучшеніе будущаго» [1]).

Л. Н—чъ внимательно прочелъ это письмо и, исполняя просьбу Фрея, испещрилъ поля письма цѣлымъ рядомъ помарокъ, возраженій и выраженій согласія и одобреній на высказанныя тамъ мысли.

Кромѣ того, Л. Н—чъ написалъ заключеніе, объясняющее разность ихъ взглядовъ.

Оригиналъ этого письма съ автографическими замѣтками Л. Н—ча хранится въ архивѣ Академіи Наукъ.

Мы приведемъ здѣсь наиболѣе существенныя изъ этихъ замѣтокъ, яснѣе выражающихъ разность и согласіе этихъ двухъ друзей.

1) «Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ,—говоритъ Фрей,—вы высказались о пользѣ, вытекающей изъ разнообразныхъ методовъ, которыми мы доходимъ до почти тождественныхъ выводовъ». На поляхъ рукою Льва Н—ча написано: *справедливо.*

2) Продолжая убѣждать Л. Н—ча въ необходимости выступить ему съ проповѣдью религіи человѣчества, Фрей говоритъ:

«Будь мы оба одинаково рядовыми людьми, обязанными только выполнять обыкновенныя, выпадающія на нашу долю задачи жизни, для насъ было бы достаточно повѣрить другъ друга въ элементарномъ знаніи ариѳметики жизни и повѣрить ровно настолько, насколько оно необходимо для полученія одинаковыхъ результатовъ». На поляхъ надпись Л. Н—ча: *Признаніе себя или другого—не рядовымъ—ложно по существу.*

3) Далѣе Фрей говоритъ:

«Личные интересы, какъ болѣе ясные въ нашемъ сознаніи, кажутся намъ сильнѣе общественныхъ, но на дѣлѣ они гораздо слабѣе безсознательной, но могучей потребности служить обществу». На поляхъ надпись: *Очень хорошо, вѣрно.*

4) Говоря о современномъ паденіи христіанства, Фрей выражаетъ такую мысль:

«Для всѣхъ уже открытый секретъ, что настоящее время— есть время упадка христіанской религіи и не потому, что люди забыли великія слова Христа, а потому, что потеряна вѣра въ Бога, какъ идеальнаго отца, потеряна вѣра въ сверхъестественное». Л. Н—чъ замѣчаетъ: *Оно-то, т. е. сверхъественное и разрушило вѣру, откинь его и будетъ вѣра.*

---

[1]) Библ. Имп. Акад. наукъ, отд. рукописей, № 53, 7, 7.

5) Продолжая разборъ христіанской религіи, Фрей говоритъ: «Взамѣнъ поблекшаго образа Христа подымается теперь образъ Человѣчества, который, не нуждаясь въ миѳическихъ преувеличеніяхъ и ярко-освѣщенный наукой, затмеваетъ своимъ блескомъ всѣ бывшія до того религіозныя представленія». Л. Н—чъ замѣчаетъ: *Не нужно никакого образа—ни Христа, ни Человѣчества—для религіи.*

6) Настаивая на томъ, что Л. Н—чъ долженъ выступить на проповѣдь религіи Человѣчества съ художественными произведеніями, Фрей въ такихъ словахъ опровергаетъ полезность нравственнаго ученія:

«Положимъ, что доводы, изложенные мною въ 1-мъ и 2-мъ отдѣлѣ, не убѣдительны для васъ, и вы все-таки видите главный смыслъ религіи не въ ея симпатической художественной сторонѣ, а въ ея нравственной философіи и потому считаете дѣломъ первостепенной важности разработку и пропаганду извѣстной схемы нравственности. Но какъ я уже говорилъ, въ дополненіи къ моему первому письму, предлагать нравственныя схемы людямъ, не имѣющимъ еще желанія жить нравственно, значитъ полагать, что люди могутъ сдѣлать второй шагъ раньше перваго». Л. Н—чъ отвѣчаетъ ему: *Никакой схемы нравственности, а откинуть соблазны.*

7) Желая дать Л. Н—чу новое, правильное опредѣленіе науки, Фрей говоритъ:

«Обыкновенно подъ наукой понимаютъ систематическое, связное изложеніе законовъ природы, которое начинается съ изслѣдованія самыхъ общихъ и потому самыхъ простыхъ законовъ (законовъ численныхъ отношеній) и проходитъ по убывающей прогрессіи общности и по возрастающей прогрессіи сложности явленій—чрезъ естествознаніе, біологію и психологію—до изслѣдованія законовъ общественной жизни и вытекающихъ оттуда законовъ нравственности».

На это Л. Н—чъ замѣчаетъ: *Эту-то я отрицаю, что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ словъ.*

8) Въ противоположность этому, удивляясь, что Л. Н-чъ называетъ истинной наукой или истиннымъ знаніемъ знакомство съ ученіемъ великихъ мудрецовъ древнихъ и новыхъ, какъ, напр., Конфуція, Будды, Руссо, Паскаля и т. д., Фрей возражаетъ такъ:

«Называть же наукой рядъ догматическихъ бездоказательныхъ изрѣченій—значитъ вводить новое совершенно произвольное понятіе». На поляхъ замѣтка: *Напротивъ, на той (нашей наукѣ) строилась вся жизнь.*

9) Продолжая отрицать цѣлесообразность проповѣди христіанства, Фрей говоритъ:

«Такимъ образомъ, ваша аудиторія можетъ быть составлена только изъ людей, которымъ хоть сколько-нибудь понятна христіанская мораль; но однимъ, пережившимъ христіанство, ваша

схема нравственности представляется недостаточной и узкой; другимъ, искреннимъ христіанамъ, она безполезна, а всѣмъ остальнымъ совершенно непригодна.» Л. Н-чъ отмѣчаетъ: *И для всѣхъ неизбѣжно обязательна, какъ 2×2=4.*

10) Взывая снова къ Толстому о необходимости художественнаго, симпатическаго вліянія на людей, Фрей замѣчаетъ:

«Когда нѣтъ этихъ вліяній и спитъ чувство—всегда будутъ скептики, вопрошающіе: почему они должны слѣдовать тому или другому правилу? И ваше голословное утвержденіе, что «такъ лучше», разумѣется, не будетъ убѣдительно для нихъ.» Л. Н-чъ пишетъ на поляхъ: *Нигдѣ нѣтъ: «такъ лучше», а вездѣ сводится къ простой, понятной и несомнѣнной для каждаго истинѣ, какъ, напр., та, что если я буду дѣлать зло, я пострадаю отъ этого зла, оно вернется на меня.*

11) На новое настойчивое утвержденіе Фрея: «Прекратите работу мыслителя, ищущаго невозможнаго, и, вмѣсто составленія общей для всѣхъ схемы нравственности, учите людей «какъ художникъ»,—Л. Н-чъ уже отвѣчаетъ шутливо: *Никакой схемы, а только указаніе на то, что если человѣкъ бьется головой объ стѣну, у него будутъ шишки на головѣ.*

12) «И вы, продолжаетъ Фрей, какъ альтруистъ и художникъ, не можете не облагородить и не выразить въ чудной картинѣ это общее и объединяющее начало (т. е. служеніе человѣчеству). На это отвѣчаетъ Л. Н-чъ такъ:

Да, но выражаю его такъ, какъ оно умно и убѣдительно поставленно въ ученіи Будды, Сократа и послѣдняго—Христа, а не такъ, какъ оно очень не умно и не основательно выражено у Конта.

13) Далѣе говоритъ Фрей: «Когда Вамъ понадобятся чарующіе образы, чтобы смягчить сердца людей и сдѣлать ихъ болѣе воспріимчивыми къ добру, вы не можете не пользоваться великимъ образомъ человѣчества». На поляхъ замѣтка: *Такого образа нѣтъ.*

14) Наконецъ, исчерпавъ всѣ доводы, Фрей восклицаетъ: «Отчего же вы не идете по единственно-возможному для васъ пути съ рѣшимостью и послѣдовательностью, достойными вашихъ талантовъ?»

Л. Н-чъ пишетъ на поляхъ: *Оттого, что не могу лепетать по-дѣтски, когда умѣю говорить по-человѣчески.*

15) Думая привлечь Толстого со стороны эклектизма позитивной религіи, Фрей пускаетъ въ ходъ еще такой аргументъ:

«Ученіе, долженствующее обнять весь міръ, признающее всѣхъ людей братьями, черпающее силы для прогресса изъ всѣхъ источниковъ свѣта и знанія, способное охватить сердца всѣхъ людей, не насилуя ихъ склонностей, ихъ схемъ жизни, не прививая къ нимъ мертвящаго однообразія.» На послѣднія слова Л. Н-чъ отвѣчаетъ такъ: *Если оно не будетъ разрушать ихъ схемы жизни и не будетъ приводить ихъ къ живящему единству, то оно ни на что не нужно.*

16) На новое утвержденіе Фрея о предпочтеніи религіи человѣчества, Л. Н-чъ, замѣчая искусственность доводовъ Фрея и видя, что онъ хочетъ извнѣ навязать ему свою религіозную систему, дѣлаетъ короткую, но строгую замѣтку на поляхъ: *Религію не дѣлаютъ, а религіей живутъ.*

17) Наконецъ, Фрей напоминаетъ Л. Н-чу, какъ онъ ему сказалъ въ первый день свиданія въ Ясной Полянѣ, что ученіе Христа имѣетъ пробѣлы и должно быть дополнено нѣкоторыми положеніями Конта (рѣчь шла о заповѣди Конта: жить открыто). Л. Н-чъ поправляетъ это утвержденіе Фрея слѣдующей замѣткой:

То же, да не то. Я сказалъ, что это положеніе Конта есть религіозное и могло бы быть присоединено къ положеніямъ Христа.

18) Наконецъ, Л. Н-чъ соглашается со слѣдующимъ доводомъ Фрея: «Новое христіанство не можетъ строго разграничиться отъ стараго и вслѣдствіе мѣшанины двухъ христіанствъ вы, борецъ противъ нетерпимости и насилія, невольно играете въ руку насильникамъ.»

На поляхъ замѣтка: *Это справедливо.*

19) На основаніи этого Фрей убѣждаетъ Толстого измѣнить названіе своего ученія и говоритъ:

«И если вы говорите совсѣмъ не то, что говорятъ бывшіе до васъ и современные вамъ проповѣдники христіанства, то вы должны, во избѣжаніе путаницы, окрестить свое ученіе инымъ, болѣе соотвѣтствующимъ именемъ и вліять на сердца людей иными, болѣе чарующими образами, такъ какъ имя и образъ Христа идутъ теперь на защиту существующаго зла и насилія.»

Но Левъ Н-чъ протестуетъ такими словами: *Не могу, потому что все, что знаю—отъ Христа и постоянно узнаю новое отъ него же и потому думаю, что еще узнаю.*

20) Затѣмъ Фрей подходитъ къ вопросу еще съ новой стороны и пытается доказать Л. Н-чу, что его раціонализированное христіанство не будетъ доступно народу, и говоритъ такъ:

«Но выше всѣхъ этихъ споровъ о мелочахъ у всѣхъ стоитъ одинаково крѣпко и незыблемо вѣра въ личнаго (человѣкоподобнаго) Бога, въ Христа, какъ божественнаго Спасителя, въ безсмертіе души, въ загробныя блаженства или наказанія. А потому ваша голая философія, разбивающая ихъ любимѣйшія грезы, никогда не будетъ принята теологически настроеннымъ народомъ.»

На поляхъ возраженіе: *Неправда, въ народѣ сильно нравственное ученіе.*

21) Наконецъ, Фрей пробуетъ убѣдить Л. Н-ча со стороны пропаганды и организаціи и, настаивая на объединенныхъ усиліяхъ, говоритъ: «Не такъ поступаетъ начальникъ, когда съ желаніемъ одержать побѣду, онъ соединяетъ способности полководца.» На это Л. Н-чъ дѣлаетъ ироническую замѣтку: *Избави Богъ отъ генеральства.*

22) Въ приложеніи къ письму, въ статьѣ подъ названіемъ: «Религіозные аффекты позитивнаго представленія о человѣчествѣ», Фрей говоритъ:

«Мы знаемъ, что предметомъ поклоненія всякой религіи должно быть существо 1) стоящее неизмѣримо выше отдѣльныхъ людей и 2) представляющее прекрасное и живое воплощеніе альтруизма. Безъ перваго условія чувство, питаемое къ объекту поклоненія, перестаетъ быть религіознымъ, а снисходитъ на уровень чувствъ, питаемыхъ къ обыкновеннымъ, равнымъ намъ, смертнымъ. Безъ второго условія—люди, хотя съ пробужденнымъ религіознымъ чувствомъ, не могутъ прививать къ себѣ, путемъ симпатическихъ вліяній, хорошія качества. Посмотримъ, насколько удовлетворяетъ этимъ двумъ условіямъ Человѣчество, какъ органическое цѣлое.»

На это Л. Н-чъ замѣчаетъ: *Христосъ откинулъ поклоненіе (Самарянка), насколько вы назади его.»* И далѣе прибавляетъ: *рецептъ, какъ составить религію, полезную для употребленія.*

23) Продолжая развивать ту же мысль, Фрей утверждаетъ: Поклоненіе посредникамъ въ другихъ религіяхъ было основано на идеализаціи ихъ личностей. На это Л. Н-чъ возражаетъ: *Да личности-то на чемъ сами строимъ религію, не на поклоненіи же себѣ?* [1]).

IX.

Окончивъ письмо, Фрей резюмируетъ всѣ свои доводы въ семи тезисахъ, и Л. Н—чъ отвѣчаетъ на каждый изъ нихъ:

Тезисы Фрея.	Отвѣты Л. Н—ча Толстого.
1) Нравственность не прививается къ людямъ ни наукой вообще, ни той наукой, которая изслѣдуетъ законы нравственности.	Мнѣ дѣла нѣтъ, какъ она прививается; а кстати же, я не могу этого знать.
2) Нравственные инстинкты пробуждаются въ людяхъ чисто симпатическими вліяніями: въ частной жизни вліяніями нравственныхъ людей и обстановки; въ жизни массовой вліяніями существа (реальнаго или фиктивнаго, все равно), которое религія облекаетъ въ конкретныя формы и ставитъ по силѣ, высотѣ и яркости нравственныхъ совершенствъ неизмѣримо выше отдѣльныхъ людей.	Религія совсѣмъ не то дѣлаетъ.

---

[1]) Тамъ же.

3) Человѣчество есть единственное существо (все равно, будетъ ли оно фиктивнымъ, гипотетическимъ или реальнымъ, органическимъ), способное вызвать въ передовыхъ, по умственному развитію, классахъ Европы религіозное чувство, такъ какъ оно одно безспорно обладаетъ всѣми человѣческими совершенствами.

Такого существа нѣтъ.

4) Религія будущаго есть поэтому религія Человѣчества, она сохраняетъ все хорошее прежнихъ религій (т. е. любовь и самоулучшеніе), но свободна отъ ихъ недостатковъ, будучи религіей Прогресса, Науки, Соціализма и Терпимости.

Дай Богъ имѣть религію, а какая она будетъ, не знаю, знаю только, что религіи прогресса, науки, соціализма и терпимости быть не можетъ.

5) Художникъ обязанъ дѣлать людей воспріимчивыми къ добру и потому не пренебрегать ихъ религіознымъ чувствомъ.

Такихъ особенныхъ людей, называемыхъ художниками, не знаю, потому и обязанностей ихъ не знаю, знаю обязанность каждаго жить разумно.

6) Здравый смыслъ и практика жизни одинаково требуютъ, чтобы желающіе радикальныхъ перемѣнъ обособляли свое ученіе и дѣятельность отъ ученія и дѣятельности людей, поддерживающихъ существующій порядокъ.

Побочное соображеніе, рѣшеніе вопроса неподлежащаго.

7) А потому Вы. Левъ Николаевичъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ, обязаны стать открытымъ проповѣдникомъ религіи Человѣчества, предоставляя себѣ и каждому ея послѣдователю полную свободу въ опредѣленіи пути въ сферахъ невполнѣ или вовсе неизслѣдованныхъ наукой [1].

А потому постараюсь прожить до смерти какъ можно меньше грѣша, т. е. не отступая отъ разума.

---

[1]) Тамъ же.

X.

Разсматривая всѣ эти утвержденія Фрея, мы видимъ, что онъ какъ бы пытается всѣ извѣстные ему хорошо изслѣдованные и описанные признаки и проявленія религіознаго чувства, разсмотрѣнные объективно,—собрать вмѣстѣ и сдѣлать изъ нихъ религію.

Ему не достаетъ только души религіи, т. е. той силы, которая создаетъ и самую религію и всѣ признаки и проявленія ея, наблюдаемые имъ со стороны. Онъ говоритъ, между прочимъ, что сначала бываютъ слабыя проявленія религіознаго чувства—и если его поддержать, то оно усилится. На самомъ дѣлѣ бываетъ наоборотъ. Религіозное чувство начинается часто неудержимымъ восторгомъ—экстазомъ, и всякая помощь извнѣ можетъ только охладить, образумить, дать практическое осуществленіе этому чувству, но не усилить его. Хорошо понялъ это и Л. Н—чъ и, прочитавъ до конца послѣднее большое письмо Фрея, самъ резюмируетъ свои возраженія и приписываетъ въ концѣ письма слѣдующее:

«Все недоумѣніе зиждется на томъ, что вы, говоря о религіи, совсѣмъ не то понимаете подъ нею, что понимаю я, и что понималъ Конфуцій, Лаодзе, Будда, Христосъ. У васъ религію надо выдумать или, по крайней мѣрѣ, придумать—и такую, которая бы хорошо дѣйствовала на людей и сходилась бы съ наукой и какъ бы совокупляла и обнимала все, согрѣвая людей, поощряя ихъ къ добру, но не нарушала бы ихъ жизни. Я же понимаю (льщу себя надеждою, что не я одинъ) религію совсѣмъ не такъ. Религія есть сознаніе тѣхъ истинъ, которыя общи, понятны всѣмъ людямъ, во всѣхъ положеніяхъ, во всѣ времена и несомнѣнны, какъ $2 \times 2 = 4$. Дѣло религіи есть нахожденіе и выраженіе этихъ истинъ и, когда истина эта выражена, то она неизбѣжно измѣняетъ жизнь людей. И потому то, что вы называете схемой—не есть вовсе произвольное утвержденіе кого-нибудь, а есть выраженіе тѣхъ законовъ, которые всегда неизмѣнны и чувствуются всѣми людьми. Дѣло религіи подобно дѣлу геометріи.

Отношеніе катетовъ къ гипотенузѣ всегда было, и люди знали, что есть какое-то, но когда Пиѳагоръ указалъ и доказалъ его, то оно стало достояніемъ всѣхъ. И говорить, что схема нравственности не хороша, п. ч. она исключаетъ другія схемы, все равно, что говорить, что теорема отношенія катетовъ къ гипотенузѣ не хороша, п. ч. она нарушаетъ другія ложныя предположенія.

Оспаривать схему (какъ вы называете), истину (какъ я называю) Христа нельзя тѣмъ, что она не подходитъ въ выдуманной религіи человѣчества и исключаетъ другія схемы (по вашему) ложь (по моему), а ее надо оспаривать, прямо показавъ,

что она не истинна. Религія слагается не изъ набора словъ, которыя могутъ хорошо дѣйствовать на людей, религія слагается изъ простыхъ очевидныхъ, ясныхъ, несомнѣнныхъ нравственныхъ истинъ, которыя выдѣляются изъ хаоса ложныхъ и обманныхъ сужденій, и таковы истины Христа. Если бы я нашелъ такія истины у Каткова, я сейчасъ же бы ихъ принялъ. На этомъ вашемъ непониманіи того, что я, да и всѣ люди религіозные считаютъ религіею и на желаніи поставить на мѣсто этого извѣстную форму пропаганды—зиждется недоразумѣніе» [1]).

Но всѣ эти разногласія не могли измѣнить дружескаго чувства Толстого къ этому искреннему исповѣднику своихъ убѣжденій.

Отъ природы слабаго здоровья, изнуренный трудными пережитыми имъ условіями американской рабочей жизни и до конца жизни остававшійся бѣднымъ, Фрей скончался въ 1889 г. въ Англіи. Л. Н—чу объ этомъ сообщилъ одинъ изъ друзей Фрея; при этомъ былъ посланъ подписной листъ для сбора пожертвованій на памятникъ Фрею. Л. Н—чъ отвѣчалъ этому другу Фрея такимъ письмомъ:

«Благодарю васъ, уважаемая Е. П., за сообщеніе адреса М. Фрей. На памятникъ я посылать денегъ не буду, но хотѣлъ воспользоваться адресомъ, написать ей, прося свѣдѣній о жизни ея мужа, глубоко уважаемаго и горячо любимаго мною человѣка, о которомъ, если буду живъ, напишу, какъ умѣю съ тѣмъ, чтобы познакомить русскихъ людей съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего и не только нашего времени по нравственнымъ качествамъ. До сихъ поръ не было времени, но осенью надѣюсь это сдѣлать, п. ч. это дѣло лежитъ у меня на совѣсти, и я за него возьмусь прежде многаго другого» [2]).

Намъ остается только пожалѣть, что Л. Н—чу не удалось осуществить этого намѣренія.

Да будетъ нашъ краткій очеркъ той лептой, которой и мы пожелали почтить этого истиннаго друга человѣчества.

П. Бирюковъ.

С. Ивановское.
іюль 1908 г.

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Арх. П. П. Б—ва.

Эйльнеръ Моодъ о Л. Н. Толстомъ.

I.

Въ англійской и американской литературѣ существуетъ не мало журнальныхъ статей и отдѣльныхъ изданій, посвященныхъ жизни и дѣятельности Л. Н. Толстого. Къ сожалѣнію, это обиліе только кажущееся, ибо въ сущности и критическія оцѣнки и біографическія свѣдѣнія представляютъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ повторенія, очень часто не свободныя отъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и искаженій. Еще хуже обстоитъ дѣло съ „воспоминаніями" о немъ различныхъ досужихъ англійскихъ и американскихъ туристовъ, обтекающихъ міръ съ бедекеромъ въ рукахъ и относящихъ Толстого къ числу тѣхъ русскихъ „достопримѣчательностей", которыя непремѣнно нужно „осмотрѣть". Такъ, воспоминанія обыкновенно ограничиваются описаніемъ Ясной Поляны, наружности Л. Н. Толстого и членовъ его семьи, затѣмъ нѣсколько реторическихъ фразъ о „великомъ ясно-полянскомъ пророкѣ и учителѣ"—и статья готова.

Среди этихъ шаблонныхъ туристскихъ „воспоминаній" очень выгодно выдѣляется статья Эйльнера Моода, напечатанная въ 1900 г. въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ и вошедшая потомъ въ книгу Моода о Толстомъ [1]). Статья эта носитъ заглавіе „Разговоры съ Толстымъ" (Talks with Tolstoy [2]) и не лишена нѣкотораго интереса для русскихъ читателей, какъ изложеніе взглядовъ Толстого по нѣкоторымъ вопросамъ, сдѣланное человѣкомъ искреннимъ и относящимся съ глубокимъ уваженіемъ къ личности и дѣятельности нашего геніальнаго писателя.

„Около десяти лѣтъ тому назадъ (статья напечатана въ маѣ 1900 г.),—говоритъ г. Моодъ,—мой зять, д-ръ Алексѣевъ, предложилъ мнѣ навѣстить Л. Н. Толстого, который въ то время написалъ предисловіе („Зачѣмъ люди одурманиваются") къ книгѣ д-ра Алексѣева о вредѣ пьянства. Очу-

---

[1]) Tolstoy and Bis Problems. Essays by Aylmer Maude. London. Grant Richards. 1901.

[2]) Ibid., стр. 32—36.

тясь за чайнымъ столомъ какъ разъ напротивъ Толстого, съ произведеніями котораго я въ то время былъ мало знакомъ, я сказалъ, что, насколько мнѣ извѣстно, онъ является противникомъ обогащенія и что меня интересуетъ этотъ вопросъ, такъ какъ я пріѣхалъ въ Россію именно съ цѣлью нажить деньги.

„Это повело къ разговору, который въ то время не повліялъ на мои взгляды. Я чувствовалъ за собой авторитетъ политической экономіи и мнѣ казалось, что разъ я вполнѣ ознакомлюсь съ почвой, на которой стоитъ Толстой, мнѣ не трудно будетъ указать на его основныя ошибки.

„Нашъ разговоръ вскорѣ былъ прерванъ, но когда я уходилъ, Толстой проводилъ меня очень ласково и просилъ навѣстить его опять. Я не спѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ отчасти вслѣдствіе присущей мнѣ застѣнчивости, отчасти думая, что мнѣ не приходится учить Толстого начаткамъ политической экономіи, отчасти будучи увѣреннымъ, что не узнаю отъ него ничего новаго въ этомъ отношеніи.

„Проходили годы, въ теченіе которыхъ мнѣ вспоминался разговоръ съ Толстымъ и хотя торговое дѣло, которымъ я былъ занятъ, процвѣтало, тѣмъ не менѣе тяжесть и безпокойство коммерческой жизни съ ея неустанной конкурренціей отзывались на моихъ нервахъ и здоровьи. Я началъ понимать, что политическая экономія требуетъ приспособленія къ другимъ сторонамъ жизни и началъ со вниманіемъ вчитываться въ позднѣйшія произведенія Толстого.

„Наконецъ, я опять очутился за тѣмъ же чайнымъ столомъ, но теперь я подходилъ къ Толстому съ иными чувствами. Я былъ убѣжденъ, что его ученіе важно и заключаетъ въ себѣ много истиннаго, но... почему онъ самъ живетъ въ такомъ комфортабельномъ домѣ? Почему онъ не осуществляетъ цѣликомъ своего ученія? Вспоминаю со стыдомъ, что, невзирая на присутствіе гостей, я прямо задалъ ему соотвѣтственный вопросъ. Я былъ искрененъ и какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, я позабылъ не только о всякаго рода условной вѣжливости, но и о чувствахъ иныхъ людей. Толстой въ то время не далъ никакого отвѣта на мой вопросъ, но при прощаньи—хотя онъ и не былъ увѣренъ въ моей искренности—онъ опять пригласилъ меня заходить къ нему. На этотъ разъ я не замедлилъ воспользоваться его приглашеніемъ. Наединѣ, въ своемъ кабинетѣ Толстой объяснилъ мнѣ его положеніе (о чемъ я упомянулъ въ моей статьѣ „Л. Толстой“) и съ того времени вплоть до моего отъѣзда изъ Россіи я пользовался всякимъ случаемъ, чтобы получить отъ него указанія и совѣты.

„Я былъ болѣе развитъ въ умственномъ, чѣмъ въ духовномъ отношеніи и вначалѣ былъ болѣе склоненъ обсуждать вопросы внѣшняго ха-

рактера, чѣмъ вопросы внутренней духовной жизни, но обсужденіе однихъ вело и къ другимъ.

„Помню, какъ однажды Толстой, говоря о томъ, что нѣкоторые люди влекутся къ добру дѣятельностью сердца, а другіе—дѣятельностью головы, замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ послѣдній процессъ предпочтительнѣе.

„—Вы можете устать,—замѣтилъ онъ,—и пожелать вернуться назадъ, но когда вы распутали для себя узелъ жизни, вы ясно видите, что нѣтъ пути назадъ и вы должны идти впередъ...

„Въ настоящей статьѣ я стремлюсь лишь сохранить нѣкоторыя obiter dicta. Не будучи сами по себѣ первостепенной важности, они, тѣмъ не менѣе, связаны съ великими задачами жизни и кажутся мнѣ заслуживающими сохраненія.

„Мнѣнія Толстого не являются результатомъ случайныхъ симпатій и антипатій, но связаны его представленіями о значеніи и цѣляхъ жизни. Трудно предвидѣть, что именно онъ скажетъ по данному поводу (даже по вопросамъ, съ которыми я былъ знакомъ, его взгляды часто являлись для меня неожиданностью), но, выслушавъ его мнѣніе, вы убѣждаетесь, что его умозаключенія совпадаютъ съ его воззрѣніемъ на жизнь.

„Когда онъ находится среди симпатизирующихъ ему друзей, связь между его общими взглядами и частнымъ мнѣніемъ по какому-либо обсуждаемому вопросу бываетъ особенно ясно видна, и разговоръ съ ясностью переходитъ къ обсужденію великихъ жизненныхъ задачъ. Онъ будетъ приспособлять разговоръ къ интересамъ слушателей, но съ кѣмъ бы и о чемъ бы онъ ни говорилъ, всякій, знакомый съ его ученіемъ, легко можетъ убѣдиться, что всѣ его мнѣнія являются выводами изъ общей схемы. Литература, искусство, наука, политика, экономика, соціальныя задачи, половой вопросъ и мѣстныя новости—все это въ разговорѣ Толстого не является чѣмъ-то оторваннымъ одно отъ другого, какъ въ умахъ многихъ людей; всѣ эти вопросы разсматриваются имъ какъ части упорядоченнаго цѣлаго.

„Въ хорошей шахматной партіи, когда игрокомъ является экспертъ, имѣется логическая послѣдовательность между ходами, такъ что цѣль самыхъ неожиданныхъ на первый взглядъ coups можетъ быть выяснена, и этимъ игра эксперта отличается отъ обычной обывательской игры въ шахматы, въ которой ходы являются серіями случайностей, управляемыхъ случайными идеями. Подобное же различіе имѣется между разговоромъ человѣка, обладающаго ясной идей о цѣляхъ человѣческой жизни, и разговоромъ людей, имѣющихъ спутанныя понятія по этому вопросу.

„Я не знаю, насколько замѣтна будетъ эта особенность разговоровъ

Толстого въ приводимыхъ ниже отрывкахъ изъ его разговоровъ объ различныхъ авторахъ и книгахъ. На многихъ первое впечатлѣніе разговора съ Толстымъ это—несходство его мнѣній съ мнѣніями другихъ людей, кажущаяся вслѣдствіе этого эксцентричность. Боюсь поэтому, что моя попытка воспроизвести его взгляды на нѣкоторыхъ авторовъ и на нѣкоторыя книги поразитъ читателей скорѣе необычностью (unorthodoxy) этихъ мнѣній, чѣмъ ихъ справедливостью".

II.

Далѣе г. Моодъ переходитъ къ изложенію взглядовъ Толстого на современное положеніе литературы въ Европѣ.

„Беллетристика, по словамъ Толстого, стоитъ и въ Англіи и во Франціи на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ, по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда онъ былъ молодымъ человѣкомъ. Диккенсъ и Викторъ Гюго были тогда въ расцвѣтѣ ихъ творческихъ силъ, а кого же можно теперь поставить на одинъ уровень съ ними? Они вырабатывали сюжеты, имѣвшіе жизненное значеніе, и при томъ обрабатывали ихъ такимъ образомъ, что читатели заражались чувствами авторовъ. Они выражали въ своихъ произведеніяхъ эмоціи сострадания, нѣжности и симпатіи, были заступниками бѣдныхъ и угнетенныхъ, высказывали негодованіе по поводу установившихся золъ въ такой формѣ, что это негодованіе затрагивало сердца читателей.

„Теперешніе писатели, по мнѣнію Толстого, занимаются всякаго рода соціальными проблемами, психологическими изученіями, тщательнымъ копированіемъ природы, этическими и псевдо-научными шарадами, но въ большинствѣ случаевъ они не обладаютъ искусствомъ такимъ образомъ касаться сущности вопроса, чтобы затронуть сердца читателей. Среди современныхъ англійскихъ беллетристовъ, съ произведеніями которыхъ онъ знакомъ, онъ выше всѣхъ ставитъ произведенія М-рсъ Гемфри Іордъ [1]) (Humphrey Ward). Она знаетъ, чего добивается, и не расточаетъ своихъ симпатій и антипатій наудачу.

„Я спросилъ его—говоритъ г. Моодъ,—не чувствуетъ ли онъ большой симпатіи къ повѣсти Оливіу Шрейнеръ „Рядовой Питеръ Галкетъ въ Матоналэндѣ" (Trooper Peter Halket of Marhonāland), несмотря на тѣ страницы, въ которыхъ явившійся Христосъ посылаетъ просьбу къ королевѣ Англіи, прося ея „достойнымъ образомъ *пользоваться ея солдатами*"? Оказалось, что Толстой не читалъ этой повѣсти. Что же касается „Грезъ" (Dreams), то Толстой не былъ высокаго мнѣнія объ

---

[1]) Произведенія М-рсъ Іордъ (племянницы знаменитаго историка Грина) почти всѣ переведены на русскій языкъ. Большинство ихъ помѣщалось въ „Книжкахъ Недѣли" („Отщепенецъ", „Давидъ Грнвъ" и др.).

этомъ сборникѣ. Не нравилось ему главнымъ образомъ, что Оливъ Шрейнеръ касалась нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ, не обладая такимъ яснымъ и твердымъ пониманіемъ ихъ значенія, которое позволило бы ей правильно руководить читателями, привлеченными ея поэтической обработкой сюжетовъ и ея симпатической склонностью ко всему доброму. „Грезы“ Шрейнеръ придутся наиболѣе по вкусу тѣмъ читателямъ, идеи которыхъ отличаются извѣстной опредѣленностью [1]).

„Я подумалъ—замѣчаетъ г. Моодъ,—что, если бы Толстой читалъ „Рядовой Питеръ Галкетъ“, онъ измѣнилъ бы свое мнѣніе о произведеніяхъ Шрейнеръ и поставилъ бы эту книгу наряду съ „Хижиной дяди Тома“, среди, такъ называемыхъ имъ, произведеній „религіознаго искусства“,— т. е. среди книгъ, возбуждающихъ въ читателяхъ чувства, согласованныхъ съ наилучшими пріобрѣтеніями мысли нашей эпохи.

По поводу произведеній Золя Толстой замѣтилъ:

„Мы все толкуемъ о „народѣ“, о его правахъ, о способѣ поднять его уровень и т. д., и вотъ Золя изображаетъ простой народъ (Common people) и показываетъ намъ—глядите на „народъ“, о которомъ вы толкуете!

„Съ другой стороны, реализмъ Золя, поскольку онъ заключается въ фотографированіи массы деталей, вовсе не представляетъ искусства, передающаго одному человѣку чувствованія другого. Человѣкъ долженъ различать между существеннымъ и ничтожнымъ въ жизни, не насыпать цѣлыхъ горъ неперевариныхъ фактовъ—и это въ одинаковой степени относится къ художнику, какъ и къ человѣку.

„Сенкевичъ, по мнѣнію Толстого, всегда удобочитаемъ, но все написанное имъ носитъ католическую окраску. Въ „Quo vadis“ христіане блистаютъ излишней бѣлизной, а язычникъ окрашенъ въ черезчуръ черный цвѣтъ: они должны незамѣтными оттѣнками переходить одни въ другихъ и сливаться, какъ это мы видимъ теперь въ отношеніяхъ между преслѣдуемыми штундистами и православными.

„Откровенность и ясность очень привлекаютъ Толстого. Ошибки и недосмотры яснсосознающаго человѣка могутъ быть болѣе полезны, чѣмъ полу-правды людей, предпочитающихъ оставаться въ неопредѣленности. Во всѣхъ отношеніяхъ и по всякому поводу выраженіе вашихъ мыслей та-

---

1) Большинство произведеній крупной южно-африканской писательницы О. Шрейнеръ были переведены на русскій языкъ. Ея первая повѣсть „Исторія одной африканской фермы“ (Story of an African Farm) была напечатана въ „Вѣст. Иностр. Литер.“; повѣсть „Рядовой П. Галкетъ“ въ 1890 г. была напеч. въ „Сынѣ Отеч.“ (въ переводѣ В. Батуринскаго) и вышла въ изданіи „Посредника“. Ея „Грезы и сновидѣнія“ появились въ изд. „Знанія“ въ переводѣ В. Винеръ.

кимъ образомъ, что васъ не понимаютъ,—плохо. Главный недостатокъ Уота Уитмана (Waet Uhitman) заключается въ томъ, что онъ, несмотря на весь свой энтузіазмъ, не обладаетъ ясной философіей жизни. Относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ жизни онъ стоитъ на распутьи и не указываетъ намъ, по какому пути должно слѣдовать [1]).

„Великая литература возникаетъ при всякомъ великомъ нравственномъ пробужденіи. Возьмите, напр., эманципаціонный періодъ, когда въ Россіи шла борьба за освобожденіе крестьянъ и существовало аболиціонистское движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Посмотрите, какіе писатели появились: Гарріетъ Бичеръ Стоу, Торо, Эмерсонъ, Лоуэлль, Уиттье, Лонгфеллоу, Вилльямъ Ллойдъ Гэррисонъ, Теодоръ Паркеръ и другіе—въ Америкѣ; Достоевскій, Тургеневъ, Герценъ, Гоголь, Некрасовъ, Надсонъ и др.—въ Россіи.—Слѣдовавшій за тѣмъ періодъ, когда люди не понуждали себя къ матеріальнымъ жертвамъ ради нравственныхъ цѣлей, представлялъ бы очень пустынную эпоху, если бы нѣкоторые писатели, воспитавшіеся и сформировавшіеся въ героической періодъ, не продолжали въ литературѣ традиціи этого періода.

„Толстой съ большой похвалой отзывается о произведеніяхъ Мэтью Арнольда, посвященныхъ религіи. Онъ говорилъ, что въ обычной оцѣнкѣ обыкновенно на первый планъ выдвигаютъ поэтическія произведенія Арнольда, вслѣдъ затѣмъ ставятъ его критическія произведенія, а его трудамъ въ области религіи отводятъ послѣднее мѣсто; по его же мнѣнію, при оцѣнкѣ необходимо установить какъ разъ обратный порядокъ. Труды Арнольда, посвященные религіи, представляютъ его наиболѣе важпыя и лучшія произведенія. Насколько вѣрно Толстой схватилъ „обычную оцѣнку“ Арнольда, подтверждается педавно появившейся критико-біографической оцѣнкой Мэтью Арнольда, сдѣланной проф. Сэнтсбюри [2]), въ которой „Литература и Догма“ (Literature and Dogma), „Богъ и Библія“ (God and the Bible), „Комментаріи къ Рождеству“ (A Comment on Crhistuos [3]) и т. д. классифированы, какъ „злополучныя книги“ и, по мнѣнію критика, „никому на нужна религія этого сорта“.

---

[1]) Книжку переводовъ изъ Уитмана со своей вступительной статьей выпустилъ въ 1907 году г. Чуковскій.

[2]) Извѣстный англійскій историкъ литературы. *В. Б.*

[3]) Мэтью Арнольдъ (1822—1888) извѣстенъ въ англійской литературѣ, какъ поэтъ, литературный критикъ и писатель по религіознымъ вопросамъ. Онъ долго былъ школьнымъ инспекторомъ и написалъ нѣсколько работъ по педагогикѣ („Народное образованіе во Франціи“, „Школы и университеты континента“ и др.). Какъ поэта, его ставятъ наряду съ Теннисономъ, Броунингомъ и Россети. Его работы по религіознымъ вопросамъ имѣютъ раціоналистическую окраску, и взгляды его во многомъ совпадаютъ въ этомъ отношеніи со взглядами Л. Н. Толстого. Работы эти, дѣйствительно, не пользуются большимъ вниманіемъ въ Англіи (напр., въ біографич. очеркѣ, посвященномъ Арнольду въ „Enci-

„По мнѣнію Толстого, критическій этюдъ Арнольда, посвященный его собственнымъ, Толстого, произведеніямъ, заключаетъ въ себѣ здравую и справедливую критику. На долю Толстого выпало счастье быть представленнымъ читателямъ въ Англіи и Америкѣ такими „крестными отцами", лучше которыхъ трудно было бы выбрать. Не маловажной заслугой со стороны Мэтью Арнольда и Вилльяма Діана Гоуэлльса [1]) является тотъ сердечный пріемъ, который они много лѣтъ тому назадъ оказали на разныхъ берегахъ Атлантическаго океана автору, взгляды котораго даже теперь очень мало понимаемы нѣкоторыми, высказывающими свое восхищеніе его произведеніями.

„Желая заставить Толстого признать достоинства нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній Арнольда, я отмѣтилъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., „Часовые въ Рогби" (Rugby Chapel), „Другу-республиканцу" (To a Republican Friend), „Божественность" (Divimty), „Прогрессъ" (Progress), „Революція" (Revolution), и „Нравственность" (Morality) и послалъ книгу Толстому. Онъ, спустя нѣсколько дней, возвратилъ мнѣ стихотворенія Арнольда и замѣтилъ, что они очень хороши, но... „какая жалость, что они не написаны стихами".

„Вообще, Толстому очень трудно понравиться въ области поэзіи. Зачѣмъ,—спрашиваетъ онъ,—нужно людямъ затемнять ясное выраженіе ихъ мыслей, прибѣгая къ такому стилю, который заставляетъ ихъ выбирать не тѣ слова, которыя наилучше выражаютъ мысли, а тѣ, которыя наиболѣе пригодны для риѳмы и скандировки? Если то, что мы желаемъ выразить, можно высказать въ трехъ словахъ, зачѣмъ употреблять пять? Или же, если нужно для большой ясности прибавить два—три слова, зачѣмъ избѣгать ихъ? Люди писали цѣлыя вещи стихами, но въ большинствѣ случаевъ они еще лучше могли бы выразить ихъ въ прозѣ. А какая масса безполезнаго хлама находится въ обращеніи лишь благодаря искусству выраженія!

---

clopedya Mitannica", о нихъ лишь мелькомъ упоминается); но это объясняется промежуточнымъ положеніемъ, занятымъ Арнольдомъ въ области религіи. Онъ жилъ и работалъ въ переходную эпоху, и его этико-религіозные взгляды для однихъ недостаточно ортодоксальны, а для другихъ лишены строго-научной обосновки, часто замѣняемой призывомъ къ „чувству". *В. Б.*

[1]) Вилльямъ Діанъ Гоуэлльсъ (род. 1837)—извѣстный американскій беллетристъ, считающійся однимъ изъ лучшихъ представителей реалистической школы въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Россіи онъ почти неизвѣстенъ и, если мы не ошибаемся, по-русски былъ переведенъ (въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ") лишь одинъ—правда, лучшій—его романъ „Въ невѣдомой странѣ" („An undiscovered outry"). Романъ этотъ, какъ намъ сообщали, былъ переведенъ по рекомендаціи Л. Н. Толстого и представляетъ очень яркое описаніе жизни въ коммунистической общинѣ американской религіозной секты шакеровъ, очень сочувственно относящихся въ общемъ къ ученію Л. Н. Толстого. *В. Б.*

„Аналогичныхъ взглядовъ онъ держится и относительно краснорѣчія. Однажды одинъ изъ его гостей говорилъ объ обоятельности краснорѣчія.

„—О, да,—замѣтилъ Толстой,—но какой это *опасный* даръ,—и вслѣдъ затѣмъ онъ разсказалъ, какъ ему пришлось слышать рѣчь знаменитаго адвоката и какъ трудно было ему охранить ясность собственнаго сужденія отъ вліянія наемнаго краснорѣчія юриста.

„Толстой—черезчуръ правдивъ, чтобы не высказывать своего истиннаго мнѣнія о литературныхъ произведеніяхъ авторовъ, обращающихся къ нему за оцѣнкой или совѣтомъ; но въ то же время онъ старается не обидѣть ихъ. Такъ какъ требованіе его и по отношенію къ самому себѣ, и по отношенію къ другимъ очень высоки, ему нерѣдко приходится попадать въ затруднительныя положенія.

„Я помню, какъ однажды онъ пришелъ къ вечернему чаю на открытомъ воздухѣ въ Ясной Полянѣ и разсказалъ намъ, что у насъ былъ посѣтитель, старый отставной чиновникъ, который показывалъ ему длинную поэму. Толстой попросилъ его прочесть вслухъ нѣсколько стиховъ изъ этого произведенія и, прослушавъ ихъ, несмотря на боязнь вызвать гнѣвъ старика, принужденъ былъ сказать ему, что его поэма представляетъ страшный вздоръ. И, дѣйствительно, судя по отрывкамъ, которые со смѣхомъ Толстой процитировалъ намъ, поэма была необычайно плоха. Къ счастью, посѣтитель оказался однимъ изъ добродушнѣйшихъ въ мірѣ людей и лишь замѣтилъ:

„— Не можетъ быть! Я вѣдь десять лѣтъ сочинялъ ее и былъ увѣренъ, что она хороша!—и вслѣдъ затѣмъ распрощался съ Толстымъ.

„Я спросилъ однажды Толстого, чѣмъ онъ объясняетъ то доминирующее положеніе среди авторовъ, которое отводится Шекспиру въ Россіи и другихъ странахъ. Онъ сказалъ, что, по его мнѣнію, объясненіе лежитъ въ томъ, что „культурная толпа“, которой нравятся подобныя произведенія, не обладаетъ ясной идеей о цѣляхъ и назначеніи жизни. Поэтому эта толпа можетъ съ такой готовностью и такъ искренно восхищаться авторомъ, подобнымъ ей самой, т. е. не обладающимъ центральнымъ штандпунктомъ, съ высоты котораго можно было бы измѣрить отношенія ко всему. Шекспиръ обязанъ своей громадной извѣстностью тому факту, что онъ былъ великимъ художникомъ, обладающимъ разнообразіемъ таланта; но, помимо этого, наравнѣ со своими обожателями страдаетъ величайшей слабостью—онъ не нашелъ отвѣта на вопросъ: для чего мы живемъ? [1])

---

[1]) Интересно сравнить съ этимъ отзывъ Л. Н. Толстого о Шекспирѣ, относящійся къ 1884 г. „Л. Н. Толстой однажды сказалъ при насъ, что совсѣмъ не любитъ Шекспира, что въ молодости онъ это скрывалъ, а теперь го-

„Переходъ отъ Шекспира къ „Review of Reviews“ [1]), пожалуй, рѣзокъ, но то же представленіе Толстого о необходимости для людей руководства (и о возможности подобнаго хорошаго руководительства, на подобіе даннаго Сократомъ, Лао-Тзе, Буддой и другими, болѣе знакомыми намъ моралистами, если только мы готовы слушать и концентрировать наше вниманіе, главнымъ образомъ, на дѣйствительно важномъ) лежитъ въ основѣ его взгляда на этотъ журналъ. Должно принять во вниманіе, что Толстой не сравнивалъ „Review of Reviews“ съ другими періодическими изданіями, но скорѣе противополагалъ его тому, что онъ находилъ необходимымъ въ текущей литературѣ. Одинъ посѣтитель замѣтилъ, что „Review of Reviews“ (книжка котораго случайно лежала на столѣ) всегда причиняетъ ему головную боль, и Толстой сказалъ, что подобное же вліяніе оказываетъ чтеніе этого журнала и на него, хотя онъ и не сообразилъ этого, пока не услышалъ вышеприведеннаго замѣчанія. Каша фактовъ и мнѣній всякаго рода, не координированныхъ какой-либо послѣдовательно развивающейся центральной идеей, причиняетъ умственное утомленіе. Даже читая оригинальныя статьи этого журнала, что дѣлать читателю съ этой смѣсью патріотизма и христіанства, текущихъ въ различныя стороны, но разсматриваемыхъ редакторомъ каждая въ отдѣльности, какъ нѣчто доброе? Какъ примирить любовь къ свободѣ и восхваленіе самодержцевъ? Любовь къ миру и желаніе видѣть карту Африки окрашенной въ красный цвѣтъ? и т. д.

„В. Стэдъ говоритъ о существованіи двухъ патріотизмовъ: плохого, который онъ называетъ джингоизмомъ, и хорошаго; но онъ никогда не опредѣляетъ каждаго изъ нихъ такимъ образомъ, чтобы было ясно, когда нарушается справедливость. Всякій патріотизмъ (т. е. предумышленное предпочтеніе *нашей родной* страны) заставлялъ насъ быть завистливыми и подозрительными по отношенію къ людямъ другихъ націй, или стремиться причинить имъ вредъ, тѣмъ самымъ является зломъ.

„Конечно, этого рода сужденіе примѣнимо къ большинству журналистики, и Толстой рѣшительно настаиваетъ на необходимости предпочтенія книгъ предъ эфемерной литературой. Я слышалъ, какъ Толстой, показывая экземпляръ брошюры Стэда „Война противъ войны“ (War agaiust War),

---

воритъ; что ему не нравится полная объективность Шекспира, что его трагедіи нравственныхъ основъ не имѣютъ и, кромѣ сказки, ничего ему не даютъ“. (В. Стасовъ „Н. Н. Ге“, біографич. очеркъ. „Книжки Недѣли“, 1897, № 6).

В. Б.

[1]) Ежемѣсячный журналъ (представляющій болѣе или менѣе систематизированныя выдержки изъ англійскихъ, американскихъ и европейскихъ журналовъ), издаваемый извѣстнымъ англійскимъ публицистомъ В. Стэдомъ и пользующійся громаднымъ распространеніемъ въ Англіи.

В. Б.

говорилъ о ней съ одобреніемъ, замѣтивъ, что, хоть у него не было времени прочесть ее съ должнымъ вниманіемъ, все же онъ можетъ сказать, что брошюра является попыткой въ настоящемъ направленіи.

„Говоря о крестовомъ походѣ, вызванномъ статьей Стэда „Дѣвичьи жертвоприношенія современнаго Вавилона“, [1]) я упомянулъ, что многіе осуждали Стэда за приданіе широкой гласности, но, что, поскольку можно оцѣнивать подобнаго рода эпизоды, достигнутое добро перевѣшиваетъ причиняемый гласностью вредъ: злосчастія, которыя приходится переносить нѣкоторымъ женщинамъ, заслуживаютъ вниманія и съ ними должны ознакомиться всѣ, если гласность является средствомъ къ уничтоженію зла. Толстой выслушалъ меня до конца, поглядѣлъ на меня и спросилъ:

„—Значитъ, вы одобряете и обманъ, практиковавшійся при собираніи свѣдѣній и заманиваніи дѣвушекъ?

„Не будучи въ состояніи защищать принципъ „цѣль оправдываетъ средства“, мнѣ не оставалось ничего иного въ отвѣтъ на этотъ простой вопросъ, какъ лишь прекратить мою защиту нѣкоторыхъ сторонъ этого „крестоваго похода“, предпринятаго Стэдомъ.

„Вообще Толстой обладаетъ замѣчательной способностью дѣлать совершенно ясныя по смыслу замѣчанія, которыя остаются въ умѣ слушателя и дѣлаютъ для него невозможнымъ оставаться при прежнемъ мнѣніи по данному вопросу.

III.

Значительную часть своей статьи г. Моодъ отводитъ „регистраціи“ мнѣній Л. Н. Толстого по различнымъ соціальнымъ вопросамъ.

„Особенно нравится Толстому,—говоритъ г. Моодъ,—компиляція, носящая названіе „Рабочаго календаря“ (Labour Annual), издаваемая Бтозефомъ Эдуардсомъ и дающая свѣдѣнія о различнаго рода „передовыхъ“ движеніяхъ. Я подозрѣваю, что нѣкоторыя изъ этихъ движеній выглядятъ болѣе внушительно на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительной жизни, и что нѣкоторыя „передовыя“ группы, при ближайшемъ ознакомленіи, поразили бы Толстого своей устарѣлостью въ области мнѣній. Но, во всякомъ случаѣ, подчеркиваніе, дѣлаемое подобной работой, того факта, что наша система землевладѣнія и фабричнаго производства является не болѣе конечнымъ

---

[1]) В. Стэдъ, стремясь остановить постыдную торговлю несовершеннолѣтними дѣвушками, которыхъ покупали богатые англійскіе и континетальные аристократы (между ними и Бельгійскій король), выступилъ въ роли „покупателя“, увѣдомивъ объ этомъ заранѣе полицію, и былъ судимъ и приговоренъ къ минимальному наказанію. Цѣлью его было создать процессъ, во время котораго онъ сдѣлалъ свои разоблаченія.

В. Б.

фазисомъ развитія, чѣмъ были рабство и феодализмъ, очень ободрительно дѣйствуетъ на реформатора, окружающая котораго обстановка производитъ, по наружному виду, впечатлѣніе гнилого застоя.

„Но тѣмъ же причинамъ Толстой былъ обрадованъ громаднымъ распространеніемъ книги Роберта Блэтфорда, „Веселая Англія“ (Merry England [1]), хотя онъ и не былъ вполнѣ согласенъ съ ея содержаніемъ.

„Къ соціализму школы Карла Маркса и теоріи, утверждающей, что судьба предопредѣлила, чтобы контроль надъ орудіями производства сосредоточивался все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ рукъ, прежде чѣмъ наступитъ улучшеніе положенія массъ, Толстой относится со столь же малымъ уваженіемъ, какъ и къ закону Мальтуса. Подобнаго рода попытки—опредѣлить и объявить, въ качествѣ конечныхъ и неизмѣнныхъ, нѣкоторые „законы человѣческой природы“, открытые не субъективно—путемъ изученія человѣческаго сердца, но лишь путемъ внѣшняго наблюденія, не вызываютъ одобренія Толстого. Въ особенности онъ протестуетъ противъ того требованія, что мы должны приноравливать наши дѣйствія къ подобнымъ воображаемымъ законамъ и подчинять этимъ законамъ ту нравственную совѣстливость, которая является частью нашего внутренняго сознанія. Люди, сознающіе, что наши соціальныя условія—плохи и въ то же время не желающіе измѣнить свой образъ жизни или признать, что они поступаютъ скверно, охотно пользуются подобнаго рода „научными законами“ для самозащиты. Они говорятъ: „положеніе плохо; но это—Божья вина и такое положеніе неизбѣжно. Если мы будемъ поступать согласно указаніямъ совѣсти, ничего хорошаго изъ этого не получится. Единственный разумный путь это продолжать жизнь попрежнему, идя по направленію, которое вызвало всѣ эти ложныя соціальныя условія, пока, наконецъ, соціалъ-демократія не реорганизируетъ общества путемъ парламентскаго большинства“. Многіе церковники говорятъ нѣчто подобное: они лишь предлагаютъ намъ ждать наступленіе „тысячелѣтняго Царства Божія“ вмѣсто соціалъ-демократическаго парламентскаго большинства. Въ противоположеніе подобнымъ взглядамъ, Толстой держится того мнѣнія, что если мы пожелаемъ познать волю Божію и быть Его соработниками, для насъ открытъ лишь одинъ путь—быть настолько *хорошими*, насколько это въ нашихъ силахъ. Если бы мы всѣ поступали подобнымъ образомъ, собственность и средства производства *не* скоплялись бы въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ рукъ, люди не принуждены были бы рождаться на подобіе кроликовъ въ зависимости отъ количества пищи и намъ не приходилось бы дожидаться внѣшняго

---

[1]) Блэтфордъ,—крупный англійскій соціалистъ, редакторъ пользующейся большимъ распространеніемъ соціальной газеты „Clarion“.

В. Б.

осуществленія Царства Божія, которое должно проявиться внутри насъ раньше, чѣмъ оно можетъ привиться извнѣ.

„Не будучи лично знакомъ съ П. А. Кропоткинымъ, Толстой имѣетъ очень высокое мнѣніе о немъ, считая его честнымъ и искреннимъ, достойнымъ глубокого уваженія работникомъ въ дѣлѣ созиданія братства людей и человѣкомъ крупнаго таланта. Но Толстой не останавливается предъ указаніемъ слабыхъ сторонъ даже въ людяхъ, переносящихъ страданія ради дѣла свободы, и онъ очень сожалѣетъ, что Кропоткинъ не высказывается съ рѣшительностью противъ всякаго рода насилія—будетъ ли послѣднее направлено противъ правительствъ или употреблено правительствами. Онъ думаетъ, что ошибочное чувство наклонности по отношенію къ товарищамъ и традиціямъ юности удерживаетъ Кропоткина въ рядахъ людей, оправдывающихъ или извиняющихъ методъ физическаго насилія.

„— Онъ вѣдь долженъ видѣть, что, извиняя насиліе, онъ подрываетъ почву у себя подъ ногами,—говоритъ Толстой.

„Если бы теперешняя борьба въ Россіи,—говоритъ Толстой,—велась между людьми, стоящими у власти и пытающимися осуществить свою волю путемъ насилія, и реформаторами, проповѣдывающими и дѣлающими, по ихъ мнѣнію, справедливое дѣло, отрицая насиліе, то симпатіи всякаго хорошаго человѣка были бы направлены противъ правительства. Но употребляя силу и оправдывая это употребленіе, анархистъ затемняетъ положеніе дѣлъ и заставляетъ людей выбирать между двумя группами людей, каждая изъ которыхъ ругаетъ другую, причемъ каждая утверждаетъ, что справедливо убивать „нѣкоторыхъ“ людей и употреблять насиліе „иногда“. Вслѣдствіе этого многіе колеблются въ своихъ симпатіяхъ къ каждой изъ этихъ группъ.

„Относительно работы Кропоткина „La Conquête du Pain“ Толстой говоритъ, что та часть книги, которая касается современнаго базиса продукціи и распредѣленія,—хороша; въ равной степени хорошо и объясненіе удобствъ устройства общества на болѣе братскихъ началахъ. Но Кропоткинъ не поясняетъ, какимъ образомъ совершится *переходъ* отъ стараго къ новому порядку вещей. Онъ не наступитъ постепенно, какъ результатъ измѣненія нашихъ воззрѣній, характеровъ и цѣлей, но будетъ введенъ революціей, противъ которой часть общества будетъ протестовать. Какъ это будетъ достигнуто? При помощи насилія! Но употребленіе насилія вызываетъ ненависть и стремленіе къ отомщенію. Такимъ образомъ, анархисты-коммунисты, силой опрокинувъ существующій общественный строй, должны будутъ ограждать себя отъ попытокъ возстановленія его путемъ новаго насилія; значитъ, появятся снова люди, управляющіе другими людьми не путемъ ихъ убѣжденія, а путемъ принужденія.

„Толстой внимательно слѣдитъ за литературными работами на ино-

странныхъ языкахъ (въ особенности предпочитая краткія, отличающіяся ясностью изложенія и оригинальностью), которыя годились бы для перевода на русскій языкъ. Часто выбранныя имъ произведенія не пропускались русской цензурой; но въ такихъ случаяхъ съ перевода дѣлается нѣсколько копій на пишущей машинѣ, и работа обращается среди читателей въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, сохраняясь, такимъ образомъ, отъ опасности быть всецѣло уничтоженной полиціей (которая часто обыскиваетъ помѣщенія лицъ, подозрѣваемыхъ въ пропагандѣ идей Толстого). Кромѣ того, она готова для напечатанія, когда наступитъ день ослабленія цензурнаго гнета. Несмотря на дѣятельность тайной полиціи, слѣдящей за друзьями Толстого, арестующей ихъ бумаги и высылающей толстовцевъ изъ центральныхъ губерній, работы, рекомендуемыя Толстымъ для перевода, обыкновенно тотчасъ же переводятся. Такъ было, по крайней мѣрѣ, съ нижеперечисленными произведеніями.

„Анатомія Нищеты“ (Anatomy of Misery), написанная Д. Кенворти и представляющая небольшую брошюру политико-экономическаго характера, очень понравилась Толстому своей краткостью, ясностью изложенія и систематичностью, съ которыми авторъ обнажилъ самые корни трактуемаго вопроса. Но, по мнѣнію Толстого, дальнѣйшія произведенія этого автора, несмотря на такія хорошія качества, уступаютъ вышепоименованной его брошюрѣ.

„Лучшимъ изъ произведеній Торо Толстой считаетъ его „Этюдъ о гражданскомъ неповиновеніи“ (Essay on Civil Disobedience). Великая заслуга автора этого этюда заключается въ томъ, что онъ съ большой ясностью указалъ на права человѣка отвергать и отказываться какимъ-либо образомъ поддерживать правительство, которое поступаетъ безнравственно. Штатъ Массачузетсъ потворствовалъ поддержкѣ рабства. Торо не чувствовалъ никакой склонности къ занятіямъ политическими вопросами, но онъ въ равной степени не чувствовалъ склонности поддерживать правительство, которое онъ осуждалъ. Вслѣдствіе этого онъ, отказываясь отъ платежа поголовнаго налога (poll-tax), далъ арестовать себя и написалъ „Этюдъ о гражданскомъ неповиновеніи“, который можетъ служить источникомъ могущественнаго протеста противъ войны и другихъ золъ, насильно навлекаемыхъ правительствомъ. Ни произведеніе Торо, ни брошюра Кенворти не могли быть напечатаны въ русскомъ переводѣ.

„Среди другихъ книгъ, переведенныхъ по совѣту и съ одобренія Толстого, упомяну о слѣдующихъ: Морлея „О компромиссѣ“ [1]), Саббатье

---

[1]) Кажется, что Моодъ въ этомъ случаѣ ошибается. Переводъ книги Морлея „О компромиссѣ“, сдѣланный М. К. Цебриковой, появился еще въ концѣ 70-хъ годовъ (въ изданіи Солдатенкова) и былъ предпринятъ помимо совѣта Толстого. В. Б.

„Vie de S. Trangoise d'Assise", нѣкоторые разсказы Мопассана и отрывки изъ дневника Анiеля Journal intime (отрывки эти были переведены графиней М. Льв. Толстой, дочерью Льва Николаевича, въ замужествѣ княгиней Оболенской). Для послѣдней изъ упомянутыхъ нами работъ Толстой написалъ имѣющее важное значенiе предисловiе; такимъ же предисловiемъ снабженъ переводъ „Этики пищи" (The Ethics of Diet) Гоуарда Вилльямса; краткое предисловiе Толстого сопровождаетъ переводъ „Токологiи" (Tokology) д-ра Элисъ Стокгемъ. Произведенiемъ, переводъ котораго (Вѣрой Джонсмонъ) хотя и не былъ сдѣланъ по его внушенiю, но вызвалъ его горячее одобренiе, были философскiя произведенiя Шанкаракарiи [1]), недавно Толстой рекомендовалъ для перевода работу Оллена Кларка „Послѣдствiя фабричной системы" (Effects of the Factory System), которая очень ему понравилась.

„Кромѣ книги Гоуарда Вилльямса, по совѣту и съ одобренiя Толстого, были переведены и другiя книги о вегетарiанизмѣ, какъ, напр., Солта (H. Salt) „Гуманитаризмъ, его принципы и прогрессъ (Humanitarianism its Principles and Progress) и его же „Мясо или фруктъ" (Flesh ov Fruit); д-ра Энни Кингсфордъ „Научный базисъ вегетарiанизма" (Scientific Basis of Vegetarianism).

„Вспоминаю, какъ онъ разсказывалъ мнѣ о молодомъ англичанинѣ, посѣтившемъ Ясную Поляну и бывшемъ, по его словамъ, единственнымъ вегетарiанцемъ въ семьѣ.

— Не бываетъ ли у васъ въ семьѣ по этому поводу шкваловъ?— спросилъ его Толстой.

— Шквалы!—воскликнулъ молодой англичанинъ—у насъ бываютъ ураганы!

— Такъ и должно быть, замѣтилъ по этому поводу Толстой, который не вѣрилъ въ то, что мы должны скрывать наши свѣтильники подъ спудомъ или допускать, чтобы соцiальные предразсудки мѣшали внѣшнимъ проявленiямъ нашей вѣры. Но все же Толстой, по мѣрѣ того, какъ онъ старѣетъ, видимо смягчается, хотя его пламенная приверженность къ реформамъ не охладѣваетъ; онъ научился признавать—и это не легко далось ему,—что „кроткiе наслѣдятъ землю" и что для того, чтобы достигнуть наилучшихъ результатовъ при ограниченности дарованныхъ намъ силъ, мы должны по возможности избѣгать столкновенiй.

„Современная Наука" (Modern Science), представляющая одинъ изъ

---

[1]) Вѣроятно, Моодъ имѣетъ въ виду ученiе древняго индiйскаго мудреца Шанкар—Агарiи (Shankar Acharya).

В. Б.

этюдовъ въ книгѣ Эдуарда Карпентера [1]) „Цивилизація: ея источникъ и ея врачеваніе“ (Civilisation: tis Cause and Cure) было напечатано въ Россіи съ предисловіемъ Толстого. Въ этомъ эпизодѣ былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: Имѣютъ ли дѣло люди науки, изслѣдуя природу, съ абсолютной истинной, „фактами“ и достигаютъ ли сущности вещей? Или же они лишь изучаютъ отношеніе феноменовъ къ нашимъ воспріятіямъ? Толстой соглашается съ Карпентеромъ, что мы не должны надѣяться „объяснить человѣка при помощи механики“, что мы можемъ знать о природѣ лишь ея отношеніе къ намъ самимъ. Толстой соглашается также съ тѣмъ, что говоритъ Карпентеръ о существующихъ соціальныхъ условіяхъ и съ его замѣчаніемъ, что „прогрессъ цивиливаціи“ всегда велъ (какъ въ Египтѣ, Греціи и Римѣ) постепенно къ совершенному распаду и что не имѣется достаточныхъ основаній для предположенія, что нашъ современный „прогрессъ“ въ Европѣ и Америкѣ не поведетъ къ тому же.

„— Не понимаю,—замѣчаетъ по этому поводу Толстой,—какъ я самъ не пришелъ къ этой мысли, она—очевидность.

„Но относительно полового вопроса Толстой и Карпентеръ представляютъ два различные полюса мысли.

„Оба они согласны въ томъ, что серьезное обсужденіе этого вопроса заминается, особливо въ Англіи и Америкѣ, что ни одинъ вопросъ не затемненъ до такой степени ложными условностями и что результатомъ всей этой лжи и укрывательства является крупное зло. Но на этомъ и заканчивается ихъ согласіе.

„Толстой скажетъ, что направленіе, по которому долженъ идти истинный прогрессъ, ясно различимо не только „въ твоихъ устахъ и въ твоемъ сердцѣ“, но и въ ученіяхъ всѣхъ великихъ пророковъ и религіозныхъ вождей человѣчества. Одна сторона твоей природы (такъ какъ ты и животное) будетъ тянуть тебя по одному пути. Другая сторона твоей природы (ибо ты божественнаго происхожденія и сознаешь идеалъ) потянетъ тебя по другому пути. Добродѣтелью, къ которой должно стремиться, является цѣломудріе. Основатели всѣхъ великихъ религій признавали это положеніе молчаливо и частично, если не цѣликомъ, и совершенно открыто. Тѣ изъ нихъ, которые дали опредѣленныя правила поведенія провели черту, не отдаляющуюся отъ идеала цѣломудрія, но скорѣе болѣе приближающуюся къ нему, чѣмъ это было въ обычаѣ въ ихъ эпоху и въ ихъ странѣ. Полигамія является несомнѣнно шагомъ впередъ по сравненію съ предшествовавшимъ ей положе-

[1]) Эдуардъ Карпентеръ — извѣстный современный англійскій писатель по вопросамъ философіи и этики; авторъ многихъ стихотвореній, обличающихъ недюжинный талантъ, хотя и отражающихъ сильное вліяніе Уита Уотмана.

В. Б.

ніемъ вещей, но даже строгая моногамія не разрѣшаетъ всѣхъ затрудненій, не достигаетъ наивысшаго пункта чистоты, доступной разумѣнію человѣка.

„По взглядамъ Карпентера, цѣломудріе вовсе не представляетъ добродѣтели. Судя по тому, что было имъ написано по этому поводу, людямъ не возможно дать никакого указанія въ этомъ вопросѣ, путемъ ли указазанія идеала, къ которому должно стремиться, или указанія опредѣленныхъ правилъ поведенія. Люди должны производить сами „эксперименты", за свой страхъ. Какимъ образомъ вести себя въ этомъ отношеніи людямъ „за неимѣніемъ болѣе точныхъ физіологическихъ познаній, чѣмъ какими мы обладаемъ теперь, является вопросомъ, разрѣшеніе котораго представляется здравомыслію и добрымъ чувствамъ заинтересованныхъ",—говоритъ Карпентеръ. Такимъ образомъ, бѣдному человѣчеству приходится блуждать въ пустынѣ недоумѣнія, пока учителя физіологіи не укажутъ ему путь, который не могли найти учителя нравственности.

„По поводу романа Грэнъ Аллена „Женщина, которая осмѣлилась" Толстой замѣтилъ, что, если авторъ желалъ показать намъ, какъ его теорія будетъ примѣняться въ дѣйствительной жизни, онъ не долженъ былъ убивать героя такъ рано. Недоразумѣнія возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ половомъ союзѣ одинъ желаетъ измѣнить, а другой желаетъ остаться попрежнему вѣрнымъ—но если вы убьете одного изъ нихъ, вы такимъ образомъ ускользнете отъ разрѣшенія задачи. Что же касается теоріи, согласно которой женщина должна быть свободна въ выборѣ отца ея будущаго ребенка, съ цѣлью произведенія „наилучшаго" потомка, то Толстой замѣтилъ мнѣ по этому поводу:

„— Если дѣло идетъ о размноженіи лошадей—теорія эта прекрасна. Въ этомъ случаѣ вы можете имѣть вполнѣ опредѣленную идею о желательной для васъ лошади: точеныя копыта, тонкія ноги, широкая грудь, извѣстная форма спины и бедеръ, головы и т. д., но вы не можете имѣть столь же опредѣленной идеи о ребенкѣ, котораго вы желаете произвесть—долженъ ли онъ быть Шекспиромъ, Паскалемъ, Платономъ или мученикомъ?

„Писатель, къ которому Толстой относится съ очень большой симпатіей, это—Генри Джорджъ. Какъ по содержанію, такъ и по формѣ произведенія Джорджа „Соціальныя Задачи" (Social Problems) и „Прогрессъ и бѣдность" очень нравятся ему. Къ первой половинѣ XIX столѣтія великимъ вопросомъ въ Россіи являлось уничтоженіе крѣпостного права, а въ Соединенныхъ Штатахъ—уничтоженіе рабства негровъ. Наступающимъ „великимъ вопросомъ" является освобожденіе земли. Генри Джорджъ обратилъ общее вниманіе къ этой задачѣ; онъ не только разработалъ его съ ясностью, оригинальностью и убѣдительной аргументаціей, но и далъ практическую схему для его разрѣшенія при существующихъ политическихъ условіяхъ,

при чемъ эта схема кажется Толстому наилучшей изъ предложенныхъ и вполнѣ осуществимой.

„Въ данномъ случаѣ,—замѣчаетъ г. Моодъ,—мы на первый взглядъ какъ бы наталкиваемся на странное противорѣчіе. Толстой является противникомъ употребленія насилія надъ людьми. Ни императоръ, ни правительство, выбранное большинствомъ, не имѣетъ права, по его мнѣнію, казнить кого-либо или заточить въ тюрьму. Толстой—мирный анархистъ. И въ то же время онъ въ восхищеніи отъ Генри Джорджа, система котораго предполагаетъ существованіе правительства, насильственно налагающаго рѣшенія большинства на меньшинство, которое можетъ съ недовольствомъ относиться къ подобнымъ рѣшеніямъ; болѣе того, онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ бы введеніе въ Россіи единаго поземельнаго налога (Sinple Tax).

„Но это противорѣчіе допускаетъ объясненіе. Предположимъ, что человѣкъ, живущій въ Квебенѣ, рѣшилъ отправиться возможно скорѣе на островъ Ванкувера и поселиться тамъ. Онъ встрѣчается съ другимъ человѣкомъ, знающимъ какъ можно наилучше и возможно скорѣе достигнуть Монтреаля. Первый человѣкъ присоединяется ко второму и, убѣдившись, что Монтреаль является ближайшимъ пунктомъ на пути къ острову Ванкувера, онъ выказываетъ живѣйшій интересъ къ приготовленіямъ сотоварища по путешествію, сердечно восхищаясь его искусствомъ въ упаковкѣ вещей и подготовленію къ путешествію, хотя все время онъ самъ стремится къ острову Ванкувера и лично придаетъ очень мало цѣны городамъ и желѣзнымъ дорогамъ.

„— Разъ большинство людей все еще вѣритъ въ правительства и законодательство—пусть они, по крайней мѣрѣ, обзаведутся хорошими законами,—говоритъ Толстой.

„Однажды онъ спросилъ меня, когда я возвратился изъ кратковременной поѣздки въ Англію, объ успѣхахъ движенія въ пользу введенія единаго поземельнаго налога (Sinple Tax).

„Я отвѣтилъ, что это—незначительное движеніе, не имѣющее большого успѣха.

„— Чѣмъ же объяснить это? Вѣдь вопросъ этотъ громадной важности,—замѣтилъ онъ.

„Я сказалъ, что, по моему мнѣнію, большинство англичанъ черезчуръ консервативно для воспріятія этой теоріи, а соціалисты и другія передовыя партіи опередили Генри Джорджа и смотрятъ на частное владѣніе собственностью, какъ на зло.

„— Какъ жаль,—замѣтилъ Толстой,—если консерваторы черезчуръ

консервативны, чтобы воспріять эту теорію, а передовыя партіи ушли дальше—кто же выполнитъ эту настоятельно необходимую работу.

„Говоря по тому же поводу, Толстой замѣтилъ, что нѣкоторые люди рождаются одаренные способностями и вмѣстѣ съ тѣмъ *ограниченіями*, которыя позволяютъ имъ концентрировать ихъ силы на какомъ-либо одномъ предметѣ, требующемъ вниманія видѣть все, относящееся къ нему, не замѣчая въ то же время ничего иного, могущаго направить ихъ энергію въ иную сторону. Таковъ былъ Кобданъ въ борьбѣ за свободу торговли и Генри Джорджъ въ его стремленіи разъяснить земельный вопросъ. Богъ также нуждается въ подобныхъ работникахъ, какъ и въ людяхъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ.

„Помимо болѣе извѣстныхъ и важныхъ работъ Г. Джорджа, Толстой любитъ указывать на его тщательное изслѣдованіе перемѣны взглядовъ Спенсера по земельному вопросу, сдѣланное въ брошюрѣ Джорджа „Запутавшійся философъ" (A Perplexad Philosophev). На вопросъ, изучалъ ли онъ внимательно многотомныя сочиненія Герберта Спенсера, Толстой отвѣтилъ:

„— Я принимался за эту работу много разъ, но это всегда производило на меня впечатлѣніе какъ будто я жую мякину.

„Основное различіе взглядовъ Спенсера и Толстого лежитъ въ томъ, на что я уже указывалъ и что часто окрашиваетъ мысли Толстого. Для Герберта Спенсера и его школы (хотя онъ и протестуетъ противъ наименованія его матеріалистомъ) *реальными* вещами являются внѣшніе феномены, наблюдаемые при посредствѣ нашихъ чувствъ. Онъ ссылается на нихъ для объясненія всего, даже для объясненія нашего субъективнаго сознанія нравственнаго закона. Для Толстого же это сознаніе представляетъ наиболѣе вѣрное и основное ощущеніе, какимъ мы обладаемъ. То обстоятельство, что мы различаемъ разницу между добромъ и зломъ, представляетъ отправной пунктъ всего мышленія и дѣятельности.

„Добро,—говоритъ Толстой,—въ дѣйствительности представляетъ основное метафизическое понятіе, которое составляетъ сущность нашего сознанія; понятіе это не можетъ быть опредѣлено разсудкомъ; оно не можетъ быть опредѣлено ничѣмъ и въ то же время само опредѣляетъ все; это наивысшая, вѣчная цѣль жизни. Каково бы ни было наше пониманіе добра, наша жизнь представляетъ лишь стремленіе по направленію къ добру, т. е. Богу. Добро это то, что мы называемъ Богомъ".

„Но въ то же время Толстой охотно признаетъ сильныя стороны синтетической философіи. Наши чувства знакомятъ насъ съ внѣшними феноменами, и наши представленія о феноменахъ подчинены опредѣленнымъ законамъ, могущимъ быть изслѣдованными. И пока мы не забываемъ, что

мы занимаемся лишь изслѣдованіемъ отношенія нашихъ представленій къ феноменамъ, подобное изслѣдованіе законно, и матеріалистическая философія можетъ давать прекрасные, солидные результаты.

„Въ „Что такое искусство?“ Толстой суммируетъ физіологически-эволюціонное опредѣленіе искусства такимъ образомъ: „искусство есть возникшая еще въ животномъ царствѣ отъ полового чувства и отъ склонности къ парѣ дѣятельность (Шиллеръ, Дарвинъ, Спенсеръ [1]). Но, говоритъ онъ, это опредѣленіе далеко не точно, „ибо оно говоритъ не о самой дѣятельности, составляющей сущность искусства, а о происхожденіи искусства“ [2]). Подобнымъ же образомъ и въ другихъ вопросахъ, Толстой стремится касаться проблемъ, *поскольку и какъ онѣ затрагиваютъ насъ*, а эволюціонная философія все еще стремится, по словамъ Эдуарда Карпентера, „дать объясненіе феномена, долженствующее быть дѣйствительнымъ само по себѣ, не упоминая объ умственномъ состояніи лицъ, дающихъ это объясненіе“.

„Упомянувъ объ упрекахъ, дѣлаемыхъ Толстымъ физіологически-эволюціонной школѣ эстетики, называемой иногда англійской школой, я позволю себѣ упомянуть, что слышалъ отъ него и похвалы „характеристически практической и законченной работѣ“, выполненной англійскими писателями по эстетическимъ вопросамъ.

„По его мнѣнію, Гомъ (лордъ Кэймсъ) въ XVIII столѣтіи въ его опредѣленіи красоты далъ цѣлыя указанія; Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, Грантъ Олленъ и Джемсъ Сюлли, если и были односторонними, все же избѣжали метафизическаго тумана германской школы и дали много цѣннаго въ смыслѣ опредѣленности.

„Замѣчаніе Дарвина, что происхожденіе музыки можно наблюдать въ перекличкѣ птицъ, зовущихъ другъ друга, кажется Толстому особенно удачнымъ.

IV.

Переходя къ мнѣніямъ Л. Н. Толстого о различныхъ философскихъ системахъ, г. Моодъ говоритъ:

„Среди китайскихъ философовъ Толстой отдаетъ предпочтеніе Лао-Тзе и онъ однажды самъ началъ переводъ его „Tao-Tihking“, пользуясь существующими европейскими версіями этого произведенія.

„Изъ произведеній Джона Стюарта Милля Толстому больше всего нравится его „Автобіографія“.

---

[1]) Л. Толстой. „Что такое искусство?“. Москва. 1898, стр. 44.
[2]) Ibid.

— „Поразительно,—замѣтилъ Толстой,—что человѣкъ этотъ, обладая такимъ громаднымъ житейскимъ опытомъ, ставя жизненный вопросъ такъ ясно и хорошо, въ то же время не нашелъ на него отвѣта. Милль спрашивалъ самого себя: сдѣлало ли бы его счастливымъ осуществленіе всѣхъ тѣхъ проэктовъ на пользу человѣчества, которыми онъ былъ занятъ? и откровенно отвѣтилъ, что это не дало бы ему счастья. Такимъ образомъ, онъ очутился предъ вопросомъ: какова же дѣйствительная цѣль моего существованія?

„Толстой отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ:

„—Цѣль моей жизни—пониманіе и, насколько возможно, исполненіе воли той Силы, которая послала меня на землю и которая одушевляетъ мой разумъ и мое сознаніе.

„Но Милль не нашелъ отвѣта и жилъ, чувствуя, что радость жизни потеряна для него.

„Толстой проэктировалъ не мало работъ, на выполненіе которыхъ у него не хватило времени. Ему бы очень хотѣлось написать краткую работу по философіи и онъ думаетъ, что эту работу можно было бы выполнить такимъ образомъ, чтобы сдѣлать изложенные въ ней философскіе взгляды доступными для пониманія не глупаго извозчика.

„По мнѣнію Толстого, работы Канта въ философіи необходимы для насъ, живущихъ послѣ него. Намъ некуда уйти отъ основной разницы между субъективными и объективными ощущеніями. Но стиль Канта—ужасенъ, и Кантъ не выполнилъ всей необходимой работы. Продолжателемъ Канта явился русскій философъ А. Спиръ (A. Spir), пишущій по-французски и по-нѣмецки. Толстой рекомендуетъ небольшую книгу (меньше 200 стр.) „Esquises de Philosophie Critique“, въ которой сжато изложены умозаключенія Спира. Работа эта не вполнѣ удовлетворяетъ Толстого, но онъ согласенъ въ основѣ съ ея выводами.

„Тому теченію мысли, представителемъ котораго является Ницше, Толстой приписываетъ большое и злополучное значеніе. Во время Ренессанса въ Европѣ возникло теченіе животнаго характера (animaligus), но это восстаніе низшей стороны человѣка разбилось, благодаря хранившемуся еще тогда въ церкви серьезному христіанству. Подобная же тенденція возродилась теперь, найдя себѣ выраженіе въ философіи Ницше и въ декадентскомъ искусствѣ, но оно на этотъ разъ не встрѣчаетъ серьезнаго сопротивленія—Церковь черезчуръ прогнила для такого сопротивленія.

„Чувствую, что единственной силой, способной сопротивляться атакамъ матеріализма и анимализма, является „внутренній свѣтъ“, проявляющій себя въ разумѣ и совѣсти человѣка, Толстой всегда радостный встрѣчаетъ всякія доказательства, указывающія на слабость положенія, зани-

маемаго церковниками, которое они все еще пытаются отстоять и на недостовѣрность фактовъ, на которые имъ приходится опираться. Нижеслѣдующій эпизодъ можетъ иллюстрировать этотъ взглядъ Толстого. Онъ какъ-то читалъ книгу одного нѣмецкаго профессора, пытавшагося доказать, что Христосъ никогда не существовалъ, какъ историческая личность. Это восхитило Толстого.

„—Они атакуютъ послѣднія позиціи,—сказалъ онъ,—и если имъ удастся доказать, что Христа никогда не было, тѣмъ болѣе будетъ очевидно, что крѣпость религіи неприступна. Отбросьте церковь, предайте библію и даже самого Христа и все же въ концѣ концовъ останется фактъ познанія человѣкомъ добра, т. е. Бога, непосредственно при помощи разума и сознанія; фактъ этотъ будетъ столь же ясенъ и несомнѣненъ, какъ и прежде, и будетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ неопровержимой истиной,—истиной, съ которой никогда не можетъ разстаться человѣчество.

Нельзя не привести замѣчательныя слова Толстого, сказанное имъ г. Мооду.

„—Я раздѣляю людей на два класса: они или свободомыслящіе (Frecthinkers) или же не свободомыслящіе. Я, конечно, не говорю о „свободомыслящихъ“, составляющихъ политическую партію въ Германіи и не имѣю въ виду англійскихъ агностиковъ, но употребляю этотъ терминъ въ его простѣйшемъ значеніи. Свободомыслящими являются тѣ, кто готовы пользоваться своимъ разумомъ безъ предразсудковъ и не боясь придти къ такому пониманію вещей, которое противорѣчило бы ихъ постояннымъ привычкамъ, привиллегіямъ и вѣрованіямъ. Такое состояніе ума далеко не обычно, но оно существенно необходимо для правильнаго мышленія; при его отсутствіи обсужденіе любого вопроса безполезно. Человѣкъ можетъ быть католикомъ, французомъ, капиталистомъ и въ то же время быть свободомыслящимъ, но, если онъ ставитъ свой католицизмъ, свой патріотизмъ или свою выгоду выше выводовъ разума и не дозволяетъ ему свободно обсуждать вопросы, онъ не свободомыслящій,—его умъ въ узахъ.

„По другому поводу, когда мы говорили о религіи, Толстой сдѣлалъ слѣдующее, поразившее меня замѣчаніе:

„—Имѣются два Бога...

„Вслѣдъ затѣмъ онъ пояснилъ свою мысль:

„—Богъ, въ котораго обыкновенно люди вѣрятъ, Богъ, *который имѣетъ цѣлью служить имъ* (иногда очень утонченнымъ образомъ, давая имъ душевное спокойствіе). Этотъ Богъ не существуетъ. Но Богъ, о которомъ люди забываютъ, Богъ, *которому мы всѣ должны служить*,—существуетъ и является первопричиной нашего существованія и всѣхъ нашихъ воспріятій“.

V.

Нѣкоторымъ дополненіемъ къ вышеприведеннымъ свѣдѣніямъ о Л. Н. Толстомъ является другой очеркъ г. Моода, напечатанный въ одномъ англійскомъ журналѣ [1]) уже послѣ выхода вышеупомянутой книги г. Моода о Толстомъ. Очеркъ этотъ носитъ аналогичное съ первымъ заглавіе „Разговоръ съ миссъ Джейнъ Эддамсъ и Львомъ Толстымъ“ (A. Tolk with miss Gane Addams and Leo Tolstoy) и очень интересенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ на реальномъ примѣрѣ степень вліянія идей Л. Н. Толстого въ Соединенныхъ Штатахъ.

„Въ одинъ прекрасный день въ іюлѣ 1896 г. въ Москвѣ,—говоритъ г. Моодъ,—я получилъ записку отъ миссъ Эддамсъ, при которой было приложено рекомендательное письмо отъ одного изъ моихъ друзей въ Англіи, съ выраженіемъ надежды, что мнѣ удастся познакомить миссъ Эддамсъ съ Толстымъ.

„Гостиница, въ которой остановилась миссъ Эддамсъ, была неподалеку отъ нашей торговой конторы и, отправившись позднѣе туда, я нашелъ двухъ очень милыхъ американокъ: старшая изъ нихъ была миссъ Эддамсъ, недавно перенесшая очень серьезную и опасную операцію, а младшая была ея племянница миссъ Мэри Смитъ, увезшая свою тетку для отдыха въ Европу.

„Въ то время я ничего не зналъ о чикагскомъ соціальномъ поселеніи (Settlement), носившемъ названіе „Hulle House“, ни о личности, стоявшей въ главѣ учрежденія. Впослѣдствіи я ознакомился съ работой миссъ Эддамсъ. Она происходила изъ старинной демократической американской семьи, богобоязненной и искренней. Будучи еще совсѣмъ молодой, она долго хворала и одно время предполагали, что она никогда не будетъ способна къ какой-либо активной дѣятельности, но, укрѣпившись здоровьемъ, она и ея ближній другъ, миссъ Старъ, рѣшили вмѣсто того, чтобы употребить свои скромныя средства на улучшеніе собственной жизни, поселиться въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Чикаго и попытаться вступить въ дружескія отношенія съ населяющими кварталъ бѣдняками, съ цѣлью оказать имъ возможную помощь. Миссъ Эддамсъ и ея другъ не задавались при этомъ никакой формальной програмкой, которая могла бы ограничить кругъ ихъ дѣятельности или же оказаться сверхъ силъ. Онѣ вѣрили въ братство людей и были по духу демократками. Какъ оказалось впослѣдствіи, миссъ Эддамсъ была надѣлена крупными организаторскими способностями, умѣньемъ опредѣлить характеръ и находить под-

[1]) The Human Revisu, octobor 1902, стр. 201—218.

ходящую работу для людей, желавшихъ помочь ей въ ея дѣлѣ. Помимо этого, она была одарена тѣмъ духомъ смиренія, который такъ цѣненъ и такъ рѣдко встрѣчается среди людей, очень искренно преданныхъ дѣлу. Это смиреніе позволяло ей охотно пользоваться уроками опыта, исправлять собственныя ошибки и распознавать хорошія стороны дѣятельности тѣхъ, которые работали въ другихъ направленіяхъ.

„Въ теченіе немногихъ лѣтъ вокругъ миссъ Эддамсъ и ея друга сгруппировался большой соціальный „поселокъ", со многими отдѣленіями и развѣтвленіями. Въ ихъ распоряженіе былъ предоставленъ безплатно большой домъ, съ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ носилъ названіе „Hull House", по имени построившаго домъ человѣка. Онѣ по возможности избѣгали въ своей дѣятельности какихъ-либо „правилъ"... Дѣло разросталось: посѣщали больныхъ и ухаживали за ними, устраивали вечерніе классы, мыли грязныхъ дѣтей, читали лекціи, устроили дешевую пекарню, ресторанъ и квартиры для бѣдняковъ, обучали мастерствамъ, основали переплетную, бюро для собиранія свѣдѣній и т. д., словомъ, вокругъ „Hull Hous-'а" собралась группа искреннихъ людей, желавшихъ приносить посильную пользу.

„Миссъ Мэри Смитъ жила съ родными, но внимательно слѣдила за состояніемъ здоровья своей тетки и принимала живѣйшее участіе въ ея филантропической дѣятельности; обладая крупными средствами, она помогала различнымъ „опытамъ", производившимся въ „Hull Hous-'ѣ", какъ, напр., устройство дешевой пекарни и т. п.

„Считаю не лишнимъ упомянуть, что ни одно изъ предпріятій „Hull Hous-'а" никогда не нуждалось въ средствахъ, хотя миссъ Эддамсъ не считала удобнымъ или разумнымъ обращеніе къ широкой публикѣ за помощью. Для добычи средствъ ей нужно бывало лишь переговорить съ нѣкоторыми изъ ея богатыхъ друзей среди чикагскихъ финансовыхъ и промышленныхъ дѣятелей, знакомыхъ съ дѣятельностью „Hulle Hous-'а". Въ общемъ, этотъ „поселокъ" представляетъ одно изъ самыхъ демократическихъ и радикальныхъ по духу учрежденій.

„Но объ этой дѣятельности въ Чикаго я имѣлъ лишь смутное представленіе при первомъ моемъ знакомствѣ съ американскими путешественницами лѣтомъ въ Москвѣ. Онѣ пріѣхали въ Россію, главнымъ образомъ, въ надеждѣ повидать Толстого, книги котораго (въ особенности замѣчательное изученіе соціальныхъ дѣлъ въ „Такъ что же намъ дѣлать?") произвели очень сильное впечатлѣніе на миссъ Эддамсъ.

„Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ онѣ могли пробыть въ Москвѣ лишь нѣсколько дней. Но Толстой въ это время былъ въ Ясной Полянѣ и вслѣдствіе медленности русской почты нельзя было снестись съ нимъ

и получить отвѣтъ письмомъ. Случилось кстати такъ, что я (знакомство котораго съ Толстымъ въ то время ограничивалось посѣщеніями его въ Москвѣ во время предшествовавшей зимы) какъ разъ около этого времени получилъ впервые приглашеніе отъ Толстого — провести пару дней въ Ясной Полянѣ и не поѣхалъ туда немедленно лишь вслѣдствіе болѣзни дѣтей, не позволявшей женѣ оставить домъ.

„При подобныхъ обстоятельствахъ самое естественное, казалось бы, послать телеграмму Толстому, спросивъ его, могу ли я захватить съ собой моихъ новыхъ друзей. Но въ то время я имѣлъ спеціальное отвращеніе къ телеграммамъ. Я зналъ, что телеграфная контора находится въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Ясной Поляны, и не былъ увѣренъ въ томъ, что телеграмма не надѣлаетъ хлопотъ. Болѣе того, я незадолго передъ тѣмъ читалъ уничтожительныя тирады Толстого по поводу того, что телеграфъ, подобно прочимъ „тріумфамъ цивилизаціи", употребляется лишь для удобства богатыхъ, оставаясь безполезнымъ или даже становясь вреднымъ для бѣдняковъ. Въ виду всего этого мнѣ казалось, что телеграфировать Толстому или вызывать его на отвѣтную телеграмму лишь по поводу моего посѣщенія,—было бы гнусностью. То обстоятельство, что я „проглатывалъ верблюда", путешествуя по желѣзной дорогѣ и „отцѣживалъ комара", не рѣшаясь послать телеграмму, иллюстрируетъ ту утрату равновѣсія, которое часто бываетъ результатомъ внезапнаго воздѣйствія могущественнаго нравственнаго увѣщанія на интеллектъ, не ознакомленный до тѣхъ поръ съ предметомъ, вызвавшимъ увѣщаніе. Въ концѣ концовъ я рѣшился довѣриться счастливой звѣздѣ и взять съ собой американокъ въ Ясную Поляну безъ предувѣдомленія.

„Въ день, назначенный для посѣщенія, я далъ себѣ праздникъ,— событіе рѣдкое для меня въ тѣ дни, ибо моя коммерческая совѣсть была столь же чувствительна, какъ недоразвита соціальная совѣсть, и мы отправились съ Курской станціи въ медленномъ поѣздѣ, благодаря чему у насъ было достаточно времени для дальнѣйшаго обсужденія сравнительныхъ достоинствъ экономики, какъ она понимается Толстымъ и какъ практикуется въ Hull Hous-'ѣ. Главная разница между нами была та (хотя я въ то время и не сознавалъ этого отчетливо), что миссъ Эддамсъ въ теченіе многихъ лѣтъ подвергала свои теоріи и надежды огню практическаго испытанія, пытаясь найти, въ какой степени она и ея помощники могутъ упорядочить положеніе дѣла вокругъ нихъ, я же, теоризируя и не осаживаемый тяжелымъ балластомъ опыта, настаивалъ на болѣе радикальной программѣ.

„Я въ то время еще не сознавалъ, какъ многому она меня научила, но кое-что въ образѣ мыслей и способѣ выраженія моего новаго друга произвело

на меня большое впечатлѣніе и впечатлѣніе это съ годами лишь усиливалось.

„Прежде всего въ ней наблюдалось очевидное доброжелательство и готовность понимать точку зрѣнія собесѣдника и симпатизировать ей. Помимо этого, была необычайная ясность и откровенность относительно занимаемаго ею и ея друзьями по работѣ положенія, ихъ работы, надеждъ и интересовъ, а равнымъ образомъ откровенная оцѣнка работы или характера людей, съ которыми мы встрѣчались. Вмѣстѣ съ тѣмъ новые друзья твердо „стояли, на собственныхъ ногахъ“, что создавало пріятное чувство равенства, котораго никогда не чувствуешь съ людьми, не обладающими или не желающими выслушивать спокойно нѣчто новое для нихъ и несогласное съ ихъ обычными взглядами, будетъ ли рѣчь о принципахъ или о людяхъ.

„Ближайшей станціей къ Ясной Полянѣ является Козловская Засѣка, но такъ какъ тамъ нельзя достать лошадей и такъ какъ миссъ Эддамсъ по слабости здоровья не могла много ходить, мы отправились на слѣдующую станцію, Ясенки.

„Въ Ясенкахъ мы наняли экипажъ въ Ясную Поляну, но узнали, что ямщикъ долженъ сначала доложить жандарму, обязанностью котораго было записываніе именъ всѣхъ посѣтителей, направлявшихся къ Толстому. Жандармъ, какъ и вообще большинство чиновниковъ, исполнялъ свои обязанности спустя рукава, кромѣ того его, очевидно, смущали иностранныя имена, и когда онъ, наконецъ, записалъ требуемыя свѣдѣнія, запись эта носила библейско-археологическій оттѣнокъ, а именно, что „Адамъ“ отправился навѣстить Толстого, что звучало несомнѣннымъ анахронизмомъ.

„Послѣ этого маленькаго эпизода мы пустились въ путь, и поѣздка хотя была довольно тряской, но пріятной; мы еще не успѣли закончить спора по интересовавшимъ насъ вопросамъ, какъ уже достигли имѣнія Толстого, проѣхали по нѣсколько запущенной аллеѣ, ведущей къ дому и, по прибытіи, увидали, что графиня и другіе члены семьи расположились подъ сѣнью дерева за чаемъ. Къ нашему огорченію, мы узнали, что Толстого нѣтъ дома—онъ уѣхалъ въ Тулу. Оставивъ миссъ Эддамсъ и миссъ Смитъ въ экипажѣ у дверей дома, я отправился пояснить положеніе дѣлъ графинѣ Толстой. На наше несчастье, семья Толстого какъ разъ страдала отъ изобилія посѣтителей, особенно иностранцевъ. Отъ одного изъ нихъ графиня просто не знала, какъ избавиться и она совершенно откровенно, несмотря на обычное гостепріимство и сердечность, заявила, что графа нѣтъ дома, что домъ переполненъ и что ей некуда больше дѣвать гостей, они не должны являться безъ предувѣдомленія!.. Для меня она дѣлала исключеніе, говоря, что она знаетъ, что Левъ Николаевичъ ожидалъ моего

пріѣзда. Пришлось пережить непріятный моментъ, но когда я объяснилъ, что это была моя вина, и что я страшно сожалѣю о случившемся и указалъ, что американки останутся лишь до отхода слѣдующаго поѣзда въ Москву, графиня нѣсколько смягчилась и послала меня пригласить ихъ къ чаю. Въ самомъ непродолжительномъ времени мои друзья завоевали ея расположеніе, и она и ея дочери пустились въ разговоры съ пріѣзжими, какъ будто онѣ были знакомы съ ними цѣлые годы.

„Оказалось, что Толстой отправился въ Тулу съ цѣлью встрѣтить тамъ американскаго путешественника, который нѣкоторое время гостилъ у Толстого и взялся доставить письма Толстого къ князю Хилкову, который жилъ тогда въ ссылкѣ въ глухомъ городишкѣ одной изъ прибалтійскихъ губерній, въ которомъ вся получаемая имъ корреспонденція подвергалась цензурѣ.

„Немного погодя возвратился и Толстой. Онъ сердечно поздоровался съ нами и съ добрымъ смѣхомъ разсказалъ о своихъ послѣобѣденныхъ приключеніяхъ. Молодой путешественникъ-американецъ, который, по замѣчанію одного изъ присутствовавшихъ, велъ себя у Толстыхъ, „какъ дома“ (насмѣхаясь, между прочимъ, надъ вегетеріанствомъ Толстого), извѣстилъ Льва Николаевича, что онъ будетъ на Тульской станціи съ такимъ-то поѣздомъ и просилъ Толстого встрѣтить его. Толстой отправился, надѣясь получить отвѣтное письмо отъ Хилкова, но вмѣсто того онъ лишь получилъ назадъ свои письма къ Хилкову, при томъ распечатанныя и прочтенныя властями! Американецъ счелъ нужнымъ представить ихъ американскому послу (или консулу,—не помню)—съ цѣлью узнать, имѣетъ ли онъ право доставить ихъ по адресу. Посолъ съ соотвѣтственнымъ запросомъ передалъ письма русскимъ властямъ, которыя, конечно, отдали письма и, по прочтеніи, отказали въ разрѣшеніи доставить ихъ адресату. Молодой американецъ, которому Толстой довѣрилъ доставку писемъ Хилкову, ѣдучи на югъ, воспользовался случаемъ возвратить письма Толстому и для этой цѣли вызвалъ его въ Тулу.

„Этотъ эпизодъ былъ хорошей пробой для испытанія хладнокровія Толстого, но онъ, казалось, нисколько не былъ возмущенъ, хотя благодаря случившемуся его сношенія съ Хилковымъ дѣлались еще затруднительнѣе, чѣмъ прежде.

Я забылъ, ѣздилъ ли онъ тотъ день верхомъ или на велосипедѣ, но во всякомъ случаѣ, хотя ему въ то время было около 65 лѣтъ, ни его утреннія занятія литературой, ни послѣобѣденная 25-мильная поѣздка не утомили его, и онъ предложилъ отправиться купаться.

Всѣ мы направились къ маленькой рѣкѣ, находящейся неподалеку отъ дома. Теперь, во время прогулки, Толстой пожелалъ ознакомиться по-

ближе съ своими гостями: откуда онѣ пріѣхали, чѣмъ занимаются, и каковы ихъ взгляды.

„Когда миссъ Эддамсъ разсказала ему о Hull Hous'ѣ и о страшной бѣдности людей живущихъ въ этомъ кварталѣ Чикаго, Толстой легко прикоснулся къ широкому, раздувающемуся, шелковому пуфу ея платья (обѣ американки были очень хорошо одѣты) и спросилъ ее:

„—А зачѣмъ это?

„Миссъ Эддамсъ улыбнулась и сказала, что люди, среди которыхъ онѣ работаютъ, любятъ видѣть ихъ одѣтыми хорошо.

„Толстой замѣтилъ:

„—Вамъ самимъ должно было бы быть непріятно одѣваться отлично отъ нихъ.

„Миссъ Эддамсъ со смѣхомъ отвѣтила, что къ нимъ стекаются эмигранты многихъ національностей—ирландцы, итальянцы, греки, арияне — и что ей мудрено было бы одѣваться, какъ они!

„Толстой сказалъ по этому поводу:

„—Тѣмъ болѣе вы должны одѣваться въ какой-либо простой и дешевый костюмъ, который могли бы носить и они, а не выдѣлять себя костюмомъ изъ среды тѣхъ, кому вы хотите служить!

„Между иными людьми подобнаго рода разговоръ могъ бы принять непріязненный оттѣнокъ, но въ данномъ случаѣ не замѣчалось съ обоихъ сторонъ ни малѣйшаго намѣренія обидѣть или обѣдиться. Миссъ Эддамсъ не упомянула, что въ ея методу входитъ стремленіе не оскорбить предразсудковъ тѣхъ, которыхъ родственники работаютъ въ „поселкѣ", и что для нея легче, будучи хорошо одѣтой, отправляться къ зажиточнымъ людямъ, которыхъ она хочетъ заинтересовать дѣломъ „поселка", чѣмъ если бы она, избравъ какой-либо спеціальный костюмъ, отрѣзала себя отъ общенія съ собственнымъ классомъ, подчеркнувъ, что она не похожа на нихъ. Впрочемъ, если бы она даже и сказала объ этомъ, положеніе не измѣнилось бы, такъ какъ Толстого сила и слабость заключались въ томъ, что, дойдя до корня какого-либо вопроса и выяснивъ его въ простѣйшей и наиболѣе суровой формѣ, онъ не будетъ затемнять вытекающихъ изъ рѣшенія послѣдствій колебаніями и уступками. Для цѣлей изолированнаго пророка, глядящаго въ будущее, такая суровая послѣдовательность чрезвычайно полезна, но она заключаетъ въ себѣ тенденцію относиться съ осужденіемъ къ дѣйствіямъ тѣхъ, кто стремится не исключительно въ цѣляхъ послѣдовательности или личнаго подвига принести пользу людямъ, страдающимъ отъ избытка или недостатка матеріальныхъ благъ жизни.

„Услыхавъ, что гости направляются въ Байрейтъ для присутствія на представленіи Вагнеровскаго опернаго цикла (которымъ въ сущности онѣ

мало интересовались), Толстой не сказалъ ничего, но это обстоятельство едва ли содѣйствовало ему оцѣнить надлежащимъ образомъ скрытое отсутствіе эгоизма въ натурахъ его гостей. Знаменитая глава о Вагнерѣ въ „Что такое искусство?“ тогда еще не была написана, но когда года два спустя мнѣ пришлось переводить ее и я дошелъ до мѣста, гдѣ говорится:

„Въ Байрейтъ, гдѣ начались эти представленія, съѣзжались со всѣхъ концовъ свѣта, расходуя около тысячи рублей на человѣка для того, чтобы видѣть эти представленія, люди, считающіе себя утонченно-образованными и четыре дня сряду высиживая каждый день по шести часовъ, ходили смотрѣть и слушать эту безсмыслицу и фальшь“, — эти слова напомнили мнѣ нашу поѣздку въ Ясную Поляну и неохоту Толстого оцѣнить дѣятельность чикагскаго соціальнаго „поселка“.

„Когда, идя по лѣсной дорожкѣ и переѣзавъ луговину, мы приблизились къ рѣкѣ, дамы направились въ одну сторону, а меня и другихъ мужчинъ Толстой повелъ къ деревяной купальнѣ, построенной на берегу рѣки. Толстой плаваетъ хорошо, какъ, впрочемъ, онъ выполняетъ и всѣ физическія упражненія, начиная ѣздой верхомъ и кончая лаунъ-теннисомъ на площадкѣ съ неукатанной травой, лежащей вблизи дома.

„Тогда же онъ разсказалъ мнѣ исторію его собственныхъ усилій поступать правильно въ денежныхъ дѣлахъ. Въ то время, когда онъ усиленно изучалъ экономику и писалъ по этому поводу, а также старался быть особенно строгимъ въ отношеніи къ собственнымъ расходамъ, пытался всячески освободиться отъ роскоши и дорогихъ привычекъ, ему пришлось поѣхать въ гости къ своему другу, князю N., жившему невдалекѣ по желѣзной дорогѣ. Пріѣхавъ къ нему, Толстой узналъ, что князя нѣтъ дома, но онъ встрѣтилъ малознакомаго ему уѣзднаго исправника, который оказался чрезвычайно услужливымъ и настоялъ на томъ, чтобы онъ проводитъ „его сіятельство“ обратно на станцію. Онъ каждую минуту повторялъ о своей готовности сдѣлать все возможное для „его сіятельства“ и отъ него нельзя было никоимъ образомъ отдѣлаться. На станціи исправникъ не хотѣлъ и слышать, чтобы „его сіятельство“ утруждалъ себя и самъ бы взялъ себѣ билетъ—онъ, исправникъ, будетъ счастливъ, если „его сіятельство“ позволитъ ему сдѣлать это.

„—Въ какомъ классѣ Ваше Сіятельство изволите ѣхать?—спросилъ исправникъ такимъ тономъ, какъ будто подразумѣвалъ, что для „его сіятельства“ самое меньшее—надо заказать спеціальный поѣздъ.

„Добрыя намѣренія Толстого не выдержали этого испытанія. Онъ чувствовалъ, что если отвѣтитъ—въ третьемъ классѣ, онъ причинитъ черезчуръ сильное потрясеніе услужливому полицейскому и пошелъ на компромиссъ, отвѣтивъ со вздохомъ:

„—Во второмъ классѣ.

„По возвращеніи, мы нашли ужинъ, накрытый на свѣжемъ воздухѣ, и довольно большое общество,—помимо семьи Толстого были еще и гости. Миссъ Эддамсъ заняла мѣсто рядомъ съ Львомъ Николаевичемъ, и я не знаю, о чемъ они бесѣдовали; миссъ Смитъ графиня Толстая усадила возлѣ себя и она должна была подвергнуться экзамену—почему она до сихъ поръ не вышла замужъ? Графиня не одобрила новаго обычая оставаться долго не замужней, при чемъ какъ примѣръ такого запозданія указала на своихъ дочерей, Татьяну и Марью Львовну (которыя обѣ потомъ вышли замужъ). Миссъ Смитъ приводила въ свою защиту то обстоятельство, что ей до сихъ поръ никто не сдѣлалъ предложенія, но графиня не вѣрила этому.

„Графиня, которая настояла на томъ, чтобы мы отослали нашего ямщика, такъ какъ ей все равно придется посылать лошадей на станцію, чтобы захватить почту, приходящую съ одиннадцатичасовымъ ночнымъ поѣздомъ, теперь уговаривала американокъ оставаться до слѣдующаго дня. Убѣдившись, что онѣ не могутъ выполнить ея желанія, она стала просить ихъ какъ-нибудь увлечь съ собой одного изъ гостей, отъ котораго она хотѣла избавиться, устроить такъ, чтобы онъ сопровождалъ американокъ на станцію. Но эта попытка не удалась, и гость уѣхалъ лишь на слѣдующій день. Рѣшено было, что я провожу американокъ и усажу ихъ въ московскій поѣздъ, а самъ вернусь въ Ясную Поляну погостить еще пару дней. Графиня простила мнѣ мою ошибку и на слѣдующій день сказала, что она была очень довольна, что я привезъ съ собой „этихъ милыхъ американокъ“ и лишь сожалѣла, что онѣ не остались дольше.

„Люди, симпатизирующіе взглядамъ Толстого, часто не отдаютъ должнаго многимъ превосходнымъ качествамъ характера графини Толстой, такъ какъ, являясь въ домѣ Толстыхъ въ качествѣ почитателя демократическаго графа, посѣтитель склоненъ относиться съ нѣкоторымъ предразсудкомъ къ болѣе аристократической графинѣ, не раздѣляющей взглядовъ мужа и, съ своей стороны, ожидающей, что люди, являющіеся къ ней въ домъ, отнесутся къ ней съ должнымъ уваженіемъ, какъ къ хозяйкѣ. Перемѣна взглядовъ Толстого, когда ему уже исполнилось 50 лѣтъ, несомнѣнно поставила графиню въ очень затруднительное положеніе. Она считала себя обязанной заняться управленіемъ имущества и изданіемъ сочиненій мужа, при чемъ, помимо хлопотъ, неизмѣнно связанныхъ съ большой семьей, ей пришлось постоянно имѣть дѣло съ цѣлымъ потокомъ гостей, нѣкоторые изъ которыхъ были ей не по душѣ, нѣкоторые же не имѣли дѣйствительныхъ симпатій со взглядами ея мужа или какого-либо иного оправданія своей неделикатной навязчивости. Ея энергія, талантливость и прямодушная откровенность дѣлали ея положеніе менѣе затрудни-

тельнымъ, чѣмъ оно было бы для другой женщины, но всякій долженъ понимать, что если она очень рѣзко отзывается о взглядахъ своего мужа, это происходитъ отъ сознанія тѣхъ непріятностей и хлопотъ, которыя они навлекаютъ на нее, и что подобные отзывы не представляютъ съ ея стороны безпристрастной оцѣнки этихъ взглядовъ.

„Жизнь Толстого носитъ настолько открытый характеръ и вызываетъ такой большой и общій интересъ, что это обстоятельство — расхожденіе графини Толстой во взглядахъ съ ея мужемъ—давно сдѣлалось извѣстнымъ.

„Говоря однажды съ ней, я упомянулъ о мягкости ея мужа и внимательномъ отношеніи къ чувствамъ другихъ, которое онъ умѣетъ соединить съ откровенностью. Графиня замѣтила по этому поводу:

„—Да, это вы теперь видите его такимъ, но десять или двадцать лѣтъ тому назадъ было нѣчто иное.

„И, дѣйствительно, внимательное изученіе произведеній Толстого, начиная съ „Моей исповѣди“ (1879), показываетъ въ немъ постепенное смягченіе и тенденцію обращать все меньше вниманія на внѣшнія правила и все болѣе на работу духа.

„Сравните, напр., грубый коммунизмъ „Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ“ (1888)—въ этомъ произведеніи люди переходятъ отъ дурной жизни къ хорошей простымъ процессомъ присоединенія къ земледѣльческой христіанской колоніи,—съ той осторожной традиціей процесса совершенствованія, который анализировалъ въ „Христіанскомъ ученіи“, появивившемся десятью годами позднѣе. Но дабы не увлечься далеко этимъ сравненіемъ, необходимо помнить, что „Ходите въ свѣтъ“ представляетъ лишь незаконченный очеркъ, который самъ Толстой не хотѣлъ публиковать, недовольный слабостью художественной обработки, и не придавалъ ему большой цѣны. Популярность этого произведенія объясняется его недостаткомъ; замѣной *сложности* человѣческой жизни *простымъ контрастомъ* между истиннымъ и ложнымъ—таковъ этотъ недостатокъ. Это своего рода tendenz-Schrift, какого мы не найдемъ больше среди произведеній Толстого. Онъ принадлежитъ къ той же категоріи, какъ и произведеніе Чарльза Кингслея „Wertward Ho!“ [1]), въ которомъ добродѣтельные герои, протестанты-англичане, изображены дѣтьми Бога, а скверные — католики-испанцы—дѣтьми діавола, съ такимъ рѣзкимъ контрастомъ, какой не встрѣчается въ дѣйствительной жизни...

---

[1]) „Tolstoy and His Problems“, ly Aylmev Mood, стр 128—148.

VI.

Не лишена интереса для русскихъ читателей и та глава книги г. Моода, въ которой онъ говоритъ о послѣднемъ романѣ Льва Николаевича—„Какъ Толстой написалъ „Воскресеніе“ (How Tolstoy wrote „Resurrection“) и въ которой приведены свѣдѣнія о судьбѣ романа въ Европѣ и Америкѣ.

„Начиная съ 1895 г. Толстой строго осуждалъ въ иностранной печати правительственныя преслѣдованія духоборовъ, дѣлая общеизвѣстенными факты, которые русское правительство всячески старалось скрыть и упоминаніе о которыхъ было воспрещено въ русской печати. И теперь Толстой, отрицавшій силу денегъ, не безъ колебанія рѣшился напечатать „Воскресеніе“ съ цѣлью употребить полученныя отъ издателя деньги на помощь духоборамъ.

„Произведеніе было продано Марксу, издателю петербургской иллюстрированной еженедѣльной газеты, при чемъ согласно условію издатель платилъ деньги впередъ. Но здѣсь автору пришлось столкнуться съ новыми препятствіями. Онъ въ теченіе двадцати лѣтъ отказывался работать за плату и заявилъ, что онъ отказывается впредь отъ авторскихъ правъ—все, что онъ печатаетъ, можетъ быть свободно перепечатываемо всякимъ. Кромѣ того, онъ всегда избѣгалъ срочной работы, т. е. доставленія извѣстной части вполнѣ исправленнаго манускрипта къ опредѣленной датѣ. И вотъ теперь все, что ему было противно, обрушилось на него. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что Марксъ, платя деньги, какъ всякій издатель, желалъ точно опредѣлить свои права. Онъ давалъ 30.000 руб., если единственно ему будутъ предоставлены хотя бы въ теченіе только нѣсколькихъ недѣль по окончаніи печатанія въ „Нивѣ“ права продажи романа, и лишь 12.000 руб. за право печатанія въ „Нивѣ“. Толстой, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился взять меньшую сумму. Но тутъ опять начались непріятности. Другіе издатели стали перепечатывать романъ по мѣрѣ его появленія въ „Нивѣ“. Марксъ протестовалъ, говоря, что онъ надѣялся, что будетъ огражденъ отъ перепечатокъ до окончанія романа. Толстому пришлось напечатать открытое письмо, въ которомъ онъ обращался къ добрымъ чувствамъ издателей, прося ихъ впредь до окончанія романа воздержаться отъ перепечатокъ. Эта сторона уладилась, но выплыли новыя осложненія.

„Прежде всего, конечно, начались придирки со стороны петербургской цензуры. Все, что „подкапывало авторитетъ церкви и государства“ и вообще все казавшееся опаснымъ цензору, исключалось. Понятно, что

III часть, въ которой описывается обращенiе съ арестантами на пути въ Сибирь и въ самой Сибири, пострадала наиболѣе. Но вообще, па протяженiи всей книги цѣлыя главы, страницы и отдѣльныя фразы попали подъ красный карандашъ цензора.

„Въ первой части изъ главъ XXXIX и XL остались лишь слова: „Церковная служба началась“; равнымъ образомъ вся глава XIII, описывающая вліяніе военной службы, исчезла. Во 2-й части главы XXVII, въ которой описывается посѣщеніе Торопова, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, также была вычеркнута. Можно сказать, что если бы подобная книга принадлежала бы другому автору, а не Толстому, такое жизненно вѣрное изображеніе архигонителя Побѣдоносцева вызвало бы запрещеніе всей книги и арестъ автора. Среди другихъ главъ особенно пострадали во 2-й части гл. XIX, описывающая коменданта Петропавловской крѣпости, гл. XXX, описывающая классификацію преступниковъ, и гл. XXXVIII, описывающая отбытіе арестантскаго поѣзда изъ Москвы.

„Но въ общемъ русскіе читатели удивлялись, что книга и въ такомъ видѣ прошла сквозь цензуру. Но, хотя ничего иного и нельзя было ожидать, авторъ, конечно, не могъ равнодушно относиться къ изуродованію его дѣтища, въ особенности, когда оказалось, этотъ процессъ происходитъ и за границей, но ужъ не ради требованій деспотическаго правительства, а просто, чтобы угодить вкусамъ публики.

„Такъ, напримѣръ, французскій переводчикъ Вызѣва (Wysewa [1]), превосходно владѣющій французскимъ языкомъ, не довольствуясь полированіемъ простого и прямого стиля Толстого и обращенія его въ чрезвычайно плавную книжную рѣчь, выбросилъ, изъ боязни оскорбить католиковъ, описаніе церковной службы и нападки на армію, изъ боязни возбудить неудовольствіе антидрейфусаровъ.

„Вообще переводчики Толстого не рѣдко вольно и невольно грѣшили въ своихъ переводахъ. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ переводовъ „Анны Карениной“ переводчикъ передалъ библейское мотто романа: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“—словами: „Месть сладка и я хожу съ туза“. Въ одной американской версіи одного изъ философскихъ произведеній Толстого вездѣ двойное русское отрицаніе переведено по англійски какъ утвержденіе и такимъ образомъ, по винѣ переводчика, Толстому приходится усиленно утверждать какъ разъ то, что онъ хотѣлъ отрицать.

„Но помимо русской цензуры и иностранныхъ переводчиковъ, надо было еще считаться съ редакторами и издателями...

„Echo de Paris“, въ которомъ появлялось „Воскресенье“, начало

---

[1]) Офранцуженный полякъ. *В. Б.*

получать массу писемъ отъ читателей, которые жаловались, что Нехлюдовъ, по ихъ мнѣнію, „недостаточно занимается Катюшей“. Вообще, по ихъ мнѣнію, въ романѣ было недостаточно любовнаго элемента. Редакторъ, зная, что его дѣло угождать требованіямъ и вкусамъ публики пропустилъ нѣсколько главъ и перешелъ прямо къ сценѣ, гдѣ Нехлюдовъ опять „занимался Катюшей“, хотя, можетъ быть, и нежелательнымъ для читателей газеты образомъ.

Какъ извѣстно, въ Америкѣ „Воскресеніе“ также потерпѣло не мало въ рукахъ лицемѣрныхъ редакторовъ. Романъ былъ изуродованъ исключеніемъ мѣстъ, говорящихъ противъ милитаризма и земельной собственности. Вся глава (XVII), изображающая паденіе Катюши, была исключена и т. д.

Въ нѣмецкомъ изданіи (переводъ Hauff'а) также было исключено все „оскорбительное“ для церкви и арміи.

Характерно, что не обошлось безъ комическихъ эпизодовъ и въ Англіи, гдѣ также оказались добродѣтельные господа, нашедшіе книгу Толстого „безнравственной“. Одинъ почтенный квакеръ, прочтя сцену паденія Катюши, поспѣшилъ сжечь книгу...

„Когда, наконецъ, рѣшено было печатать „Воскресеніе“, Толстой энергично взялся за окончательную обработку романа. Эта „обработка“ заключалась въ совершенной передѣлкѣ всей книги, нѣкоторыя части романа были нѣсколько разъ передѣланы заново. Толстой настолько расширилъ свое произведеніе, что Марксъ добровольно прибавилъ еще 10.000 руб. гонорара.

„Толстой никогда не оставался доволенъ написаннымъ. Всякая корректура возвращалась съ новыми и новыми измѣненіями, такъ что переводчики не могли получить своевременно окончательной версіи нѣкоторыхъ главъ, пока онѣ не появились въ „Нивѣ“. Это увеличивало опасность появленія неавторизованныхъ переводовъ, которые не принесли бы денежной выгоды дѣлу, побудившему Толстого разрѣшить появленіе книги въ печати.

„Толстой настолько былъ требователенъ по отношенію къ самому себѣ и такъ щедръ въ „исправленіяхъ“, что нѣсколько разъ, по полученіи уже „окончательной“ версіи нѣкоторыхъ главъ, которыя были уже переведены и даже набраны, приходили новыя и новыя версіи, такъ что переводчикамъ и наборщикамъ приходилось начинать работу наново.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Толстой жаловался въ частномъ письмѣ, что раньше, когда онъ продавалъ свои работы обычнымъ путемъ, появленіе ихъ въ печати доставляло ему всякій разъ удовольствіе; теперь же, когда онъ стремится къ лучшему и отказывается отъ платы за свой литературный трудъ, онъ находитъ, что печатаніе всякой его новой книги приноситъ ему массу хлопотъ и затрудненій, многіе остаются недовольны имъ и вмѣсто удовольствія онъ получаетъ лишь огорченія.

„Воскресеніе" принесло ему, въ общемъ, еще больше огорченій. Пламеннѣйшимъ стремленіемъ Толстого является желаніе жить въ мирѣ со всѣми людьми, не дѣлать ничего такого, что могло бы вызвать злобу или недоброжелательство и напротивъ, поступая такъ, чтобы вызвать гармонію въ отношеніяхъ какъ къ нему самому, такъ и въ отношеніяхъ другъ къ другу. Между тѣмъ его рѣшеніе свернуть, ради помощи духоборцамъ, съ намѣченнаго имъ пути вызвало массу непріятностей для автора.

„Занятый своимъ трудомъ и совершенно незнакомый съ коммерческимъ образомъ мысли и дѣйствія, Толстой поручилъ иностранныя (не русскія) изданія своего романа другимъ и, если затрудненія въ Россіи были не маловажны, онѣ оказались еще болѣе крупными за границей. Въ Германіи начались непріятности вслѣдствіе того, что Марксъ посылалъ корректурные оттиски романа въ нѣкоторыя нѣмецкія газеты, въ то время, какъ другія газеты получали манускриптъ отъ представителя Толстого въ Англіи. Каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ требовала, чтобы Толстой защищалъ ея интересы. Въ Америкѣ печатаніе романа въ „Cosmopolitan" прекратилось и одно время грозилъ возникнуть процессъ между издателемъ этого журнала и литературнымъ агентомъ, представителемъ интереса Толстого.

„Но все же, въ концѣ концовъ, романъ былъ напечатанъ въ неизуродованной формѣ. Въ Германіи романъ пользовался громаднымъ успѣхомъ и выдержалъ около дюжины изданій. Во Франціи вышло новое полное изданіе. Полный русскій текстъ романа былъ опубликованъ въ Германіи и Англіи.

Въ заключеніе статьи г. Моодъ приводитъ нѣкорые отрывки изъ писемъ Толстого, относящихся къ этому періоду его жизни:

Въ письмѣ отъ 24 января 1899 г., когда романъ былъ уже проданъ Марксу и обсуждался вопросъ объ авторскихъ правахъ въ Россіи и за границей, Толстой писалъ г. Мооду:

„Во всемъ этомъ предпріятіи имѣется нѣчто неопредѣленное, спутанное и, *повидимому*, (seemingly) идущее въ разладъ съ принципами, которые мы исповѣдуемъ. Иногда—въ скверныя минуты—это дѣйствуетъ на меня, что я желаю отдѣлаться отъ всего этого возможно скорѣе, но когда я въ добромъ серьезномъ настроеніи—я радуюсь непріятностямъ, связаннымъ съ этимъ дѣломъ. Я знаю, что мотивы моихъ дѣйствій были, если не хороши, то, по крайней мѣрѣ, невинны и, если это дѣлаетъ меня въ глазахъ людей непослѣдовательнымъ или даже хуже, все это хорошо для меня, уча меня дѣйствовать совершенно независимо отъ людского сужденія и въ согласіи лишь съ моей совѣстью. Надо цѣнить подобныя испытанія. Они рѣдки и очень полезны".

Въ декабрѣ 1900 г. измученный обязанностью править еженедѣльно спѣшныя корректуры для „Нивы“ и чувствуя приближеніе тяжелой болѣзни, Толстой писалъ:

„Я очень занятъ моей работой. И, какъ только вижу корректуры, присланныя Марксомъ, чувствую себя больнымъ... Я такъ занятъ моей книгой, что затрачиваю на нее всѣ мои силы. Другія движенія продолжаются въ моей душѣ и, благодареніе Богу, я вижу свѣтъ и вижу его все яснѣе и яснѣе. Все чаще и чаще я чувствую себя не хозяиномъ моей жизни, но работникомъ...“

Когда работа, наконецъ, была закончена, онъ писалъ (2 декабря 1899 г.):

„Вся денежная сторона дѣла, которое я предпринялъ и въ которомъ я теперь раскаиваюсь, была для меня настолько мучительна, что теперь, когда все окончилось, я рѣшился не имѣть болѣе ничего общаго съ подобными дѣлами и возвратиться къ моему прежнему отношенію относительно печатанія моихъ сочиненій, т. е. предоставить другимъ дѣлать съ ними, что угодно, а самому стоять въ сторонѣ отъ дѣла“.

Въ англійскихъ газетахъ въ началѣ 1900 г. появились сообщенія, что Толстой высказываетъ сочувствіе бурамъ. Друзья Толстого въ Англіи поинтересовались узнать отъ него о его дѣйствительномъ отношеніи къ англо-бурской войнѣ, и онъ писалъ поэтому поводу (8-го февраля 1900 г.):

„Конечно, я не могъ сказать и не говорилъ того, что мнѣ приписываютъ! Въ дѣйствительности дѣло было такъ: ко мнѣ являлся газетный корреспондентъ (въ качествѣ автора книги, экземпляръ которой онъ хотѣлъ мнѣ поднесть). Въ отвѣтъ на его вопросъ о моемъ отношеніи къ текущей войнѣ я сказалъ, что былъ пораженъ, поймавъ себя во время болѣзни на желаніи найти въ газетахъ извѣстіе объ успѣхахъ буровъ, и что вслѣдствіе этого я былъ радъ случаю въ письмѣ къ В. пояснить мое истинное отношеніе къ долгу, которое заключается въ томъ, что я не могу симпатизировать никакимъ военнымъ подвигамъ, хотя бы это была борьба Давида съ десятью Голіафами; но что я симпатизирую только съ тѣми, кто уничтожаетъ причины войны: престижъ золота, богатства, военной славы и прежде всего (причину всего зла) престижъ патріотизма съ его ложнымъ оправданіемъ убійства нашихъ братьевъ людей. Я не думаю, чтобы стоило опровергать мнѣнія, ложно приписываемыя мнѣ въ газетахъ. На всякое чиханье не наздравствуешься. Такъ, напримѣръ, я недавно получилъ письма изъ Америки, въ нѣкоторыхъ изъ которыхъ меня упрекаютъ, а въ нѣкоторыхъ хвалятъ за полный отказъ отъ моихъ убѣжденій. Стоитъ ли отвѣчать, если завтра же можетъ появиться двадцать

подобныхъ извѣстій для наполненія газетныхъ столбцовъ и кармановъ издателей? Впрочемъ, поступайте, какъ хотите".

VII.

Главная цѣнность въ воспоминаніяхъ г. Моода о Л. Н. Толстомъ—ихъ совершенная искренность, но едва ли нужно указывать русскимъ читателямъ на ихъ слабыя стороны. Англія—классическая страна компромисса и мелко-буржуазныхъ идеаловъ, и г. Моодъ типическій англичанинъ, да при томъ еще бывшій „коммерсантъ", несмотря на всѣ усилія, не могшій освободиться отъ міросозерцанія присущаго этой средѣ. Со свойственной англичанамъ практичностью, г. Моодъ извлекъ изъ Толстого нѣчто, по его мнѣнію, „общеполезное", а именно—нѣкую нравственную гимнастику, способствующую оздоровленію души, но онъ совершенно забываетъ о вліяніи Толстого, какъ художника. Титаническая фигура многомятежнаго геніальнаго писателя сузилась и поблѣднѣла. Англійскимъ читателямъ Толстой въ томъ видѣ, какъ его изображаетъ г. Моодъ, долженъ представляться чѣмъ-то въ родѣ радикальнаго методистскаго пастора. Да и нравственное ученіе Толстого понято г. Моодомъ довольно узко, въ духѣ компромисса.

Но все же будущій біографъ Л. Н. будетъ благодаренъ г. Мооду за сохраненныя имъ любопытныя черточки изъ жизни великаго писателя.

В. П. Батуринскій.

На голодѣ у Л. Н. Толстого.

Въ неурожайные годы въ девяностыхъ годахъ, когда бѣдствія голода охватили большую часть земледѣльческой Россіи и населенію необходима была внѣшняя помощь, въ дѣло помощи голодающимъ былъ втянутъ Л. Н. Толстой.

Какъ и почему Л. Н. Толстой взялся за дѣло помощи голодающему населенію, видно изъ его письма къ г. Тенеромо, полученнаго имъ въ то время отъ него и опубликованнаго послѣ въ одной изъ петербургскихъ газетъ. Въ этомъ письмѣ Левъ Николаевичъ писалъ:

„Я живу скверно. Самъ не знаю, какъ меня затянуло въ работу по кормленію голодныхъ. Не мнѣ, кормящемуся ими, кормить ихъ. Но затянуло такъ, что я оказался распредѣлителемъ той блевотины, которою рветъ богачей. Чувствую, что это скверно и противно, но не могу устраниться,— не достаетъ силъ.

„Я началъ съ того, что написалъ статью по случаю голода, въ которой высказалъ главную мысль ту, что все произошло отъ нашего грѣха отдѣленія себя отъ братьевъ и порабощенія ихъ, и что опасеніе и поправка дѣлу одна: измѣненіе жизни, разрушеніе стѣны между нами и народомъ, возвращеніе ему похищеннаго и сближеніе, сліяніе съ нимъ, невольное, вслѣдствіе отреченія отъ преимуществъ насилія.

„Со статьей этой, которую я отдалъ въ „Вопросы психологіи", Гротъ возился мѣсяцъ и теперь возится. Ее и смягчали и пропускали, и не пропускали, и кончилось тѣмъ, что ея до сихъ поръ нѣтъ.

„Мысли же, вызванныя статьей, заставили меня поселиться среди голодающихъ, а тутъ жена написала письмо, вызвавшее пожертвованія, и я самъ не замѣтилъ, какъ я очутился въ положеніи распорядителя чужой блевотины и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ въ извѣстныя, обязательныя отношенія къ здѣшнему народу.

„Бѣдствіе здѣсь большое и все растетъ, а помощь увеличивается въ меньшей прогрессіи, чѣмъ бѣдствіе, и поэтому, разъ попавши въ это

положеніе, не возможно, не могу отстраниться. Дѣлаемъ мы вотъ что: покупаемъ хлѣбъ и другую пищу и по деревнямъ у самыхъ бѣдныхъ хозяевъ устраиваемъ,—не устраиваемъ, потому все дѣлаютъ сами хозяева,—а только даемъ средства, т. е. продовольствіе на столовыя, и кормятся слабые, старые, малые, иногда и средніе голодные.

„Много тутъ и дурного, много и хорошаго, т. е. не въ смыслѣ нашего дѣла, а въ смыслѣ проявленія добрыхъ чувствъ. На-дняхъ калужскій разбогатѣвшій крестьянинъ предложилъ изъ голодной мѣстности сослать на зиму въ масальскій уѣздъ 80 лошадей. Ихъ тамъ прокормятъ зиму и пришлютъ весною.

„Калужскій крестьянинъ предложилъ, а здѣшніе въ одинъ день набрали всѣ 80 лошадей и готовы отправить, довѣряясь чужимъ невиданнымъ братьямъ“.

Работа эта началась въ 1891 году и продолжалась до 93-го. Въ концѣ 92 года будучи въ Москвѣ у Л. Н. послѣ того, какъ онъ только что опубликовалъ свою небольшую статью, гдѣ говорилъ, что возиться съ голодными всѣмъ надоѣло, а между тѣмъ нужда и страданія въ деревняхъ все еще есть, и далъ прекрасную картинку, изображающую просящаго помощи мужика и мальчика, у котораго на глазахъ были слезы, я узналъ, что у нихъ дѣйствительно и средствъ стало меньше и въ людяхъ чувствуется недостатокъ. У меня какъ разъ тогда выпало свободное время, и я предложилъ свои услуги на помощь тамъ, если бы я чѣмъ-нибудь могъ тамъ пригодиться.

Левъ Николаевичъ принялъ мое предложеніе и сказалъ, что дѣло тамъ мнѣ найдется, а Софья Андреевна намекнула на то, что, помимо работы въ столовыхъ, мнѣ тамъ важно будетъ наблюдать крестьянскую жизнь той мѣстности, какъ писателю. По ея словамъ, жизнь рязанскихъ крестьянъ была далеко не то, что у нихъ подъ Тулой, или у насъ въ Московской губерніи. Это еще болѣе укрѣпило мое рѣшеніе, и я сталъ собираться туда ѣхать. Устроивши собственныя дѣла, во второй половинѣ января я пріѣхалъ въ Москву, зашелъ къ Л. Н-чу, запасся у него надлежащими инструкціями—куда мнѣ ѣхать, кого разыскивать—и отправился дальше. До Тулы я ѣхалъ по Московско-Курской дорогѣ, а въ Тулѣ пересѣлъ на Сызрано-Вяземскую. По этой дорогѣ я ѣхалъ до станціи Клекотки. Клекотки была ближайшая станція отъ Бѣгичевки, главнаго пункта распредѣленія помощи голодающимъ, устроенной Л. Н. Толстымъ. На этой станціи былъ складъ всѣхъ продуктовъ, направляемыхъ для районной помощи изъ Москвы и другихъ мѣстностей. Завѣдывалъ складомъ и наблюдалъ за всѣмъ жившій на станціи комиссіонеръ Ермолаевъ. Онъ принималъ все привозимое по желѣзной дорогѣ и отправлялъ по требованіямъ

въ тѣ мѣста, въ которыхъ продукты были нужны. Продукты были слѣдующіе: мука, крупа, соль, горохъ, керосинъ и дрова. Дровъ шло огромное количество. Въ этихъ мѣстахъ обыкновенно топили соломой, а при неурожаѣ соломы топить было нечѣмъ. И крестьяне, кромѣ голода, должны были переносить и холодъ.

II.

Въ Клекотки я пріѣхалъ вечеромъ. До Бѣгичевки было 35 верстъ, и лошадей оттуда не было. Назавтра могли быть попутныя подводы, и я рѣшилъ здѣсь переночевать.

Кромѣ меня, у Ермолаева ночевалъ одинъ изъ деревенскихъ торговцевъ, пріѣхавшій на станцію запастись кое-какими товарами. Мы разговорились съ нимъ. Онъ немного познакомилъ меня съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились рязанскіе и тульскіе крестьяне. Положеніе было отчаянное. Онъ говорилъ: родись хлѣбъ какъ нельзя лучше пять лѣтъ подрядъ, и тогда едва ли они какъ слѣдуетъ поправятся. Прошедшій и настоящій годъ такъ ихъ вытрясли, что у большинства хозяйство сошло на-нѣтъ. Скотъ—который палъ, который проѣденъ. Земледѣльческія орудія и сбруя, не чинившіяся, пришли въ ветхость и еле держатся, постройки разваливаются. При всемъ этомъ каждый изъ нихъ весь въ долгахъ. Должны и частнымъ лицамъ, и въ земство, и въ казну. Случись благопріятный годъ — урожай, немедленно потребуютъ уплаты по этимъ долгамъ.

Этотъ же торговецъ высказалъ большое одобреніе способу помощи голодающимъ, установленной графомъ. Это не то, что „Красный Крестъ", который дѣйствуетъ чрезъ наемныхъ людей вяло, безтолково. А тутъ кормятъ самыхъ, бѣднѣйшихъ сравнительно хорошей пищей, дѣлается помощь топливомъ, безъ которой въ такую суровую зиму, которая была тогда, многимъ прямо пришлось бы замерзать. Кромѣ прокормленія бѣднѣйшихъ, сейчасъ эта помощь важна для нихъ тѣмъ, что избавляетъ ихъ отъ необходимости обращаться къ земству за ссудой, за которую послѣ пришлось бы расплачиваться. Понимая всю важность такой благотворительности, торговецъ никакъ не могъ объяснить себѣ, почему это графа недолюбливаетъ мѣстное начальство и духовенство. Духовенство даже совѣтовало крестьянамъ не общаться съ нимъ, не ходить въ столовыя и втихомолку называло его Антихристомъ, который будто бы и добро дѣлаетъ для того, чтобы перегнать людей „подъ свой началъ". Нѣкоторыхъ страшили эти запугиванья. Но большинство оставалось къ нимъ равнодушно. Оно отвѣчало на это тѣмъ, что Антихристъ, какъ говорится, пріѣдетъ губить и мучить людей, а этотъ спасаетъ, жалѣетъ и помогаетъ имъ.

Переночевавши у Ермолаева, я на утро нанялъ мужика, привозившаго на станцію овесъ, и отправился съ нимъ въ Бѣгичевку. Мужикъ былъ среднихъ лѣтъ, трезвый, хозяйственный. Лошадь у него была довольно порядочная. Я спросилъ его,—что есть ли у нихъ столовая? Онъ сказалъ, что есть, но онъ слава Богу туда не ходитъ. У него родилось хорошо, и онъ живетъ—большой нужды не видитъ.

— Ну, а какъ другіе?—спросилъ я.

— Другіе плохо.

И онъ подтвердилъ мнѣ слова прасола о безысходности мужицкаго положенія, о непоправимости его и многолѣтнимъ хорошимъ урожаемъ.

— На что же они надѣются?—спросилъ я.

— Думаемъ, отъ царя что-нибудь выйдетъ. Вотъ когда крѣпостное право задавило всѣхъ, — вышла воля... А теперь что-нибудь еще выйдетъ.

— Чего же вамъ больше всего надо?

— Земли надо... земли хочется. А то что мы живемъ?.. Все даромъ... ни лѣса не ростимъ, ни кустика... Вотъ погляди-ко!..

Я поглядѣлъ кругомъ. Картина была не веселая. Кругомъ голая степь. Не было замѣтно почти никакой древесной растительности. Видъ былъ какой-то дикій, навѣвающій грусть.

— Вотъ каковы наши поля... Гдѣ тутъ удержаться водѣ на полосѣ. Особенно на огоркахъ... А наша земля-то вся на огоркахъ... А чуть какъ низинка, или лощинка, тутъ сейчасъ уже господская.

— Такъ какъ же вы думаете, какая вамъ милость будетъ: земли что ли прибавятъ?

— Или прибавятъ, а то выселятъ. Мы на вывозку желаемъ...

Деревня, изъ которой былъ мужикъ, стояла на полпути по дорогѣ въ Бѣгичевку. Онъ заѣхалъ къ себѣ перепрячь лошадь и пообѣдать самому. Когда мы подъѣхали къ его двору, я зашелъ къ нему въ избу. Изба была очень небольшая, тѣсная, съ земляныиъ поломъ. Лавки были мокрыя. Со стѣнъ и потолка текло. По полу ходить въ валенкахъ было нельзя. И въ этой избѣ, кромѣ жены и матери, хозяина и троихъ дѣтей, помѣщались только что объягнившіяся овцы съ ягнатами. Воздухъ въ избѣ былъ совершенно невозможнымъ. Удивительно было, какъ тутъ жили люди.

Мужикъ сѣлъ обѣдать. Я взглянулъ, что ему подали. Ему налили какой-то мутной бурды вмѣсто щей и поставили, хотя очищенный, но ничѣмъ не масляный картофель. Ѣлъ ли онъ что еще,—я не знаю, такъ какъ я долго оставаться въ избѣ не могъ, а вышелъ на улицу. А что-

бы не скучно было ожидать моего подводчика, я розыскалъ бывшую въ деревнѣ лавочку и попросилъ лавочника поставить мнѣ самоваръ, чтобы напиться чаю. Кромѣ какъ у лавочника въ деревнѣ самоваровъ не было ни у кого...

III.

Послѣ чаю мы поѣхали дальше, и когда уже смерклось, мы прiѣхали въ Бѣгичевку, большую деревню, спускавшуюся тѣмъ концомъ, гдѣ стояла помѣщичья усадьба г.г. Раевскихъ, къ Дону, а другимъ выходившая въ широкую занесенную снѣгомъ гладь. Мы подъѣхали къ придѣлку пустовавшаго господскаго дома, въ которомъ и помѣщался весь персоналъ, распредѣлявшiй помощь между голодныхъ. Во главѣ всего дѣла послѣ Л. Н-ча стоялъ П. И. Бирюковъ, но его сейчасъ тутъ не было, онъ поѣхалъ на время въ Москву. При входѣ въ домъ меня встрѣтила молодая бѣлокурая, румяная дѣвушка, съ музыкальнымъ голосомъ П. Н. Шарапова и ея братъ М. Н., молодой человѣкъ съ острыми чертами лица и рѣзкими манерами. Кромѣ брата и сестры Шараповыхъ, тутъ былъ не высокiй, пожилой отерханый человѣчекъ, очень похожiй на древняго дьячка, съ рѣдкой клиномъ бородой и толстымъ фiолетовымъ носомъ. Его мнѣ назвали Александромъ Петровичемъ. Этотъ Александръ Петровичъ былъ обрѣтенъ Л. Н-чемъ во время переписи въ одной изъ ночлежекъ въ Москвѣ. Онъ былъ когда-то офицеромъ, но свихнулся, спился и попалъ въ золотую роту. У него былъ довольно приличный почеркъ, Л. Н-чъ, взявши его къ себѣ, давалъ ему иногда переписку. Заработавши нѣсколько деньжонокъ, Александръ Петровичъ покупалъ себѣ одежду, бѣлье и уходилъ куда-нибудь, но потомъ онъ снова спускалъ съ себя все, опять шатался гдѣ день, гдѣ ночь— потомъ опять являлся къ Толстымъ, опять работалъ... Въ Бѣгичевку онъ попалъ, чтобы переписывать новое сочиненiе Л. Н-ча, которымъ тотъ былъ послѣднее время очень занятъ.

Шараповы встрѣтили меня очень радушно. Начались разспросы о Москвѣ, о Львѣ Николаевичѣ, о новостяхъ, какiя были въ столицахъ. Я привезъ съ собою только что вышедшую тогда книжку „Сѣвернаго Вѣстника“ съ разсказомъ Л. Н-ча „Суратская кофейня“. Шараповы стали читать ее. Потомъ пошла критика, разговоры. Вечеръ прошелъ очень оживленно.

Проснувшись утромъ и выйдя изъ своей комнаты въ прихожую, я увидѣлъ стоявшую тутъ артель бабъ, которыя пришли просить перемѣнить столовщика, т. е. хозяина избы, въ которой содержалась столовая. Онѣ жаловались на него, что онъ очень безобразно велъ себя, плохо готовилъ, грубилъ приходившимъ въ столовую обѣдать. Бабы имѣли очень жалкiй

видъ. Обуты онѣ были въ лапти, подолы у нихъ были высоко подобраны. На одной былъ старый полушубокъ, на другихъ кафтаны съ растегнутыми воротниками. Головы были обмотаны старыми линючими платками. Лица у всѣхъ были истомленныя. Бабы казались преждевременно состарившіяся, грязныя, морщенныя; по одному виду ихъ можно было подумать, что имъ не легко живется.

Вслѣдъ за этимъ я увидѣлъ двухъ мужиковъ, которые пришли въ Бѣгичевку за 60 верстъ съ тѣмъ, чтобы просить графа открыть у нихъ столовыя. У нихъ, какъ и въ окружающихъ деревняхъ, тоже была большая нужда. И чтобы добиться хоть какой-нибудь помощи, они и притащились сюда пѣшкомъ. Питались они подаяніемъ, ночевали хотя и въ избахъ, но на земляномъ полу, такъ какъ иначе негдѣ было ложиться. Болѣе теплыя мѣста занимались самими хозяевами. Я представилъ себѣ удовольствіе этой ночевки. Но имъ до этого было мало горя, имъ хотѣлось хоть чего-нибудь добиться.

Шараповы хотя жили въ придѣлкѣ, но столовались въ крестьянской избѣ, черезъ улицу на другомъ посадѣ. Хозяева избы были полные бобыли. Они еще въ прошломъ году умирали съ голоду. Хозяинъ заболѣлъ ревматизмомъ, поэтому никуда двинуться не могъ. Хозяйка, у которой, кромѣ больного мужа, было на рукахъ еще трое дѣтей, тоже никуда отойти не могла. Когда обнаружился неурожай, они стали продавать скотъ, сбрую, заложили землю и все проѣли. Дошло до того, что имъ нечего стало ни ѣсть, ни продавать, ни нечѣмъ согрѣться. Изба у нихъ развалилась. Въ это время въ Бѣгичевку пріѣхала Павла Никол. Узнавши о положеніи семьи, она приняла въ ней участіе, починила имъ избу и сняла у нихъ квартиру. Это обезпечило имъ топку на всю зиму. Потомъ, когда семья нѣсколько справилась, хозяйку заставили стряпать на нихъ, у умирающихъ появился хлѣбъ и провизія, и они нѣсколько воспрянули духомъ, или „ожили“, какъ они говорили.

Другимъ бѣдствующимъ въ Бѣгичевкѣ помогали дровами и кормили въ столовыхъ два раза въ день. Въ столовыя ходили всѣ, которые не получали ссуды или пособія отъ земства, и которые не имѣли заработковъ, лошадей. Устанавливалось это подворными списками и провѣркой ихъ на сходахъ. Шли въ столовыя, конечно, самая бѣднота, зажиточнымъ было зазорно получать помощь „Христа ради“. Пища была простая, постная. „Убоины“ не было даже на рождественскіе праздники. Кромѣ столовыхъ, въ Бѣгичевкѣ была пекарня, продававшая ежедневно хлѣбъ по очень сходной цѣнѣ.

IV.

Въ Бѣгичевкѣ все пока такъ было налажено, что мнѣ тамъ дѣлать было нечего, и на первыхъ порахъ мнѣ пришлось отправиться на другой пунктъ, на Пятовскій, куда я послѣ обѣда и сталъ справляться. Когда я справился, мнѣ подали подводу, и я, усѣвшись въ сани, поѣхалъ къ Пятову, отстоявшему отъ Бѣгичевки верстахъ въ семи.

Спустившись подъ гору, мы переѣхали Донъ, очень не широкій тутъ, и поѣхали на деревню. Деревни одна за другой тянулись почти безъ перерыва. Онѣ всѣ имѣли очень убогій видъ. Маленькія, низенькія, съ крохотными оконцами, избушки, жалкіе дворы, сараи. Многія постройки были раскрыты, и оголенныя стропила съ рѣшетникомъ выглядывали обглоданными костяками по всей линіи и наводили тяжелую грусть. Встрѣчались такія избы, у которыхъ никакихъ дворовъ не было, а дверь выходила прямо на улицу. И въ такихъ избахъ жили люди! Жили и на что-то надѣялись въ будущемъ.

— Какъ же тутъ быть-то?—не утерпѣлъ я, чтобы не спросить своего возницу.

— И сами не знаемъ, сказалъ онъ. Вся надежда на графа.

— А что же графъ можетъ сдѣлать вамъ?

— Може выхлопочетъ, чтобы землю намъ отдали, а то переселиться куда. А безъ этого, хоть ложись, да помирай!

— Какъ же вамъ землю отдать,—вѣдь земля вся на рукахъ. Небось, въ волостномъ читалъ царскія слова.

— Что-жъ царскія слова. Тогда говорилось объ одномъ, а теперь пойдетъ рѣчь о другомъ. Царь всякій законъ можетъ перемѣнить. Были мы крѣпостными, а сдѣлались вольными... И землю такъ можетъ разслобонить...

— А помѣщикамъ-то у васъ хорошо жить?

— Какъ же не хорошо? Все въ ихъ рукахъ: вся земля. Вотъ, почитай, каждая деревня окружена ихъ землями. Одинъ съ одного конца, другой съ другого. Курицу выпустить нельзя, сейчасъ попадетъ, а про скотину-то и говорить нечего... Хорошо, что скотины-то все меньше и меньше дѣлается,—переводится, Богъ даетъ, а то бы и не живи на свѣтѣ.

Извозчикъ криво усмѣхнулся и подстегнулъ лошадь.

— Своей земли мало у мужиковъ—такъ небось помѣщичья даетъ заработокъ?—спросилъ я.

— Какъ же даетъ. Мы вотъ работаемъ... Наша семья слава Богу не потерянная. Да и не хочется терять себя... Своей земли у насъ на три души всего... Три полнивы—по полнивы на душу въ полѣ. Съ одной

ея не прокормиться ни почемъ... Ну и беремъ у господъ. Мы каждый годъ по десяти десятинъ обрабатываемъ.

— Сколько же вы на этомъ вырабатываете?

— Сорокъ рублей.

— Какъ, за всѣ за десять десятинъ?

— За десять десятинъ.

— Что же вы на нихъ дѣлаете?

— Все. Спашемъ и сборонуемъ. Навозъ вывеземъ, опять спашемъ, скосимъ, свозимъ.

— И за это четыре рубля?

— И за это четыре рубля. А деньгами не хошь, бери картофельную ботву. За десятину работы—ботву съ десятины.

— А на что же эта ботва?

— Скотинѣ ѣсть.

— А развѣ она ѣстъ ее?

— Эва, да еще какъ, только давай побольше.

Бѣдная скотина! У насъ она и не глядитъ на нее. Обгрызетъ, когда очень голодно, листья, а къ стеблямъ и не прикоснется—а здѣсь это лакомый кормъ. Дѣйствительно, голодный край!

Подъѣзжая къ Пятову, въ одной деревнѣ я увидѣлъ два каменныхъ сарая. Одинъ изъ нихъ былъ безъ крыши и со слѣдами копоти на стѣнахъ.

— Это что такое?

— Пожаръ былъ, сгорѣлъ—отвѣтилъ мнѣ возница.

— А съ чѣмъ онъ былъ?

— Съ просомъ. Батюшкино просо тутъ лежало, ну и сгорѣло.

— Отчего же?

— Подожгли, должно.

— Какой же изъ этого толкъ? Люди голодаютъ, а тутъ просо жгутъ. Неужто некуда было дѣвать?

— Темный народъ изъ ненависти. Батюшка-то у насъ хозяйственный. Какъ мужики-то пооcлабли, онъ и сталъ у господъ землю снимать. Снимаетъ, да мужиковъ работать нанимаетъ. Благо они дешевы стали. И сѣетъ ими и убираетъ. Вотъ сколько набралъ. Изъ этихъ мужичковъ его кто-то и подпалилъ.

— Значитъ, всѣ труды батюшкины ни во что пошли?

— Нѣтъ, осталось и у него... Много еще... Онъ не одинъ годъ это устраивалъ. Говорятъ, тыщъ десять отложилъ...

Проѣхавши эту деревню, мы, наконецъ, подъѣхали къ Пятовской мельницѣ. Мельница стояла не работая. Молоть было нечего. Изрѣдка на нее привозили что-нибудь. Главный заработокъ мельникъ получалъ отъ

складовъ для голодающихъ, какъ для бѣгичевскаго района, такъ и отдѣленія Краснаго Креста, находившагося въ сосѣднемъ имѣніи, Орловкѣ, у помѣщика Р. А. Писарева. Крестьяне же возили мало: мѣшокъ, осьмину, рѣдко кто четверть.

Помѣщеніе для жилья при мельницѣ было въ нижнемъ этажѣ каменнаго зданія, верхъ котораго съ годъ тому сгорѣлъ и не возобновлялся. Сначала шла темная и грязная кухня, по обыкновенію всѣхъ людскихъ помѣщеній въ той мѣстности, съ земляныиъ поломъ, до того сырымъ, что на немъ стояли лужи, а чтобы не намочить ноги въ этихъ лужахъ при проходѣ въ чистое помѣщеніе, были брошены двѣ доски. Чистое помѣщеніе было съ поломъ, перегорожено тесовой перегородкой. Въ немъ жили хозяева—молодой малый изъ смоленскихъ мѣщанъ, съ сестрою и завѣдующій пятовскимъ райономъ помощи голодающимъ доброволецъ Л—гъ. Л—гъ былъ интеллигентъ съ спеціальнымъ образованіемъ, но опростившійся. Онъ ходилъ въ валенкахъ, полушубкѣ и синей домотканной рубахѣ. Встрѣтивши меня и узнавши, что я пріѣхалъ помогать ему, онъ, какъ только мы напились чаю, сталъ знакомить меня съ своимъ дѣломъ, показалъ, какъ у нихъ производятся выдачи, записи, книжки. Сейчасъ же мы усѣлись производить подсчетъ выданнаго за этотъ день провіанта. Назавтра ожидалось произведеніе новой выдачи.

V.

Со слѣдующаго же дня я приступилъ къ работѣ по выдачѣ провіанта изъ склада. Былъ сильный морозъ. Но мы не успѣли еще напиться чаю, какъ явились просители за дровами. Помощь дровами оказывалась тѣмъ, у кого не было лошадей. Тѣ же, у кого были лошади, могли заработать себѣ дровъ, ну хотя тѣмъ, что исполу привезти ихъ намъ со станціи Клекотки. На этотъ разъ пріѣхали и лошадные и очень просили выручить ихъ, такъ какъ они отъ такого мороза чуть не замерзаютъ. Кое-кого удовлетворили, но въ небольшихъ размѣрахъ. Выдавать всѣмъ дровъ не было никакой возможности.

Послѣ выдачи дровъ пришлось заняться выдачей провизіи для столовыхъ. Дѣлалось это такъ. Столовщикъ, пріѣхавъ, задавалъ книжку, въ которой было помѣчено сколько на столовой ѣдоковъ, и на каждаго ѣдока высчитывалось, что ему полагалось на недѣлю: муки, гороху, соли, крупъ, дровъ, масла, керосину. Все это помѣщалось въ сараѣ, на холодѣ. Съ непривычки дѣлать это было трудно и кропотливо. Отпускъ шелъ нѣсколько часовъ. Наконецъ, все было отпущено, мужики разъѣхались, можно было и отдохнуть.

Послѣ обѣда Л—гъ поѣхалъ въ одну изъ ближайшихъ деревень,

Щекину, изъ которой крестьяне, имѣющіе лошадей, взяли у него накладную на станцію, чтобы привезть дровъ, но дровъ не везли. Л—гъ безпокоился, почему они не везутъ дровъ. Съѣздивъ въ деревню, онъ узналъ, что мужики полностью привезти дровъ не могутъ, потому что многіе не утерпѣли, чтобы не взять по нѣсколько охапокъ съ возовъ—поэтому если они доставятъ эти воза, то имъ не отвѣтаться противъ отпущеннаго.

Я предложилъ Л—гу такой выходъ: пусть они всѣ эти дрова оставятъ себѣ, а слѣдующую поѣздку цѣликомъ привезутъ намъ. Меня поддержалъ хозяинъ мельницы, но Л—гъ, раздосадованный неаккуратностью мужиковъ, на это не соглашался.

— Нѣтъ, они должны привезти эти возы — твердилъ онъ, раздувая ноздри.

— А если не привезутъ, что вы съ ними сдѣлаете?

— Должны привезти!

— А я думаю не привезутъ и вотъ почему—заявилъ хозяинъ.— Имъ тутъ говорятъ, съ вами-толстовцами можно дѣлать что угодно, вы защищаться не будете, въ судъ жаловаться не пойдете.

— Кто это говоритъ? — весь красный отъ негодованія воскликнулъ Л—гъ.

— Находятся, говорятъ.

— А вы какъ думаете?

— Я думаю слѣдуетъ сходить къ Льву Викторовичу (земскому начальнику) да пожаловаться на нихъ. Пусть они не зазнаются. Они—свиньи.

— Свиньи ли?—усомнился я.

— А то кто же?..—отстаивалъ свое мельникъ.—Развѣ имъ нужно помогать? Совсѣмъ не слѣдовало бы. Помощью среди нихъ только плодятъ тунеядцевъ, отбиваютъ отъ дѣла, да у другихъ дѣло отбиваете.

— У кого же это у другихъ?—задорно спросилъ Л—гъ.

— Мало ли у кого — уклончиво отвѣтилъ мельникъ. Но мнѣ было ясно, о комъ онъ сожалѣетъ.

Передъ вечеромъ къ намъ пріѣхалъ изъ Бѣгичевки Александръ Петровичъ и съ нимъ какой-то молодой человѣкъ — крайне некрасивый, близорукій, съ длинными бѣлокурыми волосами, въ короткомъ бабьемъ дубленномъ полушубкѣ безъ воротника и въ сѣрыхъ валенкахъ. Мнѣ его назвали С—ко. Онъ былъ сынъ московскаго адвоката, студентъ университета. За организованіе какого-то кружка онъ былъ исключенъ изъ университета и высланъ изъ Москвы. Онъ завѣдовалъ А—вскимъ пунктомъ и работалъ, какъ мнѣ сказали послѣ, очень горячо, но безпорядочно. У него никогда не доставало до срока провизіи, денегъ. И сейчасъ онъ пріѣхалъ

просить у насъ того и другого. Съ нимъ подѣлились чѣмъ могли и послѣ офиціальныхъ разговоровъ перешли на частные.

С—ко заявилъ, что онъ очень увлекался идеями нѣмецкой соціалъ-демократіи, мечталъ о пересажденіи ихъ на русскую почву, написалъ въ этомъ духѣ нѣсколько статей, но теперь онъ болѣе склоненъ раздѣлять Толстовскіе взгляды. Совершенствованіе личности должно быть поставлено во главу угла—и только сознаніе каждымъ себя, какъ человѣка, можно переустроить несовершенную жизнь, и только такимъ путемъ можно достигнуть улучшенія всякаго положенія. Онъ говорилъ, что необходима доброта, воздержаніе, и что онъ что-то пишетъ по этому поводу.

Онъ былъ горячій человѣкъ и впечатлительный. Когда вечеромъ мы стали вслухъ читать разсказъ Потапенко „Тайна", то С—ко расплакался надъ нимъ.

Онъ говорилъ, что у нихъ начинается тифъ. Нужна лечебная помощь, а средствъ на это нѣтъ. Все, что поступаетъ къ нимъ, это лишь капля въ морѣ.

Они остались у насъ ночевать, и разговоры о неустройствѣ крестьянъ долго занимали насъ. Никакого выхода изъ этого положенія никто не видѣлъ, и это навѣвало какую-то душу угнетающую одурь...

VI.

Потянулась трудовая однообразная жизнь. Кромѣ выдачи провизіи, мнѣ приходилось ѣздить по деревнямъ, гдѣ были столовыя, провѣрять списки, однихъ вписывать, другихъ выписывать. Выписывалось очень мало и случалось это за смертью, за выдачей дѣвки замужъ, послѣ ухода кого-нибудь на заработки, но приписывать приходилось гораздо больше. Требованія и на дрова, и на столовыя увеличивались съ каждымъ днемъ—просили помощи считавшіеся зажиточными: по списку въ домѣ значилось нѣсколько лошадей, коровъ, овецъ. Въ одну такую семью я зашелъ, чтобы провѣрить списокъ. Изба была просторная и семья многолюдная. Хозяинъ ея слѣзъ съ печи и всталъ предо мной. Провѣривъ списокъ, я не удержался, чтобы не сказать:

— Какъ же изъ вашего дома просили записать въ столовыя. Мы этого не можемъ. У васъ домъ полная чаша.

— А каково этотъ домъ содержать?—съ горечью проговорилъ хозяинъ.

— Все-таки. У васъ вотъ лошади, коровы, овцы.

— А нѣшто ихъ кормить-то не надо? Имъ корму-то вонъ сколько нужно. Съ ними-то и зарѣзъ. У меня все подметено,—и сѣно, и солома, и

хлѣбъ. Все покупать надо. А много-ль мнѣ ребята подаютъ? Хоть бы земство выдавало на кормъ, а то и земство не выдаетъ. Когда заявку сдѣлали, а отвѣта все нѣтъ. Хоть бы муки побольше дали, я бы мукой посыпалъ имъ. А то не придумаю, что и дѣлать — продать если, продашь за безцѣнокъ, а потомъ, лѣтомъ что мнѣ будетъ дѣлать? Скотомъ мы кормимся, на немъ работаемъ, а безъ скота куда намъ дѣваться?.. На Гришки Рыжаго полосу ѣхать.

Григорій Рыжій былъ работникъ на мельницѣ. Онъ жилъ, получая шесть рублей въ мѣсяцъ. У него была жена, шесть человѣкъ дѣтей, которые ютились въ убогой избушкѣ, кормились въ столовой и не имѣли не только никакого скота, но даже и куръ.

Положеніе было дѣйствительно тяжелое, но намъ помогать имъ не было возможности, приходилось отказывать.

Были и такіе случаи. Одна женщина просила:

— Запиши ты хоть моихъ ребятишекъ, а то всѣ ходятъ въ столовую, а мои дома сидятъ—завидки берутъ.

— Вы вѣдь достаточные?

— Ну, какіе наши достатки. Тоже хрестьяне, а не купцы.

Пришлось и въ этомъ случаѣ отказать.

Отказовъ приходилось дѣлать очень много, особенно въ выдачѣ дровъ, которыхъ просили больше всего. Не было ни средствъ, ни возможности. Каждую почту приходили прошенія, письма, приговоры. Въ нихъ говорилось о крайней стѣснительности положенія, и просили, умоляя Христомъ Богомъ, помочь. Но у насъ не было возможности не только помочь всѣмъ, но и отвѣтить.

Нужда и нищета росли съ каждымъ днемъ и странно было смотрѣть, какъ среди этой нищеты и вымиранья раскидывались широкія помѣщичьи усадьбы, возвышались прекрасные, удобные дома, шла праздная барская жизнь, среди которой гоняется охота, ѣздятъ перегашиваться, устраиваются обильные обѣды съ музыкой, танцами. И эти поющіе и танцующіе люди не только были равнодушны къ разростающемуся горю тысячъ трудовыхъ людей, а еще могли враждебно относиться къ нимъ.

VII.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего пріѣзда на голодовку въ Бѣгичевку пріѣхалъ Левъ Николаевичъ съ дочерьми: Татьяной Львовной и Маріей Львовной. Они поселились въ пустовавшемъ въ ту зиму главномъ домѣ Раевскихъ. Когда мы всѣ собрались къ нему, Левъ Николаевичъ заявилъ, что пожертвованій въ этомъ году поступаетъ довольно мало. Люди устали,

или имъ надоѣло помогать голодающимъ—поэтому нужно дотянуть помощ до конца зимы хотя въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ она идетъ. Поэтому расширять ее не приходится.

А между тѣмъ нужда не убывала. Съ каждымъ днемъ больше и больше являлось требованій. Ежедневно къ крыльцу приходили толпы людей „до графа". Они ждали его выхода. И когда онъ выходилъ, подступали къ нему съ просьбами. Просили хлѣба, дровъ, денегъ на кормъ скота, написать прошеніе, похлопотать о переселеніи. Несмотря на пламенное желаніе многихъ выселиться на новыя земли, выселиться было нельзя. Передъ этимъ было сдѣлано распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы временно всякія переселенія пріостановить. Сдѣлано это было съ тою цѣлью, чтобы крестьяне, обезкураженные голодовками, не вздумали переселяться массами и не оставили-бъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ безъ рабочихъ рукъ. Льву Николаевичу приходилось кого удовлетворять, кому отказывать. Возникали жалобы со стороны столовщиковъ на владѣльцевъ помѣщеній, гдѣ были столовыя, приходилось ѣздить по деревнямъ и провѣрять жалобы на мѣстѣ.

Съ пріѣздомъ въ голодающія мѣста Льва Николаевича, я покинулъ Пятовскую мельницу и переселился въ Бѣгичевку. Тутъ выдачей завѣдывали учитель и служащіе въ Бѣгичевской экономіи. Мнѣ пришлось тутъ только отмѣчать въ книжкахъ выдачу и вести подсчетъ. Главное же дѣло было—провѣрка списковъ на мѣстахъ, для чего приходилось разъѣзжать по деревнямъ и обходить по очереди всѣ дворы.

Эти обходы были самымъ мучительнымъ дѣломъ. На улицѣ стояли крѣпкіе морозы. Всѣ поля были покрыты снѣгомъ. Снѣгъ горѣлъ и искрился на февральскомъ солнцѣ милліонами алмазовъ, такъ что было больно глазамъ. Воздухъ былъ свѣжій и чистый. Но лишь только входишь въ избу, чувствуешь, что у тебя захватываетъ дыханье. Промозглая сырость, мокрый полъ, запухшія окна, въ углахъ иней, со стѣнъ и потолка течетъ. И къ этому страшный угаръ почти въ каждой избѣ. Бѣдствующіе топливомъ хозяева, чтобы побольше задержать въ печкѣ тепла, не давши перегорѣть какъ слѣдуетъ дровамъ, закрывали печку. И въ этихъ условіяхъ жили старики, дѣти, лежали больные. Ночью ютились кто въ печкѣ, кто на печкѣ. Больше дѣваться было некуда.

Обойти деревню въ 50 дворовъ едва хватало силъ. Выскакиваешь изъ послѣдней избы какъ пьяный, садишься скорѣе на лошадь и ѣдешь домой, а дома стремишься броситься въ постель, чтобы собраться съ физическими и душевными силами. Въ такомъ состояніи не рѣдко возращались Павелъ Ивановичъ и другіе. На всѣхъ деревня производила гнетущее впечатлѣніе.

Левъ Николаевичъ писалъ въ это время свое „Царство Божіе“, гдѣ съ необычайной силой и яркостью онъ изобразилъ картину сбитыхъ въ кучу крестьянъ, надъ которыми предполагали произвести экзекуцію. Жгучее негодованіе, кидавшееся имъ по адресу тѣхъ, которые хотѣли совершить это возмутительное дѣло, было особенно понятно, когда узналъ положеніе тамошнихъ крестьянъ.

По окончаніи занятій мы иногда собирались вокругъ Льва Николаевича и читали его новую работу, или что-нибудь изъ общей литературы. Левъ Николаевичъ интересовался тогда журналомъ „Сѣверный Вѣстникъ“, издаваемымъ Л. Я. Гуревичемъ. Въ I книжкѣ за тотъ годъ онъ съ интересомъ читалъ статью Волынскаго о Гоголѣ, но другая его статья въ слѣдующей книжкѣ о буддизмѣ была встрѣчена въ Бѣгичевкѣ не такъ сочувственно. Было обнаружено много длиннотъ, а главное неясность мысли. Но въ общемъ тогда Левъ Николаевичъ считалъ Волынскаго серьезнымъ писателемъ, правильно, философски подходящимъ къ разъясненію многихъ вопросовъ.

По вечерамъ въ Бѣгичевку пріѣзжали кое-кто изъ сосѣдей. Между прочимъ, тамъ бывалъ докторъ Б—скій. Шли разговоры о положеніи крестьянъ, о выходѣ изъ этого положенія, о религіи, философіи, литературѣ. Кромѣ книжекъ и журналовъ, читали рукописи статей, писавшихся въ Бѣгичевкѣ. Читалъ свои писанія, печатавшіяся тогда въ „Недѣлѣ“, П. И. Бирюковъ, С — ко, прочиталъ небольшой рефератъ Б—скій. Все возбуждало разговоры, обмѣнъ мнѣній. Пріѣхавшій со Львомъ Николаевичемъ Е. И. Поповъ разсказывалъ объ отказѣ отъ воинской повинности сельскаго учителя изъ Курской губерніи, Е. Н. Дрожжина. Это былъ первый случай отказа отъ солдатчины на основаніи евангельскаго ученія. Дрожжина упрятали въ дисциплинарный баталіонъ и замучили тамъ. Левъ Николаевичъ придавалъ этому случаю огромное значеніе и видѣлъ въ этомъ проявленіи человѣческаго духа великую силу людей, которые могутъ завоевать себѣ свободное и независимое отъ другихъ положеніе въ будущемъ.

VIII.

Мнѣ каждый день приходилось разъѣзжать по деревнямъ, осматривать столовыя, спрашивать, довольны ли хозяевами, разбирать жалобы, выписывать столующихся, приписывать. Мужики большею частію вели себя очень серьезно, говорили, какое значеніе имѣетъ для нихъ помощь, и просили разъяснить, когда же будетъ перемѣна порядковъ, прибавка земли и какъ бы имъ добиться разрѣшенія на переселеніе. Уставать приходилось иногда такъ, что, возвратившись домой, чувствовалъ себя ни на что не

способнымъ и уже кое-какъ домаячивался день. Къ этому иногда прибавлялись кое-какія непріятныя столкновенія.

Однажды вечеромъ, завернувъ въ пекарню, я увидѣлъ сидящаго тамъ торговца изъ сосѣдняго села, богатея, живущаго подъ желѣзной крышей, имѣющаго лавку съ краснымъ товаромъ, трактиръ и постоялый дворъ.

— Какъ вы сюда попали?—спрашиваю я.

— За хлѣбомъ пріѣхалъ.

— За какимъ хлѣбомъ?

— На пекарню къ вамъ. Да еще въ печи сидитъ, не вышелъ, полчасика велѣли обождать.

— На что же онъ вамъ?

— Ѣсть. Помилуйте, мы всю зиму беремъ. Прямой расчетъ, по шести гривенъ пудъ. Изъ своей муки много дороже обходится.

Я никакъ этого не ожидалъ. А онъ такъ добродушно разсказывалъ объ этомъ, какъ будто бы пользоваться хлѣбомъ, предназначаемымъ для голодающихъ, ему, богатому и сытому, не только не грѣхъ, а особая честь. Дальше только я понялъ, что какъ же могло быть иначе? Онъ все благополучіе свое создалъ на томъ, что отбиралъ крохи у голодающихъ и никогда не считалъ это грѣхомъ, могъ ли онъ въ этомъ случаѣ не воспользоваться. Я все-таки не утерпѣлъ и сказалъ:

— И вамъ не стыдно?

— Чего же стыдиться-то? Я вѣдь деньги плачу. Если бы я задаромъ.

— Да этотъ хлѣбъ печется для неимущихъ. Неужели вы считаете себя неимущимъ?

Торговецъ покраснѣлъ и заморгалъ глазами.

— Да вѣдь продаютъ, не задаромъ—опять повторилъ онъ свой аргументъ,—если торгуютъ, такъ всякій покупать можетъ.

Я сталъ ему объяснять, что у насъ вовсе не торгуютъ. Торгуютъ съ цѣлью нажить, а здѣсь не возвращаютъ даже того, во что себѣ товаръ обходится. Но торговецъ вмѣсто того, чтобы понять меня, только разсердился.

— Ну хорошо-съ, если я самъ не поѣду, то пошлю кого-нибудь изъ мужиковъ. Вѣдь тѣмъ-то вы продадите?

— Продадимъ.

— Ну вотъ, онъ будетъ покупать какъ будто бы себѣ, а на самомъ-то дѣлѣ мнѣ. Все единственно.

И торговецъ, разсерженный, уѣхалъ.

Встрѣчались и другія злоупотребленія. Нѣкоторые продавали свой хлѣбъ и прятали деньги, а сами записывались въ столовыя. Нѣкоторые подкупали выдающихъ провизію выдавать имъ побольше. Изъ рабочихъ,

способнымъ на это оказался одинъ, по имени Ефимъ. Онъ выдавалъ себя а принадлежавшаго къ какой-то сектѣ, за что онъ будто бы даже пострадалъ. Его держали въ тюрьмѣ, а брата его такъ даже сослали. Онъ былъ съ грязнаго цвѣта лицомъ, рѣденькой бородкой и совершенно безцвѣтными глазами. Говорилъ онъ нескладно—съ трудомъ можно было добиться, что онъ хочетъ выразить своими словами. Левъ Николаевичъ захотѣлъ однажды подробнѣе узнать, къ какой сектѣ онъ принадлежитъ и за что его преслѣдовали, и позвалъ его къ себѣ. Хотя вскорѣ выяснилось, что преслѣдовали-то не его, а брата, а онъ брата выдалъ, поэтому того и сослали въ ссылку, но все-таки Ефимъ послѣ этого поднялъ голову и сталъ кичиться тѣмъ, что его самъ „графъ" отличаетъ отъ другихъ, и сдѣлался прямо нестерпимъ съ другими рабочими. Даже намъ онъ сталъ говорить грубости и дѣлать пакости, у П. Н. Бирюкова впослѣдствіи онъ даже укралъ сто рублей денегъ.

Но рядомъ съ такими субъектами были такіе, какъ нашъ извозчикъ Дмитрій, честно и аккуратно исполнявшій всякія порученія. Пешковскій мужикъ Василій, который на міру распинался, чтобы всѣ выполняли свои обязанности по совѣсти; но всѣхъ интереснѣе ихъ былъ крестьянинъ села Екатериновки, Мельниковъ. Это былъ небольшой, курносый, бѣлокурый мужичокъ съ чистыми дѣтскими глазами. Онъ приходилъ къ намъ не за матеріальной помощью. Такой помощи онъ не просилъ. У него не было нужды, чтобы ему ходить въ столовую. Жилъ онъ на обыкновенномъ надѣлѣ. Такой же у него былъ скотъ, та же земля, но у него родилась и рожь, и просо, и картофель. Кромѣ этого, у него были разныя овощи. Онъ одинъ изо всей Екатериновки имѣлъ огородъ и работой, заботой, своевременной поливкой и полкой достигъ того, что у него все выходило сносно. У другихъ картофель по орѣху, а у него по яйцу, у однихъ ничего нѣтъ, а у него всѣ овощи. Намъ все это было очень интересно, интересовало это и Мельникова. „Это что-жъ, говорилъ онъ, такъ можно и деньги нажить. Засѣять побольше, да вырастить, да продавать, отъ этого будетъ прямая выгода".

И онъ спрашивалъ у насъ, въ какой книжкѣ могутъ быть къ этому настоящія указанія. Ему указали на книгу Греля „Доходное плодоводство" и онъ просилъ насъ выписать ее ему. Книгу выписали, получилъ ли онъ отъ нея что, я не знаю, такъ какъ съ тѣхъ поръ я объ немъ никакихъ свѣдѣній не имѣлъ.

IX.

Однажды въ Бѣгичевкѣ появилось два молодыхъ человѣка изъ Москвы, знакомые Шараповымъ, и нѣсколько барышень. Они тоже выразили

желаніе помогать въ дѣлѣ распредѣленія помощи и просили отвести имъ какой-нибудь пунктъ. Левъ Николаевичъ спросилъ ихъ о томъ, что побуждаетъ ихъ поселиться въ деревнѣ. Молодые люди откровенно заявили, что имъ хочется воспользоваться случаемъ и попробовать просвѣщать крестьянъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, ненормальности его и о необходимости выхода изъ него. Левъ Николаевичъ спросилъ, какой же путь они полагаютъ для выхода бѣдствующему народу изъ его положенія. Они отвѣтили, что вѣрный путь это усвоеніе началъ солидарности трудящихся, объединеніе въ группы, а потомъ предъявленіе своихъ требованій.

— И вы разсчитываете на успѣхъ этого?—спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Вполнѣ.

— Ну, а я этого не могу допустить, сказалъ Левъ Николаевичъ, и сталъ доказывать, что внѣшними средствами бороться за свою самостоятельность нельзя. Тѣ, кому нужно, чтобы люди были не людьми, никогда не допустятъ этого и у нихъ есть на это очень внушительныя средства. У нихъ есть суды, ружья, войско, солдаты. Лишь только они замѣтятъ, что массы начинаютъ имъ противодѣйствовать, какъ они обрушатъ на нихъ всѣ свои средства, и массы будутъ подавлены. А разсѣявшимся одинъ разъ трудно будетъ собраться снова въ цѣлое, угнетатели же массъ всегда будутъ имѣть возможность легче сорганизовать нужную имъ силу. А нужно такъ, чтобы не было изъ кого врагамъ собирать на помощь себѣ силу, а для этого нужно внутреннее просвѣтленіе людей, развитіе духовныхъ свойствъ отдѣльной личности. Тогда изъ такихъ людей нельзя имѣть орудіе для злыхъ дѣяній. Они сами будутъ отстаивать справедливое и человѣчное и отстаивать такъ, что имъ будутъ не страшны ни разгоны, ни тюрьмы, ни сама смерть.

Левъ Николаевичъ говорилъ по обыкновенію сильно и убѣдительно. Гости не могли ничего привести съ достаточной яркостью въ опроверженіе его, хотя, видимо, и не соглашались съ нимъ. Они чувствовали себя очень не ловко. Неловкость ихъ увеличилась еще болѣе послѣ того, какъ Левъ Николаевичъ заявилъ, что онъ не можетъ допустить ихъ работать въ своихъ участкахъ именно изъ-за того, чтобы не вышло какихъ недоразумѣній.

Наша помощь была безъ всякой тенденціи. Никто изъ насъ ни проповѣдями, ни пропагандой не занимался, да по пословицѣ „голодное брюхо къ ученію глухо“ едва ли бы кто что могъ и воспринять въ такомъ положеніи. Наша забота была только о томъ, чтобы указывать обществу на всю тяжесть положенія крестьянъ. Слѣдствіемъ этого вышло то, что я помѣстилъ корреспонденцію въ одинъ изъ толстыхъ журналовъ, а П. И. Бирюковъ написалъ нѣсколько очерковъ въ „Недѣлю“ и составилъ прошеніе отъ Епифанскихъ крестьянъ тульскому губернатору о скорѣйшемъ

разрѣшенія имъ переселенія. Левъ Николаевичъ же, набросавъ конецъ къ „Царству Божію", принялся за составленіе отчета о помощи голодающимъ, въ которомъ онъ рѣшилъ высказаться, что дѣло помощи не важно и не главное. Главное же это то, чтобы въ будущемъ не было необходимости въ этой помощи. Необходимость же эта минуется тогда, когда люди высшихъ классовъ перемѣнятъ свое отношеніе къ народу и землѣ.

Несмотря на все старанье Льва Николаевича статья выходила нецензурной, а ему хотѣлось непремѣнно ее опубликовать. Кромѣ этого, Левъ Николаевичъ собиралъ свѣдѣнія, сколько еще чего нужно, гдѣ что добыть, какъ извернуться. Составлялись совѣщанія, или обсужденія и т. п.

Приближалась весна, но морозы стояли еще крѣпкіе. Въ дровахъ нужды было больше всего. Чтобы пригнать къ намъ больше дровъ, рѣшили воспользоваться льготной перевозкой, которыя дѣлали желѣзныя дороги для „Краснаго Креста". Нужно было добыть эти свидѣтельства. Свидѣтельства эти можно было добыть только въ городѣ. Рѣшено было запастись чѣмъ только можно и начать ликвидировать дѣло. Ликвидація была возложена на П. И. Бирюкова. Левъ Николаевичъ раньше намѣревался уѣхать, такъ какъ ему предстояло немало хлопотъ въ Тулѣ и Москвѣ. Мнѣ тоже нельзя было долго оставаться здѣсь, меня ждали свои работы, и я понемногу тоже сталъ подготовляться къ отъѣзду.

X.

Прежде всего уѣхалъ Левъ Николаевичъ. Онъ поѣхалъ въ Ясную, а потомъ въ Москву. За нимъ уѣхали Бирюковъ и Шарапова. Эти отправились въ Воронежскую губернію къ Чертковымъ, гдѣ нужна была медицинская помощь П. Н-вы. Братъ Шараповой уѣхалъ къ С-ко. Я остался одинъ съ Александромъ Петровичемъ и завѣдующимъ пекарней, бывшимъ учителемъ въ Воронежской губерніи, Рыбаковымъ. Дѣла были все тѣ же. Выдавались накладныя на станцію, шли записи и провѣрка столовыхъ. Къ недостатку хлѣба, у крестьянъ очень чувствительнымъ было то, что выходилъ весь кормъ скоту. Скотъ голодалъ больше и больше. При объѣздѣ столовыхъ то и дѣло попадались лошади, которыя еле тащили пустыя сани: до того онѣ были худы и малосильны. И на этихъ лошадяхъ разсчитывали работать весной! Появились тифозные больные. Случай недобросовѣстной доставки дровъ повторился. Кромѣ этого, мужики окружающихъ Бѣгичевку деревень, возившіе отъ Раевскихъ картофель на винные заводы, потребовали увеличенія цѣны за извозъ, и какъ управляющій имѣніемъ не боролся съ этимъ, они уперлись на своемъ и не сдавались. Къ намъ сталъ

чаще заявляться урядникъ и подозрительно поглядывать на всѣхъ живущихъ тутъ. Становилось не совсѣмъ пріятно и чаще и чаще подумывалось о домѣ, объ отдыхѣ, о своей семьѣ.

П. И. Бирюковъ вернулся вскорѣ изъ Воронежской губерніи. Вскорѣ послѣ его пріѣзда нами было получено слѣдующее письмо отъ Льва Николаевича:

„Пишу совокупно вамъ, П. И. и С. Т. о нашихъ общихъ дѣлахъ. 1) Свидѣтельствъ я досталъ 40 и на нихъ заказалъ дровъ, изъ которыхъ мнѣ обѣщали доставить по зимнему, а половину уже весною.

Деньги за дрова отдалъ. Поэтому раздавайте дрова болѣе щедро, всѣмъ не Епифановскимъ. 2) Отчетъ думаю послать завтра безъ добавленій. Здѣсь я узналъ, что установилось въ Петербургѣ такое мнѣніе, что даровая помощь развращаетъ народъ и потому если что прибавить къ отчету, то надо не то, что вызываетъ состраданіе, а то чтобы отвѣтило на это справедливое, но неумѣстное во время несчастія мнѣніе, что я, можетъ быть, и сдѣлаю. Не дѣлалъ и даже вамъ не писалъ потому, что продолжаю быть все также весь поглощенъ своею нескончаемой работой. 3) Денегъ получено еще нѣсколько,—не могу вѣрно сказать сколько, но тысячъ около трехъ и потому можно, гдѣ будетъ крайность, увеличить количество столующихся и столовыхъ. Въ Крапивенскомъ уѣздѣ мы рѣшили ничего не предпринимать, кромѣ ничтожной помощи безземельнымъ. У насъ дней 6 тому назадъ заболѣла Таня: сильный жаръ до 40 и неспускающійся ниже 38 съ десятыми и кашель, и боль въ груди...

Цѣлую васъ и желаю всего хорошаго и всегда въ душѣ благодарю за помощь. Привѣтъ нашъ С-ко, брату и сестрѣ (Шараповымъ), Рыбакову—я о паспортѣ его говорилъ и мнѣ обѣщалъ Зиновьевъ, равно и о паспортѣ А. П. Привѣтъ Л-гу, Гордѣичу. Простите. если что забылъ. Письма товарища Рыбакова возвращаю. Очень жаль людей и тѣхъ, которые страдаютъ, и тѣхъ, которые мучаютъ. Думаю и вѣрю, что это, такой порядокъ вещей, продолжится недолго. Созрѣли уже новые душой люди, которые не могутъ умѣститься въ старыхъ мѣхахъ. Прощайте.

Л. Толстой“.

П. И. Бирюковъ, по возвращеніи изъ Воронежской губерніи, могъ оставаться въ Бѣгичевкѣ на дальнѣйшее время, и я могъ уѣзжать. Да и нужно было. Несмотря на стоявшіе морозы, солнце грѣло съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе. Снѣгъ рыхлѣлъ, появлялись проталины, каждый день могла испортиться дорога. Провизіи на столовыя послѣдній разъ выдали на цѣлый мѣсяцъ. Раздали много дровъ, кое-кому купили соломы. Нечего пока было и дѣлать и я сталъ собираться къ отъѣзду.

По случаю наступленія весны зашевелилось и земство. Оно тоже передъ началомъ распутицы рѣшило выдать ссуду въ большомъ количествѣ и разослало повѣстки. Мужики обозами потянулись въ городъ и на желѣзную дорогу и везли къ себѣ драгоцѣнныя зерна, хотя эти зерна трудно было всѣ превратить въ муку: мельницы скоро должны быть разобраны на время половодья, да и дороги не сегодня—завтра должны были прекратиться.

День, въ который я выѣзжалъ изъ Бѣгичевки, былъ морозный. Съ утра повсюду былъ ледъ, настъ, но къ полудню все вдругъ растаяло, появились лужи. На Дону, поверхъ льда, выступила вода. Въ Бѣгичевкѣ были пріѣхавшіе изъ Клекотокъ два ямщика, возвращавшіеся обратно порожнемъ. Мы рѣшили воспользоваться ими и подговорили ихъ захватить насъ.

Ѣхали я, Шараповъ, сестра С—ко, молодая дѣвушка, пріѣхавшая къ брату, но захворавшая и проводившая послѣдніе дни у насъ, такъ какъ у насъ условія были лучшія. Мы усѣлись на сани и поѣхали.

Донъ переѣхали благополучно, но поднявшись на берегъ и спустившись въ долину, мы увидѣли, что ѣхать очень трудно. Снѣгъ, бывшій довольно глубокимъ, распустился, и подъ нимъ образовалась вода. Дорога стала просовываться, и лошади вязли по брюхо, пришлось слѣзть съ саней и итти пѣшкомъ. Но и это не помогало; лошади проваливались черезъ каждые двадцать-тридцать шаговъ и ложились. Чтобы поднять ихъ, нужно было распрягать и запрягать ихъ. На это уходило очень много времени, поэтому мы двигались черепашьимъ шагомъ. Ямщики, молодые ребята, здоровые и веселые не вытерпѣли и стали ругаться.

Не весело было и намъ. Мы тоже вязли въ снѣгу, промокли, прозябли. Передвиженіе такимъ образомъ тянулось до сумерекъ. Въ сумерки мы подъѣхали къ одной деревнѣ, отстоящей отъ Бѣгичевки въ 8 верстахъ, и остановились ночевать. За 6 часовъ ѣзды мы проѣхали только 8 верстъ.

На ночлегѣ мы обсушились, обогрѣлись, напились чаю и, закусивши, завалились спать. На утро насъ разбудили довольно рано, чтобы ѣхать по морозу. Морозъ стоялъ крутой, жесткій, но мы его не боялись, потому что дорога была какъ мостъ. Отдохнувшія лошади бѣжали рысью, и мы подвигались не по-вчерашнему. Можно было разсчитывать черезъ нѣсколько часовъ пріѣхать въ Клекотки.

Мы спѣшили и солнце спѣшило. Отъѣхавъ еще верстъ пятнадцать, мы очутились въ широкой лощинѣ. Дорога стояла бугромъ и налѣво отъ насъ, точно озеро, скопилась вода, она еще не просочилась черезъ дорогу, а, какъ плотина, задерживалась ею. Еще немного и она прорветъ эту плотину и прекратитъ возможность переѣзда черезъ дорогу. Глядя на образовавшееся озеро, ямщики попридержали лошадей, но не остано-

вились. Лошади шли и шли. Когда доѣхали до середины напора, мы увидали, что дорога чуть держится, вода промывала себѣ ручейки и перебиралась на другую сторону дорожнаго бугра. На другой сторонѣ вода стояла гораздо ниже, поэтому можно было судить, что снѣгъ глубокій и подъ нимъ до земли довольно далеко. Ѣхать было рискованно, но и ворочаться не хотѣлось. Объѣздъ предстоялъ версты въ двѣ, да и лошадей повернуть было невозможно, нужно было ихъ пятить задомъ. Посовѣтовавшись, рѣшили ѣхать прямо и снова тронулись.

Я пошелъ впередъ и прошелъ благополучно, можно было думать, что и лошади съ осторожностью переберутся. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, передняя лошадь оступилась, хотѣла поправиться и провалилась. Она бросилась, было, въ сторону и застряла совсѣмъ. Задняя лошадь остановилась. Я и ямщикъ бросились къ передней, хотѣли помочь ей выбраться, но лошади въ запряжкѣ подняться не было возможности: повиснувъ на льду брюхомъ, она не доставала до земли ногами и была совершенно безпомощна.

Выпрягая лошадь, намъ самимъ пришлось стоять по-поясъ въ жгучей холодной водѣ. Кое-какъ освободивъ лошадь отъ оглобель и дуги и обломавъ подъ ней ледъ, мы попробовали вытаскивать лошадь, но ничего сдѣлать не могли. Ямщикъ готовъ былъ плакать. На наше счастье впереди показался обозъ съ хлѣбомъ, полученнымъ отъ земства. Они ѣхали, хотя и въ объѣздъ, но недалеко отъ насъ. Мы покричали мужикамъ и тѣ уже на веревкахъ вытащили утопающую лошадь.

Когда лошадь поднялась на ноги, она еле держалась на нихъ и вся дрожала. Ее стали гонять, чтобы она разогрѣлась, а мужики межъ тѣмъ перетаскивали сани. Другую лошадь пришлось поворачивать и объѣзжать въ объѣздъ.

Такимъ образомъ хотя мы и побрязгались въ водѣ, но отдѣлались довольно счастливо. Ѣдучи дальше, мы встрѣчали стоявшіе на дорогѣ воза съ зерномъ, а около ихъ лошадей, сбившихся съ дороги. Лошади сидѣли по шею въ водѣ, были мертвыя и уже окоченѣли. Одиночки хозяева не могли ихъ вытащить. Такихъ случаевъ до Клекотокъ было три. И глядя на нихъ, сжималось сердце. Потеря лошади весной для изголодавшагося крестьянина грозила полнымъ разореньемъ, послѣ этого несчастья трудно было встать на ноги...

Часамъ къ 10 мы все-таки добрались до Клекотокъ. Въ Клекоткахъ мы обсушились, обогрѣлись, выспались и, дождавшись до попутнаго поѣзда, тронулись дальше и на другой день утромъ были въ Москвѣ.

С. Семеновъ.

Лермонтовъ и Робертъ Бернсъ.

(Историко-литературная замѣтка).

Въ числѣ стихотвореній Лермонтова имѣется одно коротенькое, всего въ четыре строчки, съ эпиграфомъ (или заглавіемъ): „Had we never loved so kindly“. Вотъ это стихотвореніе.

Если-бъ мы не дѣти были,
Если-бъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались,
Мы съ страданьемъ бы не знались.

До сихъ поръ нигдѣ еще, сколько мнѣ извѣстно, не было указано, что эти строки представляютъ переводъ одного четверостишія изъ стихотворенія Роберта Бернса „Прощальная пѣснь къ Клариндѣ“, а именно, переводъ второй половины строфы этого стихотворенія.

Привожу его въ подлинникѣ.

Parting song to Clarinda.

Ae fond kiss, and then we sever
Ae farewell, and then forever!
Deep in heart-wrung tears I'll pledge thee,
Warring sighs and groans I'll wage thee.
Who shall say that Fortune grieves him,
While the star of hope she leaves him?
Me, nae cheerful twinkle light me;
Dark despair around benights me.

I'll ne'er blame my partial fancy,
Naething could resist my Nancy:
But to see her was to love her;
Love but her, and love for ever.
Had we never lov'd sae kindly,
Had we never lov'd sae blindly,
Never met—or never parted,
We had ne'er been broken-hearted.

Fare—the—well, thou first and fairest!
Fare—the well, thou best and dearest!
Thine be ilka joy and treasure,
Peace, Enjoyment, Love and Pleasure!
Ae fond kiss, and then we sever!
Ae farewell, alas, for ever!
Deep in heart-wrung tears I'll pledge thee,
Warring sighs and groans I'll wage thee.

1791.

Привожу также и полный переводъ этого стихотворенія, помѣщенный въ „Дѣлѣ“ 1876 г., № 6 (въ очеркѣ о Роб. Бёрнсѣ Н. Ал—евой). Въ этомъ русскомъ переводѣ почему-то пропущена первая половина второй строфы, которая добавлена нами.

Клариндѣ.

Поцѣлуй завѣтный, страстный
И тогда прости навѣки!..
Стоны, жалобы напрасны...
Тщетны слезъ пролитыхъ рѣки!..
И пойдемъ съ тобою розно...
Безъ надеждъ, безъ упованій,
Туча свѣтъ охватитъ грозно,
Душу—мракъ нѣмыхъ страданій.

Не кляну я этой страсти:
Стоитъ съ Нэнси повстрѣчаться—
И не будетъ въ нашей власти
Равнодушнымъ къ ней остаться.
Эхъ, любить бы, да немного!
Если-бъ слѣпо не любили—
Боль разлуки и тревога
Намъ бы сердце не разбили...

Такъ прости-жъ, любовь святая!
Ты-жъ, краса моя и счастье,
Вѣкъ живи заботъ не зная
И не вѣдая ненастья!..
Поцѣлуй завѣтный, страстный
И конецъ... прости навѣки;
Стоны, жалобы напрасны.
Тщетны слезъ горячихъ рѣки!

Отсюда, однако, нельзя сдѣлать вывода, что Лермонтовъ зналъ Бёрнса. Эти четыре строчки изъ Бёрнса Байронъ взялъ эпиграфомъ для своей „Абидосской невѣсты“; отсюда-то Лермонтовъ и перевелъ свое четверо-

стишіе о которомъ Вальтеръ-Скоттъ говорилъ, что эти четыре строчки „заключаютъ въ себѣ сущность цѣлой тысячи любовныхъ исторій“ [1]).

Замѣчательно, что даже въ лучшемъ изданіи Байрона („The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged edition, with illutsrations. Vol. III, edited by Ernest Hartley Coleridge. London 1900, p. 147), хотя и указано, что это четверостишіе заимствовано изъ Бёрнса, тѣмъ не менѣе самое заглавіе пѣсни Бёрнса приведено не вѣрно, а именно—„Farewell to Nancy“, вмѣсто „Parting song to Clarinda“.

Н. Бахтинъ.

[1]) The works of R. Barns. London. William Paterson & C° MDCCCXCI. (Vol III, p. 54).

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.

(*Продолженіе* [1]).

VIII.

Перейдемъ теперь къ настроенію и толкамъ крестьянъ, исходившихъ изъ другой точки зрѣнія на манифестъ и Положеніе, но приводившихъ къ одинаковаго образа дѣйствіямъ. Здѣсь разумѣется признаніе частью крестьянъ, что господа, подкупивъ чиновниковъ и священниковъ, скрыли настоящій „взаправскій" указъ о волѣ, подмѣнивъ его своимъ въ видѣ манифеста и книги Положеній. Разсматривая эти толки можно натолкнуться на 3 версіи: по одной—истинный указъ о волѣ вышелъ уже давно, по другой—вышелъ 19-го февраля 1861 г., но по дорогѣ къ крестьянамъ подмѣненъ и скрытъ господами, третья версія, какъ приходилось говорить, отлагала появленіе указа объ истинной волѣ на болѣе или менѣе отдаленное будущее (большею частью на 2 года), до котораго крѣпостное право должно остаться неизмѣннымъ. Эта третья версія въ своихъ развѣтвленіяхъ имѣла отношеніе отчасти къ ложнымъ толкованіямъ манифеста и Положенія, ибо, судя по нѣкоторымъ даннымъ, самое появленіе версіи о 2-хъ годичномъ сохраненіи крѣпостного права объясняется уловленнымъ крестьянами 2-хъ годичнымъ срокомъ сохраненія прежняго положенія дворовыхъ съ ихъ безусловнымъ положеніемъ по окончаніи его; отчасти могъ имѣть вліяніе и 2-хъ годичный срокъ для составленія уставныхъ грамотъ, т. е. для перехода на новое положеніе. Остановимся на первыхъ 2-хъ версіяхъ.

Уже на примѣрѣ объявленія манифеста, описанномъ Демертомъ, приходилось сталкиваться съ быстрымъ возникновеніемъ слуховъ среди крестьянъ, что присланный имъ

---

[1]) См. „Минувшіе Годы". Май, Іюнь.

указъ подложный и что вскорѣ имъ пришлютъ „взаправскій". Носовичъ указываетъ, что въ Новгородской губерніи въ продолженіе полуторыхъ лѣтъ не вѣрили или не желали вѣрить, что ихъ освобожденіе совершается законно и справедливо: „и всё это только вслѣдствіе того, что народъ думалъ, что истинныя намѣренія царя по отношенію къ устройству ихъ быта скрыты и искажены дворянствомъ" [1]! Подобные толки являлись прямымъ слѣдствіемъ противорѣчія между ожиданіями и представленіями крестьянъ о волѣ и содержаніемъ манифеста и Положенія. Въ этомъ отношеніи крайне характерно волненіе крестьянъ Пермской губ., соликамскаго уѣзда, въ с. Кудымкорѣ, гр. Строганова. Когда крестьянамъ былъ прочитанъ исправникомъ манифестъ, то они его совершенно не поняли и просили исправника объяснить содержаніе прочитанной бумаги. Исправникъ принялъ такую просьбу за бунтъ и вмѣсто объясненій приказалъ казакамъ сѣчь крестьянъ. Послѣдніе вышли изъ равновѣсія, связали казаковъ и лукаво предложили исправнику единоличными силами продолжать сѣченіе. Исправникъ предпочелъ, конечно, удрать въ Соликамскъ и послать донесеніе губернатору о начавшемся „бунтѣ", прося о командированіи въ Кудымкоръ военной команды. Послѣднее было немедленно исполнено. Пока команда двигалась въ Кудымкоръ, толки среди крестьянъ по поводу прочитанной „гумаги" не прекращались. Среди крестьянъ составилось мнѣніе, что „энифестъ отъ царя о волѣ съ золотою строчкою" [2]) исправникъ скрылъ, а за мѣсто ево прочиталъ имъ графскую гумагу, напечатанную въ Перми, за что взялъ съ графа деньги". Для обсужденія этой „гумаги", видимо, собирались сходки, на которыя сходились крестьяне изъ сосѣднихъ селеній.

По крайней мѣрѣ, военная команда застала подобную сходку, на которой присутствовало до 500 человѣкъ инородцевъ—пермяковъ и русскихъ. Вѣсть о приходѣ военной команды увеличила количество участниковъ сходки до 2.000 чел., собравшихся изъ сосѣднихъ селеній. Къ пришедшей командѣ крестьяне отнеслись вполнѣ довѣрчиво, разсчитывая у начальника команды найти разрѣшеніе своего недоумѣнія. Они отказались разойтись, мотивируя это важностью обсуждаемаго вопроса, а взамѣнъ того, просили офицера растолковать имъ, „што за гумага, которую имъ читалъ исправникъ, пошто въ ней нѣтъ золотой строчки и што это за воля, когда они остаются попрежнему подъ графомъ"; разсказывая при этомъ все происшествіе съ исправникомъ, они прямо говорили, что имъ была прочитана *подложная гумага*. Офицеръ поступилъ

[1]) Носовичъ. „Записки", стр. 113.
[2]) Между крестьянами Пермской и Оренбургской губ. есть убѣжденіе, что царь пишетъ не иначе, какъ золотыми чернилами.

не лучше исправника. Вмѣсто объясненій онъ вторично потребовалъ отъ крестьянъ немедленно разойтись, называя ихъ бунтовщиками и угрожая за ослушаніе дурными послѣдствіями. „Ну, пошто, в. бл-іе, бунтовщики?“—резонно возражали ему крестьяне; „какіе мы бунтовщики? мы тебя ладомъ просимъ вразумить насъ, темныхъ людей, а ты говоришь—бунтовщики“.

Угроза стрѣлять не подѣйствовала на крестьянъ.

„Ну что же, в. бл-іе, говорили крестьяне, ежели ты посланъ для озорства, такъ стрѣляй! А мы не пойдемъ, покуда ты не растолкуешь намъ, што за гумагу читалъ исправникъ“. Первый залпъ свалилъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ крестьянъ и смутилъ остальныхъ, никакъ не ожидавшихъ исполненія дикой угрозы. Передовые крестьяне быстро остановили начавшуюся панику словами: „Ребята, подбери ихъ, ну а ты, в. бл-іе, стрѣляй“. Офицеръ растерялся при такомъ оборотѣ дѣла. „Ну, чего же ты сталъ?—продолжали мужики—стрѣляй! Ну, стрѣляй же!“ Столбнякъ офицера продолжался. „Ну, вотъ видишь, ты самъ не знаешь, чего доспѣлъ (сдѣлалъ)! Пошто ты созорничалъ, убилъ мужиковъ-то? Чѣмъ такимъ они передъ твоимъ бл-іемъ провинились? Ты баешь, что мы бунтовщики.„. Да ежели бы мы захотѣли бунтовать-то, такъ мы тебя бы съ твоей г-ой командой комьями снѣга забросали. Стрѣляй же, коли тебя царь затѣмъ послалъ!.. Стрѣляй!“ Офицеръ, вмѣсто продолженія разстрѣла мирной толпы (было убито 2 чел. и 8 болѣе или менѣе тяжело ранено), отправился обратно въ Пермь, оставивъ команду на произволъ судьбы. Таково было „волненіе“ крестьянъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они, не будучи въ состояніи разобраться въ манифестѣ и примирить свое представленіе о волѣ съ содержаніемъ офиціальнаго документа, сочли послѣдній за подложный и просили начальство разъяснить имъ ихъ недоумѣніе. „Волненіе“, сопровождавшееся сѣченіемъ крестьянъ, а окончившееся разстрѣломъ толпы, было собственно не „волненіемъ“ крестьянъ, а волненіемъ самого начальства, ибо его репрессивныя мѣры въ данномъ случаѣ не вызывались никакими дѣйствіями крестьянъ ни противъ помѣщика, ни противъ правительственныхъ властей [1]).

Это недовѣріе къ истинности манифеста не было, видимо, единичными случаями. „Послѣ объявленія манифеста объ освобожденіи, говоритъ г-жа Бородаевская со словъ г-жи Ивановой, владѣлицы села Ивановскаго ирбитскаго уѣзда, Пермской губ.,—въ деревняхъ стали появляться разныя темныя личности, которыя распространяли въ народѣ слухъ, что манифестъ прочтенъ крестьянамъ невѣрно, что царь надѣлитъ ихъ землею отдѣльно отъ помѣщиковъ и дастъ имъ

---

[1]) „Колоколъ“, 1862 г., № 134, стр. 113.

земли столько, кто сколько пожелаетъ. Не избѣгло этой участи и наше село Ивановское" [1]). Въ Пензенской губ., городищенскаго уѣзда, въ имѣніяхъ Дубенскихъ и Михайлова—Данилевскаго крестьяне грозили даже смертью становому приставу за то, что тотъ „будто бы скрывалъ отъ нихъ дарованную имъ полную свободу". Они на ряду съ этимъ самовольно прекратили всякія работы и смѣнили сотскаго въ имѣніи Дубенскихъ, избравъ изъ своей среды новаго. Волненіе было прекращено исправникомъ при содѣйствіи военной силы [2]). Авторъ одной корреспонденціи въ „Колоколѣ" за 1861 г., сообщая, что крестьяне „почти повсемѣстно страшно недовольны временно-обязаннымъ положеніемъ", пишетъ: „во многихъ мѣстахъ (они) отказываются вѣрить, что объявленный имъ манифестъ подлинный; такъ, напр., фл.-адъютантъ гр. Олсуфьевъ, посланный въ одну изъ западныхъ губерній, встрѣченъ былъ подобнымъ возраженіемъ и, когда для убѣжденія крестьянъ ссылался на то, что онъ—адъютантъ государя, то въ толпѣ заговорили, что они не знаютъ, „настоящій ли онъ адъютантъ или переодѣтый". Вмѣсто дальнѣйшихъ объясненій Олсуфьевъ приказалъ солдатамъ бить крестьянъ прикладами, а затѣмъ пороть розгами [3]). Здѣсь мы наталкиваемся на недовѣріе не только къ исправнику, какъ то было въ Кудымкорѣ, но на недовѣріе къ „царскому послу", къ которымъ, въ большинствѣ случаевъ, крестьяне отнеслись довѣрчиво. Такъ велико было недоумѣніе крестьянъ передъ содержаніемъ присланной имъ отъ царя воли!

Во время волненія крестьянъ уже въ 1862 г. въ с.с. Ключахъ и Старомъ Чиргимѣ, въ кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи проявилось то же недовѣріе не только къ низшимъ, но и къ высшимъ представителямъ администраціи. Въ этихъ селахъ, очевидно, также не признавали Положенія, отказывались не только отъ подчиненія правиламъ, изложеннымъ въ нихъ, но не желали даже обработывать своихъ крѣпостныхъ надѣловъ (крестьяне ожидали правительственнаго распоряженія о предоставленіи имъ всей помѣщичьей земли). Въ с. Старый Чиргимъ для усмиренія явился самъ губернаторъ въ сопровожденіи уѣзднаго предводителя дворянства, члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и жандармскаго штабъ-ротмистра. Но ни прибытіе этихъ властей, ни ихъ убѣжденія не подѣйствовали на крестьянъ. Въ отвѣтъ на убѣжденія выступившіе впередъ 2 крестьянина сказали такую притчу:

„Сатана построилъ среди насъ дома и мѣшаетъ намъ жить, и вотъ накликалъ на насъ хлынъ, цыганъ и бѣшеныхъ

---

1) „Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій". Историч. Вѣстникъ 1884 г., № 6, стр. 694.

2) „Сѣверная Пчела" 1861 г., № 118.

3) „Колоколъ" 1861 г., № 98—99, стр. 821.

собакъ, которые пріѣхали изъ насъ кровь пить". По объясненію автора воспоминаній—Шомпулева—въ этой притчѣ подъ „сатанами" надо было разумѣть помѣщиковъ, мѣшавшихъ жить крестьянамъ, а „хлынами", „цыганами", „бѣшеными собаками" крестьяне величали начальство, пріѣхавшее на усмиреніе. Такимъ образомъ, по этой притчѣ пріѣздъ самого губернатора приписывался крестьянами featuresзнямъ помѣщиковъ, а помѣщики считались порожденіемъ сатаны, злой силы. Что остальные крестьяне были вполнѣ солидарны съ этими двумя крестьянами, показываетъ лучше всего фактъ, что крестьяне кричали губернатору, счевшему этихъ двухъ за сумасшедшихъ, что это самые умные ходоки, передавшіе ихъ общее мнѣніе; когда же эти 2 лица были арестованы, то *крестьяне силою освободили ихъ, а вечеромъ* этого же дня волостной старшина доложилъ Шомпулеву (уѣздному предводителю дворянства), что крестьяне замышляютъ противъ начальства что-то недоброе.

Только прибывшая на другой день рота солдатъ возстановила присутствіе духа у перепугавшагося начальства. Зато и „усмиреніе" было жестокое. Стойкость, проявленная здѣсь крестьянами, показываетъ силу убѣжденія крестьянъ въ своей правотѣ. Двухъ сказателей притчи, повторившихъ ее и въ присутствіи роты, сѣкли до потери сознанія, но не вынудили покорности. „Наказаніе, говоритъ самъ Шомпулевъ, было чрезмѣрно жестокое, въ виду упорнаго отказа покориться требованію власти" [1]). Эти 2 крестьянина, закусивъ свои руки, не произнесли ни одного звука во время ихъ наказанія, почему таковое и прекращено было лишь только послѣ заявленія прибывшаго съ ротою военнаго врача, что они уже находятся въ безсознательномъ состояніи. Когда же полумертвыя тѣла ихъ были отнесены въ сторону, народъ началъ неистово кричать „и насъ сѣките, и насъ!.."; а нѣсколько женщинъ съ тѣмъ же крикомъ выбросили даже за цѣпь солдатъ своихъ грудныхъ дѣтей. По приказанію губернатора начали сѣчь сразу по нѣсколько человѣкъ, было пересѣчено, такимъ образомъ, много, но безъ всякаго успѣха. Крестьяне смирились только тогда, когда одинъ старикъ-крестьянинъ, пользовавшійся, видимо, среди нихъ вліяніемъ, сказалъ имъ, поддавшась то ли физической боли, то ли убѣжденіямъ Шомпулева: „вѣрно, братцы, правильно, что надѣлъ данъ намъ царскою волею. Царю-батюшкѣ мы должны покориться. Выѣзжайте въ поле". Такимъ образомъ, не розги, не разъясненія губернатора и другихъ чиновниковъ, а авторитетъ лица изъ своей среды заставилъ крестьянъ повѣрить требованіямъ властей, основаннымъ на Положеніи 19 февраля [2]).

---

[1]) Власти требовали, чтобы крестьяне приступили къ посѣву на своихъ поляхъ.

[2]) Шомпулевъ „Во время реформъ имп. Александра II". Русск. Стар., 1898 г., № 10, стр. 76—78.

Любопытно въ этомъ отношеніи волненіе крестьянъ въ слободѣ Старой Тишанкѣ, бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи, въ началѣ марта 1861 г.

Волненіе тишанцевъ было поддержано жителями двухъ сосѣднихъ большихъ слободъ: Новый Чиглой и Курлакъ. Какіе-то толки шли среди крестьянъ еще до прочтенія манифеста въ Ст. Тишанкѣ. Въ этихъ трехъ слободахъ происходили шумныя сходки, верховые то и дѣло сновали изъ слободы въ слободу, сообщая какія-то рѣшенія. Послѣ прочтенія манифеста въ Старой Тишанкѣ волненіе приняло конкретныя формы. Невнятно прочитанный, трудно написанный манифестъ немедленно возбудилъ сомнѣненіе къ себѣ и различныя толкованія. Авторитетнымъ толкователемъ явился унтеръ-офицеръ л.-гв. уланскаго полка. Въ Петербургѣ ему часто приходилось стоять на стражѣ внутри дворца въ комнатахъ государя, а потому свои толкованія онъ подкрѣплялъ словами: „при царѣ былъ, самъ слышалъ". „И становой, и попъ читали, говорилъ лейбъ-уланъ, что мы еще съ осени [1]) стали православный народъ, еще съ осени батюшка-царь призывалъ насъ свободно работать на нашей (читай — барской) землѣ, начальство и паны досель не хотѣли объявлять намъ милость царя... Теперь, вишь, весна на дворѣ, а намъ только теперь читаютъ манифестъ, да и не тотъ, не царскій, а панскій... Царскій за большою золотой печатью, а на тѣхъ листахъ, что читалъ становой, ничего нѣтъ... Не давайтесь, стойте крѣпко за свою волю, да за милость царскую, просите, чтобы вамъ прочли настоящій манифестъ за золотой печатью". Говоря о содержаніи манифеста за золотою печатью, лейбъ-уланъ сообщалъ, „что царь отдалъ крестьянамъ всю барскую землю въ полную собственность, безъ урѣзки, цѣликомъ; паны же скрываютъ этотъ манифестъ и вмѣсто него читаютъ свой, совсѣмъ не тотъ, который писалъ самъ царь". Тишанцы твердо увѣровали въ толкованія унтеръ-офицера и рѣшили отъ мала до велика твердо добиваться царскаго манифеста за золотою печатью и отстаивать свою „волю" и царскую милость.

Жители Новой Чиглы и Курлака присоединились къ такому рѣшенію. Волненіе выразилось въ сопротивленіи не только полицейскимъ властямъ, но и самому губернатору. Становогo, вздумавшаго крикомъ водворить спокойствіе среди тишанцевъ и арестовать зачинщиковъ, крестьяне арестовали сами; той же участи подвергся священникъ, попытавшійся разсѣять непониманіе крестьянъ. Самого воронежскаго губернатора, гр. Д. Н. Толстого, крестьяне заставили удалиться, повернувъ его тройку обратно изъ села съ напутствіемъ

[1]) Такъ было понято слово „осѣни" въ заключительной фразѣ манифеста.

„ѣхать своимъ путемъ-дорогою, если не хочетъ отвѣдать тишанской дубинки“.

Въ то же время у нихъ, видимо, продолжались сходки, обсуждавшія мѣры для отпора властямъ.

Но нашествіе въ Тишанку воинской команды подъ начальствомъ ген.-майора Мердера все же застало тишанцевъ врасплохъ, если они и рѣшили дать властямъ какой-либо отпоръ; никакого сопротивленія тишанцами не было оказано. Жестокое наказаніе понесли тишанцы за встрѣчу, оказанную губернатору. Въ Тишанку было введено 3 батальона солдатъ. „Привезено было, говоритъ авторъ сообщенія о тишанскомъ волненіи, 4 воза лозъ, поставлено 4 дюжихъ экзекутора и началось крещеніе тишанцевъ въ новую жизнь... Не разбирали ни возраста, ни положенія—и старики, и малые, и богатые, и бѣдняки, всѣ одинаково были окунуты въ купель зарождавшейся новой жизни, всѣ одинаково вкусили преддверія давно желанной воли... Число ударовъ было не одинаково: оно опредѣлялось присутствовавшимъ здѣсь же военнымъ врачемъ, который, глядя по комплекціи, назначалъ отъ 300 до 700 — 800 ударовъ“. Той же участи подверглись чигловскіе и курлацкіе гонцы, пріѣхавшіе разузнать о тишанскихъ событіяхъ и о мѣрахъ, принятыхъ тишанцами противъ властей. Подобныя же экзекуціи были произведены въ Новой Чиглѣ и Курлакѣ: было наказано по 20—30 чел. въ каждой слободѣ. Кромѣ того, тишанцевъ судили военнымъ судомъ, и трое были сосланы въ Сибирь на поселеніе. Унтеръ-офицера, отправившагося въ Петербургъ, чтобы лично просить у государя истинный манифестъ [1]), сослали на каторгу [2]).

Проявлявшееся въ описываемомъ волненіи недовѣріе къ властямъ имѣло причиною, вѣроятно, опять-таки расхожденіе ихъ толкованій и объясненій съ понятіями крестьянъ о волѣ. Крестьяне никакъ не могли усвоить

---

[1]) Съ этой цѣлью былъ произведенъ сборъ по 10 коп. съ души.

[2]) Сообщеніе Грекова. „Тишанская воля“, Историч. Вѣст. 1885 г., № 7. Не объ этомъ ли волненіи упоминаетъ самъ гр. Д. Н. Толстой въ своихъ „Запискахъ“ (Русскій Архивъ, 1885 г. № 5, стр. 35), говоря, что онъ телеграфировалъ въ Петербургъ 8 апрѣля 1861 г. о волненіи слишкомъ 10.000 крестьянъ въ бобровскомъ уѣздѣ и поѣхалъ лично на мѣсто волненія, взявъ съ собою ген.-м. св. е. вел. Мердера для принятія „самыхъ энергичныхъ мѣръ“ въ цѣляхъ подавленія движенія. Противъ такой догадки говоритъ слишкомъ большая разница между датами волненія, указываемыми Грековымъ (начало марта) и гр. Толстымъ (8-ое апрѣля). За догадку говоритъ то, что, по сообщенію самого гр. Толстого, уже 9-го апрѣля онъ былъ всемилостивѣйше уволенъ отъ службы, а Мердеръ замѣненъ ген.-м. Чертковымъ, по мнѣнію самого гр. Толстого, именно за „рѣшительныя мѣры“; рѣшительность же принятыхъ мѣръ послѣ вышеизложеннаго не подлежитъ сомнѣнію. Грековъ также упоминаетъ о рядѣ увольненій, правда, лишь изъ состава военно-судной комиссіи за излишнюю суровость при усмиреніи.

себѣ, что царь дѣйствительно приподнесъ имъ въ видѣ воли то, что было написано, по разъясненію чиновниковъ и другихъ лицъ въ Положеніи и манифестѣ. Это отмѣчаетъ, между прочимъ, членъ курскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Изъѣдиновъ. „Недовѣріе къ нему (къ мировому посреднику) крестьянъ, пишетъ онъ по поводу одного волненія, произошло оттого, что онъ говорилъ вразрѣзъ съ ихъ убѣжденіями. И на меня они смотрѣли подозрительно и говорили: „Все, что Вы намъ читали,—писали господа; когда же кто-нибудь скажетъ намъ по нашему“ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовѣріе къ чиновникамъ доходило до того, что крестьяне вообще не вѣрили, чтобы царь могъ передать свою волю черезъ нихъ. Одинъ мировой посредникъ курской губерніи писалъ въ донесеніи о мнѣніи крестьянъ, что „истинная и святая воля государя можетъ доходить до нихъ только черезъ избранныхъ лицъ... Этимъ объясняется, напримѣръ, уклончивый отвѣтъ крестьянъ во время одного изъ волненій на заявленіе становогo пристава, что „они всѣ чиновники-исполнители царской воли... и не смѣютъ перетолковывать волю государя“. „Нехай царь намъ прикажетъ“, говорили крестьяне. „Якъ царь велитъ, такъ и будемо“. „Если царь захочетъ, то передастъ намъ свою волю по слухамъ“, отвѣчали крестьяне на всѣ убѣжденія мирового посредника, становогo пристава и т. д. [2]). Грайворонскій мировой посредникъ утверждалъ то же.

Крестьяне, писалъ онъ, положительно увѣрены, что мы ихъ обманываемъ, что положеніе сдѣлано для господъ въ видахъ ихъ пользы“ [3]).

Недовѣріе къ властямъ не всегда сопровождало подобныя крестьянскія движенія. Иногда, какъ указывалось выше, именно отъ нихъ, какъ отъ царскихъ слугъ, ожидали они объявленія истиннаго манифеста, истинной воли. Но, конечно, отказъ властей объявить подобный манифестъ и увѣренія въ томъ, что его и не существуетъ, нисколько не разубѣждая крестьянъ, немедленно сѣяли подозрѣнія, что и власти закуплены, измѣняютъ царю. Любопытно въ этомъ отношеніи волненіе крестьянъ въ грайворонскомъ уѣздѣ, курской губерніи, въ Борисовской вотчинѣ гр. Шереметева (слобода Борисовка съ хуторами и слобода Красный Кутокъ).

Движеніе началось здѣсь въ 1861 г., разросталось зимою и апогея своего достигло въ 1862 г., закончившись грандіозной экзекуціей. Началось оно съ недовольства размѣрами надѣловъ (крестьяне требовали надѣла maximum'a) и переводомъ ихъ при введеніи уставной грамоты съ оброка

---

[1]) Панковъ. „Крестьянскія волненія въ Курской губерніи въ 1862 г.“ Историч. Вѣстникъ 1890 г., № 8, стр. 365.

[2]) Ibid., стр. 350.

[3]) Ibid.

на барщину, въ чемъ борисовцы справедливо усмотрѣли еще большую зависимость отъ помѣщика, чѣмъ та, въ какой они были въ крѣпостное время (борисовцы до освобожденія состояли на оброкѣ, занимаясь земледѣліемъ, кустарными производствами и отхожими промыслами). Отказавшись отъ уставной грамоты по указаннымъ причинамъ, боросовцы уже въ 1861 г. начали толковать, что „это все отъ помѣщиковъ, царь насъ освободилъ, а они опять закабалить подъ себя хотятъ". Толки росли, волненіе ширилось и углублялось, крестьяне отказались и отъ барщины, и отъ оброка до прирѣзки земли. Къ апрѣлю 1862 г. къ этому требованію присоединилась увѣренность въ подложности объявленной воли вообще. Этому содѣйствовалъ нѣкій странникъ, разсказавшій имъ цѣлую легенду объ истинной волѣ. „Стойте и держитесь крѣпко *за вѣру и правду*", говорилъ онъ. „Не слушайте дворянъ. Идетъ царь Михаилъ; онъ былъ заключенъ до сего времени за двумя желѣзными дверями и шестью замками, а теперь вышелъ на свободу. Идетъ онъ не одинъ, съ нимъ большое воинство, и хочетъ онъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ. Поддержитесь только немного; онъ придетъ вскорости"...

И показывалъ, будто бы, странникъ крестьянамъ золотую книгу, а въ той книгѣ сказано, что всю землю царь Михаилъ отдаетъ крестьянамъ во владѣніе, а помѣщикамъ не оставляетъ ничего".

Разсказанная легенда, въ которой повторяются старые крестьянскіе мотивы о томъ, что дворянамъ довѣрять нельзя, ихъ нужно уничтожить (не непремѣнно физически), землю и все имущество отъ нихъ отобрать, что царь стоитъ на сторонѣ народа, но его силою удерживаютъ отъ дѣйствій въ пользу крестьянъ,—эта легенда, видимо, вполнѣ подошла къ настроенію крестьянъ, и разговоры странника вызвали среди нихъ большое возбужденіе. Они собрали незаконно волостной сходъ для того, чтобы „помиркувати", что имъ предпринять. Извѣстіе о прибытіи чиновника особыхъ порученій Мосолова съ 4 эскадронами гусаръ ихъ не испугало. Они вѣрили, что онъ привезетъ имъ настоящую грамоту о волѣ. „Ну вотъ, говорили они, значитъ онъ намъ настоящій царскій указъ привезъ. То намъ все облыжную, неправильную волю показывали, а теперь увидимъ настоящую".

На приказъ Мосолова—въ присутствіи гусаръ—немедленно подписать уставную грамоту, исполнять повинности и на другой же день уплатить слѣдуемый оброкъ, крестьяне отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. „Мы только на Бога надѣемся, да на царя. Отдай намъ сейчасъ истинный царскій указъ—мы сію минуту разойдемся по домамъ, не дашь—не тронемся съ мѣста". Мосоловъ попытался отдѣлить покорныхъ отъ непокорныхъ, но безуспѣшно. Тогда Мосоловъ

окружилъ крестьянъ гусарами, и началась почти поголовная жестокая порка. Сѣкли по два раза тѣхъ, кто ругалъ Мосолова, ложась подъ розги, два раза тѣхъ, кто незаконно созывалъ сходъ, такъ что нѣкоторые получили по 250—300 розогъ, сѣкли такъ, что наказываемые „заходились", по выраженію крестьянъ; если обламывались тонкіе концы розогъ, разсказывали крестьяне, били „оцупками" (комлями). Помимо экзекуціи 7 человѣкъ были преданы суду и сосланы въ Сибирь въ Тобольскую и Томскую губерніи.

Пожалуй, еще болѣе тяжелымъ возмездіемъ былъ для борисовцевъ постой 2-хъ эскадроновъ гусаръ въ продолженіе недѣль трехъ. Вообще, какъ видно изъ многихъ волненій, постои солдатъ были во многихъ случаяхъ тяжелѣе тѣлесныхъ наказаній: помѣщики слишкомъ хорошо пріучили крестьянъ къ поркѣ, а постои сопровождались зачастую такимъ экономическимъ разореніемъ для крестьянъ, такими нравственными и физическими издѣвательствами, что иногда достаточно было, какъ видно на примѣрѣ волненій въ Ярославской губерніи, одной угрозы постоемъ, чтобы привести крестьянъ въ повиновеніе. Примѣръ борисовцевъ достаточно характеренъ для вышеизложеннаго.

Солдаты „таскали сѣно и овесъ, куръ, утокъ, поросятъ, раздавали подзатыльники и зуботычины мужикамъ, не обходилось безъ подлаживанія къ молодицамъ и т. д. Жители Борисовки были такъ напуганы ими, что боялись выходить изъ домовъ, уѣзжали потихонку въ ночное время изъ Борисовки въ сосѣдніе лѣса".

Въ этомъ волненіи, какъ видно изъ изложеннаго, первоначальное полное довѣріе къ Мосолову смѣнилось требованіемъ отъ него царскаго указа, и закончилось ругательствами по его адресу; только репрессіи заставили крестьянъ смириться (что отнюдь не означаетъ еще вѣры крестьянъ въ справедливость толкованій Мосолова).

Изъ волненій на той же почвѣ недовѣрія къ объявленному положенію и увѣренности, что царскую волю скрываютъ, упомянемъ о волненіи въ имѣніи кн. Б. Р. (Пермск. губ., оханск. уѣзда). Крестьяне въ 1861 или 1862 г., по объясненію пермск. губернатора, считали, что отъ нихъ скрываютъ истинную волю Государя и ожидали какихъ-то новыхъ льготъ. Такъ, они ждали въ маѣ манифестъ о надѣленіи ихъ казенною землею и отказывались на этомъ основаніи отъ своихъ надѣловъ. Они побили казаковъ, которымъ было приказано разогнать сходъ, и осадили представителей администраціи въ домѣ священника, чѣмъ вынудили ихъ подписать ложное донесеніе о безпорядкахъ. Прибывъ съ войскомъ, пермскій губернаторъ разогналъ крестьянъ силою. Была назначена военно-судная комиссія, которая привлекла до тысячи крестьянъ въ качествѣ обвиняемыхъ и присудила 138 че-

повѣкъ къ различнымъ наказаніямъ, начиная отъ ссылки въ каторжныя работы и кончая простыми внушеніями о незаконности ихъ дѣйствій. Приговоръ былъ смягченъ въ комитетѣ министровъ: было наказано лишь 44 чел., при чемъ высшею мѣрою наказанія была ссылка въ Енисейскую губ. съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію правъ и возложены на всѣхъ крестьянъ волости издержки по усмиренію [1]).

Наиболѣе любопытно и интересно кандеевское движеніе, захватившее значительный районъ. Волны этого движенія, вздымавшіяся въ трехъ уѣздахъ Пензенской губ. (керенскомъ, чембарскомъ, моршанскомъ), перекатывались даже въ смежный уѣздъ Тамбовской губ.

Въ одномъ изъ первыхъ донесеній въ Пензу (12 апрѣля) было сообщено, что въ чембарскомъ уѣздѣ отказались отъ повиновенія до 26 селъ и деревень [2]). По словамъ автора воспоминаній о бунтѣ въ Кандеевкѣ, Худекова, районъ 3-хъ уѣздовъ Пензенской губ., охваченныхъ движеніемъ, заключалъ въ себѣ около 15000 д. крестьянъ. Эта цифра, вѣроятно, слишкомъ мала. Въ селѣ Кандеевкѣ (помѣщика Волкова), керенскаго уѣзда сосредоточились до 10000 чел. изъ деревень 4-хъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губ. Извѣстный усмиритель, ген. Дренякинъ, сообщаетъ, что въ Кандеевкѣ при усмиреніи 18 апр. изъ болѣе чѣмъ 1000-й толпы было имъ захвачено 410 чел. изъ 14 селеній 3-хъ уѣздовъ. Послѣ выстрѣловъ въ толпу крестьянъ, „поле, — пишетъ Дренякинъ въ своемъ донесеніи,—покрылось сорвавшимися со дворовъ лошадьми, на которыхъ верхами пріѣзжали въ Кандеевку сторонніе, участвовать въ сопротивленіи и узнать, чѣмъ кончится дѣло „о чистой волѣ“ [3]). Въ одномъ селѣ—Черногаѣ—чембарскаго уѣзда сошлось, согласно офиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 3-хъ тысячъ человѣкъ изъ окружныхъ селеній [4]). Таковы факты, рисующіе размѣры движенія. Что касается его продолжительности, то первыя донесенія (первоначально въ формѣ донесеній о неповиновеніи крестьянъ помѣщикамъ) въ керенскомъ и чембарскомъ уѣздахъ, стали поступать къ Дренякину съ 5 апрѣля. Къ 12-му поступающія свѣдѣнія стали тревожнѣе: сообщалось уже о черногаевскихъ событіяхъ. Доносилось, что въ Черногаѣ собравшаяся толпа, дѣйствовавшая кольями, вилами, камнями, кирпичами, арестовала исправника, управляющаго имѣніями гр. Уварова и разсыльнаго, заковала ихъ въ кандалы, заставивъ въ то же время, находившуюся въ селѣ роту солдатъ отступить съ небольшими потерями. Изъ крестьянъ 3 было убито, 4 ра-

---

[1]) Середонинъ. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. III, вып. I, стр. 348.

[2]) „Записка ген.-м. Дренякина“. Русскій Архивъ, 1896 г. № 11.

[3]) Ibid., стр. 821.

[4]) Ibid.

нено. 14 апрѣля было получено сообщеніе о скопленіи массы (до 10000 чел.) волнующихся крестьянъ въ с. Кандеевкѣ. Эти сообщенія заставили губернское начальство принять энергичныя мѣры для усмиренія. Уже 8-го апрѣля были двинуты военныя команды въ мѣста волненій. 12 апрѣля въ мѣста волненій выѣхалъ самъ г.-м. Дренякинъ. 18 апрѣля кандеевцы были уже усмирены. Въ концѣ апрѣля Дренякинъ могъ уже вернуться въ Пензу, и военныя команды были отозваны. Это движеніе, захватившее столь большой районъ и продолжавшееся около мѣсяца, имѣло своимъ первоначальнымъ источникомъ ложное толкованіе манифеста, быстро переходившее потомъ въ его отрицаніе и требованіе отъ властей и священниковъ скрытаго, будто бы, помѣщиками истиннаго царскаго указа о волѣ. Дренякинъ приписываетъ возникновеніе движенія неправильному толкованію манифеста и Положенія священникомъ с. Высокаго, чембарск. уѣзда Федоромъ Померанцевымъ. Этотъ священникъ толковалъ выраженіе Положенія „отбывать барщину", какъ повелѣніе „отбивать" ее, и говорилъ крестьянамъ, что „работать больше на помѣщиковъ не слѣдуетъ [1])". Надо думать, что вѣрнѣе замѣчаніе автора воспоминаній о кандеевскомъ движеніи Худекова, что „крестьянское движеніе въ этой мѣстности началось по нежеланію понять манифестъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ. Отставные солдаты—грамотѣи, пишетъ Худековъ, перетолковывали его на сходахъ по своему, дѣлая своеобразныя комментаріи, идущіе на руку мужичкамъ. А мужичкамъ только того и надо было. Они безпрекословно слушались своихъ новыхъ пророковъ и не довѣряли мѣстнымъ становымъ приставамъ, разъѣзжавшимъ по селамъ съ листами манифеста [2]). Эти толкованія подготовили почву для волненій, а толкованіе Федора Померанцева послужило лишь поводомъ для перехода отъ словъ къ дѣлу, давъ въ руки крестьянъ подкрѣпленіе ихъ пониманію „воли" изъ устъ компетентнаго человѣка, какимъ былъ въ ихъ глазахъ священникъ. Крестьяне села Высокаго бросили работы на помѣщика въ то самое время, когда наступала весенняя пахота и посѣвы яровыхъ. Движеніе перекинулось затѣмъ въ село Ильинское (помѣщика Охотникова), село Троицкое (гр. Вьелегорскаго) и покатилось далѣе. Но уже въ селѣ Ильинскомъ крестьяне кричали становому приставу, читавшему манифестъ: „не тотъ указъ читаешь... знаемъ мы васъ... Тебя господа подкупили... Земля теперь вся наша! Самъ царь отдалъ... работать больше не пойдемъ"... [3]). По другой же

---

[1]) Дренякинъ. „Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Кандеевкѣ въ 1861 г.". Русская Старина, 1885 г. № 4.

[2]) Худековъ. „Бунтъ въ Кандеевкѣ въ 1861 г.". Ист. Вѣстн. 1882 г. № 12, стр. 774.

[3]) Худековъ. Историч. Вѣстн., 1881 г. № 12, стр. 774—775.

редакціи крестьяне кричали: „не тотъ указъ читаешь, это мошенничество; земли скорѣй намъ подавайте [1]“. Въ селѣ Троицкомъ крестьяне уже требовали отъ священника, чтобы онъ показалъ скрываемый имъ указъ о волѣ.

„Читай намъ новую волю“, потребовала толпа крестьянъ у вызваннаго ею троицкаго священника. На возраженіе священника, что манифестъ уже прочитанъ имъ, крестьяне кричали: „Не ту, та поддѣльная! А настоящую читай; въ ней, сказано, что земля теперь вся наша!.. Скрываешь ее отъ насъ“, шумѣла толпа на увѣренія священника, что такой у него нѣтъ: „и ты подкупленъ господами! Мы вѣдь знаемъ, что настоящая воля лежитъ въ церкви на престолѣ съ Егорьевскимъ крестомъ и со знаменемъ Пресвятыя Богородицы“... Крестьяне угрожали священнику повѣсить его, если они найдутъ эту грамоту въ церкви, но, очевидно, они оставили свое намѣреніе, ибо свѣдѣній объ обыскѣ въ церкви и дальнѣйшемъ насиліи надъ священникомъ ни въ донесеніи Дренякина, ни въ воспоминаніяхъ Худекова не имѣется. То же требованіе „царской воли съ Егорьевскимъ крестомъ“ предъявляли крестьяне и къ покровскому священнику. Толпа, по свѣдѣніямъ Худекова, „какъ утверждаютъ „потрепала“ маленько отца духовнаго“ [2]. Крестьяне, встрѣтившіеся вдовѣ одного священника по дорогѣ изъ Чембаръ въ Керенскъ, сообщили ей, что въ селѣ Поимѣ (гр. Шереметьева) читали „настоящую“ вольную, не ту, которую въ церкви читали; по ихъ словамъ, ту вольную „помѣщиковъ не приказано больше слушать, а гдѣ исправникъ или становой попадется—то бить надо; а артачиться будетъ, то въ землю живымъ закапывать“... „А господъ, продолжали тѣ же крестьяне, тоже щадить не велѣно, потому — барское добро все намъ приписано! Барамъ, значитъ, шабашъ! [3]. Въ селѣ Черногаѣ крестьяне сначала совершенно мирно сами, безъ зова, явились къ пріѣхавшему къ нимъ исправнику и заявили, что хотятъ „послушать отъ него новую волю“. На попытки исправника увѣрить въ истинности Положенія, въ томъ, что самъ царь приказалъ работать на помѣщиковъ по старому до введенія мировыхъ посредниковъ, крестьяне открыто заявили ему, что они не вѣрятъ его словамъ, что согласно „истинной волѣ“ они теперь уже не должны работать на помѣщика, ибо срокъ 2-лѣтней работѣ на послѣдняго начался еще въ 1857 г., а оброкъ за землю, „какой будетъ слѣдовать“, они запла-

---

[1] Дубасовъ. „Очерки изъ исторіи Тамбовск. края“. Вып. 2-й, стр. 142.

[2] Худековъ. Ист. Вѣстн. 1881 г. № 12, стр. 775—776.

[3] Ibid, стр. 776—777. По другой редакціи эти крестьяне говорили такъ: „читали тамъ (въ с. Поимѣ) вольную, по которой не велѣно слушаться помѣщиковъ, а если гдѣ-нибудь попадутся земскіе чиновники, то надо бить ихъ и тутъ же закапывать въ землю. И баръ тоже щадить нельзя. Дома ихъ приказано пожечь и съ людьми, въ нихъ живущими“.

тать не господамъ, а государю, ибо теперь они уже „государевы“ [1]). Когда же исправникъ вздумалъ прибѣгнуть къ репрессіямъ и приказалъ арестовать и заковать въ кандалы стоявшимъ впереди „горлопанамъ“, то крестьяне кричали уже: „Да вяжите ихъ сами!.. Они царскіе ослушники, барами подкуплены“... [2]). Въ стычкѣ, которая при этомъ произошла между крестьянами и бывшею въ то время въ Черногаѣ ротою солдатъ, исправникъ, управляющій гр. Уварова, разсыльный, какъ уже говорилось выше, унтеръ-офицеръ—вольноопредѣляющійся и одинъ рядовой было захвачены крестьянами и первые трое, по сообщенію Худекова, закованы въ кандалы; въ стычкѣ едва не былъ убитъ командиръ роты, поручикъ Линденбаумъ. Рота, какъ мы уже знаемъ, должна была отступить, убивъ 3-хъ крестьянъ и ранивъ 4-хъ и успѣвъ отбить только станового пристава, но потерявъ 2-хъ изъ своихъ и нѣсколько ружей. Этотъ единственный случай нападенія крестьянъ на войско, извѣстный въ кандеевскомъ движеніи, объясняется скорѣе всего, помимо возбужденія, ихъ мнѣніемъ, что рота Линденбаума подослана дворянами. „Это войско не царское“, кричали въ толпѣ, когда Линденбаумъ пытался уговорить крестьянъ разойтись по домамъ, „это не царскіе слуги. Это дворянское войско, а настоящее войско только еще идетъ къ намъ на выручку! [3])“. Одинъ изъ главныхъ агитаторовъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ и популярностью въ волнующемся районѣ, крестьянинъ с. Высокаго, Леонтій Егорцевъ шелъ еще дальше въ своихъ подозрѣніяхъ о подкупности властей. Этотъ Егорцевъ говорилъ крестьянамъ о существованіи „золотой грамоты на чистую волю“ и о томъ, что если крестьяне отобьются къ 23-му апрѣля, то получатъ „чистую волю“ и всю помѣщичью землю; иначе же на вѣки-вѣчные останутся крѣпостными“ [4]). По словамъ Дренякина, онъ убѣждалъ при этомъ, что „никто не долженъ вѣрить ни земской полиціи, ни предводителю, ни даже мнѣ (т. е. самому Дренякину. *И. И.*), по его выраженію, „царскому послу“; всѣ подкуплены будто бы помѣщиками“ [5]). По нѣкоторымъ показаніямъ, на увѣренія Дренякина, Егорцевъ грозилъ даже повѣсить этого вѣроломнаго „царскаго посла“ [6]). Но какъ показываетъ все поведеніе крестьянъ въ Кандеевкѣ и другихъ селахъ, крестьяне не обнаружили такого же недовѣрія къ царскому послу, какое выражалъ Леонтій Егорцевъ. Въ Кандеевкѣ крестьяне встрѣтили Дренякина съ обнаженнымм головами. Въ отвѣтъ

---

1) Худековъ, стр. 778.
2) Ibid., 779.
3) Худековъ, стр. 781.
4) Дренякинъ. „Сказаніе...“ Русск. Старина, 1885 г. № 4, стр. 140.
5) „Записка Дренякина“. Русск. Архивъ, 1896 г. № 4.
6) Дренякинъ. „Сказаніе...“. 1885 г. № 4, стр. 140.

на слова Дренякина, что онъ „присланъ самимъ царемъ... чтобы объяснить имъ царскую волю“, крестьяне отвѣчали, что „имъ только того и надо“, что „они его ждали“, просили его объяснить царскую волю, обѣщая, что если воля „отъ самого царя“, то они ее исполнятъ [1]). Крестьяне слушали Дренякина сначала съ полнымъ вниманіемъ, задавали ему изрѣдка вопросы, между прочимъ, такой: „мы, значитъ, вольные, стало быть земля вся наша и барское добро наше?“ При отрицаніи же этого пункта „крестьянской воли“ и при послѣдующихъ объясненіяхъ Дренякина о правѣ собственности помѣщиковъ на всю землю и о выкупѣ земли по Положенію, изъ толпы крестьянъ послышался голосъ: „что это за воля“ [2]). Не убѣдили крестьянъ и разглагольствованія Дренякина о правахъ крестьянъ на бракъ безъ разрѣшенія помѣщика и о наказаніи крестьянъ только черезъ судъ по закону, а не по произволу помѣщика. Когда же Дренякинъ заговорилъ о сохраненіи оброка и барщины, какъ платы за пользованіе барской землей, то среди крестьянъ обнаружилось, очевидно, раздраженіе и недовѣріе. „На работу мы не пойдемъ, земля вся наша“, говорили они. Изъ толпы стали раздаваться угрожающіе возгласы, вскорѣ перешедшіе въ неопредѣленный гулъ.

Дренякинъ счелъ благоразумнымъ удалиться и уже не выступалъ одинъ передъ крестьянами, безъ охраны войскъ. На другой день Дренякинъ попытался вновь вступить въ объясненія съ крестьянами, вызвавъ депутатовъ отъ нихъ, но крестьяне отказались послать ихъ, боясь, чтобы съ выборными „не сдѣлали худа“ [3]). Увѣренность крестьянъ въ ихъ правотѣ и правильномъ пониманіи царской воли была такъ велика, что въ день усмиренія, 18 апрѣля, они совершенно не слушали разъясненій Дренякина и, въ отвѣтъ на всѣ обращенія къ нимъ, отвѣчали: „За Бога и царя умираемъ“. „На работу къ господамъ не пойдемъ“. То же повторяли они въ то время, какъ товарищи валились отъ солдатскихъ пуль, то же говорили, умирая, не издавъ ни одного вопля. Въ промежуткахъ между шпицрутенами, когда у окровавленнаго крестьянина, спина котораго представляла одну безформенную массу, изъ которой торчали куски прутьевъ, врѣзавшихся въ тѣло, спрашивали, пойдетъ ли онъ на работу, наказываемый, говоритъ Худековъ, „только вздохнетъ, какъ будто посвободнѣе и произнесетъ: „На работу не пойду! Дорѣзывайте меня“. И снова двигается процессія по „зеленой улицѣ“, и снова льется кровь.

---

[1]) Худековъ, стр. 785.
[2]) Худековъ, стр. 785.
[3]) Худековъ, стр. 787.

безъ стона, безъ вопля“ [1]) со стороны наказываемаго. „Упорство и сила вкоренившихся въ крестьянахъ убѣжденій, говоритъ Дренякинъ въ своемъ донесеніи, были такъ велики, что они стали виниться только тогда, когда исполнилось уже шпицрутенное 29 человѣкъ наказаніе, обѣщавшееся и всѣмъ остальнымъ [2])“.

Судя по изложенію Худекова, виниться крестьяне начали по другой причинѣ. Самъ Дренякинъ говорилъ, что сначала намѣтили и наказали наиболѣе упорныхъ крестьянъ, которые и доказали свою стойкость и силу характера, перенося наказаніе безъ стона, безъ всякихъ знаковъ раскаянія. Когда же безуспѣшность шпицрутеновъ была доказана, то экзекуцію пріостановили и употребили другой пріемъ. Изъ толпы были схвачены наугадъ 10 человѣкъ и приступили къ сѣченію ихъ розгами, что обѣщалось и остальнымъ. Выхваченные оказались не столько стойкими и сильными людьми и начали стонать и причитать подъ ударами, что подѣйствовало на всю толпу въ сторону малодушія; крестьяне упали на колѣни, изъявили раскаяніе и просили пощады. Впрочемъ, Дренякинъ въ своихъ поправкахъ къ статьѣ Худекова сообщаетъ, что крестьяне повинились не подъ наказаніемъ розгами, а „уговорилъ ихъ просить помилованія майоръ Лаксъ“ [3]).

Ознакомившись со степенью увѣренности крестьянъ, что истинная воля вышла отъ царя, но ее скрываютъ помѣщики, подкупивъ съ этой цѣлью чиновниковъ и поповъ, попытаемся скомбинировать, что понимали кандеевцы подъ „чистой волей“. Наиболѣе опредѣленнымъ, наиболѣе частымъ заявленіемъ ихъ было отрицаніе какихъ-либо повинностей помѣщикамъ (барщины и оброка) и повиновенія имъ въ какой бы то ни было формѣ, т. е., въ сущности, отрицаніе срочно-обязаннаго періода. Въ с.с. Ильинскомъ, Троицкомъ, Поимѣ при объясненіяхъ съ Дренякинымъ въ Кандеевкѣ, крестьяне заявили, что вся помѣщичья земля должна перейти имъ [4]). Ту же передачу всей земли крестьянамъ провозглашали крестьянамъ агитаторы (крестьяне с. Высокаго Коровяковъ, Егорцевъ, Кошелевъ, Горячевъ), разъѣзжая изъ села въ село [5]). Въ Черногаѣ крестьяне заявляли, что оброкъ за землю „какой будетъ слѣдовать“ они заплатятъ государю, а не помѣщикамъ [6]). Въ селѣ Поимѣ, по словамъ крестьянъ,

---

[1]) Ibid, стр. 792.
[2]) Записка Дренякина. Русск. Архивъ, 1896 г., № 11.
[3]) Дренякинъ. „Сказаніе...“ Р. Стар., 1885 г., № 4, стр. 148.
[4]) Записка Дренякина. Р. Арх. 1896 г. № 11, стр. 817; Худековъ, стр. 775, 777, 785, 786.
[5]) Худековъ, стр. 775; Дренякинъ „Сказаніе...“, стр. 140; Записка Дренякина, стр. 317.
[6]) Худековъ, стр. 778.

бывшихъ тамъ, говорилось, что крестьянамъ „приписано все барское добро", вѣроятно, этимъ хотѣли сказать, что не только земли, но и все имущество господъ должно отойти крестьянамъ [1]). Ту же увѣренность, что разъ они вольные, то вся земля и все барское добро ихъ, выражали крестьяне и при объясненіяхъ съ Дренякинымъ въ Кандеевкѣ [2]). Такія заявленія, какія были въ с. Поимѣ, а именно, о необходимости бить становыхъ, исправниковъ, не щадить господъ, скорѣе нужно приписать озлобленности крестьянъ противъ тѣхъ и другихъ за укрывательство отъ нихъ „чистой воли". Вѣдь тѣ же самые крестьяне, какъ было указано, относились съ довѣріемъ къ представителямъ власти до тѣхъ поръ, пока не обнаруживалось расхожденіе ихъ толкованій съ содержаніемъ крестьянской „чистой воли". Крестьяне не ограничивались одной увѣренностью въ наступленіи воли и соотвѣтствующими заявленіями. Они немедленно переходили отъ слова къ дѣлу. Отрицаніе всякихъ повинностей и повиновенія помѣщикамъ немедленно проводилось ими на практикѣ. Барщина и другія работы немедленно бросались. То обстоятельство, что это прекращеніе всякихъ работъ на помѣщиковъ и повиновенія имъ совпало какъ разъ съ началомъ весенней пахоты и яровыхъ посѣвовъ и заставило какъ помѣщиковъ засыпать губ. власти жалобами, такъ и начальство—принимать нужныя мѣры для водворенія спокойствія въ краѣ. Самъ Дренякинъ въ своемъ донесеніи, какъ бы оправдывается въ суровости принятыхъ имъ мѣръ—необходимостью привести крестьянъ въ повиновеніе до Пасхи, къ посѣвамъ яровыхъ и вообще къ началу полевыхъ работъ [3]).

„Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, по указанію Худекова, крестьяне начали растаскивать скирды на гумнахъ [4]). Въ селѣ Высокомъ, по донесенію Дренякина, крестьяне заставили бѣжать изъ имѣнія управляющаго и запечали домъ [5]). Въ селѣ Покровскомъ, по словамъ того же лица, крестьяне раздѣлили между собой господскій скотъ [6]). Въ с. Покровскомъ крестьяне хотѣли будто бы „расхитить деньги" или „расхитить казначейство" [7]), какъ сказано у Дренякина во всеподданнѣйшемъ донесеніи. Въ своей поправкѣ къ ст. Худекова Дренякинъ говоритъ, что во время движенія „были случаи разграбленія помѣщичьяго имущества" [8]).

---

[1]) Idid, стр. 777.
[2]) Ibid, стр. 785.
[3]) Записка Дренякина, стр. 320.
[4]) Худековъ, стр. 777.
[5]) Записка Дренякина.
[6]) Записка Дренякина; Дренякинъ „Сказаніе..."
[7]) Ibid.
[8]) Дренякинъ. „Сказаніе...", стр. 140.

Между крестьянами, захваченными кандеевскимъ движеніемъ, замѣчается не только солидарность въ пониманіи воли, ея проведеніи въ жизнь, въ отношеніи къ начальству, но и въ дѣйствіяхъ. Рѣшившись „отбивать“ волю или, вѣрнѣе, проводить ее въ жизнь, несмотря на всѣ препятствія, крестьяне находились между собой въ живомъ общеніи, подкрѣпляя, такимъ образомъ, другъ друга въ своихъ рѣшеніяхъ. Какъ было уже указано, изъ среды крестьянъ выдѣлились агитаторы (упомянутые Коровяковъ, Егоровъ, Егорцевъ, Кошелевъ, Горячевъ), которые разъѣзжали изъ села въ село и устно толковали объ „истинной волѣ“, по которой царь всю землю отдалъ крестьянамъ, а работать на барина больше не слѣдуетъ. „Переходъ названныхъ крестьянъ, говоритъ Худековъ (впрочемъ, онъ называетъ только 3-хъ первыхъ, умалчивая почему-то о Горячевѣ, о которомъ даетъ точныя свѣдѣнія Дренякинъ), изъ одного села въ другое имѣлъ видъ тріумфальнаго шествія. На высокій шестъ, изображавшій знамя, былъ привѣшенъ большой красный платокъ; шестъ вставили въ колесо, колесо положили на телѣгу и въ такомъ видѣ этотъ символъ крестьянской неурядицы развозили по селеніямъ.

За этимъ оригинальнымъ поѣздомъ шли массы крестьянъ, бабъ и дѣтей. Едва они вступили за околицу, какъ на встрѣчу съ криковъ „воля, воля“ высыпало изъ курныхъ избъ все крестьянство отъ мала до велика“ [1]). За объявленіемъ воли въ такомъ селеніи слѣдовало проведеніе ея въ жизнь: барщина прекращалась, вотчинныя власти не признавались, а иногда избивались и т. д. Вѣсти о поѣздкахъ помѣщиковъ или управляющихъ въ городъ, конечно, съ просьбами, какъ догадывались крестьяне объ „усмиреніи крестьянъ“, побуждали ихъ къ дальнѣйшимъ солидарнымъ дѣйствіямъ. Уже было отмѣчено, что въ кандеевскомъ движеніи крестьяне сосредоточивались въ какомъ-либо одномъ селѣ для совмѣстныхъ дѣйствій и увеличенія своихъ силъ. Такимъ центромъ было упомянутое село Черногай въ чембарскомъ уѣздѣ, гдѣ сосредоточилось до 3-хъ тысячъ изъ окружныхъ селеній, затѣмъ Кандеевка въ керенскомъ уѣздѣ, гдѣ было до 10.000 человѣкъ изъ десятковъ селъ и деревень 4-хъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губерн. Въ селѣ Чернышевѣ, гдѣ жилъ управляющій всѣми имѣніями гр. Уварова, собрались крестьяне изъ 10 окружныхъ селеній съ намѣреніемъ, повидимому, расправиться съ ненавистнымъ управляющимъ [2]). Волнующіяся селенія, очевидно, поддерживали между собою связь и другими способами. На это указываетъ сообщеніе Дренякина о массѣ сорвавшихся со дворовъ лошадей (послѣ выстрѣловъ), на которыхъ верхами пріѣзжали въ Кандеевку

---

[1]) Худековъ, стр. 775.
[2]) Записка Дренякина. Р. Арх. 1896 г., № 11.

стороннiе участвовать въ сопротивленiи и узнать, чѣмъ кончится дѣло о „чистой волѣ“ [1]). Впрочемъ, съ этими сообщенiями волнующихся селъ между собою при помощи гонцовъ приходилось сталкиваться и при описанiи другихъ волненiй.

Крестьяне, видимо, скопляясь въ томъ или другомъ селѣ, принимали мѣры предосторожности. Такъ, по указанiю Дренякина, въ Кандеевкѣ были установлены крестьянами разъѣзды и пикеты, которые задерживали разсыльныхъ отъ властей [2]). Какъ было упомянуто, въ Черногаѣ крестьяне были вооружены кольями, вилами, кирпичами, камнями. Дренякинъ въ своей запискѣ говоритъ, что въ Кандеевкѣ, на крестьянскихъ дворахъ было заготовлено разнаго рода оружiе, но это утвержденiе генерала нужно оставить всецѣло на его совѣсти, Худековъ же говоритъ опредѣленно, что эти слухи были совершенно ложны, никакого оружiя нигдѣ не было найдено [3]).

Дѣйствiя крестьянъ, подобныя вышеуканнымъ, не могли оставляться властями безъ вниманiя. Въ мѣста волненiй было двинуто значительное количество войскъ.

По указанiю Дубасова, весь казанскiй полкъ былъ приведенъ на военное положенiе и его эшелоны, кромѣ Кандеевки, были направлены на Черногай и Поимъ [4]). Кромѣ казанцевъ, въ воспоминанiяхъ о кандеевскомъ волненiи упоминаются роты тарутинскаго полка, стрѣлковый батальонъ; усмирять крестьянъ двинулся самъ генералъ Дренякинъ, командированный въ Пензенскую губ. на случай могущихъ возникнуть волненiй.

По дорогѣ въ Кандеевку онъ испросилъ высочайшее разрѣшенiе наказывать виновныхъ немедленно и безапелляцiонно по своему суду; это право было ему дано Александромъ II. Снабженный такими громадными полномочiями, имѣя въ своемъ распоряженiи болѣе, чѣмъ достаточныя военныя силы, приступилъ Дренякинъ къ усмиренiю крестьянъ.

Въ Черногаѣ, куда напра вился прежде всего Дренякинъ, его вмѣшательства не потребовалось. Еще до его прибытiя сюда пришла новая рота солдатъ (тарутинскаго полка) и безъ всякаго пролитiя освободила арестованное крестьянами начальство. Когда прибылъ сюда Дренякинъ, то спрятавшiеся, было, крестьяне сами вышли къ нему и выразили раскаянiе. По словамъ самого Дренякина, одни его циркуляры къ населенiю, въ которыхъ онъ приглашалъ крестьянъ выслать къ нему по нѣсколько старшинъ и домохозяевъ для

---

[1]) Ibid., стр. 321.
[2]) Ibid., стр. 317.
[3]) Худековъ, стр. 786.
[4]) Дубасовъ. „Очерки по исторiи Тамбовск. края“, вып. 2-ой, стр. 144.

разъясненія манифеста и воли, а также для разъясненія черногаевскаго дѣла, произвели желательное впечатлѣніе. Уже въ село Поимъ, которое было избрано Дренякинымъ его штабъ-квартирой, крестьяне послали депутацію съ покорностью и раскаяніемъ въ участіи въ черногаевскомъ дѣлѣ. Принимая во вниманіе первоначальное довѣріе къ Дренякину даже въ самой Кандеевкѣ, этимъ свѣдѣніямъ Дренякина можно повѣрить, хотя покорность крестьянъ должна остаться подъ сильнымъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, покорность крестьянъ можетъ отчасти объясняться невозможностью для жителей противиться тремъ ротамъ солдатъ, сопровождавшимъ Дренякина. По дорогѣ въ Кандеевку Дренякинъ побывалъ въ с. Высокомъ, гдѣ крестьяне также принесли повинную и выдали зачинщиковъ (хотя тотъ же Дренякинъ здѣсь же сообщаетъ, что главный зачинщикъ, Леонтій Егорцевъ, былъ вывезенъ крестьями въ возу соломы). О ходѣ событій въ самой Кандеевкѣ отчасти уже сказано. Втрѣченный собравшимися крестьянами очень довѣрчиво, Дренякинъ своими толкованіями о волѣ довелъ ихъ быстро до враждебнаго и недовѣрчиваго отношенія къ себѣ. Попытка его говорить съ депутатами, какъ сказано, также не увѣнчалась успѣхомъ. Посылка священника съ крестами для убѣжденія крестьянъ также ни къ чему не привела. Крестьяне упорно твердили, что они готовы умереть за Бога и за царя и на помѣщиковъ работать не будутъ. 18-го Дренякинъ пустилъ въ ходъ войска и оружіе: при наличности въ Кандеевкѣ 7-ми ротъ, изъ которыхъ 1 осталась охранять господскій дворъ, 2 должны были защищать флангъ и тылъ, Дренякинъ выступилъ противъ крестьянъ, мирно столпившихся на площади. Со стороны крестьянъ не было принято никакихъ мѣръ для своей защиты; какъ указывалось, слухи о заготовленномъ оружіи на дворѣ оказались ложными. Крестьяне слѣдили лишь съ крыши домовъ за передвиженіями войскъ и держали наготовѣ свое имущество въ возахъ, подвезенныхъ къ устроеннымъ черезъ ручей переѣздамъ, на случай бѣгства. Дренякинъ же приготовился къ серьезному сопротивленію. Еще наканунѣ (17-го апрѣля) былъ устроенъ военный совѣтъ и выработана диспозиція „въ виду не невозможнаго отступленія“ [1]). Въ ночь на 18-ое бивуаки солдатъ передъ господскимъ домомъ представляли изъ себя военный лагерь съ правильно организованной аванпостной службой и патрулями. Дренякинъ самъ сознается въ своей запискѣ, что въ его планъ входило, въ сопротивленія крестьянъ, поджечь село, чтобы выгнать крестьянъ въ поле и тамъ расправиться съ ними.

Итакъ, выступивъ противъ крестьянъ во главѣ 4-хъ ротъ, Дренякинъ подошелъ къ крестьянамъ почти вплотную (по

---

[1]) Дренякинъ. „Сказаніе...“, стр. 142.

словамъ Худекова, на 40—50 шаговъ, по словамъ Дренякина на 300). Попытку Древякина убѣдить крестьянъ покориться постигла та же участь, какъ и предыдущія. Крестьяне единодушно кричали, что они готовы умереть за Бога и царя, но работать на помѣщиковъ не пойдутъ. Угроза стрѣлять имѣла тотъ же успѣхъ. Тогда Дренякинъ приказалъ на глазахъ крестьянъ зарядить ружья и дать залпъ. Три, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, залпа не имѣли никакого успѣха. Хотя десятки крестьянъ падали, пораженные солдатскими пулями, остальная толпа продолжала свой кликъ, лишь придвинувшись ближе къ войску. Самъ Дренякинъ впослѣдствіи оправдывалъ себя тѣмъ, что въ его времена не было еще „патологическаго явленія деликатно обращаться съ бунтовщиками“ [1]), самъ Дренякинъ, говорятъ, остановился въ ужасѣ передъ безцѣльностью произведеннаго имъ разстрѣла мирной толпы.

Онъ попытался клясться надъ образомъ — благословеніемъ покойной матери, что говоритъ крестьянамъ правду и правильно толкуетъ волю царя. Ничто не помогало. Тогда онъ прибѣгъ къ средству, которое долженъ былъ бы употребить съ самаго начала. Онъ приказалъ солдатамъ быстро ринуться въ толпу и оцѣпить хотя часть ея. Быстрота и неожиданность этого маневра произвела замѣшательство въ рядахъ крестьянъ и вызвала панику. Толпа обратилась въ бѣгство.

Солдатамъ удалось изъ 1000-ной толпы оцѣпить лишь 410 человѣкъ (изъ 14 селеній 3-хъ уѣздовъ). За малочисленностью отряда Дренякинъ отказался отъ преслѣдованія, и скопившіеся въ Кандеевкѣ тысячи крестьянъ постепенно въ ночь разошлись изъ Кандеевки, разнося всюду вѣсть о кандеевскомъ усмиреніи. Въ результатѣ кандеевскаго побоища оказалось убитыми 8 крестьянъ и ранеными 27.

Часть была приговорена къ шпицрутенамъ, ссылкѣ на каторгу, въ Сибирь на поселеніе, или къ тюремному заключенію, часть была приговорена къ розгамъ. Тѣлесныя наказанія немедленно приводились въ исполненіе въ самой Кандеевкѣ. Такая же расправа съ крестьянами была произведена въ рядѣ волнующихся селъ, несмотря на то, что послѣ кандеевскаго усмиренія крестьяне сами приходили съ повинной и выдавали зачинщиковъ. Всего, согласно вѣдомости о числѣ наказанныхъ въ чембарскомъ и керенскомъ уѣздахъ, составленной самимъ Дренякинымъ, было наказано 172 человѣка съ подраздѣленіемъ на 5 группъ: 1) 28 человѣкъ были прогнаны сквозь строй шпицрутенами черезъ 100 человѣкъ съ 4 до 7 разъ, съ ссылкой на каторгу на срокъ отъ 4 до 15 лѣтъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и воинскаго зва-

---

[1]) Древнякинъ. „Сказаніе...“ Р. Стар. 1885 г., № 4, стр. 142.

нія; 2) 80 человѣкъ приговорены къ шпицрутенамъ черезъ 100 человѣкъ отъ 2 до 4-хъ разъ и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и воинскаго званія; 3) 3 человѣка за старостью лѣтъ безъ тѣлеснаго наказанія къ содержанію въ смирительной ротѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ; 4) 3 человѣка къ шпицрутенамъ черезъ 100 человѣкъ 2 раза и безъ наказанія приговорены къ обращенію на службу въ оренбургскій линейный батальонъ; 5) 58 человѣкъ къ наказанію розгами отъ 50 до 250 ударовъ съ возвращеніемъ въ семейства.

Кромѣ того, священникъ Федоръ Померанцевъ былъ приговоренъ къ заключенію навсегда въ Соловецкій монастырь, а дьяконъ с. Сентяпино, Лука Коронатовъ (помогавшій якобы Померанцеву въ толкованіяхъ манифеста и Положенія) былъ отданъ подъ строгій надзоръ мѣстнаго епархіальнаго начальства въ гор. Пензѣ. Такими репрессіями закончилось кандеевское движеніе. Дренякинъ достигъ своей цѣли. Къ Пасхѣ движеніе почти прекратилось. Въ отвѣтъ на свое донесеніе о кандеевскомъ усмиреніи Дренякинъ получилъ 23 апрѣля отъ Александра II слѣдующую телеграмму:

„Христосъ Воскресе. Благодарю за поздравленіе (съ Пасхой. *И. И.*) и за дѣльныя распоряженія—Александръ“ [1]).

По сообщенію Дренякина, въ 1862 году было исходатайствовано II категоріи присужденныхъ (80 человѣкъ) полное помилованіе съ возвращеніемъ на родину, а 26 лицамъ II категоріи—значительное сокращеніе сроковъ каторжной работы съ оставленіемъ въ Сибири.

И. Игнатовичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Дренякинъ „Сказаніе...“ Р. Стар. 1885 г., № 4, стр. 15?.

Воспоминанія.

ГЛАВА VII.

Положеніе моей семьи.—Отъѣздъ няни на богомолье.—Мѣстная Мессалина.—Ночь передъ рекрутчиной.—Воровство въ домѣ и вынужденныя клятвы.—Обученіе.

Наступила весна пятаго года нашей жизни въ деревнѣ. Наша семья была теперь весьма малочисленна: моя мать, старшая сестра Нюта, я и няня, — вотъ и все населеніе нашего большого деревенскаго дома. Мой братъ Заря былъ опредѣленъ въ Аракчеевскій корпусъ въ Новгородѣ, Андрюша находился въ дворянскомъ полку въ Петербургѣ, Саша въ пансіонѣ.

Всѣ домашніе какъ-то начали замѣчать, что няня худѣетъ изо дня въ день. Матушка сильно обезпокоилась. Что было дѣлать? Привести изъ города доктора? Это считалось необыкновеннымъ событіемъ въ деревнѣ и стоило большихъ денегъ: лошадямъ приходилось дѣлать четыре конца, слѣдовательно, необходимо было освободить отъ работъ какъ ихъ, такъ и кучера, по крайней мѣрѣ, дней на шесть. Лишая доктора практики въ продолженіе такого долгаго времени, соотвѣтственно съ этимъ слѣдовало назначить ему и приличное вознагражденіе. Несмотря на свою крайнюю расчетливость, матушка такъ высоко цѣнила заслуги няни, что не побоялась бы расходовъ, но какъ уговорить ее согласиться на это. Однако случай помогъ выйти изъ затрудненія. Въ это самое время сильно заболѣла Воинова, и ея мужъ отправилъ лошадей за докторомъ въ губернскій городъ. Гувернантка Воиновыхъ, отъ имени Натальи Александровны, предлагала матушкѣ воспользоваться этимъ случаемъ.

Какъ вспыхивали отъ смущенія блѣдныя щеки няни, когда матушка читала ей письмо Ольги Петровны. «О Господи», повторяла она на всѣ лады. «Такія настоящія барыни, какъ Александра Степановна и Наталья Александровна... можно сказать, первыя въ нашей округѣ... и вдругъ думаютъ о такомъ червякѣ, какъ я!» Она всегда была вѣрна себѣ, моя святая, моя великая смиренница няня! Но матушка за эти слова страшно разсерди-

лась на нее. «Вѣдь ты же прекрасно понимаешь, что если какая бѣда стрясется съ тобой,—дѣти мои погибнутъ и хозяйство прахомъ пойдетъ!..» И она немедленно повезла ее къ доктору и вполнѣ правильно объяснила ему причину ея болѣзни: «измучилась она у насъ заботами о дѣтяхъ!» Докторъ не нашелъ у няни ничего серьезнаго, но посовѣтовалъ дать ей отпускъ на два — три мѣсяца для полнаго отдыха.

Мысль, что няня уѣдетъ на такое продолжительное время, приводила меня въ отчаяніе. Въ глубинѣ души я сознавала, что должна подчиниться этому рѣшенію, но не умѣла справиться съ собой. Когда я вспоминала предстоящую разлуку, я то плакала, то, сидя по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, даже не отвѣчала нянѣ на ея вопросы. Матушка и Нюта усовѣщивали и бранили меня, но изъ этого ничего не выходило, и я тосковала все больше. Однажды во снѣ я начала такъ рыдать и кричать, что всполошила весь домъ. Меня разбудили, и я увидѣла у моей постели матушку и няню. Мнѣ дали напиться, и я успокоилась. Вѣроятно, няня подумала, что я уже заснула, такъ какъ сказала матушкѣ: «хоть рѣжьте, я никуда не поѣду!» Это рѣшительное заявленіе няни такъ меня успокоило, что я опять вошла въ прежнюю колею. Но однажды утромъ няня поразила меня тѣмъ, что какъ-то сконфуженно отворачивала отъ меня свое лицо, руки ея дрожали, и она неохотно разговаривала со мной. Вдругъ въ передней раздались голоса Воиновыхъ, и я весело побѣжала къ нимъ навстрѣчу. Не прошло и получаса, какъ матушка безапелляціонно объявила мнѣ, что я должна сейчасъ же одѣваться, такъ какъ отправляюсь въ домъ Воиновыхъ вмѣстѣ съ ними, и мнѣ стали быстро и быстро подавать верхнюю одежду. Я поняла свой приговоръ и съ крикомъ бросилась къ нянѣ, но матушка сурово оттолкнула меня отъ нея, и она, утирая слезы, вышла изъ комнаты. Больше я не видала ее до самаго ея возвращенія.

Когда я пріѣхала къ Воиновымъ, хозяйка дома и ея гувернантка дѣлали все, чтобы развлекать насъ, дѣтей: лѣтнія деревенскія удовольствія смѣнялись одни другими, и я днемъ совсѣмъ не вспоминала ни о домѣ, ни даже о нянѣ, но, когда я лежала въ постели, я долго не засыпала, и меня вдругъ охватывала страшная тоска. И вотъ однажды я стала прислушиваться къ разговору помѣщицы Ковригиной, которая вечеромъ пріѣхала къ Натальѣ Александровнѣ и разговаривала съ нею въ столовой, дверь изъ которой была пріоткрыта въ дѣтскую.

Ковригина была вдовою, еще не старою и довольно красивою женщиною. Хотя доходы съ ея небольшого имѣнія были не велики, но такъ какъ у нея не было ни дѣтей, ни родни, она могла жить безбѣдно. Но она, видимо, проживала гораздо больше, чѣмъ имѣла: зиму она проводила въ губернскомъ городѣ, гдѣ много выѣзжала, танцовала, наряжалась и, какъ говорили, кутила напропалую. Въ деревнѣ же она тосковала и убивала время, зазывая къ себѣ гостей.

Ковригина была своего рода Мессалиною въ нашемъ захолустьѣ: про нея ходило много разсказовъ. Когда по дорогѣ показывался ея экипажъ, болѣе щегольской, чѣмъ у кого бы то ни было въ нашей мѣстности, дворовые въ людской и гости въ «господскомъ домѣ», не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей, разсказывали о ея разнообразныхъ похожденіяхъ. Сколько въ нихъ было правды, я не знаю, но, какъ фактъ общеизвѣстный, передавали, что она, съ помощью прислуживавшаго въ домѣ казачка отравила своего мужа, а затѣмъ, чтобы купить молчаніе своего крѣпостного, сдѣлалась его любовницей и совала ему деньги и подачки, что только увеличивало его требовательность и наглость. Она избавилась отъ него лишь вѣроломнымъ образомъ, отправивъ его въ воинское присутствіе и забривъ ему лобъ. Тѣмъ не менѣе дѣло о внезапной кончинѣ ея мужа все-таки возникло, и она употребила весь свой небольшой капиталъ и свои бриллiанты на то, чтобы потушить его. Когда это ей удалось, она на довольно продолжительное время куда-то уѣхала изъ нашихъ краевъ, но затѣмъ опять появилась въ своей усадьбѣ и сразу начала вести безпутный образъ жизни. Ее не принимали во многихъ помѣщичьихъ семьяхъ, но не потому, что она запятняла себя уголовнымъ преступленіемъ и не добропорядочнымъ поведеніемъ, а только изъ-за того, что находили ее неотразимой для мужа или сына. Ни одинъ помѣщикъ не рѣшался признаться въ томъ, что посѣщаетъ ее: они пріѣзжали къ ней не иначе, какъ оставивъ лошадей на постояломъ дворѣ, находившемся въ полутора верстѣ отъ ея дома, и являлись къ ней пѣшкомъ. Когда она въ первый разъ пріѣхала къ намъ въ Погорѣлое, матушка приняла ее очень любезно, но, проболтавъ съ ней вечеръ, пришла къ заключенію, что Ковригина «и дурашка, и пустельга», что на нее не стоитъ тратить времени, а потому не отдала ей визита и разъ навсегда приказала нянѣ, когда она будетъ пріѣзжать къ намъ, говорить ей, что матушка только что уѣхала.

Когда Ковригина, разговаривая съ Воиновой, вдругъ произнесла мою фамилію, я стала прислушиваться. «Всѣ ея дѣти» (т. е. моей матери), говорила она, «несчастныя, заброшенныя созданія, а сама она ледяная глыба. Отъ отсутствія ея заботливости у нея уже сгорѣла одна дочь, да и всѣ ея дѣти погибли бы въ огнѣ и помойныхъ ямахъ, если бы не няня»...

Я не могла понять того, что все сказанное Ковригиною было съ ея стороны местью за пренебрежительное отношеніе къ ней моей матери. Такъ какъ я страдала отъ ея холодности и была уязвлена въ раннемъ дѣтствѣ ея словами при моей тяжелой болѣзни, то все слышанное мною снова пробудило въ моей душѣ дурныя чувства къ матушкѣ.

По возвращеніи домой я съ особенной силой почувствовала весь ужасъ одиночества. Онъ былъ всего болѣе чувствителенъ для меня потому, что въ то лѣто у насъ не гостили ни мои братья, ни сестра Саша. Она уже была въ старшихъ классахъ

пансіона и получила на каникулы мѣсто въ Черниговской губерніи у зажиточныхъ малорусскихъ помѣщиковъ, гдѣ она обучала французскому языку и музыкѣ ихъ единственную дочь, воспитанницу того же пансіона. Хотя за этотъ трудъ сестрѣ предложили невѣроятно жалкое вознагражденіе, что-то въ родѣ 10 или 12 рублей за все лѣто, но она письменно умоляла матушку не лишать ее «счастья быть полезной семьѣ» и дозволить взять мѣсто. Матушка согласилась, и Саша впервые отправилась на мѣсто гувернантки, а осенью прислала ей всѣ полученныя ею деньги.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ оригинальномъ отношеніи моей матери къ деньгамъ, получаемымъ моею сестрою за свой трудъ. Оно было совершенно такимъ же, какъ и у крестьянъ, когда тѣ отправляютъ сына на заработки. Сестра Саша впослѣдствіи много зарабатывала, конечно, сравнительно съ тѣмъ, что тогда вообще получали у насъ женщины, но какъ свое первое вознагражденіе, такъ и до конца своей жизни, она все до послѣдней копѣйки отдавала матери. Когда ей нужна была новая обувь, шляпа, платье или что другое, матушка требовала, чтобы Саша показала ей то, что она желаетъ обновить. Иногда она находила, что башмаки ея дочери могутъ выдержать вторую починку, а платье еще не такъ истрепалось, чтобы его замѣнять другимъ,—и отказывала удовлетворить ея просьбу. Когда Сашѣ приходилось письменно просить матушку разрѣшить ей удержать для себя нѣсколько рублей изъ своего заработка, это дѣлалось съ подробнымъ и точнымъ обозначеніемъ того, на что именно и сколько ей было нужно денегъ. Въ отвѣтъ на такую просьбу, матушка обыкновенно посылала ей свой собственный списокъ, въ которомъ точно опредѣляла, во что должно обойтись то или другое: вмѣсто предполагаемой сестрой матеріи на ея новое платье по 60 копеекъ за аршинъ, она должна была по приказанію матери купить ее по 40 копеекъ, «что же касается ботинокъ», стояло въ одномъ изъ писемъ матушки къ сестрѣ, найденныхъ мною въ ея бумагахъ, «то и козловые башмаки въ 1 рубль 50 копеекъ могутъ еще считаться щегольствомъ для такой бѣдной дѣвушки, какъ ты, а ужъ эти фокусы, чтобы покупать нонѣшнія ботинки въ 3 рубля, такъ ты это выкинь изъ головы. И съ чего это у тебя вдругъ такое фанфаронство? При твоемъ умѣ и благоразуміи,—это просто даже непростительно!»

Но возвращаюсь къ своему разсказу. Если бы въ нашей семьѣ не было страшнаго несчастья, случившагося съ сестрою Ниной, погибшей отъ обжоговъ вслѣдствіе недосмотра, то матушка, по ея словамъ, давнымъ-давно дала бы мнѣ полную свободу ходить и бѣгать, гдѣ угодно. Но это ужасное семейное событіе заставляло ее, несмотря на то, что я, во время отсутствія няни, была уже большою дѣвочкой, поручить меня присмотру горничной Домны, которая должна была повсюду сопровождать меня, не спуская съ меня глазъ. Но это совсѣмъ не исполня-

лось, и Домна изрѣдка забѣгала только посмотрѣть, гдѣ я нахожусь.

Нашъ домъ стоялъ на горѣ, а внизу между нимъ и озеромъ была большая сажалка, устроенная еще отцомъ. Когда въ озерѣ ловили рыбу и попадалась мелкая рыбешка, ее бросали въ сажалку. Нѣкоторыя породы рыбъ прекрасно выносили воду сажалки, даже жирѣли въ ней, тѣмъ болѣе, что имъ бросали хлѣбныя крошки, червяковъ, рыбьи внутренности. Эту сажалку держали и при матушкѣ, чтобы всегда имѣть подъ руками живую рыбу. Даже живя у берега большого, прекраснаго озера, не всегда возможно было имѣть къ столу хорошую рыбу: то уловъ оказывался плохимъ, то попадалась исключительно мелкая рыба. А въ сажалку стоило опустить сачокъ, и изъ него выбирали то, что нужно, а остальное опять бросали въ воду. Крестьянамъ ловить для себя рыбу изъ сажалки было строго запрещено. Намъ, дѣтямъ, дозволялось удить въ ней рыбу удочкой. Въ первый же разъ, когда я попробовала это дѣлать безъ няни, я поскользнулась и упала въ сажалку. Это не испугало меня; у берега было мелко, и я тотчасъ выкарабкалась на землю, но Домна, увидавъ мое испачканное платье, пребольно стала обдергивать меня. До той поры я даже отъ матушки не испытала ничего подобнаго, а тутъ вдругъ «простая баба смѣетъ меня, барышню!..» И я бросилась съ жалобой къ Нютѣ, которая постращала за это Домну тѣмъ, что если она позволитъ себѣ что-нибудь въ этомъ родѣ, это будетъ доложено матушкѣ. Переодѣвая меня, Домна осыпала меня градомъ упрековъ, называя «ябедницею» и «наушницею». Я и это побѣжала передать сестрѣ; но та за это уже побранила меня, указывая на то, что она съ Сашей часто замѣчаютъ, что прислуга дѣлаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, но никогда не доводятъ этого до старшихъ; при этомъ она прибавила: «особенно няня не терпитъ тѣхъ, кто жалуется...» Послѣднее замѣчаніе произвело на меня сильное впечатлѣніе: мысль, что няня можетъ разлюбить меня, если я передамъ кому-нибудь о томъ, что мнѣ сдѣлали что-либо непріятное, такъ ужаснула меня, что я тутъ же дала себѣ слово никогда никому ни на что не жаловаться.

У насъ готовился рекрутскій наборъ. Всеобщей воинской повинности тогда не существовало; дворяне и купцы не обязаны были служить. Когда объявляли новый наборъ, помѣщики должны были доставить въ рекрутское присутствіе извѣстное количество рекрутъ. Тотъ изъ крестьянъ, на кого падалъ жребій, отбывалъ солдатчину въ продолженіе 25 лѣтъ, а въ случаѣ какой-либо провинности, и всю жизнь, слѣдовательно, его надолго, а то и навсегда, отрывали отъ своего гнѣзда и хозяйства, отъ своей деревни, отъ жены, матери и дѣтей, отъ всѣхъ привычекъ, съ которыми онъ сроднился, и бросали въ среду, еще болѣе жестокую, чѣмъ даже крѣпостническая среда того времени.

Не менѣе ужасно было и положеніе жены рекрута: когда мужа уводили «на чужедальнюю сторонушку», какъ объ этомъ

говорилось въ народныхъ пѣсняхъ, его женѣ некуда было дѣться, и она волей-неволей оставалась въ его семьѣ. Какова даже въ настоящее время жизнь молодухи, попавшей въ семью свекра, въ которой живутъ нѣсколько его сыновей съ своими женами и его незамужнія дочери, можно видѣть изъ въ высшей степени талантливой драматической поэмы К. И. Фаломѣева «Счастье». Въ ней реально, глубоко правдиво и въ художественныхъ образахъ изображена горе-горькая доля молодой женщины въ домѣ свекра и свекрови. Но въ своемъ произведеніи г. Фаломѣевъ даетъ описаніе жизни современныхъ крестьянъ, никогда не испытавшихъ гнета крѣпостничества, нравы которыхъ со времени освобожденія должны были сильно смягчиться и очеловѣчиться подъ вліяніемъ все усиливающейся грамотности, распространенія гуманныхъ идей и постепеннаго пробужденія отъ вѣкового сна. Если и въ настоящее время положеніе «молодухи» въ семьѣ мужа такъ ужасно, какъ изображено въ драмѣ «Счастье», то можно себѣ представить, каково оно было въ то отдаленное, жестокое крѣпостническое время, да еще тогда, когда мужъ, ея единственный защитникъ, уходилъ въ солдаты. «Солдатка», какъ тотчасъ начинали называть ее, слезами и кровью омывала каждый кусокъ хлѣба: изнемогая подъ бременемъ непосильнаго труда (на нее наваливали въ семьѣ самую тяжелую работу), изнывая отъ брани и упрековъ золовокъ, поѣдомъ ѣвшихъ ее, страдая отъ побоевъ свекрови и свекра, а нерѣдко и отъ позорныхъ преслѣдованій послѣдняго, она бѣжала развлекаться на сторону, становилась пьяницей и въ конецъ развращалась.

Вотъ почему такой ужасъ охватывалъ какъ того, кого сдавали въ солдаты, такъ и его жену, и его близкихъ, вотъ почему тотъ, на котораго падалъ тяжкій жребій быть солдатомъ, «удиралъ въ бѣги», а случалось и лишалъ себя жизни. Какъ тѣ, у кого укрывались бѣглецы, такъ и самихъ ихъ жестоко карали. Вслѣдствіе этого рѣдко находились охотники, рѣшавшіеся прятать у себя бѣглецовъ, а потому послѣдніе чаще всего скрывались въ лѣсахъ, канавахъ и въ полуразвалившихся, заброшенныхъ постройкахъ. Когда наступало время рекрутскаго набора, не только женщины, но и мужчины, какъ господа, такъ и крѣпостные, не рѣшались ходить въ лѣсъ въ одиночку.

Однажды, когда послѣ рекрутскаго набора прошелъ съ мѣсяцъ, и няня была уже дома, мы какъ-то гуляли съ нею недалеко отъ нашего дома. Только что мы успѣли перейти мостикъ, переброшенный черезъ овражекъ, какъ изъ-подъ него стало выползать и приподниматься какое-то страшное существо, которое въ первую минуту даже трудно было признать за человѣка: оборванныя лохмотья, которыми онъ былъ прикрытъ, волосы на головѣ, лицо,— все представляло какой-то громадный комъ грязи. Во всей фигурѣ этого несчастнаго выдѣлялись только его глаза, бѣгающіе изъ стороны въ сторону, какъ у затравленнаго звѣря, и ротъ, обрамленный гнойными струпьями. При нашемъ прибли-

женіи онъ хотѣлъ заговорить, но издавалъ только гортанные звуки. Я такъ испугалась, что бросилась бѣжать, вскочила на крыльцо дома и сѣла на ступеньки съ сильно бьющимся сердцемъ. Когда, через нѣкоторое время, пришла няня, слезы градомъ катились по ея щекамъ. Изъ ея разговора съ матушкой я поняла, что это былъ бѣглый изъ имѣнія, верстъ за 30 отъ насъ, что онъ хоронится отъ людей уже больше мѣсяца, до ужаса оголодалъ и охолодалъ и теперь идетъ въ городъ «заявиться», т. е. отдаться въ руки властямъ. Няня умоляла матушку дать ему возможность «силушки набраться», чтобы до города дотащиться. Она получила разрѣшеніе взять изъ хозяйства все, что найдетъ необходимымъ, но матушка заявила нянѣ, что она должна переговаривать съ нимъ такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ, иначе она будетъ въ отвѣтѣ за пристанодержательство.

Когда объявляли рекрутскій наборъ, наши крестьяне, по своему приговору, назначали, кому быть рекрутомъ, и сами зорко наблюдали за тѣмъ, чтобы соблюдалась очередь. И, несмотря на это, родственники кандидата въ рекруты,—его отецъ, жена, мать,—приходили къ матушкѣ, падали передъ нею на колѣни, говорили о несправедливости «міра», слезно молили ее не отдавать ихъ сына въ солдаты, указывали крестьянскую семью, которой легче будетъ перенести отсутствіе лишняго работника. Но матушка отклоняла всѣ подобныя ходатайства, не желая вмѣшиваться въ постановленія міра (сельскаго общества). Многіе помѣщики не слѣдовали этому правилу и отдавали въ рекруты крестьянъ, чѣмъ нибудь провинившихся передъ ними. Помѣщикъ, не довольный своимъ крѣпостнымъ, нерѣдко даже ранѣе рекрутскаго набора, отправлялъ его въ воинское присутствіе и получалъ за него рекрутскую квитанцію, которую продавалъ обыкновенно за довольно высокую цѣну.

На того, кому предназначалось быть рекрутомъ, немедленно надѣвали ручные и ножные кандалы и сажали въ особую избу. Это дѣлали для того, чтобы помѣшать ему наложить на себя руки или бѣжать. Съ этою цѣлью нѣсколько человѣкъ крестьянъ садились съ будущимъ рекрутомъ въ избу и проводили съ нимъ всю ночь, а на другой день, раннимъ утромъ, его отвозили въ городское присутствіе. Въ эту ночь сторожа не могли задремать ни на минуту: несмотря на то, что вновь назначенный въ рекруты былъ въ кандалахъ, они опасались, что онъ какъ-нибудь исчезнетъ съ помощью своей родни. Да и возможно ли было имъ заснуть, когда вокругъ избы, въ которой стерегли несчастнаго, все время раздавались вой, плачъ, рыданія, причитанія... Тотъ, кто имѣлъ несчастье хотя разъ въ жизни услышать эти раздирающіе душу вопли, никогда не забывалъ ихъ.

Въ тотъ разъ, о которомъ я говорю, наборъ рекрутъ происходилъ во время нянинаго отсутствія. Я уже спала, какъ вдругъ до меня донеслись ужасающіе вопли. Я проснулась и начала

звать Домну; но она не откликалась. Тогда я, ощупавъ ея постель и убѣдившись, что ея нѣтъ со мной, набросила на себя что попало подъ руку и выбѣжала во дворъ: дверь дома оказалась незапертою.

Чуть-чуть свѣтало. Я пошла туда, откуда раздавались голоса, которые и привели меня къ банѣ, вплотную окруженной народомъ. Изъ единственнаго ея маленькаго окошечка по временамъ ярко вспыхивалъ огонь лучины и освѣщалъ то когонибудь изъ сидѣвшихъ въ банѣ, то одну, то другую группу снаружи. Въ одной изъ нихъ стояло нѣсколько крестьянъ, въ другой на землѣ сидѣли молодыя дѣвушки, сестры рекрута: они выли и причитали: «Братецъ нашъ милый, на кого ты насъ покинулъ, горемычныхъ сиротинушекъ?..» Въ сторонкѣ сидѣло двое стариковъ: мужикъ и баба—родители рекрута. Старикъ вглядывался въ окно бани и сокрушенно покачивалъ головой, а по лицу его жены и по ея плечамъ капала вода,—ее только что обливали, чтобы привести въ чувство. Она не двигалась, точно вся застыла въ неподвижной позѣ, глаза ея смотрѣли впередъ какъ-то тупо, какъ можетъ смотрѣть человѣкъ, уставшій отъ страданія, выплакавшій всѣ свои слезы, потерявшій въ жизни всякую надежду. А подлѣ нея молодая жена будущаго солдата отчаянно убивалась: съ растрепавшимися волосами, съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ, она то кидалась съ рыданіемъ на землю, то ломала руки, то вскакивала на ноги и бросалась къ двери бани. Послѣ долгихъ просьбъ впустить ее, дверь, наконецъ, отворилась, и въ ней показался староста Лука: «что-жъ, молодка, ходи... на послѣдяхъ... Пущай и старики къ сыну идутъ!..» За вошедшими проскользнула и я. Въ первую минуту на меня никто не обратилъ вниманія. Я смотрѣла то на сторожей, сидѣвшихъ по лавкамъ, то на молодую женщину, рыдавшую у ногъ мужа. Но вдругъ Лука, замѣтивъ меня, всплеснулъ руками: «барышня! да что вы?.. Вѣдь Домнѣ-то здорово за васъ влетитъ!»... Прибѣжала и Домна и потянула меня домой, безцеремонно ругая меня за своеволіе. Во мнѣ опять вскипѣлъ дворянскій гоноръ,—матушка не могла его выправить: онъ внѣдрялся вѣками и всею совокупностью фактовъ крѣпостнической среды. Я пустилась въ перебранку съ «подлянкой», которая осмѣлилась такъ говорить со мною. Но она, не обращая вниманія на меня, стащила съ меня платье; я опять очутилась въ постели, а горничная снова убѣжала. Но вопли со двора раздались вдругъ съ такой силой, съ такою болью сжали мнѣ сердце, что я опять выбѣжала на крыльцо.

На этотъ разъ я увидала уже запряженную телѣгу. Рекрутъ, въ сопровожденіи сторожей, былъ во дворѣ; къ нему подходили родственники, другъ за другомъ, по степени родства, цѣловались съ нимъ три раза то въ одну, то въ другую щеку, кланялись ему до земли; онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же и, отвѣсивъ послѣдній земной поклонъ сразу всѣмъ присутствующимъ, сѣлъ въ телѣгу, въ которую вмѣстѣ съ нимъ влѣзли еще двое крестьянъ. Въ

этой толпѣ я замѣтила и матушку. Плачъ, рыданія, вопли и причитанія кругомъ такъ потрясли меня, что я бросилась къ ней со слезами. Матушка была сильно взволнована и не обратила вниманія на то, что я расхаживала тутъ въ такое раннее время. Я приставала къ ней съ разспросами, зачѣмъ она отдаетъ въ солдаты Ваньку, котораго всѣ такъ жалѣютъ. Изъ ея объясненій я поняла только одно, что рекрутскій наборъ наноситъ большой ущербъ ея хозяйству, и уже никакъ не она въ немъ повинна, а что есть кто-то повыше ея, кто требуетъ этого.

Никто въ домѣ долго не зналъ о моей ночной экспедиціи— и это понятно: крѣпостные, безъ крайней необходимости, никогда не стали бы подвергать горничную барскому гнѣву. Эта ужасающая сцена отдачи въ рекруты много лѣтъ приходила мнѣ на память, нерѣдко смущала мой покой, заставляла меня ломать голову и разспрашивать у многихъ, кто же виновенъ въ томъ, что у матери отнимаютъ сына, у жены — мужа и отвозятъ въ «чужедальную сторонушку»?

Нянино отсутствіе уже приближалось къ концу, какъ вдругъ однажды матушка получила приглашеніе отъ знакомыхъ, жившихъ отъ насъ верстахъ въ 20, пріѣхать съ Нютою къ нимъ на именины. И обѣ онѣ долго при мнѣ совѣщались о томъ, принять ли имъ это приглашеніе, или отказаться отъ него. Изъ этихъ разговоровъ я поняла, что матушка желаетъ отправиться въ гости, чтобы кое съ кѣмъ поговорить о дѣлахъ и чтобы дать возможность Нютѣ, которая вѣчно сидитъ дома, разсѣяться и познакомиться съ порядочнымъ обществомъ, а можетъ быть и потанцовать. При этомъ обо мнѣ никто изъ нихъ и не вспомнилъ. На мой вопросъ, отправлюсь ли и я съ ними, матушка какъ-то переконфузилась и ничего не отвѣтила, а сестра взяла на себя роль старшей и, обращаясь ко мнѣ, наставительно отчеканила: «тамъ нѣтъ дѣтей... да тебя туда никто и не приглашаетъ!»... Я расплакалась. Матушка подсѣла ко мнѣ, ласково стала гладить по головѣ и утѣшать, но такъ какъ въ ея словахъ все-таки не было обѣщанія взять меня съ собою, то они еще болѣе усилили горечь и обиду. Мнѣ такъ хотѣлось сказать ей въ эту минуту много, много горькихъ вещей, но я не высказала ихъ: я была уже пріучена къ извѣстной сдержанности и къ тому же не умѣла формулировать того, что просилось на языкъ.

И этотъ новый фактъ окончательно укрѣпилъ меня въ мысли, что матушка совсѣмъ меня не любитъ, что въ другихъ семьяхъ, напримѣръ, у Воиновыхъ, мать гораздо болѣе заботится о своихъ дѣтяхъ... Особенно возмущалась я тѣмъ, что меня оставляютъ дома одну съ Домною, которую я не терпѣла, которая вѣчно оскорбляла меня, которой въ домѣ никто не довѣрялъ. Чѣмъ больше я думала объ этомъ, тѣмъ больше меня охватывалъ ужасъ остаться съ нею вдвоемъ. «Я сгорю», начала я всхлипывать, «какъ сгорѣла Нина!» И я горько и безутѣшно разрыдалась. Вѣроятно, чтобы успокоить меня, матушка позвала Домну и стала при мнѣ строго

приказывать, чтобы она не осмѣливалась во время ея отсутствія оставлять меня одну хотя на минуту. Домна по обыкновенію завопила: «Да лопни мои глаза... Да провались я скрозь землю... ежели я, значить, хоть на сикундъ отлучусь...“ Матушка заявила, что она возвратится черезъ два дня и распорядилась, чтобы я не выходила изъ дому въ дурную погоду.

Какъ только не стало слышно звона колокольчиковъ, Домна немедленно втащила въ дѣтскую корзину съ моими игрушками, представлявшими скорѣе пародію на нихъ: тутъ были скляночки, баночки, бумажныя коробочки отъ лекарствъ, поломанные карандаши, тетрадки изъ желтой бумаги домашняго приготовленія, рваныя куклы изъ тряпокъ, камешки, обрубки дерева и тому подобный хламъ. Меня очень удивило, что горничная желаетъ запрятать меня въ дѣтскую, комнату съ однимъ окномъ, выходящимъ во дворъ, совершенно мрачную въ этотъ сырой день, а потому я немедленно перетащила въ залу корзину съ своими богатствами. Тогда она рѣшительно заявила, что я должна оставаться до обѣда въ дѣтской, такъ какъ она будетъ мыть полы въ залѣ, и съ сердцемъ потащила мою корзину обратно. Сознавая, что я вполнѣ нахожусь въ ея власти, я покорилась своей участи. Не имѣя ни игрушекъ (мой хламъ не заслуживалъ этого названія), ни другого занятія, я сѣла у окна и стала думать о своей горькой долѣ: «Почему маменька не отправила меня на это время къ Воиновымъ, гдѣ я могла бы весело провести время съ дѣтьми? Куда ей думать обо мнѣ! Ей жалко оторвать для меня отъ работы человѣка! Если послѣ отъѣзда няни я провела у Воиновыхъ первое время, то, вѣроятно, благодаря тому, что на этомъ настояла та же няня... Развѣ «она» (такъ мысленно я называла свою мать) думаетъ обо мнѣ!..» И эти мрачныя мысли и ужасъ одиночества и заброшенности такъ мучительно больно стали давать себя чувствовать, что я бросилась на колѣни передъ образами и начала горячо умолять Бога, чтобы онъ заставилъ матушку любить меня, чтобы няня совсѣмъ выздоровѣла, чтобы она никогда болѣе не уходила. Скрипъ закрываемой двери на черной лѣстницѣ заставилъ меня вскочить на ноги. «Какъ!», думала я, «неужели Домна оставляетъ меня совершенно одну?» Чтобы убѣдиться въ этомъ, я побѣжала осматривать комнаты. Оказалось, что она не собиралась мыть полы и, дѣйствительно, ушла изъ дому. «Зачѣмъ же это ей понадобилось выпроводить меня изъ парадныхъ комнатъ?» Я возвратилась въ дѣтскую и стала смотрѣть въ окно, напротивъ котораго во дворѣ стоялъ сарай. Скоро изъ него вышла Домна въ сопровожденіи Ѳедора, ея мужа, и Фильки, еще молодого парня, который прежде былъ у насъ казачкомъ. Поговоривъ между собой у двери сарая, они двинулись къ черной лѣстницѣ дома. Меня охватилъ смертельный ужасъ: никогда ни одинъ крестьянинъ не смѣлъ входить въ комнаты дома, если у него не было крайней необходимости переговорить съ матушкою, да и объ этомъ еще должны были предва-

рительно сказать нянѣ и попросить ее доложить объ этомъ «барынѣ». И вдругъ теперь, когда всѣ прекрасно знаютъ, что «наши» уѣхали, къ дому направляются сразу двое крестьянъ въ сопровожденіи горничной... «Они навѣрное хотятъ убить меня!», вдругъ мелькнула у меня дикая мысль, и я въ мигъ выскочила изъ дѣтской, вбѣжала въ спальню матери (комнату подлѣ столовой) и стала за дверь, захлопнувъ ее за собою. Мнѣ казалось, что такимъ образомъ я устроила для себя надежную засаду... «Никто изъ нихъ не догадается», думалось мнѣ, «что я нахожусь здѣсь, а если кто и войдетъ сюда, то открываемая дверь скроетъ меня отъ моихъ преслѣдователей». Я считала себя въ безопасности и, нѣсколько успокоившись отъ перваго испуга, приложила глаза къ большой щели у ручки двери, желая наблюдать за тѣмъ, что люди собираются дѣлать въ столовой: топотъ ихъ ногъ показывалъ мнѣ, куда они направлялись. И вдругъ я увидала, что Ѳедоръ, Филька и Домна прямо подошли къ шкафу, въ которомъ хранился сахаръ, чай, баранки и т. п. Филька вынулъ изъ кармана нѣсколько ключей и сталъ пробовать, который изъ нихъ подойдетъ къ замку; но ни одинъ, видимо, не годился. Тогда Ѳедоръ вынулъ изъ-за пазухи инструментъ, подпилилъ имъ одинъ изъ ключей и открылъ шкафъ. Но когда Филька съ грохотомъ началъ высыпать изъ жестянки колотый сахаръ въ передникъ Домны, мнѣ опять сдѣлалось какъ-то жутко, я вскрикнула и полѣзла подъ кровать. Всѣ трое бросились въ мою комнату, и Домна за платье вытащила меня изъ-подъ кровати еле живую и хотѣла поставить на ноги, но я тряслась съ головы до пятъ и, какъ пьяная, шаталась изъ стороны въ сторону. Тогда Ѳедоръ, здоровенный и высокій крестьянинъ, схватилъ меня на руки и понесъ въ гостиную къ образу; за нимъ двинулись и остальные.

— Крестись, барышня! передъ святою Богородицею побожись, что не съябедничаешь, что ни единой душенькѣ не разскажешь, что видѣли твои глазыньки... Ну же, сказывай! Крестись!—Съ этими словами приставалъ ко мнѣ то одинъ, то другой изъ нихъ. Я дѣлала все, чтобы исполнить требованіе, но спазмы сжимали мнѣ горло, я не могла произнести ни одного звука, приподнимала руку, чтобы перекреститься, но она падала сама собой. Всѣ трое рѣшили тогда, что я «дюже спужалась». Не выпуская меня изъ рукъ, Ѳедоръ приказалъ Домнѣ вылить мнѣ на голову «кукшинъ воды», что и было исполнено, затѣмъ мнѣ велѣно было «испить водицы», и меня уложили на диванъ. Домна подложила мнѣ подъ голову подушку, ласково гладила по головѣ, а остальные стояли тутъ же, уговаривая ничего не бояться: «Вотъ-те Христосъ... пальцемъ не тронемъ...» Пошептавшись въ сторонкѣ между собою, они всѣ трое вышли изъ гостиной. Не знаю, вынимали ли они что-нибудь изъ другихъ комодовъ и шкафовъ, но я долго лежала одна, прислушиваясь къ тому, какъ они хлопали дверями то одной, то другой комнаты, какъ раздавались ихъ шаги. Когда они опять вошли ко мнѣ, я

уже сидѣла на диванѣ. Они приказали мнѣ стать на колѣни передъ образомъ, у котораго Домна тотчасъ же зажгла лампадку, и произносить за Ѳедоромъ клятву: «Даю клятву передъ тобой, царица небесная, какъ и передъ всѣми, какіе есть, святые угодники и святители, что я ни въ жись ни словечкомъ не обмолвлюсь ни маменькѣ, ни сестрицамъ, ни братцамъ, ни нянюшкѣ Марьѣ Васильевнѣ, и никому другому о томъ, что видѣла, и что со мной безъ моей маменьки приключилось...» Я крестилась и, дрожа и глотая слезы, повторяла все, что мнѣ приказывали. Когда я кончила клятву, Ѳедоръ какъ-то бережно и заботливо усадилъ меня въ кресло, затѣмъ всѣ трое окружили меня, и точно состязаясь другъ передъ другомъ въ придумываніи страшныхъ пугалъ, стали стращать меня за нарушеніе клятвы всѣмъ, что каждому изъ нихъ приходило въ голову. Одинъ угрожалъ чертями съ страшнѣющими хвостами, которые въ аду заставятъ меня лизать раскаленную сковороду, другой—бабою-ягою, которая будетъ толочь меня въ ступѣ, третій стращалъ, что снесетъ меня на погостъ къ мертвецамъ, но тутъ я въ ужасѣ вскочила, побѣжала въ дѣтскую и бросилась на кровать. Никто изъ нихъ не послѣдовалъ за мною, и я могла плакать, сколько хотѣла.

Это событіе потрясло весь мой организмъ: когда черезъ нѣкоторое время въ мою комнату вошла Домна, она, видимо, испугалась, замѣтивъ, какъ меня трясетъ лихорадка, какъ стучатъ мои зубы. Она заботливо укрывала меня, ласково называя своей «ласточкой», «касаточкой», «звѣздочкой», но это лишь усиливало лихорадку. Тогда она призвала кухарку, и обѣ онѣ долго стояли подлѣ меня, разспрашивали, что у меня болитъ, но я упорно молчала, и онѣ распоряжались мною, какъ хотѣли: вливали въ ротъ освященную воду, наполняли ею свои рты и обрызгивали меня, растирали ноги, клали на голову мокрыя тряпки. Къ ночи у меня явился жаръ: я то засыпала, то впадала въ безсознательное состояніе, но когда приходила въ себя, я все время видѣла передъ собой испуганное лицо Домны, слышала ласковые эпитеты, которыми она осыпала меня. На другой день я чувствовала себя до такой степени разбитой, что не только не могла встать съ постели, но и пошевельнуться. Въ такомъ же тяжеломъ, полусознательномъ состояніи я провела и вторую ночь, но на слѣдующее утро почувствовала себя лучше, уснула и крѣпко проспала до самаго вечера. Когда я проснулась, въ комнатѣ было уже темно, я спросила Домну, которая стояла подлѣ, возвратились ли наши? Вмѣсто отвѣта она стала цѣловать мои руки и умолять крѣпко держать данную мною клятву. Въ это время раздались звуки колокольчика. Домна вытерла мнѣ лицо мокрымъ полотенцемъ и потащила съ постели; одѣваться мнѣ не приходилось: я два дня пролежала одѣтой.

Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось встрѣчать возвратившихся, но пришлось уступить не то просьбамъ, не то требованіямъ Домны, и я вошла въ переднюю. Свѣтъ зажженной сальной свѣчи тускло освѣ-

щалъ комнату, въ которой матушка уже снимала съ себя верхнюю одежду. Ей некогда было разговаривать со мной: въ незакрытыя еще двери передней уже входилъ староста по какому-то неотложному дѣлу. Но когда подавали ужинъ, матушка замѣтила, что я ничего не ѣмъ, и обратилась съ вопросами по этому поводу и ко мнѣ, и къ Домнѣ, которая отвѣчала ей, что оба дня я жаловалась на голову.

— Что же ты молчишь?—дала матушка на меня сердитый окрикъ.—До сихъ поръ изволишь дуться, что мы не взяли тебя съ собою? — этимъ и ограничились ея разговоры со мной и ея нѣжный, материнскій привѣтъ послѣ двухдневнаго отсутствія.

Только что я успѣла одѣться на другой день, какъ раздался крикъ: «няня пріѣхала!» Я бросилась къ ней, но отъ волненія не могла выговорить ни слова, только давала ей цѣловать и обнимать меня.

— Сказывай же, Нюточка,—засыпала няня вопросами сестру,—была ли вѣсточка отъ Шурочки, что подѣлываютъ Андрюша и Заря? Что они пишутъ, мои голубчики?—Въ то время, какъ Нюта безпорядочно отвѣчала на ея вопросы, желая все сразу передать и поскорѣе познакомить ее со всѣми нашими новостями, она то и дѣло обхватывала мою голову своими руками и осыпала меня поцѣлуями, внимательно заглядывая мнѣ въ глаза. — Господи! Съ нами крестная сила! Да что съ тобой, Лизуша? Отчего ты такъ похудѣла и поблѣднѣла? Больна была, что ли?

Сестра отвѣчала, что я похудѣла оттого, что сильно тосковала по ней, да еще эти дни, вѣроятно, злилась на то, что матушка не взяла меня съ собой въ гости, куда меня никто не звалъ. Но тутъ возвратилась матушка, начались снова поцѣлуи, спѣшные разспросы, разговоры... «Однако», замѣтила матушка, всматриваясь въ няню, «если ты и поправилась, то очень мало»... Затѣмъ было приступлено къ чтенію дѣтскихъ писемъ, полученныхъ во время нянинаго отсутствія.

Дурная погода не позволила матушкѣ отправиться на лугъ послѣ обѣда, и мы весь день до вечера просидѣли вмѣстѣ, слушая нянины разсказы о посѣщеніи мощей и кіевскихъ святынь, о дорожныхъ приключеніяхъ во время путешествія въ Кіевъ.

Въ этотъ счастливый для меня день, когда наши наперерывъ болтали между собой, я молча наслаждалась сознаніемъ присутствія моей дорогой няни. Но когда послѣ ужина мы остались съ нею вдвоемъ, она вплотную приступила къ разспросамъ о томъ, что было со мною со дня ея отъѣзда. Я охотно разсказывала ей о своемъ пребываніи у Воиновыхъ, не умолчала и о разсужденіяхъ Ковригиной. Няня сейчасъ же въ настоящемъ свѣтѣ представила мнѣ причину дурного отзыва этой особы о моей матери, чѣмъ отняла у меня возможность подкрѣплять мое неблагопріятное мнѣніе о ней словами такой личности, какъ Ковригина. Если нянѣ и не всегда удавалось парализовать мои дурныя чувства къ матери, то, по крайней мѣрѣ, своими объясненіями

она обыкновенно ослабляла ихъ силу и остроту. «Сердчишко-то у тебя горячее», говорила она, лаская меня, «а мамашенька-то у тебя дѣловитая, на ласку скупая, да и нѣтъ у нея времячка поболтать съ тобою, вотъ ты, какъ крючекъ, и прицѣпляешься къ ней, во всемъ винишь ее...» И она начала настаивать, чтобы я сообщила ей обо всемъ, что еще было со мною въ ея отсутствіе. Не особенно охотно, но чистосердечно повѣдала я ей о томъ, какъ провела ночь передъ отправкою рекрута въ городъ. Изумилась и сильно огорчилась няня, что Домна «осмѣлилась» оставить меня ночью одну. Но уже дальнѣйшіе разсказы я продолжала, все болѣе запинаясь, конфузясь, и, наконецъ, начала увѣрять ее, что больше ничего не было со мною. Вѣроятно, я утверждала это очень неувѣренно, такъ какъ няня сказала мнѣ, что вѣрно я успѣла за это время разлюбить ее, если не могу попрежнему говорить съ нею откровенно. Я бросилась обнимать ее и увѣрять въ противномъ, говоря, что, если бы я все, все разсказала ей, она сама назвала бы меня «наушницею...»—«Не могу же я разсказывать всего, вѣдь за нарушенную клятву меня Богъ покараетъ!!..»

— Что, что ты говоришь?—въ неописанномъ ужасѣ спрашивала няня, только въ эту минуту понявъ, что со мной случилось что-то необычайное. — Какъ! Съ тебя брали даже клятву?— И она еще сильнѣе стала настаивать на томъ, чтобы я во всемъ созналась ей.

Воспоминанія только что пережитаго, ужасъ, страхъ нарушить клятву, а не нарушивъ ея, возбудить неудовольствіе няни, привели меня въ полное смятеніе: я бросилась въ ея объятія и, судорожно вздрагивая, долго, долго рыдала на ея груди.

— Развѣ не тяжкій грѣхъ,—спрашивала я ее, когда нѣсколько успокоилась,—нарушать клятву, которую человѣкъ даетъ передъ образами, да еще при зажженной лампадочкѣ?

Няня простыми и понятными примѣрами изъ жизни объяснила мнѣ, что клятву можно брать только со взрослаго, что нарушать ее, дѣйствительно, грѣшно, но что еще болѣе ужасенъ грѣхъ того, кто беретъ какую бы то ни было клятву съ ребенка. Такими клятвами, да еще при зажженной лампадочкѣ, говорила она, можно напугать ребенка до родимчика и отправить его на тотъ свѣтъ, а убійцу невиннаго ребенка Богъ караетъ еще строже, чѣмъ убійцу взрослаго человѣка.

Это облегчало мою задачу, и я готова была уже все открыть, какъ вдругъ вспомнила, что если Богъ меня и не покараетъ за нарушеніе клятвы (я находила, что нянѣ это, конечно, должно быть лучше извѣстно, чѣмъ Домнѣ и ея пособникамъ), но за то сами они могутъ мнѣ отомстить: я не вѣрила въ бабу-ягу, но мысль быть брошенной на кладбищѣ, среди мертвецовъ, леденила мою кровь.

Однако, няня не нашла нужнымъ дольше приставать ко мнѣ: вѣроятно, измученная и моими слезами, и дорогою, она стала

торопить меня раздѣваться, говоря, «что утро вечера мудренѣй». Я была такъ утомлена, что сейчасъ же заснула, но пережитое тяжелое событіе предстало передо мной во снѣ во всемъ своемъ несказанномъ ужасѣ, и я начала бредить, плакать, кричать. Няня разбудила меня и, когда я пришла въ себя, положила меня съ собой въ кровать и начала снова настаивать, чтобы я разсказала все, какъ было, увѣряя, что она уже все знаетъ,—я выдала ей въ бреду свой секретъ; она увѣряла, что желаетъ только отъ меня самой слышать все по порядку, что послѣ этого у меня станетъ легко на душѣ, и я сладко засну.

Кстати замѣчу, что пережитыя мною въ раннемъ возрастѣ тяжелыя приключенія крѣпостнической эпохи, а также изъ ряду вонъ мое печальное положеніе въ домѣ послѣ смерти няни, на всю жизнь оставили глубокій слѣдъ въ моемъ организмѣ: при всякомъ волненіи я во снѣ бредила, съ кѣмъ-нибудь спорила и разговаривала, кричала и плакала, однимъ словомъ, всегда дважды переживала все, что меня волновало. Возможно, что изъ тогдашняго бреда няня ничего не поняла, кромѣ того, что со мной случилось что-то очень скверное, но она воспользовалась имъ, чтобы заставить меня признаться во всемъ. Взявъ съ нея слово, что она не будетъ считать меня «кляузницею» и «наушницею» и не разлюбитъ за это, я передала ей все, что со мной случилось безъ нея. Когда я кончила, она точно забыла меня,—долго не отвѣчала на мои вопросы, а только съ ужасомъ повторяла: «Боже мой, Боже мой!» Когда я опять напомнила ей о себѣ, она начала говорить мнѣ о томъ, что я совсѣмъ неправильно поняла Нюту насчетъ того, что она говорила мнѣ о кляузахъ и наушничествѣ. «Когда прислуга грубитъ, объясняла она, или не очень аккуратно выполняетъ приказаніе, не слѣдуетъ изъ-за этого сердиться, а тѣмъ паче жаловаться старшимъ: Устаютъ люди, много у нихъ работы, вотъ и нужно ихъ пожалѣть!.. Другое дѣло то, что было съ тобой! Ты совершила большой грѣхъ передъ матушкой, что утаила отъ нея о воровствѣ, скрыла преступленія ея рабовъ,—вѣдь это ужъ заправское преступленіе, что они заставляли тебя произносить клятвы передъ образами, да всячески стращали». Но она тутъ же и успокоила меня, говоря, что Богъ проститъ меня за все потому, что я дѣлала это «по дѣтскому недомыслію», и что мнѣ нечего бояться этихъ «воровъ»: они рѣшительно ничѣмъ не могутъ мнѣ отомстить, и строго приказала мнѣ ни съ кѣмъ болѣе объ этомъ не говорить; теперь все это она уже сама устроитъ такъ, какъ найдетъ необходимымъ. При этомъ она вдругъ добавила, что мнѣ давнымъ давно пора начинать учиться: Сашу, какъ она говорила, «Богъ одарилъ большимъ умомъ, но и черезъ книги этого ума ей много прибыло. Ты вѣдь уже не маленькая,—должна понимать, какова у насъ Саша: такая молоденькая, сама еще учится, а ужъ семьѣ помогаетъ... Вотъ какъ Богъ да книги вразумляютъ... Ну, и ты не лыкомъ шита: поучишься наукамъ,—поумнѣешь, поймешь, что

надо скрывать, а чего нельзя... А то этакъ всякій тебя застращаетъ до смертушки, либо до калѣчества».

На другой день было воскресенье; утромъ няня попросила матушку о дозволеніи ѣхать со мной въ церковь, отслужить молебенъ передъ началомъ моихъ занятій. Каждая мать, вѣроятно, была бы оскорблена тѣмъ, что полуграмотная няня напоминаетъ ей, образованной женщинѣ, о ея прямыхъ обязанностяхъ. Но матушка была далека даже отъ тѣни материнскаго самолюбія: она прекрасно сознавала, что вся ушла въ хозяйство, дѣлаетъ много упущеній въ воспитаніи своихъ дѣтей и сильно запоздала съ моимъ обученіемъ, а потому отвѣчала ей совершенно простодушно: «ну, ужъ ты, Суета-Егоровна! Не успѣла послѣ дороги выспаться, а уже за хлопоты принялась!» Матушка съ глубокимъ чувствомъ признательности всегда вспоминала о нянѣ и часто говаривала мнѣ впослѣдствіи: «повѣришь ли,—это былъ настоящій ангелъ-хранитель моихъ дѣтей, просто какой-то геній заботливости: я все болѣе входила въ роль хозяина-мужчины, а она въ обязанности матери».

Когда мы одѣвались, чтобы ѣхать въ церковь, въ дѣтскую вошла Домна и шутливо спросила няню, привезла ли она ей обѣщанный платокъ. «Привезти-то привезла», было ей отвѣтомъ, «но не отдамъ его тебѣ... Въ плохомъ видѣ сдала ты мнѣ барышню: и похудѣла она у тебя, и поблѣднѣла, а что хуже всего—кричитъ по ночамъ, бредитъ, цѣлые разговоры разговариваетъ! Должно быть чѣмъ-нибудь у тебя она до смерти напугалась...»

Домна не могла даже скрыть своего смущенія и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Несмотря на свою кротость, поразительную доброту и незлобивость относительно всѣхъ безъ исключенія, какъ «господъ», такъ и служащихъ, няня на этотъ разъ, должно быть, твердо рѣшила, если не покарать Домну и ея сообщниковъ за продѣлку со мной, то, по крайней мѣрѣ, сильно припугнуть ихъ. Когда мы возвратились изъ церкви, Домна накрывала на столъ, а няня что-то приводила въ порядокъ въ шкапу; вдругъ она начала то отпирать, то запирать его на ключъ и прочищать замокъ. «А вѣдь тутъ кто-то пошалилъ!», проговорила она. «Скажи-ка, Домна, мужу, чтобы онъ сегодня позвалъ ко мнѣ слесаря,—я ему другіе замки закажу. Домашнихъ-то воровъ я не боюсь,—у меня все на счету: на всякой провизіи свою мѣтку кладу, а новые замки хочу сдѣлать, чтобъ въ соблазнъ не вводить».

— Выходитъ, Марья Васильевна, потопить меня порѣшили! Что-жъ, нашего брата не трудно загубить.

— Сама знаешь,—этого что-то со мной не бывало!.. А вѣдь я ужъ много лѣтъ съ вами живу! Только и нечисти въ домѣ не допущу!.. А ты лучше бы сама во всемъ повинилась... Барышня вотъ запирается, говоритъ, что съ нею ничего не было, а сама во снѣ кричитъ на весь домъ! Смотри, Домна: сегодня у ней про-

скочитъ одно словечко, завтра другое, такъ все и обнаружится... Да и больно она похудѣла, извелась, точно отъ долгой болѣзни!.. Ужъ тутъ у васъ было что-то неладное...

Домна ни передъ кѣмъ «не повинилась», но долго ходила, какъ опущенная въ воду. Няня никому не говорила объ инцидентѣ со мной и только открыла его матушкѣ передъ своей кончиной, опасаясь, что безъ нея я опять попаду на руки той же горничной.

На другой день послѣ молебна няня нашла, что я не могу приступить къ занятіямъ, такъ какъ былъ понедѣльникъ—тяжелый день, и матушка вполнѣ согласилась съ нею. За то на слѣдующій день няня просила Нюту начать со мною заниматься и ежедневно проходить нѣсколько строкъ, притомъ непремѣнно въ ея присутствіи, чтобы матушка каждый вечеръ, хотя минутъ десять, посвящала мнѣ, провѣряя пройденное. Дабы сложный проэктъ моего обученія былъ пріемлемъ «начальствомъ» и его не раздражало бы ея вмѣшательство, она всячески изворачивалась. «Вотъ какъ по моему глупому разуму надо бы устроить это дѣльце: Нюточка обучитъ ее нѣсколькимъ строчкамъ, а я сейчасъ же заставлю ее все это затверживать... Ужъ какъ къ вамъ-то, матушка-барыня, мы явимся вечеркомъ отчетецъ давать,—все на зубокъ будемъ знать... Вотъ вы насъ только и будете похваливать»...

— Знаю, знаю,—говорила матушка улыбаясь,—вѣдь всѣ эти подходы ты устраиваешь, чтобы твоей любимицѣ отъ меня какъ-нибудь наперсткомъ въ лобъ не влетѣло! Что же, Нюта, намъ съ тобой приходится подчиниться предписанію нашего директора!

Няня ежедневно утромъ приводила меня къ сестрѣ, садилась подлѣ и слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ замѣчаніемъ моей учительницы. Она, вѣроятно, мало давала бы мнѣ отдохнуть послѣ ученія, но въ продолженіе полутора часа моихъ занятій у нея накоплялось много дѣла по хозяйству, и какъ только я кончала съ сестрой, ей приходилось бѣжать, чтобы сдѣлать то или другое распоряженіе, выдавать провизію или исполнить какое-нибудь порученіе. Но окончивъ свои дѣла, она сейчасъ же засаживала меня за книгу.

Хотя при обученіи грамотѣ тогда еще не существовало звукового метода, но меня и не учили уже, какъ это было нѣсколько раньше: «азъ, буки, вѣди, глаголь», а просто называли буквы, но за то терзали сложными слогами. Въ азбукѣ, по которой меня обучали, четыре, пять согласныхъ нанизаны были на гласную въ самомъ невозможномъ согласованіи и сочетаніи, такъ, напримѣръ, «мргвы, ткпру, ждрву» и т. д. Разбирать и произносить эту невѣроятную чепуху было настоящею пыткою, и съ меня обыкновенно потъ катился градомъ при окончаніи чтенія странички такихъ языколомныхъ слоговъ. Если бы не мое желаніе доставить нянѣ удовольствіе, я бы такъ и застряла на

этихъ слогахъ, что было со многими дѣтьми нашихъ сосѣдей, которыя остались безграмотными только потому, что не могли одолѣть эту премудрость. Няня зорко подстерегала, когда матушка возвращалась домой, и немедленно тащила меня къ ней для провѣрки пройденнаго. Но такъ какъ я почти наизусть зазубривала слоги и быстро читала ихъ, то матушка всегда отпускала меня съ миромъ.

Иногда няня послѣ занятій тутъ же пускалась въ разсужденія: «вѣдь какъ это трудно ребенку! Ну, зачѣмъ это языкъ-то ломаютъ? Кажись бы, просто взяли да и написали какое-нибудь словечко, ну, къ примѣру, взять хоть бы «книга», либо «столъ»... Вотъ ребенокъ начиталъ бы много такихъ словъ и скорехонько выучился бы читать всякую книжку»...

— Ну, ужъ, милая моя, тотъ, кто книгу пишетъ, поумнѣе насъ съ тобой,—возражала ей матушка, не подозрѣвая, что няня своимъ природнымъ чутьемъ и здравымъ соображеніемъ была ближе къ пониманію надлежащаго метода первоначальнаго обученія, чѣмъ она, болѣе или менѣе образованная женщина.

Когда съ великой надсадой и отвращеніемъ я покончила съ распостылымъ для меня букваремъ, меня начали обучать письму, а для чтенія дали «Священную исторію» Анны Зонтагъ. Какое это было для меня блаженство! Съ трудомъ одолѣвъ нѣсколько первыхъ страницъ этой книги, я начала читать довольно бѣгло. Няня приходила въ восторгъ. Въ виду того, что у насъ въ домѣ совсѣмъ не было книгъ для дѣтскаго чтенія, да и вообще ихъ тогда почти не существовало, я ежедневно должна была прочитать одинъ разсказъ изъ Анны Зонтагъ и нѣсколько страницъ изъ Пушкина, но непремѣнно все по порядку, чтобы ни попадалось: будь то лирическое стихотвореніе, поэма, романъ, повѣсть. Теперь я уже съ удовольствіемъ шла на урокъ, и матушка скоро объявила сестрѣ, что нѣтъ нужды слѣдить болѣе за моимъ чтеніемъ. Мнѣ было дозволено брать всѣ книги, которыя у насъ были; но, кромѣ Пушкина и Анны Зонтагъ, у насъ были книги, въ которыхъ я не понимала ни слова, при томъ большинство изъ нихъ на польскомъ и французскомъ языкахъ. За то Пушкина я перечитывала много, много разъ и заучивала на память его стихотворенія.

Наконецъ, рѣшено было расширить курсъ моего обученія: сестра должна была обучать меня ариѳметикѣ, а матушка взялась за преподаваніе французскаго языка. Тутъ-то и началась для меня настоящая пытка. Матушкѣ рѣдко удавалось начать занятія раньше 9-ти часовъ вечера, то есть послѣ ужина, когда ее самою клонило ко сну. Вслѣдствіе этого она сдѣлала распоряженіе будить меня ночью въ четыре часа. Въ этой антипедагогической даже и для того времени мѣрѣ матушка оправдывалась тѣмъ, что, кромѣ лѣта, когда она вставала, какъ и крестьяне, съ разсвѣтомъ, въ остальное время она должна быть на ногахъ къ 6-ти часамъ. Вотъ она и приказывала будить меня

въ 4 часа, чтобы, занявшись со мной часа два, поспѣть во время на работы. Другого свободнаго времени у нея не было.

Когда няня въ первый же день, назначенный для урока французскаго языка, не могла добудиться меня, матушка, выведенная изъ терпѣнія, что ей приходится такъ долго ждать меня, дернула меня за руку такъ, что я въ ту же минуту вскочила съ постели голыми ногами на полъ. При этомъ няня должна была вылить на мою голову кувшинъ воды и быстро вытирать меня. Я одѣвалась подъ аккомпаниментъ матушкиныхъ рѣчей въ такомъ родѣ: «Разныя тамъ миндальности не для насъ! Я тоже хочу поспать!.. Очень пріятно поутру набросить на себя пуховый пеньюарчикъ, прилечь на кушеточку и съ серебрянаго подносика пить горячій кофеекъ со сливочками... Ну, да Богъ насъ съ тобой достатками обидѣлъ! Должна еще благодарить его за то, что есть кому поучить тебя хотя ночью».

Съ тѣхъ поръ меня и въ морозные, и въ болѣе теплые дни будили въ четыре часа ночи и каждый разъ окачивали холодной водой съ головы до пятъ. Послѣ занятій мнѣ не мѣшали поступать, какъ я желала, ложиться опять спать или бодрствовать. Но заснуть я болѣе уже не могла. Хотя въ сущности я спала теперь не многимъ меньше, чѣмъ прежде, такъ какъ ложилась спать уже въ девять часовъ вечера, но я цѣлый день ходила совершенно сонная, измученная и несчастная. Конечно, одною изъ причинъ этого было напряженное бодрствованіе въ такое время, когда ребенокъ долженъ спать, но еще болѣе это зависѣло отъ характера преподаванія. Отъ того ли, что на урокахъ французскаго языка не присутствовала няня (при которой матушка нѣсколько болѣе сдерживала себя), отъ отсутствія ли педагогическихъ способностей у моей матери, а можетъ быть, причиною было и то, что она сама страдала изъ-за того, что должна мучить родное дѣтище въ столь неподходящее для преподаванія время, но она всегда была со мной до невѣроятности нетерпѣливою.

Эти занятія во всѣхъ отношеніяхъ приносили мнѣ несравненно больше вреда, чѣмъ пользы, что замѣтила, въ концѣ концовъ, и она сама и въ чемъ откровенно сознавалась мнѣ впослѣдствіи.

Послѣ холоднаго обливанія отъ меня требовали, чтобы я какъ можно скорѣе одѣвалась, но не для того, чтобы я быстро согрѣлась (правила элементарной гигіены почти никому не были тогда извѣстны), а чтобы не заставлять матушку напрасно терять время. Вслѣдствіе этого все было на мнѣ наброcано кое-какъ, и я дрожала и отъ холода, и отъ преждевременнаго пробужденія, и отъ страха предстоящихъ занятій. О прическѣ моей никто не думалъ: мои всклокоченные волосы падали, какъ попало. Чуть бывало во время урока я чего-нибудь не пойму или отвѣчу невпопадъ, и невольнымъ движеніемъ руки хочу отбросить назадъ упавшій на лобъ клокъ волосъ, какъ матушка предупреждаетъ

это движеніе, хватаетъ меня за волосы съ такимъ остервенѣніемъ, что я издаю крики и вопли на весь домъ. Она еще болѣе выходитъ изъ себя, сильнѣе дергаетъ меня, толкаетъ со всей силы, осыпаетъ градомъ колотушекъ. Иногда она приходила въ такое раздраженіе, что кричала: «Пошла къ другому столу, а то я выдеру всѣ твои волосы».

У матушки былъ, какъ утверждала няня, «отходчивый характеръ»: она ли дѣлала кому-нибудь непріятность, или другіе огорчали ее, она все скоро забывала. И теперь, возвращаясь домой, она попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, добродушно обращалась ко мнѣ. Но на меня эти, неиспытанные до тѣхъ поръ, побои и трепки производили ужасающее впечатлѣніе. До этихъ злосчастныхъ занятій, кромѣ нѣсколькихъ толчковъ отъ матушки, меня никто не трогалъ пальцемъ. Эти побои теперь вызывали во мнѣ жестоко непріязненное чувство къ матери. Няня, которая такъ умѣла смягчать, а подчасъ и парализовать мои дурныя чувства, теперь не могла имѣть на меня никакого вліянія: я не слушала, что она говорила мнѣ по этому поводу, а чаще всего зажимала уши при этомъ и бросалась на постель выплакать свою обиду. Когда матушка входила въ комнату, я выбѣгала изъ нея или старалась куда-нибудь ускользнуть, чтобы избѣжать цѣлованія ея руки по утрамъ, а временами она не могла добиться отъ меня никакого отвѣта на свой вопросъ.

Обученіе французскому языку подвигалось крайне медленно. Преподаваніе матери представляло полную противоположность какимъ бы то ни было здравымъ педагогическимъ требованіямъ. Едва научивъ меня разбирать по складамъ, она раздѣлила каждый свой урокъ на три части: одну треть времени она заставляла меня спрягать правильные глаголы, не объяснивъ при этомъ даже элементарныхъ правилъ спряженія; во вторую треть по руководству Ноэля и Шапсаля заучивать грамматическія правила: каждое слово въ нихъ было для меня ново и, хотя она все переводила мнѣ, но зазубриваніе сразу многихъ новыхъ словъ, и при томъ въ сухомъ, отвлеченномъ и сбивчивомъ изложеніи, крайне плохо написаннаго учебника по грамматикѣ, было до невозможности трудно для ребенка, только что начавшаго обучаться языку. Лишь одну треть нашего урока она посвящала чтенію и переводамъ, при томъ удивительно нелѣпыхъ и головоломныхъ фразъ по какому-то учебнику.

Однажды матушка за урокомъ такъ сердилась на меня, такъ кричала и стучала кулакомъ по столу, столько разъ прибѣгала къ трепкѣ и колотушкамъ, что я, наконецъ, замолчала и не произносила ни слова. Тогда она, разгнѣванная, вскочила съ своего мѣста, и я уже не знаю, что она хотѣла со мною сдѣлать, но въ эту минуту распахнулась дверь, и няня съ плачемъ повалилась ей въ ноги. «Матушка, дорогая, пожалѣйте вы свое родное дѣтище! Можетъ, Богъ и взаправду не надѣлилъ дѣвочку

разумомъ насчетъ французскаго... Можетъ, она и безъ него какъ-нибудь обойдется!»

Матушка стала кричать на няню, упрекать ее за баловство, но я въ это время успѣла выскочить за дверь.

— Дѣточка... милая...—начала няня, подходя ко мнѣ,—не распаляй ты сердечка твоего злобой противъ матушки родимой!.. Смертный это грѣхъ, дитятко!..

Но я отшатнулась отъ нея съ крикомъ: «Она не мать моя!.. я ее ненавижу!»

Е. Водовозова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій[1].

Главнѣйшіе соціалисты и соціалистическія направленія Запада.

III.

Французскій соціализмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ: Буонарроти, Пьеръ-Леру, Кабэ, Луи-Бланъ.

Дальнѣйшая работа соціалистической мысли, столь блистательно представленной въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка великими утопистами, съ которыми мы познакомили уже читателей, пошла разнообразными путями. И нѣкоторые изъ нихъ заводили дѣло коренного общественнаго преобразованія въ дебри мечтательнаго прожекторства или безсильнаго сектантства. Прогрессивною упомянутая работа оказалась постольку, поскольку она сближала соціализмъ съ трудящейся массой, дѣлала его политическимъ и вообще углубляла его основные принципы.

Такъ сэнъ-симонистской школѣ, несмотря на ея чудачества, удалось формулировать фактъ антогонизма труда и капитала, рабочаго класса и предпринимателей съ такой яркостью и точностью, какая почти предвосхищаетъ Маркса. Въ „изложеніи доктрины Сэнъ-Симона,“ составлявшемъ предметъ публичныхъ лекцій, организованныхъ школой, и образовавшемъ послѣ два тома, есть десятки страницъ поразительной энергіи и глубины. Указавъ на вѣчную „эксплуатацію человѣка человѣкомъ“, которая выражала „антагонизмъ“ общественныхъ классовъ и, постепенно смягчаясь, исчезнетъ лишь тогда, когда превратится въ „эксплуатацію силъ природы“ организованнымъ на началѣ труда обществомъ, сэнъ-симонисты такъ характеризуютъ современное положеніе вещей. „Выгоды и невыгоды, свойственныя

---

[1]) См. Минувшіе Годы, Май—Іюнь.

каждому соціальному положенію, передаются *по наслѣдству*; экономисты позаботились констатировать одну изъ сторонъ этого факта, *наслѣдственность нищеты*, когда они признали въ обществѣ существованіе класса *пролетаріевъ*. Въ настоящее время цѣликомъ вся масса рабочихъ эксплуатируется людьми, собственность которыхъ она пускаетъ въ дѣло; сами хозяева предпріятій подвергаются этой эксплуатаціи въ своихъ сношеніяхъ съ собственниками, но въ неизмѣримо слабѣйшей степени; въ свою очередь они участвуютъ въ привилегіяхъ эксплуатаціи, падающей всѣмъ своимъ вѣсомъ на рабочій классъ, т. е. на громадную массу трудящихся. При такомъ положеніи вещей рабочій является, слѣдовательно, прямымъ потомкомъ раба и крѣпостного; его личность свободна, онъ не прикрѣпленъ и къ землѣ, но это все, чего онъ достигъ; и въ этомъ состояніи законнаго раскрѣпощенія онъ можетъ существовать только на условіяхъ, диктуемыхъ ему немногочисленнымъ классомъ, классомъ людей, которыхъ законодательство, это порожденіе права завоевателей, надѣляетъ монополіей *богатствъ*, т. е. способностью располагать по своему произволу, и даже живя въ *праздности*, *орудіями труда*. Достаточно бросить взглядъ на то, что совершается вокругъ насъ, чтобы признать, что *рабочій*, за исключеніемъ развѣ напряженности эксплуатаціи, эксплуатируется *матеріально*, *умственно и нравственно* точно такъ же, какъ нѣкогда эксплуатировался рабъ. Дѣйствительно, вполнѣ очевидно, что онъ едва можетъ удовлетворять своимъ трудомъ своимъ собственнымъ потребностямъ, и что не отъ него зависитъ работать" и т. д. [1]).

Замѣтьте, что курсивъ принадлежитъ самому подлиннику. Я ничего не подчеркивалъ, потому что иначе пришлось бы подчеркнуть чуть не каждое слово въ цитатѣ: до такой степени здѣсь все сильно и точно выражено. Антагонизмъ рабочаго класса и класса капиталистовъ съ его подраздѣленіями на собственниковъ и „хозяевъ предпріятій" замѣнилъ у сэнъ-симонистовъ антагонизмъ праздныхъ классовъ и двусмысленнаго класса „промышленниковъ" у самого учителя. Правда, на сэнъ-симонистовъ оказали въ этой области вліяніе классики буржуазной политической экономіи, напр., Рикардо, и, пожалуй, въ еще большей степени Сисмонди, этотъ проницательнѣйшій представитель гуманитарной школы [2]). Но во всякомъ случаѣ ученики Сэнъ-Симона обнаружили по-

---

[1]) *Doctrine de Saint-Simon. Esposition. Premierè anneé 1828—1829*; Парижъ, 1830, 2-е изд., стр. 175—176.

[2]) Вскорѣ послѣ смерти Сенъ-Симона одинъ изъ крупнѣйшихъ продолжателей его ученія, Анфантэнъ, въ статьяхъ „Producteur'a" подчеркиваетъ какъ разъ то положеніе Рикардо, что стоимость продукта измѣряется трудомъ; и упомянувъ, что согласно этому экономисту доходъ землевладѣльца будетъ такимъ образомъ представлять результатъ монополіи и присвоенія продукта, произведеннаго чужими руками безъ всякаго усилія со стороны собственника,

истинѣ замѣчательную оригинальность и глубину при анализѣ классовыхъ отношеній общества.

Говоря о значеніи сэнъ-симонистовъ въ развитіи соціалистической мысли, мы должны будемъ сказать нѣсколько словъ какъ разъ о той области, въ которой они отличались наибольшими экстравагантностями, но, несмотря на послѣднія, оставили человѣчеству нѣкоторыя положительныя пріобрѣтенія. Я разумѣю ихъ взглядъ на современный бракъ и современную семью, на обычныя отношенія между полами и, въ частности, на, такъ называемый, женскій вопросъ. Конечно, легко обратить въ предметъ посмѣянія и даже прямого отвращенія теорію, а особенно практику „реабилитаціи плоти", которая въ общинѣ сэнъ-симонистовъ должна была, по плану „отца" Анфантэна, повести къ немедленному же уничтоженію постоянной семьи и къ полной свободѣ отношеній между мужчинами и женщинами. Но комичный или, если хотите, скандальный характеръ эта „моральная реформа" принимала вслѣдствіе своего основного противорѣчія, которое заключалось въ томъ, что эта новая и свободная форма любви вводилась гласно, принудительно, декретами духовной іерархіи и не считаясь съ настроеніемъ значительнаго числа членовъ „семейства". За то дешевый смѣхъ и лицемѣрное негодованіе должны умолкнуть, когда воспоминаешь, что, каковы бы

распространяетъ этотъ выводъ на все современное производство и энергично резюмируетъ его словами: „это значитъ сказать, что трудящіеся платятъ извѣстнымъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они постоянно ничего не дѣлали" (qu'ils se reposent).

Что касается до Сисмонди, которому сэнъ-симонисты не могли отказать въ „предчувствіи—хотя и неясномъ—грядущаго", то изъ немногихъ цитатъ, которыя я сейчасъ приведу, читатель уже увидитъ, въ какой степени авторъ „Новыхъ началъ политической экономіи" могъ способствовать соціалистамъ при выработкѣ надлежащаго взгляда на отношенія между капиталомъ и трудомъ. Эти цитаты сдѣланы мною по второму изданію книги: J.—C.—L. Simonde de Sismondi, *Niureaux principes d'e'conomie politique, an de la richesse dans ses rapports avec la population*; Парижъ, 1827, 2-е изд., 2 тома,—такъ: И „Въ общественномъ строѣ богатство пріобрѣло способность воспроизводиться чужимъ трудомъ и безъ всякаго участія самого владѣльца" (т. I, стр. 82). И болѣе подробно: „Вслѣдствіе успѣховъ промышленности и знанія, подчинившихъ человѣку всѣ силы природы, всякій рабочій можетъ ежедневно производить болѣе, чѣмъ въ состояніи потребить. Но... богатство никогда почти не остается во владѣніи того, кто работаетъ для того, чтобы жить... Богатый, обладающій предметами потребленія, сырымъ матеріаломъ и машинами, можетъ не работать самъ, потому что является нѣкоторымъ образомъ господиномъ труда рабочаго, котораго онъ снабжаетъ ими... Онъ присваиваетъ себѣ самую главную часть плодовъ его. Это и есть прибыль на капиталъ, который онъ ссудилъ ему, или доходъ капиталиста. Хотя рабочій производитъ своимъ ежедневнымъ трудомъ гораздо больше, чѣмъ ему надо для ежедневнаго потребленія, однако рѣдко бываетъ, чтобы, послѣ дѣлежа съ собственникомъ земли и капиталистомъ, у него оставалось что-нибудь сверхъ существенно необходимаго. Какъ бы то ни было, что ему остается, составляетъ его доходъ, называемой *заработной платой*" (ibid., стр. 85—87, passim). Или еще подробнѣе: „Трудъ, произведенный рабочимъ въ этомъ году, будетъ во всякомъ случаѣ стоить больше труда прошлаго года... По причинѣ этой-то добавочной стоимости (mieux-

ни были карикатурныя преувеличенія сэнъ-симонистовъ въ сферѣ „реабилитаціи плоти“, эта школа способствовала едва ли не болѣе всѣхъ другихъ соціалистическихъ направленій рѣзкой и энергичной постановкѣ вопроса объ эмансипаціи женщины, о равенствѣ половъ и вообще о вытѣсненіи принудительности изъ отношеній между мужчиной и женщиной. Несомнѣнно, напр., что горячая проповѣдь „свободы чувствъ“, „святости страсти“, которая могучей волной разливалась во Франціи, а скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ со страницъ соціальныхъ романовъ Жоржъ Зандъ, была въ значительной степени подготовлена феминистской литературой, выросшей изъ сэнъ-симонизма и тѣсно связанной съ нимъ. Искренность, послѣдовательность этой литературы, согласіе слова и дѣла у представительницъ ея, даже когда „свобода чувства“ повертывалась противъ самихъ пропагандистокъ,—поступавшихъ, когда того требовали убѣжденія, ничуть не хуже, если не лучше героевъ „Что дѣлать“,—обрисовываются какъ нельзя ярче передъ глазами читателя даже въ насмѣшливо-сдержанномъ изображеніи буржуазныхъ историковъ сэнъ-симонистской школы [1]).

Въ общемъ мы можемъ сказать, что школа сэнъ-симонистовъ глубиной своего анализа классовыхъ отношеній и энергичной постановкой вопроса о равенствѣ половъ искупаетъ всѣ странности и противорѣчія остальныхъ частей своего міровоззрѣнія и, прежде всего, тотъ глубокій аполитизмъ, котораго не могли поколебать даже революціонные „историческіе дни“.

Работой надъ приданіемъ соціализму политическаго характера занялись мыслители, прямо или косвенно подвергшіеся воздѣйствію Сэнъ-Симона, но не приставшіе цѣликомъ къ его школѣ или рано ушедшіе изъ нея,

---

value), которая тѣмъ больше, чѣмъ большіе успѣхи сдѣлали искусства, или науки въ ихъ приложеніи къ искусствамъ, промышленность и производитъ постоянное приращеніе богатствъ... Но вообще, капиталъ, который нанимаетъ трудъ и дѣлаетъ его возможнымъ, не остался въ рукахъ того, кто работаетъ. Отсюда возникъ болѣе или менѣе неравный дѣлежъ между капиталистомъ и рабочимъ, дѣлежъ, при которомъ капиталистъ старается оставить рабочему какъ разъ то, что ему нужно для поддержанія жизни, а себѣ беретъ все, что рабочій произвелъ сверхъ этого поддержанія. Рабочій съ своей стороны борется, чтобы сохранить за собою хоть немного болѣе значительную часть произведеннаго имъ труда“ (Ibid., стр. 103). Или, наконецъ: „Мы стремимся отдѣлить совершенно всякій родъ труда отъ всякаго рода собственности... Наши глаза такъ привыкли къ этой новой организаціи общества, къ этой всеобщей конкурренціи, которая вырождается во вражду между богатымъ классомъ и трудящимся классомъ, что мы даже не можемъ представить себѣ никакого другого способа существованія... Наступитъ, безъ сомнѣнія, время, когда наши потомки будутъ считать насъ не меньшими варварами за то, что мы оставили трудящіеся классы безъ всякой гарантіи, чѣмъ они будутъ считать, да и мы уже считаемъ, тѣ націи, которыя привели эти классы въ рабское состояніе“ (т. II, стр. 434—435, passim).

[1]) См. уже цитированное нами сочиненіе Georges Weill, *L'Ecole saint simonienne,* стр. 145—147 (гдѣ разсказывается, между прочимъ, трогательная исторія простой рабочей, Сюзанны Волькэнъ); и Sébastien Charléty, *Histoire du saint simonisme*; Парижъ, 1896, стр. 277.

равно какъ тѣ крайніе демократы, которые познакомились при помощи Буонаротти съ бабувизомъ. Извѣстно, какое значительное вліяніе произвела на умы непримиримыхъ республиканцевъ книга Буонарроти о „Заговорѣ Равныхъ“, которая вышла, какъ уже было сказано нами выше, въ 1828 г. и которая, нѣсколькими годами позже, кромѣ интеллигентныхъ и чисто политическихъ круговъ, нашла себѣ ревностныхъ читателей среди рабочихъ парижскихъ предмѣстій, гдѣ ее видѣлъ Гейнрихъ Гейне рядомъ съ „Исторіей революціи“ Кабэ, памфлетами Марата и т. д. [1]). Воскресавшій подъ перомъ Буонарроти бабувизмъ страдалъ, конечно, тѣмъ недостаткомъ исторической пониманія, что перелицовывалъ великихъ якобинцевъ въ коммунистовъ. Здѣсь, впрочемъ, онъ слѣдовалъ примѣру самого Бабёфа, любившаго въ послѣднюю пору своей дѣятельности ссылаться въ защиту своихъ соціальныхъ плановъ на казненнаго Робеспьера, котораго онъ раньше подвергалъ жестокой критикѣ за „тираннію“ [2]). Но за то онъ оказалъ соціализму ту существенную услугу, что связалъ его съ вопросомъ о республиканской конституціи 1793 г., въ которой самодержавіе народа изъ всѣхъ французскихъ конституцій выражалось въ наиболѣе широкой и опредѣленной формѣ, и представилъ соціальную революцію какъ результатъ, какъ продолженіе революціи политической, которую, такимъ образомъ, надо совершить прежде всего. Этимъ путемъ бабувизмъ возвращалъ соціализму боевой характеръ, отнятый у него великими утопистами. Политическій индифферентизмъ уступалъ мѣсто политической борьбѣ, за власть, какъ за рычагъ соціальнаго переустройства. Ибо, если Буонарроти считалъ краеугольнымъ камнемъ коренной общественной реформы измѣненіе въ современныхъ отношеніяхъ владѣнія, какъ гласили его энергичныя формулы: „частичная собственность есть настоящее преступленіе противъ общества“ (véritable délit social) и „слѣдуетъ радикально преобразовать строй собственности“ (ordre des propriétés), то средство такого переворота онъ видѣлъ въ политической организаціи силъ на манеръ „секретной директоріи“ Бабёфа, которая извергла бы современное правительство имущихъ и на его мѣсто поставила бы самодержавіе обезпеченнаго и счастливаго народа. При этомъ любопытно, что если онъ большею частью представлялъ себѣ дѣятельность этой директоріи въ видѣ диктатуры, которая считается „при началѣ политической революціи“ не столько съ „вотомъ націи“, сколько съ необходимостью „передать власть въ мудрыя и сильныя руки революціонеровъ“, то мѣстами

---

[1]) См. письмо Гейне отъ 30-го апрѣля 1840 г. въ сборникѣ его французскихъ корреспонденцій, носящемъ общее заглавіе *Lutetia*; „Sämmtliche Werke“ (изд. Wilhelm Bölsche) Лейпцигъ, (безъ даты), т. V, стр. 173—174.

[2]) См. о троекратной перемѣнѣ взглядовъ Бабёфа на Робеспьера въ уже цитированной нами книгѣ: Advielle, *Histoire de Gracchus Babeuf*, т. I, стр. 113, 118—119, 184—185.

онъ смягчалъ эти якобинскія воззрѣнія указаніемъ на значеніе „успѣховъ общественнаго мнѣнія" и пропаганды идей въ народѣ. Онъ даже идеализировалъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, заднимъ числомъ, заговоръ Бабёфа, говоря, что секретная Директорія надѣялась произвести переворотъ не при помощи „кучки бунтовщиковъ", а опираясь единственно на „силу истины" [1]).

Это-то введеніе политическаго элемента въ соціализмъ и помогало распространенію міросозерцанія труда среди наиболѣе энергичныхъ и послѣдовательныхъ республиканцевъ временъ іюльской монархіи, республиканцевъ, которые вскорѣ должны были свести задачу соціальнаго преобразованія съ высотъ кабинетной утопіи или лабораторнаго эксперимента на жгучую почву общественной борьбы классовъ и сдѣлать ее знаменемъ организаціи трудящихся массъ. Начало этого процесса хорошо схвачено нѣкоторыми историками политической жизни Франціи въ прошломъ вѣкѣ [2]).

Между мыслителями, вышедшими изъ школы Сэнъ-Симона, много сдѣлавшими для приданія политическаго характера соціализму, выдающееся мѣсто занимаетъ Пьеръ Леру. То былъ человѣкъ довольно оригинальный, хотя зачастую туманной мысли, большой эрудиціи и горячихъ демократическихъ убѣжденій, доказывавшій свою преданность идеямъ самою жизнію своей, исполненной труда и лишеній. Въ умахъ современниковъ съ представленіемъ о Леру связывалась всего чаще мысль объ авторѣ соціально-философскаго трактата „О человѣчествѣ" [3]), гдѣ весь человѣческій родъ разсматривался какъ одно цѣлое, какъ одно высшее „единство", которое метафизически сливалось съ Богомъ и должно было служить предметомъ новой религіи, религіи человѣчества, организованнаго, подобно великой дружной семьѣ, на принципѣ солидарности и отвергающаго современное начало эгоизма. Но дѣлу соціализма Леру послужилъ не столько этимъ своимъ трактатомъ (положенія котораго, повидимому, не совсѣмъ ясныя для самого автора, тѣмъ менѣе отчетливо воспринимались читателями), сколько своими сочиненіями по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ, въ родѣ имѣвшей очень большой успѣхъ „Плутократіи, или правленія богатыхъ".

Въ томъ сильномъ, несмотря на нѣкоторую свою разбросанность, памфлетѣ Леру мастерски разлагаетъ на составные соціальные классы „общественную пирамиду" Франціи (да и въ сущности всякой капитали-

---

[1]) I. Tchernoff, *Le parti républicain Sous la monarchie de Juillet*; Парижъ, 1901, стр. 84 и 85.

[2]) См., напр., уже цитированную нами книгу: Georges Weill, *Histoire du parti republicain en France de 1814 à 1870;* стр. 44—49 и слѣд.

[3]) Pierre Leroux. *De l'Humanité;* первое изданіе вышло въ 1840 г. въ двухъ томахъ (эта книга подверглась критикѣ Прудона въ его второмъ мемуарѣ о собственности значитъ почти сейчасъ же вслѣдъ за появленіемъ перваго изданія).

стической страны). Онъ даетъ рельефное опредѣленіе класса „пролетаріевъ“, какъ „гражданъ, доходы которыхъ не достигаютъ уровня потребностей пропитанія“, и не менѣе яркое опредѣленіе класса „капиталистовъ“, какъ „гражданъ, чьи доходы превышаютъ потребности существованія“. При этомъ онъ очень убѣдительно доказываетъ, что громадное большинство, такъ называемыхъ, „собственниковъ“ земельныхъ участковъ во Франціи принадлежатъ въ сущности къ категоріи пролетаріевъ. „Чтобы быть справедливымъ и не замѣнять истину ложью,—восклицаетъ Леру,—слѣдовало бы сказать, что четыре пятыхъ гражданъ, занесенныхъ въ списокъ плательщиковъ поземельнаго налога, не должны бы были называться собственниками. А если бы продолжали упорствовать въ этомъ названіи, то справедливость требовала бы, по крайней мѣрѣ, точно опредѣлить, въ чемъ же состоитъ ихъ доходъ. Не очевидно ли, въ самомъ дѣлѣ, что эти мнимые двадцать милліоновъ собственниковъ являются собственниками лишь хижины, или, за отсутствіемъ ея, собственниками клочка земли, котораго, самое большее, достаточно для того, чтобы уплатить за наемъ ихъ жилища“ [1]).

Но что въ особенности замѣчательно въ этой книжкѣ, что составляетъ центръ тяжести всей аргументаціи ея, это указаніе на тѣсную связь между владѣніемъ и властью, экономикой и политикой имущихъ классовъ. Характеристика Франціи съ этой точки зрѣнія превращается подъ перомъ Леру въ необыкновенно энергичную и глубоко идущую въ корень вещей формулу: „Франція можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „Менѣе милліона индивидуумовъ,—мужчинъ, женщинъ, дѣтей,—представленныхъ 196,000 главъ семействъ, образуютъ обширный торговый домъ, обладающій исключительнымъ капиталомъ и носящій названіе „Франція“. Эта фирма располагаетъ ежегодно трудомъ тридцати четырехъ милліоновъ служащихъ и рабочихъ... Плодомъ этихъ операцій является по *меньшей мѣрѣ* девяти-милліардный валовой доходъ, за вычетомъ сѣмянъ и другихъ матеріальныхъ издержекъ, идущихъ на поддержаніе всей совокупности орудій производства. Фирма выплачиваетъ немногимъ болѣе пяти милліардовъ заработной платы. Ей остается прибыли, или чистаго дохода, три милліарда восемьсотъ милліоновъ...

„Сверхъ того, собственники чистаго дохода, обладая исключительными политическими привилегіями, располагаютъ по своему усмотрѣнію и сообразно со своими идеями, болѣе чѣмъ полутора милліардами налоговъ, взимаемыхъ въ большинствѣ съ заработной платы.

„Это сосредоточеніе богатства и политики въ однѣхъ рукахъ образуютъ сущность правительства, которое мы назвали Плутократіей.

---

[1]) *De la Ploutocratie, ou du gouvernement des riches;* Парижъ, 1848, стр. 19—20 (появилось первоначально въ „Revue Independante“ за 1843 г.).

„Плутократы составляютъ бюджетъ и управляютъ государствомъ не для государства, а для плутократовъ.

„Политическій законъ подчиненъ ими закону экономическому.

„Они находятъ превосходнымъ политическій законъ, организованный такимъ образомъ, не хотятъ дѣлать въ немъ никакихъ измѣненій и не терпятъ, чтобы они дѣлались другими; и они называютъ это *охраненіемъ*.

„Охраненіемъ чего?

„Охраненіемъ экономическаго закона, который отдаетъ менѣе чѣмъ милліону лицъ изъ тридцати четырехъ съ половиною милліоновъ французовъ весь чистый доходъ Франціи, увеличенный милліардомъ, полученнымъ съ заработной платы, и достигающій съ этой прибавкой по меньшей мѣрѣ четырехъ милліардовъ шестисотъ милліоновъ, т. е. половины валового дохода всѣхъ гражданъ...

„Итакъ, вотъ каковъ нашъ прогрессъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Народонаселеніе, правда, увеличилось на девять милліоновъ; но на эти девять милліоновъ прироста жителей приходится пять милліоновъ несчастныхъ бѣдняковъ“ [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этими взглядами Леру жестоко критикуетъ всѣ формы власти, опирающіяся на эксплуатацію трудящихся массъ и ставящія своею цѣлью продолженіе такой эксплуатаціи. Не отрицая, какъ то сдѣлаетъ вскорѣ Прудонъ, самаго принципа правительства, не возставая даже противъ представительнаго строя, если онъ блюдетъ интересы народа, Леру, однако, находитъ оправданіе лишь для такихъ формъ правленія и для такихъ государственныхъ учрежденій, которыя могутъ стать орудіемъ безпрерывнаго соціальнаго прогресса. Съ этой точки зрѣнія онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе республикѣ, но замѣчаетъ въ то же время, что „истинная республика есть соціализмъ“, и что „желать во Франціи торжества республики безъ соціализма—абсурдъ“. Въ концѣ концовъ, демократизируя іерархическій соціализмъ Сэнъ-Симона и вообще пропитывая политикой аполитическое міровоззрѣніе великихъ утопистовъ, Леру привлекъ къ ученію труда немало искреннихъ республиканцевъ, такъ что мы не можемъ не признать правильною ту оцѣнку, которую Леру, этотъ несомнѣнно выдающійся мыслитель, даетъ своей дѣятельности въ прошломъ, говоря о себѣ: „Я ввелъ республику въ соціализмъ и соціализмъ въ республику“... При этомъ Леру не останавливался даже передъ проповѣдью революціонныхъ выступленій, разъ онѣ вынуждались общимъ положеніемъ дѣлъ: такія революціи, по его мнѣнію, если не сами непосредственно избавляли человѣчество отъ золъ, то помогали ему достигнуть высшаго самосознанія и созда-

[1]) Ibid., стр. 224... стр. 260—261, passim.

вали такое настроеніе, при которомъ человѣкъ развертывалъ величайшія творческія качества...

Убѣжденнымъ сторонникомъ исключительно мирной общественной эволюціи явился Кабэ, который энергично и не безъ успѣха распространялъ идеи довольно широко идущаго коммунизма, но боролся противъ революціонныхъ пріемовъ рѣшенія соціальнаго вопроса. Пользуясь растущимъ вліяніемъ среди передовой интеллигенціи и рабочихъ, онъ въ особенности старался пропагандировать идею о возможности организовать новый общественный строй при помощи правильныхъ республиканскихъ учрежденій, опирающихся на всеобщую подачу голосовъ. Замѣчательно, что въ своемъ утопическомъ романѣ „Путешествіе въ Икарію", появившемся въ 1842 г. и жадно читавшемся не только парижскими, но мѣстами и провинціальными рабочими, Кабэ рисуетъ водвореніе идеальнаго коммунистическаго строя въ результатѣ народной революціи и выросшей изъ нея диктатуры добродѣтельнаго Икара, избраннаго народомъ для роли законодателя. Но самъ же авторъ старается показать, что упомянутая революція была вынуждена тираническими дѣйствіями монархіи, которая существовала раньше въ изображаемой островной странѣ. Съ другой стороны, добродѣтельный Икаръ, положивъ основаніе братской республикѣ, является для отданія отчета передъ избраннымъ всеобщей подачей голосовъ народнымъ представительствомъ; и хотя въ благодарность избирается имъ въ пожизненные президенты, отказывается отъ этой чести, говоря, что народъ долженъ учиться управлять самимъ собой. Слѣдуетъ, наконецъ, прибавить, что режимъ коммунизма вводится на островѣ Икаріи лишь постепенно, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, причемъ дѣлаются всевозможныя уступки владѣльцамъ собственности и вообще сторонникамъ стараго строя съ тою цѣлью, чтобъ этотъ коренной общественный переворотъ совершился безъ особенно сильнаго потрясенія выработавшихся въ гражданахъ традицій и обычаевъ.

Читая теперь „Икарію", нельзя представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производили на современниковъ эти картины будущаго идеальнаго общества: надо перенестись въ тогдашнюю эпоху, чтобы понять энтузіазмъ, возбуждавшійся въ читателяхъ 40-хъ годовъ романомъ Кабэ. Мы упомянули о популярности этого коммуниста среди сравнительно широкихъ слоевъ. Такая популярность въ особенности выпала на его долю благодаря „Икаріи". Мало того, что книга проникла не только въ интеллигентную, но и рабочую аудиторію: она вызвала притокъ въ руки Кабэ сравнительно значительныхъ суммъ со стороны восторженныхъ поклонниковъ, которые чрезвычайно охотно отзывались на предложеніе Кабэ осуществить немедленно же развитыя въ романѣ идеи. Намъ нечего разсказывать читателямъ о крахѣ икарійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, нестроенія и раздоры

внутри которыхъ отравили послѣдніе годы жизни Кабэ и даже нашли отголосокъ въ судебномъ преслѣдованіи, которое реакціонные трибуналы сочли нужнымъ возбудить противъ благороднаго и безкорыстнаго мечтателя, обвиняя его въ мошенничествѣ. Кабэ навсегда останется въ исторіи соціализма авторомъ утопіи, которая умѣла воспламенить огнемъ энтузіазма тысячи и тысячи людей, проникая лучами свѣта и внося радужныя надежды въ сумрачную жизнь трудящихся. Что имъ было за дѣло до скудости фабулы, до художественной слабости типовъ героевъ и героинь романа, всѣхъ этихъ лордовъ Карисдаллей, Вальморовъ, Динаросовъ, мадемуазелей Динэзъ и Кориллъ, до отсутствія дѣйствія, замѣняемаго безконечно длинными, тянущимися на десяткахъ страницъ рѣчами персонажей, которые уснащаютъ ихъ всевозможными цитатами изъ великихъ и малыхъ мыслителей,—Руссо, Смита, Сисмонди, Оуэна, совершенно неизвѣстныхъ нынѣ Лерминье и Билліардовъ,—въ доказательство преимущества коммунизма надъ частной собственностью? Что имъ было за дѣло, говоримъ мы, до недостатковъ романа, когда, несмотря на эти отрицательныя стороны, на нихъ со страницъ „Икаріи" вѣяло дыханіе новаго идеала, общее великолѣпіе котораго заслоняло тѣ детали утопической жизни, какія могли показаться непривлекательными нѣкоторымъ наиболѣе взыскательнымъ читателямъ?

Здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить еще то обстоятельство, что и оборотная сторона медали, представляемой икарійскимъ общежитіемъ, могла скорѣе притягивать, чѣмъ отталкивать ту самую аудиторію, которая съ наибольшимъ одушевленіемъ и наивной вѣрою прислушивалась къ благовѣстію труда въ устахъ Кабэ. Я разумѣю рабочихъ. „Икарія" была соціальной республикой, гдѣ элементъ принудительности проникалъ, несомнѣнно, общественную жизнь, но обезпечивалъ почти абсолютное равенство положенія всѣмъ членамъ коммунистической общины. А это представленіе какъ разъ удовлетворяло тому стремленію къ соціальному равенству, которое было особенно живо въ душѣ французскаго пролетарія и которому онъ былъ нерѣдко готовъ жертвовать даже интересами политической свободы. Рабочаго не могли пугать въ „Икаріи" ни обязательный трудъ, ни обязательное обученіе, ни организація общественнаго производства сильной властью, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ и спускающейся концентрическими кругами съ высотъ общенаціональныхъ задачъ въ государствѣ до самомалѣйшихъ проявленій мѣстнаго самоуправленія въ общинѣ. И можно представить себѣ, съ какимъ интересомъ и симпатіей пролетарій, который зналъ обязательный трудъ въ его худшей, почти каторжной, а именно капиталистической формѣ, который жадно стремился къ образованію, который взывалъ о помощи къ современному государству, созданному его закоптѣлыми отъ поро-

хового дыма руками на баррикадахъ, долженъ былъ читать нижеслѣдующее описаніе совершеннаго общежитія:

„Такъ какъ всѣ икарійцы,—продолжалъ Динорось,—члены ассоціаціи и всѣ равны, то и всѣ они обязаны заниматься тѣмъ или инымъ ремесломъ и работать одинаковое число часовъ; но весь ихъ умъ направленъ на изысканіе какихъ только возможно способовъ сдѣлать трудъ короткимъ, разнообразнымъ, пріятнымъ и безопаснымъ.

„Всѣ орудія труда и сырой матеріалъ берутся изъ общественнаго капитала, равно какъ всѣ продукты земледѣлія и промышленности складываются въ общественныхъ магазинахъ.

„Мы всѣ получаемъ пищу, одежду, помѣщеніе и утварь изъ общественнаго капитала, и получаемъ всѣ *одинаково* (tous de *même*), въ соотвѣтствіи лишь съ поломъ, возрастомъ и нѣкоторыми другими обстоятельствами, предвидѣнными закономъ.

„Такимъ образомъ, только одна республика, или коммунистическое общежитіе (Communanté), является собственницей всего; она одна организуетъ своихъ рабочихъ и строитъ свои мастерскія и свои магазины; она также заставляетъ воздѣлывать землю, воздвигаетъ дома, производитъ всѣ предметы, которые необходимы для продовольствія, одежды, жилища, меблировки; она, наконецъ, кормитъ, одѣваетъ, снабжаетъ помѣщеніемъ и меблировкой каждое семейство и каждаго гражданина.

„Такъ какъ *воспитаніе* (жирный шрифтъ въ подлинникѣ Кабэ. Н. Р.) считается у насъ основою и фундаментомъ общества, то республика даетъ его всѣмъ своимъ дѣтямъ, и даетъ его имъ всѣмъ одинаково, какъ она даетъ всѣмъ одинаково пищу. Всѣ получаютъ одно и то же первоначальное образованіе и извѣстное спеціальное образованіе, подходящее къ каждой особой профессіи; и такое воспитаніе имѣетъ своею цѣлью формировать хорошихъ рабочихъ, добрыхъ родителей, добрыхъ гражданъ и людей въ настоящемъ значеніи этого слова.

„Такова по существу наша соціальная организація, и эти немногія слова могутъ дать вамъ понять и угадать все остальное.

— „Вы должны понять теперь,—сказалъ старикъ,—почему у насъ нѣтъ ни *бѣдныхъ*, ни слугъ.

— „Вы должны понять также,—прибавилъ Вальморъ,—какимъ образомъ республика представляетъ собою собственницу всѣхъ лошадей, экипажей, отелей, которые вы видѣли, и какъ она безплатно питаетъ и перевозитъ пассажировъ.

„Вы должны, сверхъ того, понять, что разъ каждый изъ насъ по-

лучаетъ натурою все необходимое, то *деньги, купля* и *продажа* для насъ совершенно безопасны“ [1]).

Не могли точно также испугать рабочаго при чтеніи „Икаріи“ ни общественные омнибусы (Кабэ предвосхищаетъ при этомъ современные трамваи, идея которыхъ въ его эпоху, послѣ неудачнаго опыта въ Нью-Іоркѣ, оставалась въ теченіе двадцати лѣтъ безъ приложенія); ни совершенно одинаковые по своей архитектурѣ и меблировкѣ дома, стиль которыхъ рознится лишь отъ улицы къ улицѣ; ни однообразные костюмы—формы, измѣняющіеся лишь съ поломъ, возрастомъ, семейнымъ положеніемъ и т. п. условіями и нарочно изготовляемые цѣлыми массами изъ эластичной ткани, чтобы каждый обитатель Икаріи могъ безъ особыхъ усилій найти подходящую къ его росту одежду; ни установляемые начальствомъ образцы пищи, книгъ и т. п., которые одобряются предварительно комитетами изъ ученыхъ спеціалистовъ, разрабатывающихъ также планы общественныхъ увеселеній и зрѣлищъ. Относительное однообразіе и монотонность икарійской культуры, которая могла оттолкнуть этими свойствами избалованныхъ представителей привилегированныхъ классовъ въ современномъ обществѣ, должны были наоборотъ казаться верхомъ человѣческаго комфорта читателямъ изъ рабочихъ, обреченныхъ довольствоваться не только немногочисленными, но и чрезвычайно низкопробными предметами потребленія, тогда какъ въ благословенной Икаріи продукты предлагались членамъ общежитія и въ гораздо большемъ выборѣ, и гораздо высшаго качества. Сама приблизительная одинаковость жизни всѣхъ икарійцевъ могла даже скорѣе притягивать, чѣмъ отталкивать французскаго пролетарія, который, особенно въ срединѣ прошлаго вѣка, былъ влюбленъ въ уже упомянутое нами соціальное равенство.

Соотвѣтствующимъ настроенію обширныхъ рабочихъ слоевъ эпохи былъ и взглядъ Кабэ на отношеніе между полами и ихъ положеніе въ обществѣ. Въ „Икаріи“ женщины уравнены въ гражданскомъ и семейномъ правѣ съ мужчинами, хотя и въ этой сферѣ идеальная республика Кабэ отдавала преимущество „мнѣнію“ сильнаго пола. Но что касается до политическихъ правъ, то романъ вездѣ говоритъ только о гражданахъ, избирателяхъ и представителяхъ народа и ни единымъ словомъ не обмолвливается о роли женщинъ въ управленіи. И не то, чтобы законодательство добродѣтельнаго Икара спеціальными параграфами исключало женщинъ изъ участія въ политической жизни,—хуже того: оно совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ, принимая, очевидно, за само собою подразумѣвающееся такое положеніе вещей.

---

[1]) Cabet, *Voyage en Icarie*; стр. 36 пятаго изданія, Парижъ, 1848.

По отношенію собственно къ семьѣ Кабэ является очень большимъ ригористомъ, заходя въ этомъ отношеніи даже дальше традиціонныхъ защитниковъ современной моногаміи. Въ своей попыткѣ идеализировать исторически сложившуюся семью нашей эпохи авторъ „Икаріи" старается изобразить самыми привлекательными красками взаимную любовь, довѣріе и симпатію между супругами, съ одной стороны, родителями и дѣтьми съ другой. Но, несмотря на эти чувства семьянъ одного къ другому, онъ рисуетъ, напр., намъ идеальнаго главу семейства не покидающимъ своей жены ни на шагъ въ обществѣ и сопровождающимъ ее всюду во избѣжаніе „искушенія". Съ этой точки зрѣнія онъ жестоко критикуетъ обычай „галантныхъ" французовъ, среди которыхъ нерѣдко супруги находятъ развлеченіе каждый съ своей стороны и въ разныхъ мѣстахъ.

Но если въ области нѣкоторыхъ семейныхъ отношеній Кабэ являлся большимъ пуританиномъ, чѣмъ его аудиторія, то въ сферѣ религіи его идеи, несомнѣнно, выражали наиболѣе распространенные взгляды среди тогдашнихъ сознательныхъ рабочихъ. Икарійцы—религіозный народъ. Но ихъ религія представляетъ собой деизмъ, вѣру во всемогущую причину всѣхъ вещей, которая не нуждается ни въ какихъ положительныхъ формахъ культа, хотя въ Икаріи есть профессіональные „священники", играющіе роль наставниковъ и моралистовъ, причемъ Кабэ съ особеннымъ почтеніемъ останавливается на христіанствѣ, не на христіанствѣ, впрочемъ, какимъ мы его знаемъ и какимъ оно сложилось исторически, а на христіанствѣ идеализированномъ, на религіи „братства, равенства и коммунизма". Икарійцы видятъ въ основателѣ этой наилучшей изъ религій не бога, а добродѣтельнѣйшаго человѣка въ мірѣ. Замѣтимъ кстати, что авторъ „Икаріи" написалъ цѣлую книжку на эту тему, носящую заглавіе „Истинное христіанство согласно Іисусу Христу" и имѣющую цѣлью доказать, что коммунизмъ не только проповѣдывался, но и практиковался въ жизни Іисусомъ, апостолами и первыми христіанами; и что, стало быть, истинное христіанство должно было бы водворить идеальное царство на землѣ, или, какъ выражается Кабэ въ предисловіи къ упомянутому сочиненію: „Если бы христіанство истолковывалось и примѣнялось въ духѣ Іисуса Христа..., то этого христіанства съ его моралью, его философіею, его предписаніями было бы достаточно и раньше и теперь, чтобы основать совершенную соціальную и политическую организацію, освободить человѣчество отъ удручающаго его зла и обезпечить счастіе всего рода человѣческаго на землѣ: тогда не осталось бы ни одного существа, которое отказалось бы отъ названія христіанства" [1]).

[1]) Le vrai Christianisme suivant Jésus—Christ; Парижъ, 1848, 3-е изд., стр. 4.

Въ общемъ Кабэ, несмотря на слабыя стороны своего міровоззрѣнія, отражавшія и, можно даже сказать, резюмировавшія равнодѣйствующую взглядовъ, которые были наиболѣе распространены среди демократической интеллигенціи и передовыхъ рабочихъ, оказалъ ту существенную услугу соціализму, что популяризировалъ идею солидарности, или, какъ онъ любилъ выражаться, „братства", между трудящимися и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ укрѣпленію въ нихъ понятія о связи между извѣстными политическими учрежденіями (республикой, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ) и соціалистическимъ строемъ. Любопытно, что, пытаясь придвинуть рѣшеніе соціальнаго вопроса тѣмъ путемъ, который я уже нѣсколько разъ имѣлъ случай назвать лабораторнымъ, т. е. при помощи заведенія образцовыхъ колоній, онъ, однако, подвергаетъ въ своей „Икаріи" въ сущности аналогичные планы „добродѣтельнаго и мирнаго" Оуэна слѣдующей многозначительной критикѣ: Какъ жаль, что онъ питалъ слишкомъ большое довѣріе къ добротѣ властелиновъ и аристократовъ; что онъ разочаровалъ народъ, назначая слишкомъ короткіе сроки для осуществленія надеждъ, которыя до сихъ поръ еще не осуществились; и что онъ затратилъ на попытки частныхъ и черезчуръ мелкихъ общинъ, какія не могутъ удаться, капиталъ, который, хотя и былъ самъ по себѣ значительнымъ, былъ, однако, недостаточенъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей образцовой общины, но съ которымъ можно было бы произвести неизмѣримое дѣйствіе на общественное мнѣніе, если бы только употребить его исключительно на пропаганду этого ученія" [1]).

Здѣсь Кабэ касался ахиллесовой пяты собственной системы: подвергая проницательному разбору чужую утопію, онъ проникалъ ножомъ анализа въ утопическія стороны своего міровоззрѣнія. Не имѣя силы отказаться отъ общей тенденціи тогдашнихъ соціалистовъ къ построенію идеальнаго режима искусственнымъ путемъ, подъ стеклянныхъ колпакомъ сектантскаго общежитія, изолирующаго своихъ членовъ отъ окружающаго гигантскаго міра гнета и эксплуатаціи, Кабэ чувствовалъ съ другой стороны, что соціальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь общимъ напоромъ,—хотя бы и мирнаго характера,—трудящихся массъ противъ представителей крупнаго владѣнія, сторонниковъ коммунизма противъ защитниковъ привилегированной частной собственности. Отъ дѣятельности Кабэ оставалось то положительное пріобрѣтеніе, что внимавшая ему аудиторія, которую онъ связывалъ въ одно цѣлое идеей братской солидарности, пріучалась видѣть въ идеальномъ строѣ будущаго результатъ совмѣстной общественной дѣятельности, направленной на добываніе уже при современ-

1) Voyage en Icarie, стр. 519.

ныхъ порядкахъ болѣе свободныхъ и демократическихъ (республиканскихъ) учрежденій, т. е., значитъ, его политическія задачи. Сквозь радужные туманы „Икаріи“ обрисовывалась такимъ образомъ реальная почва дѣйствительности съ ея жгучими вопросами и злобами дня, и если соціализмъ не становился еще совершенно рабочимъ и вполнѣ политическимъ, то былъ на пути къ этому. Пламенная дѣйственная любовь Кабэ къ рабочему классу, побуждавшая его къ постоянной пропагандѣ среди трудящихся и безпрерывнымъ поѣздкамъ съ цѣлью организаціи кружковъ и обществъ, была оцѣнена даже желчнымъ и пристрастнымъ въ своихъ отзывахъ Марксомъ, несмотря на его нелюбовь къ гуманитарно-религіозному направленію автора „Икаріи“.

Крупными успѣхами современный соціализмъ былъ обязанъ Луи-Блану и Прудону, которые, несмотря на свою идейную вражду, толкали съ разныхъ концовъ, но оба впередъ тяжелую махину нерѣшеннаго соціальнаго вопроса. При этомъ роли распредѣлялись между ними такимъ образомъ, что Луи-Бланъ работалъ надъ приданіемъ соціализму существенно политическаго характера, тогда какъ Прудонъ, доведя аполитизмъ великихъ утопистовъ до его крайнихъ предѣловъ въ видѣ анархіи, подвергъ за то въ общемъ глубокой критикѣ самыя основанія современнаго строя въ формѣ частной собственности и вскрылъ всѣ главныя противорѣчія капиталистическаго общества. Приступая къ оцѣнкѣ значенія обоихъ соціалистическихъ мыслителей и дѣятелей, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что эта задача затрудняется всей ассоціаціей идей, связанной съ этими именами на почвѣ послѣдующей исторіи, полемики, общаго развитія соціализма среди ожесточенной междуусобной войны различныхъ направленій его. Такъ, Луи-Блану много повредила его слабость и отсутствіе политическаго чутья въ роковые дни февральской революціи, равно какъ его рѣзко несправедливое отношеніе къ Коммунѣ 1871 г. Репутація же Прудона сильно пострадала отъ его возмутительныхъ отзывовъ о соціалистахъ и въ особенности о коммунистахъ. Кромѣ того, въ послѣднія десятилѣтія средній читатель знаетъ Прудона исключительно по полемической книжкѣ Маркса „Нищета философіи“, которая въ свое время осталась почти совершенно незамѣченной (о ней, впрочемъ, сочувственно упомянулъ тогда же Луи-Бланъ, говоря, что въ ней „д-ръ Марксъ выставляетъ Прудона посмѣшищемъ для любого геттингенскаго студента“, но, по мѣрѣ распространенія марксизма, стала чуть ли не единственнымъ источникомъ знаній о сложной, капризной, въ высокой степени оригинальной литературной физіономіи Прудона. Между тѣмъ „Нищета философіи“ даетъ намъ лишь понятіе о томъ, въ чемъ слабъ Прудонъ, но отнюдь не даетъ понятія о томъ, чѣмъ онъ силенъ.

Луи-Бланъ, въ гораздо меньшей степени оригинальный мыслитель,

чѣмъ образованный публицистъ, краснорѣчивый, нѣсколько ходульный ораторъ и талантливый политическій историкъ, беретъ элементы своей системы у разныхъ предшественниковъ и современниковъ, при чемъ говоритъ о нихъ по большей части съ почтеніемъ и благодарностью,—опять таки признакъ скорѣе ассимилирующаго таланта, чѣмъ зачастую столь несправедливаго къ чужимъ взглядамъ, но за то богатаго новыми идеями генія. Сэнъ-Симонъ снабжаетъ его мыслями о необходимости правильной промышленной организаціи. У Фурье онъ заимствуетъ отрицательный взглядъ на конкурренцію, производящую переполненіе рынка цѣною лишеній и страданій громаднаго большинства человѣчества. Вліяніе Буонарроти сказывается на значеніи, которое Луи-Бланъ придаетъ политической организаціи для совершенія соціальнаго переворота. Но, съ одной стороны, эта организація является для него въ видѣ революціонной диктатуры, напоминающей диктатуру великихъ якобинцевъ, и прежде всего Робеспьера, этого любимаго героя историческаго романа Луи-Блана. Съ другой, она рисуется еще чаще въ видѣ моральной диктатуры, опирающейся на сочувствіе народа, который призванъ управлять своими судьбами, но не прямо, а при посредствѣ представителей, избираемыхъ всеобщей подачей голосовъ. Во всякомъ случаѣ для Луи-Блана предварительная политическая реформа является необходимымъ условіемъ проведенія коренныхъ соціальныхъ преобразованій, и роль политической дѣятельности вообще разсматривается имъ въ духѣ современныхъ ему радикаловъ буржуазнаго лагеря, такъ что онъ готовъ охотно примириться съ политическою борьбою въ рамкахъ парламентаризма, лишь бы послѣдній давалъ ему возможность овладѣть государственною властью для совершенія упомянутыхъ соціальныхъ реформъ.

Несмотря на то, что Луи-Бланъ возставалъ противъ насильственныхъ революцій, противъ „Жакеріи", диктуемыхъ гнѣвомъ и фанатическимъ нетерпѣніемъ, онъ вѣрилъ, однако, въ быструю, почти мгновенную и въ этомъ смыслѣ революціонную замѣну одного общественнаго склада другимъ. Извѣстно много цитировавшаяся политическими историками Франціи и біографами Луи-Блана мысль, высказанная имъ впервые въ редактировавшемся имъ съ 1839 г. журналѣ „Revue du Progrès", но встрѣчающаяся,—и почти въ той же формѣ, какъ я могъ замѣтить,—еще у Сэнъ-Симона: „Нѣтъ, прогрессъ въ учрежденіяхъ извѣстнаго народа не совершается мало-по-малу. Въ мірѣ идей онъ идетъ медленнымъ и труднымъ шагомъ; но въ область фактовъ онъ врывается сразу, на протяженіи года, мѣсяца, одной ночи, измѣняя совершенно законы, замѣняя не старый результатъ новымъ результатомъ, но старый принципъ новымъ принципомъ, внося въ жизнь народа не ту или другую частную реформу, а обширную совокупность координированныхъ между собою реформъ, однимъ словомъ, поставляя

на мѣсто *цѣлой* системы законодательства *цѣлую* же систему противоположнаго законодательства" [1]).

Эта вѣра въ быстроту соціальнаго прогресса поддерживалась у Луи-Блана взятой имъ у Руссо и другихъ писателей XVIII-го вѣка доктриной о природной добротѣ человѣка, а также его взглядомъ на преобладающее вліяніе идей въ жизни человѣчества. По натурѣ человѣкъ склоненъ,—полагалъ Луи-Бланъ,—къ благороднымъ поступкамъ, и ему препятствуютъ въ этомъ лишь дурныя учрежденія, основанныя въ свою очередь на дурныхъ принципахъ. Измѣните эти принципы, и человѣкъ въ быстро измѣнившемся обществѣ дастъ полную мѣру своихъ хорошихъ качествъ и добрыхъ наклонностей. Вообще, Луи-Бланъ является въ области, получившей позже названіе соціологіи, самымъ чистокровнымъ идеологомъ. Уже въ своей „Исторіи десяти лѣтъ" онъ ясно высказалъ эту точку зрѣнія, говоря, что истинной исторіей XIX-го вѣка можетъ быть только исторія его идей. Въ „Исторіи французской революціи" онъ заявляетъ даже, что исторію дѣлаютъ книги, и съ самыхъ первыхъ же страницъ общаго введенія къ этой работѣ онъ кладетъ во главу угла человѣческой революціи послѣдовательную смѣну трехъ великихъ „принциповъ": авторитета, индивидуализма и братства. На практикѣ и въ приложеніи къ жгучимъ вопросамъ современности онъ смягчаетъ этотъ идеализмъ указаніемъ на крайнюю необходимость коренной экономической реформы, благодаря которой трудящіеся и угнетенные нищетой классы, да и вообще все общество, только и могутъ осуществить законъ предначертаннаго провидѣніемъ прогресса.

Очень любопытны въ этомъ отношеніи первыя страницы введенія къ его „Организаціи труда", небольшой—особенно въ первыхъ изданіяхъ—книжечки, которая читалась рабочими развѣ немногимъ меньше „Икаріи" Кабэ и создала Луи-Блану громадную популярность въ городскомъ пролетаріатѣ: для большинства современниковъ, особенно въ первую пору своей дѣятельности, Луи-Бланъ былъ авторомъ „Организація труда". И вотъ въ предисловіи къ этому-то дѣйствительно замѣчательному для тогдашней эпохи соціалистическому памфлету—манифесту Луи-Бланъ какъ бы оправдывается въ томъ, что ставитъ основнымъ требованіемъ своей программы осуществленіе для каждаго человѣка „права жить трудомъ". Деистъ, спиритуалистъ, онъ старается обосновать это требованіе тѣмъ, что самъ Творецъ соединилъ таинственнымъ образомъ въ человѣкѣ тѣло и душу, и что

[1]) *Revue du Progrès*, I, стр. 309. Цитирую по работѣ Weill'я, *Histoire du parti rèpublicain*, стр. 207. Та же цитата приводится I. Tchernoff'ымъ въ *Le parti rèpublicain*, стр. 328, и—сокращенно—въ біографіи Луи-Блана, написанной тѣмъ же авторомъ и представляющей отчасти аналогію Луи-Блана въ духѣ реформистскаго соціализма: *Louis Blanc*; Парижъ, 1904, стр. 67 (составляетъ № 26 серіи „Bibliothègue socialiste").

когда первое испытываетъ лишенія, то отъ нихъ страдаетъ и вторая, а потому въ цѣляхъ лучшаго проявленія своей духовной сущности человѣкъ долженъ быть обезпеченъ и физически.

Организація труда (жирный шрифтъ въ подлинникѣ. Н. Р.), имѣющая въ виду уничтоженіе нищеты, не только далека отъ матеріалистическихъ заботъ,—восклицаетъ Луи-Бланъ,—но опирается на самый истинный спиритуализмъ...

„Мы хотимъ, слѣдовательно, чтобы трудъ былъ организованъ способомъ, ведущимъ къ устраненію нищеты, не только для того, чтобы были облегчены матеріальныя страданія народа, но также, но въ особенности для того, чтобы... излишекъ несчастія не подавлялъ болѣе ни у кого благородныхъ стремленій мысли и наслажденій законной гордостью; чтобы для всѣхъ нашлось мѣсто въ области воспитанія и у источниковъ разума... Мы хотимъ, чтобы трудъ былъ организованъ для того, чтобы душа народа—слышите ли, его душа?—не оставалась подавляемой и искажаемой подъ гнетомъ тираніи вещей“ [1]).

Но скоро, оставляя за собой спиритуалистическія оговорки, авторъ входитъ въ самое сердце вопроса, и изъ-подъ пера его льются элегантныя и блестящія строки, которыя въ своей совокупности даютъ удачное резюме главныхъ соціалистическихъ положеній времени. Причемъ новымъ вкладомъ въ міровоззрѣніе труда является энергичное и послѣдовательное подчеркиваніе значенія политики для соціализма и коллективной дѣятельности, воплощающейся въ государственной власти, для соціальныхъ реформъ. „Революціи не импровизируются“: надо, чтобы грядущая соціальная революція имѣла опредѣленную цѣль, которую осуществитъ власть, выдвигаемая „политической революціей“. „Буржуазная революція 1789 г.“ именно потому и удалась, что была „живымъ порожденіемъ энциклопедіи“, начертавшей ея „программу“ (стр. 9). Слѣдуетъ поставить нынѣ такую же ясную программу. Такой програмой, такой „формулой прогресса“ можетъ быть въ наши дни лишь: „*нравственное и матеріальное улучшеніе всѣхъ людей путемъ свободнаго сотрудничества всѣхъ же людей и ихъ братской ассоціаціи*“ (стр. 8;—курсивъ въ подлинникѣ. Н. Р.).

Какимъ же образомъ мы можемъ осуществить эту цѣль? Политической дѣятельностью. „Если необходимо заниматься соціальной реформой, то не менѣе необходимо толкать къ реформѣ политической. Ибо первая есть *цѣль*, вторая—*средство*“. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы открыть

[1]) Louis Blanc, *Organisation du travail*; Парижъ, 1848, 5-е изд., стр., 4—5, *passim* (Это изданіе „пересмотрѣно, исправлено и дополнено полемикою между г. Мишелемъ Шевалье и авторомъ, равно какъ приложеніемъ, указывающимъ на то, что можно пытаться сдѣлать уже теперь“, и носитъ помѣтку: „первое изданіе появилось въ 1839 г.“).

„научные способы“ установленія ассоціаціи труда: должно еще реализировать ихъ. А для этого необходимо пустить въ ходъ „власть“, т. е. „организованную силу“. Въ самомъ дѣлѣ, „власть опирается на палаты, на трибуналы, на солдатъ, т. е. на тройную силу законовъ, приговоровъ и штыковъ. Не взять ее орудіемъ преобразованія, значитъ повсюду встрѣчать ее же на своемъ пути въ видѣ препятствія“. Кромѣ того, основная цѣль нашей дѣятельности—„освобожденіе рабочихъ“—затрагиваетъ слишкомъ много интересовъ и является слишкомъ сложною вещью, чтобы ея можно было достигнуть иначе, какъ прилагая къ ней всю „силу государства“. Дѣйствительно, „чего не достаетъ пролетаріямъ для своего освобожденія, такъ это орудій труда: функція правительствъ заключается въ томъ, чтобы доставить ихъ имъ. Если бы намъ надо было опредѣлить государство согласно нашему понятію о немъ, то мы бы отвѣтили: „государство есть банкиръ бѣдныхъ“ (стр. 14).

Намъ возражаютъ,—продолжаетъ Луи-Бланъ,—сторонники принципа laissez faire et laissez passer, что предлагаемое нами вмѣшательство государства нарушаетъ свободу людскихъ отношеній. Но на самомъ-то дѣлѣ именно мы, защитники этого вмѣшательства, представляемъ собой настоящихъ друзей истинной свободы. Что такое свобода въ современномъ обществѣ, при господствѣ конкурренціи? „Неравенство средствъ развитія“, борьба „вооруженнаго съ головы до ногъ атлета съ безоружнымъ“... „И это-то постоянное, безпорядочное столкновеніе могуществъ и безсилія, эту-то анархію въ самомъ гнетѣ, эту-то невидимую тираннію вещей, жестокость которой никогда не была превзойдена видимыми, осязательными тиранніями, носившими человѣческій образъ,—вотъ что осмѣливаются называть свободой!“ (стр. 17),—краснорѣчиво восклицаетъ Луи-Бланъ. Между тѣмъ настоящая „свобода заключается не только въ признанномъ за человѣкомъ *правѣ*, но въ данной ему *физической возможности* (Луи-Бланъ употребляетъ здѣсь слово *pouvoir*, означающее также „власть“, что дало поводъ буржуазнымъ остроумцамъ годами гвоздить автора „Организаціи труда“ якобы придуманной имъ формулой: „свобода есть власть“. Н. Р.) упражнять и развивать свои способности при господствѣ справедливости и подъ покровительствомъ закона“ (стр. 19). Впрочемъ, Луи-Бланъ надѣется на скорое наступленіе „дня, когда не будетъ больше надобности въ сильномъ и дѣятельномъ правительствѣ, потому что въ обществѣ не будетъ больше низшаго и несовершеннолѣтняго класса. А до тѣхъ поръ учрежденіе охраняющей власти необходимо. Соціализмъ можетъ быть оплодотворенъ лишь дыханіемъ политики“ (стр. 20).

Замѣчательно яркая и энергичная фраза, заканчивающая только что приведенную нами цитату, знаменуетъ рѣшительный шагъ, сдѣланный

соціализмомъ въ лицѣ Луи-Блана отъ аполитическихъ воззрѣній по направленію къ надлежащему пониманію роли политической дѣятельности и политической организаціи при рѣшеніи великаго вопроса „объ эмансипаціи рабочихъ“. Но она не означаетъ еще того пониманія политической борьбы классовъ, къ которому соціализмъ придетъ лишь впослѣдствіи благодаря, главнымъ образомъ, Марксу, но которое, какъ мы отмѣтимъ впослѣдствіи, уже рождалось еще въ 30-хъ годахъ въ своеобразной логически страстной головѣ великаго революціонера и вѣчнаго заговорщика, Огюста Бланки. Что касается до Луи-Блана, то, признавая необходимость политической борьбы за болѣе или менѣе полное овладѣніе властью, какъ орудіемъ соціальныхъ реформъ, онъ видитъ эту борьбу въ идейномъ столкновеніи друзей народа и враговъ его, къ какимъ бы общественнымъ группамъ они ни принадлежали, но отнюдь не въ классовомъ столкновеніи рабочихъ и владѣльцевъ капитала. Во всѣхъ сочиненіяхъ Луи-Блана, и въ его чисто-политическихъ памфлетахъ, и въ его большихъ историческихъ трудахъ, если и констатируется фактъ „борьбы народа“ и „буржуазіи“, то авторъ отмѣчаетъ его съ сознаніемъ, порою негодованіемъ, то приписывая его эгоизму привилегированнаго меньшинства, то видя въ немъ лишь результатъ печальнаго недоразумѣнія, которое должно быть разсѣяно именно соціалистами. Послѣдніе должны, по его мнѣнію, стремиться не къ усиленію вражды между классами, а къ объединенію сильныхъ доброю волею представителей обоихъ дѣленій человѣчества на почвѣ мирнаго соціальнаго прогресса. Такъ, сейчасъ же послѣ только что комментированной нами сильной фразы Луи-Бланъ обращается къ „богатымъ“ съ патетическимъ приглашеніемъ къ „святому дѣлу бѣдняковъ“, съ которыми связываетъ ихъ „небесная солидарность“, и съ довѣріемъ отнестись къ соціалистическимъ планамъ, ибо „дѣло идетъ не о томъ, чтобы перемѣстить богатство, но о томъ, чтобы сдѣлать его всеобщимъ (l'universaliser), оплодотворяя его такимъ образомъ“. Дѣло идетъ о томъ, чтобы возвысить для счастія всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія, общій уровень человѣчества“ (стр. 21). Эта примирительная точка зрѣнія, эта теорія „сотрудничества классовъ“,—какъ назоветъ ее болѣе полвѣка спустя французскій реформистскій соціалистъ,—въ значительной степени опредѣляла и ту крупную политическую ошибку, какую Луи-Бланъ совершилъ во время февральской революціи, вступивъ въ буржуазное временное правительство и парализовавъ своимъ участіемъ, или, лучше сказать, безсмѣннымъ присутствіемъ въ немъ, общій напоръ рабочаго класса на старый строй. Но вернемся, собственно, ко взглядамъ Луи-Блана.

Критическая часть „Организаціи труда“, главныя идеи введенія къ которой мы изложили, вращается преимущественно, какъ вокругъ цен-

тральнаго пункта, вокругъ вопроса о конкурренціи, о „всеобщемъ соперничествѣ" (стр. 31). И различныя стороны этого основного явленія современнаго общества изображены Луи-Бланомъ съ замѣчательною яркостью и знаніемъ дѣла. Онъ даетъ для Франціи, между прочимъ, тщательно собранныя имъ цифровыя данныя о заработной платѣ парижскихъ рабочихъ (стр. 33—35), въ доказательство того, что „систематическое пониженіе" вознагражденія труда, ведущее за собой прямую гибель извѣстнаго числа рабочихъ, превращаетъ конкурренцію въ „промышленный пріемъ, путемъ котораго пролетаріи вынуждены взаимно истреблять другъ друга" (стр. 32). Онъ доказываетъ, что такое же дѣйствіе соперничество оказываетъ и на буржуазію, внутри которой крупный капиталистъ побиваетъ мелкихъ и, раздавивъ ихъ, повышаетъ самыя цѣны на товары, такъ что такимъ образомъ „конкурренція ведетъ къ монополіи" (стр. 77) и къ „обѣднѣнію массы потребителей" (стр. 78). Перенося свою критику по ту сторону Ламанша, Луи-Бланъ на примѣрѣ Англіи, которую французскіе буржуазные экономисты постоянно ставили въ то время какъ образецъ счастливой капиталистической страны, показываетъ, къ какимъ страшнымъ кризисамъ ведетъ перепроизводство, подхлестываемое бичемъ конкурренціи. Онъ удачно цитируетъ поистинѣ безумныя проявленія гоньбы за рынками, разсказывая со словъ англійскихъ же авторитетовъ, какъ фабриканты Великобританіи загромоздили въ одно время грузами коньковъ Бразилію, въ которой никогда не бываетъ льда, или какъ изъ Манчестера было отправлено „въ одну недѣлю въ Ріо-де-Жанейро больше товаровъ, чѣмъ было потреблено этимъ городомъ за послѣдніе двадцать лѣтъ" (стр. 90).

Что касается до положительной стороны книжки, то авторъ резюмируетъ свой планъ общественной реформы въ короткомъ, но искусно написанномъ „заключеніи", мысли котораго знаменуютъ цѣлую эпоху въ развитіи соціализма. Онѣ широко распространятся не только во Франціи, но и во всемъ мірѣ и возбудятъ, съ одной стороны, энтузіазмъ многочисленныхъ послѣдователей, съ другой, негодованіе и клевету жестокихъ враговъ. Суть этихъ взглядовъ такова. Для превращенія строя, основаннаго на конкурренціи, въ строй, основанный на ассоціаціи, т. е. капиталистическаго общества въ соціалистическое, надо, чтобы государство создало путемъ займа спеціальный фондъ для учрежденія „соціальныхъ мастерскихъ" и вызвало своей иниціативой къ жизни эти предпріятія. Правительство заводитъ сначала соціальныя мастерскія въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя стали наиболѣе крупными и требуютъ поэтому значительныхъ капиталовъ, не исключая, впрочемъ, и болѣе мелкихъ, если только онѣ могутъ естественно сгруппироваться вокругъ родственной имъ крупной индустріи. Статуты мастерскихъ обсуждаются и вотируются національнымъ правительствомъ. Онѣ

открываются всѣмъ рабочимъ, „представляющимъ гарантіи нравственности". Заработная плата для всѣхъ будетъ абсолютно равна (или, какъ Луи-Бланъ проектировалъ порою, равна лишь пропорціонально, т. е. въ соотвѣтствіи съ потребностями трудящагося: не надо забывать, что идеаломъ производствъ и распредѣленія была для Луи-Блана формула „отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ"). Въ первый годъ существованія мастерскихъ должностная іерархія (hiérarchie des fonctions) будетъ установлена правительствомъ. Начиная со второго года сами рабочіе, узнавшіе способности каждаго изъ членовъ своей ассоціаціи, будутъ избирать изъ своей среды лицъ, наиболѣе подходящихъ для того или другого занятія.

Чистая прибыль отъ предпріятія будетъ дѣлиться на три части. Одна треть будетъ распредѣлена поровну между всѣми участниками. Другая пойдетъ на содержаніе стариковъ, больныхъ и инвалидовъ, равно какъ на смягченіе результатовъ безработицы въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя находятся въ состояніи кризиса. Третья будетъ посвящена на пріобрѣтеніе орудій производства для новыхъ членовъ ассоціацій, которая, во мнѣніи Луи-Блана, должна обладать неограниченно сильною способностью къ расширенію. Дѣйствительно, съ одной стороны, авторъ не только строго исключаетъ начало конкурренціи между отдѣльными ассоціаціями,—какъ то предлагалось нерѣдко соціальными реформаторами,—но онъ настаиваетъ на необходимости связать между собою всѣ мастерскія одной отрасли производства, а затѣмъ всѣ отрасли національной промышленности, такъ что въ концѣ концовъ должна получиться поистинѣ „всеобщая ассоціація" трудящихся. При такихъ условіяхъ болѣе или менѣе быстро произойдетъ „послѣдовательное и мирное поглощеніе частныхъ мастерскихъ мастерскими соціальными" (стр. 106). Капиталисты не выдержатъ побѣдоносной конкурренціи государства и пойдутъ на соглашеніе съ правительствомъ. Они „будутъ призваны въ ассоціацію и станутъ получать процентъ на внесенный ими капиталъ, каковой процентъ будетъ гарантированъ имъ суммами бюджета; но они будутъ участвовать въ прибыляхъ лишь въ качествѣ рабочихъ" (стр. 105).

Частная собственность не будетъ совершенно уничтожена, по крайней мѣрѣ, въ переходную эпоху, такъ какъ „каждый членъ соціальной мастерской будетъ имѣть право располагать своей заработной платой". Но Луи-Бланъ надѣется, что выгоды „общей жизни" толкнутъ людей перейти отъ „ассоціаціи работъ" къ „ассоціаціи потребностей и удовольствій" (стр. 104). Временно останется и право семейнаго наслѣдованія, хотя по мѣрѣ преобразованія строя характеръ наслѣдства долженъ измѣниться. Полемизируя противъ сдѣланныхъ ему возраженій, Луи-Бланъ аргументируетъ такъ: „Семья и наслѣдованіе неотдѣлимы одна отъ другого лишь относи-

тельно и при извѣстномъ общественномъ порядкѣ. Семья ведетъ свое начало отъ Бога, наслѣдственность отъ людей. Семья, какъ и самъ Богъ, свята и безсмертна; право же наслѣдства обречено на то, чтобы слѣдовать тѣмъ же путемъ (à suivre la même pente), какъ и общество, которое преобразуется, и люди, которые умираютъ" (стр. 204).

Любопытно, что въ самомъ послѣднемъ изданіи „Организаціи" [1]) коренное уничтоженіе наемнаго труда и замѣна его ассоціацией трудящихся представляется Луи-Блану возможными въ земледѣліи тотчасъ же, тогда какъ въ городахъ для этого потребуется, по его мнѣнію, переходныя ступени: „Что *немедленное* уничтоженіе саларіата представляетъ большія трудности въ городахъ, по причинѣ соприкосновенія и давленія среды, враждебной новымъ идеямъ, съ этимъ должно согласиться. Но въ деревнѣ практика истинной системы ассоціаціи отнюдь не встрѣтитъ такихъ же препятствій, и нѣтъ, слѣдовательно, причины отказаться отъ ея полнаго и немедленнаго осуществленія".

Впрочемъ, и гораздо раньше, еще въ своей полемической брошюрѣ „Соціализмъ. Право на трудъ", направленной противъ Тьера въ 1848 г., Луи-Блавъ упоминаетъ, что всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Люксембургская конференція, предсѣдателемъ которой былъ именно онъ, выставила проектъ земледѣльческой ассоціаціи, „какъ естесвеннаго, необходимаго дополненія промышленной ассоціаціи" [2]). Въ этой брошюрѣ Луи-Блавъ ясно показываетъ, въ какой степени его занималъ земельный вопросъ. Онъ знаетъ фактъ,—и упрекаетъ въ незнаніи его Тьера,—что „существовали и еще существуютъ пастушескіе народы, которые не допускаютъ частнаго владѣнія почвой, народы, которые, подобно Жанъ-Жаку, говорятъ: „Плоды—всѣмъ, а земля никому" (стр. 18), и что вообще „понятіе о собственности не перестаетъ мѣняться, смотря по времени и мѣсту" (стр. 19). Луи-Бланъ подвергаетъ энергичной и искусной критикѣ систему мелкой культуры и показываетъ, что единственный исходъ изъ тяжелаго положенія, въ которомъ находится крестьянская Франція, это—ввести въ деревню „ассоціацію", какъ единственное „средство" организовать „крупную культуру" и такимъ образомъ „привести въ гармонію агрономическую науку и возрастаніе числа собственниковъ" (стр. 76).

Жизнь въ Англіи, гдѣ Луи-Бланъ провелъ болѣе двадцати лѣтъ въ качествѣ изгнанника, еще болѣе заставила мыслящаго соціалиста обратить

---

[1]) Перепечатано въ четвертомъ томѣ его политическихъ статей, выходившихъ въ послѣдніе годы его жизни и послѣ смерти подъ заглавіемъ *Questions d'aujourd'hui et de demain*; Парижъ, 1873—1884, въ пяти томахъ.

[2]) *Le Socialisme. Droit au travail. Réponse à M. Thiers*; Парижъ, 1848, стр. 71.

вниманіе на сравнительныя выгоды и невыгоды двухъ родовъ земледѣльческой эксплуатаціи, изъ которыхъ мелкая распространена на его родинѣ, а крупная въ пріютившей его странѣ. Онъ пришелъ къ тому заключенію въ своихъ „Письмахъ изъ Англіи“, что слѣдуетъ комбинировать положительныя стороны двухъ способовъ производства,—раціональную культуру англійскихъ крупныхъ помѣстій и трудолюбіе французскаго мелкаго собственника. Это сочетаніе выгодъ обѣихъ формъ земледѣлія онъ находилъ снова и снова въ „ассоціаціи“, которая должна осуществить „право на землю“, параллельно выставленному Луи-Бланомъ раньше „праву на трудъ“.

Въ виду очень распространеннаго въ публикѣ преувеличеннаго взгляда на Луи-Блана, какъ на крайняго государственника, помѣшаннаго на принципѣ авторитета и регламентаціи, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ обвиненіи, а для этого надо обратиться къ самому источнику, т. е. къ сочиненіямъ автора и его же комментаріямъ. Вынужденный отвѣчать на безчисленныя, зачастую недобросовѣстныя возраженія враговъ и разъяснять недоумѣнія сторонниковъ, Луи-Бланъ долженъ былъ значительно развить основныя положенія своего первоначальнаго плана организаціи, какъ онъ изложенъ былъ нами. И въ общемъ проектѣ реформъ, который онъ вырабатывалъ, занимаясь въ Люксембургской конференціи, и въ законопроектахъ практическихъ мѣръ, которые онъ хотѣлъ провести черезъ учредительное собраніе, и въ послѣдующихъ полемическихъ стычкахъ Луи-Бланъ старался разъяснить, что его государство не есть, напр., „государство—папа“ Сэнъ-Симона, обладающее всесильною властію и сознаніемъ своей непогрѣшимости, а „государство—слуга“, которое играетъ роль простого администратора общества, стремящагося сложиться во всеобщую ассоціацію. Эта ассоціація отнюдь не основана на принципѣ принудительности: въ нее вступаетъ только тотъ, кто желаетъ этого. Хотя Луи-Бланъ глубоко увѣренъ, что сама естественная игра кооперативнаго механизма превратитъ всѣхъ гражданъ въ членовъ ассоціаціи. Государство Луи-Блана есть „банкиръ бѣдныхъ“. Оно снабжаетъ „соціальныя мастерскія“ кредитомъ или прямо, или черезъ капиталистовъ, которые получаютъ приносящія извѣстный процентъ облигаціи. Когда ассоціація трудящихся возмѣстила государству расходы по кредиту, она располагаетъ доходомъ, какъ было уже нами сказано выше. Причемъ, приглашенный по этому поводу Прудономъ высказаться опредѣленно, Луи-Бланъ объяснилъ, что для ассоціаціи, ставшей дѣйствительно всеобщей, исчезнетъ самое понятіе о чистомъ доходѣ, такъ какъ его не съ кого будетъ брать, ибо всѣ станутъ „братьями—ассоціаторами“. Параллельно съ этимъ и государство будетъ постепенно сокращать свои функціи. Оно было иниціаторомъ „производственной революціи“, кредиторомъ, админи-

страторомъ организма, сростающагося изъ солидарныхъ „соціальныхъ мастерскихъ". Затѣмъ оно оставитъ за собою лишь функцію наблюденія, притомъ все слабѣющую и слабѣющую, тогда какъ вся совокупность гражданъ даннаго общества будетъ охвачена узами „всеобщей ассоціаціи" и превратится въ одно солидарное цѣлое, обладающее „громаднымъ соціальнымъ капиталомъ, который не будетъ принадлежать никакому въ отдѣльности, а всѣмъ коллективно".

Что касается до предварительныхъ практическихъ мѣръ, ведущихъ къ осуществленію общаго плана реформъ, то Луи-Бланъ, требуя учрежденія „министерства прогресса", возлагалъ на него миссію выкупа государствомъ желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ; преобразованія французскаго,—какъ извѣстно, частнаго банка, лишь находящагося подъ контролемъ правительства,—въ государственный; организація всеобщаго страхованія на началахъ солидарности и взаимности (въ одной изъ своихъ полемическихъ кампаній Луи-Бланъ не безъ гордости заявлялъ, что прудоновскій мутуализмъ былъ въ сущности предвосхищенъ имъ, Луи-Бланомъ, вплоть до самаго слова, но что онъ самъ лишь не придавалъ ему значенія панацеи); наконецъ, учрежденія большихъ и малыхъ общественныхъ магазиновъ, куда производители могли бы складывать свои товары и взамѣнъ ихъ получать варрантовыя свидѣтельства, обращающіяся въ странѣ его пособіе денегъ.

Подводя итоги роли Луи-Блана въ соціализмѣ, безпристрастный историкъ долженъ, какъ кажется намъ, сказать, что значеніе этого мыслителя въ развитіи міровоззрѣнія труда было скорѣе недоцѣнено, чѣмъ переоцѣнено. Луи-Бланъ не только чрезвычайно сильно способствовалъ превращенію соціализма изъ утопическаго въ политическій, но онъ далъ практическую формулу, программу-минимумъ тѣхъ общественныхъ преобразованій, которыя въ тотъ историческій моментъ могли связывать въ головахъ трудящихся политику и экономику и давать опору общественной дѣятельности соціалистовъ, какъ партіи, въ странѣ. И чтобы ни говорили иные писатели, эта сторона идей Луи-Блана имѣла такую силу выраженія, что онѣ глубоко проникали въ сознаніе очень выдающихся, даже болѣе, чѣмъ самъ Луи-Бланъ, крупныхъ современниковъ. Примѣръ—государственный кредитъ для производительныхъ ассоціацій, планъ котораго заимствованъ Лассалемъ у Луи-Блана, причемъ послѣдній, видимо, инспирируетъ пламеннаго нѣмецкаго трибуна и въ томъ энергичномъ подчеркиваніи связи между политической и экономической реформой, какое звучитъ въ страстной пропагандѣ Лассалемъ всеобщей подачи голосовъ, столь настойчиво пропагандировавшейся Луи-Бланомъ. Самая ненависть враговъ Луи-Блана, сказавшаяся во взведенной ими на него и тщетно опровергаемой имъ кле-

ветѣ [1]), будто пресловутыя національныя мастерскія, на самомъ-то дѣлѣ созданныя интриганами буржуазнаго временнаго правительства, и есть осуществленіе на практикѣ луи-блановскихъ „соціальныхъ мастерскихъ",— самая эта ненависть показываетъ, какой страхъ навели на тогдашнюю буржуазію планы реформъ Луи-Блана, и какое значеніе приписывалось защитниками современнаго строя пропагандѣ идей этого мирнаго, но послѣдовательнаго, соціалиста.

Не забудьте, что перечисленныя нами выше переходныя реформы, рекомендовавшіяся Луи-Blаномъ, стали лозунгомъ крайнихъ демократическихъ партій буржуазіи и отражаются въ болѣе или менѣе значительной степени на программахъ-минимумахъ соціалистическихъ партій, особенно въ тѣ моменты, когда среди нихъ, несмотря на революціонную фразеологію, эволюціонное настроеніе преобладать надъ боевымъ.

Остаются, такъ называемые, государственническіе предразсудки Луи-Блана. Но раньше мы сдѣлали уже извѣстныя оговорки по этому поводу. Во всякомъ случаѣ Луи-Бланъ былъ далекъ отъ того обожествленія государства, которое отъ Гегеля перешло хотя бы къ Лассалю. Наконецъ, законъ исторической перспективы обязываетъ насъ для справедливой оцѣнки людей и событій передвигаться въ современную имъ эпоху. Если мы употребимъ этотъ пріемъ по отношенію къ Луи-Блану, то мы найдемъ, что государственническія тенденціи стали вообще очень замѣтно обнаруживаться у соціализма въ 40-хъ годахъ, когда политическій элементъ началъ оттѣснять въ немъ утопическій. Самъ Марксъ отдаетъ дань этимъ тенденціямъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ" и, по своимъ же собственнымъ словамъ, отдѣлывается отъ нихъ лишь два десятка лѣтъ спустя, когда пишетъ отъ имени Интернаціонала свою брошюру о „Гражданской войнѣ во Франціи", написанную при заревѣ и въ защиту разгромленной версальцами Коммуны 18-го марта 1871 г. Прибавимъ, наконецъ, что и среди современныхъ соціалъ-демократовъ, считающихъ себя болѣе или менѣе вѣрными продолжателями Маркса, словесное отрицаніе государственнаго элемента не всегда скрываетъ его кореннаго отрицанія, отрицанія на самомъ дѣлѣ. Ироніи судьбы было угодно, чтобы государственническіе предразсудки были расшатаны человѣкомъ, который въ сущности можетъ разсматриваться въ исторіи соціализма лишь какъ критикъ современнаго строя, а отнюдь не какъ проповѣдникъ соціалистическаго общества. Я разумѣю Прудона. Но о немъ въ слѣдующій разъ.

Н. С. Русановъ.

(*Окончаніе 1-й части слѣдуетъ*).

---

[1]) См. въ приложеніи къ уже цитированной нами брошюрѣ *Le socialisme*, стр. 93 и слѣд. письмо Луи-Блана къ редактору „Times", написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ впервые распущеннаго клеветническаго слуха.

Изъ воспоминаній о соціалъ-демократическомъ движеніи среди одесскихъ рабочихъ въ 1893—1894 годахъ.

Первая попытка пропаганды среди одесскихъ рабочихъ связана съ именемъ Заславскаго (1875 г.). Ему и его товарищамъ удалось создать довольно значительную рабочую организацію („Южно-Русскій Рабочій Союзъ"), имѣвшую свой уставъ и кассу. Общій характеръ пропаганды былъ тогда, какъ и во всей Россіи, бунтарскій. Бунтари вообще не оставляли своимъ вниманіемъ рабочій классъ, и ихъ дѣятельность въ концѣ 70-хъ годовъ въ Одессѣ въ значительной долѣ представляла пропаганду среди рабочихъ. Стоитъ только припомнить имя Ковальскаго, извѣстнаго своей дѣятельностью среди рабочихъ. Въ знаменитой вооруженной демонстраціи, во время суда надъ Ковальскимъ, на Гулевой улицѣ (въ 1878 г.) рабочіе принимали видное участіе. Вообще дѣятельность среди одесскихъ рабочихъ никогда не была безплодной благодаря значительной культурности одесскаго населенія. Тогда же одесская пропаганда захватила и николаевскихъ рабочихъ, особенно моряковъ, что обнаружилось отчасти во время процесса Лизогуба и 28 его товарищей (1879).

Затѣмъ наступила эпоха народовольчества. Можно сказать безъ преувеличенія, что не было ни одного народовольческаго кружка, который не попробовалъ бы своихъ силъ на рабочей пропагандѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, еще больше было среди нихъ сочувствующихъ народовольцамъ лицъ. Общій характеръ движенія былъ политическій, въ узкомъ смыслѣ этого слова; классоваго самосознанія, особой чисто-рабочей организаціи не существовало: рабочее движеніе являлось составной частью народовольческой организаціи. Одесскій процессъ 1883 года показалъ, что народовольцы успѣли завоевать извѣстное положеніе среди рабочихъ. Среди осужденныхъ въ каторжныя работы по этому дѣлу мы находимъ нѣсколько рабочихъ: Голикова, Сарычева, Надѣева и др.

Всеобщій упадокъ революціонной энергіи въ русскомъ обществѣ послѣ пораженія, нанесеннаго правительствомъ партіи „Народной Волѣ", отразился и среди одесскихъ рабочихъ затишьемъ въ движеніи. Послѣдующіе революціонные кружки, слабые преемники народовольцевъ, дѣлали неоднократно попытки снова сорганизовать рабочіе кружки. Изъ пропагандистовъ за это время извѣстны болѣе другихъ студентъ Штернбергъ и рабочій Карпенко. Имъ удалось повести довольно широкую пропаганду среди рабочихъ Одессы и другихъ южныхъ городовъ. И теперь [1]) еще можно встрѣтить въ Одессѣ рабочихъ, принадлежавшихъ къ этой организаціи. Ихъ проваль въ 1887 г. вызвалъ снова затишье въ рабочемъ движеніи Одессы.

Въ началѣ 90-хъ годовъ снова начинается пропаганда среди одесскихъ рабочихъ, и уже преимущественно соціалъ-демократическаго характера. Бывшему провизору Рубинштейну, М. Дилетицкой, Гольдендаху и нѣкоторымъ другимъ удалось создать довольно значительную организацію среди строительныхъ рабочихъ, но съ ихъ арестомъ (по винѣ предателя Федулова) и бѣгствомъ за границу Рубинштейна движеніе снова затихаетъ.

Болѣе массовый характеръ движеніе начало принимать съ 1893 года, когда началась пропаганда среди рабочихъ соціалъ-демократическаго кружка Цыперовича, Нахамкиса и друг. О дѣятельности этого кружка я и хочу здѣсь разсказать.

Собственно говоря, кружка, въ строгомъ смыслѣ этого слова, у насъ не существовало; регулярныхъ собраній, зафиксированной организаціонной связи, устава и т. п. не было. Была просто группа пріятелей, связанныхъ, главнымъ образомъ, узами личнаго товарищества и единомыслія по основнымъ вопросамъ. Большинство изъ насъ прошло черезъ стадію народовольческихъ идей. Здѣсь было простое увлеченіе народовольческими идеями, навѣянное чтеніемъ народовольческой литературы, которая случайно попала къ намъ въ руки въ огромномъ количествѣ. И увлекались-то мы собственно не программой и теоретическими воззрѣніями народовольцевъ, а мужествомъ и рѣшимостью представителей партіи и ея отчаянной борьбой за политическую свободу. И хотя мы пережили эту стадію чисто головнымъ образомъ, хотя мы прошли эту школу путемъ чисто теоретическихъ переживаній, тѣмъ не менѣе слѣды этого увлеченія сохранились въ насъ навсегда.

Но скоро мы пришли къ марксизму. Къ концу 80-хъ годовъ, когда формировалось міровоззрѣніе членовъ нашего кружка, идеи марксизма уже начинали носиться въ воздухѣ. Онѣ подводили итогъ опыту всего пред-

---

[1]) Эти строки написаны мною въ 1900 году, когда я по порученію редакціи „Рабочаго Дѣла" просматривалъ и дополнялъ подготовлявшуюся къ печати брошюру „Рабочее движеніе въ Одессѣ и Николаевѣ" (отчеты комитетовъ одесскаго и николаевскаго; вышла въ Женевѣ въ 1900 г.).

шествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи, и вотъ почему молодежь, начавшая съ увлеченія народническими и народовольческими идеями, быстро оставляла ихъ и при первомъ удобномъ случаѣ переходила къ марксизму. Я хорошо помню, какъ два члена нашего кружка (пишущій эти строки и еще одинъ товарищъ) сдѣлались марксистами, если такъ можно выразиться, въ одну минуту. Стоило одному пропагандисту, незадолго до того прибывшему изъ-за границы, начать передъ нами свою рѣчь слѣдующими словами: „въ основѣ всего историческаго процесса лежатъ факторы экономическіе", и мы сразу почувствовали, что внутри насъ что-то оборвалось, и что незамѣтное, постепенно совершавшееся въ области нашего „подсознательнаго" накопленіе идей, нашло себѣ выраженіе въ этой короткой и рѣшительной формулѣ. Мы сразу признали себя соціалъ-демократами. И хотя нашъ старшій товарищъ (теперь извѣстный с.-д.) затѣмъ прибавилъ: „я не с.-д., а просто марксистъ", но это не могло уже измѣнить дѣла. Мы признали себя именно с.-д.

Итакъ, мы опредѣленно констатировали постепенно назрѣвшую въ нашей психикѣ перемѣну. Для выясненія этого, на первый взглядъ, какъ бы страннаго обстоятельства слѣдуетъ прибавить, что въ случайно попавшей корзинѣ съ нелегальными изданіями, наряду съ народовольческимъ „Календаремъ" и „Вѣстникомъ Народной Воли" находились первыя изданія группы „Освобожденіе Труда", въ томъ числѣ „Соціализмъ и политическая борьба" и „Наши разногласія" Плеханова, „Рабочее движеніе и соціальная демократія" Аксельрода, „Манифестъ Коммунистической Партіи" и, если мнѣ не измѣняетъ память, сборникъ „Соціалъ-демократъ". Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ хорошей порціей народовольческой литературы мы одновременно получили изрядную дозу марксистскаго противоядія. И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что совершавшееся внутри насъ умственное броженіе въ концѣ концовъ вылилось въ форму опредѣленнаго результата. Внезапность наступленія этого результата совершенно естественна: психологическія превращенія, получающіяся вслѣдствіе медленныхъ измѣненій, обыкновенно отличаются такимъ катастрофическимъ характеромъ.

Теперь предстояло подвести основательный фундаментъ подъ наше новое міросозерцаніе, прежде чѣмъ приступить къ практической дѣятельности. И мы засѣли за книги. Серьезную службу сослужилъ намъ при этомъ систематическій каталогъ, составленный Д. Гольдендахомъ и впослѣдствіи дополненный нами (при этомъ каталогъ одно время былъ довольно популяренъ на югѣ). Въ то время на русскомъ языкѣ несуществовало той богатой марксистской литературы, которая имѣется сейчасъ. Доставать книги на иностранныхъ языкахъ также было довольно трудно. Зато (и отчасти вслѣдствіе недостатка марксистской литературы) пришлось изу

чить множество всякихъ основательныхъ и неосновательныхъ книгъ по разнымъ научнымъ вопросамъ,—преимущественно, конечно, по вопросамъ обществовѣдѣнія. Нашъ каталогъ обнималъ всѣ существовавшія тогда на русскомъ языкѣ главныя книги и журнальныя статьи по первобытной культурѣ, исторіи права, исторіи всеобщей и русской, философіи исторіи и соціологіи, политической экономіи, но особенно хорошо и полно подобраны были сочиненія по рабочему вопросу и русской экономикѣ. Подготовка наша тянулась нѣсколько лѣтъ (1889—1894) при самой усиленной работѣ. Современная молодежь, избалованная имѣющеюся къ ея услугамъ марксистской литературой (по большей части пропагандистскаго и агитаціоннаго характера), къ сожалѣнію, не проходитъ такого искуса. Объ исключеніяхъ мы, естественно, не говоримъ...

Нечего и пояснять, что основательное знакомство съ сочиненіями Маркса и Энгельса ставилось во главу угла. Въ нашемъ распоряженіи имѣлись тогда: „Капиталъ", тт. 1 и 2, „Коммунистическій Манифестъ", „Наемный трудъ и капиталъ", „Рѣчь о свободѣ торговли"—въ русскомъ переводѣ, „Къ критикѣ политической экономіи", „Нищета философіи" и Энгельсовскій „Анти-Дюрингъ"—на нѣмецкомъ языкѣ. Съ другими сочиненіями Маркса и Энгельса мы познакомились только впослѣдствіи. Но многое дали намъ—въ смыслѣ дополненія къ извѣстнымъ намъ сочиненіямъ обоихъ основателей научнаго соціализма—статьи и книги Зибера, а также вышеупомянутыя изданія группы „Освобожденіе Труда".

Теперь фундаментъ былъ подведенъ, и мы рѣшили примѣнить пріобрѣтенныя нами знанія на практикѣ.

Попытки завязать сношенія съ рабочими дѣлались нѣкоторыми членами нашего кружка и раньше. Мысль о важности и необходимости пропаганды среди рабочихъ носилась въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ въ воздухѣ. Изъ всѣхъ отдѣльныхъ видовъ революціонной дѣятельности, на которые распалась политическая борьба послѣ разгрома партіи „Народной Воли", уцѣлѣло и болѣе или менѣе успѣшно развивалось только „Рабочее Дѣло". Оно же оказалось и наиболѣе продуктивнымъ. Быть можетъ, въ этомъ полу-сознательномъ, полу-инстиктивномъ устремленіи въ рабочую среду играла извѣстную роль относительная легкость этой пропаганды среди сравнительно культурной пролетарской массы; быть можетъ, не безъ нѣкотораго вліянія осталось при этомъ то обстоятельство, что подавляющее большинство соціалистовъ того времени вышло изъ среды городского населенія, такъ что происхожденіе революціонныхъ дѣятелей, съ одной стороны, и близость соціальнаго матеріала, подлежавшаго обработкѣ и находившагося, можно сказать, подъ рукой, въ извѣстной мѣрѣ предопредѣляли направленіе интеллигентскихъ симпатій. Но

не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что главное вліяніе оказалъ здѣсь характеръ экономической эволюціи Россіи, который къ разсматриваемому моменту успѣлъ въ достаточной степени выясниться. Теперь даже люди, отъ которыхъ истина была скрыта народническими шорами, увидѣли, что Россія вступила на путь капиталистическаго развитія, больше того, что по этому пути она успѣла зайти довольно далеко. Мы же, кромѣ того, понимали, что быстрый темпъ экономическаго развитія неуклонно приближаетъ нашу страну къ великимъ политическимъ потрясеніямъ, въ которыхъ пролетаріату предстоитъ сыграть рѣшающую роль. Къ началу 90-хъ годовъ эта мысль о рѣшающемъ значеніи пролетаріата въ дѣлѣ предстоящаго политическаго раскрѣпощенія Россіи въ насъ, первыхъ соціалъ-демократахъ, настолько вкоренилась, что сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ „политическаго предразсудка“.

Но, повторяю, даже прежде, чѣмъ мы успѣли превратиться въ сознательныхъ соціалъ-демократовъ, среди насъ сказалось непобѣдимое инстинктивное тяготеніе къ рабочему классу. Подчасъ это тяготѣніе выражалось у насъ, зеленыхъ юношей, въ нѣсколько комической формѣ, но подъ этой смѣшной внѣшностью тѣмъ не менѣе скрывалась серьезная соціальная подкладка: тогда начиналась новая полоса „хожденія въ народъ“, на этотъ разъ не въ крестьянство, а въ пролетаріатъ, полоса, отличавшаяся такимъ же энтузіазмомъ и вѣрой, но гораздо болѣе положительная и продуктивная, чѣмъ въ 70-хъ годахъ.

Нѣкоторые изъ насъ почувствовали эту тягу еще на школьной скамьѣ. Одинъ изъ будущихъ членовъ нашего кружка въ возрастѣ 14—15 лѣтъ по вечерамъ совлекалъ съ себя гимназическую форму и отправлялся съ знакомыми въ трактиръ пить чай и просиживать тамъ цѣлые часы, наблюдая простое и безхитростное, но манившее его своей жуткой таинственностью время препровожденіе рабочихъ. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ руководилъ занятіями кружка, состоявшаго изъ учениковъ старшаго класса ремесленнаго училища „Трудъ“, которые были старше его на нѣсколько лѣтъ. Занятія въ этомъ кружкѣ носили довольно курьезный характеръ: читались статьи Писарева и Добролюбова съ надлежащими комментаріями, и по поводу такихъ статей, какъ „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ и „Мыслящій пролетаріатъ“, развивали по мѣрѣ силъ и умѣнья идеи соціализма и революціи. Умѣнья было, конечно, мало, а силъ и того меньше. Иногда уставшій за день работы слушатель засыпалъ и его мирное похрапываніе своеобразно аккомпанировало тихому голосу чтеца.

Въ другой разъ забредалъ великовозрастный революціонеръ, „старикъ“ 20—22 лѣтъ, и, прислушавшись къ обсуждаемой темѣ, начиналъ давать разъясненія въ слѣдующемъ, напримѣръ, родѣ: „Философія Гегеля—это

ученіе нѣмецкаго философа Гегеля. Онъ доказывалъ, что все дѣйствительное разумно, т. е. все, что существуетъ, очень хорошо. Напримѣръ, войны, самодержавіе, капитализмъ".—„Какой мерзавецъ!"—замѣчалъ съ негодованіемъ какой-нибудь изъ пылкихъ слушателей.—„Н-да-съ,—охотно соглашался пропагандистъ,—прохвостъ порядочный".

При всемъ томъ настроеніе было хорошее. Чувствовалась жизнь, вѣрилось, что изъ этого выйдетъ рабочая организація. На самомъ дѣлѣ не вышло ничего. Участники кружка разбрелись въ разныя стороны.

Года черезъ три—четыре два члена нашего кружка снова сдѣлали попытку сблизиться съ рабочими. Въ 1892 г. въ Одессѣ производилась перепись населенія. Нѣкоторые изъ насъ записались въ число счетчиковъ. Я и мой пріятель, Г. Ц-чъ, избрали для своихъ прогулокъ рабочее предмѣстье Пересыпь. Здѣсь, ходя по квартирамъ рабочихъ, мы осторожно заводили съ ними разговоры объ ихъ житьѣ-бытьѣ, присматривались къ нимъ, старались ознакомиться съ ихъ стремленіями и интересами, вообще нащупывали почву. Ровно ничего мы не добились. То ли мы не сумѣли приступиться къ рабочимъ, то ли время было тогда такое глухое,—только всѣ наши попытки къ сближенію съ рабочими разбились какъ о каменную стѣну. Рабочіе или не обнаруживали никакого недовольства и не высказывали никакихъ интересовъ, или же, если и жаловались на свое положеніе, то ограничивались платоническими воздыханіями и проявляли величайшую апатію и запуганность. Моему товарищу удалось натолкнуться на одного пожилого и семейнаго рабочаго, который заинтересовался, было, его разговорами, но изъ дальнѣйшихъ посѣщеній выяснилось, что и этотъ рабочій не отличается никакой активностью и преисполненъ страха передъ полиціей (тогда Одессу терроризировалъ пресловутый контръ-адмиралъ Зеленый, про котораго одинъ уличный газетчикъ остроумно замѣтилъ: „говоритъ по-французски, ругается по-русски"). Посѣщенія пришлось прекратить, и наша первая попытка не привела ни къ какимъ обязательнымъ результатамъ.

Однако на этотъ разъ мы рѣшили не оставлять своихъ попытокъ. Такъ или иначе, въ томъ или другомъ направленіи мы рѣшили пытать счастья до тѣхъ поръ, пока не удастся набрести на подходящихъ рабочихъ и заложить первую ячейку рабочей организаціи. Случай помогъ намъ добиться своей цѣли.

По вечерамъ мы обыкновенно собирались у одного изъ членовъ нашего кружка, Софьи Яковлевны Т. Въ дѣтствѣ она обитала со своими родителями въ Карантинѣ (приморская часть города) и имѣла среди рабочихъ много знакомыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя и рѣдко и черезъ большіе промежутки времени, иногда ее навѣщали. И вотъ однажды, придя къ

ней, мы застали тамъ двухъ пріятелей, Л. и П., служившихъ машинистами на пароходахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Это были первые интеллигентные рабочіе, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться, и немудрено, что они произвели на меня сильное впечатлѣніе. Они свободно поддерживали разговоръ, касавшійся русской литературы, историческихъ экскурсій, задачъ рабочаго движенія и т. п. Вели себя они совершенно непринужденно, держались самоувѣренно, говорили литературнымъ слогомъ, одѣты были по-европейски. Но что меня непріятно въ нихъ поразило, такъ это какой-то налетъ разочарованности, которой они какъ бы кокетничали, и пренебрежительное отношеніе къ рабочей массѣ. О послѣдней они отзывались не иначе, какъ о стадѣ барановъ, неспособныхъ ни къ какому протесту, ни къ какому сознанію, ни къ какой инціативѣ; уговаривали насъ не браться за такое безнадежное дѣло, какъ организація одесскихъ рабочихъ; увѣряли, что мы и сами напрасно погибнемъ и другихъ погубимъ—и все это съ насмѣшливыми прибаутками и глумленіемъ по адресу рабочей массы.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось наблюдать эту черточку у нѣкоторыхъ развитыхъ рабочихъ, выдѣлившихся изъ массы и даже побывшихъ въ политическихъ передѣлкахъ. На свою братію, россійскихъ рабочихъ—середняковъ, они махали рукой, утверждая — „по собственному опыту“,—что съ этой массой ничего не подѣлаешь. Дескать, и погромче васъ были витіи, да не сдѣлали пользы языкомъ. Возвышались ли такимъ путемъ эти зоилы въ своихъ собственныхъ глазахъ надъ массой, въ то время дѣйствительно косной и рабски придавленной, или же эта аристократическая пренебрежительность служила у нихъ благовидной маской для отказа отъ рискованнаго участія въ пропагандистской работѣ,—не знаю. Вѣроятно, имѣло мѣсто и то, и другое [1]). Какъ бы тамъ ни было, въ результатѣ нашего продолжительнаго спора Л. рѣшительно отказался отъ нашего предложенія, заявивши, что онъ предпочитаетъ пойти на какое-то

---

[1]) Забѣгая нѣсколько впередъ, разскажу про слѣдующій случай. Въ предмѣстьѣ Слободка-Романовка мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, который еще сильнѣе поразилъ меня своимъ умственнымъ развитіемъ, чѣмъ П. Разговоръ какъ-то коснулся германскаго Центра, и Х удивилъ меня своимъ основательнымъ знакомствомъ съ характеромъ и дѣятельностью этой партіи, равно какъ и другихъ политическихъ партій. Но отъ активнаго участія въ работѣ онъ наотрѣзъ отказался, также мотивируя свой отказъ безнадежностью нашей затѣи въ виду отсталости русскихъ рабочихъ. И что же оказалось? Впослѣдствіи онъ былъ арестованъ за изготовленіе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ! Иронія судьбы захотѣла, чтобы онъ былъ арестованъ одновременно съ кружкомъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, къ которому я хотѣлъ его привлечь. Случайно столкнувшись со мной во дворѣ тюрьмы, онъ страшно смутился и опустилъ голову, чтобы не встрѣтиться со мной взглядами. Въ жизни все бываетъ!

народное гулянье пить пиво; П. же въ концѣ концовъ согласился помочь намъ и познакомить кое съ кѣмъ изъ рабочихъ.

П. сдержалъ слово, но только формально. Онъ познакомилъ меня кое съ кѣмъ, но скоро я замѣтилъ, что въ сущности онъ старается парализовать мои усилія, скорѣе мѣшаетъ мнѣ, чѣмъ помогаетъ пріобрѣтать новыя знакомства среди рабочихъ и вообще расширять наше дѣло. П—въ представлялъ типъ рабочаго, выбившагося „въ люди". Въ тотъ моментъ, о которомъ я разсказываю, онъ занималъ довольно теплое мѣсто старшаго машиниста на пароходѣ. На заблужденія своей молодости онъ смотрѣлъ съ снисходительной усмѣшкой, не хуже любого „разочаровавшагося" интеллигента. Вѣроятно, онъ согласился оказывать мнѣ помощь только потому, что считалъ всю мою затѣю блажью скучающаго барина; когда же онъ увидѣлъ, что я отношусь къ этому вопросу серьезно, то струсилъ и не зналъ уже, какъ отъ меня отдѣлаться. Если онъ не порывалъ со мной круто и сразу, то лишь потому, что стѣснялся: ему хотѣлось до конца выдержать роль человѣка интеллигентнаго, „сочувствующаго". Съ подвластной ему командой онъ обращался довольно грубо, часто даже въ моемъ присутствіи. И когда я замѣтилъ ему, что человѣку, называющему себя сознательнымъ соціалистомъ, не приличествуетъ такъ обращаться съ зависящими отъ него людьми, онъ, дерзко поблескивая своими сѣрыми на выкатѣ глазами, пояснилъ:

— „Вы не знаете этихъ людей. Если я стану распускать ихъ, то они сядутъ мнѣ на шею! Да я и не увѣренъ, что эти милые товарищи на меня не донесутъ. Вы думаете, они не обратили вниманіе на Ваши посѣщенія?

Наконецъ, когда я убѣдился, что больше мнѣ отъ него ничего не добиться, мы постепенно начали отдаляться другъ отъ друга, а затѣмъ и вовсе перестали встрѣчаться. Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ карьеру и въ началѣ этого вѣка былъ уже капитаномъ большого парохода. На чьей сторонѣ стоялъ онъ въ „дни свободы", не знаю; сомнѣваюсь, чтобы на сторонѣ лѣвыхъ.

Но кое-что онъ для насъ все-таки сдѣлалъ. Благодаря ему мы завязали первыя знакомства въ рабочей средѣ, а дальше дѣло росло какъ снѣжный комъ. Каждый новый знакомый приводилъ своихъ товарищей, эти своихъ и т. д. Начало оргинизаціи было положено.

Первый рабочій, съ которымъ насъ познакомилъ П—въ, былъ слесарь Меѳодіевъ [1]), работающій на эллингѣ Добровольнаго флота. Человѣкъ культурный, трезвенникъ по принципу, онъ снималъ порядочную ком-

---

[1]) Всѣ фамиліи (кромѣ Калашникова) вымышлены.

нату и въ общемъ жилъ, какъ интеллигентъ со скромными средствами. Чисто одѣтый, гладко выбритый и причесанный, Меѳодіевъ напоминалъ скорѣе нѣмецкаго или англійскаго, чѣмъ русскаго рабочаго. Это былъ типичный представитель умѣренности и аккуратности въ рабочемъ движеніи, какихъ часто можно встрѣтить въ англійскихъ трэдъ-юніонахъ или нѣмецкихъ профессіональныхъ союзахъ, какіе отчасти встрѣчались въ гапоновскомъ движеніи до 1905 года. Подобно Л. и П—ву онъ въ молодости также подвергался косвенному вліянію народовольческихъ кружковъ, но затѣмъ постепенно отсталъ отъ дѣла и снова примкнулъ къ нему только подъ нашимъ вліяніемъ,—я сказалъ бы, подъ нашимъ давленіемъ, такъ какъ все время онъ упирался не хуже П—ва. Его, Л., П—ва и подобныхъ намъ не приходилось „пропагандировать"; въ общемъ они были знакомы съ основными положеніями соціалъ-демократіи. Характерно (и это мнѣ приходилось наблюдать неоднократно), что рабочіе, пришедшіе къ политической сознательности даже подъ вліяніемъ народовольцевъ, ничуть не были заражены народническими предразсудками; благодаря своему соціальному положенію, какъ пролетаріевъ, они инстинктивно отбрасывали эти предразсудки и извлекали изъ проповѣди революціонеровъ чистое зерно „идеи четвертаго сословія". Здѣсь въ маломъ масштабѣ повторялось то, что нѣкогда случилось съ Сѣверно-Русскимъ Рабочимъ Союзомъ, основатели котораго (между прочимъ, Халтуринъ и Обнорскій) въ свое время также прошли школу народниковъ-бунтарей.

Итакъ, поучать нашихъ первыхъ рабочихъ намъ не было нужды; приходилось лишь толкать ихъ въ практическомъ отношеніи, возбуждать ихъ энергію для того, чтобы они знакомили насъ съ новыми товарищами. Огрызаясь и упираясь, они это дѣлали, но дѣло все-таки подвигалось впередъ довольно туго. Къ счастью, намъ удалось встрѣтиться съ двумя выдающимися рабочими—и картина сразу измѣнилась, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

Объ этихъ двухъ людяхъ стоитъ разсказать.

Когда я жаловался Меѳодіеву на то, что дѣло развивается у насъ слабовато, онъ со вздохомъ отвѣчалъ мнѣ:

— Если бы у насъ былъ Левонтьевъ, все измѣнилось бы.

— А кто такой этотъ Левонтьевъ?

— Вы не слыхали про Левонтьева? Да это самый выдающійся изъ нашихъ рабочихъ! Умница, начитанный, говоритъ, какъ ораторъ. И смѣлый на удивленіе, не боится никого. Всегда во главѣ рабочихъ, которые преклоняются передъ нимъ. Вотъ это настоящій революціонеръ! Не то что П. и ему подобные.

— Позвольте,—перебилъ я изумленно,—если онъ таковъ, какъ вы его расписываете, такъ почему бы не привлечь его къ нашему кружку?

— Нельзя. Пьетъ! И пьетъ жестоко. Пока Левонтьевъ не выпивши, нѣтъ ему равнаго человѣка. А какъ налижется—тряпка человѣкъ, никуда не годится. Вѣдь наше дѣло требуетъ оглядки, конспирацiи. А когда Левонтьевъ запьетъ свой запой, онъ никого слушать не станетъ. Вылѣзетъ на крышу и начнетъ оттуда орать: такъ и такъ молъ, слушай народъ православный! Тутъ ужъ никто его не удержитъ. Онъ тогда и васъ не послушаетъ. А станете его уговаривать, васъ же обругаетъ буржуемъ или предателемъ.

— Нѣтъ, чѣмъ больше вы о немъ разсказываете, тѣмъ сильнѣе мнѣ хочется съ нимъ познакомиться. Какъ бы это устроить?—спросилъ я.

— Не совѣтую,—отвѣтилъ Меѳодiевъ,—онъ погубитъ все наше дѣло. Впрочемъ, теперь его и нѣтъ въ городѣ: онъ плаваетъ механикомъ на пароходѣ...

Прошло нѣсколько недѣль... Левонтьевъ списался на берегъ, поступилъ рабочимъ въ желѣзнодорожныя мастерскiя, но Меѳодiевъ все не спѣшилъ меня познакомить съ нимъ.

Однажды, когда я сидѣлъ у Меѳодiева, дверь изъ сосѣдней комнаты, гдѣ проживалъ знакомый намъ техникъ Всеволодовъ, вдругъ распахнулась и оттуда вышелъ человѣкъ, державшiй въ рукахъ подносъ, на которомъ стояла „сороковка" съ нѣсколькими рюмками. Внѣшность этого человѣка сразу привлекала и приковывала къ себѣ вниманiе. Въ парусиновой блузѣ, подпоясанной шелковымъ шнуркомъ, съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ, обрамленнымъ черною окладистою бородою, стройный и изящный, съ пѣвучимъ голосомъ, онъ производилъ впечатлѣнiе профессора, писателя, вообще человѣка интеллигентнаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Что сразу бросалось въ глаза при взглядѣ на этого человѣка, такъ это глубокая грусть, сквозившая и въ выраженiи его тонкаго, благороднаго лица, и въ тонѣ его мелодичнаго голоса, и въ усталыхъ движенiяхъ. Онъ былъ слегка навеселѣ и чуть-чуть пошатывался. Направившись прямо къ намъ, онъ, не здороваясь, сказалъ добродушно просительнымъ тономъ:

— Выпьемъ, господа!

— Мы не пьемъ,—недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ Меѳодiевъ и отвернулся.

Я сразу догадался, кто предо мною, и съ величайшимъ вниманiемъ слѣдилъ за всей сценой.

Левонтьевъ (это былъ онъ) медленно поставилъ подносъ на столъ и тяжело опустился на кровать рядомъ съ Меѳодiевымъ.

— Мы не пьемъ!—иронически сказалъ онъ.—Тэкъ-съ! Конечно, мы

ведемъ нравоучительныя бесѣды. Цирлихъ-манирлихъ. Умѣренность и аккуратность. „Русская Мысль" и „Русскія Вѣдомости" [1]). Н-да!

Наступило неловкое молчаніе. Левонтьевъ сидѣлъ, задумавшись и низко опустивъ голову.

— А я,—вдругъ заговорилъ онъ съ силой,—я наплевать хотѣлъ на ваши „Русскія Вѣдомости" и „Вѣстникъ Европы", на всю вашу умѣренность и аккуратность. Слышите, наплевать хотѣлъ! Я, можетъ быть, потому и пью, что мнѣ осточертѣли вы всѣ съ вашимъ благоразуміемъ и либеральными разговорами. Чѣмъ вести съ вами нравоучительныя бесѣды, я лучше напьюсь какъ свинья. Да, напьюсь—и все тутъ. Ты чего качаешь головой?—обратился онъ къ Меѳодіеву, который посматривалъ то на него, то на меня съ презрительной улыбкой.—Думаешь, вотъ онъ какой Левонтьевъ, пьяница и свинья? Я, братъ, съ тобой и не желаю быть ровней. Ни на что вы не способны, кромѣ чтенія „Вѣстника Европы", да и то предварительно завѣшиваете окна. Чего смотришь? Благодаришь Бога, что я вотъ, дескать, не такой грѣшникъ, какъ этотъ Пашка? Эхъ вы, люди! Что, и вы такой же, господинъ интеллигентъ... Извините, не имѣю чести быть знакомымъ...—вдругъ обратился онъ ко мнѣ.

Я отвѣтилъ неопредѣленнымъ жестомъ, не считая данный моментъ удобнымъ для объясненій. Левонтьевъ тяжело поднялся и взялъ свой подносъ со стола.

— Ну, и чертъ съ вами!—сказалъ онъ уныло.—Оставайтесь, ведите свои бесѣды о выѣденномъ яйцѣ. Я вамъ не товарищъ.

И ушелъ въ другую комнату.

— Ну вотъ видите, какой онъ?—обратился ко мнѣ Меѳодіевъ.—Оскорбилъ васъ, даже не зная. А еще хотѣли съ нимъ познакомиться!

— Напротивъ,—отвѣтилъ я.—Теперь-то я хочу съ нимъ познакомиться еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

— Ну?—недовѣрчиво протянулъ удивленный Меѳодіевъ.—Какъ хотите, но я съ нимъ встрѣчаться не желаю. Всегда вотъ такъ облаетъ за здорово живешь.

Черезъ три дня мы встрѣтились съ Левонтьевымъ на квартирѣ другого желѣзнодорожнаго рабочаго Филиппова. Послѣдній былъ также старымъ обстрѣлляннымъ волкомъ и также представителемъ умѣренной осторожности. Левонтьева онъ зналъ давно и тоже не любилъ за обличенія;

---

[1]) Въ поясненіе долженъ сказать, что въ то время среди развитыхъ рабочихъ распространенъ былъ обычай выписывать (часто въ складчину) газеты и журналы. Выписывались „Русская Мысль", рѣже „Вѣстникъ Европы" (другихъ журналовъ и не было), „Русская Жизнь" Пороховщикова и „Русскія Вѣдомости".

но такъ какъ они все-таки были старыми пріятелями и жили рядомъ въ одномъ домѣ, то я и уговорилъ Филиппова познакомить меня съ Левонтьевымъ у себя на квартирѣ.

Когда я пришелъ къ Филиппову, Левонтьевъ, уже умытый послѣ работы, причесанный и чистый, весь какой-то благообразный и одухотворенный, сидѣлъ за столомъ, задумчивый и грустный, какъ всегда. Я сразу приступилъ къ дѣлу.

— Видите ли, мы задумали основать организацію для пропаганды соціалъ-демократическихъ идей среди рабочихъ. Согласны ли вы примкнуть къ намъ?

Лицо Левонтьева засіяло какимъ-то особеннымъ свѣтомъ.

— И вы еще можете меня объ этомъ спрашивать!—сказалъ онъ съ грустной улыбкой.—Вѣдь я всю жизнь объ этомъ мечталъ...

Нашъ кружокъ обогатился преданнымъ и способнымъ членомъ, передъ которымъ Филипповъ, Меѳодіевъ и другіе быстро отошли на задній планъ.

Другое важное пріобрѣтеніе было нами сдѣлано слѣдующимъ образомъ.

Однажды къ члену нашего кружка Ц. явился знакомый студентъ В. Это былъ симпатичный и радикально настроенный юноша, но по общему складу своего характера тяготѣвшій не къ революціонерамъ, а къ толстовству. Впрочемъ, намъ онъ вполнѣ сочувствовалъ и готовъ былъ оказывать всякія услуги. И вотъ онъ сообщилъ, что прибылъ изъ Англіи матросъ Иванъ Калашниковъ, убѣжденный соціалистъ и сорви-голова, что этотъ парень намъ можетъ очень и очень пригодиться, но въ настоящій моментъ поглощенъ одной мыслью: ему непремѣнно хотѣлось взорвать какой-нибудь пароходъ не то изъ молодечества, не то изъ желанія обратить вниманіе на тяжелое положеніе матросовъ и кочегаровъ, а можетъ быть и въ надеждѣ такимъ громкимъ актомъ встряхнуть послѣднихъ. По описанію этотъ Калашниковъ намъ очень понравился и рѣшено было поскорѣе познакомиться съ нимъ для того, чтобы отговорить его отъ безразсудныхъ анархическихъ затѣй и привлечь его къ нашей соціалъ-демократической пропагандѣ.

Вольный штурманъ Иванъ Михайловичъ Калашниковъ оказался самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашего кружка. Несмотря на свою молодость (ему было около 20 лѣтъ), онъ до знакомства съ нами успѣлъ уже побывать въ разныхъ странахъ, потереться среди людей и нахватать съ разныхъ сторонъ обрывки знаній и впечатлѣній, сложившихся въ его горячей головѣ въ своеобразную систему непримиримаго бунтарства. Самоувѣренный, бойкій, какъ всѣ матросы, онъ былъ хорошъ, когда, широко разставивъ ноги и заложивъ руки въ карманы, вдругъ начиналъ развивать какой-нибудь блестящій планъ рабочаго движенія. Развернутая пе-

редъ нимъ картина могучей рабочей организаціи, охватывающей всѣ слои одесскаго пролетаріата, затѣмъ распространяющейся по всему югу Россіи и, наконецъ, соединяющейся съ другими русскими городами для созданія гигантской соціалъ-демократической рабочей партіи, увлекла его своей грандіозностью. Съ этого момента онъ зналъ „одну лишь пламенную страсть, одной лишь мысли вдохновенье“ и всѣ силы своей богато одаренной натуры посвятилъ пропагандѣ среди рабочихъ. Ознакомившись съ нашими цѣлями, онъ сразу отказался отъ своихъ кровавыхъ замысловъ и впослѣдствіи вспоминалъ о нихъ съ добродушной улыбкой. Для большей продуктивности своей работы онъ поступилъ на службу въ качествѣ простого матроса и, переходя съ парохода на пароходъ, нигдѣ не заживаясь долго, онъ пропагандировалъ, агитировалъ, просвѣщалъ, убѣждалъ, организовывалъ и вообще не зналъ ни минуты отдыха.

Съ его присоединеніемъ къ нашему кружку дѣло сразу было поставлено на широкую ногу. Въ порту устроены были двѣ конспиративныя квартиры, хозяевами которыхъ были нѣсколько матросовъ, кочегаровъ и одинъ чернорабочій Ошманецъ. На этихъ квартирахъ начали устраиваться сходки. Не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сюда являлся я или Ц., и тогда устраивались чтенія или же обсуждались общія дѣла организаціи. Но въ сущности на этихъ квартирахъ происходили непрерывныя сходки, такъ какъ постоянно сюда забѣгали рабочіе за справками, книжками, приводили новыхъ товарищей и т. д.

Впрочемъ, наши конспиративныя квартиры скорѣе напоминали берлоги, чѣмъ благоустроенныя жилища. Представьте себѣ большую грязную комнату въ старомъ, сыромъ, заплѣсневѣломъ домѣ съ никогда не моющейся каменной лѣстницей; небольшой некрашенный столикъ, два хромоногихъ стула, нѣсколько деревянныхъ обрубковъ, въ углу на двухъ полѣньяхъ три доски, замѣняющія кровать — вотъ и все убранство этой квартиры, если сюда прибавить еще небольшую керосиновую лампочку, которая начинала чадить и гаснуть, когда въ комнату набивалось слишкомъ много народу. Другая квартира была еще проще: тамъ не было никакой, абсолютно никакой мебели. Собравшіеся на сходку усаживались прямо на полу, пропагандистъ въ качествѣ привиллегированнаго лица садился на подоконникъ, и это собраніе напоминавшее сборище первыхъ христіанъ въ катакомбахъ, освѣщалось тусклымъ свѣтомъ свѣчи, захваченной кѣмъ-нибудь изъ рабочихъ. Впрочемъ, на этой квартирѣ собирались мало и неохотно.

И подумать, что на такихъ квартирахъ строились грандіозные планы радикальнаго преобразованія Россіи, закладывались основы рабочей партіи! И было такъ хорошо, и такъ вѣрилось...

Наши цѣли и задачи. — Организація кружковъ. — Способъ пропаганды.

Какія же цѣли мы себѣ ставили?

Я уже говорилъ, что, приступая къ дѣлу, мы были вполнѣ убѣжденными марксистами. Мы тогда уже прекрасно понимали, что великія общественныя дѣянія создаются только творчествомъ массъ, и что самые героическіе индивидуальные порывы рискуютъ остаться безплодными, если ихъ не поддерживаютъ организованныя общественныя силы. Мы хорошо помнили основное историко-философское положеніе марксизма, что „основательность историческаго дѣйствія возрастаетъ пропорціонально объему массъ, творящихъ это дѣйствіе", хотя, быть можетъ, формулировали его нѣсколько иными словами. Мы знали, что въ Россіи не мыслимы никакія серьезныя соціальныя и политическія преобразованія до тѣхъ поръ, пока на борьбу не выступятъ народныя массы.

Въ революціонность русской буржуазіи мы не вѣрили; мы знали, что чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ буржуазія становится все консервативнѣе и пассивнѣе. И если прусская буржуазія въ 1848 году оказалась неспособной къ энергичной борьбѣ съ абсолютизмомъ за политическую свободу, то тѣмъ менѣе надеждъ мы могли возлагать въ этомъ отношеніи на нашу чумазую буржуазію эпохи первоначальнаго накопленія. Достаточно безнадежнымъ казалось намъ съ этой точки зрѣнія и наше крестьянство. Потому ли, что соціалъ-демократическая доктрина сложилась въ борьбѣ съ народничествомъ, идеализировавшимъ русское крестьянство, и благодаря этому естественно перегибала палку въ другую сторону, потому ли, что радужныя надежды, возлагавшіяся на крестьянство въ 70-хъ годахъ, были жестоко разбиты, или же потому, что въ то время среди русскихъ крестьянъ не замѣчалось никакихъ проблесковъ движенія, крестьянство не входило въ наши расчеты въ качествѣ активнаго историческаго фактора. Единственно, чего мы отъ него ожидали, это былъ нейтралитетъ въ случаѣ борьбы между рабочимъ классомъ и силами стараго режима. Но и на полный нейтралитетъ съ его стороны мы также не разсчитывали; мы опасались, что въ нѣкоторыхъ, особенно отсталыхъ частяхъ страны можно ожидать активнаго сопротивленія политическимъ и соціальнымъ новшествамъ. И мы даже не были увѣрены, что передача крестьянамъ всѣхъ частновладѣльческихъ и казенныхъ земель парализуетъ приверженность темныхъ крестьянъ къ традиціоннымъ идоламъ. Въ нашемъ кружкѣ очень много говорили о возможности крестьянской „Вандеи". И характерно, что примыкавшіе къ нашей организаціи крестьяне (строительные рабочіе), насколько я помню, не протестовали противъ такихъ опасеній.

Зато всѣ свои надежды возлагали мы на пролетаріатъ. Мы и негодовали, и смѣялись, когда читали статьи и книги народническихъ писателей, съ серьезной миной доказывавшихъ, что въ Россіи промышленный пролетаріатъ составляетъ 1—2% всего населенія, и что его легко можно сбросить со счетовъ. Наоборотъ, мы были увѣрены, что пролетаріатъ, численность и сознательность котораго растетъ у насъ съ каждымъ днемъ, является главнымъ прогрессивнымъ факторомъ русской жизни. Мы знали, что соціализмъ, выражающій классовые интересы пролетаріата, пробьетъ себѣ дорогу въ его среду, несмотря ни на какія препятствія, и что этотъ прирожденный носитель соціализма сыграетъ также главную роль въ дѣлѣ политическаго раскрѣпощенія страны. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ классовъ нашего полуазіатскаго общества мы считали пролетаріатъ наиболѣе европейскимъ классомъ (если не имѣть, конечно, въ виду интеллигенцію, которую мы не считали самостоятельнымъ классомъ, а только промежуточной прослойкой, лишенной самостоятельной силы и самостоятельнаго значенія).

Итакъ, для насъ было ясно, что самая непосредственная, насущная задача русской жизни сводится къ созданію рабочей партіи. Мы разсуждали такъ, какъ коммунары послѣ разгрома Коммуны: всѣ порывы впередъ оказались безплодными именно потому, что не были поддержаны сознательной и организованной рабочей партіей. Но возможно ли создать такую рабочую партію въ широкомъ масштабѣ при тогдашнихъ русскихъ полицейскихъ условіяхъ? Вотъ вопросъ, который вставалъ передъ нами, и на который мы не могли дать опредѣленнаго отвѣта. Вѣрнѣе, мы отвѣчали на него приблизительно въ духѣ проекта программы группы „Освобожденіе Труда", т. е. мы полагали, что намъ придется ограничиться только созданіемъ кружковъ и подготовкой сравнительно немногихъ сознательныхъ рабочихъ, которые въ моментъ революціи могли бы стать во главѣ народныхъ массъ. Политическую же революцію мы считали неизбѣжной и очень близкой.

Не забудьте, что мы приступили къ работѣ въ скорости послѣ голода 1891 года, когда крестьянское трехпольное хозяйство оказалось совершенно подорваннымъ, а финансы страны казались близкими къ полному банкротству. Вдобавокъ, разсуждали мы, абсолютизмъ, чувствуя возросшую неустойчивость своего положенія, постарается искать спасенія отъ внутреннихъ затрудненій въ какой-нибудь внѣшней диверсіи, а здѣсь, какъ мы были въ этомъ твердо убѣждены, его ждетъ неминуемое пораженіе, такъ какъ въ исправное состояніе вооруженныхъ силъ правительства мы никогда не вѣрили. Военное пораженіе абсолютизма развяжетъ руки оппозиціи, и правительство принуждено будетъ пойти на уступки. Начнутся конституціонныя заигрыванія, будетъ

созванъ земскій соборъ или какой-нибудь „соединенный ландтагъ“, и вообще начнутся глубокія внутреннія замѣшательства. Въ деревняхъ начнется разгромъ помѣщичьихъ усадебъ, а въ городахъ произойдетъ вооруженное возстаніе, которое неминуемо закончится побѣдой народа. Приведетъ ли это къ республикѣ или конституціонной монархіи, мы не могли сказать положительно; но въ чемъ мы были глубоко убѣждены, такъ это въ томъ, что буржуазія, которая въ часы боя будетъ сидѣть у себя по домамъ, послѣ побѣды революціи немедленно выползетъ изъ своихъ норъ и, пользуясь своимъ богатствомъ, образованіемъ, связями, постарается конфисковать въ свою пользу всѣ плоды народныхъ усилій. Этого, по нашему мнѣнію, не слѣдовало допускать ни въ какомъ случаѣ. И мы думали, что народъ, вооруженный и гордый своей побѣдой, въ силахъ будетъ не допустить до этого. Но для этого въ его средѣ и по возможности во главѣ его должны находиться люди, сознательно относящіеся къ развертывающимся событіямъ. Необходима, однимъ словомъ, наличность многочисленной и сознательной рабочей интеллигенціи. Содѣйствовать выработкѣ такой интеллигенціи мы и ставили своей главной задачей. Въ этомъ отношеніи наша организація была большимъ пропагандистскимъ кружкомъ.

Итакъ, политическое содержаніе нашей пропаганды совершенно ясно. Въ общемъ же пропаганда была поставлена у насъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Рабочимъ выяснялся общій характеръ капиталистическаго развитія, порождаемые имъ соціальные антагонизмы и конечная цѣль, къ которой стремится буржуазный строй, словомъ, излагалась теорія Маркса. Далѣе выяснялись историческія задачи пролетаріата, описывались различныя формы его экономической и политической дѣятельности, разсказывалось о его историческихъ судьбахъ и наиболѣе крупныхъ историческихъ выступленіяхъ (движеніе чартистовъ, ліонское возстаніе, февральская революція, іюньскіе дни, Коммуна, дѣятельность нѣмецкой соціалъ-демократіи и французской Рабочей Партіи и т. п.). Затѣмъ мы переходили къ Россіи, разсматривали крестьянскую реформу 1861 года, разореніе крестьянскаго хозяйства, разложеніе кустарныхъ промысловъ, развитіе крупной промышленности и указывали на спеціальныя задачи, поставленныя исторіей передъ русскимъ рабочимъ классомъ, который не только долженъ вести соціальную борьбу съ буржуазіей, но и добиться политическаго освобожденія страны. Мы объясняли нашимъ рабочимъ, что исторія, такимъ образомъ, возложила на нихъ двойную, а слѣдовательно, и болѣе тяжелую задачу, но въ то же время и болѣе благодарную и грандіозную, такъ какъ они могутъ принять участіе въ буржуазной революціи, какъ вполнѣ сознательные соціалъ-демократы, а значитъ, добиться въ моментъ общаго переустройства русской

жизни такихъ крупныхъ завоеваній для рабочаго класса, которыхъ въ нормальное время добиться очень трудно, если и не невозможно (конечно, до соціализма).

Перспектива грандіозныхъ соціальныхъ преобразованій, въ которыхъ имъ предстояло принимать непосредственное участіе и даже играть рѣшающую роль, увлекала рабочихъ и возвышала ихъ въ собственныхъ глазахъ. На нашихъ сходкахъ мы могли воочію наблюдать, какъ вырабатывается классовое сознаніе и складывается высокая психика активности и самопожертвованія въ самой сѣрой на видъ массѣ подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній и внезапно нахлынувшихъ идей. Вчера еще погрязшіе въ животной борьбѣ за существованіе, люди сразу перерождались, когда передъ ихъ удивленнымъ взоромъ внезапно раскрывался ослѣпительный просвѣтъ въ историческую даль, и пріятно было думать, что какой-нибудь побывавшій на нашей сходкѣ строительный рабочій, складывая на другой день кирпичи на постройкѣ, въ то же время мечталъ о возведеніи другого зданія — соціалъ-демократической рабочей партіи.

Весьма возможно, что мы не совсѣмъ удачно и популярно излагали рабочимъ програму и задачи соціалъ-демократіи. Дѣло было молодое и неопытное. Очень даже вѣроятно, что не всѣ толкованія, которыми мы сопровождали, напримѣръ, чтеніе „Коммунистическаго Манифеста“ или историческій очеркъ рабочаго движенія Аксельрода (въ сборникѣ „Соціалъ-демократъ“), были доступны рабочимъ и усваивались ими. Но главной своей цѣли мы все-таки добивались. Рабочіе понимали насъ. Наполовину умомъ, наполовину инстинктомъ они схватывали сущность нашей пропаганды, претворяли ее въ плоть и кровь, облекали живымъ тѣломъ своего собственнаго опыта и дальше самостоятельно вели пропаганду среди товарищей, привлекая все новыхъ и новыхъ адептовъ на сторону соціалъ-демократическаго движенія.

Сколько именно у насъ было кружковъ, въ точности трудно опредѣлить, такъ какъ, во-первыхъ, составъ ихъ не всегда былъ постояннымъ, а во-вторыхъ, нѣкоторые кружки распадались, а другіе вновь возникали. Но въ общемъ можно насчитать слѣдующіе кружки: 1) первый кружокъ, куда входили П-въ, Меѳодіевъ и нѣсколько пароходныхъ машинистовъ и слесарей; впослѣдствіи онъ распался; 2) городской кружокъ, куда входило нѣсколько сапожниковъ и другихъ рабочихъ; сюда же приходили нѣкоторые солдаты, которыхъ рабочіе привлекли самостоятельно, и которыхъ я такъ ни разу и не видалъ; этотъ кружокъ также распался; 3) самый большой кружокъ, состоявшій преимущественно изъ матросовъ и кочегаровъ и представлявшій центръ нашей организаціи; здѣсь дѣйствовалъ Калашниковъ съ товарищами; 4) кружокъ Левонтьева

въ предмѣстьи Ближнія Мельницы, состоявшій изъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и отчасти строительныхъ рабочихъ; 5) кружокъ слесарей и рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на Слободкѣ-Романовкѣ; впослѣдствіи распался; 6) кружокъ сапожниковъ на Молдаванкѣ; 7) нѣсколько кружковъ строительныхъ рабочихъ.

Кружки эти не успѣли окончательно сложиться; составъ ихъ все время былъ текучій и неопредѣленный; нѣкоторые члены переходили изъ одного кружка въ другой, хотя мы тщательно этого избѣгали по конспиративнымъ соображеніямъ. Въ общемъ кружки были мало связаны между собой; какихъ-нибудь делегатскихъ собраній не было. Кружки связывались въ одну организацію только черезъ посредство двухъ интеллигентныхъ пропагандистовъ, на плечахъ которыхъ лежала почти вся работа. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что настоящая наша работа продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, главнымъ образомъ лѣтомъ и осенью 1893 года: въ концѣ января 1894 года насъ постигъ жестокій провалъ. Напуганные постоянными систематическими провалами предшествующихъ кружковъ, мы старались вести дѣло очень конспиративно и сознательно избѣгали до поры до времени открытыхъ массовокъ и связей между отдѣльными кружками. Мы хотѣли прежде всего создать нѣкоторыя прочныя и широкія ячейки, прежде чѣмъ приступить къ объединенію отдѣльныхъ кружковъ, но идеаломъ нашимъ была правильная организація, охватывающая массу одесскихъ рабочихъ, объединяющая ихъ съ помощью делегатскихъ собраній, руководящая всѣми выступленіями рабочихъ и т. п. Мы мечтали, между прочимъ, объ организаціи всеобщей забастовки въ порту лѣтомъ 1894 года, а также объ устройствѣ маевки. Но до этого намъ не суждено было дожить.

Я уже говорилъ, какъ мы вели пропаганду. Систематическаго плана лекцій у насъ не было, и мы такъ и не успѣли его выработать, хотя въ общемъ чтенія происходили у насъ по извѣстной системѣ, о которой читатель уже могъ получить нѣкоторое представленіе по вышеизложенному. Мы испытывали страшный недостатокъ въ подходящей литературѣ. За два года до начала нашей пропаганды группа заграничныхъ студентовъ, бывшихъ нашихъ товарищей по гимназіи, умудрилась провести черезъ границу небольшой транспортъ нелегальной литературы. Такъ какъ сами они не знали, что съ ней дѣлать, то въ концѣ концовъ они отдали всѣ эти книжки намъ. Мы сохранили ихъ, переплели, и эти немногія брошюры оказались для насъ громаднымъ подспорьемъ въ нашей работѣ.

Но этого было мало. Тогда наши матросы предложили намъ провести изъ-за границы новый транспортъ. Это удалось осуществить, но насъ ожидало страшное разочарованіе. Дѣло въ томъ, что мы выписали транспортъ отъ Фонда Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ. Хотя мы опредѣленно

указали, что именно намъ нужно, но вмѣсто выписанныхъ соціалъ-демократическихъ брошюръ мы получили почти исключительно изданія Фонда, быть можетъ, и очень хорошія, но для нашихъ цѣлей совершенно непригодныя. Съ большимъ трудомъ и рискомъ удалось доставить эти брошюры на берегъ, и вообразите наше негодованіе и уныніе, когда вмѣсто брошюръ о рабочемъ движеніи и соціализмѣ, мы получили въ десяткахъ и сотняхъ экземпляровъ такія изданія, какъ „Еврей къ евреямъ“ Хасина, „Конституція Лорисъ Меликова“, „Заграничная агитація“ и „Начало конца“ Степняка и т. п. Изъ всего доставленнаго намъ транспорта болѣе или менѣе пригодились „Подпольная Россія“, біографія члена партіи „Пролетаріатъ“ сапожника Домбровскаго, и „Кто чѣмъ живетъ?“ Дикштейна. Дикштейнъ былъ бы для насъ совсѣмъ хорошъ, если бы былъ присланъ намъ въ изданіи группы „Освобожденіе Труда“ (какъ мы и просили); но вся бѣда заключалась въ томъ, что Фондъ прислалъ намъ эту брошюру въ собственномъ изданіи, напечатанномъ на прескверной бумагѣ и съ тысячею опечатокъ. Попытка наша выписать литературу непосредственно отъ группы „Освобожденія Труда“ закончилась неудачей.

Недостатокъ въ нелегальной литературѣ мы старались восполнить легальными изданіями. Еще когда мы готовились къ пропагандѣ, у насъ составилась довольно порядочная библіотечка, въ которую, м. пр., входилъ цѣлый рядъ книгъ, имѣвшійся тогда на русскомъ книжномъ рынкѣ по исторіи революцій, соціализма и рабочаго движенія. Припоминаю такія книги, какъ Михайлова „Пролетаріатъ во Франціи“ и „Ассоціаціи“, Пфейфера „Ассоціаціи“, Бехера „Рабочій вопросъ“, Ланге „Рабочій вопросъ“, Луи Блана „Исторія революціи“, т. I, Вермореля, „Дѣятели 48 г.“ и „Дѣятели 51 года“, Ватсона—брошюра о Коммунѣ, Ланжале и Корье, „Исторія революціи 18 марта“, далѣе нѣкоторыя сочиненія Чернышевскаго, въ томъ числѣ его примѣчанія къ Миллю, сочиненія Пругавина, Харизоменова, В. В. Трирогова, Чупрова, Иванюкова и др. Кромѣ того, мы вырывали изъ старыхъ журналовъ наиболѣе интересныя статьи и переплетали ихъ въ видѣ брошюрокъ-книжекъ. Особенно запомнились мнѣ двѣ статьи П. Лаврова „Автобіографія стараго чартиста“, которыя производили очень сильное впечатлѣніе и на меня, и на рабочихъ. Изъ всѣхъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи книгъ наибольшую пользу принесли намъ и больше всего нравились рабочимъ „Коммунистическій Манифестъ“, брошюра Дикштейна „Кто чѣмъ живетъ?“ (въ то время самая популярная), Плеханова „Ежегодный праздникъ рабочихъ: 1-ое мая“ и „Четыре рѣчи рабочихъ“, произнесенныя на маевкѣ въ Петербургѣ въ 1891 году. Но, конечно, главную роль играли не брошюры и книги, а устныя толкованія и личныя бесѣды, особенно относительно русскихъ дѣлъ.

Рабочіе относились къ дѣлу очень серьезно. Я уже говорилъ, какимъ возвышающимъ образомъ дѣйствовала на нихъ перспектива историческихъ переворотовъ, которую мы развертывали передъ ними. Они преображались на нашихъ глазахъ, лица ихъ свѣтлѣли, движенія становились болѣе увѣренными и пластичными, рѣчь мѣнялась, въ обращеніи появлялись сдержанность и достоинство. Нѣкоторые переставали пить, другіе начинали чище одѣваться, пріобрѣтать книги, посѣщать театры и лекціи. Почти всѣ безъ исключенія старались не ограничиваться пассивной ролью слушателей, а пріобрѣтать кружку новыхъ сторонниковъ.

Не обходилось при этомъ и безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Такъ, одного изъ нашихъ рабочихъ, матроса Халютина, однажды арестовали по слѣдующему поводу. Царившій тогда въ Одессѣ градоначальникъ Зеленый требовалъ, чтобы всѣ встрѣчные кланялись ему на улицѣ. Забитое и запуганное населеніе покорно исполняло капризы бѣшенаго самодура; ослушникамъ же грозилъ арестъ, а то и кулачная расправа.

— Иду это я по улицѣ,—разсказывалъ затѣмъ Халютинъ въ кружкѣ,—недалеко отъ дома градоначальника. Вдругъ навстрѣчу мнѣ самъ этотъ фараонъ. Въ другой разъ снялъ бы шапку безъ всякихъ, а теперь обидно мнѣ показалось: что же это я, соціалъ-демократъ, и стану ломать шапку передъ какимъ-нибудь помпадуромъ! Прошелъ мимо. Вдругъ слышу кричитъ: „Сто-о-о-й! ты кто такой?“ Такой-то. Подзываетъ надзирателя: „Отправить его, мерзавца, въ участокъ“. Привели меня, раба Божьяго, въ часть, посадили въ канцелярію. Надзиратель куда-то ушелъ. Сижу я часъ, полтора. Приставъ спрашиваетъ: „Тебѣ чего надо?“ Я говорю: ничего. „Ну, такъ пошелъ вонъ, если не хочешь получить по шеѣ!“ Я, конечно, не заставилъ себя долго просить и давай Богъ ноги. А все-таки я ему не поклонился!

Конспирацію признавали далеко не всѣ. Да собственно говоря, когда рабочіе ведутъ пропаганду среди своихъ собратій, трудно особенно строго соблюдать правила предосторожности. Разговоры ведутся на чистоту въ мастерской, въ столовой за обѣдомъ или въ трактирѣ за чаемъ. Левонтьевъ, такъ тотъ, прочитавши степняковскую сказку „Мудрица Наумовна“, пришелъ въ такой ражъ, что побѣжалъ въ кабакъ и тамъ, взобравшись на столъ, произнесъ цѣлую горячую рѣчь о соціализмѣ передъ всей публикой. Калашниковъ также не особенно считался съ конспираціей. Охваченный духомъ прозелитизма, онъ разбрасывалъ сѣмена революціонной пропаганды направо и налѣво. Слѣдуетъ признать, что его тактика оказалась наиболѣе продуктивной: онъ больше всѣхъ другихъ навербовалъ членовъ нашему кружку.

Въ артеляхъ строительныхъ рабочихъ, гдѣ вообще господствуютъ

патріархальныя отношенія, довольно открыто велись бесѣды о соціализмѣ, революціи и т. п. Такимъ образомъ, вокругъ нашей организаціи незамѣтно создавалась широкая атмосфера сочувствія. У насъ было много сторонниковъ въ рабочей средѣ, кромѣ лицъ, непосредственно входившихъ въ организацію, и вербовка новыхъ членовъ продолжалась вплоть до самаго провала. О томъ, что среди одесскихъ рабочихъ дѣйствуетъ какая-то соціалистическая организація, знало довольно много рабочихъ. Однажды произошелъ слѣдующій случай.

Приходитъ на собраніе, назначенное на квартирѣ Левонтьева, плотникъ Иванъ, одинъ изъ главныхъ нашихъ пропагандистовъ среди строительныхъ рабочихъ, и приводитъ съ собой, кромѣ извѣстныхъ уже намъ членовъ организаціи, двухъ новичковъ, которыхъ до сихъ поръ мы не видали. Въ теченіе вечера изъ нѣкоторыхъ замѣчаній, оброненныхъ незнакомцами, выяснилось, что на другой день они уѣзжаютъ изъ Одессы. Въ виду этого я обратился къ Ивану съ вопросомъ, зачѣмъ же онъ, нарушая свою обычную осторожность, привелъ сюда этихъ двухъ рабочихъ?

— Видишь ли, въ чемъ дѣло,—отвѣтилъ Иванъ, который въ моменты взволнованности незамѣтно переходилъ на „ты“ по закоренѣлой крестьянской привычкѣ.—Это славные ребята: одинъ нашъ плотникъ, а другой половой изъ ресторана. Они знаютъ все наше дѣло. Только вотъ они уѣзжаютъ: одинъ въ деревню, а другой въ Крымъ. И захотѣли они передъ отъѣздомъ непремѣнно повидать пропагандиста: дескать, какой-такой изъ себя интеллигентъ? Ничего, пусть посмотрятъ! Имъ удовольствіе, а тебѣ вреда никакого. Мнѣ сейчасъ одинъ изъ нихъ на ухо сказалъ: „А вѣдь интеллигентъ-то такой же, какъ и всѣ люди“. Они настоящихъ людей почитай, что и не видали.

Передъ такимъ аргументомъ приходилось поневолѣ склониться.

Усваивали ли рабочіе во всѣхъ деталяхъ соціалъ-демократическое міросозерцаніе? На этотъ вопросъ я затрудняюсь отвѣтить съ положительностью. Насколько я замѣтилъ, они полагали, что революція, къ которой мы подготовляемся, будетъ соціальной революціей, что она одновременно положитъ конецъ и политическому и экономическому гнету. Къ такому пониманію особенно склонялись крестьяне, напримѣръ, строительные рабочіе. Они смотрѣли на вещи, такъ сказать, съ точки зрѣнія „максимализма“. Особенно разувѣрять ихъ въ этомъ намъ не хотѣлось, такъ какъ мы полагали, что такое настроеніе въ рѣшительный моментъ можетъ оказаться даже полезнымъ, ибо побудитъ рабочую массу съ тѣмъ большей энергіей отстаивать во время буржуазной революціи полное осуществленіе нашей минимальной программы: восьмичасовой рабочій день, полную демократизацію политическаго строя, экспропріацію крупнаго землевладѣнія. Вѣдь не

слѣдуетъ забывать, что однимъ изъ пунктовъ нашего символа вѣры была надежда на возможность для русскаго рабочаго класса добиться въ моментъ политическаго переустройства Россіи цѣлаго ряда глубокихъ соціальныхъ реформъ, какихъ не удалось въ соотвѣтствующія эпохи добиться европейскому пролетаріату, въ виду отсутствія организованной и сознательной рабочей партіи.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи,—говорилъ, волнуясь и спѣша, плотникъ Захаровъ, сухощавый и загорѣлый, похожій на цыгана,—зачѣмъ намъ не идти до конца? Разъ у насъ будетъ довольно силъ, чтобы завоевать 8-ми-часовой рабочій день и т. п., зачѣмъ намъ сразу не добиться тогда введенія соціализма? Чего-жъ канителиться? Ужъ воевать такъ во всю!

Медлительный Иванъ, спокойно и увѣренно начиналъ объяснять ему разницу между буржуазной и соціальной революціей, доказывать, что не все то, что желательно, можно осуществить, но Захаровъ недовольно морщился и, видимо, не хотѣлъ согласиться. Левонтьевъ присоединялъ свои аргументы къ аргументамъ Ивана, но по всему видно было, что въ душѣ онъ самъ склоняется къ рѣшенію Захарова: логика говорила ему одно, а сердце и инстинктъ пролетарія подсказывали другое. Ужъ очень не хотѣлось рабочимъ сражаться за „буржуазныя условія существованія“.

Я вообще замѣтилъ, что на первыхъ стадіяхъ соціалистическаго движенія рабочіе не взвѣшиваютъ объективныхъ условій историческаго развитія и готовы ставить себѣ непосредственныя задачи, для разрѣшенія которыхъ еще не назрѣли данныя дѣйствительности. Такъ было въ свое время и во Франціи, и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Италіи и т. д. На этомъ „максималистскомъ“ настроеніи рабочихъ въ извѣстные историческіе моменты основывался въ свое время успѣхъ бакунинской пропаганды, на немъ же зиждется европейскій анархизмъ и отчасти нашъ отечественный максимализмъ. Инстинктивный порывъ рабочихъ массъ къ непосредственному соціальному перевороту чреватъ великими возможностями; но для того, чтобы использовать его съ наибольшей продуктивностью, для того, чтобы заставить его служить не слѣпымъ разрушительнымъ эксцессамъ, а историческому развитію пролетаріата, необходима, конечно, сознательная и выдержанная соціалъ-демократическая рабочая партія, способная вліять на рабочихъ и руководить ихъ движеніемъ.

Столь же естественны среди угнетенныхъ и только просыпающихся къ сознательной жизни рабочихъ анархическіе порывы. Чѣмъ тяжелѣе положеніе рабочаго, чѣмъ онъ изолированнѣе, чѣмъ меньше онъ видитъ вокругъ себя единомышленниковъ, готовыхъ солидарными усиліями отстаивать свои интересы, тѣмъ скорѣе онъ поддается слѣпому озлобленію и

желанію протестовать индивидуальными силами. Я уже разсказывалъ о планѣ Калашникова взорвать пароходъ; ниже я разскажу еще о нѣсколькихъ случаяхъ, въ которыхъ проявились анархическія тенденціи рабочихъ. Съ этими тенденціями мы боролись самымъ энергичнымъ образомъ, и я могу съ увѣренностью сказать, что намъ удалось покончить съ этимъ зломъ, но удалось именно потому, что мы сумѣли противопоставить отчаяннымъ индивидуальнымъ эксцессамъ отдѣльныхъ рабочихъ активную классовую солидарность рабочей массы и выяснить передъ нашими товарищами историческую безплодность первыхъ и гигантскую историческую продуктивность второй. Для проницательности и добросовѣстности нашихъ жандармовъ характерно, что они обвиняли насъ какъ разъ въ анархической пропагандѣ.

Возникло это нелѣпое обвиненіе, придуманное шпіонскимъ умомъ Пирамидова (онъ велъ наше дѣло и именно на этомъ дѣлѣ замѣтно выдвинулся) по слѣдующему поводу. Въ майскомъ номерѣ парижскаго журнала „Illustration“ помѣщены были портреты наиболѣе выдающихся представителей международнаго соціализма. Этотъ номеръ мы достали и показывали нашимъ рабочимъ. Случай захотѣлъ, чтобы въ томъ же номерѣ были помѣщены снимки, изображающіе нѣкоторыя анархическія покушенія (взрывъ ресторана въ Парижѣ и т. п.). И вотъ для жандармовъ этого было достаточно, чтобы выдвинуть противъ насъ обвиненіе, будто бы мы рекомендовали рабочимъ „поступать такимъ же образомъ“, какъ изображено на этихъ рисункахъ. Гораздо вѣрнѣе было другое ихъ обвиненіе противъ насъ, а именно, что мы совѣтовали рабочимъ защищать свои интересы „всѣми законными и незаконными способами“. Этого мы, конечно, не отрицали.

Съ интересными типами приходилось встрѣчаться за время моей дѣятельности среди рабочихъ. Кто-то замѣтилъ, что въ сущности каждый человѣкъ представляетъ совершенно оригинальную и рѣзко очерченную индивидуальность. Это мнѣніе, конечно, преувеличено, ибо природа несомнѣнно творитъ по извѣстнымъ шаблонамъ. Но разнообразіе типовъ несомнѣнно огромное. Люди, незнакомые съ рабочими, представляютъ ихъ себѣ, какъ сплошную однородную массу, въ родѣ того, какими намъ представляются солдаты въ своихъ одинаковыхъ сѣрыхъ шинеляхъ и грубыхъ сапогахъ. Но всякій, побывавшій на военной службѣ, отлично знаетъ, что послѣ первой же недѣли знакомства съ ними эта сѣрая масса на первый взглядъ совершенно одинаковыхъ людей распадается на самые разнообразные типы и индивидуальности. То же самое и со всякой другой массой.

Вотъ одинъ типъ, такъ сказать, первобытный, нѣчто въ родѣ троглодита: это чернорабочій Ошманецъ, хозяинъ одной изъ нашихъ конспиратив-

ныхъ квартиръ. Нашелъ его Калашниковъ на какой-то постройкѣ, гдѣ онъ таскалъ кирпичи. Какъ я уже говорилъ, нашъ неутомимый пропагандистъ Калашниковъ мѣнялъ всевозможныя профессіи, всюду отыскивая подходящихъ людей. Между прочимъ, онъ нѣсколько дней проработалъ въ качествѣ чернорабочаго до поступленія на пароходъ. Такимъ-то образомъ и набрелъ онъ на Ошманца и послѣ нѣсколькихъ словъ завербовалъ этого полудикаго литвина въ соціалистическое братство. Убѣдившись, что этотъ варваръ въ сущности очень славный малый, нашъ вольный штурманъ быстро сошелся съ нимъ на „ты", и въ тотъ же вечеръ Ошманецъ очутился хозяиномъ конспиративной квартиры. Бороться со стремительностью калашниковскихъ рѣшеній было совершенно безнадежнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что, когда мы узнали о существованіи Ошманца, онъ былъ уже посвященъ въ секретъ пропаганды. „Я за него ручаюсь"—заявилъ Калашниковъ, и этого было довольно.

И вотъ оглушеннаго, ошалѣвшаго, изумленнаго дикаря, почти не владѣвшаго даже членораздѣльной рѣчью, Калашниковъ и его ближайшіе помощники начинаютъ накачивать соціалистическими проповѣдями объ эксплуатаціи, прибавочной стоимости, классовой борьбѣ, соціальной революціи и т. д. Несчастный, который никогда не подозрѣвалъ о существованіи такихъ вещей, сначала растерялся, а затѣмъ сдѣлался ярымъ прозелитомъ новыхъ идей. Но первое примѣненіе того, что онъ узналъ отъ своихъ новыхъ товарищей, отличалось нѣкоторой оригинальностью. Такъ, отправившись въ первую же субботу послѣ водворенія на новой квартирѣ въ баню въ старыхъ стоптанныхъ сапогахъ, Ошманецъ вернулся оттуда въ новыхъ лакированныхъ полуботинкахъ. На вопросъ, гдѣ онъ раздобылъ такія прелестныя ботинки, Ошманецъ, самодовольно ухмыляясь, отвѣтилъ:

— А свиснулъ у одного буржуя. Довольно имъ нашу кровь пить!

И заговорилъ что-то о прибавочной стоимости.

Скандалъ получился необычайный. Калашниковъ былъ страшно подавленъ неожиданными результатами своей пропаганды. Приходилось теперь прочитать Ошманцу нѣсколько дополнительныхъ лекцій. Съ большимъ трудомъ удалось объяснить ему, что существованіе капиталистической эксплуатаціи въ современномъ обществѣ не даетъ ему, люмпенпролетарію Ошманцу, права на экспропріацію чужихъ ботинокъ. Въ концѣ концовъ онъ понялъ это и впослѣдствіи густо краснѣлъ, когда ему шутя напоминали о его первомъ дебютѣ на соціалистическомъ поприщѣ.

Впослѣдствіи, когда я перенесъ центръ своей дѣятельности въ городъ и на Большой Вокзалъ, я пересталъ ходить въ портъ и на время потерялъ Ошманца изъ виду. Встрѣтиться мнѣ съ нимъ пришлось при довольно печальныхъ обстоятельствахъ. Это было въ концѣ января или на-

чалѣ февраля 1894 года. Мы всѣ уже сидѣли въ тюрьмѣ. Въ два часа ночи ко мнѣ въ камеру вошли жандармы, пригласили одѣться и повели въ тюремную контору. Тамъ, оказывается, шелъ допросъ. Пирамидовъ, окруженный группой жандармскихъ офицеровъ, чинилъ розыскъ. По срединѣ комнаты стоялъ съ шапкой въ рукахъ бѣдняга Ошманецъ. Боже, какъ онъ былъ подавленъ этой группой блестящихъ офицеровъ съ саблями и пистолетами, часовыми, вытянувшимися въ струнку у дверей, желѣзными рѣшетками на окнахъ, зерцаломъ на столѣ и вообще всей обстановкой допроса. Я бросилъ на него ободряющій взглядъ, но Пирамидовъ, не желая дать ему опомниться, быстро и отрывисто спросилъ:

— Этотъ?

Блѣдныя губы несчастнаго Ошманца беззвучно шевелились. Съ одной стороны, подавленный величіемъ жандармовъ, съ другой, не рѣшаясь предавать своего товарища, бѣдняга мучительно страдалъ. Но онъ, видимо, начиналъ оправляться, благодаря моему присутствію и дерзкому виду, съ которымъ я посматривалъ на жандармовъ. Пирамидовъ замѣтилъ это и также быстро скомандовалъ, показавши на меня глазами:

— Увести его!

И меня увели.

Только черезъ полтора года я снова увидался съ Ошманцомъ. Насъ отправляли кого въ Сибирь, кого въ „Кресты", кого на сѣверъ. До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ. И здѣсь-то я увидалъ Ошманца, который былъ приговоренъ къ шести-мѣсячному заключенію въ „Крестахъ". Оказалось, что выпущенный послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія изъ тюрьмы, Ошманецъ страшно бѣдствовалъ, снова превратился въ босяка, но на этотъ разъ преслѣдуемаго полиціей въ качествѣ неблагонадежнаго, голодалъ, ночевалъ подъ открытымъ небомъ на берегу моря и т. п. Но духомъ онъ не падалъ. Напротивъ, по его словамъ, за время тюремнаго заключенія и послѣдующихъ мытарствъ онъ окрѣпъ духомъ и закалился. Когда я шутя напомнилъ ему о его плачевномъ видѣ въ кабинетѣ Пирамидова, онъ добродушно засмѣялся и сказалъ:

— Ну, нѣтъ, теперь бы они меня такъ не запугали, а тогда я былъ совсѣмъ зеленымъ. Вотъ теперь выйду изъ тюрьмы, такъ буду знать, что дѣлать.

Больше мнѣ съ нимъ никогда не приходилось встрѣчаться.

Любопытными, въ своемъ родѣ, типами были два товарища, то чернорабочіе, то кочегары на пароходахъ, Еропись и Санжуръ. Шатаясь въ порту среди босяковъ и хулигановъ, они своимъ умомъ дошли до своеобразныхъ заключеній, сильно напоминавшихъ мечтанія Вейтлинга и Бакунина о роли уголовныхъ преступниковъ въ соціальной революціи. Однажды

они явились на собраніе матросскаго кружка съ цѣлымъ проектомъ о привлеченіи воровъ и карантинныхъ жуликовъ къ нашей организаціи.

— Вѣдь вы намъ сами объясняли, что преступники это жертвы общественной неурядицы. Развѣ можно обвинять ихъ, если они, съ дѣтства брошенные своими родителями на произволъ судьбы, никогда не встрѣчали хорошихъ людей и не видѣли хорошихъ примѣровъ? А среди нихъ есть хорошіе ребята, смѣлые и славные товарищи. Они тоже протестуютъ противъ современной несправедливости, но дѣлаютъ это плохо, такъ какъ имъ не показали лучшихъ путей. А если имъ все растолковать и разъяснить, то они могутъ быть намъ очень полезны. Мы съ нѣкоторыми изъ нихъ говорили, такъ они вполнѣ сочувствуютъ намъ, и вотъ мы предлагаемъ привлечь ихъ.

Интересно, что многіе изъ членовъ нашего кружка въ глубинѣ души, видимо, сочувствовали этому проекту, но ожидали только, какъ мы къ нему отнесемся. Натурально, что мы самымъ энергичнымъ образомъ возстали противъ затѣи нашихъ Аяксовъ и категорически воспретили имъ разговаривать съ жуликами о нашемъ дѣлѣ. Скрѣпя сердце, тѣ подчинились, но я до сихъ поръ такъ и не знаю, убѣдились ли они нашими аргументами.

Вспоминаю я еще нѣсколько интересныхъ типовъ изъ среды строительныхъ рабочихъ. Во-первыхъ, Яшинъ-Горевъ, каменщикъ. Сухой, озлобленный, съ впалой чахоточной грудью и рѣзкими жестами, онъ казался мнѣ типомъ народнаго революціонера. Его сужденія о вещахъ и лицахъ обыкновенно были рѣшительны и безпощадны. Подравшись какъ-то съ городовымъ („не стерпѣла душа"), онъ былъ приговоренъ къ 3-хъ мѣсячному аресту. Это еще больше его озлобило, и онъ готовъ былъ собственной рукой перерѣзать всѣхъ „враговъ народа". Его жестокость и кровожадность производили на меня какое то непріятное впечатлѣніе, въ которомъ я самъ не могъ отдать себѣ отчета. Иногда мы собирались у него на квартирѣ. Во время чтенія въ комнату иногда входили его жена и двое сынишекъ, лѣтъ 8—10. Это мнѣ не совсѣмъ нравилось: женщинамъ я въ то время вообще не довѣрялъ (и у меня на это были свои основанія), а дѣтей я особенно опасался, такъ какъ они, играя на улицѣ съ другими дѣтьми, легко могли разболтать про собранія и происходившіе на нихъ разговоры. Когда я замѣтилъ это Яшину, онъ отвѣтилъ:

— Не безпокойтесь, мои парнишки не проболтаются. Они все понимаютъ. Я имъ объяснилъ все. Изъ нихъ выростутъ два хорошихъ революціонера.

По нашему дѣлу Яшинъ не былъ арестованъ (вообще наши связи съ строительными рабочими такъ и остались нераскрытыми); но онъ попался по другому дѣлу въ 1895 году и сталъ выдавать, такъ что товарищи въ концѣ концовъ принуждены были объявить его предателемъ. Когда я узналъ объ этомъ, я отчасти понялъ, почему его рѣзкія сужденія про-

изводили на меня подчасъ тягостное впечатлѣніе; вѣроятно, въ нихъ звучала нота неискренности.

Въ другомъ совершенно родѣ былъ плотникъ Иванъ. Это былъ старый травленый волкъ, давно участвовавшій въ революціонномъ движеніи. Огромнаго роста, плотный, съ лысиной во всю голову, съ умными проницательными глазами и густой черной бородой, онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго патріарха изъ великороссійской крестьянской семьи. Сдержанный, спокойный, уравновѣшенный, онъ теоретически склонялся къ самымъ крайнимъ рѣшеніямъ, въ родѣ непосредственной соціальной революціи, но на практикѣ стоялъ за строжайшую конспиративность, выдержку и постепенность. Я помню какъ неодобрительно отнесся онъ къ моему проекту объ организаціи маевки.

— Ну, ужъ знаешь, это шарлатанство (шарлатанствомъ онъ называлъ всякую легкомысленную, безпочвенную затѣю)... Рановато, рановато. Зачѣмъ торопиться? Дѣло терпитъ. Вотъ разовьемся въ ширину, укоренимся, а тамъ видно будетъ, а теперь, Андрей Ивановичъ (моя конспиративная кличка), это будетъ шарлатанство...

Иванъ былъ нашимъ главнымъ пропагандистомъ среди строительныхъ рабочихъ, среди которыхъ онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ. Послѣ одного собранія Иванъ съ нѣсколькими другими рабочими пошли меня проводить, такъ какъ дорога моя въ городъ лежала мимо знаменитой Чумки (холмъ, гдѣ похоронены жертвы чумы), проходить мимо которой поздно ночью было небезопасно. По дорогѣ разговорились, и здѣсь повторился инцидентъ, аналогичный тому, о которомъ разсказывается въ біографіи Желябова.

Въ нашемъ кружкѣ участвовалъ молодой рабочій, землякъ Ивана, работавшій на фабрикѣ сельскохозяйственныхъ орудій Гена. Ничѣмъ особеннымъ онъ не выдавался, никакой замѣтной энергіи онъ не обнаруживалъ, но все-таки я считалъ его человѣкомъ преданнымъ нашему дѣлу. И вдругъ, во время дружеской бесѣды, онъ выпаливаетъ мнѣ слѣдующее:

— Да, Андрей Ивановичъ, собираюсь вотъ ѣхать въ деревню... Надоѣло, знаете, жить здѣсь въ городѣ и мыкаться по заводамъ. Скопилъ я себѣ немного деньжонокъ, еще немного прикоплю и открою я въ деревнѣ лавочку. Буду я самъ себѣ хозяинъ, заживу спокойно и благородно.

— Ну, а дальше?—спросилъ я.

Онъ, видимо, даже и не понялъ моего вопроса.

— Да ничего, — сказалъ онъ удивленно. — Буду жить, торговать. Честно, благородно.

Нужно ли прибавлять, что я, двадцатилѣтній пылкій юноша, былъ жестоко разочарованъ...

Я забылъ еще упомянуть о кружкѣ, который собирался на квартирѣ техника Всеволодова, нѣкогда жившаго на одной квартирѣ съ Меѳодіевымъ, но затѣмъ переѣхавшаго на Пересыпь. Среди членовъ этого кружка былъ нѣкій Покатаевъ, уже не рабочій, а мелкій подрядчикъ по строительнымъ работамъ. Но этотъ „эксплуататоръ" былъ гораздо болѣе крайнимъ, чѣмъ его рабочіе, которыхъ онъ самъ и пропагандировалъ. Покатаевъ готовъ былъ во всяій моментъ пойти на баррикады. Высокій, жилистый, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, не дуракъ выпить, но не терявшій головы, онъ иной разъ говаривалъ:

— Андрей Ивановичъ, чего *на нихъ* смотрѣть? Долго ли мы будемъ ждать? Взять бы по хорошей оглоблѣ и, съ Господомъ благословясь, жахнуть... Я бы своихъ восемь ребятъ привелъ. Ребята славные, не выдадутъ.

Приходилось умѣрять его пылъ.

Я бы никогда не кончилъ, если бы вздумалъ перечислять всѣ интересные и оригинальные типы, выдвигаемые пробуждающимся народомъ. Но объ одной интересной черточкѣ мнѣ хочется въ заключеніе упомянуть.

Мы очень дорожили тѣмъ, чтобы наша организація имѣла чисто пролетарскій характеръ, чтобы она не напоминала тѣхъ кружковъ прежняго времени, въ которыхъ на одного рабочаго приходилось двадцать интеллигентовъ. Поэтому мы привлекали къ нашему дѣлу интеллигенцію только въ случаяхъ крайней необходимости. Далѣе мы чрезвычайно дорожили тѣмъ, чтобы нашимъ врагамъ не удалось исказить истинный характеръ нашего движенія. Уже въ то время реакціонеры старались представить все революціонное движеніе въ качествѣ инородческой и спеціально еврейской интриги. Поэтому мы поставили себѣ за правило впредь до значительнаго расширенія нашей организаціи не привлекать къ ней евреевъ. Быть можетъ, это и очень плохо, но я разсказываю правду. И дѣйствительно, впослѣдствіи по нашему дѣлу привлечено было всего лишь два еврейскихъ рабочихъ, въ то время какъ число арестованныхъ рабочихъ русскихъ и отчасти поляковъ насчитывалось десятками. Это, впрочемъ, не помѣшало господину Пирамидову отнести и наше дѣло къ категоріи инородческихъ интригъ по тому одному, что среди арестованныхъ было два-три еврейскихъ интеллигента, руководящихъ пропагандой. На этой почвѣ жандармы пытались вести среди рабочихъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, самую низкую демагогическую агитацію, но изъ этого, конечно, ничего не вышло.

Итакъ, повторяю, мы рѣшили на первое время не привлекать къ организаціи еврейскихъ рабочихъ. Левонтьевъ, для котораго мотивы на-

шего рѣшенія оставались нѣсколько неясными, имѣлъ двухъ знакомыхъ слесарей-евреевъ, изъ которыхъ одного онъ же и спропагандировалъ. И что же онъ придумалъ? Впослѣдствіи оказалось, что оба эти рабочіе безъ нашего вѣдома присутствовали на всѣхъ нашихъ собраніяхъ. Левонтьевъ пряталъ ихъ въ сосѣдней комнатѣ за занавѣской. Онъ, видите ли, подозрѣвалъ насъ въ антисемитическихъ предразсудкахъ!! Но не желая до поры до времени поднимать этого принципіальнаго вопроса, предпочелъ дѣйствовать обходнымъ путемъ.

Другая характерная подробность. По новости дѣла и вслѣдствіе горячаго желанія добиться хоть какого-нибудь осязательнаго успѣха, подготовить если не широкую рабочую организацію, то, по крайней мѣрѣ, хоть многочисленные кадры для нея, мы рѣшили (опять-таки на первое время) не привлекать женщинъ. Мы боялись, что если жены рабочихъ узнаютъ о нашихъ затѣяхъ, то они не остановятся ни передъ какими мѣрами, чтобы спасти своихъ мужей отъ грозящей имъ опасности; затѣмъ отчасти мы боялись, чтобы женщины по неосторожности не разболтали о нашемъ дѣлѣ своимъ сосѣдкамъ. Опять-таки, можетъ быть, это и скверно, и неосновательно, но такъ было. Кстати я долженъ сказать, что благодаря вліянію женщинъ мы потеряли нѣкоторыхъ выдающихся рабочихъ. Такъ одинъ молотобоецъ изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ виду угрозъ его сожительницы донести на него, долженъ былъ сжечь нѣсколько имѣвшихся у него брошюръ и прекратить сношенія съ кружкомъ. Другой, пароходный машинистъ, очень энергичный и дѣльный парень, въ виду аналогичныхъ угрозъ своей гражданской жены, съ которой онъ собирался разойтись, также долженъ былъ отстать отъ организаціи. Но мы боялись не столько доносовъ, сколько слезъ, хныканья и уговоровъ не путаться въ чужія дѣла, не губить своей семьи и т. д., что не можетъ не дѣйствовать растлѣвающимъ образомъ на самыхъ твердыхъ людей.

Какъ бы тамъ ни было, но и въ этомъ отношеніи жизнь намъ дала поучительный урокъ. Впослѣдствіи оказалось, что жена и свояченица Левонтьева, черезъ перегородку слыхавшія всѣ наши рѣчи, сдѣлались убѣжденнѣйшими соціалистками и впослѣдствіи, когда наступили дни испытанія, помогали прятать концы въ воду и спасать остатки организаціи. Когда въ назначенный вечеръ я не пришелъ на собраніе, а Левонтьевъ, вернувшись изъ города, сообщилъ о моемъ арестѣ, обѣ женщины горько плакали, хотя я съ ними почти никогда не разговаривалъ...

Въ послѣдующіе годы русскія работницы доказали, что онѣ готовы рука объ руку со своими мужьями и братьями бороться за освобожденіе рабочаго класса.

Дѣло наше развивалось блестяще — блестяще, конечно, по тогдаш-

нимъ временамъ. Въ различныхъ частяхъ города у насъ были кружки, намъ удалось завязать связи съ самыми разнообразными профессіями, а стоило только проникнуть въ какой-нибудь районъ или профессію, чтобы тамъ естественно начала складываться новая ячейка. Намъ казалось, что мы уже близки къ осуществленію нашей завѣтной цѣли, т. е. къ основанію широкой организаціи одесскихъ рабочихъ. Мы уже мечтали объ установленіи регулярной связи между отдѣльными кружками, о введеніи постоянныхъ делегатскихъ собраній, о празднованіи маевки и даже объ изданіи собственной газеты (конечно, подпольной).

Каждый кружокъ, создавшій себѣ болѣе или менѣе широкую сферу дѣятельности, естественно мечтаетъ о собственномъ органѣ, съ помощью котораго онъ могъ бы обращаться къ широкимъ массамъ и значительно расширить свое вліяніе. На мысль объ изданіи газеты навело насъ полученіе незадолго до того вышедшаго въ Петербургѣ 2-го номера „Летучаго листка группы народовольцевъ". Такъ какъ въ этомъ листкѣ выражались идеи, которыя мы считали неправильными, то намъ естественно хотѣлось обзавестись собственнымъ органомъ, въ которомъ мы могли бы излагать соціалъ-демократическую программу и освѣщать текущія событія съ марксистской точки зрѣнія. Условія складывались для насъ довольно благопріятно. Къ кружку Всеволодова примыкалъ одинъ литографъ, у котораго имѣлся въ небольшомъ количествѣ шрифтъ, оставшійся у него послѣ закрытія его литографіи. Онъ предлагалъ намъ купить у него этотъ шрифтъ за 300 р. Недоставало только наборщиковъ. И вотъ въ поискахъ за наборщиками мы и напоролись на провокатора.

Я уже говорилъ о томъ, что мы испытывали страшный недостатокъ въ нелегальной литературѣ. Съ расширеніемъ нашей организаціи этотъ недостатокъ становился все болѣе ощутительнымъ. Можно поэтому представить себѣ радость матросскаго кружка, когда входившій въ него сапожникъ Сосновскій сообщилъ, что у него имѣется знакомый наборщикъ, готовый въ своей типографіи тайкомъ набрать и отпечатать въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ брошюру Аксельрода „Рабочее движеніе и соціальная демократія".

Въ это время я не посѣщалъ матросскаго кружка и о находкѣ этого наборщика узналъ отъ своего товарища Ц., который тогда руководилъ кружкомъ моряковъ. Его разсказъ произвелъ на меня неблагопріятное впечатлѣніе. Оказывается, этого наборщика никто не видалъ, кромѣ сапожника Сосновскаго. Самъ Сосновскій былъ человѣкъ безусловно надежный, но онъ могъ ошибиться. Вообще вся эта исторія показалась мнѣ чрезвычайно подозрительной, и я подѣлился съ Ц. своими опасеніями. Онъ согласился съ тѣмъ, что необходимо это дѣло выяснить, но, какъ оказа-

лось, было уже поздно. Наборщикъ Поздняковъ оказался форменнымъ провокаторомъ, состоявшимъ на службѣ у жандармовъ. И когда въ ближайшую пятницу Ц. явился на конспиративную квартиру, тамъ уже ждали его жандармы во главѣ съ Пирамидовымъ.

Насъ постигъ жестокій провалъ. Кружокъ матросовъ и сапожниковъ былъ почти весь разгромленъ. Черезъ мѣсяцъ провалился и кружокъ Левонтьева, въ который уже послѣ моего ареста проникли цѣлыхъ два шпіона. Строительные рабочіе арестами не были задѣты; они продолжали работу и были арестованы только черезъ полтора года.

Въ первый моментъ рабочіе были терроризованы, и съ нашимъ арестомъ дѣятельность кружковъ почти прекратилась. Одинъ изъ членовъ матросскаго кружка, ѣздившій въ Англію въ составѣ команды, назначенной для пріемки новаго парохода Добровольнаго Флота, привезъ оттуда транспортъ нелегальной литературы и доставилъ его на берегъ, но возсоздать организацію моряковъ оставшимся на волѣ матросамъ, лишеннымъ помощи интеллигентовъ, не удалось. Желѣзнодорожные рабочіе были сильно напуганы арестомъ Левонтьева и его кружка, и хотя связи съ нимъ не потерялись, но не скоро удалось снова привлечь ихъ къ организаціи. И только строительныхъ рабочихъ намъ удалось передать кружку молодыхъ интеллигентовъ, которые и продолжали поддерживать съ ними связи.

Въ тѣ времена преемственность движенія сохранялась еще съ большимъ трудомъ, чѣмъ теперь. Провалъ какого-нибудь кружка обыкновенно велъ къ наступленію затишья на довольно долгое время. Недостатокъ чисто пропагандистской дѣятельности въ томъ и заключался, что члены кружковъ невольно отрывались отъ рабочей массы, не будучи связаны съ ея повседневными интересами и борьбой. Этотъ опытъ пропагандистскихъ кружковъ былъ учтенъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи нашими преемниками, которые выдвинули новый лозунгъ: агитація среди массы на почвѣ ея насущныхъ экономическихъ потребностей. Новая тактика значительно расширила сферу вліянія соціалъ-демократовъ на рабочую массу, но, какъ извѣстно, расширеніе русла движенія сопровождалось нѣкоторымъ обмелѣніемъ его: политическія задачи пролетаріата были на время отодвинуты въ сторону или затушеваны. Но разсмотрѣніе этого періода выходитъ за предѣлы моего разсказа.

Мы просидѣли 17 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи (съ 28 января 1894 года до 5 іюля 1895 года). Затѣмъ мы получили приговоры, по тогдашнимъ временамъ поражавшіе своей суровостью. Трое изъ насъ были приговорены къ 10-лѣтней ссылкѣ въ Колымскъ, двое на 5 лѣтъ въ Верхоянскъ, нѣсколько человѣкъ на 1 годъ въ „Кресты“ и затѣмъ на 3 года въ Вологодскую губернію и т. д.

5-го іюля 1895 года мы подъ усиленнымъ конвоемъ были переведены изъ тюрьмы на вокзалъ для слѣдованія въ Москву. По дорогѣ, на полотнѣ желѣзной дороги, группа желѣзнодорожныхъ рабочихъ подъ предводительствомъ Филиппова (трижды арестовывавшагося и выпущеннаго въ концѣ концовъ на свободу) устроили намъ сочувственную манифестацію съ криками „ура", маханіемъ красными платками и т. д. Эта неожиданная встрѣча съ оставшимися на волѣ единомышленниками благотворнымъ образомъ подѣйствовала на насъ; въ особенности ободрились ссылавшіеся съ нами рабочіе. Значитъ, думалось узникамъ, наша работа и жертва не пропали безслѣдно; есть еще порохъ въ пороховницахъ и еще не гнутся казацкія сабли!..

Начиналась новая полоса жизни, періодъ тюремной страды и ссылки...

Ю. Стекловъ.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855 — 1881).

(Продолженіе [1]*).*

XVIII.

Развитіе реакціи послѣ каракозовскаго выстрѣла.—Реакціонныя мѣры Толстого по народному образованію.—Усиленіе губернаторской власти.—Закрытіе Петербургскаго земства и др. реакціонныя мѣры противъ земства.—Назначенія Тимашева и Палена вмѣсто Валуева и Замятнина.—Мѣры противъ печати.—Злоупотребленія бюрократіи.—Адресъ Московской городской думы съ требованіемъ свободы слова и совѣсти.—Отвѣтъ правительства.—Упадокъ общественныхъ силъ.

Прежде всего и рѣзче всего реакція выразилась въ направленіи дѣлъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Университетскій уставъ 1863 г. не былъ отмѣненъ; но въ видахъ обузданія студентовъ 26-го мая 1867 г. изданы были особыя правила, установившія своего рода «священный союзъ» начальства учебныхъ заведеній и полиціи противъ молодежи. Безпорядки въ университетахъ однако же не прекращались и весной 1869 г. вспыхнули даже съ особою силою. Въ совѣщаніи, учрежденномъ по этому поводу подъ предсѣдательствомъ неизмѣннаго Строганова, положено было принять особыя мѣры къ ограниченію наплыва въ университеты неблагонадежной молодежи. Впрочемъ, къ этой именно цѣли и безъ того съ самаго вступленія въ министерство направлены были всѣ усилія гр. Толстого. Въ этихъ видахъ въ представленной имъ программѣ обращено было особое вниманіе на преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній. Рѣшено было всѣ гимназіи преобразовать въ классическія и главными предметами обученія сдѣлать древніе языки съ полнымъ исключеніемъ естествознанія, а въ высшія учебныя заведенія допускать только юношей, окончившихъ полный курсъ классической гимназіи. Про-

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“: февраль, мартъ, апрѣль, май—іюнь, августъ.

грамму реальныхъ училищъ рѣшено было преобразовать такимъ образомъ, чтобы они являлись учебными заведеніями, дающими законченное среднее образованіе, и лицъ, оканчивающихъ въ нихъ курсъ, въ высшія учебныя заведенія не допускать. Предполагалось, что восьмилѣтнее задалбливаніе латинской и греческой грамматики будетъ служить хорошимъ дисциплинирующимъ средствомъ для умовъ подростающихъ поколѣній и ограничитъ въ то же время наплывъ нежелательныхъ элементовъ въ высшія учебныя заведенія. Эта программа, прямо разсчитанная на ограниченіе распространенія просвѣщенія и имѣвшая явную тенденцію затруднить полученіе высшаго образованія людямъ недостаточнымъ, вызвала противъ себя сильныя нападенія даже въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, причемъ противъ нея представилъ весьма вѣскія соображенія самъ гр. В. Н. Панинъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ противъ нея высказалось большинство членовъ. Но утвержденіе получило мнѣніе меньшинства, и благодаря этому, всѣ подростающія поколѣнія отданы были въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій во власть дикой полицейско-классической муштры, введенной по уставу 30-го іюля 1871 года, не отмѣненнаго вполнѣ и до сихъ поръ [1]).

Толстому же принадлежитъ починъ въ дѣлѣ отобранія «подъ печать и замокъ государственной власти» начальнаго образованія изъ вѣдѣнія земствъ. Съ этою цѣлью еще въ 1869 г. были введены должности инспекторовъ народныхъ училищъ, послужившихъ зародышемъ той учебно-полицейской организаціи, которая до настоящаго времени завѣдуетъ народными школами, съ полнымъ устраненіемъ земства отъ этого дѣла. Толстой же явился организаторомъ той обрусительной школьной политики въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, иниціаторомъ которой былъ Муравьевъ-Виленскій и которая—какъ, впрочемъ, и вся учебная система Толстого—внесла столько лжи и растлѣнія въ святое и чистое дѣло народнаго образованія [2]).

Наконецъ, реакціонная и обскурантная политика Толстого не осталась безъ вліянія и на дѣло распространенія только что возникавшаго въ то время женскаго образованія. Главный дѣятель этого дѣла, Н. А. Вышнеградскій, занимавшій должность начальника петербургскихъ женскихъ училищъ и открытыхъ имъ въ 1863 г. Педагогическихъ курсовъ, принужденъ былъ выйти въ отставку, несмотря на неподвѣдомственность свою министерству народнаго просвѣщенія [3]) и на личную симпатію къ его дѣятель-

---

[1]) *Татищевъ*, II, стр. 263—275. Прекрасная критика системы гр. Толстого была дана *кн. А. И. Васильчиковымъ* въ „Письмѣ министру народнаго просвѣщенія графу Толстому отъ князя Васильчикова", напечатанномъ въ Берлинѣ въ 1875 г. Изложеніе этой статьи въ книги *Голубева* „Кн. А. И. Васильчиковъ", срав. ст. *Стоюнина* въ „Наблюдателѣ" № 1 за 1882 г.

[2]) Тамъ же, стр. 275.

[3]) „Спб. Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ", стр. 14.

пости императрицы Марiи Александровны [1]. Педагогическiе курсы едва уцѣлѣли, и самъ Вышнеградскiй, еще до своего ухода, вынужденъ былъ отмѣнить преподаванiе въ нихъ физiологiи и анатомiи, а взамѣнъ усилить занятiе русской грамматикой и географiей [2].

Вновь назначенный шефъ жандармовъ, гр. П. А. Шуваловъ, вмѣстѣ съ окончательно перешедшимъ на сторону реакцiи Валуевымъ и присоединившемся къ нимъ Зеленымъ (министромъ государственныхъ имуществъ) подали вскорѣ послѣ 4 апрѣля 1866 г. особую записку о необходимости усиленiя губернаторской власти. Записка эта, совершенно въ разрѣзъ съ только что проведенными преобразованiями, имѣла тенденцiю сдѣлать губернатора настоящимъ «хозяиномъ» и полновластнымъ правителемъ губернiи [3]. Противъ нея представили рѣзкiя возраженiя Замятнинъ (министръ юстицiи) и Рейтернъ (министръ финансовъ); но по усердному настоянiю Шувалова Александръ на журналѣ Комитета Министровъ положилъ резолюцiю, въ которой указалъ, что всѣ свѣдѣнiя, доходящiя до него изъ внутреннихъ губернiй, «подтверждаютъ необходимость принятiя неотложно предполагаемыхъ мѣръ» [4]. Замѣчательно, что мѣры эти, несмотря на то, что онѣ имѣли совершенно законодательный характеръ, рѣшено было принять въ административномъ порядкѣ. Въ Комитетъ, въ подкрѣпленiе Шувалову и Валуеву, приглашены были кн. Долгоруковъ и гр. Муравьевъ, и 22-го iюля Александръ утвердилъ положенiе, которымъ подъ ближайшiй надзоръ и контроль губернаторовъ отдавались не только всѣ бюрократическiя власти въ губернiи, но и органы мѣстнаго самоуправленiя. Въ числѣ пунктовъ этого распоряженiя было, между прочимъ, донынѣ дѣйствующее запрещенiе принимать кого бы то ни было на службу, хотя бы по вольному найму, безъ разрѣшенiя губернатора. Особымъ циркуляромъ министра юстицiи предложено было чинамъ судебнаго вѣдомства являться къ губернаторамъ по ихъ требованiю и вообще оказывать имъ должное уваженiе, какъ представителямъ высшей власти въ губернiи [5]. Катковъ, который въ отношенiи судебной реформы

---

1) Тамъ же, стр. 5.

2) Тамъ же, стр. 14.

3) *Середонинъ*. „Историческiй обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ“ т. III, ч. I, стр. 130.

4) Тамъ же, стр. 135—138.

5) *Середонинъ*, т. III, ч. I, стр. 141—143. У него же сообщается любопытное указанiе *Комитета Министровъ* по поводу доноса на лицъ судебнаго вѣдомства Симбирской губ. (до введенiя тамъ судебной реформы) о необходимости немедленно устранять отъ должности лицъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности (стр. 129). Тамъ же приведенъ случай возмутительнаго произвола въ отношенiи одного мирового посредника Оренбургской губ., котораго мѣстный генералъ-губернаторъ обвинилъ въ сношенiи съ ссыльными поляками. Хотя самъ генералъ-губернаторъ призналъ, что служебная дѣятельность этого посредника имѣла „нѣкоторыя достоинства“, и даже не формулировалъ точно своего обвиненiя, тѣмъ не менѣе посредникъ былъ уволенъ и высланъ изъ Оренбурга по настоянiю Шувалова. Комитетъ Министровъ при этомъ

и земскихъ учрежденій продолжалъ еще въ то время высказывать либеральные взгляды, поднялъ по этому поводу весьма важный вопросъ о правѣ министра юстиціи давать циркуляръ и предписанія лицамъ судебнаго вѣдомства, и справедливо, хотя, разумѣется, безрезультатно, доказывалъ, что признаніе за министромъ такого права въ корнѣ подрываетъ независимость судебнаго персонала отъ администраціи [1]).

При такихъ мрачныхъ условіяхъ пришлось начать свою дѣятельность новымъ судамъ и земскимъ учрежденіямъ. Въ книгахъ Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ» и Невѣдѣнскаго «Катковъ и его время» разсказывается, какую борьбу велъ въ это время министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, въ союзѣ со скарятинскою «Вѣстью», противъ новыхъ судовъ. Валуеву не удалось, впрочемъ, поколебать принципъ независимости суда; но за то само министерство юстиціи на первыхъ же порахъ пошло на уловку въ отношеніи судебныхъ слѣдователей и, чтобы лишить ихъ гарантированной имъ судебными уставами несмѣняемости, стало вмѣсто настоящихъ судебныхъ слѣдователей назначать исправляющихъ должность, которыхъ оно могло смѣнять по своему произволу.

Земскія учрежденія при самомъ началѣ своей дѣятельности встрѣтили еще большія препятствія и затрудненія, причемъ реакціонныя поползновенія Валуева имѣли вь этой сферѣ гораздо больше успѣха на практикѣ, нежели въ кампаніи, предпринятой имъ противъ новыхъ судовъ. При самомъ началѣ своей дѣятельности земства были страшно стѣснены въ матеріальныхъ средствахъ. Правительство передало въ ихъ распоряженіе лишь одинъ губернскій земскій сборъ, а государственный, который въ дореформенномъ земскомъ бюджетѣ составлялъ львиную долю, оставило за собой. Когда же нѣкоторыя земства, въ видахъ усиленія своихъ средствъ, попробывали обложить промышленныя и торговыя предпріятія, то купцы подняли вопль, министерство финансовъ за нихъ заступилось и наскоро изданъ былъ въ высшей степени стѣснительный для земства законъ 21 ноября 1866 г., ограничившій, какъ извѣстно, права земства по части обложенія торгово-промышленныхъ предпріятій самыми тѣсными нормами [2]).

постановилъ, въ прямое нарушеніе закона, предоставить генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ временно устранять отъ должности мировыхъ посредниковъ, обнаружившихъ политическую неблагонадежность (стр. 127—128). Незадолго передъ тѣмъ (въ 1865 году) самъ царь выразилъ—horribile dictu—самому М. Н. Муравьеву неудовольствіе за то, что въ числѣ приглашенныхъ имъ въ Западный край посредниковъ „много красныхъ“ (Татищевъ, т. I, стр. 526).

[1]) „Моск. Вѣд.“ за 1866 г., № 240; *Невѣдѣнскій*. „Катковъ и его время“, стр. 474.

[2]) Подробная критика этого закона у *Кошелева*. „Голосъ изъ земства“, М., 1869 г., стр. 11—14. Оцѣнку финансоваго положенія земствъ при началѣ ихъ дѣятельности и критику земскаго положенія 1864 г. см. у *Головачова* „Десять лѣтъ реформъ“, стр. 184—216. Срав. также статьи по вопросу о земствѣ *И. С. Аксакова* въ V т. его сочиненій и *Скалона* „Земскіе вопросы“, а также книгу *А. Голубева*. „Князь А. И. Васильчиковъ“ Спб., 1882 г. и изданную за границей *П. Б. Струве* записку *гр. Витте*. „Самодержавіе и земство“ (стр. 73 и др.).

Эта первая новела, въ связи съ систематическимъ пренебреженіемъ къ первымъ же земскимъ ходатайствамъ со стороны Валуева, не замедлила вызвать столкновеніе земства съ бюрократіей. Это столкновеніе произошло въ петербургскомъ губернскомъ земствѣ. Еще въ первую сессію свою, въ октябрѣ 1865 г., петербургское губернское земское собраніе возбудило ходатайство о расширеніи дарованныхъ земству правъ и о созывѣ центральнаго земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству [1]). При составленіи смѣты доходовъ и расходовъ на 1867 г. губернская управа не приняла во вниманіе закона 12-го ноября 1866 года относительно обложенія торгово-промышленныхъ предпріятій, вслѣдствіе чего губернаторъ опротестовалъ соотвѣтствующія постановленія собранія; управа же въ докладѣ своемъ предложила не только не соглашаться съ этимъ протестомъ, но и принести жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ въ Сенатъ за оставленіе безъ послѣдствій 12 ходатайствъ петербургскаго земства изъ 26. Собраніе приняло предложеніе управы. Этому постановленію предшествовали бурныя пренія и рѣзкія рѣчи. Валуевъ придалъ этому дѣлу характеръ чуть не революціонной попытки, и правительство неожиданно рѣшилось принять чрезвычайную мѣру. 16 января 1867 г. губернаторъ гр. Левашовъ объявилъ собранію высочайшее повелѣніе о распущеніи его, о закрытіи земскихъ учрежденій Петербургской губерніи впредь до особаго о томъ распоряженіи, о передачѣ всѣхъ суммъ и дѣлъ земства въ учрежденія, ими ранѣе завѣдывавшія, и объ устраненіи отъ должности предсѣдателя управы и увольненіи ея членовъ. Предсѣдатель управы былъ тотъ самый Н. Ф. Крузе, который уже однажды подвергся административной карѣ, въ качествѣ цензора въ 1858 г. Теперь правительство не ограничилось увольненіемъ его отъ должности, и онъ высланъ былъ административнымъ порядкомъ на жительство въ Оренбургъ [2]). Въ обществѣ этимъ распоряженіемъ были шокированы самые умѣренные его элементы. Катковъ, не сочувствовавшій направленію, принятому петербургскимъ земствомъ, призналъ, однако, что происшедшій конфликтъ едва ли можно считать достаточнымъ для мѣръ столь чрезвычайнаго свойства [3]). Никитенко лѣтомъ 1867 г. записалъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Самые опасные внутренніе враги наши не поляки и не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкапыватели судовъ» [4]).

---

[1]) Татищевъ, II, стр. 19.
[2]) Срав. *Бурцева* „За сто лѣтъ", ч. II, стр. 70. Вмѣстѣ съ Крузе высланъ былъ изъ Петербурга и графъ Андрей Шуваловъ, но его выслали на западъ— въ Парижъ, гдѣ онъ и жилъ до смерти (до 1876 г.).
[3]) *Невѣдѣнскій*, н. с., 440.
[4]) *Никитенко*, т. III, стр. 115—142. Аналогичныя столкновенія земства съ администраціей происходили и въ др. губерніяхъ, напр., въ Херсонской („Самодержавіе и Земство", стр. 89) и въ Новгородской (книга *А. Голубева.* „Кн. А. И. Васильчиковъ", стр. 19—31).

Петербургское земство оставалось закрытымъ лишь до лѣта 1867 г.; но мѣропріятіе Валуева противъ земства этимъ не кончилось. 13-го іюля 1867 года были опубликованы выработанныя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ правила о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ, общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Этимъ закономъ предсѣдателямъ даны огромныя дискреціонныя права относительно допущенія или недопущенія къ обсужденію того или иного вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ установлена значительная отвѣтственность ихъ за все допущенное ими въ собраніяхъ. «При такихъ обстоятельствахъ—писалъ въ 1868 году А. И. Кошелевъ—и предсѣдатель, и члены менѣе заняты дѣломъ, т. е. обсужденіемъ предметовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, чѣмъ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы не выйти изъ предѣловъ круга своего дѣйствія» [1]). Кошелевъ указываетъ нѣсколько случаевъ недопущенія предсѣдателями къ обсужденію вопросовъ, несомнѣнно подлежащихъ вѣдѣнію земства. Онъ выражаетъ еще увѣренность, что правительство, убѣдившись въ непригодности этого закона, отмѣнитъ его и возвратитъ собраніямъ самостоятельность. Но эта надежда не осуществилась, какъ мы знаемъ, и до настоящаго времени; правительство же приняло за правило путемъ негласныхъ циркуляровъ устранять черезъ предсѣдателей тѣ или иные вопросы изъ обсужденія собраній. Того же 13 іюня 1867 г. состоялось и другое законоположеніе, запрещавшее безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства печатать состоявшіяся въ земскихъ, дворянскихъ и проч. общественныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ и проч. Эта мѣра вызвала большое негодованіе въ средѣ земскихъ дѣятелей и въ печати [2]). Законъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ, что «мѣстные администраторы, обезпокоенные, раздраженные опубликованіемъ на всю Россію ихъ дѣйствій, подняли—по словамъ Кошелева—страшный шумъ, представляли собранія и даже управы чуть-чуть не гнѣздами заговорщиковъ и бунтовщиковъ и увѣряли, что при такой будто бы непомѣрной гласности нѣтъ возможности управлять губерніями» [3]). При примѣненіи этого закона не замедлило произойти нѣсколько курьезовъ. Офиціозъ Валуева «Сѣверная Почта» старался оправдать и объяснить и эти курьезы, и самый законъ; но вызвалъ въ обществѣ своими лживыми и лицемѣрными статьями только еще большее раздраженіе. Катковъ указалъ по этому поводу въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что допущеніе публики въ земскія собранія при отсутствіи гласности есть едва ли не самый дурной видъ публичности, такъ какъ здѣсь создается въ такомъ случаѣ атмосфера сплетенъ и интригъ [4]). Аксаковъ въ «Москвѣ» горячо возсталъ противъ «Сѣверной Почты», доказывалъ, что безъ полной гласности не можетъ быть и само-

---

[1]) „Голосъ изъ земства“, стр. 15.
[2]) Тамъ же, стр. 19.
[3]) Тамъ же.
[4]) *Невѣдѣнскій*, н. с., стр. 441.

управленія [1]). То же самое заявлялъ и Кошелевъ, прибавляя, что весьма многіе изъ землевладѣльцевъ, которыхъ особенно желательно привлекать къ земскому дѣлу, оправдываютъ свое уклоненіе отъ него тѣми стѣснительными мѣрами, которыя были приняты въ 1867 г.» [2]).

Въ 1867 г. во многихъ губерніяхъ былъ неурожай, въ результатѣ котораго, благодаря отсутствію дорогъ, а отчасти и полной нераспорядительности и равнодушію министерства внутреннихъ дѣлъ, произошелъ настоящій голодъ. Продовольственныхъ запасовъ не оказалось въ наличности, Валуевъ старался свалить всю вину на земство, дѣятельность котораго онъ самъ же парализовалъ. Въ концѣ концовъ онъ подалъ къ общему удовольствію въ отставку; но замѣненъ былъ далеко не къ лучшему извѣстнымъ генераломъ Тимашевымъ, бывшимъ начальникомъ штаба Третьяго отдѣленія.

Это произошло въ мартѣ 1868 г. Правленіе Валуева продолжалось 7 лѣтъ; мрачной памяти Тимашевъ продержался на своемъ посту цѣлыхъ 10 лѣтъ (до 1878 г.). Одновременно съ этимъ министръ юстиціи Замятнинъ былъ замѣненъ—и также не къ лучшему—гр. Паленомъ, остзейскимъ феодаломъ и противникомъ суда присяжныхъ [3]).

«Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе правительственныхъ мѣръ—писалъ въ 1868 г. Катковъ—и въ

---

[1]) Сочиненія *Аксакова*, т. V, стр. 377 и 389.

[2]) „Голосъ изъ земства“, стр. 22. Срав. вышеупомянутую записку гр. Витте „Самодержавіе и Земство“, особенно главу „Отношеніе правительства къ земству; послѣдовательное стѣсненіе дѣятельности земскихъ учрежденій и ограниченіе ихъ компетенціи“, стр. 79—92 (изданіе 2-ое). Глава эта оканчивается слѣдующимъ выводомъ: „земство пришло въ упадокъ безспорно потому, что поставлено было правительствомъ въ ненормальныя условія, но измѣнить эти условія, дать ему свободу безъ послѣдующаго измѣненія самодержавнаго строя государства было нельзя“,—по утвержденію гр. Витте.

Что слова Кошелева о причинахъ уклоненія отъ земской дѣятельности были вполнѣ справедливы—видно съ особенной яркостью на примѣрѣ кн. Васильчикова, который вступилъ при открытіи земскихъ учрежденій въ земскіе гласные человѣкомъ вполнѣ зрѣлымъ (47 лѣтъ отъ роду), отдался земской дѣятельности съ полнымъ самоотверженіемъ и тѣмъ не менѣе, проработавъ въ новгородскомъ земствѣ 6 лѣтъ, призналъ при сложившихся условіяхъ не мыслимымъ продолжать эту дѣятельность и въ 1872 г. просилъ исключить его изъ числа уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ Новгородской губерніи (*Голубевъ*. „Кн. А. И. Васильчиковъ“, стр. 19—31).

Здѣсь любопытно отмѣтить, что стремленіе къ мирной земской работѣ въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-ыхъ годовъ охватывало не только такихъ людей старшаго поколѣнія, какъ *кн. А. И. Васильчиковъ* или *К. Д. Кавелинъ*, но и такихъ представителей молодого поколѣнія, какъ *кн. П. А. Крапоткинъ* (см. „Записки революціонера“, русск. изданія 1906 г.) и какъ *А. И. Желябовъ* (см. интереснѣйшія воспоминанія *Л. С. Чудновскаго* въ „Историческомъ Сборникѣ“ („Наша страна“), стр. 360. Но столкнувшись съ невозможными условіями земской дѣятельности, сложившимися на практикѣ, эти люди отказывались отъ своихъ намѣреній (какъ Крапоткинъ) и бросали начатое дѣло (какъ Желябовъ) и отдавались со свойственною имъ энергіей и страстью дѣлу революціонной пропаганды, а затѣмъ и террористической дѣятельности.

[3]) *Татищевъ*, т. II, гл. XIX.

особенности ограниченіе гласности, которое есть для нихъ то же самое, что воздухъ для организма, подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ и имъ пришлось влачить свое существованіе безъ силы, безъ одушевленія, безъ сочувствія» [1]). Голосъ земства былъ задушенъ въ самомъ началѣ и съ самаго же начала идея самоуправленія была искажена въ земскихъ учрежденіяхъ.

Не лучше было къ концу 60-хъ годовъ и положеніе повременной печати. Предостереженія и другія карательныя мѣры, предоставленныя въ распоряженіе администраціи закономъ 6 апрѣля 1865 г., примѣнялись къ органамъ печати разнаго направленія съ безпощадностью. Валуевъ съ упорствомъ маньяка преслѣдовалъ свою идею подчинить печать своему вліянію и сдѣлать ее благонамѣренной на свой образецъ [2]). Особенно терпѣли отъ него славянофилы. Извѣстно, какія мытарства претерпѣлъ въ это время И. С. Аксаковъ. Самаринъ даже сочиненія Хомякова вынужденъ былъ въ это время издавать, во избѣжаніе урѣзокъ, за границей. Тамъ же онъ сталъ печатать и предпринятую имъ серію статей подъ общимъ заглавіемъ «Окраины Россіи». Это изданіе имѣло спеціальной своей цѣлью опровергнуть тѣ невыгодныя представленія о русской политикѣ и администраціи, которыя распространялись недовольными остзейцами и другими врагами русскихъ порядковъ. И несмотря на это, несмотря на свои крупныя государственныя заслуги и испытанный патріотизмъ и лойяльность, Самаринъ за свое изданіе получилъ рѣзкій и обидный выговоръ отъ имени государя. На этотъ выговоръ онъ отвѣчалъ замѣчательнымъ письмомъ къ императору Александру, въ которомъ съ большой прямотой и достоинствомъ изложилъ свою политическую исповѣдь и весьма сильно обоснованный взглядъ на тѣ отношенія, какія должны, по его мнѣнію, существовать между правительствомъ и подданными въ самодержавномъ государствѣ [3]). Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело это письмо на Александра, но продолженіе предпринятаго Самаринымъ изданія послѣдовало (за границей же) только черезъ три года. Не довольствуясь обыкновенными мѣрами, предоставленными администраціи по закону 6 апрѣля, Валуевъ и Тимашевъ исхлопатывали иногда особыя повелѣнія на прекращеніе нѣкоторыхъ изданій. Такъ былъ прекращенъ Аксаковскій «Москвичъ» по докладу Валуева въ 1868 г., а затѣмъ «Москва» по представленію Тимашева, при чемъ Аксаковъ получилъ, впрочемъ, отъ Сената разрѣшеніе защищать свое дѣло: онъ даже выигралъ его въ Сенатѣ, но проигралъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ 1869 г., когда судъ оправдалъ извѣстнаго издателя Флор. Фед. Павленкова, привлеченнаго къ суду Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ

---

[1]) „Моск. Вѣд." за 1868 г., № 208. *Невѣдѣнскій*, н. с., стр. 442.

[2]) *Никитенко*, т. II и III, passim; *М. К. Лемке* „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг.", особенно стр. 417—426; *К. К. Арсеньевъ* „Законодательство о печати", стр. 22—71.

[3]) Сочиненія *Самарина*, т. VIII, см. особенно стр. XIX—XX.

печати, за изданіе сочиненій Писарева, то Тимашевъ выслалъ Павленкова изъ Петербурга административнымъ порядкомъ [1]).

Изъ литераторовъ болѣе радикальнаго направленія въ это время большая часть пребывала въ ссылкѣ, или сидѣла по тюрьмамъ. Чернышевскій былъ сосланъ еще въ 1863 г., Писаревъ лишь въ 1866 былъ выпущенъ изъ крѣпости и черезъ $1^1/_2$ года утонулъ, Зайцевъ эмигрировалъ, Шелгуновъ былъ въ ссылкѣ въ Вологодской губ.; Щаповъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь. Тамъ же были Михайловъ [2]), Обручевъ [3]), Серно-Соловьевичъ [4]), Соколовъ и Лавровъ бѣжали изъ ссылки за границу; Берви (Флеровскій) сосланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Астрахань. Про это именно время Глѣбъ Успенскій писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели—ничего тогда налицо не было. Все удручало насъ и дѣлало одинокими. А между тѣмъ общество, вступавшее въ совершенно новый періодъ жизни, требовало отъ литературы—и имѣло на это право—многосложной и внимательной работы». Находя, однако же, что законъ 6 апрѣля 1865 года не даетъ достаточныхъ средствъ администраціи для обуздыванія печати, Тимашевъ выхлопоталъ учрежденіе новой комиссіи для пересмотра и переработки его съ цѣлью усиленія репрессивныхъ мѣръ. Комиссія эта была учреждена въ 1869 г. подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря кн. Урусова [5]).

Среди этого дикаго разгула администраціи, подъ покровомъ безгласности и произвола, не замедлили получить полный ходъ и распространеніе самыя низкія и грязныя злоупотребленія. Вотъ какъ описываетъ въ своихъ запискахъ высшія сферы Петербурга А. И. Кошелевъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ 1868 г. хлопотать о продажѣ Николаевской желѣзной дороги «Московскому товариществу» и прожившій въ Петербургѣ благодаря этому дѣлу цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. «Въ это время—писалъ онъ—я узналъ такія вещи, какихъ возможность даже не подозрѣвалъ. Взяточничество, личные денежные расчеты, обходы законныхъ путей и проч. дошли въ Петербургѣ до крайнихъ предѣловъ. Всего можно достигнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ въ справедливѣйшемъ, въ

---

[1]) Всѣ эти факты у *Никитенка* въ т. III. Литературный процессъ Ф. Ф. Павленкова напечатанъ въ настоящее время въ дополнительномъ выпускѣ сочиненій Д. И. Писарева, появившемся въ 1907 г. (изданіе душеприказчиковъ Павленкова). Тамъ же напечатана и статья Писарева „Бѣдная русская мысль“ и др. статья его, неувидѣвшая свѣта и послужившая поводомъ къ его заточенію — о „Шедо-Ферроти“. Къ этому выпуску приложена также замѣчательная біографія Ф. Ф. Павленкова, роль котораго въ исторіи русскаго просвѣщенія и въ борьбѣ за освобожденіе еще не оцѣнена до сихъ поръ по достоинству.

[2]) См. журналъ „Былое“ за 1906 г., кн. I, стр. 101—133.

[3]) См. журналъ „Былое“ за 1906 г., кн. VII, стр. 81—107.

[4]) См. журналъ „Былое“ за 1906 г., кн. X—XII. „Дѣло о лицахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“ (статьи М. К. Лемке).

[5]) О работахъ ея у *К. К. Арсеньева* „Законодательство о печати“, стр. 72—85.

законнѣйшемъ можно получить отказъ. У большинства властей предержащихъ имѣются любовницы, жадно берущія деньги, имъ предлагаемыя, и затѣмъ распоряжающіяся деспотически своими возлюбленными. У иныхъ сановниковъ имѣются секретари или довѣренныя лица, исполняющіе обязанности любовницъ и дѣлящіе деньги со своими довѣрителями. Безнравственность, безсовѣстность и безсмысліе высшей администраціи превзошли всѣ мошенничества и нелѣпости губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. Надо пожить въ Петербургѣ и имѣть тамъ значительныя дѣла, чтобы извѣдать всю глубину и ширь безпутства центральной нашей администраціи» [1]).

Вообще среди лицъ, окружавшихъ въ это время Александра II, среди ярыхъ реакціонеровъ и гасителей всякой независимой мысли, какъ Толстой, Тимашевъ, Шуваловъ, безпринципныхъ бездарностей въ родѣ Палена и Зеленаго, весьма сомнительныхъ дѣятелей, какъ Рейтернъ и несомнѣнныхъ расточителей государственнаго достоянія, какъ Грейгъ, оставались сравнительно свѣтлымъ исключеніемъ лишь военный министръ Д. А. Милютинъ, да государственный контролеръ В. А. Татариновъ. Но въ 1871 г. умеръ и Татариновъ, еще раньше сошелъ со сцены пораженный нервнымъ ударомъ Н. А. Милютинъ. Соратники Н. Милютина по крестьянской реформѣ Самаринъ и Черкасскій ушли въ частную жизнь. Главный дѣятель судебной реформы С. И. Зарудный и бывшій министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ безвозвратно впали въ немилость. Очередныя преобразованія, намѣченныя еще въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, правда, продолжали разрабатываться въ различныхъ министерскихъ коммиссіяхъ чисто бюрократическаго состава, но за то и вышли они оттуда искалѣченными или мертворожденными (кромѣ реформы воинской повинности, которая принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ преобразованій эпохи реформъ). 16-го іюня 1870 г. издано было новое городовое положеніе. Въ томъ же году поставленъ былъ на очередь податной вопросъ, предложенный на обсужденіе земствъ. Это послѣднее обстоятельство нѣсколько оживило дѣятельность земствъ и привлекло къ разработкѣ важнаго податного вопроса лучшихъ людей страны; но, какъ извѣстно, выработанныя земствомъ широкія и цѣлесообразныя справедливыя демократическія начала такъ и остались подъ спудомъ. 2 ноября былъ утвержденъ замѣчательный докладъ военнаго министра о преобразованіи воинской повинности на всесословныхъ началахъ. Въ то же время патріотическія чувства россіянъ были пріятно польщены циркуляромъ канцлера Горчакова о томъ, что Россія не считаетъ болѣе себя связанною постановленіями парижскаго договора объ ограниченіи своихъ правъ на Черномъ морѣ. Пра-

---

[1]) „Записки *А. И. Кошелева*", стр. 191. Въ своихъ воспоминаніяхъ совершенно такую же характеристику Петербурга даетъ кн. *П. А. Кропоткинъ*, называя его „Петербургомъ кафе-шантановъ и танцклассовъ" (стр. 228).

вительство рѣшилось тогда на этотъ шагъ послѣ разгрома Франціи Германіей, заручившись согласіемъ Бисмарка. Это торжественное заявленіе въ связи съ проблесками преобразовательной дѣятельности правительства во многихъ возбудило надежды на поворотъ къ лучшему. Даже такой трезвый и осторожный политикъ, какъ Юрій Самаринъ, въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ф. Раденъ выражалъ въ это время надежду на близкое осуществленіе справедливой демократической податной реформы и дарованія правительствомъ русскому народу свободы слова и свободы вѣроисповѣданій [1]). Но изъ всѣхъ представленныхъ правительству въ это время адресовъ дворянскими и земскими собраніями, думами и даже сельскими обществами эти надежды были выражены лишь въ адресѣ Московской городской думы, составленномъ кн. В. А. Черкасскимъ, который былъ въ это время московскимъ городскимъ головой, при редакціонномъ участіи И. С. Аксакова. Ю. Ф. Самаринъ, какъ онъ самъ писалъ баронессѣ Раденъ, не прежде согласился подписать этотъ адресъ, какъ увѣрившись, что гласные думы (около 150 человѣкъ), въ томъ числѣ и купцы, и мѣщане, принимаютъ его единогласно, при томъ съ полнымъ разумѣніемъ его содержанія, послѣ подробнаго обсужденія [2]). Вслѣдъ за выраженіемъ патріотической радости по случаю отмѣны унизительныхъ для Россіи статей парижскаго трактата въ адресѣ этомъ было сказано: «какія бы испытанія ни грозили намъ нынѣ, они — мы увѣрены—не застанутъ Россію неприготовленною; они несомнѣнно найдутъ Россію тѣсно сомкнутою вокругъ Вашего престола.

«Но съ большею вѣрою, чѣмъ въ прежнія времена глядитъ нынѣ Россія на свое будущее, слыша въ себѣ непрестанно духовное обновленіе. Каждое изъ вашихъ великихъ преобразованій, совершенныхъ, совершаемыхъ и *чаемыхъ*, служитъ для нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для вашего величества, источникомъ новой крѣпости. Никто не стяжалъ такихъ правъ на благодарность народа, какъ вы, государь, и никому не платитъ народъ такою горячею признательностью. Отъ васъ принялъ онъ даръ и въ васъ же самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго стража усвоенныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ васъ одннхъ ожидаетъ онъ и довершенія вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего—*простора мнѣнію и печатному слову*, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти; *свободы церковной*, безъ которой не дѣйственна и самая проповѣдь; наконецъ, *свободы вѣрующей совѣсти*,—этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ для души человѣческой.

«Государь! Дѣла внутреннія и внѣшнія связуются нераз-

---

[1]) Письмо отъ 17 ноября 1870 г. *„Переписка Ю. Ф. Самарина съ баронессою Э. Ф. Раденъ“, стр. 152.*

[2]) Тамъ же.

рывно. Залогъ успѣховъ въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вноситъ государство во всѣ отправленія своей жизни. Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности укрѣпляется государственный организмъ, сплачиваются съ нимъ его окраины и созидается то единство, которое было неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы отъ начала ея существованія. Подъ этимъ знаменемъ, государь, по первому вашему зову, всѣ сословія народныя соберутся и нынѣ, и уже безъ различія званій, дружною ратью, въ непоколебимой надеждѣ на милость божью, на правоту дѣла и на васъ. Довѣріе со стороны царя къ своему народу, разумное самообладаніе въ свободѣ и честность въ покорности со стороны народа, взаимная неразрывная связь царя и народа, основанная на общеніи народнаго духа, на согласіи стремленій и вѣрованій— вотъ наша сила, вотъ историческое призваніе. Да, государь, «вашей волѣ»—скажемъ мы въ заключеніе словами нашихъ предковъ въ отвѣтѣ ихъ первовѣнчанному предку вашему въ 1642 году—«*вашей волѣ* готовы мы служить и достояніемъ нашимъ, и кровью, а *наша мысль* такова» [1]).

Этотъ адресъ, какъ видитъ читатель, составленъ былъ въ правовѣрно-славянофильскомъ духѣ. Можно подумать, что его писалъ самъ Константинъ Аксаковъ. О конституціи или ограниченіи самодержавія въ немъ не было и помину. Тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ очень дурно правительствомъ. Правительство желало, очевидно, *рабскаго* преклоненія, а не *честной* покорности; оно желало слышать лишь голосъ лести, а не голосъ свободнаго и независимаго мнѣнія страны. Министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ возвратилъ думскій адресъ московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что онъ не нашелъ возможнымъ представить адресъ государю, а министръ императорскаго двора отозвался о немъ въ офиціальной бумагѣ, какъ о составленномъ «въ неумѣстной и неприличной формѣ» [2]). Этимъ инцидентомъ подтверждена была еще разъ неосуществимость славянофильскаго идеала и невозможность совмѣстнаго существованія свободы и самодержавія. Едва ли нужно пояснять, что хотя Тимашевъ писалъ, что не нашелъ возможнымъ представить адресъ императору, онъ дѣлалъ это, конечно, по приказанію Александра послѣ доклада ему самаго адреса [3]). Такимъ образомъ, къ началу семи-

---

[1]) „Переписка Ю. Ф. Самарина съ баронессою Э. Ф. Раденъ", стр. 150. Выдержка изъ этого адреса приведена и у Татищева, II, стр. 42.

[2]) *Татищевъ*, II, 43.

[3]) О толкахъ и вообще впечатлѣніи, которое адресъ возбудилъ при дворѣ, есть свѣдѣнія въ письмѣ баронессы Раденъ къ Ю. Ф. Самарину отъ 5 декабря 1870 г. („Переписка", стр. 155). Въ это самое время изъ „Вѣстника Европы" вырѣзанъ былъ напечатанный тамъ въ приложеніи къ ст. А. Н. Пыпина Новосильцовскій проектъ конституціи 1818 г., и Тимашевъ въ разговорѣ съ Стасюлевичемъ, редакторомъ журнала, прямо сказалъ ему, что проектъ этотъ не

десятыхъ годовъ, несмотря на продолжавшіяся по инерціи преобразованія, всякое либеральное движеніе въ обществѣ было совершенно задавлено. Люди, воодушевленные когда-то освободительными идеями начала царствованія, мечтавшіе о свѣтломъ будущемъ своего отечества и о свободной, широкой общественной дѣятельности, теперь на все махнули рукой, ушли въ частную, домашнюю жизнь и уклонялись даже отъ участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, въ виду того жалкаго, зависимаго положенія, въ которое были поставлены стараніями Валуева и Тимашева вновь созданныя земскія и городскія учрежденія. Занимаясь хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ, терпя неизбѣжные въ такое переходное время убытки, раздражаясь повседневными столкновеніями съ крестьянами, многіе помѣщики, недавно либеральные и, повидимому, гуманно настроенные, превращались мало-по-малу въ озлобленныхъ консерваторовъ и настоящихъ кулаковъ. Другіе просто обростали мхомъ въ своихъ берлогахъ. Третьи разорялись и поступали на государственную службу, превращаясь въ чиновниковъ. Наиболѣе предпріимчивые пристраивались къ желѣзнодорожному строительству, занимаясь всякими не въ мѣру развившимися въ это глухое время спекуляціями и биржевой игрой [1]).

Только въ Тверской губерніи сохранилась и устояла на своемъ посту и въ эти трудные годы сплоченная группа земскихъ дѣятелей, сумѣвшая, несмотря на всѣ стѣсненія правительства и на жестокую борьбу мѣстныхъ крѣпостниковъ, сберечь и развить завѣты и идеалы шестидесятыхъ годовъ. Группа эта, во главѣ которой стояли братья Бакунины и А. А. Головачевъ, успѣла воспитать себѣ надежныхъ наслѣдниковъ и продолжателей въ святомъ народномъ дѣлѣ, которому она служила. Демократическіе и либеральные принципы тверского земства правительству такъ и не удалось побороть, и впослѣдствіи эти принципы перекинулись въ Черниговскую и др. губерніи и дали пышный цвѣтъ и обильный плодъ въ исторіи русскаго земства и русскаго освободительнаго движенія. Но эта исторія еще ждетъ своего изслѣдователя; въ началѣ же семидесятыхъ годовъ за исключеніемъ Тверской губерніи въ остальныхъ земствахъ лишь отдѣльныя личности изъ числа передовыхъ земцевъ усидѣли на своихъ мѣстахъ.

былъ бы вырѣзанъ, если бы въ это время москвичи не представили свой адресъ (!). *Никитенко,* т. III, 252.

[1]) Эти типы помѣщиковъ и отставныхъ либераловъ представлены и въ романахъ того времени: въ „Трудномъ времени" *Слѣпцова,* въ „Дымѣ" *Тургенева* и проч.

XIX.

Нарожденіе народничества. — Новые журналы. — „Историческія письма“ Миртова (П. Л. Лаврова).—Программа Бакунина.—Нечаевъ.

Зато болѣе демократическіе слои общества изъ разночинцевъ и «кающихся дворянъ», и въ особенности учащаяся молодежь, не могли примириться съ наступившей реакціей и съ крушеніемъ всѣхъ идеаловъ, созданныхъ проснувшеюся жизнью и литературой шестидесятыхъ годовъ. На молодежи наступившая реакція отзывалась особенно тяжело и рѣзко. Молодежь не могла забыть того почетнаго и выдающагося положенія передовыхъ представителей и чуть не учителей общества, которое создано было для нея незадолго передъ тѣмъ Писаревымъ, Зайцевымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и вообще общественнымъ и литературнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Теперь же Толстой съ преднамѣренною жестокостью вводилъ свой грубый репрессивный режимъ, въ высшей степени безтактный и оскорбительный для молодежи. Волненія не только не прекращались, но разростались, правительство не уступало, исключало студентовъ изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній массами и разсылало исключенныхъ административнымъ порядкомъ по разнымъ городамъ и весямъ Россійской имперіи. Исключаемые студенты являлись домой или въ мѣста высылки часто озлобленные до послѣдней степени и тотчасъ приступали къ антиправительственной пропагандѣ среди общества и въ особенности среди младшихъ своихъ сестеръ и братьевъ, среди гимназистовъ и гимназистокъ старшихъ классовъ, среди семинаристовъ и даже воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Они вели свою пропаганду вооруженные той нигилистической литературой шестидесятыхъ годовъ, которую дали имъ ихъ учителя: Писаревъ, Зайцевъ, Шелгуновъ, Добролюбовъ и Чернышевскій...[1]) Такимъ образомъ само правительство какъ будто нарочно заботилось создать своими мѣрами обширные кадры революціонныхъ дѣятелей, непрестанно пополнявшіеся. Не доставало только опредѣленной, окончательно сформированной программы, которая объединила бы и направила къ одной ясно сознанной цѣли эти революціонно настроенныя массы выбитой изъ колеи молодежи.

---

[1]) Срав. любопытныя свѣдѣнія объ этой пропагандѣ, сообщаемыя баронессой Раденъ Ю. Ф. Самарину въ письмѣ отъ 5 декабря 1870 г. („Переписка“, стр. 155). Тамъ же и о мрачномъ настроеніи, которое эти свѣдѣнія вызывали въ императорѣ Александрѣ.

Движеніе молодежи конца шестидесятыхъ годовъ въ настоящее время прекрасно освѣщено и изложено въ интересной статьѣ г. *Сватикова*, напечатанной въ „Историческомъ сборникѣ“ („Наша Страна“), стр. 165 и слѣд. Много данныхъ также въ указанныхъ выше воспоминаніяхъ *С. Л. Чудновскаго*.

Впрочемъ, такая программа или, по крайней мѣрѣ, ея элементы уже давно носились въ воздухѣ. Интересы народа, то неприглядное положеніе, въ которомъ онъ находился по выходѣ изъ крѣпостного состоянія, и которое яркими красками было описано беллетристами-народниками, начиная съ Николая Успенскаго, Рѣшетникова, Левитова и Наумова, сильно привлекало къ себѣ вниманіе общества въ шестидесятыхъ годахъ и будило совѣсть, ставя передъ людьми чуткими и, въ особенности, передъ молодежью вопросъ «объ уплатѣ долга народу». Роль беллетристовъ-народниковъ въ направленіи нашего общественнаго движенія еще и до настоящаго времени не достаточно выяснена, а нѣкоторымъ изъ нихъ и до сихъ поръ не отдано даже простой справедливости. Такъ, извѣстный нашъ критикъ г. Скабичевскій— самъ по направленію народникъ—представляетъ намъ въ своей «Исторіи новѣйшей русской литературы» Николая Успенскаго какимъ-то собирателемъ пошлыхъ анекдотовъ изъ крестьянской жизни; на самомъ же дѣлѣ Николаю Успенскому принадлежитъ заслуга перваго писателя, рѣшившагося безъ прикрасъ, съ полной истиной представить то ужасное положеніе, въ которомъ находился народъ по выходѣ изъ крѣпостного положенія. Его живые и талантливые очерки взывали прямо къ совѣсти образованнаго русскаго общества. Они ставили передъ этимъ обществомъ огромную тяжелую задачу поправить то вѣками накопленное зло, которое было исторіей причинено народу, просвѣтить мужика, воскресить въ немъ человѣка. Недаромъ Чернышевскій назвалъ свою статью о Николаѣ Успенскомъ «Не начало ли перемѣны?» Можно сказать, однако, что и Чернышевскій не успѣлъ сдѣлать изъ сочиненій Успенскаго всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые изъ нихъ критика могла и должна была сдѣлать. Вслѣдъ за Николаемъ Успенскимъ дружно выступила цѣлая фаланга молодыхъ беллетристовъ-народниковъ. Это все были люди, близко видѣвшіе народъ и сами своею горемычною жизнью не мало хлебнувшіе того горя, которое вѣками сосало народъ. Въ живыхъ картинахъ, густыми и мрачными красками рисовали они именно темныя стороны народной жизни, и люди, сколько-нибудь чуткіе, не могли не сознать, что съ этимъ зломъ мириться нельзя, и что на нихъ лежитъ тяжкій и вмѣстѣ святой долгъ устранить это зло, залѣчить эти язвы какъ можно скорѣе и вывести народъ на свѣтлую и широкую дорогу. Что касается собственно молодежи, то еще Герценъ писалъ послѣ перваго же университетскаго разгрома въ самомъ концѣ 1861 года: «Ну, куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку? Сказать вамъ: куда?—Прислушайтесь— благо тьма не мѣшаетъ слушать — со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ—это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. *Въ народъ! къ народу!*—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не

подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!» [1])

Къ концу шестидесятыхъ годовъ этотъ пароль: *«въ народъ»* подхватила, развила и обосновала и радикальная пресса того времени. Разстроенная и разбитая въ періодъ 1863—1866 годовъ, она медленно и съ большими препятствіями, но все же начала собираться послѣ 1866 года. Прежде другихъ Благосвѣтловское «Дѣло» замѣнило уже въ 1867 году закрытое «Русское Слово»; оно не могло, правда, возстановить и поддержать вполнѣ прежнихъ принциповъ, такъ какъ въ томъ же году изъ него вышелъ, послѣ ссоры съ Благосвѣтловымъ, Писаревъ, а вслѣдъ за нимъ и Зайцевъ, но все же прежнее направленіе, хотя и съ меньшимъ блескомъ, поддерживалось Н. В. Шелгуновымъ [2]). Въ 1868 г. Некрасовъ арендовалъ у Краевскаго «Отечественныя Записки». При этомъ въ составѣ прежней редакціи «Современника» произошелъ расколъ. Въ «Отечественныя Записки» Некрасова вступили съ самаго же начала два столпа «Современника»: Елисѣевъ и Салтыковъ. Съ Антоновичемъ и Жуковскимъ произошла ссора, поведшая вскорѣ къ нападкамъ ихъ на Некрасова и Елисѣева. А. Н. Пыпинъ еще раньше примкнулъ къ новому журналу, основанному въ 1866 г. М. М. Стасюлевичемъ, «Вѣстнику Европы». Пошатнувшаяся репутація Некрасова, вслѣдствіе печальныхъ компромиссовъ и реверансовъ его передъ властями предержащими въ 1865 и 1866 годахъ, отталкивала многихъ отъ новой редакціи гораздо больше, нежели мнимый союзъ Некрасова съ Краевскимъ [3]). Достаточно вспомнить, съ какими опасеніями и неохотой вступилъ въ 1868 г. въ «Отечественныя Записки» Н. К. Михайловскій, прекрасно освѣтившій въ своихъ воспоминаніяхъ тогдашнее положеніе этой новой редакціи [4]). Однако, въ томъ же году къ «Отечественнымъ Запискамъ» присоединились: Писаревъ, Глѣбъ Успенскій, Курочкинъ, Демертъ, Скабичевскій и др., и журналъ не замедлилъ принять опредѣленный демократическій и радикальный оттѣнокъ, который упрочился и сохранился въ немъ до конца его существованія.

Пока прежнія редакціи «Современника» и «Русскаго Слова» возстановлялись съ такимъ трудомъ послѣ краха 1866 г., въ томъ же году открылся новый источникъ руководящихъ идей — «Недѣля». Во главѣ этого журнала офиціально сталъ д-ръ Конради, а фактически его жена, одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ

---

[1]) „Колоколъ“ за 1861 г. отъ 11 ноября, № 110.

[2]) См. „Воспоминанія“ *Шелгунова*, сочиненія, т. II, стр. 736 и слѣд. и въ „Переходныхъ характерахъ“, стр. 784 и слѣд.

[3]) Объ этомъ см. брошюру „Матеріалы для характеристики современной русской литературы“, изд. въ 1869 г. Антоновичемъ и Жуковскимъ; „Литературныя воспоминанія“ *Н. К. Михайловскаго* (т. I), тамъ же воспоминанія объ Елисѣевѣ и „Воспоминанія“ *М. А. Антоновича* въ „Журналѣ для всѣхъ“ за 1903 г., № 2.

[4]) „Литературныя воспоминанія и современная смута“, т. I, стр. 46 и слѣд.

передовыхъ женщинъ, Евг. Ив. Конради. Хотя вначалѣ «Недѣля» выставила очень скромную програму и заявила даже, что, считая своей главной обязанностью отзываться на назрѣвшія потребности дѣйствительной жизни, она будетъ избѣгать громкихъ фразъ и тенденціонныхъ выходокъ и «не желаетъ принадлежать ни къ какой крайней партіи», однако же сдѣлано было это заявленіе, повидимому, главнымъ образомъ для отвода глазъ властямъ придержащимъ, такъ какъ въ руководительствѣ журнала съ самаго же начала принималъ участіе такой радикалъ, какъ П. Л. Лавровъ, и уже 1868 г. въ «Недѣлѣ» появляются знаменитыя «Историческія письма» Миртова, написанныя тѣмъ же П. Л. Лавровымъ, сосланнымъ въ это время въ Вологодскую губернію [1]).

Въ 60-е годы съ легкой руки писателей «Русскаго Слова» главными (и даже единственными истинными) освободителями человѣческой мысли считались матеріалисты. Поэтому и обратно— по весьма понятному недоразумѣнію—всякій борецъ противъ схоластики и мистицизма считался многими, даже образованными людьми, за матеріалиста. На этомъ основаніи и Лаврова многіе считали матеріалистомъ. Неправильность такого мнѣнія о Лавровѣ была уже указана однимъ изъ его учениковъ, В. В. Лесевичемъ [2]).

Хотя съ начала 60-хъ годовъ Лавровъ считался многими однимъ изъ опаснѣйшихъ нигилистовъ, но въ сущности его философскія лекціи, изложенныя всегда очень отвлеченно и притомъ тяжелымъ языкомъ, не могли имѣть большого вліянія рядомъ съ блестящими, увлекательными и легкими статьями Писарева, Соколова и Зайцева. Но свои политическіе взгляды Лавровъ изложилъ въ «Историческихъ письмахъ» съ гораздо большею ясностью и простотой и, такъ какъ эти взгляды вполнѣ гармонировали съ настроеніемъ учащейся молодежи конца 60-хъ годовъ, то они и послужили для нея надолго своего рода маякомъ.

Писаревъ и другіе писатели «Русскаго Слова» ставили своей задачей освобождать умы своихъ читателей отъ предразсудковъ и убѣжденій, привитыхъ средой; они не давали опредѣленной програмы общественной дѣятельности и не указывали опредѣленнаго идеала общественнаго строя, во имя котораго можно было бы начать борьбу съ существующимъ государственнымъ строемъ. Между тѣмъ настроеніе молодежи, изгоняемой изъ университетовъ и оскорбляемой въ лучшихъ своихъ чувствахъ, было въ то время таково, что требовало борьбы уже не съ предразсудками, не съ вѣрованіями, не съ мистицизмомъ, а съ самимъ

---

[1]) Срав. воспоминанія *В. В. Стасова*. „Надежда Васильевна Стасова“, стр. 164 и слѣд. Въ 1868 г. въ „Недѣлѣ“ участвовалъ и Н. К. Михайловскій. Изъ беллетристовъ въ ней помѣщали свои произведенія: Рѣшетниковъ, Левитовъ и Глѣбъ Успенскій. Тутъ же помѣщались „Очерки изъ исторіи рабочаго сословія во Франціи“ А. Михайлова (Шеллера).

[2]) „На славномъ посту“, „Страничка изъ воспоминаній“, стр. 153—156.

правительствомъ, съ государственной властью. Чѣмъ сильнѣе были притѣсненія со стороны этой послѣдней, тѣмъ рѣзче сказывалась потребность протеста и борьбы. Миртовъ далъ формулу, во имя которой эта борьба могла быть обоснована и предпринята; притомъ его формула вполнѣ соотвѣтствовала тому общественному настроенію, которое, образовавшись подъ вліяніемъ крестьянской реформы, росло и развивалось съ тѣхъ поръ въ захватывающихъ душу произведеніяхъ беллетристовъ-народниковъ.

«*Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости* — вотъ краткая формула, обнимающая, по словамъ Миртова, все, что можно считать прогрессомъ» [1]).

Исходя изъ этой формулы, Миртовъ указывалъ и условія, при которыхъ все это можетъ быть достигнуто и отсюда выводилъ и общественныя обязанности каждой критически мыслящей личности. На роль такой личности въ исторіи онъ смотрѣлъ, какъ на обязательную для нея уплату цѣны прогресса. «Всякое цивилизованное меньшинство — писалъ Миртовъ,—которое не хотѣло быть цивилизующимъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ, которыя оно могло устранить, если бы не ограничилось ролью представителя и хранителя цивилизаціи, а взяло на себя и роль ея двигателя» [2]).

«Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости», какъ цѣль человѣческой дѣятельности и обязательность стремленія къ достиженію этой цѣли, давали молодежи то обоснованіе ея поведенія, котораго Писаревъ не давалъ. Въ первую часть своей формулы Миртовъ включилъ полностью идеалъ Писарева и другихъ нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ; но во второй ея части онъ прибавилъ огромную поправку къ этому идеалу—ту самую поправку, которая могла удовлетворить встревоженную совѣсть тогдашняго «молодого поколѣнія».

Позднѣе соціологическое ученіе Н. К. Михайловскаго осуществило эту задачу съ гораздо большимъ блескомъ и силой, но Миртовъ былъ первый изъ русскихъ мыслителей-публицистовъ, давшій молодежи ту самую формулу, въ которой она нуждалась, чтобы разобраться въ доставшихся ей въ наслѣдство принципахъ шестидесятыхъ годовъ и умѣть вынести изъ нихъ извѣстную руководящую программу практической дѣятельности. Въ 1870 г. «Историческія письма» Миртова вышли отдѣльнымъ изданіемъ, и Н. В. Шелгуновъ, критиковавшій ихъ тогда въ «Дѣлѣ» со старой Писаревской точки зрѣнія, несмотря на несогласіе со многими взглядами Миртова, горячо рекомендовалъ публикѣ его книгу, прямо указавъ на нее, какъ на выдающееся явленіе, какого давно не было въ нашей литературѣ [3]).

---

[1]) «Историческія письма», 2-е изд. „Русскаго Богатства“ 1906 г., 51 стр.
[2]) Тамъ же, стр 90.
[3]) „Историческая сила критической личности“, Сочиненія, т. II, стр. 338.

Программа, изложенная Миртовымъ въ «Историческихъ письмахъ», отнюдь не была программой специально революціонной. Она давала огромный просторъ для выбора способовъ и путей для дѣятельности и борьбы; она могла поэтому удовлетворить широкіе круги идейно настроенной молодежи. Подъ рубрики этой формулы удобно подводились и самыя крайнія революціонныя программы, и мирныя программы народниковъ-культуртрегеровъ, которые главнымъ образомъ и объединялись въ то время подъ знаменемъ «Недѣли».

Болѣе опредѣленная и уже чисто революціонная программа была выставлена въ это время заграничными русскими эмигрантами: *М. А. Бакунинымъ*, главой анархической фракціи интернаціональнаго союза рабочихъ, и присоединившимся къ нему *Ник. Ив. Жуковскимъ*, который предприпялъ въ 1868 г. изданіе журнала «Народное Дѣло». Въ № 1 этого журнала выставлена была программа глубоко революціонная по своимъ цѣлямъ, хотя и не дававшая вполнѣ точныхъ указаній относительно путей ея осуществленія. Первый пунктъ этой программы вполнѣ соотвѣтствовалъ первой части Лавровской формулы, требовавшей всесторонняго развитія личности; но онъ ставилъ уже точки надъ і и указывалъ, что умственное освобожденіе можетъ быть достигнуто только путемъ атеизма и матеріализма. Что же касается воплощенія въ общественныя формы истины и справедливости, то подъ нимъ разумѣлось уже опредѣленное соціально-экономическое освобожденіе народа и полное разрушеніе государства съ упраздненіемъ всякихъ властей. Соціально-экономическое освобожденіе должно было выразиться: въ упраздненіи всякой *наслѣдственной* собственности, въ передачѣ земли—общинамъ земледѣльцевъ, а фабрикъ, капиталовъ и прочихъ орудій производства—рабочимъ ассоціаціямъ; въ уравненіи правъ женщинъ съ мужчинами и упраздненіи брака и семьи, и, наконецъ, въ общественномъ воспитаніи дѣтей [1]). Это была чисто анархическая программа, хотя приверженцы ея могли быть по способамъ своей дѣятельности, какъ показали послѣдствія, и не разрушителями, а вполнѣ мирными пропагандистами, напоминавшими «времена апостольскія» и вызывавшими, какъ, напримѣръ, Бардина и другія участницы процесса 50-ти, умиленіе даже среди буржуазной и чиновничьей публики, присутствовавшей на судѣ [2]). Позднѣе Бакунинъ стремился доказать, что осуществленіе этой программы возможно лишь при помощи системы народныхъ бунтовъ съ активнымъ и непосредственнымъ участіемъ въ нихъ интеллигентныхъ революціо-

---

[1]) У *Бурцева* „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 87—89. Сравни указанную выше статью *г. Сватикова* „Студенческое движеніе 1869 г.“ въ „Историческомъ Сборникѣ“, стр. 184, 185, а также біографію М. А. Бакунина, написанную М. П. Драгомановымъ и напечатанную имъ въ женевскомъ изданіи писемъ М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву“, стр. XCIV—XCV.

[2]) Изъ статьи *Степняка* (С. М. Кравчинскаго), тамъ же, стр. 124.

неровъ; но съ этимъ соглашались далеко не всѣ анархисты-народники [1]).

Рѣзко революціонную программу по самому *способу* ея осуществленія выставилъ въ 1869 г. отдѣлившійся отъ Бакунина молодой революціонеръ Нечаевъ, основатель общества «Народной Расправы». Къ самому Бакунину Нечаевъ относился свысока. «Бакунинъ правъ—писалъ онъ,—что молодежи надо бросать университеты, академіи и проч. и итти въ народъ; но для чего?» Бакунинъ этого, будто бы, не говорилъ. Нечаевъ же говорилъ прямо—для разрушенія, для одного только разрушенія всего существующаго политическаго, соціальнаго и семейнаго строя. Постройка вновь—задача будущихъ поколѣній. Дѣло Каракозова въ глазахъ Нечаева только прологъ. Полное разрушеніе послѣдуетъ за всеобщимъ возстаніемъ; пока же Нечаевъ предлагалъ начать «устранять препятствія» въ лицѣ 1. тѣхъ, кто занимаетъ высшія должности и особенно усердно выполняетъ свои обязанности; 2. тѣхъ, кто владѣетъ капиталами и не хочетъ отдать своихъ средствъ добровольно на общее дѣло и 3. тѣхъ, кто разсуждаютъ и пишутъ по найму и ожидаютъ разныхъ подачекъ отъ правительства. Въ эту послѣднюю категорію были зачислены не только такіе публицисты, какъ Катковъ и Скарятинъ, но и Ламанскій и Погодинъ, и Краевскій, и даже А. Д. Градовскій. Только самого Александра II, по плану Нечаева, не слѣдовало убивать, потому что ему онъ хотѣлъ приготовить казнь помучительнѣе—всенародную: «Мы убережемъ *его*—писалъ Нечаевъ въ звѣрской своей прокламаціи—для казни мучительной, торжественной передъ лицомъ всего освобожденнаго чернаго люда, на развалинахъ государства» [2]). Напечатавъ эту программу, Нечаевъ поѣхалъ въ 1869 г. въ Россію, гдѣ сорганизовалъ нѣсколько кружковъ (пятерокъ) разныхъ степеней, съ безусловнымъ и безпрекословнымъ подчиненіемъ низшихъ высшимъ, причемъ каждый такой кружокъ долженъ былъ знать только одного члена выше стоящаго кружка. Себя Нечаевъ выдавалъ за посредника между системой образованныхъ имъ кружковъ и «центральнымъ комитетомъ», котораго на дѣлѣ не существовало. Основанный имъ «главный московскій кружокъ» состоялъ изъ пяти молодыхъ людей: Успенскаго, Прыжова, Николаева, Кузнецова и Иванова. Вскорѣ (осенью 1869 г.) Нечаевъ велѣлъ этому кружку убить своего сочлена Иванова, подозрѣвавшагося въ отступничествѣ. Этотъ приказъ Нечаева былъ выполненъ безпрекословно.

Очевидно, что политическій авантюристъ съ пріемами шар-

---

[1]) Тамъ же, стр. 99—105.

[2]) „Народная Расправа" (1869—1871). Отрывки изъ нея приведены у *Бурцева*, ч. I, стр. 90—97. О Нечаевѣ были напечатаны въ журналѣ „Былое" за 1906 г. (VII) воспоминанія г. Ралли, (и тамъ же двѣ другія статьи о немъ). Много данныхъ о Нечаевѣ собрано въ обстоятельной статьѣ г. Сватикова („Историч. Сборникъ", стр. 185 и слѣд.) Оба автора пытаются оттѣнить возможно рельефнѣе цѣнныя боевыя качества Нечаева, какъ неукротимаго революціонера.

латана и инстинктами настоящаго злодѣя, подобный Нечаеву, могъ имѣть успѣхъ лишь среди самой зеленой молодежи или людей совершенно безвольныхъ. Лишь полное отсутствіе свободы печати и то состояніе террора, въ которое наше правительство ввергло все русское общество послѣ 1866 года, да крайнее озлобленіе молодежи, тѣснимой и оскорбляемой мѣропріятіями Толстого, могли создать для Нечаева почву, на которой онъ могъ уловлять въ свои сѣти неопытныхъ юношей и безвольныхъ людей. Слѣдуетъ однако же констатировать, что жатва его была сравнительно очень обильна, если принять въ расчетъ краткость времени, въ теченіе котораго онъ дѣйствовалъ. По процессу нечаевцевъ судилось 87 лицъ, изъ которыхъ 4 были приговорены въ каторгу, 2 на житье въ Сибирь и 27 къ тюремному заключенію на разные сроки. Остальные были по суду оправданы, но многіе изъ нихъ тотчасъ же были отправлены въ ссылку административнымъ порядкомъ [1]). Нечаевъ и его принципы, обнаруженные на судѣ, оказали плохую услугу дѣлу русскихъ революціонеровъ, тѣмъ болѣе, что многіе склонны были принять Нечаева за нормальное выраженіе революціонныхъ идей. Такую именно мысль проводилъ въ своемъ извѣстномъ романѣ-памфлетѣ «Бѣсы» старый петрашевецъ Ф. М. Достоевскій. Но Достоевскій встрѣтилъ себѣ рѣзкій отпоръ въ даровитомъ молодомъ критикѣ «Отечественныхъ Записокъ» Н. К. Михайловскомъ, который, нисколько не пытаясь обѣлить нечаевщины, рѣзко протестовалъ противъ смѣшеній съ ней въ одну кучу честныхъ революціонныхъ идей и стремленій [2]). Противъ нечаевщины же поднялось рѣзкое движеніе въ средѣ самой революціонной и народнической молодежи. Кн. Кропоткинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что кружокъ «чайковцевъ», имѣвшій такое выдающееся значеніе въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, «возникъ изъ желанія противодѣйствовать нечаевскимъ способамъ дѣятельности» [3]).

XX.

Возникновеніе народническихъ кружковъ и первоначальное мирное ихъ направленіе.—Кружокъ чайковцевъ.—Кружокъ долгушенцевъ.—Журналъ Лаврова „Впередъ".—Движеніе въ народъ.—Арестъ пропагандистовъ.— Записка гр. Палена.

Вотъ какъ описываетъ Кропоткинъ возникновеніе кружка чайковцевъ и многихъ другихъ подобныхъ кружковъ. «Во всѣхъ городахъ, во всѣхъ концахъ Петербурга возникали кружки саморазвитія. Здѣсь тщательно изучались труды философовъ, эконо-

---

[1]) *Бурцевъ,* ч. II, стр. 78 и *Базилевскій* „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.", стр. 289 и слѣд.

[2]) Сочиненія *Н. К. Михайловскаго,* т. II, стр. 271 и слѣд., изд. 1888 г.

[3]) *Кропоткинъ* „Записки", стр. 288, (заграничное изданіе).

мистовъ и молодой школы русскихъ историковъ. Чтеніе сопровождалось безконечными спорами. Цѣлью всѣхъ этихъ чтеній и споровъ было—разрѣшить великій вопросъ, стоявшій передъ молодежью: *какимъ путемъ она можетъ быть наиболѣе полезна народу?* И постепенно она приходила къ выводу, что существуетъ лишь одинъ путь: *нужно итти въ народъ и жить его жизнью.* Молодые люди отправлялись поэтому въ деревню, какъ врачи, фельдшера, народные учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться съ народомъ, многіе пошли въ чернорабочіе, кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ и сотнями шли въ деревню, гдѣ беззавѣтно посвящали себя служенію бѣднѣйшей части народа. У всѣхъ ихъ не было никакой еще мысли о революціи, о насильственномъ переустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ-нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты и въ то же время узнать у самого народа, каковъ *его* идеалъ лучшей соціальной жизни» [1]).

Таково было настроеніе молодежи, по воспоминаніямъ Кропоткина, въ 1872 г. Конечно, при ретроспективномъ взглядѣ, брошенномъ имъ на то время черезъ 30 лѣтъ полной захватывающихъ впечатлѣній и интересовъ жизни, многое, можетъ быть, стерлось и обобщилось, пропали частности, которыя разнообразили эту картину. Изъ другихъ воспоминаній и документовъ мы знаемъ, что многіе вступали въ подобные кружки уже съ рѣзкимъ революціоннымъ настроеніемъ, а нѣкоторые даже съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Таково было настроеніе многихъ бывшихъ студентовъ, исключенныхъ изъ университета въ 1869 г. и высланныхъ изъ Петербурга, таково было міросозерцаніе нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ, распропагандированныхъ еще въ училищѣ [2]). Но эти оговорки отнюдь не могутъ опровергнуть вѣрности общаго впечатлѣнія, сохранившагося въ воспоминаніяхъ Кропоткина. Это общее впечатлѣніе Кропоткина находитъ себѣ подтвержденіе въ рѣчахъ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ политическихъ процессовъ 70-хъ годовъ,—напримѣръ, въ замѣчательной по своей глубокой искренности и правдивости рѣчи С. И. Бардиной [3]),—и особенно въ тѣхъ нападкахъ на мирныхъ народниковъ, съ которыми обрушился на нихъ Бакунинъ въ 1873 г. [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 285 и слѣд.

[2]) Ср., напримѣръ, воспоминанія Л. Э. *Шишко* о чайковцахъ и о С. М. Кравчинскомъ.

[3]) У *Бурцева*, ч. I, стр. 124—127 и у *Базилевскаго* „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.“, стр. 402.

[4]) *Бурцевъ*, н. с., стр. 99 и слѣд. Въ настоящее время племянникъ М. А. Бакунина, А. И. Бакунинъ (б. депутатъ II Гос. Думы), сдѣлалъ попытку издать сочиненія М. А. Бакунина въ Россіи; онъ издалъ два тома (изд. Балашова), но оба тотчасъ же были конфискованы. Во II изъ нихъ напечатано основное сочиненіе Бакунина той эпохи: „Государственность и анархія“. Къ сожалѣнію, редакція этого изданія не вполнѣ удовлетворительна: нѣтъ ни плана въ

«Я, господа, — говорила, между прочимъ, своимъ судьямъ С. И. Бардина,—принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ—внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ, но когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко...» «...Обвиненіе называетъ насъ—говорила она же—политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвести политическій coup d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому coup d'état вовсе не стремимся...» [1]).

Въ 1872—1873 гг. многіе изъ народниковъ вѣрили еще въ возможность и продуктивность не только мирной дѣятельности въ деревнѣ въ качествѣ учителей, фельдшеровъ, акушерокъ и проч., но даже и земская дѣятельность многими изъ нихъ не отвергалась вначалѣ. Кропоткинъ упоминаетъ о цѣлой группѣ молодежи, стремившейся на земскую службу. Надежды эти разсѣялись, впрочемъ, по его выраженію, какъ туманъ, при первомъ столкновеніи съ государственной машиной. Но даже самъ онъ, когда получилъ по наслѣдству отъ отца (въ 1871 г.) тамбовское помѣстье, «нѣкоторое время думалъ поселиться тамъ и посвятить всю энергію земской службѣ». Его звали на это нѣкоторые изъ мѣстныхъ крестьянъ и бѣдныхъ священниковъ; но, приглядѣвшись къ тогдашней дѣйствительности, онъ счелъ за лучшее отказаться отъ этихъ плановъ [2]). Первыя предпріятія чайковцевъ и другихъ примыкавшихъ къ нимъ кружковъ не имѣли строго революціоннаго характера. Прежде всего они занялись широкой разсылкой книгъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занималъ только что вышедшій тогда «Капиталъ» К. Маркса и и сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, «Историческія письма» Миртова, «Положеніе рабочаго класса» Флеровскаго и нѣкоторыя переводныя сочиненія такого же направленія. Кружокъ пытался и самъ издавать на свой счетъ нѣкоторыя сочиненія; такъ онъ выпустилъ вторымъ изданіемъ упомянутую книгу Флеровскаго (Берви) и «Историческія письма» Миртова, а

расположеніи статей, ни критической провѣрки текста, ни какихъ-либо объяснительныхъ примѣчаній. Между тѣмъ для изученія развитія Бакунинскихъ идей и его дѣятельности все это совершенно необходимо.

1) *Бурцевъ*, н. с., стр. 127 и *Базилевскій*, н. с., стр. 405.

2) „Записки", стр. 293—295.

также издалъ впервые «Азбуку соціальныхъ наукъ» того же Флеровскаго. Но изданныя имъ книги почти всѣ были задержаны цензурой и сожжены [1]). Первымъ революціоннымъ предпріятіемъ чайковцевъ была пропаганда соціалистическихъ, или, точнѣе говоря, анархистскихъ идей среди петербургскихъ рабочихъ. Въ кружкѣ чайковцевъ наиболѣе вліятельнымъ провозвѣстникомъ анархистскихъ идей явился Кропоткинъ, который съѣздилъ въ 1872 г. за границу, гдѣ въ это время развивалъ свою дѣятельность знаменитый Интернаціональный союзъ рабочихъ, созданный Марксомъ. Кропоткинъ внимательно присматривался къ европейскимъ рабочимъ организаціямъ и вернулся оттуда убѣжденнымъ «бакунистомъ», т. е. анархистомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ, какъ онъ разочаровался въ «марксистахъ», отъ которыхъ его оттолкнули политическіе компромиссы, необходимые для партіи, стремящейся осуществить свои цѣли путемъ парламентской борьбы и признающей необходимость государства [2]).

Чайковцы, среди которыхъ были люди съ очень различными политическими взглядами, а въ 1872 году преобладали конституціоналисты, вскорѣ восприняли бакунинскія идеи, привезенныя изъ-за границы Кропоткинымъ вмѣстѣ съ изряднымъ запасомъ соотвѣтствующей литературы. Этотъ запасъ дѣятельно пополнялся при помощи контрабандистовъ, а вскорѣ чайковцы рѣшили печатать для популяризаціи и пропаганды анархистскихъ идей среди народа такія же книжки въ Россіи, для чего привезли изъ-за границы типографскій станокъ. Изъ нелегальныхъ брошюръ, изданныхъ въ это время, т. е. въ 1873—1874 годахъ, чайковцами и примыкавшими къ нимъ кружками, образовалась цѣлая литература [3]). Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ велась очень энергично, успѣшно и смѣло; но вскорѣ послѣдовалъ крахъ вслѣдствіе предательства двухъ рабочихъ и одного бывшаго студента (Низовкина). Еще ранѣе, нежели этотъ крахъ случился, среди чайковцевъ и другихъ кружковъ начало образовываться убѣжденіе, что пропаганда среди рабочихъ не можетъ привести къ массовому народному движенію. Въ то же время Бакунинъ поднялъ свой голосъ противъ дѣятельности мирныхъ народниковъ-культуртрегеровъ и указывалъ, что одни только бунты, приведенные въ систему революціонерами, могутъ двинуть народное дѣло [4])... Въ томъ же смыслѣ высказывался московскій кружокъ Долгушина и Дмоховскаго въ своихъ изданіяхъ.

---

[1]) *Л. Э. Шишко.* „С. М. Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ", стр. 17. Ср. списокъ сожженныхъ и запрещенныхъ въ то время книгъ въ первой книжкѣ „Освобожденія" за 1903 г. и у *К. К. Арсеньева* „Законодательство о печати", стр. 97, въ статьѣ В. Я. Богучарскаго въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза „Цензурныя взысканія" и въ его же книгѣ „Изъ прошлаго русскаго общества" (статья „Изъ исторіи русской журналистики" стр. 401—406).

[2]) „Записки", стр. 252—276.

[3]) Перечень ея имѣется у Л. Э. Шишко, н. с., стр. 26—27.

[4]) *Бурцевъ*, н. с., ч. I, стр. 99 и слѣд. Срав. упомянутую ст. г. Сватикова.

Въ прокламаціи, выпущенной въ 1873 г., долгушинцы убѣждали молодежь идти въ народъ, «чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства» и отрицали плодотворность всякой иной культурной работы, въ томъ числѣ и въ безправномъ земствѣ[1]).

Лавровъ, бѣжавшій еще въ 1870 году за границу, основалъ въ томъ же 1873 г. въ Цюрихѣ журналъ «Впередъ» (въ видѣ непе, періодическаго обозрѣнія), который затѣмъ былъ перенесенъ въ Лондонъ [2]).

Программа «Впередъ» мало отличалась по цѣли своей отъ Бакунинской. Лавровъ является въ ней соціалистомъ-федералистомъ и за идеальный строй признаетъ анархическій. Но между нимъ и современнымъ централизованнымъ легальнымъ государствомъ—будь то конституціонная монархія, или даже республика—Лавровъ предполагаетъ цѣлый рядъ формъ, постепенно стремящихся къ развитію федералистическихъ началъ. Онъ считаетъ либеральныхъ конституціоналистовъ враждебными народному дѣлу и не совѣтуетъ вступать съ ними въ союзъ, но считаетъ и для народниковъ необходимымъ помогать осуществленію принциповъ свободы мысли и слова, свободы ассоціацій и расширенія обученія и участія низшихъ классовъ въ управленіи. Въ Россіи онъ признаетъ кореннымъ вопросомъ организацію крестьянства. «Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общественной собственности частную, дать крестьянину то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго онъ никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки не были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплуатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота,—вотъ спеціально русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству».

Лавровъ рѣшительно выступаетъ противъ якобинства вообще и противъ шарлатанскаго (очевидно, онъ имѣлъ въ виду нечаевщину), въ особенности. «На первое мѣсто—писалъ онъ—мы ставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть

---

[1]) *Бурцевъ*, I, стр. 97—98. О томъ, какъ организовались и развивались въ это время подобные же кружки въ Кіевѣ и Юго-Зап. краѣ, въ Одессѣ и Новороссіи, см. „Воспоминанія“ Влад. Дебогорія-Мокріевича (изданныя теперь и въ Россіи) и указанныя выше воспоминанія С. Л. Чудновскаго въ „Быломъ“ за 1907 г. и въ „Историческомъ Сборникѣ“. Срав. также *Лаврова* „Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.“ Спб. 1907 г., стр. 34 и слѣд. Внѣшняя исторія кружковъ семидесятыхъ годовъ обстоятельно разсказана въ воспоминаніяхъ *Старика* въ октябрьской книжкѣ „Былого“ за 1906 г.

[2]) У *Бурцева* на стр. 106—112 изложена программа лавровскаго „Впередъ“. То же у *Лаврова*, стр. 79 и слѣд. Обстоятельства, при которыхъ было начато изданіе журнала „Впередъ“, подробно разсказаны Лавровымъ тамъ же въ особомъ примѣчаніи на стр. 54—62.

совершена не только съ *цѣлью* народнаго блага, не только для народа, но и *посредствомъ* народа». Онъ желалъ, чтобы народъ сознательно сталъ на сторону новаго строя: «мы не хотимъ новой насильственной власти». По программѣ Лаврова началу народной революціи должна была, такимъ образомъ, предшествовать долгая, трудная подготовка и развитіе самого народа. Искусственныхъ революцій онъ не допускалъ. По его мнѣнію лишь тогда, когда народъ будетъ вполнѣ готовъ и когда ходъ историческихъ событій укажетъ минуту переворота, революціонеры *въ правѣ* призвать народъ. Поэтому, обращаясь къ революціонерамъ, Лавровъ предлагаетъ имъ готовиться къ минутѣ переворота «умственнымъ развитіемъ, житейскимъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера» и подготовлять къ ней народъ русскій, «уясняя ему его истинныя потребности, его вѣчныя права, его грозныя обязанности, его могучую силу»...

Такимъ образомъ, на первый планъ онъ выставлялъ дѣятельность подготовительную, которая, конечно, должна была растянуться на многіе годы.

Но въ этомъ существенномъ положеніи Лавровской программы заключалось отрицаніе Бакунинской системы народныхъ бунтовъ. Между тѣмъ, послѣдняя въ глазахъ нетерпѣливой и неопытной молодежи скорѣе вела къ цѣли, а потому и казалась гораздо симпатичнѣе и практичнѣе.

Чайковскій отвѣтилъ Лаврову открытымъ письмомъ, въ которомъ утверждалъ, что наука безъ революціоннаго настроенія ровно ничего не дастъ народу и что нужно дорожить тѣми годами, когда молодежь беззавѣтно отдается революціонному движенію; онъ высказывалъ опасеніе, какъ бы современная наука въ ея буржуазной обстановкѣ не отвлекла молодежь отъ народнаго дѣла [1]). Ранней весной 1874 г. и *лавристы*, и *бакунисты* двинулись массой въ народъ. Первые съ цѣлью пропаганды и перевоспитанія народа, вторые—съ агитаціонными цѣлями, съ намѣреніемъ взбунтовать народъ въ разныхъ мѣстахъ и вызвать всенародное восстаніе. Революціонеры переодѣлись въ крестьянское платье, запаслись подложными видами, но приступили къ дѣлу такъ наивно и неосторожно, что вызвали немедленное преслѣдованіе, окончившееся страшнымъ погромомъ. Вотъ какъ резюмируетъ ближайшіе результаты этого движенія одинъ изъ революціонеровъ: «Около тысячи человѣкъ было арестовано; а немногіе уцѣлѣвшіе пропагандисты должны были спасаться въ города, ибо и прежде трудное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ эту минуту. Правительство забило тревогу; сыщики и жандармы стали рыскать по всѣмъ угламъ

---

[1]) *Шишко*, стр. 32. Срав. *Дебогорія-Мокріевича* „Воспоминанія", стр. 18 и слѣд. О заграничныхъ кружкахъ и о спорахъ Бакунистовъ съ Лавристами въ Цюрихѣ см. у *Лаврова* „Народники-пропагандисты", стр. 53 и слѣд., также въ воспоминаніяхъ *Джабадари* о процессѣ „пятидесяти" („Былое" за 1907 г., № 9, стр. 174 и слѣд.).

Россійской имперіи; мѣстныя власти насторожили уши; со всѣхъ сторонъ посыпались анонимные и открытые доносы, такъ что не только съ цѣлью пропаганды, а даже безъ всякой цѣли интеллигентъ не могъ показаться въ незнакомую деревню, не рискуя быть схваченнымъ и доставленнымъ куда слѣдуетъ» [1]).

Погромъ этотъ начался съ Саратовской губерніи, гдѣ 31-го мая 1874 года возбуждено было дознаніе о распространеніи въ народѣ книгъ революціоннаго содержанія. Руководство этимъ дознаніемъ принялъ на себя прокуроръ саратовской судебной палаты Жихаревъ; вскорѣ обнаружились связи саратовскихъ пропагандистовъ съ курскими и съ дѣйствовавшими въ другихъ мѣстахъ, а въ концѣ-концовъ дознаніями раскрыта была пропаганда, по офиціальнымъ даннымъ, въ 37 губерніяхъ, при чемъ къ дѣлу привлечено было 770 человѣкъ, изъ нихъ 612 мужчинъ и 158 женщинъ. 265 были заключены подъ стражу, 452 оставлены на свободѣ подъ надзоромъ, и 53 остались на первыхъ порахъ не разысканными. Въ числѣ этихъ лицъ главный контингентъ состоялъ изъ бывшихъ студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній; но было также значительное число отставныхъ офицеровъ, помѣщиковъ (какъ Войнаральскій, отдавшій въ пользу революціи все состояніе), лицъ служащихъ на государственной и общественной службѣ (какъ, напр., С. Ф. Коваликъ, предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.) и дѣвушекъ изъ дворянскихъ семействъ, даже нѣсколькихъ дочерей военныхъ и штатскихъ генераловъ (С. Л. Перовская, В. Н. Батюшкова, Н. А. Армфельдъ, С. Лешернъ фонъ-Гецфельдъ). Въ запискѣ министра юстиціи, гр. Палена, составленной на основаніи собранныхъ Жихаревымъ данныхъ, указывается, между прочимъ, что «многія лица не молодыя, отцы и матери семействъ, обезпеченныя и матеріальными средствами, и болѣе или менѣе почтеннымъ общественнымъ положеніемъ, не только не противодѣйствовали, но, напротивъ, нерѣдко оказывали имъ видимое сочувствіе и поддержку, какъ бы не сознавая въ слѣпомъ своемъ фанатизмѣ, что конечнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій должна быть гибель всякаго общества и ихъ самихъ». Въ подтвержденіе приведены были имена нѣсколькихъ такихъ лицъ [2]). Въ запискѣ этой говорится даже, что «успѣхи пропагандистовъ не столько зависѣли отъ ихъ собственныхъ усилій и дѣятельности, сколько отъ той легкости, съ которой ученія ихъ проникли въ различные слои общества и отъ того сочувствія, которое тамъ встрѣчали» [3]). Удивительно, что гр. Палену не пришла въ голову очень простая мысль, что сочувствіе, которое встрѣчали пропагандисты въ различныхъ

---

[1]) *Е. Серебряковъ*. „Общество Земля и Воля", стр. 1.

[2]) Записка министра юстиціи гр. Палена, составленная на основаніи данныхъ, собранныхъ дознаніемъ Жихарева, помѣщена въ извлеченіи у *Бурцева* „За сто лѣтъ", I, стр. 113—123. Теперь эта записка опубликована въ Россіи въ журналѣ „Былое" за 1907 г., № 9, стр. 268—276.

[3]) Записка гр. Палена въ сборникѣ „За сто лѣтъ", стр. 120.

слояхъ образованнаго общества, относилось, быть можетъ, не столько къ ихъ ученію, сколько къ ихъ личности, въ которой воплощался смѣлый протестъ противъ господствовавшаго въ это время беззастѣнчиваго административнаго произвола.

Уцѣлѣвшіе отъ арестовъ пропагандисты бѣжали въ городъ, но не пали духомъ и не потеряли вѣры въ свое дѣло. Съ энергіей принялись они за пополненіе своихъ порѣдѣвшихъ рядовъ. И правительство своими мѣрами въ отношеніи учащейся молодежи опять пришло имъ на помощь. Какъ разъ въ это время произошли крупные безпорядки въ университетахъ и особенно въ медико-хирургической акедеміи изъ-за демонстраціи противъ проф. Ціона. Академія была закрыта, студенты опять исключались и изгонялись массами, давая готовые кадры для пополненія революціонныхъ кружковъ.

XXI.

Основаніе „Земли и Воли" и программа этого общества.—Демонстрація на Казанской площади.—Измѣненіе судебныхъ уставовъ въ отношеніи политическихъ преступленій.—Политическіе процессы семидесятыхъ годовъ.—Рѣчь Мышкина.—Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ и ея процессъ.—Чигиринское дѣло.—Конституціонныя стремленія въ кіевскихъ революціонныхъ кружкахъ.

Въ этотъ первый короткій опытъ соприкосновенія съ народными массами пропагандисты убѣдились въ неподготовленности массъ къ воспріятію соціалистическаго или, вѣрнѣе, анархическаго ученія въ его цѣломъ [1]). Правда, они остались при убѣ-

---

[1]) *I. Серебряковъ* приводитъ въ подтвержденіе весьма интересную выписку изъ неизданныхъ воспоминаній одного землевольца: „Были—пишетъ этотъ землеволецъ—пропагандисты талантливые, умные и производили впечатлѣніе несомнѣнно глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее, душу-то народную? *Не соціализмъ и не анархія*, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземелье и тягота податей и были всегдашнимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ... Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ: знаніе, которымъ онъ обладалъ, давало ему возможность обобщать данные частные факты и освѣтить ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ. И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчь и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе овладѣвалъ онъ вниманіемъ всѣхъ слушателей. *Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось*. Не то, чтобы его не хотѣли слушать („почто не послухать"), *а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо—не слушай, а врать не мѣшай!"* Пропагандисты тогда же почувствовали, что тутъ кроется что-то неладное, но *торопливость, съ какою велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубокое значеніе этого факта*, проанализировать его съ необходимой серьезностью" (стр. 5). Срав. книгу *П. Л. Лаврова* „Народники - пропагандисты 1873—78 годовъ", въ которой приведено также много выписокъ изъ воспоминаній „землевольца" Ланганса и другихъ. (Этотъ „землеволецъ" былъ О. В. Аптекманъ. Его рукописный разсказъ о „Землѣ и Волѣ" ходилъ по рукамъ еще въ 80-хъ годахъ. Изъ этого разсказа и брали цитаты Э. А. Серебряковъ, П. Л. Лавровъ и др. Въ настоящее время воспоминанія Аптекмана изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Изъ исторіи революціоннаго народничества". „Земля и

жденіи, что всѣ общественные идеалы, которые выработалъ самъ народъ и которыми онъ живетъ, въ общемъ не противорѣчатъ конечнымъ ихъ цѣлямъ и идеаламъ, и даже могутъ послужить основаніемъ для перехода отъ настоящаго строя къ соціалистическому. Кто знаетъ, можетъ быть, если бы пропагандистамъ удалось дольше пробыть въ деревнѣ безъ тѣхъ внѣшнихъ помѣхъ, какія ихъ встрѣтили, они, можетъ быть, убѣдились бы въ шаткости и этого второго своего убѣжденія... Но теперь это убѣжденіе послужило для нихъ основаніемъ къ проектированію новыхъ способовъ веденія пропаганды въ народѣ. Другой урокъ, который они вынесли изъ своего перваго опыта, это убѣжденіе, что нельзя дѣйствовать въ такомъ дѣлѣ разрозненно, разбившись на массу самостоятельныхъ кружковъ и предпріятій, такъ какъ при этомъ сношенія происходятъ крайне неорганизованно, каждый дѣлаетъ, что и какъ хочетъ, а между тѣмъ ошибка каждаго отдѣльнаго дѣятеля можетъ пагубно отозваться и на всѣхъ остальныхъ [1]).

Эти выводы привели къ необходимости образованія настоящей централизованной организаціи для культивированія и использованія въ революціонныхъ цѣляхъ тѣхъ идеаловъ, которые выработалъ въ своей жизни самъ народъ. Эти идеалы удобно укладывались въ формулу, выставленную еще въ 1861 г.,—«Земля и Воля». Члены общества, объединившіеся подъ этимъ знаменемъ, получили наименованіе «народниковъ». Однако, на организацію этого общества, на сговариваніе и пополненіе личнаго состава ушло два года. Уставъ тайнаго общества «Земля и Воля» принятъ былъ лишь въ концѣ 1876 г. [2]). Ближайшей цѣлью общества признана была по уставу въ соотвѣтствіи съ выработанными народною жизнью идеалами аграрная революція въ формѣ всеобщаго передѣла земель. Для этой цѣли признано было необходимымъ *главныя силы* общества сосредоточить въ деревнѣ «съ

Воля" 70-хъ годовъ". Русск. Ист. Библ. № 19. Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь". *Ред.)*. Много матеріала для характеристики движенія 70-хъ годовъ имѣется въ превосходныхъ воспоминаніяхъ *Вл. Дебогорія-Мокріевича*, которыя дополняются воспоминаніями *С. Л. Чудновскаго* (на нихъ мы уже ссылались неоднократно). Въ журналахъ „Былое" за 1906 и 1907 гг., „Наша Страна" („Историч. Сборникъ") и „Минувшіе Годы" за 1908 г. содержится теперь цѣлый арсеналъ воспоминаній, характеристикъ, біографій, замѣтокъ и матеріаловъ, прибавляющихъ много жизни и красокъ къ нашему представленію отъ этой достопамятной эпохи русской жизни. Слѣдуетъ однако же замѣтить, что ранѣе опубликованныя воспоминанія кн. Кропоткина, Шишко, Серебрякова и Дебогорія-Мокріевича настолько вѣрно и точно обрисовали эту эпоху, что въ той сжатой характеристикѣ ея, которую мы дали въ нашемъ трудѣ (въ заграничномъ изданіи), намъ и теперь не пришлось измѣнить ничего существеннаго.

[1]) *Серебряковъ*, стр. 6.

[2]) Программа сѣверно-русскаго общества „Земля и Воля" напечатана у *Серебрякова*, стр. 8—14. Выдержки изъ нея и изъ програмной статьи газеты „Земля и Воля" у *Бурцева* „За сто лѣтъ". Стран. 136—140. См. также № 1 „Земли и Воли" у *Базилевскаго* „Револ. журн. 70-хъ гг.", стр. 119 и слѣд.

цѣлью агитаціи на почвѣ вышеуказанныхъ требованій земельнаго передѣла и организаціи народно-революціонныхъ силъ». Пропаганда среди рабочихъ и среди молодежи признана была второстепенной, служебной задачей общества. Въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, наряду съ развитіемъ народно-революціонныхъ началъ, допускалась, какъ средство образованія «сознательнаго меньшинства», и соціалистическая пропаганда. «Къ числу агитаціонныхъ средствъ» въ мѣстностяхъ, гдѣ народное недовольство принимаетъ *особенно острый характеръ*, относилась «*терроризація*» правительственныхъ чиновниковъ, кулаковъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ и т. п., т. е., по просту говоря, допускались аграрныя или политическія убійства. Правительство, какъ покровитель эксплоатирующаго меньшинства, считалось врагомъ народа и потому признавалась необходимость борьбы съ его представителями въ формѣ *политическаго террора*. «Однако,—говорилось въ программѣ—общество «Земля и Воля» признаетъ, что сосредоточеніе на этой борьбѣ не только всѣхъ, но даже и главныхъ его силъ, поставило бы его въ противорѣчіе съ указанными выше задачами аграрной революціи». Въ случаѣ конституціоннаго движенія имъ предполагалось воспользоваться лишь для того, «чтобы ослабить вѣру народа въ значеніе мирныхъ легальныхъ реформъ». Всѣ силы общества распредѣлены были между слѣдующими пятью группами: 1. *администрація*, или центръ, вѣдала всѣ дѣла общества; при ней была «небесная канцелярія» для приготовленія фальшивыхъ паспортовъ; 2. группа для пропаганды среди молодежи; 3. группа для пропаганды среди рабочихъ; 4. группа *дезорганизаторская* для внесенія разстройства въ ряды враговъ общества, т. е. для террористической борьбы съ правительственнымъ произволомъ, со шпіонами и для освобожденія товарищей изъ-подъ ареста; наконецъ, 5. самая важная и многолюдная группа—*деревенщики*—для непосредственной организаціи народа.

Первый актъ новаго общества былъ—несовсѣмъ согласно съ его цѣлями—устройство извѣстной казанской демонстраціи 6-го декабря 1876 г. Предполагалось устроить своего рода смотръ рабочимъ силамъ Петербурга. Надѣялись собрать нѣсколько тысячъ, развернуть красное знамя, произнести соотвѣтственную рѣчь и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, пройтись по городу или разойтись. Затѣя эта кончилась полной неудачей. Собралось всего человѣкъ 200—300, нашелся ораторъ, развернули и знамя, но полиція, въ виду малочисленности манифестантовъ, направила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ мелочныхъ лавокъ, и началось поголовное избіеніе. Человѣкъ 20 было арестовано, прочіе успѣли разбѣжаться. «Въ первую минуту—по словамъ историка «Земли и Воли»—эта демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе». «Но правительство—пишетъ онъ—само постаралось исправить ошибку революціонеровъ. Безобразно жестокій приговоръ надъ казанцами вызвалъ общій крикъ негодованія и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ обществу, что демонстрація, очевидно, уже не такъ была

смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ» [1]).

Дѣло манифестантовъ разбиралось въ Сенатѣ черезъ $1^1/_2$ мѣс., съ 18-го по 25-го января 1877 года. Такимъ образомъ, судъ былъ скорый, но не милостивый: подсудимыхъ было 21 человѣкъ, изъ нихъ 5 человѣкъ приговорены къ каторгѣ и 10 на поселеніе. Мирная, безоружная манифестація разсматривалась какъ бунтъ [2]). Вслѣдъ за этимъ процессомъ въ томъ же 1877 году послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ политическихъ процессовъ съ большимъ числомъ подсудимыхъ.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ, тотчасъ послѣ процесса нечаевцевъ, правительство признало нужнымъ внести нѣкоторыя измѣненія въ судебные уставы. Закономъ 19-го мая 1871 г. измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ политическимъ съ возложеніемъ производства дознаній по нимъ на чиновъ жандармскаго управленія при участіи прокуроровъ. Тѣмъ же закономъ установлено, что оконченныя такимъ порядкомъ дознанія представляются министру юстиціи, который, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ, или дѣлаетъ распоряженіе о направленіи дѣла судебнымъ порядкомъ, или испрашиваетъ высочайшее соизволеніе на прекращеніе производства, или на разрѣшеніе его въ порядкѣ административномъ. Затѣмъ, по закону 7 іюля 1872 г. дѣла о государственныхъ преступленіяхъ изъяты изъ вѣдѣнія судебныхъ палатъ и переданы въ Сенатъ. Наконецъ, 18 іюля 1874 г. увеличены нѣсколькими степенями наказанія за принадлежность къ преступнымъ сообществамъ [3]). Собственно, послѣ нечаевскаго процесса политическіе процессы возобновились еще въ 1874 г., начиная съ дѣла «долгушинцевъ», по которому за содержаніе тайной типографіи въ Москвѣ и напечатаніе нѣсколькихъ противоправительственныхъ изданій были приговорены 5 чел. къ каторгѣ, 5 человѣкъ къ тюремному заключенію на разные сроки и 3—оправданы [4]).

Затѣмъ слѣдовалъ рядъ болѣе мелкихъ процессовъ въ 1875—1876 гг. [5]). Наряду съ этимъ шли непрерывно аресты и административныя высылки. Послѣ процесса казанскихъ манифестантовъ пошли грандіозные массовые процессы. Съ 21 февраля по 14 марта 1877 г. разбиралось въ Сенатѣ, такъ называемое, дѣло 50-ти, причемъ цѣлый рядъ лицъ за пропаганду анархическихъ идей въ народѣ были присуждены въ каторжныя работы, на поселеніе

---

[1]) *Серебряковъ*, стр. 15—16.

[2]) *Бурцевъ*, ч. II, стр. 89. *Базилевскій* „Госуд. преступл. въ Россіи въ XIX в.“, II, стр. 1—156.

[3]) *Татищевъ*, ч. II, стр. 587, ср. у *Бурцева*, ч. II, стр. 80 и 82. Срав. *I. В. Гессена* „Судебная реформа“, стр. 157—158.

[4]) *Бурцевъ*, ч. II, стр. 83. *Базилевскій* „Госуд. преступл. въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, I, стр. 460 и сл.

[5]) *Бурцевъ*, н. с., стр. 85—88. Такихъ процессовъ въ 1875 и 1876 гг. было не менѣе десяти и по нѣкоторымъ изъ нихъ судились по нѣскольку человѣкъ. См. *Базилевскій*, н. с., I, стр. 578 и слѣд.

и къ тюремному заключенію на разные сроки. По кассаціонной жалобѣ Л. Н. Фигнеръ, В. И. Александровой и друг. Сенатъ пересмотрѣлъ это дѣло и призналъ, что составленіе общества съ цѣлью измѣненія существующаго строя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ нельзя смѣшивать съ заговоромъ съ цѣлью немедленнаго возстанія или переворота. Поэтому наказанія нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ при пересмотрѣ дѣла были измѣнены [1]).

Въ маѣ разсматривалось дѣло «Южно-Русскаго Рабочаго Союза» (15 ч.); въ іюнѣ до 7 мелкихъ дѣлъ. Наконецъ, 18 октября 1877 г. начался большой процессъ 193-хъ, тянувшійся цѣлыхъ три мѣсяца (до 23 января 1878 г.). Большая часть подсудимыхъ отказывалась отъ объясненій, но одинъ изъ нихъ, Ипп. Ник. Мышкинъ, въ обстоятельной рѣчи выяснилъ суду задачи соціально-революціонной партіи въ Россіи, причемъ указалъ, что она имѣетъ въ виду доставить побѣду соціальнымъ идеаламъ, выработаннымъ народною жизнью, но попраннымъ и подавленнымъ государственной властью. «При всемъ различіи взглядовъ по другимъ вопросамъ — сказалъ онъ—приверженцы соціальной революціи сходятся въ одномъ: что революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при сознаніи имъ, во имя чего она совершается; другими словами, настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнутъ *только тогда, когда пожелаетъ этого самъ народъ*. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ считать насъ злоумышленниками. Можно ли указывать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: «мы будемъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посильную помощь и — да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ».

«Вѣдь въ нашемъ распоряженіи—продолжалъ онъ—нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ

[1]) Напримѣръ, Бардиной вмѣсто каторги—ссылка на поселеніе и т. п. „За сто лѣтъ", ч. II, стр. 90. Объ этомъ процессѣ *Степнякъ* (Кравчинскій) писалъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, но не безъ основанія слѣдующее: „До этого процесса соціалистовъ знала только молодежь... И вотъ разражается процессъ пятидесяти. Передъ изумленной публикой проходятъ лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя со спокойнымъ взоромъ и съ дѣтски-безмятежной улыбкой на устахъ идутъ туда, откуда нѣтъ возврата. гдѣ нѣтъ мѣста надеждѣ — идутъ въ центральныя тюрьмы, на многолѣтнюю каторгу! Она слышитъ чудную, точно благоухающую вѣрою и любовью рѣчь Бардиной. Слышитъ строго стройную рѣчь Здановича, въ которой изъ-подъ холодной и строгой оболочки мыслителя точно рвется наружу непоколебимое, страстное убѣжденіе фанатика. Наконецъ, когда эта публика, пораженная, смущенная, не знаетъ, что сказать, что подумать, надъ ней раздается могучее громовое слово Петра Алексѣева,—крестьянина, представителя самого народа, и слышится въ немъ точно голосъ той многоголовной, многоязычной массы, которая въ нѣдрахъ своихъ носитъ будущее—невѣдомое, грозное, быть можетъ, кровавое...

„Времена апостольскія возвращаются!", въ глубокомъ душевномъ умиленіи говорили одни, выходя изъ залы засѣданія.

„Новая сила народилась!"—говорили другіе („За сто лѣтъ", ч. I, стр. 124).

предпріятій, закабаляющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ. Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками.

«Если же, несмотря на крайне неблагопріятныя для насъ условія, правительство все-таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то значитъ, мы не ошибаемся, разсчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ...».

Въ концѣ своей рѣчи Мышкинъ, постоянно перерываемый предсѣдателемъ, пришелъ въ крайнее раздраженіе и, несмотря на приказаніе предсѣдателя замолчать и на попытку жандармскаго офицера зажать ему ротъ рукой, успѣлъ прокричать по адресу Сената, что это «не судъ, а пустая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина — сказалъ онъ—изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорого для человѣчества...» [1]). Произошелъ невообразимый скандалъ и сенаторы, забывъ закрыть засѣданіе, гурьбой выбѣжали изъ залы [2]).

Чтобы правильно оцѣнить рѣчь Мышкина, надо помнить, что, когда онъ былъ арестованъ, дѣйствительно со стороны народниковъ-революціонеровъ не только не было еще произведено ни одного террористическаго акта, но не существовало еще и тайнаго общества «Земля и Воля» съ его «дезорганизаторской» группой. Между тѣмъ большая часть подсудимыхъ, фигурировавшихъ въ процессѣ 193, были арестованы еще въ 1874 г. и безъ суда томились по тюрьмамъ въ теченіе 2-хъ, 3-хъ и болѣе лѣтъ. Изъ этихъ 193 человѣкъ Сенатъ призналъ 153 по суду оправданными [3]). Можно судить, какое это произвело впечатлѣ-

---

[1]) У *Бурцева*, ч. I, стр. 131—132. У Базилевскаго. „Госуд. преступленія въ Россіи", т. II.

Что касается процесса 193-хъ или, какъ его иначе называютъ, большого процесса, то въ настоящее время имѣется обстоятельное описаніе его въ воспоминаніяхъ *С. Л. Чудновскаго* („Минувшіе Годы" за 1908 г., май—іюнь, стр. 350 и слѣд.), а процесса 50-ти — въ статьѣ *И. В. Джабадари* („процессъ пятидесяти" въ „Быломъ" за 1907 г., X, стр. 107 и слѣд.). Эти живыя воспоминанія прекрасно дополняютъ матеріалы, напечатанные въ сборникахъ Базилевскаго (В. Богучарскаго).

[2]) Серебряковъ, н. с., стр. 36.

[3]) *Татищевъ*, II, стр. 596—597. Сенатъ приговорилъ, не ходатайствуя о смягченіи, въ каторжныя работы одного только Мышкина, къ ссылкѣ на житье—4, отрѣшить отъ должности—1; о 34 лицахъ постановлено было ходатайствовать о смягченіи слѣдующаго по суду наказанія съ тѣмъ, чтобы вмѣсто каторги сослать на поселеніе 6 чел., на житье — 18 въ Сибирь и 8 въ отдаленныя губерніи Европейской Россіи; наконецъ, 2 помиловать совсѣмъ, въ виду чистосердечнаго раскаянія, а остальныхъ 153 признать по суду оправданными (стр. 597).

ніе на публику. Спрашивается, для чего же ихъ держали въ тюрьмѣ? Это ли не возмутительный произволъ?..

Но этого мало: еще до начала процесса 193 произволъ правительства выразился въ еще болѣе возмутительной формѣ: 13 іюля 1877 года политическій арестантъ Боголюбовъ (Емельяновъ), присужденный въ каторгу за демонстрацію у Казанскаго собора, былъ высѣченъ розгами по приказанію градоначальника Трепова за то, что не снялъ передъ нимъ шапку, когда Треповъ посѣтилъ тюрьму, въ которой Боголюбовъ содержался. Другіе заключенные, узнавъ объ этой злодѣйской расправѣ, подняли шумъ и крики, но къ нимъ ворвались служителя и солдаты, кого избили, кого стащили въ карцеръ и въ концѣ концовъ усмирили [1]).

Молодая дѣвушка, Вѣра Засуличъ, рѣшилась отомстить Трепову. Она поѣхала въ Петербургъ, явилась къ Трепову и выстрѣлила въ него изъ револьвера. Треповъ не былъ убитъ, но былъ тяжело раненъ. Газеты, не зная хорошенько, въ чемъ дѣло, подняли крикъ противъ молодой террористки, и правительство, увѣренное, что общество будетъ въ въ этомъ случаѣ на его сторонѣ, рѣшило отдать этотъ случай на судъ общественной совѣсти. Засуличъ предана была суду съ присяжными засѣдателями. Впервые присяжнымъ пришлось произнести свой приговоръ по политическому дѣлу. Дѣло разсматривалось 31 марта 1878 года. Зала суда была полна публики. Была тамъ и знать и высшее чиновничество съ канцлеромъ Горчаковымъ во главѣ. Были представители судебнаго вѣдомства, адвокатуры, литературы. Однимъ словомъ, какъ выражается лѣтописецъ «Земли и Воли», — отборная публика, и, конечно, въ большинствѣ настроенная не очень-то благосклонно къ Засуличъ и революціонерамъ. Но начался разборъ дѣла и публика, убѣжденная фактами, стала невольно выражать свое сочувствіе Засуличъ и ея защитнику, такъ что предсѣдатель (А. Ф. Кони) былъ вынужденъ пригрозить очистить залу [2]). Когда присяжный повѣренный Александровъ разсказалъ подробно суду, какъ было совершено гнусное надругательство надъ Боголюбовымъ, котораго по закону Треповъ не имѣлъ даже права сѣчь, то въ залѣ суда большинство плакало. По окончаніи процесса и Засуличъ, и ея защитнику Александрову публика устроила шумную овацію, вышедшую далеко за стѣны суда. Тотчасъ же по выходѣ изъ залы

---

[1]) *Серебряковъ*, н. с., стр. 97.

[2]) Катковъ старался увѣрить, что въ этихъ оваціяхъ и рукоплесканіяхъ „сливки" общества и „сановники въ звѣздахъ" не участвовали — „крики восторга, оглушительныя рукоплесканія" неслись, по его словамъ, единственно изъ находившихся въ залѣ суда представителей адвокатуры и журналистики, да „радикаловъ", наполнявшихъ верхнія галлереи. Едва ли это мѣняетъ дѣло. Вѣдь не „сливки" и не „сановники" образуетъ и вообще общественное мнѣніе страны. А что мнѣніе всей интеллигенціи было тогда въ пользу Засуличъ, это призналъ и самъ Катковъ. Срав. *Невѣдѣнскій*, н. с., стр. 515 и слѣд.

суда жандармы хотѣли арестовать Засуличъ, чтобы расправиться съ ней административнымъ порядкомъ, но публика отбила ее, причемъ въ происшедшей суматохѣ и свалкѣ одинъ изъ революціонеровъ, Сидорацкій, стрѣлялъ изъ револьвера въ жандармовъ, а затѣмъ тутъ же покончилъ съ собой. Въ этотъ же день Засуличъ бѣжала за границу.

В. И. Засуличъ несомнѣнно принадлежала къ революціонной молодежи, но она не входила въ составъ дезорганизаторской группы «Земли и Воли» и дѣйствовала въ этомъ случаѣ по собственному почину и на свой страхъ. Однако, выстрѣлъ ея и особенно необыкновенный успѣхъ, который дѣло ея имѣло въ публикѣ, въ агитаціонномъ смыслѣ страшно сильно подѣйствовали на настроеніе самихъ революціонеровъ и послужили сигналомъ къ началу той лихорадочной дѣятельности дезорганизаторской группы «Земли и Воли», которая вскорѣ поглотила главныя силы революціонеровъ и свела всю ихъ борьбу на путь организованнаго террора. Однако, толчекъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ основными причинами, которыя были, какъ мы увидимъ, гораздо сложнѣе и глубже.

Поставивъ своей задачей аграрную революцію на почвѣ народныхъ идеаловъ, землевольцы направили главныя свои силы въ деревню. Они измѣнили нѣсколько тактику, перестали обращаться въ чернорабочихъ, а старались устраивать себѣ близкое къ народу, но зато и болѣе вліятельное и внѣшнимъ образомъ импонирующее крестьянину положеніе. Стали заводить въ деревняхъ фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей. Считалось очень существеннымъ, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ въ каждой занятой революціонерами мѣстности хоть одинъ человѣкъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ [1]).

Но теперь начальство всюду было на стражѣ и съ первыхъ же шаговъ встрѣтилась масса препятствій; революціонерамъ приходилось постоянно бросать устроенныя мастерскія, оставлять занятыя должности и переѣзжать въ другія мѣста подъ другими фамиліями. «Къ концу 1877 г. не осталось почти ни одного крупнаго поселенія; они всѣ рухнули, не просуществовавъ и года. Многіе члены этихъ поселеній были арестованы, а тѣ, которые уцѣлѣли, разбѣжались во всѣ стороны...» [2]) «Но и помимо полицейскихъ преслѣдованій,—пишетъ лѣтописецъ «Земля и Воля»— поселенцамъ волей-неволей приходилось убѣждаться, что деревня въ настоящемъ ея видѣ не представляетъ поля для агитаціонной дѣятельности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соціалистамъ удалось пробыть довольно долгое время и пріобрѣсть вліяніе среди крестьянства, они, въ концѣ концовъ, должны были признать, что въ

---

[1]) Изъ „Воспоминаній землевольца", приведено у *Серебрякова,* стр. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 21.

настоящую минуту нѣтъ никакой возможности организовать народъ съ революціонными цѣлями, и что вся реальная дѣятельность поселенца, если онъ не желаетъ немедленно попасть въ руки полиціи, сводится къ культурной работѣ» [1]). Разочарованные народники возвращались въ города, новыхъ поселеній устраивалось все меньше и меньше, а послѣ 1879 г. ихъ и совсѣмъ почти не стало. Въ городахъ землевольцы вели соціалистическую пропаганду среди рабочихъ и агитировали въ средѣ волновавшейся и безъ нихъ университетской молодежи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что многіе революціонеры еще въ 1875 и 1876 гг., послѣ краха перваго народническаго похода, ушли въ Герцеговину и въ другія славянскія земли и приняли участіе въ возстаніи славянъ противъ турокъ. Они служили въ сербской арміи, въ качествѣ добровольцевъ, санитаровъ, фельдшеровъ, сестеръ милосердія [2]). Многіе изъ нихъ остались тамъ и послѣ начала русско-турецкой войны и служили въ рядахъ нашей дѣйствующей арміи въ качествѣ санитаровъ и сестеръ милосердія.

Въ составъ «Земли и Воли» входили, главнымъ образомъ, революціонеры-народники сѣверныхъ и поволжскихъ губерній; къ нимъ съ самаго же начала, т. е. съ осени 1876 г., присоединились харьково-ростовскіе кружки [3]).

Но кіевскіе и одесскіе революціонеры въ составъ «Земли и Воли» не вошли. До 1877 г. они въ большинствѣ [4]) придерживались бакунинской бунтарской системы, но вели дѣятельную пропаганду, главнымъ образомъ, среди портовыхъ рабочихъ въ Одессѣ, Николаевѣ и другихъ мѣстахъ. Организація бунта и у нихъ удалась на дѣлѣ только однажды—это было извѣстное *Чигиринское* дѣло Як. Стефановича и Дейча, причемъ однако же взбунтовать чигиринскихъ крестьянъ удалось лишь дѣйствуя отъ имени царя при помощи подложныхъ грамотъ, и чигиринское дѣло, несмотря на временный внѣшній успѣхъ, въ остальныхъ революціонныхъ кружкахъ вызвало отрицательное къ себѣ отношеніе [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Такъ поступили многіе изъ прежнихъ чайковцевъ, какъ, напр., С. М. Кравчинскій, Д. А. Клеменцъ и нѣкоторые изъ молодыхъ революціонеровъ и революціонерокъ, напр., Люди. Ал. Волькенштейнъ. Срав. объ этомъ въ „Запискахъ" *Кропоткина*, также у *Татищева*, II, 593 (изъ обвин. акта по дѣлу 193-хъ).

[3]) В. Осинскій и Боголюбовъ (Емельяновъ) срав. *Серебрякова*, стр. 15.

[4]) Мы говоримъ въ большинствѣ, потому что среди одесскихъ революціонеровъ были отдѣльныя личности и даже небольшіе кружки, нераздѣлявшіе не только Бакунинской бунтарской программы, но и вообще относившіеся отрицательно къ анархизму (срав. воспоминанія *С. Л. Чудновскаго* въ „Историческомъ Сборникѣ", стр. 355—359).

[5]) Такъ отзывался о немъ и *Степнякъ* въ „Подпольной Россіи", и *Серебряковъ* въ назв. соч. Поэтому дѣлу судилось 336 крестьянъ; изъ нихъ 74 осуждены (нѣкоторые въ Сибирь на посел.), 262 оправданы. *Бурцевъ*, II, 93. Любопытные документы, относящіеся къ Чигиринскому дѣлу, напечатаны въ „Быломъ" за 1906 г., кн. XII, стр. 259—261.

Въ 1877 г. среди кіевскихъ революціонныхъ кружковъ начинается поворотъ отъ народническихъ и бакунинскихъ идей въ сторону политическихъ и даже прямо конституціонныхъ стремленій. Возникновеніе и развитіе конституціонныхъ стремленій среди кіевской молодежи, въ связи съ конституціонными надеждами, воскресшими и въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ съ началомъ русско-турецкой войны, описано весьма обстоятельно и картинно въ запискахъ В. К. Дебогорія-Мокріевича. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что это движеніе осложнялось на югѣ еще сильнымъ украйнофильскимъ движеніемъ, развившимся еще въ 60-хъ годахъ и захватившимъ здѣсь и верхніе слои кіевскаго образованнаго общества. 5 іюня 1876 г. послѣдовалъ секретный циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати о запрещеніи украинской литературы, а вслѣдъ за тѣмъ распоряженіемъ правительства былъ закрытъ юго-западный отдѣлъ географическаго общества, причемъ высланы были изъ Кіева профессора Драгомановъ и Зиберъ [1]), уволенные еще за годъ передъ тѣмъ въ отставку.

А. А. Корниловъ.

---

[1]) *Бурцевъ*, II, 88. Въ составъ отдѣла геогр. общества входили, между прочимъ, Г. П. Галаганъ, Антоновичъ, Житецкій, А. А. Русовъ, Лебединцевъ, Чубинскій и др. Срав. „Вѣстн. Евр." за 1886 г., № 1, ст. *А. Н. Пыпина*. Срав. „автобіографію" *М. П. Драгоманова* въ „Быломъ" за 1906 г., кн. VI, особенно стр. 192 и слѣд., а также біографическій очеркъ „М. П. Драгомановъ, ег политическіе взгляды, литературная дѣятельность ижизнь", написанный *Б. А. Кистяковскимъ* и напечатанний въ I т. „Политическихъ сочиненій" Драгоманова. (Москва 1908 г.).

„Гороховое пальто“ [1]).

(«Памятная книжка» профессіональнаго шпіона).

Въ литературѣ вообще, а въ исторической въ особенности, время отъ времени появлялись и появляются воспоминанія, замѣтки и т. п. различныхъ высокопоставленныхъ представителей, какъ общей, такъ и тайной полиціи. Но, если мы не ошибаемся, никогда еще на страницахъ русской прессы не фигурировали сообщенія обыкновенныхъ, профессіональныхъ шпіоновъ, тѣхъ таинственныхъ лицъ, которыхъ сплошь да рядомъ видятъ стоящими на углахъ, тротуарахъ, у дверей и оконъ домовъ или идущими по стопамъ подозрѣваемыхъ лицъ, тѣхъ, словомъ, субъектовъ, которыхъ безсмертный нашъ сатирикъ, — Салтыковъ-Щедринъ, — окрестилъ общимъ именемъ—«*гороховое пальто*».

А между тѣмъ эти «гороховыя пальто», собственно говоря, являются главными колесами въ механизмѣ полицейскаго государства, они поставляютъ основныя данныя, руководствуясь которыми затѣмъ дѣлаются обыски, устраиваются засады, составляются обвинительные акты, засаживаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ въ Сибирь и т. д., и т. п.

Но кто же эти «гороховыя пальто»? Что они дѣлаютъ? Какіе матеріалы доставляютъ въ жандармскія и другіе подлежащія управленія? Какимъ путемъ добываютъ они эти матеріалы? На всѣ эти вопросы въ значительной мѣрѣ отвѣчаетъ доставленная пишущему эти строки «памятная книжка» обыкновеннаго профессіональнаго шпіона.

Исторія этой «книжки» не лишена интереса.

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“ (№ 195 за 1907 г.) былъ напечатанъ мой фельетонъ, въ которомъ приведена была лишь небольшая часть „памятной книжки“ профессіональнаго шпіона. Въ настоящей статьѣ она приводится цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ и съ полнымъ соблюденіемъ подлинника, какъ въ смыслѣ орѳографіи, такъ и изложенія, языка. Всѣ примѣчанія къ тексту сдѣланы пишущимъ эти строки для ознакомленія читателя съ дѣйствующими въ „памятной книжкѣ“ лицами.

Неизвѣстный мнѣ И. Н. П.,—которому здѣсь же спѣшу выразить глубокую признательность, — перебирая въ Москвѣ на Ильинкѣ разный книжный хламъ, случайно наткнулся на «памятную книжку» и пріобрѣлъ ее.

Въ это время въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» печатались мои воспоминанія «По тюрьмамъ и этапамъ». А такъ какъ и въ названной «памятной книжкѣ» шпіона фигурируетъ въ числѣ прочихъ и моя фамилія, то г. П. предупредительно передалъ ее въ редакцію «*Русскихъ Вѣдомостей*», сдѣлавъ на «книжкѣ» приведенную выше приписку.

Заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что «памятная книжка» относится къ 1894 году, ко времени пребыванія пишущаго эти строки въ Орлѣ, гдѣ «книжка» и составлена, а между тѣмъ какимъ-то образомъ черезъ 13 лѣтъ ее находятъ на Ильинкѣ въ Москвѣ! Нужно полагать, что какія-то «дѣла» продавались на пуды. Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ, повторяемъ, небезынтересенъ.

Но перейдемъ къ ознакомленію съ «памятной книжкой» [1]).

Вотъ она.

Памятная Книжка для записыванія лицъ состоящихъ подъ надзоромъ Полиціи.

Съ 14-го Іюня 1894 года.

[1]) Внѣшній видъ подлинника представляетъ небольшую тетрадку въ $^1/_{16}$ листа писчей бумаги, напоминающую тетрадки школьниковъ. По всѣмъ видимостямъ, она была переплетена, но переплетъ оборванъ съ цѣлью, вѣроятно, носить книжку въ карманѣ. Записи сдѣланы тщательно, канцелярскимъ почеркомъ, чисто и разборчиво, но, какъ увидитъ читатель, совершенно безграмотно.

СПИСОКЪ

Состоящимъ лицамъ подъ Надзоромъ Полиціи.

			Нумера домовъ.
1 [1]).	Полехинъ.	Пуховая улица въ домѣ *Ивлева* Кварт: Иванъ Николаевичь *Новицкій* [2]) служитъ въ Губернской Земской управѣ.	
2.	Тепетиловъ.	Маломѣщанская улица въ домѣ *Васильева* Кварт: Константинъ Петровъ *Колесниковъ* [3]) №	19
3.		Крамская улица въ домѣ Машырова Кварт: Инженеръ Иванъ Николаевичь *Виноградскій*	53
4.	Шмаринъ.	*Маклецовъ* Александръ Петровичь Кресть: занятіе при Губернской земской управѣ Статистикъ Квартируетъ Васильевская улица въ д. *Булгакова.*	
5.		*Носкова* Марья Дмитріева Акушерка Кар: улица находится при Лечебницѣ.	

[1]) Эти, сбоку написанныя фамиліи, вѣроятно,—фамиліи шпіоновъ, которые слѣдили за лицами, тутъ же противъ нихъ означенными. Въ данномъ случаѣ Полехинъ слѣдилъ, значитъ, за Новицкимъ, слѣдующій—Тепетиловъ—за Колесниковымъ и т. д. Кто изъ нихъ авторъ „Памятной Книжки", неизвѣстно.

[2]) Статистикъ Орловскаго губернскаго земства.

[3]) Тоже.

			Нумера домовъ.
6.		*Смиричинская* Надѣжда Васильева изъ Московскихъ мѣщ: занятія ни какого не имѣетъ, Кварт: Васильевская улица домъ №	67
7.	Куторовъ.	Андреева [1]) Настасья Николаевна вторая Пушкарная собственный домъ.	
8.	Новиковъ.	Елена, Алинарда [2]) Николаевны Левандовскія [3]), Квартирують 2-я Пушкарная на Дачѣ Третьякова.	
9.		Квартирантъ Бѣлоконскаго *Асташкинъ* Викторъ Александровичь [4]).	
10.	Чиненовъ.	Цезарь Саморжевскій, Квар: Крамская улица въ домѣ *Машырова*	
11.		Бѣлоконскій Иванъ Петровъ и жена его Валерія Николаевна 15-го Августа перешли отъ Третьякова на другую Квартиру въ 3-ю часть въ узенькій Георгѣевскій Переулокъ	

[1]) Это, кажется, мать писателя Леонида Андреева, какъ извѣстно, орловскаго уроженца. По крайней мѣрѣ, пишущему эти строки извѣстно, что г-жа Андреева привлекалась въ Орлѣ по какому-то политическому дѣлу и была даже арестована.

[2]) Леонарда.

[3]) Сестры жены И. П. Бѣлоконскаго В. Н. Бѣлоконской, урожденной Левандовской.

[4]) В. А. Осташкинъ и его жена Вѣра Спиридоновна, урожденная Любатовичъ, привлекались по процессу 193-хъ и были сосланы въ Сибирь, возвратившись оттуда, жили нѣкоторое время въ Орлѣ.

Наблюдѣніе за состоящими подъ Надзоромъ Полиціи.

14 іюля. Въ 12 часовъ дня въ Тургеневскую Читальню [1]) приходилъ и Читалъ Газеты Юдинъ Александръ Степановичъ Который состоитъ подъ Надзоромъ Полиціи.

15 іюля. Имѣлъ негласное наблюденіе За Семѣйствомъ Бѣлоконскими у Котораго были посѣтители двое мущинъ неизвѣстные личности [2]).

16 іюля. Послѣ обѣда былъ въ Читальни отъ 5-ти до 8-ми часовъ гдѣ изъ Поднадзорныхъ никого небыло.

16 іюля. Того же числа вечеромъ имѣлъ наблюденіе за Семѣйствомъ Бѣлоконскими, котораго посѣщалъ одинъ мущина Брюнетъ съ черной окладистой Бородой Высокаго роста въ бѣлой фурашкѣ.

17 іюля. По наблюденію за семѣйствомъ Бѣлоконскими, въ 9-ть часовъ утра въ Квартиру Бѣлоконскихъ пришолъ мущина брюнетъ съ Черной окладистой бородой въ бѣлой фурашкѣ въ 11 часовъ онъ вышелъ отъ Бѣлоконскихъ, и направился идти по 1-й Пушкарной улицѣ закоторымъ я ишолъ вслѣдъ, пройдя Часовню Кулабухова за Мостикомъ скрылся Куда неизвѣстно, какъ я получилъ сведѣнія отъ Лавочника Лобанова что Эта личность не давно сталъ посѣщать Бѣлоконскихъ вновь прибывшій.

17 іюля. Въ 2 часа дня пришла къ Бѣлоконскимъ Барышня съ Книшками въ рукахъ, Которая въ 9 часовъ вечера вышла отъ Бѣлоконскихъ, зашла въ Ла[illegible]у Лобанова Купила Пароховыхъ спичекъ и пошла 1-й Пушкарной улиц[illegible] пройдя оную улицу перешла орличный мостъ спустилась полестни[illegible]та и пошла Веденской улицѣй Которая взошла во дворъ Степурской: примѣты ея Брюнетка худощавая носъ тонкій длинный по руски очень плохо говорить въ Черномъ дипломатѣ наголовѣ Маленькая Черная Саломенная Шляпа, Какъ я получилъ сведѣнія отъ Лавочника Лобанова что Эта Личность 17-го числа вновь приходила къ Бѣлоконскимъ, недѣли двѣ ей было невидно, а ранее двухъ недѣль

---

[1]) Читальня эта была основана въ 1893 или 1894 году въ память десятилѣтія со дня кончины знаменитаго русскаго писателя И. С. Тургенева, родившагося въ Орлѣ. Основала ее проживавшая въ Орлѣ интеллигенція, принимавшая участіе въ единственномъ тогда просвѣтительномъ учрежденіи въ этомъ городѣ—комиссіи народныхъ чтеній. Какъ эту комиссію, такъ и читальню администрація считала учрежденіями совершенно неблагонадежными и тщательно слѣдила за ними.

[2]) Пишущій эти строки, И. П. Бѣлоконскій, поселившійся въ Орлѣ въ 1886 г. скоро по возвращеніи изъ Сибири,—по окончаніи административной ссылки,—не выходилъ изъ-подъ надзора полиціи за все время пребыванія въ этомъ городѣ. Въ 1889 г. онъ былъ арестованъ въ Орлѣ, гдѣ сидѣлъ 8 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ отданъ подъ гласный надзоръ полиціи срокомъ на 3 года. Надзоръ, такимъ образомъ, закончился, въ 1893 году. Особый же надзоръ въ 1894 году былъ вызванъ знакомствомъ съ представителями партіи „Народнаго Права", къ которой, однако, пишущій не принадлежалъ. Въ 1894 году всѣ члены этой партіи были арестованы, а за пишущимъ эти строки и его семействомъ назначенъ былъ усиленный надзоръ, причемъ полиція открыто говорила о предстоящемъ арестѣ, но онъ не состоялся.

казать тому она каждый день приходила къ Бѣлоконскимъ, и почему то носила трауръ и всегда лицо закрывала Черную Уалью.

18 іюля. Отъ 10 до 1-су дня былъ и читалъ Газеты въ Читальни Тургеневскѣ изъ Поднадзорныхъ некого не было.

18 іюля. Въ 2 часа дня Загайдуковская приходила къ Бѣлоконскимъ и пробыла неболее одного часу въ квартирѣ Бѣлоконскихъ ушла обратно 1-й Пушкарной улицѣй.

18 іюля. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за семѣйствомъ Бѣлоконскими, Асташкинъ выходилъ изъ квартиры Бѣлоконскихъ въ 9-ть часовъ вечера и скоро возвратился обратно.

Отъ 10-ти часовъ до 12 ночи имѣлъ наблюденіе за Смиричинской Надѣждой Васильевой, у которой ставни и окны были отперты но изъ посѣтителей никого не было видно.

19 іюля. Въ 12 дня отъ Бѣлоконскихъ вышла Барышня или Дама съ маленькимъ узелкомъ въ рукахъ въ бѣломъ платочкѣ, которая пошла 1-й Пушкарной улицей, закоторой я ишолъ вслѣдъ до Орличнаго моста неизвѣстная Дама взошла въ Колбасню Фромельта гдѣ пробыла неболее 10 минутъ вышла изъ Колбасни какъ видно купила колбасы, и пошла мимо Класической Гимназіи, повернула на Крамскую улицу и взошла въ домъ Чеботарева въ Парадные двери гдѣ есть вывѣска Агенство Страхованіе жизни, и Московская булочная. *Примѣты ея* роста выше средняго, темнорусая волосы коротко острижены сзаду лицо бѣлое круглое какъ будто немного припухши, одѣта въ Черный Короткій Полупальто, Черная небольшая соломенная шляпа, съ Черными по бокамъ длинными кисѣями.

20 іюля. Имѣлъ наблюденіе за Семѣйствомъ Бѣлоконскими гдѣ пробылъ отъ 9 до 12 часовъ дня Иванъ Петровъ Бѣлоконскій съ женою своей вышли изъ квартиры своей и пошли 1-й Пушкарной улицей закоторыми я ишолъ вслѣдъ, которые прошли на Молочный Базаръ гдѣ купили Провизіи и ягодъ и пошли обратно на углу около Васильева дома взяли Извощика и поѣхали по направленію Мимо Архангела въ Квартеру свою.

20 іюля. Послѣ обѣда былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты особеннаго мною ничего не было замѣчено.

21 іюля. Послѣ обѣда имѣлъ наблюдѣніе за Смирчинской Надѣждой Васильевой, у Которой находился одинъ Мущина высокаго роста русый въ Каришневомъ Пальто въ бѣлой фуражкѣ, Который отъ Смирчинской вышелъ около 8-мъ часовъ вечера, и Пашелъ Васильевской улицѣй къ Церкви Василія Великаго въ 8-мъ часовъ изъ Квартиры своей вышла Смирачинская и пошла Васильевской улицѣй за которой я ишолъ вслѣдъ, Смиричинская противъ булочной Замятина встрѣтилась съ двумя барышнями 1-я изъ нихъ Свѣтлорусая высокаго роста, волосы отпущены, одѣта въ Черное длинное пальто Черная Соломенная Шляпа, 2-я высокаго роста, Брюнетка волосы Коротко острижены, одѣта свѣтлое клеточьками Полупальто Черная Соломенная Шляпа. Которые простоявъ противъ булочной Замятина минутъ 15-ть всѣ трое воротились назадъ, дойдя до Церкви Василія Великаго воротились назадъ и пошли Васильевской улицѣй противъ Церкви Архангела встрѣтилась сними еще какая

то барышня средняго роста Темнорусая волосы подрезаны въ Кружокъ, одѣта въ Черное длинное Пальто, Черная Саломенная Шляпа гдѣ простоявъ неболѣе 10 минутъ, первые двѣ барышни пошли къ Орличному мосту, а Смирчинская съ Послѣдней Барышней воротились назадъ, за первыми двумя барышнями я пошолъ вслѣдъ которые пройдя Орличный Мостъ пошли Болховской улицѣй пройдя оную пошли къ Городскому Саду Куда и взошли, я воротился назадъ къ Квартирѣ Смиричинской которой въ Квартирѣ неоказалось.

22 іюля. Отъ 10-ти до 1 часу дня былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты изъ Поднадзорныхъ лицъ въ Читальни никого небыло.

23, 24, 25 іюля. Переписывалъ домавладельцевъ иквартерантовъ съ участковымъ Городовымъ Вочаровымъ.

28 іюля. Послѣ обѣда имѣлъ наблюдѣніе за Смиричинской которая находилась въ Квартирѣ своей икакъ Полученныя мною негласныя сведѣнія, что Смиричинская какъ видно занимается перепиской бумагъ и держитъ себя очень акуратно когда выходитъ на самое малое время на дворъ изъ своихъ комнатъ, постоянно запираетъ свою квартиру на замокъ, потому что хозяинъ дома водовозъ грамотѣ знаетъ котораго Смиричинская опасается дабы онъ нечаянно не могъ зайдти въ ее Квартиру и непрочиталъ ея бумагъ которыя она переписываетъ Смиричинская около 20 числа настоящаго мѣсяца получила письмо изъ Сибири Табольской Губерніи но откого именно неизвѣстно.

29 іюля. Послѣ обѣда отъ 6-ти до 8 часовъ былъ въ Тургеневской Читальни гдѣ Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

30 іюля. Утромъ отъ 11-ти до 1 часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты но особеннаго ничего незамѣчено.

31 іюля. Отъ 10-ти до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты, изъ посѣтителей читать Книги и Газеты очень мало бываетъ народу, дѣти бываютъ и тогда неочень много, изъ поднадворныхъ лицъ никого небыли.

31 іюля. Послѣ обѣда отъ 6-ти часовъ имѣлъ наблюденіе за Смиричинской гдѣ пробылъ до 9 часовъ вечера, у которой огня въ Квартирѣ не видно было, поэтому не было Смиричинской въ своей квартирѣ, отъ 9-ти до 11 часовъ былъ около квартиры Бѣлоконскаго у которыхъ какъ видно сквозь ставни изъ постороннихъ лицъ никого небыло.

1 августа. Отъ 10 часовъ до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

1 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской, которая въ 8 часовъ вечера вышла изъ квартиры своей съ книжками въ рукахъ и пошла Садовопушкарной улицѣй, дойдя до Ситниковской улицы повернула направо пройдя оную улицу, и перейдя Лавы Орличнаго моста пошла правой стороной Болховской улицы, и вошла вворота въ домъ бывшій Авилова но хкому именно неизвѣстно, гдѣ и осталась я простоявъ болѣе часу около воротъ Церкви Веденія Пресвятыя Богородицы, недождался выхода Смиричинской изъ дома Авилова и ушолъ обратно въ Пушкарную улицу.

2 августа. Утромъ отъ 10-ти до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни особеннаго ничего незамѣчено.

2 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Семѣйствомъ Бѣлоконскимъ и Асташкинымъ, гдѣ пробылъ отъ 6-ти до 11 часовъ ночи, но послучаю ненастной погоды Бѣлоконскіи и Осташкинъ невыходили изъ своей квартиры, и книмъ изъ постороннихъ лицъ никто не приходилъ.

3 августа. Утромъ отъ 10-ти до 1 часу дня былъ въ Тургеневской Читальни гдѣ Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

3 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Семействомъ Бѣлоконскимъ и Асташкинымъ въ 8 часовъ пополудни Асташкинъ съ женою своею вышелъ изъ Квартиры и пошелъ къ низу 1-й Пушкарной улицей за которыми я ишолъ вслѣдъ, Асташкинъ дойдя до 2-й Посадской улицы повернули налѣво пройдя одинъ переулокъ пошли 2-й Пушкарной улицѣй къ мосту перейдя оный поднялись на Бутискину гору я оставался выѣмкѣ горы, когда вышелъ я на гору, Асташкина съ женою уже было невидно въ чей домъ зашли въ настоящее время неизвѣстно.

4 августа. Утромъ отъ 10-ти до часу дня имѣлъ наблюденіе за семѣйствомъ Бѣлоконскимъ и Асташкинымъ особеннаго ничего незамѣчено.

4 августа. Послѣ обѣда отъ 6-ти до 8 часовъ вечера былъ въ Читальни Тургеневской изъ Поднадзорныхъ лицъ никого не было.

5 августа. Отъ 10-ти до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ газеты особеннаго ничего незамѣчено.

6 августа. Валерія Николаевна Бѣлоконская въ 1 часъ дня изъ квартиры своей выѣхала на Вокзалъ, которую провожали сестры ея Левандовскіи но куда уѣхала Бѣлоконская въ настоящее время неизвѣстно.

7 августа. Въ 6 часовъ утра къ квартирѣ Ивана Петровича Бѣлоконскаго были поданы пара лошадей въ 8 часовъ утра Бѣлоконскій выѣхалъ въ деревню, того же числа въ 11 часовъ дня возвратился обратно въ г. Орелъ, отъ Подводчика я узналъ что Бѣлоконскій ѣздилъ въ Плещеевскую волость гдѣ пробылъ неболѣе двухъ часовъ.

8 августа. Утромъ отъ 10-ти до 1 часу дня былъ въ Тургеневской Читальни особеннаго ничего незамѣчено.

8 августа. Въ 7 часовъ послѣ обѣда проходя я Васильевской улицѣй къ квартирѣ Смиричинской отъ которой вышелъ и встрѣтился мнѣ нахлѣбникъ хозяйки Смиричинской, который квартируетъ на 3-й Посадской улицѣ въ домѣ Зикѣева № 29-й Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, неболѣе какъ чрезъ часъ время Никитинъ вторично пришолъ къ Смиричинской, десятаго полчаса изъ квартиры Смиричинской вышли четверо, двое мущинъ, и двѣ барышни, Никитинъ и молодой человѣкъ, Смиричинская и неизвѣстная барышня, которые и пошли къ низу по Васильевской улицѣ, закоторыми я ишолъ вслѣдъ, которые пройдя Орличный мостъ пошли правой стороной Болховской улицы противъ воротъ бывшаго дома Авилова всѣ остановились гдѣ простояли неболѣе 10 мин.: а Смиричинская входила вворота во дворъ отъ куда вышла съ Барышней или Дамой и пошли всѣ вмѣстѣ къ Верху Болховской улицы, пройдя Дворянское собраніе, и взошли въ городской Садъ, куда, и я взошелъ гдѣ пробыли неочень долгое время пашолъ дождь, Никитинъ съ молодымъ мущиной вышли изъ Сада вворота подлѣ театра, а Смиричинская съ двумя

барышнями вышла вворота что противъ дома Губернатора, пройдя Аллею науглу противъ театра взяли извощика и уѣхали по направленію къ низу Болховской улицы!

Дополненіе. Августа 1-го числа имѣлъ наблюденіе за Смиричинской которая вышла изъ квартиры своей въ 8 часовъ вечера прошла на Болховскую улицу и взошла вворота дома бывшій Авилова, какъ я узналъ 2-го августа что Смиричинская ночевала въ этомъ домѣ но у кого именно пока еще неизвѣстно, отъ куда пришла въ 8 часовъ утра на слѣдующій день, очемъ было доложено на бумагѣ Старшему Город. Пилюгину!

9 августа. Утромъ отъ 10-ти до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено изъ поднадзорникого небыло.

9 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюдѣніе отъ 7 часовъ до 11-ти ночи за Семействомъ Бѣлоконскимъ и Асташкинымъ, Бѣлоконскій находился въ Квартирѣ своей и изъ посѣтителей у него никого небыло.

въ 11 часовъ ночи проходя мимо Квартиры Смиричинской, у Которой были отворены окны и горелъ Огонь, сама Смиричинская находилась дома изъ постороннихъ лицъ никого небыло видно.

10 августа. Утромъ отъ 10 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты изъ Подъ Надзорныхъ никого небыло.

10 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Семействами Бѣлоконскимъ, и Асташкинымъ, у которыхъ были двое посѣтителей гдѣ дожидалъ до двухъ часовъ ночи и ушолъ въ Квиртиру свою недождавшы ихъ выхода отъ бѣлоконскихъ.

11 августа. Утромъ отъ 10 часовъ до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни гдѣ читалъ Газети особеннаго ничего незамѣчено.

11 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской у Которой были трое мущинъ изъ посѣтителей Алексѣй Яковлевъ Никитинъ и Алексѣей Яковлевъ Саловьевъ несостоящіи подъ Надзоромъ Полиціи Которые Квар: на 3-й Посадской улицѣ въ домѣ Зикѣева № 29-й и одинъ Мущина неизвѣстная личность, послучаю темной ночи нельзя узнать хорошо личности, Одинадцатаго полчаса ночи Смиричинская и трое мущинъ вышли изъ Квартиры ея и пошли Васильевской улицѣй къ полю пройдя два Переулка повернули направо, и пошли полемъ къ Кулешевой дачѣ къ Квартирѣ Бѣлонскаго закоторыми я ишолъ изъ далека вслѣдъ Которые и взошли въ Квартиру Бѣлоконскаго.

11 августа. Вечеромъ полученныя мною негласныя сведѣнія отъ водовоза Дмитрія Который квартируетъ въ одномъ домѣ съ Смиричинской, Смиричинская въ разговорѣ водовозу высказала что скоро наши товарищи изъ Сибири вернутся тогда мы выпьемъ хорошо и будемъ дѣла раздѣлывать, водовозъ Смиричинской отвѣтилъ а развѣ изъ Сибири можно возвращаться, Смиричинская водовозу отвѣтила что же разьвѣ будутъ насъ вѣшать отбылъ свои года въ Сибири и назадъ возвращайся въ россію.

11 августа. Понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено Что 1-го и 8-го Августа Смиричинская заходила и ночевала въ домѣ Асмана на Болховской улицѣ, очемъ было доложено своевременно: въ послѣдствіи я узналъ что Смиричинская ходитъ въ домъ Асмана къ

Чюлочьницѣ Баженовой, у Которой есть дочь дѣвушка Которая очень знакома съ Смиричинской, а Баженова Чюлочьница Теща Сотникова состоящаго Подъ Надзоромъ Полиціи Который арестованъ въ Петербургѣ.

12 августа. Послѣ обѣда былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газети особеннаго ничего незамѣчено.

13 августа. Утромъ отъ 10 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газѣты изъ Подъ Надзорныхъ никого небыло.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской у Которой были Посѣтители, изъ Которыхъ были изъ вѣстные мнѣ Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, и Алексѣй Яковлевъ Саловьевъ а остальные лицы неизвѣстные.

14. Утромъ отъ 10 часовъ до 12 дня былъ въ Тургеневской Читальни куда приходилъ Бѣлоконскій съ дочерью своею который взялъ раскладной столъ изъ Читальни къ сѣбѣ въ квартиру [1]); и по чему то, Барышня Сибилева и Александръ Николаевичь [2]) которые находятся причитальни входили въ отдѣльную Комнату съ Бѣлоконскимъ и двери запирали за собою гдѣ были не болѣе 10 минутъ.

15. Утромъ отъ 8 часовъ до 12 дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газети изъ подъ надзорныхъ никого небыло.

Августъ Тогоже числа. Иванъ Петровичь Бѣлоконскій Перѣехалъ съ квартире Третьякова въ 3-ю часть въ узенькій Георгіевскій Переулокъ Левантовскій и Асташкинъ Пока еще остались въ домѣ Третьякова.

16. Утромъ отъ 8 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюдѣніе за Смиричинской въ 9 часовъ вечера приходили двое мущинъ и одна Барышня, Мущини въ одинадцать часовъ ночи ушли отъ Смиричинской, а барышня оставалась ночевать у Смиричинской.

17. Утромъ отъ 9 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда съ 7 часовъ имѣлъ наблюдѣніе за Смиричинской въ 8 часовъ къ Смиричинской приходилъ одинъ мущина Который былъ неболѣе одного часу и ушолъ изъ Квартиры Смиричинской.

Бѣлоконская Валерія Николавна' Августа 16 дня возвратилась въ г. Орелъ и болѣе находится у Сестеръ своихъ Лавантовскихъ Иванъ Петровичь Бѣлоконскій какъ мною полученныя сведѣнія чрезъ садовника Третьякова выѣхалъ изъ г. Орла Куда нѣизвѣстно.

---

[1]) Подозрительный „раскладной столъ" взятъ былъ пишущимъ потому, что принадлежалъ ему. За отсутствіемъ средствъ въ Тургеневской читальнѣ мѣстная интеллигенція, создавшая эту библіотеку, жертвовала на нее, что могла. Пишущій, между прочимъ, отдалъ свой „раскладной столъ", а когда читальня пріобрѣла свои столы, то возвратила временно пожертвованные.

[2]) Александръ Николаевичъ Рейнгардтъ, нынѣ—присяжный повѣренный, а тогда—удаленный изъ московскаго университета студентъ. Полиція такъ хорошо знала его, что шпіонъ не считаетъ нужнымъ упоминать фамилію, а заноситъ лишь имя и отчество.

18. Утромъ отъ 8 часовъ утра до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Августъ 16, 17 и 18. Послѣ обѣда отъ 7 часовъ вечера до 12 часовъ ночи имѣлъ безъ отлучное наблюдѣніе за Смиричинской у которой были посѣтители по одному, и по два приходили, нопочему то болѣе часу непросиживали у Смиричинской, 16 и 17 одна Барышня ночевала у нея двѣ ночи но сборища въ эти дни У Смиричинской небыло; 18-го числа въ 8 часовъ вечера Мальчикъ водовозовъ Дмитріа Который Квартируетъ въ одномъ домѣ съ Смиричинской приходилъ въ Лавку Василія Андреева Купить Керосину, Лавочьникъ Василій Андреевъ Спросилъ у Мальчика сколько васъ учаться у вашей Барышни т. е. Смиричинской Мальчикъ отвѣтилъ трое Маленькихъ Лавочьникъ спросилъ а большихъ сколько, Мальчикъ отвѣтилъ Семъ, которые съ двухъ часовъ дня приходятъ и тоже учаться Которымъ Смиричинская уроки преподаетъ, какъ видно что Смиричинская выдаетъ сѣбя за учительницу.

Августа 19. Полученныя мною негласныя сведѣнія о семѣйства дворянки Вдовы Анастасіи Николавны Пацковской, и ея дочерей Елены и Зои Николаевыхъ Пацковскихъ, Анастасія Николавна Пацковская у Которой родной братъ Александръ Николаевичь служитъ въ Кіѣвѣ нажелезной дорогѣ, Который присылаетъ Анастасіи Пацковской Ежемѣсячно по 30 руб. Кромѣ того къ Рождеству, и Пасхѣ по 50 руб. дочери ея Елена и Зоя Пацковскіи служатъ въ Контролѣ Кажется при Елецкомъ Управленіи железныхъ дорогъ, Елена получаетъ жалованья въ мѣсяцъ 30 ру. а Зоя 20 руб. получаетъ и Братъ ихъ Николай Николаэвичь служитъ писцомъ у Помиранцева Получаетъ въ мѣсяцъ 15 руб. такъ какъ Елена и Зоя Пацковскіи приходятъ со службы неранее 12 часовъ ночи а когда и позднее, по этому и провожаютъ ихъ всегда, 18-го Августа самъ Начальникъ Контроля привезъ на извощикѣ до Квартиры Пацковскихъ, Котораго фамилія неизвѣстна; очень часто провожаетъ Пацковскихъ Помощникъ Начальника Контроля *Памамаринъ*, а иногда Пацковскихъ Провожаютъ до Квартиры служащіи при кантролѣ, и офицера Провожаютъ Пацковскихъ бывшіи знакомые отца ихъ Николая Николаевича Пацковскаго, что касается до семѣйства Пацковскихъ у которыхъ очень много есть родныхъ и знакомымъ, но сборища въ квартирѣ Пацковскихъ никогда небываетъ, Кромѣ Рождества и Пасхи Христовой бываютъ родственники и Знакомые.

20. Утромъ отъ 8 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газети особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда отъ 8 часовъ до 12 ночи имѣлъ наблюденіе за Смиричинской въ 9 часовъ вечера два Мущина Которые пробыли неболѣе одного часу и ушли отъ Смиричинской.

21 августа. Утромъ отъ 9 часовъ утра имѣлъ наблюдѣніе за Левантовскими и Асташкинымъ, въ 10 часовъ вышелъ изъ Квартиры своей и пашолъ къ низу 1-й Пушкарной улицѣй закоторымъ я ишолъ вслѣдъ Асташкинъ прашолъ на Молочный Базаръ Купилъ провизіи, и обратно возвратился на извощикѣ, Полчаса 12-го вышла изъ квартиры своей Левантовская ипошла на лѣво Садовопушкарной улицѣй дойдя до 2-й Пушкарной улицы по вернула на право, и пройдя Мостъ Поднялась набу-

тинскину Гору повернула въ узенькій Гергіевскій Переулокъ и вошла въ Квартиру Бѣлоконскаго.

21 августа. Послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было за мѣчено укоторой были посѣтители Пять Барышенъ Которые пришли къ Смиричинской въ разное время въ 8 часовъ вечера вышли отъ Смиричинской двѣ Барышни пошли налѣво Садовопушкарной улицѣй и повернули налѣво Карачевской улицы и пошли Къ очному Мосту, чрезъ полчаса отъ Смиричинской вышли Три Барышни Двѣ сестры Левантовскіи и одна неизвѣстная Которые по шли Васильевской улицѣй къ верху, дойдя до Поля повернули на право понаправленію къ Кулешовой дачѣ. послѣ того вы шла Смиричинская и пошла такъ же Садовопушкарной улицѣй Повернула налѣво Карачевской улицы и пошла къ низу. Я вернулся назадъ къ квартирѣ Смиричинской въ Это время на улицѣ сидѣлъ Водовозъ Дмитрій скоторымъ я взошолъ въ разговоръ, но какъ въ это время Смиричинской не было дома, поэтому Водовозъ Дмитрій предложилъ мнѣ войти къ нему въ Квартиру потому что Жена его постоянно бываетъ дома и лучше знаетъ ипомнить всѣхъ Приходящихъ Къ Смиричинской, я взошолъ въ Квартиру Водовоза жена водовоза разсказала мнѣ кто приходитъ Къ Смиричинской, Ходитъ Классической Гимназіи Гимназистъ Еврей *Максъ* Которые 3-й части на Болховской улицѣ недалеко отъ Орличнаго моста на Лѣвой сторонѣ имѣю Магазинъ занимаются торговлею Готоваго Платья, и разнаго белья; изъ Большой Семинаріи ходитъ Семинаристъ Владимиръ Владимировичъ котораго фамилія неизвѣстна; бываетъ часто у Смиричинской Крестьянинъ Крамскаго уѣзда Михаилъ фамилія его неизвѣстна который въ настоящее время Проживаетъ за Садовника укрестьянина Стрѣлецкой Слободы и волости у Ивана Васильевича Суханова, который имѣетъ Садъ за Шламбаумомъ къ Ботаническому Саду, Жена Водовоза спросила у Михаила почему онъ знаетъ Смиричинскую и ходитъ къ ней, Михайла ей отвѣтилъ, что ему Михаилу одна Барышня рекомендовала Смиричинскую Которая выѣхала изъ г. Орла но Фамилія Этой Барышни неназвалъ, и что ему Михаилу будто бы нужно идти ввоенную Службу поэтому Смиричинская и учитъ его грамотѣ. Еще ходитъ одна Барышня Аннушка отъ Сергія что близь Вакзала; Еще ходитъ барышня Алимпіада, которая живетъ во 2-й части на берегу рѣки Оки близь очнаго моста. Еще ходитъ барышня Александра съ Черкаской слободы фамилія неизвѣстна въ послѣдствіи будутъ узнаты всѣхъ фамилія. Жена водовоза не могла болѣе разсказывать потому что пришла Смиричинская въ Квартиру свою, въ это время было 12 часовъ ночи и я ушолъ изъ Квартиры Водовоза вышепомянутые барышня Аннушка и Алимпіада 21 числа числа вечеромъ были у Смиричинской, по выходѣ отъ нея пошли Карачевской улицѣй понаправленію къ Очному мосту.

22 августа. Утромъ отъ 9 часовъ до часу дня, былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Тогоже числа послѣ обѣда съ 8 часовъ до 12 часовъ имѣлъ наблюденіе за Смиричинской, у которой были посѣтители Алексѣй Яковлевъ Никитинъ который квартируетъ на Крамской улицѣ въ домѣ Ермольева, и Дѣвушка Алимпіада которая живетъ во 2-й части

близь очнаго моста въ 10 часовъ вечера отъ Смиричинской вышелъ Крестьянинъ Крамскаго уѣзда Михаилъ который живетъ за Садовника у Ивана Васильевича Суханова что за Шламбаумомъ имѣетъ Садъ, и полученныя мною негласныя свѣдѣнія что Смиричинская почти ежедневно получаетъ письма по два, и по три въ день Которые по прочтеніи рветъ на мелкіе кусочки и относитъ въ отхожѣе мѣсто.

24 августа. Утромъ былъ въ читальни съ 9 часовъ утра до 12 дня Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда отъ 9 часовъ вечера до 12 часовъ ночи имѣлъ наблюденіе за Смиричинской отъ Которой Одинадцатаго Полчаса ночи вышелъ Крестьянинъ Крамскаго уѣзда Михаилъ Который живетъ за Садовника у Ивана Васильева Суханова что за Шламбаумомъ имѣетъ Садъ, на Крестьянина Михаила необходимо слѣдуетъ обратитъ вниманіе потому что онъ Праздники т. е. свободные дни отъ работы ходитъ къ Смиричинской днемъ, а въ рабочіи дни ходитъ къ Смиричинской поночамъ.

25 августа. Послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено къ которой пришолъ мущина въ 8 часовъ вечера котораго я дожидалъ выхода отъ Смиричинской сидѣлъ на крыльцѣ въ домѣ Языкова противъ квартиры Смиричинской; и неоднаджды мною было замѣчено, что одинъ Мущина Каждую ночь ходитъ Васильевской улицей къ полю мимо квартиры Смиричинской, 25 Августа прашолъ въ 9 часовъ этотъ мущина понаправленію къ полю, откуда возвратился обратно полчаса двенадцатаго съ книжками въ рукахъ, закоторымъ я пашолъ вслѣдъ, дойдя онъ до 3-й Посадской улицѣ повернулъ на лѣво пройдя мостикъ, и дойдя до дома Шишкевича повернулъ налѣво 1-й Пушкарной улицы и взошолъ въ домъ № 31-й *Примѣты его* роста выше средняго брюнетъ волосы носитъ длино-отпущенные.

26 августа. Съ 9 часовъ утра понаблюденію за Левандовскими, и Асташкинымъ мною было замѣчено, къ которымъ въ 10 часовъ утра пришолъ одинъ мущина съ Дамой, которыхъ лично совсѣмъ незнакомы, Перваго полчаса Мущина съ Дамой вышли изъ квартиры Асташкина и пошли 1-й пушкарной улицѣй дойдя до 3-й посадской улицы повернули на лѣво, пройдя одинъ Переулокъ повернули на право 2-й Пушкарной улицы, пройдя мостъ взошли на бутискину гору и пошли Садовой улицѣй дойдя до биржи извощиковъ, повернули на право Волховской улицы и взошли въ Гостинницу въ Центральныя нумера. *Примѣты мущины* роста Средняго брюнетъ Черная небольшая окладистая бородка, Каришневое пальто носъ продолговатый серая Мяхгкая Шляпа, *Дама* роста выше средняго Свотлорусая, одѣта Серая длинное Пальто, волосы длинно отпущены подрезаны, наголовѣ Черная невысокая круглая Мужская Мягкая шляпа.

27 августа. Отъ 9 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни и Читалъ Газеты изъ состоящихъ Подъ Надзоромъ Полиціи былъ Александръ Степановъ Юдинъ, Который Пришолъ съ Книжкой, Читалъ Газеты Къ Часу дня Юдинъ Переменилъ книжку и ушолъ изъ Читальни.

Того же числа послѣ обѣда отъ 8 часовъ до 12 часовъ ночи имѣлъ

наблюдѣніе за Смиричинской отъ которой въ началѣ одинадцатаго часа ночи вышла Женщина съ Дѣвочкой летъ 12-ти которая по выходѣ отъ Смиричинской Назвала Мама какъ Грязно, которые и пошли Садово-пушкарной улицѣй, дойдя до Карачевской улицы повернули на лѣво и пошли къ низу, я и шолъ вслѣдъ заними, которые и взошли во дворъ и пошли въ задній флигель Директора Гимназіи Бѣлорусова, накоторыхъ залаяли собаки и въ тоже время лаять перестали.

28 августа. Дознано было Кто именно былъ изъ дома Бѣлоусова въ томъ домѣ гдѣ Квартируетъ Смиричинская, оказалось что была Прачька своей дѣвочькой въ гостяхъ у Водовоза Дмитрія Матвѣева который квартируетъ въ одномъ домѣ съ Смиричинской.

29 августа. Отъ 10 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты, особенно ничего незамѣчено.

Того же числа послѣ обѣда отъ 8 часовъ вечера до 10 часовъ понаблюденію за Смиричинской, которая пришла въ Квартиру свою съ дѣвушкой Авдотьей Перипелкиной въ 10 часовъ вечера и послѣ невыходила изъ квартиры своей.

1 сентября. Отъ 10 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты изъ Поднадзорныхъ никого небыло.

Того же числа послѣ обѣда отъ Семи Часовъ вечера до 11 часовъ ночи за Смиричинской особеннаго ничего незамѣчено.

2 сентября. Отъ 10 часовъ утра до 12 дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты, изъ поднадзорныхъ приходилъ Александръ Степановъ Юдинъ, который прeждѣ прочиталъ Орловскій Вѣстникъ, а книгу взялъ съ собою изъ Читальни.

Того же числа послѣ обѣда отъ 6 часовъ до 11 ночи понаблюдѣнію за Смиричинской мною было замѣчено у которой были посѣтители Алексѣй Яковлевъ *Соловьевъ*, Алексѣй Яковлевъ *Никитинъ*, Анна Павлова *Никитская*, и Авдотья *Перипелкина* которые пробыли у Смиричинской до 11 часовъ ночи выходили отъ нея по одномъ, а Авдотья Перипелкина оставалась ночевать у Смиричинской.

3 сентября. Отъ 9 часовъ утра до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

4 и 5 сентября мѣсяца послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено, у которой были посѣтители Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, Анна Павловна Никитская которая живетъ во 2-й части подлѣ Сергія, и Авдотья Перипелкина она же Немытова которая живетъ на Васильевской улицѣ недалеко отъ квартиры Смиричинской, 4-го числа въ 12 часовъ ночи рассыльный изъ Телеграфа приносилъ Смиричинской Телеграмму которая Адресована изъ г. Тулы, Смиричинская женѣ Водовоза Натальи Матвѣевой высказала что на дняхъ пріѣдетъ къ ней изъ г. Тулы хорошій знакомый который несколько время будетъ проживать у Смиричинской.

6 сентября мѣсяца отъ 10 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Сентября 8 дня. Отъ 10 часовъ утра до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни куда приходилъ изъ Поднадзорныхъ Александръ Степановъ Юдинъ который Читалъ Газеты, по уходѣ изъ Читальни Юдинъ

что то спрашивалъ у Барышни Соболевой которая находится причитальни.

Тогоже числа въ 10 часовъ вечера полученныя мною сведѣнія отъ Водовоза Дмитрія Матвѣевича Который Квартируетъ въ одномъ домѣ съ Смиричинской, что въ Четыре часа послѣ обѣда къ Смиричинской приходилъ Еврей Гимназистъ Максъ, и приводилъ съ собою пять человѣкъ Гимназистовъ, и были три барышни, Никитская Перипелькина и Гардѣева, такъ какъ Смиричинская и Максъ просили Водовоза что бы познакомится съ кемъ либо изъ Числа рабочихъ Мещерина, Водовозъ обѣщалъ Максу и Смиричинской, познакомится съ однимъ Столяромъ Мещерина, поэтому Гимназисты и собрались къ Смиричинской видить Столяра, который почему то не могъ придти въ Пять Часовъ все разошлись отъ Смиричинской, въ Шесть Часовъ водовозъ съ Женой своей стали пить чай и пригласили Смиричинскую въ свою Квартиру пить чай потому что у ней въ Комнатахъ холодно, Смиричинская пришла къ нимъ съ Книжкою которую и читала что, въ прочихъ Государствахъ нетъ Государей а управлять Государствомъ вибираются наголоса, поэтому вполнѣ можно предполагать что Эта Книга запрещенная Правительствомъ, и притомъ Смиричинская высказала что пріѣхалъ изъ Тулы въ г. Орелъ хорошій знакомый который 4-го Сентября въ 12 часовъ ночи присылалъ ей Смиричинской Телеграму гдѣ онъ въ настоящее время находится накквартирѣ Смиричинская Этого невысказала, а объяснила что онъ пріѣдетъ къ ней и будетъ несколько время уней Гостить и что онъ былъ сосланъ въ Сибирь на 12 летъ отъ Куда возвратился и два года жилъ въ г. Тулѣ.

Сеньтября 9 дня. Послѣ обѣда отъ 8 часовъ вечера до 12 часовъ ночи понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено у Которой были посѣтители Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, и Авдотья Перипелкина Которая жила съ родными на Васильевской улицѣ въ своемъ домѣ № 61-й акакъ познакомилась съ Смиричинской ушла изъ дома своего отъ родныхъ ивъ настоящее время проживаетъ у Смиричинской, и былъ еще Мущина неизвѣстная личность послучаю темной ночи нельзя было разсмотреть.

Сеньтября 10 дня. Отъ 10 часовъ утра до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газети особеннаго ничего не замѣчено.

Сеньтября 11 дня. Послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено къ которой въ 12 часовъ дня пришли двѣ барышни новые личности которые никогда еще небыли у Смиричинской, и пріѣхавшій изъ Тулы о Которомъ мною было доложено 5-го Сеньтября, тоже въ настоящее время находится у Смиричинской; изъ Числа рабочихъ Мѣщерина устроилъ одного Столяра Александра Куртинова [1]), Которому вчерашній день вечеромъ Смиричинская дала первоначально читать Маленькую Книжку Вѣстникъ Европы, а 13-го Приказано Куртинову придти

---

[1]) Шпіонъ, какъ увидимъ, нарочно „устроилъ" этого „Столяра", съ провокаторскими цѣлями, а поднадзорные, конечно, не сообразили и, что называется, влопались.

къ Смиричинской, куда прідѣтъ послѣ обѣда Гимназистъ Максъ и прочія Гимназисты что бы видѣть Куртинова и познакомится снимъ.

Въ дополненіе доклада Моего отъ 11-го Сеньтября повыходѣ, изъ Части Водововъ Дмитрій Матвѣевъ объяснилъ мнѣ что вчерашній день Когда пріѣхалъ въ Квартиру Смиричинской изъ Тулы пока неизвѣстная личность, Смиричинская угощала водкою какъ Водовоза, а такъ же и жену его Наталью и подарила женѣ Водовоза ситцу накофту Семь аршинъ, и просила ихъ обоихъ чтобы они никому недокладовали о пріѣздѣ къ ней Человѣка изъ Тулы потому что онъ будто бы сильно изънуренъ съ дороги.

Сеньтября 13 дня дознано мною что ранѣе проживала въ г. Орлѣ Наталья Павлова Быковская Которая выѣхала изъ г. Орла и проживала въ Петербургѣ, въ настоящее время пріѣхала въ г. Орелъ и остановилась наквартирѣ временно накрамской площади въ домѣ Ермольева у Квартиранта Алексѣя Яковлева Никитина Которая въ ночи должна выѣхать изъ г. Орла въ г. Кіевъ съ 12 на 13-е число въ 12 часовъ ночи Быковская была у Смиричинской, а Быковскую будто бы разыскиваютъ.

Тогоже числа. Понаблюденію за пріѣзжимъ изъ Тулы къ Смиричинской Который въ Три часа дня послѣ обѣда вышелъ изъ Квартиры Смиричинской и пашолъ Васильевской улицѣй Къ низу пройдя на Болховскую улицу взошелъ въ Московскій Магазинъ Готоваго платья гдѣ пробылъ неболѣе 10 минутъ повыходѣ изъ Магазина прошелъ Болховскую улицу взошелъ въ Колбасню Кауфмана повыходѣ изъ Колбасни пошелъ къ низу Болховской улицы подлѣ Аптеки взошелъ въ булочную Плахова повыходѣ изъ Булочной направился идти чрезъ Лавы Орличнаго моста и обратно Васильевской улицѣй пришелъ въ Квартиру Смиричинской, въ 4 часа пополудни къ Смиричинской Пришелъ Гимназистъ Максъ съ Книжкою, въ началѣ Пятаго часа пополудни Смиричинская вышла изъ Квартири своей, чрезъ несколько минутъ вышелъ изъ Квартири пріѣжій изъ Тулы и пашолъ вслѣдъ Смиричинской съ узломъ подмышкою обернутый Клиенкой подлѣ Василія Вѣликаго сошлись вмѣстѣ и пройдя на Болховскую улицу Смиричинская взошла вворота во дворъ Асмана, а пріѣжій изъ Тулы воротился назадъ перейдя Лавы пашолъ гостиннымъ рядомъ перешолъ Очной мостъ и спустился полестницѣ моста лѣвой сторони, и пашолъ берегомъ рѣки Оки и взошелъ въ шереметеву баню я возвратился назадъ къ Квартирѣ Смиричинской въ началѣ осмаго часа возвратился обратно изъ бани въ Квартиру Смиричинской.

Сеньтября 14 дня. Понаблюденію за Смиричинской замѣчено въ 12 часовъ дня, къ Смиричинской приходила съ Болховской улицы изъ дома Асмана отъ Чюлочницы Мастерица Елена съ Книжкой Которая пробыла у Смиричинской неочень долгое время, въ Часъ дня пріѣжій изъ Тули оказался Александръ Ѳоминъ который когда жена водовоза тапила печьку Александръ Ѳоминъ принесъ каробочьку красныхъ марокъ и пажогъ ихъ и пачьку писемъ также пажогъ въ печи.

Сентября 15 дня. Въ Четыре часа пополудни къ Смиричинской пришолъ Александръ Куртиновъ Которому Смиричинская дала Письмо къ Гимназисту Максу, котораго я догналъ подлѣ Лавки Николая Василье-

вича Петухова и прочиталъ адресъ написьмѣ, адресовано Болховская улица во дворѣ Церкви Веденія первое налѣво крыльцо Максиму Самойловичу Пересъ, по возвращеніи Куртинова отъ Переса отъ Котораго я узналъ, Пересъ спросилъ у Куртинова Могутъ ли ходить посторонніе люди въ Мастерскія Мещерина, Куртиновъ Пересу отвѣтилъ что никто не можетъ ходить изъ посторонихъ лицъ, Пересъ спросилъ у Куртинова а много ли есть Грамотныхъ изъ числа рабочихъ Мещерина, Куртиновъ отвѣтилъ Пересу да порядочно есть грамотныхъ, потомъ Пересъ спросилъ у Куртинова что можно ли ходить къ нему въ Квартиру Куртиновъ отвѣтилъ можно, Пересъ обѣщался придти въ квартиру Куртинова въ воскресенье т. е. 18-го Сеньтября съ Книжками.

Сеньтября 16 дня. Отъ 10 часовъ утра до 12 дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты въ 11 часовъ пришолъ. Александръ Степановъ Юдинъ состоящій подъ надзоромъ полиціи Который Читалъ Книжки въ часъ дня ушолъ изъ Читальни.

Сеньтября 17 дня. Послѣ обѣда Гимназистъ Класической Гимназіи Максимъ Самойловъ Пересъ былъ у столяра Александра Иванова Куртинова Пересъ принесъ Куртинову книги: Изданіе Ф. Павленкова.

Названіе книгъ.

1. Трудъ и Капиталъ Первоначальныя сведѣнія по политической Экономіи. Переводъ съ Польскаго В. Свидерскаго.

С.-Петербургъ.

Типографія П. П. Сойкова Стремянная 12. 1893.

Максимъ Пересъ очень много высказывалъ Куртинову противъ Правительства противозаконнаго [1]).

2. Расказы изъ Сибирской жизни.

18. 3. Хроника рабочаго труда въ Россіи вынутая изъ журнала.

Сеньтября 19 дня. Послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено въ восемь часовъ вечера, Смиричинская, и Александръ Ивановъ Ѳоминъ вышли изъ Квартиры своей и пошли Васильевской улицѣй, прошли на Болховскую улицу, и взошли вворота въ домъ Асмана гдѣ квартируетъ Важенова Тещя Тотникова который арестованъ въ Санктъ Петербургѣ.

Сеньтября 20 дня. Отъ 10 часа до Часу дня былъ въ Тургеневской читальни. Читалъ газеты и подъ надзорныхъ никого небыло.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской у которой были посѣтители Авдотья Никитишна Перипелкина, и Анна Николаевна Никитская которая живетъ во 2-й части подлѣ Церкви Сергія Перипелкина ночевала у Смиричинской, а Никитская въ 12 часовъ ночи ушла отъ Смиричинской.

---

[1]) Эта запись болѣе, чѣмъ интересна. „Гороховое пальто" не считаетъ даже нужнымъ сообщить, что же именно „противозаконное" говорилъ Пересъ. Шпіонъ, повидимому, отлично знаетъ, что достаточно сказать это ужасное слово „противъ Правительства", чтобы дать надлежащую характеристику поднадзорному. Провокаторъ Куртиновъ тоже, нужно думать, не могъ выяснить, что именно говорилъ Пересъ.

Сентября 21 дня. Послѣ обѣда отъ 6 часовъ до 8 вечера былъ въ Тургеневской читальни, читалъ Газеты особеннаго ничего незамечено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской и Ѳоминымъ у которыхъ были посѣтители Перипелкина и Никитская Которые ночевали у Смиричинской.

Сентября 22 дня. Утромъ отъ 8 часовъ до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской, и Ѳоминымъ особеннаго ничего незамѣчено.

Сентября 23 дня. Утромъ отъ 8 часовъ до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской читальни читалъ Газеты особеннаго незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда въ 8 часовъ вечера Гимназистъ Максимъ Самойловъ Пересъ принесъ книги Столяру Александру Куртинову

1. Экономическія беседы второе исправленное изданіе, Москва.

Изданіе Книжнаго Магазина А. Лангъ.

2. Свѣтъ Божій, общедоступный Курсъ Міровѣданія, переводъ съ южно русскаго, шестое изданіе.

3. Вольный Человѣкъ отеческія записки.

4. Прикащичья выучка, часть вторая, отеческія записки[1]).

Сентября 24 дня послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской и Ѳоминымъ мною было замѣчено укоторыхъ были посѣтители Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, Авдотья Никитишна Перипелкина, Елена Николавна Левандовская и воспитанникъ большой Семинаріи Владиміръ Владиміровичь которые про были у Смиричинской до 2-хъ часовъ ночи, читали книги и писали, но что писали именно неизвѣстно. Перипелкина осталась ночевать у Смиричинской остальные разошлись поквартирамъ.

Сентября 25 дня утромъ отъ 8 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской и Ѳоминымъ особеннаго ничего незамѣчено.

Сентября 26 дня утромъ въ 9-ти часовъ Гимназистъ Максимъ Самойловъ Пересъ пришолъ въ Квартиру Александра Иванова Куртинова принесъ Чэтыре рукописныхъ Тетрадки подъ названіемъ *Царь Голодъ*, въ это время Куртинова небыло въ Квартирѣ своей, Гимназистъ Пересъ Тетрадки оставилъ передалъ ихъ отцу Александра Куртинова и обѣщался придти въ 12 часовъ дня я пришолъ въ квартиру Куртинова и взялъ у отца эти Тетрадки представилъ ихъ Г-ну Приставу 1-й части г. Орла, поприказанію Пристава отвезъ ихъ къ Жандармскому Полковнику, Начальникъ Жандармскаго Управленія осмотрелъ ихъ призналъ запрещенными Правительствомъ, и сдѣлалъ распоряженіе Когда Пересъ придетъ къ Куртинову тогда 1-й части Полицейскій Чиновникъ долженъ

[1]) Конечно, „*Отечественныя Записки*", изъ которыхъ вырваны были названныя статьи. Любопытна, къ слову сказать, тщательность, съ которой „гороховое пальто" записываетъ названіе книги, какое изданіе и въ какой типографіи книга напечатана. Въ статьяхъ, вырванныхъ изъ журналовъ, этихъ данныхъ не имѣется, но шпіонъ не забываетъ сообщить названіе журнала, хотя и перевранное. Несомнѣнно, на этотъ счетъ „гороховыя пальто" имѣли особыя инструкціи.

былъ придти въ Квартиру Куртинова и отобрать рукописные тетрадки укуртинова и Переса но стемъ, что бы взять подписку съ Периса что ему принадлежатъ тетрадки подназваніемъ Царь Голодъ въ 11 часовъ приходилъ Пересъ къ Куртинову и въ это время небыло дома Александра Куртинова, тогда Передалъ отцу Александра Куртинова, что онъ придетъ къ нимъ 27 числа въ 9-ть часовъ вечера.

Сеньтября 17 дня утромъ отъ 9-ти часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда отъ 9 ти часовъ вечера находился около квартиры Александра Куртинова Куда долженъ придти гимназистъ Максимъ Самойловъ Пересъ; въ Квартиру Куртинова въ 9 часовъ вечера пришолъ Пересъ гдѣ пробылъ до 12 го часа откуда вышелъ ипошолъ Пуховой улицѣй закоторымъ я ишолъ вслѣдъ, Пересъ пройдя 1-ю Полицейскую часть ишолъ правой стороной улицы и вдругъ вошолъ во дворъ около дома Сапожника Ивлева, гдѣ квартируетъ состоящій подъ надзоромъ Полиціи Иванъ Николаевичъ Новицкій, наслѣдующій день утромъ я узналъ отъ столяра Александра Куртинова, Гимназистъ Пересъ передалъ Куртинову что противъ Смоленской Церкви есть Гимназистъ Который ходитъ вмѣстѣ снимъ въ Гимназію чрезъ котораго онъ Пересъ можетъ передавать Куртинову что нужно будетъ Куртиновъ спросилъ у Переса а какъ фамилія это Гимназиста Пересъ отвѣтилъ Тихоміровъ впослѣдствіи я узналъ что Софья Николавна Оболенская вдова. Священника имѣетъ нахлебниковъ трехъ Гимназистовъ Кто изъ нихъ знакомъ съ Пересомъ еще неузнато.

Сеньтября 18 дня послѣ обѣда понаблюдѣнію за Смиричинской и Ѳоминымъ мною было замѣчено у Которыхъ были посѣтители въ 5 часовъ пришолъ воспитанникъ большой Семинаріи Владиміръ Владимировичь, не много спустя пришолъ Гимназистъ къ Смиричинской въ первый, а прошедшій годъ ходилъ очень часто къ Натальи Павловнѣ Быковской когда она жила въ г. Орлѣ иквартировала въ этомъ домѣ гдѣ въ настоящее время Квартируетъ Смиричинская, полъ часа десятаго Смиричинская и Ѳоминъ вышли изъ Квартиры своей и пошли къ низу Васильевской улицѣй закоторыми я ишолъ вслѣдъ дойдя до Орличнаго моста взошли въ Колбасню Фромельта Купили Колбасы и пошли обратно назадъ, Смирчинская взошла въ булочную Замятина а Ѳоминъ ходилъ около булочной, Смиричинская вышла изъ булочной ипошли мимо Церкви Архангела, на углу противъ дома священника Отца Андрея остановились и простояли неболѣе пяти. минутъ, повернули на право и пошли къ Мельницѣ я пашолъ вслѣдъ заними дойдя до угла мельницы, оказалось Смирчинская и Ѳоминъ стояли заугломъ налѣвб я, въ туже минуту воротился назадъ и отошолъ на право около мельницы, и ждалъ перейдутъ ли они Платину, но было невидно нхъ, я воротился назадъ къ Квартирѣ Смиричинской, и науглу противъ дома Петухова остановился съ Постовымъ Ивахинымъ, въ это время Смиричинская и Ѳоминъ и шли снизу въ Квартиру свою Которыхъ я, проводилъ доКвартиры, Семинарист. Владиміръ Владиміровичь и Гимназистъ въ это время ушли изъ Квартиры Смиричинской, примѣты Гимназиста одѣтъ формѣ, около 20 летъ русскій лицо рябоватое, направой щекѣ нмѣетъ шрамъ.

Сентября 29 дня утромъ отъ 9 часовъ до 12 дня былъ въ въ Тургеневской читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской и Ѳоминымъ мною было замѣчено у которыхъ была одна барышня Елена Мастерица Баженовой Которая пробыла не болѣе полчаса мастерица Елена приходила съ книжкою.

Сентября 30 дня утромъ отъ 9 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской читальни, читалъ Газеты особенно ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской и Ѳоминымъ поприходѣ моемъ къ квартирѣ Смиричинской отъ жены водовоза я узналъ что Смиричинская и Ѳоминъ ушли изъ квартиры своей въ 7 часовъ вечера Куда неизвѣстно, въ 10 часовъ возвратились обратно въ квартиру свою и болѣе не выходили изъ квартиры.

Октября 1 дня весь день дожидалъ Гимназиста Переса въ квартиру Столяри Куртинова въ Семь часовъ вечера Пересъ пришолъ въ квартиру Куртинова я въ Это время находился въ квартирѣ Куртинова въ боковой Комнатѣ, Гимназистъ Пересъ все время читалъ рукописную тетратку подназваніемъ Царь голодъ, и расказывалъ какъ въ Англіи и Франціи рабочій классъ взялъ свои права, такъ же нужно и сдѣлать въ россіи, Куртиновъ спросилъ у Переса почему онъ пришолъ одинъ а безъ Товарища Гимназиста Пересъ отвѣтилъ что онъ занетъ уроки частные преподаетъ, а когда нужно будетъ то я пришлю его къ вамъ Куртиновъ спросилъ у Переса почему непришолъ съ нимъ съ Немытовскаго завода Перисъ отвѣтилъ, что будто бы ненашолъ его, и Пересъ просилъ Куртинова что бы онъ Куртиновъ познакомился съ рабочими Трипачами, Наумова и Замовина Куртиновъ обѣщался привести отъ Наумова Трипача въ свою Квартиру но вчерашній день немогъ его разыскать поэтому и немогъ привести его къ приходу Переса.

Октября 2 дня отъ 9 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской читальни Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда былъ въ квартирѣ Куртинова куда Полчаса пятаго пришолъ Пересъ спрашивалъ у Куртинова по Географіи, и Самъ разсказывалъ покартѣ, въ будущій Четвергъ или Воскресенье обѣщался Пересъ отвѣсти Куртинова на Кишиневку къ Сергію церкви познакомить его съ однимъ столяромъ, и потомъ Пересъ передалъ Куртинову что бы необходимо нужно устроить между рабочихъ Мещерина, Наумова, и Заморина Кружки человѣкъ изъ пяти и десяти Каждый Кружокъ называется Союзъ, изъ которыхъ должно составится Тайное общество, и Это общество въ послѣдствіи должно имѣть Голосъ и взять свои права, Пересъ передалъ Куртинову что бы дѣйствовать какъ можно акуратнее, Куртиновъ *спросилъ* у Перса что рукописные Тетратки трудно читать лучше бы если были печатаные и немогутъ ли въ Орлѣ ихъ печатать, Пересъ отвѣтилъ что была въ Орлѣ Тайная Типографія, которыхъ весною забрали и сошлютъ въ Сибирь, а въ настоящее время нетъ въ Орлѣ Типографіи можетъ будетъ впослѣдствіи, Седьмаго полчаса ушолъ Пересъ отъ Куртинова котораго проводилъ до Болховской улицы. Отъ куда прошолъ къ квартирѣ Смиричинской взошолъ въ квартиру водовоза отъ которыхъ узналъ, что въ Это время Смири-

чинской и Өомина не было въ квартирѣ а были посѣтители вечеромъ Гимназистъ Максимъ Самойловъ Пересъ Семинаристъ Владиміръ Владиміровичъ Елена Николавна Левандовская и неизвѣстныя двѣ барышни въ 8 часовъ вечера все ушли вмѣстѣ отъ Смиричинской и сними ушли Смиричинская и Өоминъ, одна оставалась въ квартирѣ Смиричинской Авдотья Перипелкина въ 10 часовъ вечера Смиричинская и Өоминъ пришли въ квартиру свою и Стали чай пить.

Фоминъ носитъ съ собою кинжалъ и револьверъ [1]).

Сеньтября 3 дня отъ 12 часовъ дня до 9 часовъ вечера имѣлъ наблюденіе за Смиричинской и Өоминымъ который долженъ выѣхать отъ Смиричинской въ Сибирь, въ 11 часовъ дня къ Смиричинской приходила Какая то неизвѣстная барышня, въ 9 часовъ вечера къ Смиричинской и Өомину приходилъ Семинаристъ Владиміръ Александровичъ Русановъ котораго фамилія была неизвѣстна Өоминъ сказалъ Русанову что бы онъ и шолъ на Вакзалъ провожать его, Смиричинская оставалась въ квартирѣ въ началѣ девятаго часа Өоминъ выѣхалъ изъ квартиры Смиричинской на Вакзалъ, вслѣдъ за Өоминымъ и я поѣхалъ на Вакзалъ несколько время спустя на Вакзалъ пріѣхала Смиричинская изъ посторонниxъ лицъ Өомина никто непровожалъ, по приходѣ почтоваго поѣзда изъ Курска на Москву, Пассажиры стали садится вагоны и Өоминъ сѣлъ Вагонъ я отправился обратно въ городъ, а Смиричинская оставалась до отхода поѣзда наслѣдующій день то есть 4-й октября пришолъ я въ квартиру Смиричинской узналъ что Смиричинская не возвращалась съ Вакзала въ квартиру свою.

4, 5 и 6 октября 7 числа по собраннымъ мною негласнымъ свѣдѣніямъ что Смиричинская три дня въ квартирѣ своей ненаходилась, а находилась въ квартирѣ Левандовскихъ и что будто бы Елена Николавна Левандовская была низдарова, Октября 6 дня къ Смиричинской приходили Гимназистъ Максимъ Пересъ, и Анна Николаевна Никитская но Смиричинской въ квартирѣ небыло.

Тогоже числа послѣ обѣда по наблюденію за Смиричинской мною было замѣчено у которой были посѣтители Алексѣй Яковлевичъ Никитинъ, Анна Николаевна Никитская Семинаристъ Владиміръ Александровъ Русановъ и Гимназистъ Максимъ Пересъ, которые пробыли у Смиричинской до двухъ часовъ ночи.

Октября 8 и 9-го находился въ квартирѣ Столяра Куртинова 8-го числа неприходилъ Гимназистъ Пересъ къ Куртинову, 9-го въ 6-ть часовъ вечера Гимназистъ Максимъ Пересъ пришолъ къ Куртинову гдѣ читалъ рукописныя тетрадки подъ названіемъ *Царь Голодъ и железный законъ* потомъ далъ читать Куртинову печатную Тетрадку *Изданіе Группы вольнонародцевъ* Которую и оставилъ у Куртинова, Пересъ просилъ Куртинова что бы онъ Эту Книжку неотнюдь никому недавалъ

---

[1]) Запись: „*Фоминъ носитъ съ собой кинжалъ и револьверъ*“ сдѣланъ совершенно инымъ почеркомъ, что прямо бросается въ глаза въ „Памятной Книжкѣ“. Нужно думать, что при чтеніи представителемъ общей или тайной полиціи записи шпіона послѣдній добавилъ свѣдѣніе о кинжалѣ и револьверѣ, которою онъ или не успѣлъ, или позабылъ занести, и читавшій самъ записалъ этотъ фактъ въ „Памятную Книжку“.

читать, Которую онъ обратно возьметъ. Пересъ приносилъ Книги Куринову 2-го октября *Царь Голодъ*, Отчерки изъ Исторіи народныхъ сказаній Древняя Исторія.

Рабочіе Классы Англіи и Мастерская Школа, безработица въ Швецаріи, Словарь Иностранныхъ словъ изданіе Югансона Изданіе Группы Народовольцевъ.

Таково содержаніе „памятной книжки“ зауряднаго профессіональнаго шпіона.

Тщательное ознакомленіе съ нею, прежде всего, выясняетъ, какъ „гороховое пальто“ собираетъ данныя внѣшняго, такъ сказать, характера: куда поднадзорный ходитъ, кто къ нему ходитъ, куда онъ ѣздитъ, съ кѣмъ встрѣчается и т. п.

Затѣмъ обнаруживается, что задачи „пальто“ далеко не ограничиваются однѣми внѣшними наблюденіями.

Слѣдя за поднадзорными, онъ въ то же время мало-по-малу завязываетъ связи съ лицами, съ которыми такъ или иначе соприкасается поднадзорный, и при посредствѣ ихъ проникаетъ во внутреннюю жизнь послѣдняго.

Квартирные хозяева, дворники, прислуга, ближайшіе лавочники, садовники, водовозы и всякіе другіе лица служатъ для шпіона превосходными, часто безсознательными проводниками въ самые сокровенные тайники порученнаго „гороховому пальто“ субъекта.

Но и это далеко не все.

Опутавъ поднадзорныхъ плотною паутиною, шпіонъ начинаетъ заниматься провокаторствомъ.

Изъ „памятной книжки“ мы видимъ, что послѣднее превосходно удается автору ея.

„Устроенный“ шпіономъ „столяръ“ Куртиновъ блестяще исполняетъ свои обязанности, а поднадзорные не только ничего не замѣчаютъ, но глубоко убѣждены, что весьма тонко ведутъ свою миссію по части пропаганды среди населенія и водятъ за носъ полицію.

Сообразивъ это, „гороховое пальто“, при посредствѣ Куртинова, водовоза и другихъ лицъ, начинаетъ изъ ничего создавать серьезное политическое дѣло, что ему и удается сдѣлать за время съ 11 сентября по 2 октября, т. е. всего за 2 недѣли съ небольшимъ: 11 сентября онъ „устроилъ“ Куртинова, а 2-го октября уже доноситъ о „тайномъ обществѣ“.

Въ общемъ „памятная книжка“ превосходно выясняетъ физіономію „гороховаго пальто“.

Несмотря на глубокое невѣжество и полуграмотность, профессіо-

нальный шпіонъ, вслѣдствіе полицейскаго навыка, является чрезвычайно аккуратнымъ и неустаннымъ наблюдателемъ.

Далѣе, онъ очень умѣло и тонко заводитъ знакомство съ окружающими поднадзорныхъ лицами и великолѣпно организуетъ внутренній, такъ сказать, надзоръ.

Наконецъ, „гороховое пальто" даетъ совершенно „готовое дѣло" въ руки высшихъ представителей полиціи, которые уже и пожинаютъ плоды, все повышаясь и повышаясь по чиновной лѣстницѣ, а бѣдный шпіонъ остается въ полной неизвѣстности, даже не понимая, какую громадную роль играетъ онъ въ дѣлѣ охраненія существующаго порядка вещей.

И. П. Бѣлоконскій.

Толстой и русское освободительное движеніе [1]).

(Нѣсколько воспоминаній).

Нерѣдко ставится вопросъ: сочувствуетъ или не сочувствуетъ Толстой нашему освободительному движенію? И отвѣтъ при этомъ большею частью получается отрицательный. Приводятъ слова изъ бесѣдъ писателя съ достовѣрными свидѣтелями, выдержки изъ статей и писемъ и на основаніи всего этого готовы въ области политики зачислить великаго борца за освобожденіе человѣческой личности въ лагерь чуть на реакціонеровъ. Дѣло до ходило до того, что еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, какъ мнѣ извѣстно, одинъ жандармскій офицеръ, кажется, по порученію своего начальства, являлся къ Толстому въ надеждѣ получить отъ него какія-либо цѣнныя данныя о движеніяхъ среди молодежи, съ которой у Толстого были постоянныя сношенія и ожесточенные споры. Можно себѣ представить, какъ встрѣтилъ Левъ Николаевичъ этого усерднаго служаку. „Вы за двугривенный продали свою душу, такъ думаете, что у другихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести".

Такія, обращенныя къ нему, слова принужденъ былъ довести до своего начальства не въ мѣру усердный ревнитель порядка.

Конечно, нужно имѣть совсѣмъ необычайно грубое представленіе о политическихъ друзьяхъ и противникахъ для того, чтобы впасть въ ошибку, допущенную этимъ господиномъ, но и во всѣхъ толкахъ о сочувствіи или несочувствіи Толстого тому или другому общественному движенію лежитъ какое-то несоотвѣтствіе съ особенной природой великаго старца. Къ своей великой цѣли и къ своей благородной мечтѣ онъ идетъ своеобразнымъ, ему одному свойственнымъ путемъ, путемъ, настолько да-

[1]) Эти воспоминанія написаны кн. Д. Н. Шаховскимъ въ ярославской тюрьмѣ, гдѣ онъ, какъ „выборжецъ", отбывалъ трехмѣсячное заключеніе. Онъ хотѣлъ переслать намъ ихъ черезъ тюремную администрацію, но послѣдняя сдѣлать это не сочла возможнымъ. Пришлось ждать срока окончанія заключенія, чтобы переслать рукопись самому. По этой причинѣ воспоминанія кн. Шаховскаго и помѣщаются нами лишь въ концѣ настоящей книги.

Ред.

леких от обычных шаблонов и от условій реальной дѣйствительности, что подчас у вполнѣ добросовѣстных наблюдателей возникал вопрос, не порабощеніе ли личности стоит на концѣ этого стремительнаго движенія. Но постепенно всѣ эти опасенія отпадают, и русское общество мирится со своим великим сыном, хотя и не может слѣдовать его практическим совѣтам.

Но при всем своеобразіи своего геній Толстой вѣдь наш земляк и современник. Он жил одной с нами жизнью и не мог не отзываться так или иначе на всякую радость и на всякое горе русскаго общества. И не давая общей характеристики этих отношеній, не выставляя никакой одобрительной или неодобрительной отмѣтки, может быть, не мѣшает просто пересмотрѣть тѣ конкретные случаи, когда отношеніе Толстого к движенію так или иначе должно было болѣе выпукло опредѣляться. Считаю поэтому не безполезным сообщить то, что в этом отношеніи сохранила моя память.

* * *

Одно из сильнѣйших нравственных потрясеній, какія испытало русское общество послѣ эпохи начала восьмидесятых годов, относится к голодовкам 1891 и 1892 года. Хорошо извѣстно, какое дѣятельное участіе принял тогда Толстой в общественной борьбѣ с народным бѣдствіем.

Его слово призыва громче всѣх раздавалось и вызвало к себѣ самые сильные отклики отовсюду. Его непосредственная работа послужила образцом и школой для множества предпріятій и множества лиц, да и до сих пор примѣненные его организаціей пріемы помощи остаются в дѣйствіи при повторяющихся с тѣх пор столь часто голодовках.

Толстой принимал участіе и в выработкѣ плана организаціи школьных столовых московскаго комитета грамотности. Хорошо помню также его на одном из частных совѣщаній общественных дѣятелей созванном в тот момент, когда прошла вызвавшая столько горячаго подъема первая продовольственная кампанія и наступившая вторично голодовка уже не вызывала такого прилива средств и живых сил... В Москвѣ, проѣздом из Тульской губерніи, голодныя мѣста которой он только что посѣтил, находился Константин Константинович Арсеньев. Его сообщеніе о непосредственных впечатлѣніях и послужило предлогом для созыва совѣщанія. Совѣщаніе происходило на квартирѣ Ивана Ильича Петрункевича, на Смоленском бульварѣ. В числѣ собравшихся были уже покойные теперь А. И. Чупров, Влад. Серг. Соловьев, Г. О. Джаншіев, В. А. Гольцев, проф. Грот, Г. А. Мачтет; затѣм И. А. Стебут, А. С. Постников, В. Е. Якушкин, П. Н. Милюков, проф. Вернадскій,

И. И. Янжулъ, А. А. Корниловъ, только что издавшій отчетъ о первой своей продовольственной организаціи и работавшій надъ изданіемъ второй, извѣстная московская дѣятельница А. В. Погожева (также уже покойная), Ю. Л. Любенкова и многіе другіе. Толстой пришелъ на засѣданіе пѣшкомъ въ своемъ непокрытомъ сукномъ простомъ полушубкѣ, въ которомъ его тогда часто можно было встрѣтить на московскихъ улицахъ. Недавно еще непріязненное отношеніе передовыхъ литературныхъ круговъ къ прямолинейному обличителю значительно смягчилось; его присутствіе и дѣятельное участіе въ обсужденіи вопросовъ вносило какой-то особенно серьезный и строгій характеръ въ бесѣду. Факты нужды и полной безпомощности съ ней бороться сообщались поразительные. Администрація упорно отрицала голодъ, и со стороны общества не видно было прежней готовности вкладывать въ борьбу съ нимъ всю свою душу. Но и средствъ воздѣйствовать на это равнодушіе общества было мало. Странно вспоминать теперь, а положеніе было именно таково: печати было безусловно запрещено обращаться съ воззваніями и призывами за помощью, а всякія иносказательныя напоминанія не могли вызвать необходимаго подъема. „У печати есть свои способы воздѣйствія на общество, которые не могутъ быть замѣнены другими, когда прямые пути закрыты“. Такъ говорили намъ московскіе журналисты, измученные собственнымъ безсиліемъ. Помню предложеніе Толстого. Онъ сказалъ: „Вѣдь у русскихъ литераторовъ установился традиціонный способъ помощи въ такихъ случаяхъ: изданіе сборника. Это сейчасъ единственное, что мы можемъ сдѣлать“.

Кое-что въ этомъ отношеніи было предпринято; слѣдующія собранія намѣтили и другія практическія мѣры. Но преобладающимъ впечатлѣніемъ на собраніяхъ было — чувство общественнаго безсилія въ данный моментъ побороть препятствія, ставимыя свыше самымъ законнымъ жизненнымъ проявленіямъ.

Организовать во что бы то ни стало общественныя силы! Вотъ то требованіе, съ которымъ всѣ вышли съ бесѣды. Она и послужила непосредственнымъ началомъ одной изъ такихъ попытокъ организаціи: съ этого совѣщанія ведетъ свое происхожденіе серія земскихъ съѣздовъ девяностыхъ годовъ, которые сыграли въ свое время извѣстную подготовительную роль. Но эта сторона дѣла уже не имѣетъ отношенія къ разсматриваемой мною темѣ.

* * *

Черезъ два года русское общество пережило рядъ впечатлѣній другого рода. Къ удивленію администраціи и общества въ составленныхъ земствами адресахъ для подачи вновь вступившему на престолъ Государю нарушено было то молчаніе, которое должно было означать всеобщее бла-

годенствіе. Оказались въ наличности неудовлетворенныя нужды, сказалась потребность коренного обновленія жизни. Наиболѣе рѣшительныя пожеланія встрѣтили извѣстный отпоръ. Общество было смущено, и всѣ признавали нужнымъ что-то предпринять. Опять на мою долю выпало звать Толстого на совѣщаніе въ Москвѣ... Какъ сейчасъ помню нашъ короткій разговоръ. Время у Толстого было распредѣлено строго „по упряжкамъ". И когда я вошелъ въ обширный дворъ Толстовскаго дома въ Хамовническомъ переулкѣ и позвонился у крыльца, отперевшій лакей объявилъ мнѣ, что графъ занимается на дворѣ и ранѣе чѣмъ черезъ два часа его видѣть нельзя. Я, однако, добился, чтобы меня провели сейчасъ же къ мѣсту занятій графа, и увидѣлъ, какъ Левъ Николаевичъ въ томъ же своемъ полушубкѣ, съ топоромъ въ рукахъ, на сильномъ морозѣ возился около огромной кадки, вырубая изъ нее ледъ. Левъ Николаевичъ сказалъ, что онъ скоро войдетъ въ домъ и можно съ нимъ будетъ обстоятельно поговорить, но, узнавъ цѣль моего посѣщенія, повторилъ бывшія тогда у всѣхъ на устахъ два символическихъ слова—и сдѣлалъ это такимъ тономъ, что я счелъ миссію свою исполненной. И безъ разговора все понятно. Я сообщилъ часъ и мѣсто засѣданія и пошелъ дальше съ глубокимъ сознаніемъ, что здѣсь одушевлявшее общество чувство нашло полный откликъ, и что мы непремѣнно увидимъ Льва Николаевича на предположенномъ засѣданіи.

И оно опять обнаружило болѣе всего общественную разрозненность и безсиліе. Предсѣдатель собранія, П. Н. Милюковъ, чувствовалъ, что никакихъ практическихъ общихъ рѣшеній собравшіеся вынести не смогутъ. Сильное общее чувство оставалось пока безъ возможности сколько-нибудь широкаго примѣненія. Ясна была необходимость еще новой предварительной работы. По силѣ испытаннаго чувства Толстой не уступалъ ни одному изъ самыхъ горячихъ членовъ собранія, хотя и выражалъ его въ спокойной, сдержанной формѣ. Въ числѣ практическихъ мѣропріятій предлагалось оглашеніе въ западной печати протеста со стороны русской интеллигенціи, и къ Толстому обращена была просьба, чтобы онъ взялъ на себя быть выразителемъ ея мысли. Толстой не отказывался, но говорилъ, что его выступленіе не будетъ имѣть желаемаго эффекта, потому что протестъ съ его стороны будетъ связанъ съ той анархической позиціей, которую ему приписываютъ, поэтому его голосъ не можетъ получить значенія протеста широкихъ общественныхъ круговъ... Не находили въ Толстомъ сочувствія, разумѣется, и всѣ планы организаціонной дѣятельности. „Къ чему организація?—Развѣ мы не составляемъ и безъ всякой организаціи одной массонской ложи, гдѣ достаточно двухъ словъ, чтобы понять другъ друга и призвать къ общему дѣлу. Вотъ Шаховской пришелъ ко мнѣ, и развѣ мы сразу не поняли другъ друга безъ всякихъ массонскихъ знаковъ?".

* * *

Прошло еще шесть тяжелыхъ лѣтъ. Въ февралѣ и мартѣ 1901 года въ Москвѣ, которая и всегда живетъ въ болѣе близкомъ общеніи съ живыми силами русскаго провинціальнаго общества, нежели Петербургъ, было особенно людно по части провинціаловъ. Съ 10 по 19 февраля происходилъ огромный съѣздъ дѣятелей агрономической помощи населенію, съ 1—10 марта—совѣщаніе при учебномъ округѣ по разсмотрѣнію проекта наказа училищнымъ совѣтамъ, съ участіемъ всѣхъ предводителей дворянства 13 губерній округа. На агрономическомъ съѣздѣ совершенно неожиданно для Д. Н. Шипова, дѣлавшаго въ то время систематическія попытки создать земское единеніе путемъ сношеній съ предсѣдателями управъ, но вездѣ наталкивавшагося на равнодушіе и стезу, подняты были коренные вопросы провинціальной жизни, между прочимъ, и вопросъ о мелкой земской единицѣ.

Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны предсѣдателя съѣзда Н. А. Хомякова снять послѣдній вопросъ съ обсужденія, пришлось уступить настоятельному желанію съѣзда и включить его въ свои занятія. По предложенію тверского агронома Девеля для разработки вопроса образована была особая коммиссія, въ составѣ всѣхъ земскихъ гласныхъ-членовъ съѣзда. И вотъ мы, незнакомые другъ другу земцы, собрались воедино въ Московской губернской управѣ, какъ бы выловленные ловко закинутой сѣтью изъ массы прочихъ членовъ съѣзда. Живое общеніе не однихъ только предсѣдателей управы, а и болѣе независимыхъ и живыхъ земскихъ элементовъ вносило ноту одушевленія и подъема. Движеніе отражалось и на Толстовскомъ домѣ. Но центръ его, самъ Левъ Николаевичъ, былъ въ это время какъ-то особенно слабъ и боленъ. Съ удивительной силой и настойчивымъ упорствомъ бесѣдовалъ онъ и тогда съ отдѣльными посѣтителями, но дѣлалъ это съ трудомъ, перемогаясь, побѣждая усиліемъ духа тѣлесную немощь. При первой встрѣчѣ, на мой вопросъ, какъ идутъ дѣла, онъ, помню, сказалъ: «Дѣла идутъ замѣчательно правильно: прямо къ смерти».—«Да это общій законъ», замѣтилъ ему я, «всѣ мы туда стремимся».—«Да, но въ старости дѣло идетъ со скоростью, возрастающей въ геометрической прогрессіи»...

И вотъ вдругъ Москва удивила пріѣзжихъ провинціаловъ и, кажется, больше всего самое себя первыми массовыми уличными демонстраціями, а въ то же время святѣйшій синодъ удивилъ весь міръ посланіемъ, признававшимъ Толстого отлученнымъ отъ церкви... Толстой сразу какъ бы воспрянулъ. Когда черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго посѣщенія я пришелъ къ нему и онъ рѣшительно заявилъ, что не принимаетъ поздравле-

ній (этими словами онъ встрѣчалъ всѣхъ своихъ многочисленнѣйшихъ посѣтителей этого періода), его нельзя было узнать. Отъ старческой немощи не осталось и слѣда. Мы видѣли передъ собой борца, готоваго отвѣчать нравственнымъ актомъ на каждый ударъ, наносимый ему насиліемъ. И, конечно, источникомъ его одушевленія послужило въ значительной мѣрѣ въявь обнаружившіяся въ обществѣ и въ народныхъ слояхъ силы... И въ эти-то дни общественнаго подъема Россію облетѣла вѣсть объ избіеніи на Казанской площади 4 марта 1901 года и о первомъ открытомъ протестѣ, которымъ это событіе сопровождалось со стороны Петербургскихъ писателей.

Какъ это и подобаетъ обществу, въ которомъ систематически забивали личность, мы отличаемся удивительно короткой исторической памятью. Все значеніе этого событія, пожалуй, далеко не сразу для всѣхъ, теперь ясно вырисовывается. Между тѣмъ, для того, кто пристально слѣдилъ за психологіей русскаго провинціальнаго общества и имѣлъ возможность наблюдать его, должно быть совершенно яснымъ, что именно въ эти дни произошелъ переломъ, послѣ котораго созданіе въ ближайшемъ будущемъ достаточно сильной общественной организаціи стало неизбѣжнымъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ случайно какъ разъ на другой день послѣ избіенія на Казанской площади, еще ничего не зная о происшедшемъ. Но не трудно было сразу оріентироваться въ создавшемся положеніи и войти въ курсъ дѣла. Я повидалъ А. А. Корнилова, котораго мой ранній визитъ нѣсколько встревожилъ, Н. Ѳ. Анненскаго съ краснорѣчивыми знаками испытыннаго на лицѣ, А. В. Пѣшехонова, какъ-то болѣзненно сжавшагося отъ пережитыхъ впечатлѣній и прямо-таки почернѣвшаго отъ неимовѣрнаго напряженія послѣднихъ сутокъ... Струве, Туганъ-Барановскаго и Аріадну Владимировну Тыркову, я не засталъ: они такъ и не вернулись домой съ площади и попали въ полицейскую часть. Въ разныхъ мѣстахъ получилъ я экземпляры составленнаго и подписаннаго въ одну ночь общественными дѣятелями, учеными, литераторами и другими лицами (около 100 человѣкъ) и только что пущеннаго въ публику протеста и еще какую-то сильную печатную прокламацію и въ тотъ же дѐнь (это былъ день похоронъ Боголѣпова) уѣхалъ въ Москву. Утромъ я звонился къ Толстому. Режимъ охраны этихъ часовъ для сосредоточенныхъ уединенныхъ занятій писателя былъ весьма строгъ, но привезенныя мною сообщенія слишкомъ возбуждали нервы и казались мнѣ слишкомъ серьезными, такъ что мнѣ удалось немедленно повидаться съ Толстымъ. Онъ не рѣшался сразу повѣрить происшедшему во всемъ чудовищномъ объемѣ невѣроятной дѣйствительности... Но я могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, что и этотъ моментъ общественнаго возбужденія былъ пережитъ Толстымъ вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ и встрѣтилъ въ его душѣ тотъ же отзвукъ, который такъ сильно повліялъ тогда на

всю психологію русскаго человѣка перваго года XX вѣка. Къ этому времени относятся чрезвычайно сильныя писанія Толстого, которыя въ свое время производили соотвѣтствующее впечатлѣніе. Домъ его сталъ однимъ изъ оживленнѣйшихъ мѣстъ обсужденія событій и ихъ опредѣленной квалификаціи, и бесѣды эти, а въ особенности участіе въ нихъ самого Толстого, производили глубокое впечатлѣніе на многочисленныхъ почитателей [1]).

* * *

Послѣдній разъ я видѣлъ Толстого въ октябрѣ 1903 года. При кажущемся всепобѣждающемъ господствѣ режима Плеве въ самыхъ широкихъ кругахъ общества назрѣвали силы, которыя не могли мириться съ создавшимся положеніемъ и чувствовалась уже неизбѣжность тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній, къ которымъ ведутъ страну ея руководители. Организація этихъ элементовъ протеста висѣла въ воздухѣ. И мнѣ казалось важнымъ воочію убѣдиться, достигаетъ ли до сознанія яснополянскаго отшельника біеніе общественнаго пульса, и какъ онъ на него откликается. Безъ особенной надежды на возможность использовать и его силы въ предстоящемъ дѣлѣ, хотѣлось воочію убѣдиться, нельзя ли найти въ немъ и дѣйствительную поддержку. Я засталъ Толстого еще полнымъ мыслей отъ только что законченной огромной работы по критикѣ Шекспира, славу котораго онъ считалъ незаслуженной, и занятаго спеціальными работами по нравственнымъ вопросамъ. Нелегко было вызвать его на бесѣду по политикѣ. Онъ настаивалъ на неосуществимости насильственнаго государственнаго переворота путемъ народнаго возстанія при теперешнихъ условіяхъ государственной и военной техники и спѣшилъ использовать съ наибольшей, по его мнѣнію, пользой тѣ немногіе еще дни жизни, которые ему суждено поработать на землѣ. Это не мѣшало ему совершить продолжительную прогулку верхомъ, несмотря на внезапно выпавшій ночью глубочайшій снѣгъ. Вечеромъ мы, однако, разговорились и на мою тему. Я выслушалъ блестящую характеристику первыхъ и послѣднихъ дней царствованія Николая I, въ сопоставленіи своемъ дававшихъ зрѣлище величайшей трагедіи цѣлой человѣческой жизни... И подводя итоги всей нашей бесѣдѣ, онъ сказалъ: „Да что говорить, конечно, наступаетъ для каждаго государства такой возрастъ, когда ему самодержавіе такъ же мало пристало, какъ взрослой дѣвицѣ короткое платьице по колѣно, очень умѣстное на маленькой дѣвочкѣ... Только не въ этомъ самая главная задача жизни".

---

[1]) Тогда же Л. Н. Толстой подписалъ и то привѣтствіе Союзу писателей, которое помѣщено въ этой же книгѣ.

Ред.

И я уѣхалъ и на этотъ разъ съ сознаніемъ, что работать вмѣстѣ намъ не придется, но мысли наши обращены въ одну сторону. Строгой критикой встрѣчено будетъ каждое наше отдѣльное дѣйствіе. Но горячій откликъ найдетъ въ сердцѣ этого человѣка каждый шагъ, дѣйствительно приближающій насъ къ освобожденію человѣка, всякій признакъ крушенія того зла, которое стоитъ по пути къ этому освобожденію.

Кн. Дм. Шаховской.

Отчетъ редакціи о суммахъ и предметахъ, поступившихъ на устройство Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

Изъ редакціи газеты „Современное Слово" переданы намъ для передачи по назначенію поступившія туда слѣд. пожертвованія: отъ Н. П.—5 р.; Н. М.—3 р.; П. В.—3 р.; Ст. Ив.—2 р.; А. К.—3 р.; С. В.—3 р.; Б. М.—1 р.; Г. Кс.—1 р.; Л. Г.—1 р.; А. Торей—12 р. 55 к.; раб. машин. перепл. отдѣл. типограф. „Якорь"—1 р. 75 к.; Вл. Кузнецова—1 р.; М. Ок.—1 руб.; Н. Г.—3 р.; М. Рудневой—1 р.; раб. Путиловскаго завода—4 р. 71 к.; М. А. и Н. П. Х.—3 р.; Л. П.—5 р.; служащихъ Пашійскаго завода—1 р. 20 к.; П.—1 р.; А. Н. Степанова—1 р.; О. Бордоноса—3 р. 50 к.; А. Бордоноса—1 р. 60 к.; Г. Царина—60 коп.; М. Фишнера—15 коп.; Л. Бордоноса—2 руб. 10 коп.; Г. Пестова—50 коп.; О. Зелова—30 коп.; К. Бордоноса—1 р.; М. Шеленкова—50 к.; В. Бычкова—50 к.; В. Ромашова—15 к.; Г. Ковалева—50 к.; В. Трофимова—10 к.; Ж. Бордоноса —1 р.; Д. Шеленкова—50 к.; Д. Бычкова—50 к.; С. Мельникова—50 к.; А. Бѣлоусовой—1 р.; М. З. Любанъ—50 к.; П. З. Любанъ—50 к.; Д. Гликмана—25 к.; учителя Силкина—25 к.; С. М. Поверенигъ—20 к.; бр. Лохматыхъ—50 к.; студ. Н. В. Лихобабина—50 к.; отъ группы политич. ссыльныхъ чердынскаго уѣзда—3 р.; отъ группы омскихъ телеграфн. чиновъ—17 р. Отъ мастеровыхъ и рабочихъ литейнаго завода Товарищества Мануфактуры Н. Н. Коншина въ Серпуховѣ—1 р. 35 к.; отъ Аполинаріи Ивановны Трубиной—1 р.; И. Мошковскаго—2 р.; М. Крашогорова—1 р.; отъ крестьянъ: Василія Зубова—20 к.; Павла Смирнова—50 к.; А. Иванцева — 1 р.; Ивана Козырина — 30 к.; Кодраша Мочалина — 1 р.; отъ С. П. Ширшикова—1 р.; врача С. Галюна—3 р.; отъ Ф—ера — 50 к.; отъ Плотникова, Гаврилова, Филиппова, и еще одного—по 50 коп.; всего 4 р.; Владимира Ивановича Николаева—50 к.; отъ служащихъ Общественной Лавки Невскаго Судостроительнаго Механическаго Завода—6 р. 25 к.; Ивана Ивановича Иванова—4 р.; отъ Владимира Михайловича Варушкина—10 р.; священника В. Г.—88 к.: отъ врача Н. Шохиной—2 р.; Озерянской—2 р.; Итого изъ „Современнаго Слова"—138 р. 39 к. Изъ редакціи газеты „Рѣчь": отъ неизвѣстнаго—5 р.; А. Цимбера—3 р.; М. Лебедева—30 коп.; Н. Тимофѣева—20 коп.; А. Другалина—20 к.; Родіонова—20 к.; Мартынова—20 к.; конторщ. охт. зав. взрывч. вещ.—2 р. 55 к.; Ив. Өедор. Иванова—2 р.; служ. правл. кит.-вост. ж. д.—12 руб. 55 коп.; Леон. Егор. Сицынскаго—25 р.; собранные А. С. Александровымъ среди сослуживцевъ 14 р. 50 к. Итого изъ „Рѣчи"—65 р. 70 к.

Непосредственно въ редакцію „Минувшихъ Годовъ" поступило: изъ Юрьева—4 р.; отъ Эд. Пекарскаго—1 р.; Г. К.—1 р.; А. В. Тырковой—

2 р.; А. А. Корнилова—10 р.; В. Г. Тана—3 р.; Л. П. Купріяновой—3 р.; А. Мошина—99 к.; Н. В. Мѣшкова—300 р.; С. Н. Прокоповича—10 р.; Е. Д. Кусковой—10 р.; А. Ф. Прокоповичъ—10 р.; Е. И. Реньевой—5 р. Изъ деревни Зараменіе (Вятской губ.): крестьянинъ независимый—1 р.; крестьянинъ—25 к.; пролетарій—50 к.; крестьянинъ—25 к. тоже—50 к.; N.—10 к.; рабочій—10 к. Итого изъ Зараменія—2 р. 70 к.; отъ А. П. Полякъ и А. А. Крживицкаго изъ Ломжи—5 р.; отъ Розенъ изъ Боржома—3 р.; С. Р. Издебскаго изъ Тимашева (Самарской губ.)—5 р.; Итого—375 р. 69 к. Всего 569 р. 78 к. Съ прежде поступившими—753 р. 39 к. и одна финляндская марка. Деньги переданы по назначенію. Пріемъ пожертвованій продолжается. Пожертвованія принимаются въ Петербургѣ въ редакціяхъ газетъ „Рѣчь“, „Слово“ и „Современное Слово“ и журналовъ „Современный Міръ“, „Русское Богатство“, „Образованіе“ и „Минувшіе Годы“.

Э. К. Пекарскій пожертвовалъ по 100 экз. изданныхъ имъ двухъ брошюръ—Воспоминанія В. Н. Шаганова „Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ“ и Н. А. Виташевскаго „Старая и новая якутская ссылка“ съ тѣмъ, чтобы вырученныя отъ продажи этихъ брошюръ деньги поступили въ фондъ для учрежденія музея Толстого.

Для того же музея поступили: отъ А. Мошина его книга „Новое о великихъ писателяхъ“ съ надписью „Дому-Музею имени Л. Н. Толстого приношу этотъ скромный мой трудъ“; отъ него же книга П. Сергѣенко „Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой“. A. de P. „Pauvre Léon Tolctoï“! Par une ex-soeur de la Croix-Rouge. Н. Ш—въ.—„Страшное судилище или дѣло объ отлученіи гр. Л. Н. Толстого“. Корректура ст. Л. Н. Толстого по поводу ареста Вл. Молочникова за распространеніе толстовской литературы (безъ сокращеній). Отъ книгоиздательства И. В. Пирожкова: книги Д. С. Мережковскаго „Л. Толстой и Достоевскій“ (2 тома) и Л. Шестова „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше“. Отъ издательства „Солнце“: портретъ Толстого съ натуры С. М. Прокудина Горскаго (въ краскахъ при помощи цвѣтной фотографіи 2 экз.). Народный календарь 1909 г. (2 экз.). Отъ М. В. Кунинскаго—альбомъ съ коллекціей портретовъ Л. Н. Толстого на открытыхъ письмахъ (76 портретовъ), вышедшихъ за послѣдніе пять лѣтъ (съ 1904 года). Отъ А. М. Хирьякова — 2 №№ издававшейся имъ въ 1906 г. газеты „Голосъ“, въ которомъ напечатана статья П. И. Бирюкова „Событіе 1-го марта и Л. Н. Толстой“. Разныя русскія газеты и журналы со статьями о Толстомъ и Домѣ-Музея имени Толстого въ Петербургѣ. *Изъ Германіи*: Berliner Illustrirte Zeitung, № 36, September (2 экз.) съ портретомъ Толстого; Francfurter Zeitung № 239. 28 August (2 экз.) со статьей о Толстомъ. Nord und Süd. September. Heft. 9 (2 экз.) съ

портретомъ Толстого и статьей о немъ. Lüstige Blätter 37 (съ каррикатурами на нѣкоторыя событія изъ жизни Толстого). Konigsberger Hartungsche Zeitung. 27 august. (2 экз.) со статьей о Толстомъ. Das Buch für Alle. Illustrierte Familien Zeitung. 28 Heft. (2 экз.) со ст. о Толстомъ и его портретомъ. *Изъ Даніи*: Dannebrog. 28 August. (2 экз.). Со статьей о Толстомъ.

* * *

Отъ Э. К. Пекарскаго поступило по 1 экз. вышеназванныхъ брошюръ Шаганова и Виташевскаго и 1 экз. книги Трощанскаго „Эволюція черной вѣры у якутовъ“ съ надписью—„Въ библіотеку музея имени Л. Н. Толстого“.

* * *

Въ газетѣ «Слово» (28 августа) воспроизведенъ новый портретъ Толстого кисти И. Е. Рѣпина. Оригиналъ этого портрета принесенъ И. Е. Рѣпинымъ въ даръ Дому-Музею имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ. Портретъ временно находится у насъ.

* * *

Въ газетахъ «Рѣчь» и «Слово» (28 августа) напечатано воззваніе артистовъ императорскихъ театровъ В. Д. Давыдова, Г. Г. Ге, Ю. Э. Озаровскаго, Ю. М. Юрьева, В. И. Петрова и Н. Н. Ходотова къ ихъ столичнымъ и провинціальнымъ товарищамъ по профессіи устраивать повсемѣстно спектакли, весь чистый сборъ съ которыхъ обращать на усиленіе фонда для устройства Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

* * *

На изданіе сочиненій Л. Н. Толстого поступило изъ Юрьева—2 р. Деньги переданы по назначенію.

* * *

Согласно постановленію съѣзда представителей русской печати и за выбытіемъ изъ состава избраннаго имъ Комитета члена его Н. Ф. Анненскаго и кандидата А. В. Пѣшехонова, Комитетъ пополнился кандидатомъ К. В. Аркадакскимъ. Какъ представители литературныхъ учрежденій, въ Комитетъ вошли: отъ Литературнаго Фонда—С. А. Венгеровъ, отъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—Л. З. Слонимскій, отъ Литературнаго Общества—Ѳ. Д. Батюшковъ. Кромѣ того, Комитетъ воспользовался предоставленнымъ ему правомъ кооптаціи и избралъ въ свой составъ Л. Н. Андреева, Г. В. Плеханова и Д. С. Мережковскаго.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C031788765